Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский краевой объединённый музей»

СЕРИЯ «ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ»

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОПАВЛОВСК (1740—1916)

История города в документах и воспоминаниях

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2020

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)
Д55

Редакционная коллегия:
Д. А. Лабынько, С. В. Графская, Н. А. Конышева,
С. В. Гаврилов

Д55 Дореволюционный Петропавловск (1740—1916). История города в документах и воспоминаниях / Серия «Из фондов музея». — Петропавловск-Камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2020. — 512 с., ил.

ISBN 978–5–906904–68–3

Книга составлена из материалов, ещё в 1980-х гг. подготовленных коллективом энтузиастов под руководством известного историка Б. П. Полевого, писателя и книгоиздателя Е. В. Гропянова для сборника по истории г. Петропавловска-Камчатского. По ряду причин их не удалось включить в работу, посвящённую 250-летию нашего города, отмеченному в 1990 г., но изданную с большим трудом только в 1995 г. И только сейчас появилась возможность представить публике уникальные сведения, которые должны были войти в первую часть издания, некогда названную составителями «Дореволюционный Петропавловск (1740—1916)». Они существенно дополнены выявленными в последние годы документами.

Значительная часть использованных материалов ранее не публиковалась. Издание осуществлено с целью сохранения и популяризации исторического наследия г. Петропавловска-Камчатского и Камчатского края. Рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 908+94(47)
ББК 63.3(Камч)

Ответственный за выпуск Д. А. Лабынько
Редактор-составитель С. В. Гаврилов

ISBN 978–5–906904–68–3

© КГБУ ККОМ, 2020
© Гаврилов С. В., составление, 2020

Посвящается 280-летию со дня основания
города Петропавловска-Камчатского

От редактора

Судьба этой книги необычна — к читателю она шла более тридцати лет. Впервые мысль о необходимости издания сборника материалов по истории Петропавловска-Камчатского возникла во второй половине 1980-х гг., ещё в советское время, в годы так называемой «перестройки» в СССР, когда наш город шёл к своему 250-летию, исполнявшемуся в октябре 1990 г.

Желая достойно отметить этот «круглый» юбилей, многие историки, краеведы, архивисты, библиографы и просто любители старины активно включились в поиски самых разнообразных сведений о его истории. Сотрудники различных «древлехранилищ», как сказано в одной бумаге, страны составили подробные списки документов, касающихся Петропавловска, которые были издавна собраны в них. Многое из выявленного готовилось к публикации впервые, что-то заимствовалось из недоступных тогда на Камчатке изданий. Одни материалы были подготовлены в полном виде, другие — в наиболее любопытных отрывках.

Организовывал всю эту большую работу старший научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии Академии наук СССР, крупнейший знаток истории Камчатки, доктор исторических наук Борис Петрович Полевой.

В своих выступлениях и статьях, в частности, выходивших в камчатских газетах, он не раз затрагивал эту тему. Вот, например, выдержка из «Камчатской правды» за 28 марта 1989 г.: «Сейчас многие архивисты и историки принимают активное участие в подготовке необычного издания — обширного сборника документов и воспоминаний о разных этапах жизни Петропавловска — от времён Витуса Беринга до наших дней революционной перестройки.

Мне поручено выявить и собрать воедино самые интересные материалы по истории дореволюционного Петропавловска, доктору исторических наук Борису Ивановичу Мухачёву — по истории Петропавловска советского периода. Нам помогают в этом увлекательном деле десятки энтузиастов — литераторы, краеведы, журналисты

и просто любители истории. Наиболее действенная помощь исходит от Камчатского отделения Дальневосточного книжного издательства, от Камчатского областного архива, иногородних архивистов — сотрудников Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (г. Томск), ленинградских архивов — Центрального государственного архива Военно-Морского флота, Центрального государственного исторического архива, Архива Академии наук СССР и других, ряда рукописных отделов ведущих библиотек и некоторых других книгохранилищ страны. И уже теперь можно представить, как будет выглядеть наше издание».

В одной из бесед по этому поводу он говорил: «Хочется верить, что читатели сборника найдут в нём ответы на многие интересующие вопросы. В недавнем прошлом подобные сборники по истории городов составлялись по определённым стандартам, что, прямо скажем, вызывало у читателя непреодолимую скуку. Мы надеемся, что нам удалось создать сборник документов и воспоминаний нового типа, в какой-то мере похожий на хрестоматию, позволяющую дать широкую всестороннюю картину жизни города Петропавловска, не игнорируя тех “мелочей” — интересных подробностей, которых ещё недавно чурались историки-ортодоксы».

Основная работа по подготовке издания была завершена к концу 1987 г. Это следует, например, из «Заявки на публикацию двухтомного документального сборника «Петропавловску-Камчатскому — 250 лет», подписанной Б. П. Полевым 9 ноября 1987 г.

Приведём текст этого интересного документа: «Теперь, в период перестройки, у советской общественности резко возрос интерес к яркому прошлому нашей страны. Поэтому нельзя мириться с тем, что необычайно интересная история Петропавловска-Камчатского ещё недостаточно полно известна всем патриотам советского Дальнего Востока.

Развернувшаяся сейчас в различных архивах страны интенсивная работа по выявлению неизвестных документов по истории Петропавловска-Камчатского уже дала блестящие результаты. Выявлены сотни документов, которые позволяют стереть многие “белые пятна” в истории города. Стало очевидным, что история Петропавловска была гораздо ярче, чем это ещё недавно казалось. Поэтому мы допустим большую ошибку, если не воспользуемся предстоящим 250-летием города для публикации большого сборника интереснейших архивных документов и различных ценных описаний города в сочинениях отечественных и иностранных путешественников.

Не сомневаюсь, что такой сборник всем своим необычным содержанием вызовет большой интерес не только у краеведов и специалистов, но и у всей советской общественности. Поскольку этот сборник будет особенно интересен своими подробностями, которые ранее никогда не публиковались, предлагаю опубликовать его в двух томах.

Первый том, посвящённый дореволюционному Петропавловску (35 п. л.), будет полностью подготовлен мною, второй том — доктором исторических наук Б. И. Мухачёвым (Владивосток, ИИАЭН ДВ, ДВНЦ АН СССР). Первый том уже фактически сформирован и готов наполовину. К заявке я прилагаю его краткий план. Но мною уже составлен и более подробный его план по всем разделам. В полном виде рукопись первого тома может быть сдана уже в августе 1988 г. Желательно было бы этот том опубликовать ещё в начале 1990 г., поскольку его материалы будут весьма полезны уже при подготовке юбилейных мероприятий».

В этой «Заявке», как видно, обозначен предположенный объём предстоящего издания — 35 печатных листов. В те времена для уже доживавшего свой срок советского «планового хозяйства», в том числе и в книгоиздательской отрасли, это было одним из непременных условий.

Здесь следует отметить, что задуманные 35 печатных листов — это довольно много. При переводе на привычные всем книжные страницы — около шестисот. Но вскоре выяснилось, что выполнить этот объём не удастся, собранные материалы, порой уникальные, придётся частью сокращать, частью совсем выбрасывать.

Вот что позже об этом с горечью писал Борис Петрович Полевой: «Мы живём ещё в весьма странное переходное время, когда, несмотря на великие перемены в нашей духовной жизни, некоторые нормы сталинского социализма ещё продолжают деформировать наше пробуждающееся общество. Одним из таких “пережитков” является система, неизвестная всему остальному цивилизованному миру, — нелепая система заблаговременного планового определения листажа книг. Сколько книг пострадало от этого “прокрустова ложа”!

И данный выпуск мог бы стать более полезным, если бы его искусственно не урезали! Поэтому просим читателей извинить нас за то, что при сокращении текста невольно пришлось обкорнать некоторые тексты и документы. Но мы верим в конечное торжество здравого смысла и потому убеждены, что в будущем ещё настанет время, когда этот выпуск будет переиздан в полном виде.

А пока читателю надо набраться многолетнего терпения и дождаться подлинно новой эры: ведь неизбежно грядёт XXI век».

Итак, стало понятно, что в одном томе множество ценнейших памятников по истории Камчатки, и в первую очередь — Петропавловска, издать не удастся. Да и «в лучшем случае в него сможет войти какая-нибудь сотая часть выявленных документов, которые так нужны краеведам Петропавловска». Поэтому было решено вместо одного, пусть и большого тома, подготовить несколько отдельных выпусков в хронологической последовательности. По дореволюционной истории Петропавловска намечалось опубликовать их пять.

Первый — посвящён событиям XVIII в., второй — истории города в годы первых русских кругосветных плаваний с 1804 г. до 1846 г. Третий, названный «Время тревог и героизма», — о событиях 1847—1855 гг. Четвёртый — о грустной истории тех лет, когда Петропавловск был низведён до положения уездного захолустья (1856—1907 гг.). А пятый — о предреволюционном оживлении в жизни города в 1908—1916 гг.

Но и этим намёткам сбыться было не суждено. К 1991 г. Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства подготовило к печати рукопись работы под названием «Петропавловск-Камчатский. История города с 1740 года: документы, отрывки из дневников, воспоминаний, а также книг отечественных и иностранных авторов». Это и был упомянутый выше первый выпуск, охватывавший XVIII в. Он состоял из двух частей: первая — 1740—1742 гг., вторая — 1743—1801 гг.

Памятный 1991-й год стал в истории нашей страны очередным рубежным. Случившиеся тогда политические и экономические потрясения отменили совсем или заставили отложить осуществление многих планов на последующее время. И вот с большим опозданием, лишь через несколько лет, был выпущен однотомный труд «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990». В роли его заказчика выступила администрация города Петропавловска-Камчатского.

В составе редакционной коллегии значились А. К. Дудников, тогдашний градоначальник (кстати сказать, Петропавловск в 1990-х гг. являлся единственным городом в стране, где его руководитель именовался «градоначальником». Во всех остальных правили иноязычные «мэры»), его заместитель Г. В. Чаусова, руководитель областного архивного агентства Н. Д. Голычева.

Действительным трудом по составлению занимался, как мы знаем, Борис Петрович Полевой, ему помогали главный редактор

Камчатского отделения Дальиздата писатель Евгений Валерианович Гропянов, камчатские учёные Сергей Васильевич Гунько, Роберт Савельевич Моисеев, краевед Валерий Петрович Мартыненко. Вторую часть сборника, посвящённую советскому периоду, готовил крупнейший дальневосточный историк из Владивостока Борис Иванович Мухачёв при участии директора Государственного архива Камчатской области К. И. Барышниковой.

Эта книга была напечатана во Владивостоке тиражом в пять тысяч экземпляров. В её выходных данных мы тоже видим путаницу. Годом издания на титульном листе значится 1994-й, на последней странице указано, что книга сдана в набор 5 июня 1994 г., а подписана к печати 8 марта 1995 г.

Её первая часть называлась «Дореволюционный Петропавловск (1740—1916 гг.)». Как читатель уже догадался, вошло в неё далеко не всё, что когда-то задумывалось. Но лучше всего об этом рассказывает в заключении к этой части (с. 284) её составитель Б. П. Полевой: «...Хочется высказать сожаление о том, что объём этой книги не позволил опубликовать многие важные документы, выявленные при подготовке сборника к изданию.

Если XVIII в. в истории города отражён достаточно полно, то по XIX в. остались неопубликованными многие важные документы.

В сборник не включены материалы, связанные со вторым пребыванием в Петропавловске И. Ф. Крузенштерна (5 июня — 5 июля 1805 г.). Сюда следовало бы добавить недавно выявленные документы о проходившем тогда суде чести, который был проведён под председательством камчатского коменданта П. И. Кошелева и привёл к успешному разрешению конфликта между И. Ф. Крузенштерном и Н. П. Резановым. Именно это примирение и привело к отправке Крузенштерна к северной части Сахалина в 1805 г.

К изданию были подготовлены впервые переведённые на русский язык воспоминания Г. И. Лангсдорфа о его пребывании в Петропавловске в 1806—1807 гг. Именно его суждения сыграли главную роль в превращении Петропавловска в столицу Камчатки в 1812 г. В наши дни Лангсдорфовский комитет даже собирался в Петропавловске провести очередные, пятые, Лангсдорфовские чтения, поскольку до сих пор мы не имеем достаточно полного представления о роли Г. И. Лангсдорфа в изучении Камчатки.

Жаль, что из сборника выпали описание пребывания В. М. Головнина в Петропавловске в 1818 г. и его письма оттуда. Имеются материалы, связанные с ролью Петропавловска в освобождении Головнина из японского плена. Эти данные можно дополнить

записками японца Такатая Кахея. В связи с этой любопытной историей в Японии был опубликован план Петропавловска в 1820 г.

Имеются документы, связанные с изданием указа от 4 сентября 1821 г., направленного против нарушения иностранцами границ русских тихоокеанских владений и началом крейсирования в русских водах шлюпа "Аполлон", заходившего в Петропавловск. Достойны внимания и рассказы о Петропавловске моряков О. Е. Коцебу 1824 г., Ф. П. Врангеля 1826 г., П. Низовцева, Л. А. Гагемейстера 1829 г., молодого В. С. Завойко 1835 г., А. Бутакова и Г. Блока 1841 г., геолога Эрмана 1829 г., писателя-романтика А. Шамиссо и уроженца Петропавловска писателя И. В. Фёдорова-Омулевского, недавно изданные в Германии записки ботаника И. К. Е. Кегеля и других иностранцев, посещавших Авачинскую губу, — натуралиста Б. Симана, туриста С. Хилла и других.

При сокращении сборника выпали документы о первых гербах Петропавловска (до XX в.), о деятельности В. С. Завойко в 1851—1853 гг., выписки из воспоминаний Г. И. Невельского, геолога Карла Дитмара и многие новые, ранее неизвестные документы по истории обороны Петропавловска в 1854 г.

Немало полезных сообщений о жизни в Петропавловске так называемого "периода застоя" (1856—1903 гг.) имеется в записках американца Дж. Кеннана, коммерсанта К. К. Неймана, доктора Б. Дыбовского, будущего героя «Варяга» В. Ф. Руднева, натуралиста Ф. Х. Х. Гюллемарда (Ф. Гиллмарда), предпринимателя А. Ф. Филиппеуса, А. А. Ресина, С. О. Макарова, талантливых администраторов — барона А. И. Корфа, П. Ф. Унтербергера, А. П. Сильницкого и других исследователей — В. П. Маргаритова, А. А. Прозорова, В. Г. Тан-Богораза, участников камчатской экспедиции П. Ф. Рябушинского, участников плавания на судах "Вайгач" и "Таймыр". Полнее можно было отразить жизнь Петропавловска в начале XX в.

Остаётся надеяться, что эти материалы вызовут интерес у некоторых современных предпринимателей — камчатцев-меценатов, которые согласились бы опубликовать "Дополнения" к данному изданию или серию специальных книг по истории города».

Здесь достаточно добавить, что осуществлённый на деле сборник, охватывавший не только дореволюционный, но и советский период, хоть и представлял собой вполне объёмный томик, «потянул» всего на 29,29 печатного листа. Он издан «по бедности» первой половины 1990-х гг. на нестойкой, уже порядком пожелтевшей и истрёпанной газетной бумаге, одет в скромный картонный переплёт.

В 2004 г., два года спустя после кончины Б. П. Полевого, наш известный писатель и издатель Е. В. Гропянов вспоминал: «...И тут грянули события 1991 г., которые перекроили нашу жизнь. Денег на двухтомник не хватило, они обесценивались. Вновь в руках появились ножницы, из двух томов с трудом сделали один, урезанию подвергся раздел, посвящённый обороне, так как ранее уже выходили книги, ей посвящённые. Б. П. Полевой с болью в сердце пережил такой вандализм и потом долго вспоминал с обидой, что вместо обширных книг вышло в свет что-то уродливое как по содержанию, так и по полиграфическому исполнению.

Полная рукопись до сих пор хранится в моём домашнем архиве. И всё-таки книга появилась в 1994 г., без неё теперь трудно обойтись нашим историкам и краеведам. Книгу мы спасли».

Казалось бы, что многотрудная история этого важного издания, давно уже ставшего настоящей «настольной книгой» для большинства камчатских краеведов, на этом завершена. Но спустя три десятилетия она вдруг получила развитие. Случилось же это после того, как в начале 2020 г. вдова Е. В. Гропянова — Алиса Григорьевна Гропянова передала в наш музей на вечное хранение ту самую первоначальную рукопись, а вместе с ней ещё множество интереснейших материалов, касающихся творчества Б. П. Полевого.

При разборе этого бесценного дара нам не удалось, к сожалению, обнаружить упоминавшиеся выше в заключении Б. П. Полевого записки Такатая Кахея, Ф. П. Врангеля (1826 г.), Л. А. Гагемейстера (1829 г.), геолога Эрмана (1829 г.), записки ботаника Кегеля, доктора Б. Дыбовского, А. П. Сильницкого, документы о первых гербах Петропавловска (до XX в.). Но всё остальное, за исключением уже напечатанного, мы включили вот в это издание, которое ты, читатель, сейчас держишь в руках.

Чтобы было удобнее пользоваться сведениями, представленными в новом сборнике, в нём сохранены все шесть разделов предыдущего с их названиями, к которым добавлены номера страниц, где содержится ранее опубликованное. Каждый раздел предваряет вступление, варианты коих некогда подготовил Б. П. Полевой. Они не вошли в опубликованное в 1995 г., но сохранились в черновом виде, откуда и были почерпнуты нами.

Кроме этого в разные разделы введён ряд новых материалов, хранящихся в научно-вспомогательном фонде нашего музея, дополняющих собранное нашими предшественниками. Они представляют собой полученные в разные годы из центральных архивов и библиотек страны копии документов.

Это, в частности, послужной список В. С. Завойко, сведения о родословной его супруги Ю. Г. Завойко, некоторые распоряжения первого камчатского губернатора 1854—1855 гг., официальные английские и французские известия о нападении на Петропавловский порт, письмо капитана Р. Бурриджа капитану Ф. Никольсону, сведения об английских потерях, почерпнутые из журнала «Морской сборник». К более поздним временам, характеризующим жизнь в городе и взаимоотношения между некоторыми его обитателями, относятся решения городского управления, объяснительная записка вице-губернатору инспектора Петропавловского высшего начального училища Е. И. Севастьянова, журнал заседания комитета Петропавловского драматического общества, протокол заседания комиссии по надзору за ходом торговли в Петропавловске от 7 апреля 1916 г. и многое другое. Этим мы и пытались выполнить завет Б. П. Полевого «не игнорировать тех “мелочей” — интересных подробностей, которых ещё недавно чурались историки-ортодоксы».

Конечно, было бы неплохо со временем объединить обе подборки в единое целое да дополнить их вновь выявленными материалами. Но эту важную заботу мы оставим нашим последователям.

Предисловие Б. П. Полевого

Город Петропавловск-Камчатский давно пользуется широкой известностью во всём мире, так как в нём происходило немало громких событий. Уже само рождение города, появление его названия на карте связано с одним из важнейших этапов в подготовке самого знаменитого русского плавания на Тихом океане в XVIII в. — похода Витуса Беринга и Алексея Чирикова в 1741 г. к «незнаемым» берегам западной части Северной Америки во исполнение исторического указа Петра Великого от 6 января 1725 г.

После того как пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел» смогли в штормовую осень 1740 г. обогнуть южную оконечность Камчатки — благополучно пройти пользовавшийся недоброй славой Первый Курильский пролив, Беринг, склонный приписывать этот успех покровительству тех апостолов, именем которых были названы его суда, — 5/16 октября 1740 г. и решил переименовать Ниакину, или Ниякину, бухту (это её первое русское название. Оно было дано по имени жившего здесь ительмена-тойона, «лучшего человека», Ниаки или Нияки) в «Гавань святых апостол Петра и Павла». Но такое длинное название по законам топонимики просуществовать долго не могло и потому уже вскоре гавань стали именовать

кратко «Петропавловской», а позже ещё проще — «Петропавловском».

День прибытия Беринга в Ниакину бухту и её переименования в Гавань святых апостол Петра и Павла — 5/16 октября 1740 г. принято считать днём основания города Петропавловска. Конечно, тут допущена большая условность, так как Беринг прибыл в Ниакину бухту не на пустое место. Во-первых, потому, что здесь давно существовало небольшое ительменское селение, а во-вторых, ещё до прибытия Беринга были поставлены первые русские избы — «хоромы», «светлицы» и даже «магазейны», то есть склады, возведённые русскими плотниками под руководством геодезиста Ивана Фомича Елагина летом 1740 г.

Поэтому И. Ф. Елагин уже давно по праву считается первостроителем Петропавловска. Именно он и избрал Ниакину бухту местом первого русского поселения в Авачинской губе.

История зарождения города Петропавловска пока ещё известна краеведам недостаточно полно. Поэтому наш сборник начинается со вступительной статьи, в которой подробно рассказывается на основе документов, найденных в середине XX в., как русские открыли Авачинскую губу, как впервые нанесли её на географическую карту, как не без великих трудностей освоили этот район, как и почему решили сделать одну из бухт губы главной базой Второй Камчатской экспедиции на юго-восточном берегу Камчатки и как начали возводить здесь первые постройки будущего Петропавловска. (Эта статья включена в сборник, вышедший в 1995 г., с. 15—32, и в настоящем издании не воспроизводится. — *Ред.*)

Но главная задача нашего сборника — познакомить читателя, живо интересующегося историей нашего города, с наиболее важными и интересными документами за всю его долгую историю. Многие документы публикуются впервые. Некоторые заимствованы из труднодоступных изданий. Одни документы даны в полном виде, другие — в наиболее любопытных отрывках. Ограниченный размер сборника вынуждал составителей некоторые словообильные тексты сокращать с тем, чтобы таким образом сэкономить листаж для воспроизведения других, более полезных документов. В некоторых случаях в сборник включены отрывки из воспоминаний, дневников и даже различных журнальных и газетных статей.

Хочется верить, что читатели найдут в публикуемом сборнике ответы на многие интересующие их вопросы. Почти каждый документ или опубликованный отрывок снабжён необходимыми комментариями.

Петропавловск-Камчатский

История города с 1740 года:
документы, отрывки из дневников, воспоминаний,
а также книг отечественных и иностранных
авторов

Выпуск первый: XVIII в.
Часть первая (1740-1742)
Часть вторая (1743-1801)

~~Часть первая (1740-1801)~~

Составитель, автор вводных статей и комментариев
доктор исторических наук
Б.П.Полевой

Петропавловск-Камчатский
Дальневосточное книжное издательство
Камчатское отделение
1991

Титульный лист одного из вариантов рукописи книги по истории г. Петропавловска-Камчатского (из фондов ККОМ)

Беринг, уже вернулся с Сибири, решил, что инструкция Петра I 1725 г. обязывает его плыть на север в район Чукотского полуострова. Поэтому снова Авачинская губа его не заинтересовала. Лишь на обратном пути 27–28 июня 1729 г. беринговский бот "Св. Гавриил" прошел вблизи Авачинской губы, но в нее не заходил. Тем не менее, на итоговых картах Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга изображение Авачинской губы было несколько уточнено. Несомненно, тут помог и опрос бывалых людей. Так, еще в сентябре 1727 г. сын боярский Алексей Еремеев подробно рассказывал, как камчатские казаки на баидарах огибали мыс Лопатка и доходили до Авачинской губы. Еремеев писал: "а от Лопатки до Авачи реки байдарами грести 10 дней, а пешего ходу нет, для того что залегли губы и шерлопы и утесы великие..." Он же сообщил, что таким путем уже плавали камчатские казаки Андрей Воронин и Петр Горностаев. Позже, уже в 1729 г. до Беринга дошли известия, что в районе Авачинской губы иногда находили японские вещи – "железа, трости и бумагу".

По возвращении в Петербург Адмиралтейств-коллегия и сенат обвинила Беринга в невыполнении инструкции Петра I: вместо того, чтобы искать "где КАМЧАТСКАЯ земля с Америкою сошлась", он поплыл на север "даже до ширины 67 градусов". Беринг пытался оспаривать это обвинение и вместе с тем предложил свои услуги для продолжения исследований на Тихом океане. Вот тогда-то сенат и принял решение обратиться к молодой Академии наук с вопросом, каков должен быть маршрут новой экспедиции Беринга во имя точного исполнения инструкции Петра I Витусу Берингу. Ответ на этот вопрос был поручен дать первому академическому географу Иосифу (Жозефу) Делилю. Именно для этого Делиль в 1732 г. составил свою карту северной части Тихого океана, на которой на основании западноевропейских карт показал, как между собой соотносятся берега Камчатки и Северной Америки. В своем комментарии к карте Делиль и порекомендовал впервые начать плавание к Америке на этот раз от ЮЖНОЙ оконечности Камчатки. Вот тогда-то впервые и возникла мысль, что новую базу экспедиции следует создать в Авачинской губе. Этот

Страница предисловия с редакторской правкой
(из фондов ККОМ)

(10)

план был одобрен сенатом и адмиралтейств-коллегией. Согласился с ним и сам ~~Витус~~ Беринг. Поэтому, как только в 1735 г. он прибыл в Якутск, ~~он~~ решил направить для изучения Авачинской губы опытного моряка Вилима Вальтона. Однако Мартин Шпанберг задержал Вальтона в Охотске ~~для своих нужд. На этой почве между Берингом и Шпанбергом даже воз-~~ник конфликт. Беринг даже пожаловался на самоуправство Шпанберга ~~прим~~ в адмиралтейств-коллегию, ~~но Шпанберг так и не отпустил Вальтона на Камчатку~~.

Большой интерес к Авачинской губе проявил и прибывший осенью 1736 г. в Якутск ~~для работы в местном архиве~~ историк и географ Г.Ф.Миллер, ~~который уже тогда знал, что вероятнее всего экспедиция В.Беринга к далеким северо-западным берегам Америки начнется именно из этого залива (предложение Иосифа Делиля). По разным источникам~~ он и стал собирать различные сведения об Авачинской губе. Менее чем за год Миллер написал свое сочинение "Географическое и нынешнее состояние земли Камчатки, собранное из различных письменных и словесных известий в Якуцке в 1737 году". В нём говорится: "Другая знатная и великая морская губа Авачинская или Вавачинская, которая близ реки Калахтыря в южной стороне. Имеется между оной и между устьем помянутой реки есть на море другой небольшой остров, в Авачинскую губу впали небольшие реки Ломатина , Авача или Авачик. Тамошняя сторона лежит с рекою Кыкшею в одной вершине и сказывают, что вершины Кыкши и Авачи неподалеку имеются, чего ради из Большерецкого острогу вверх по Кыкше на Авачю и дорога есть, а другая дорога есть из Верхнего острогу через реку Чупанову/Жупанову/, а потом морским берегом" [9]

Отправляя на Камчатку своего талантливого ученика студента С.П. Крашенинникова, Миллер просил его также собирать подробные сведения и об Авачинской губе.

Страницы предисловия к неосуществлённому

Официально Вальтон объяснил свое появление "близ Авачинской губы на широте 52°28'" тем, что сознательно шел подальше к востоку с тем, чтобы выяснить "нет ли в той стороне еще какой земли". Но, видимо, ему самому хотелось посмотреть Авачинскую губу: ведь ранее эту задачу перед ним ставил сам Витус Беринг. Но в 1739 г. Вальтон не нашел входа в Авачинскую губу и поспешил вернуться в Охотск.

После того, как бот "Св.Гавриил" вернулся в Охотск, местный управитель Г.Г.Скорняков-Писарев потребовал, чтобы этот бот был передан под его начало. Против этого запротестовали Алексей Чириков, СвенВаксель и другие их товарищи. Они заявили, что этот бот необходим для скорейшего тщательного изучения Авачинской губы. На "общем собрании" участники Второй Камчатской экспедиции справедливо указали, что "на Камчатке, кроме Авачинской губы к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеетца, а в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжу пакетботами в тое губу войтить и зимовать, ибо прежде сего в тое губу с моря судами не вхаживали"

Дело в том, что еще в 1738 г. стало известно, что Петр Свистунов смог побывать в Авачинской губе только зимой. Он смог составить неплохую карту побережья губы, но не смог определить глубины в ней. А как можно было судить о губе и ее бухтах, если глубины их остались неизвестными. Поэтому уже тогда Беринг, Чириков, Шпанберг и другие пришли к выводу о необходимости возобновления исследований в Авачинской губе.

С ноября 1737 г. в Охотске началось строительство двух пакетботов, на которых Беринг и Чириков предполагали начать плавание от южной оконечности Камчатки северо-западного побережья Северной Америки. Поскольку уже тогда хорошо было известно, что новое плавание начнется именно из Авачинской губы, необходимо было ее срочно изучить. Но встал вопрос: кому же поручить провести эти важные исследования?

изданию с редакторской правкой (из фондов ККОМ)

495

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВРЕМЯ ТРЕВОГ И ГЕРОИЗМА(1847-1855 гг.)

Введение

С 1839 г.,с момента начала так называемой Первой "опиумной" войны Англии против Китая, обстановка на Тихом океане начала осложняться. Резко обострилась борьба держав за усиление своего влияния на Тихом океане. Заметно активизировалось хищничество иностранных китобоев в русских дальневосточных водах. Возросло число так называемых "ассеев", бесчинствующих в Петропавловске. Тревога охватила петропавловцев. О бедах Петропавловска заговорили в Иркутске и,наконец,и в Санкт-Петербурге. Уже в середине 40-х гг.XIX в.многие стали говорить,что если эти бесчинства не будут своевременно прекращены,то тихоокеанские владения окажутся под угрозой. В российской столице на эту растущую опасность особое внимание обратил сотрудник архива министерства иностранных дел Александр Пантелеймонович Баласогло. За шесть лет успешной работы по разбору дел Азиатского департамента он смог убедиться каких огромных успехов на Тихом океане добились русские люди. И он не мог примириться с тем,что русские тихоокеанские владения в новых сложных условиях могли быть потеряны для России. Особенно его тревожила нарастающая активность англоязычных держав,которые уже смогли заметно ослабить позиции России в Северной Америке, принудить русских добровольно покинуть знаменитый форт Росс в Калифорнии в 1841 г.и серьезно задуматься о будущей судьбе даже северных районов Русской Америки. Баласогло считал,что для укрепления позиций России на Тихом океане в первую очередь следует добиться получения права использовать Амур для установления самой удобной связи между Иркутском и Тихим океаном. Ради этого он рекомендовал возобновить изучение Приамурья и особенно района устья Амура,куда легче всего могли бы вклиниться иностранцы,желавшие проникнуть в глубь Азии. "Иностранцы, писал А.П.Баласогло, воспользовавшись доступом реки,станут втираться между двух соседственных и дружественных империй/т.е.Китая и России - Б.П./,как вторглись англи-

Вариант введения к третьей части сборника «Время тревог и героизма (1847—1855)» (из фондов ККОМ)

Заявка

на публикацию двухтомного документального сборника "Петропавловску-Камчатскому - 250 лет."

Теперь в период перестройки у советской общественности резко возрос интерес к яркому прошлому нашей страны. Поэтому нельзя мириться с тем, что необычайно интересная история Петропавловска-Камчатского еще недостаточно полно известна всем патриотам Советского Дальнего Востока. Развернувшаяся сейчас в различных архивах страны интенсивная работа по выявлению неизвестных документов по истории Петропавловска-Камчатского уже дала блестящие результаты. Выявлены сотни документов, которые позволяют стереть многие "белые пятна" в истории города. Стало очевидным, что история Петропавловска была гораздо ярче, чем это еще недавно казалось. Поэтому мы допустим большую ошибку, если не воспользуемся предстоящим 250-летием города, для публикации большого сборника ~~ширинишив~~ интереснейших архивных документов и различных ценных описаний города в сочинениях отечественных и иностранных путешественников. Не сомневаюсь, что такой сборник всем своим необычным содержанием вызовет большой интерес не только у краеведов и специалистов, но и у всей советской общественности. Поскольку этот сборник будет особенно интересен своими подробностями, которые ранее никогда не публиковались, предлагаю опубликовать этот сборник в двух томах. Первый том, посвященный дореволюционному Петропавловску (35 п.л.) будет полностью подготовлен мною, второй том - доктором исторических наук Б.И.Мухачевым (Владивосток, ИИАЭНДВ, ДВНЦ АН СССР). Первый том уже фактически сформирован и готов на 50 %. К заявке я прилагаю его краткий план. Но мною уже составлен и более подробный его план по всем разделам. В полном виде рукопись первого тома может быть сдана уже в августе 1988 г. Желательно было бы этот том опубликовать еще в начале 1990 г., поскольку его материалы будут весьма полезными уже при подготовке юбилейных мероприятий.

Ст.н.с.Ленчасти Института этнографии АН СССР

д.и.н. Полевой (Б.П.Полевой)

9 ноября 1987 г.

Заявка на публикацию с автографом Б. П. Полевого, 1987 г.
(из фондов ККОМ)

Дореволюционная часть сборника разделена на шесть разделов.

Первый раздел посвящён пребыванию в новорождённом Петропавловске участников знаменитой Второй Камчатской экспедиции. Он открывается известным историческим рапортом Витуса Беринга от 22 апреля 1741 г., в котором кратко даются сведения об основании города. (В одном из вариантов предисловия сам же Б. П. Полевой указывает, что «к сожалению, этот ценный документ до сих пор ещё не обнаружен». Поэтому сборник начинается с другого материала, проливающего свет на историю основания Петропавловска: с письма В. Беринга А. Остерману от 20 апреля 1741 г. Упомянутый рапорт Беринга, видимо, найден и добавлен позже, он идёт вторым. К ним добавлено письмо А. Чирикова от 27 апреля графу Н. Головину — также с краткими сведениями об основании города. — *Ред.*) Затем следует интересный рассказ лейтенанта Свена Вакселя о жизни в Петропавловске перед началом великого плавания Беринга к берегам Америки. Включены в раздел и некоторые другие документы 1741—1742 гг., которые уточняют историю города тех далёких лет.

4 июня (по старому стилю) 1741 г. из Петропавловска вышли в море оба пакетбота Беринга и Чирикова: сперва на юго-восток, на поиски легендарной «Земли да Гамы», которую западноевропейские картографы часто изображали у восточного берега полуострова Камчатка, а затем — на восток, к средней части тогда ещё неизвестного северо-западного берега Северной Америки. Долгое плавание привело к двум важным достижениям: во-первых, было практически доказано, что «Земля да Гамы» у восточных берегов Камчатки вообще не существует, а во-вторых, оба пакетбота смогли успешно дойти до далёкого берега Северной Америки.

Последний успех был достигнут дорогой ценой. Чириков остался без бота, лодки и пятнадцати человек его команды, пропавших без вести на американском берегу. Ещё более трагическим положение оказалось у Беринга — многие его спутники умерли от цинги, под конец плавания команда лишилась судна и оказалась на необитаемом острове, где 8 декабря 1741 г. скончался и сам командор. С тех пор этот остров именуется Беринговым, а вместе с соседним Медным образует обособленную группу, которую в его честь стали называть Командорскими островами.

Если бы не существовало Петропавловска, команды обоих пакетботов неизбежно погибли. Только благодаря выдержке самоотверженного Ивана Елагина до Авачинской губы смог 10 сентября 1741 г. дойти пакетбот «Св. Павел», на котором почти вся

команда, включая Алексея Чирикова, была тяжело больна цингой. Сам Алексей Чириков признавался: «Я весьма от цинги изнемог и находился в отчаянии жизни, и уже по обычаю был приготовлен к смерти». Шесть человек с пакетбота «Св. Павел» сразу были похоронены в самом Петропавловске. Среди них главный астроном экспедиции профессор Л. Делиль де ла Кройер.

Следующей весной спасение в Петропавловске нашли участники трагического плавания на пакетботе «Св. Пётр».

Неудивительно, что после всего пережитого уцелевшие участники великого плавания 1741 г. — Алексей Чириков, Георг Стеллер, Свен Ваксель и другие с особой теплотой и благодарностью отзывались о спасительной Петропавловской гавани.

Лишь благодаря плаванию Витуса Беринга и Алексея Чирикова о замечательной Петропавловской гавани смог узнать весь мир, и в ней захотели побывать некоторые известные мореплаватели разных стран. Знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук, готовя свою третью тихоокеанскую экспедицию, заранее запланировал два захода своих судов в Петропавловск. И в 1778—1779 гг. английские моряки действительно дважды побывали в Петропавловске. Именно здесь от имени своего погибшего на Гавайских островах командира они передали петропавловцам за их дружественный приём свою замечательную этнографическую коллекцию, которая и поныне хранится в Музее антропологии и этнографии, бывшей петровской Кунсткамере, и пользуется мировой известностью. Тут же, в Петропавловске, обрёл свой вечный покой второй командир английской экспедиции, помощник Дж. Кука — Чарльз Клерк.

Позже, в 1787 г. в Петропавловске побывали и два судна знаменитой французской тихоокеанской экспедиции Ж. Ф. Лаперуза. Только потому, что в Петропавловске был высажен на берег её участник Ж. Б. Лессепс, проехавший через всю Сибирь и доставивший в Париж основную часть документов, весь мир узнал об основных результатах научных исследований экспедиции Лаперуза, которой суждено было погибнуть на следующий 1788 г. в южной части Тихого океана.

Второй раздел включает рассказы участников плаваний Дж. Кука и Ж. Ф. Лаперуза об их пребывании в Петропавловске. Отрывки из дневников англичан даны по публикации новозеландского историка Дж. Биглехола в недавнем переводе Я. М. Света. Выдержки из записей французских моряков даются по капитальной публикации трудов Ж. Ф. Лаперуза и его спутников, изданных в Париже ещё в самом конце XVIII в.

Третий раздел содержит сведения о пребывании в Петропавловске русских мореходов конца XVIII в. В 1786 г. здесь встречался с английским торговцем Уильямом Питерсом знаменитый «Колумб росский» — Григорий Шелихов. А в 1789—1791 гг. здесь дважды побывала известная русская экспедиция И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Именно тогда в Петропавловске на долгие годы был оставлен экспедиционный корабль «Слава России». В конце же XVIII в. в порту были впервые поселены солдаты и возведены первые укрепления.

В первой половине XIX в. в Петропавловске не раз бывали многие участники знаменитых русских кругосветных походов. Дважды здесь делали длительные остановки участники «первого плавания россиян кругом света» И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. И. Ратманов, Г. И. Лангсдорф и другие. Неоднократно заходил в разные времена сюда В. М. Головнин. Побывали тут О. Е. Коцебу и Ф. П. Литке, М. Н. Васильев и Г. С. Шишмарёв, Ф. П. Врангель и многие другие славные русские мореходы тех лет.

В первой половине XIX в. в Петропавловске произошли важные события: он впервые стал главным портом Камчатки, первой столицей новой Камчатской области. Здесь появились новые дома, возникли первые исторические памятники — В. Й. Берингу, Ж. Ф. Лаперузу, Ч. Клерку. В это время о Петропавловске писали такие выдающиеся государственные деятели России как Н. П. Румянцев и М. М. Сперанский, учёные Г. И. Лангсдорф, Э. Ленц, А. Постельс, декабристы В. И. Штейгель и П. И. Пестель, видные моряки, такие как П. И. Рикорд, А. П. Лазарев, В. С. Завойко, иностранные мореходы А. Кэмпбел, Ф. Бичи.

Эти материалы первых четырёх десятилетий XIX в. входят в самый большой *четвёртый раздел* сборника.

Особое внимание уделено возникшей в середине XIX в. опасности для Петропавловска со стороны заморских колонизаторов. Поэтому в *пятом разделе* приводятся некоторые документы, показывающие, как в Петропавловске велась борьба против бесчинств иностранных китобоев и, конечно, особое внимание уделено замечательной обороне порта в 1854 г. Для понимания её большого успеха даны в сборнике и документы о кратком посещении Петропавловска генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым в 1849 г. и особенно необычайно успешной деятельности самого выдающегося администратора Петропавловска середины XIX в. энергичного В. С. Завойко.

Поскольку история блестящей обороны Петропавловска в 1854 г. уже была подробно дана в дважды издававшемся специальном сборнике (1979 и 1988 гг.), то мы ограничились включением знаменитого рапорта В. С. Завойко о победе русского оружия в Петропавловске в августе 1854 г. и нескольких других документов, не вошедших в ранее изданные сборники.

Приводятся в сборнике и некоторые данные об успешной эвакуации Петропавловска в 1855 г.

Быстрое освоение русскими южных районов Дальнего Востока с конца 1850-х гг. и начала 1860-х гг. отвлекло внимание от Петропавловска на последующие десятилетия до конца XIX в. Это привело к тому, что жизнь в Петропавловске несколько замерла. Но и в это время здесь происходили отдельные события, заслуживающие внимания: создание памятников, связанных с обороной 1854 г., исследовательские работы некоторых учёных, посещение Петропавловска известными мореплавателями.

Всё это вошло в *шестой раздел*. Естественно, наибольшее внимание здесь уделено событиям, происходившим уже в начале XX в., — установление первого радиотелеграфа, создание драматического театра, демонстрация первых кинофильмов и т. д.

Но начало подлинно новой жизни в Петропавловске связано уже с Великой Октябрьской социалистической революцией...

отделение занято Экипажною Канцеляриею и Конторой над портом.

8. В юрте на длине 6 сажень, где помещены женатые нижние чины, для избежания течи от дождей, над земляною крышею поставлены новые стропила на 4 ската с обрешеткою брусками, и крыша покрыта травяными снопами.

9. Над портовою сухарною пекарнею поставлены также новые крышечные стропила на 4 ската, обрешечены брусками, и крыша покрыта травяными снопами.

IO. Построенные в прошлом I85I и I852-м годах флигель № I, квадратный, 3-х саженной длины, две пекарни для нижних чинов, одна из них с кладовою и одна столовоая всего составляют эти здания 52 квадратных сажени, вместо покрытых крыш травяными снопами перекрыты листовым железом с окраскою масленою краскою.

II. Заложены еще предполагаемые постройкою два флигеля с галлереею, на длине I2 погонных саж., шириною в 4 сажени, производилась планировка земли месяц, I00 человеками, при чем откапывались и снимались бугры и земля возилась в тачках для засыпки портвой логотины и упланировки оной на длине и ширине 35 квадратных сажень. Самое здание магазина заложено с и срублено в четыре венца с двумя внутри капитальными стенами.

Отчет не закончен, возможно, это выдержка.
Сотрудниками ЦГАВМФ датирован по заглавию - маем-декабрем I853 г.
Не подписан, не адресован.

ЦГАВМФ. Ф. 283, оп. 2. д. 6245, лл. 3-4.

Архивная справка, содержащая сведения об отчёте В. С. Завойко о работах в Петропавловском порту в 1853 г.
[РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6245. Л. 4]

Обложка книги «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990)», выпущенной в 1995 г.

Петропавловск во времена Второй Камчатской экспедиции (1740—1742 гг.)

(с. 33—57)

Первый раздел, посвящённый событиям XVIII в., включает наиболее важные документы В. Беринга и А. Чирикова об основании Петропавловска, сведения о новом городе С. Крашенинникова, Г. Стеллера, С. Вакселя, студента А. Горланова и геодезиста Красильникова. Здесь же некоторые другие документы о первых месяцах жизни в Петропавловске, например, выписки из судовых журналов пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» перед их историческим выходом в плавание к берегам Америки в начале июня 1741 г., документы о возвращении сподвижников Беринга и Чирикова в Петропавловск.

Лишь благодаря историческому плаванию Беринга и Чирикова весь мир смог узнать о Петропавловской гавани. Вскоре в Европу проникли сведения о нём. Впервые изображение Петропавловска на печатной карте появилось лишь в 1745 г., но уже вскоре он стал наноситься почти на всех картах мира. Этот интерес ещё более возбудило плавание П. Креницына и М. Левашова.

Возвращение пакетбота «Св. Павел» в Петропавловск из плавания к берегам Америки 10—12 октября 1741 г. (выписки из вахтенного журнала)

9 октября. 9 часов вечера. В 9 часов миновали Вауа и пошли в устье губы Авачинской благополучно и бросили дагликс якорь на глубине 7 саженей, грунт песок серой с илом, пеленг, огонь на маяке от нас... а других приметных мест за ношною темнотою не видать.

10 октября... 7 часов утра. Ветр малой, палили из пушек в разные часы для призыву из гавани шлюпки...

9 часов. Ветр малой, небо облачно и холодно. Прибыл из гавани на шлюпке к нам прапорщик Левашов и объявил, что капитан-командор на пакетботе Св. Петра ещё с моря в гавань не бывал, а галиот Охоцк приходил из Охоцка, на которой командир подштурман Андрей Шеганов, и привёз провианта 1 500 пуд. Капитан Шпанберх прибыл из Охоцка на берегу в 5 судах для епонского вояжу в предбудущее лето.

10 часов. Астрономии профессор де ла Кроер жестокою цинготною болезнию умре.

12 часов. Капитан господин Чириков отбыл на шлюпке на берег в жестокой цинготной болезни...

11 октября. 12 часов. Снегу довольно выпало и туман велик.

8 часов. Снег мало перестал, и туман прочистился, подняли якорь и стали верповатца в гавань.

1 час. Ветр самой малой, подняв верп, и отдали марсели фок и подняли штаксели, пошли губою в Петропавловскую гавань.

6 часов. В начале часа, вошед в Петропавловскую гавань, [бросили] дагликс якорь на глубине 6 $^1/_2$ сажен.

8 часов. Спустили стеньги и нижние реи на низ. 8 часов [через 12 часов]. Поставили пакетбот на место, на котором ему надлежит и зиму стоять, с правой стороны с носу положили дагликс якорь и с левой стороны с носу и с кормы закрепили перлини на берег и зачали растакелаживать.

Подлинной диурнал за рукою командующего флота капитана Алексея Чирикова, а с подлинного читал штюрман Иван Елагин...

Воспроизведено по книге Д. М. Лебедева «Плавание А. И. Чирикова на пакетботе “Св. Павел” к побережьям Америки». — М.: Изд. АН СССР, 1951. — С. 361—363.

Из письма Д. Л. Овцина М. П. Шпанбергу о возвращении с острова Беринга в Санкт-Петропавловскую гавань от 25 ноября 1742 г.

...Всегда на курш наш имели противные и сильные вестовые ветры, и через искусство наших правителей пристали к нужному острову (о. Беринга. — *Б. П.*) упомянутого ноября 5 дня, полагая себя между Кроноцким и Камчацкими мысам, где лежало судно на открытом море оного месяца по 28 число, и сорвало оное с якорей и потом, притесня к берегу, разбило. И к возвращению нашему были без всякой надежды.

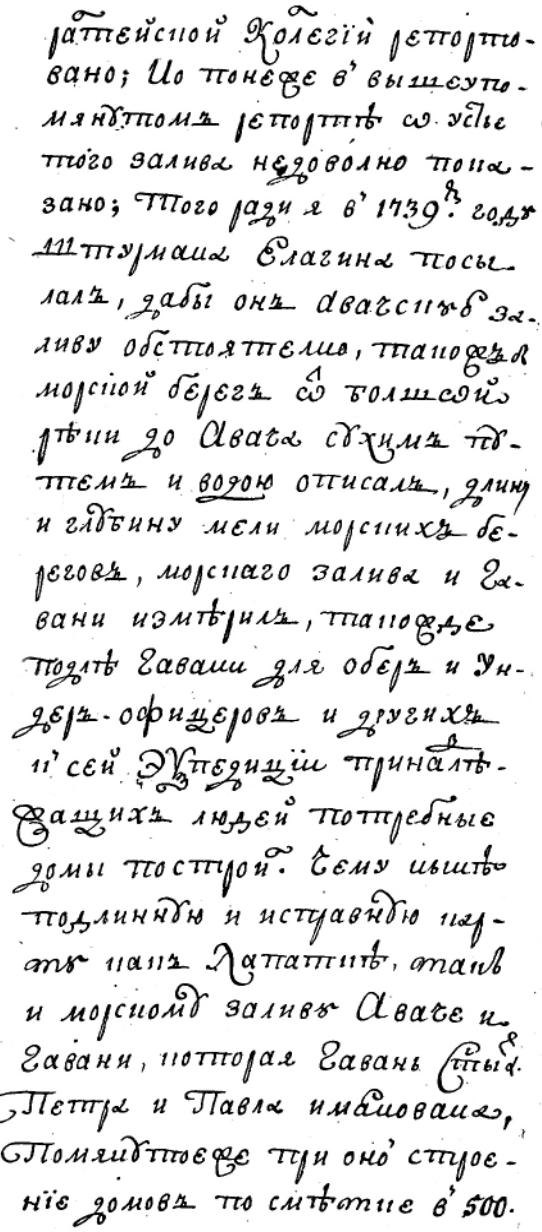
А питались на оном безлесном острову, что когда найти могли, выброшенным из моря всякими животным, и к тому ж на пропитание били палками котов, нерп, бобров, сивучей, а напоследок промышляли чрез ялбот манатов (морских коров. — *Б. П.*) и жили чрез всю зиму в парусных палатках. И из того утраченного пакетбота сделали с великим трудом малой гукор по килю 36, широтою в 12, глубиной в 4 $^1/_2$ фут, на котором минувшего августа 26 дня сего году от 77 человек в 46 возвратились в Санкт-Петропавловскую гавань, оставя на упомянутом острову 11 пушек и другие припасы и материалы. А командор г-н Беринг умре в прошлом, 741 году декабря 8 дня...

Сборник докладов «Русская тихоокеанская эпопея». — Хабаровск, 1979. — С. 223. Сноска: РГА ВМФ. Ф. 230. Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина. Д. 30. Л. 153—154.

Перево[1] с[2] письма Капитана Беринга из[3] Гавани Стаго Петра и Павла со[4] 20. Октября 1741. и[5] Грабу Остерману. принесенного[6] Г. Комиссiи Юстиц[7] Мал'цовымъ 10: Генваря 1742[8]:

С[9] моемъ посл[10]днемъ чрезъ Курiера Друшерта отправленномъ писмѣ, я тое доносилъ, и при томъ находящемуся в[11] Камчаткѣ морскому заливу Аваче партiю послалъ, которая сочинена была по репорту Геодезиста Свистунова и Подштурмана Родищева посылаемыхъ для описи того залива в[12] 1737.[13] году послѣ торуптенiя Балтана, а[14] которой в[15] 1735.[16] году для такой описи посылаемъ былъ, но Капитанъ 111антергъ в[17] томъ ему препятствовалъ, о семъ в[18] 1736.[19] году и Ад[20]ми-

Перевод письма В. Й. Беринга руководителю внешней политики [АВПР. Ф. Сибирские дела.

России графу А. И. Остерману от 20 апреля 1741 г.
Оп. 13/I. 1741 г. Д. 1. Л. 1—2]

Во второй половине XVIII в.
(с. 58—148)

После прекращения деятельности Второй Камчатской экспедиции в 1743 г. и решения правительства поручить дальнейшие исследования в северной части Тихого океана купцам-промысловикам жизнь в Петропавловске захирела. Началось время затишья, когда купцы из-за отсутствия корабельного леса в Петропавловске строили свои суда или в Охотске, или в низовьях реки Камчатки, чаще всего в Нижнекамчатске. Да и поиск входа в Авачинскую губу без каких-либо навигационных приборов и карт казался многим мореходам весьма трудным.

И всё-таки былые участники Второй Камчатской экспедиции Беринга не забывали об исключительных удобствах Петропавловска. Помнили это и в Петербурге, особенно в Адмиралтействколлегии. Поэтому в некоторых инструкциях имеются указания о заходе в Петропавловск, а иногда и о зимовке в нём. И связаны эти инструкции с такими громкими именами, как Фёдор Соймонов, Иван Синдт, Пётр Креницын и Михаил Левашов, Григорий Шелихов и Павел Лебедев-Ласточкин.

Но уже с конца 1740-х гг. Петропавловск появился на мировых картах, и очень скоро весть об удивительных удобствах Авачинской губы стала распространяться по всему миру. Вот почему организаторы знаменитых плаваний Дж. Кука и Ж. Ф. Лаперуза заранее планировали посещение английскими и французскими моряками Петропавловского порта, что и произошло в 1779 и в 1787 гг.

В сборник включены выявленные недавно умершим новозеландским историком Биглхоллом записи 1779 г. о Петропавловске из дневников участников Третьего плавания Кука, тогда уже погибшего, и впервые переведённые на русский язык рассказ Лаперуза о пребывании в Петропавловске в 1787 г., а также ранее известные отрывки из путевых записок спутника Лаперуза — Ж. Б. Лессепса, деда строителя Суэцкого канала. Тут же будут даны и некоторые русские документы об этих событиях.

Включены в этот раздел и документы о пребывании в Петропавловске участников знаменитой русской Северо-Восточной экспедиции (1789—1791 гг.), во главе которой стояли Иосиф Биллингс и Гавриил Сарычев. Завершается раздел сведениями об организации Камчатского полка под командованием полковника А. А. Сомова.

Указ Большерецкой канцелярии купцам Г. И. Шелихову и П. С. Лебедеву-Ласточкину о снаряжении экспедиции на Курильские острова от 3 марта 1775 г.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Камчатской Большеретской канцелярии купцам якутскому Михаиле Лебедеву, рыльскому Григорью Шелехову. По данной от его высокопревосходительства г-на генерал-порутчика иркутскова, губернатора и кавалера Адам Ивановича Бриль пример-майору камчатскому главному командиру Бем инструкции, по 21-му пункту, секретно велено отправляемым в морския вояжи для звериных промыслов компанионам объявить, а притом и увещевать, не пожелает ли кто из них согласиться зделать здесь, в Камчатке, особливое небольшее здешним маниром судно, и следовать под видом для промыслов звериных на лежащия от самой Курильской Лопатки в полуденную сторону в море Курильския острова, даже и до последняго 22-го, называемаго Аткиса, а, смотря по обстоятельству, и до апонского Матмая или и до других в близости лежащих к тем Курильским островам берегов.

И естли по тому ево, пример-майора Бем, увещанию, кто такое судно построить и своим коштом отпустить согласится, в том им и действительное дозволение дать и отпуск учинить секретно, определя на то судно знающаго навигацию, также из бывших с сотником Черных толмачей одного или двух, которые больше мохнатых курильцов обхождение знают, з дачею з довольным наставлением и на основании законов инструкции. А как с прибытия пример-майора Бем в Камчатку главным командиром, то ис купечества судовых компанионов к деланию вновь судов никого не предусмотрено и вскоре построением быть ни от кого не уповательно, а хотя в прошлом 774 году из морскаго вояжирования и имеется прибывшее в нижнекомчатское устье московскаго второй гильдии купца Василья Серебреникова с товарищи судно «Св. Александр Невскаго», но как оныя компанейщики состоят под казённым немалым взысканием, по каковой причине и в морской вояж им того судна отпустить вскоре будет неможно.

А во втором вышедшем из морскаго вояжу имеющемся в Петропавловской гаване судно, именуемом «Св. Николай», купцов тульскаго Ивана Засыпкина и табольскаго Ивана ж Мухина, кои находятся ныне по произшедшим между ими ссорам в Иркутске в тяжебных делах, а когда оныя окончаются и суда прибудут, неизвестно. За каковыми обстоятельствами предписуемаго случая

изыскать стало уже не от кого. Но, наконец сего, чрез изыскуемыя пример-майором Бем средства и изъясняемых полезностей чрез поданное доношение вызвались желаемостию вы, Лебедев и Шелехов, отправить сего года летом в предписанныя Курильские острова, даже и до последняго 22-аго, называемаго Аткиса, а, смотря по обстоятельству, и до японскаго Матмая или до других во близости лежащих к тем Курильским островам берегов, объявленное состоящее в Петропавловской гавани партикулярное судно и просили для мореплавания и случающихся в том вояжировании иногда японцев с казённой стороны знающими их разговор людьми и протчими принадлежностями снабдить.

И по указу ея и. в. в Камчатской Большеретской канцелярии определено учинить следующее:

1-е. Вам, Лебедеву и Шелехову, ко отправлению в вышеписанной морской вояж судна, состоящаго ныне в Петропавловской гавани, именуемаго бот «Св. Николай», по прописанным в доношении вашем обстоятельствам и в сходность данной от его высокопревосходительства г-на генерал-порутчика иркутскова, губернатора и кавалера Адам Ивановича Бриль пример-майору Бем инструкции, дать дозволение и велеть вам ныне заблаговременно судовыми такелажами, съястными и протчими припасами, бес коих в морском вояже обойтись неможно, а особливо для тамошних народов по их обыкновению или склонности разными подарками, оное вам, Лебедеву и Шелехову, к будущему сего года лету доставлением к судну приготовиться, дабы оное в начале того лета имело выступить без всякой остановки.

2-е. Для толмачества в случае видимости с японцами командировать ныне к тому судну находящихся здесь японских толмача и дворника Антипина, ученика Ивана Очередина, удовольствуя их надлежащим денежным и хлебным жалованьем, и велеть им быть там всегда для морскаго ходу в готовности. А особливо из них Антипину, по бытности прежде сего неоднократно на морских судах, а при том и прошедшего 774 года в Курильских островах на байдаре, и по знаемости несколько судовых обыкновенностей японскаго ученика Очередина приводить в знаемость. А кольни паче не может ли он, Антипин, пока настоящей мореход сыскан и определён не будет, присмотретца, что к тому судну чего ещё не потребно ль вновь или старое поправить надобно, о том заблаговремянно репортовать.

3-е. Для ж следования в морской вояж работных людей нанимать вам, Лебедеву и Шелехову, российских не беглых и не про-

срочными, но с указными пашпортами, а камчедал — с подлежащими в силе законов обязательствы, с позволения их тоёнов, а без таковых обязательств и без объявления оных в Камчатской Большеретской канцелярии отнюдь никого не нанимать под штрафом. А ежели по малости работных людей и таковыя явятся, у коих имеются просрочныя пашпорты, оным для того давать вновь со взятьем указных пошлин, а бес того не отпускать.

4-е. Егда ж оное судно будет к вояжу в готовности, и кто на оном договорённая передовщик и другие работныя люди, кто имяны и коих городов, о том пример-майору Бем с приложением реестра вам, Лебедеву и Шелехову, рапортовать.

Почему тогда в силе законов, кому надлежит, наставлении даны, и в морской вояж направлены быть имеют, а упоминаемому дворянину и японскому толмачу Антипину указ послан.

На подлинном подписали:
пример-майор *Бем*,
в должности секретаря канцелярист
Лаврентий Батурин,
канцелярист *Иван Балыков*
С подлиннаго читал морской компанейщик якутской купец
Павел Лебедев-Ласточкин

ЦГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2539. Л. 444—445. Заверенная копия. Опубликовано в сб. «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.». — М.: Наука, 1989. — С. 143—145.

Рапорт штурманского ученика Г. Г. Измайлова о посещении острова Уналашка экспедицией Д. Кука от 20 апреля 1779 г.

В кантору над портом штурманского ученика
Герасима Измайлова покорнейший рапорт

Минувшаго 778-го года августа 14 дня прибыл к здешней Алеутской греде островов, вошёл в гавонь на нордостовой стороне острова Уналашки и, разуружа совсем бот «Св. Павел» в безопасное место к зимовке того ж месяца 27-го числа, благополучно разделясь по партиям и разъехав вся по местам, где промысел производит, а по задолжению меня указным повелением ис Камчатской Большерецкой канцелярии, где буду и на каких островах и, естли будут тут какие народы обоего полу от сущаго младенца, перепись.

Чего для я отбыл из гавони до острова Умнака, а в отбытие моё сентября 23-го числа прибыли уже в обратном возвращении от

Чукоцкого Носу плавающия в двух караблях, за каким случаем про то знать не могу, сказываютца с острову Лондону, англичане и встали от нашей гавони на нордовой же стороне в расстояниях 20 вёрст. А я уведомлен чрез письмо как от них, притом и от своих промышленников, возвратился с крайним поспешением и прибыл октября 6-го числа, и находился трои сутки на главном карабле, называемом «Разулушан» («Resolution». — *Б. П.*), командир в ранге полковника именем Демерскук (James Cook. — *Б. П.*), а на другом корабле «Эскавре» («Discovery». — *Б. П.*) командир в ранге майора Чир Тлярк (Clerk. — *Б. П.*).

Всего комплекту на обеих караблях 180 человек. Будучи на караблях, мне чрез маячение они объявляют, что отбыли от Лондону в 1776-м в ыюне месяце для описания здешней Америки. Пришли они к Аляске в 43°00' *N* ширины более к екватору не простирается, а лежит берег на *NO*, а мы де оставя шли во близость берега до здешняго острова Уналашки, а где реки и острова — кладены на карты, пришли к здешнему острову Уналашке. А минувшаго 778-го года июня 25-го числа, стоя на якорях за противными ветрами, паки стали плавание совершать во близь Аляски по *ZW*-вой стороне и, обошед Аляски *W*, шли по *NW* стороне, пришли в 70°40' *N*-ширины. Но за препядствием льдов возвратились и шли между *Z* и *W* и пришли в 67°00', перехватили выше Чукоцкого Носу, но за препядствием же льдов, возвратясь, шли к Чукоцкому Носу, который лежит в одной ширине с *W* Аляски в 66°00' ширины северной. А оттудова паки плыли к здешнему острову Уналашки, о коем прибытии выше упомянуто. А отсюдова поимели плавание в 22°00' в северную ж ширину, где, прозимовав, намерены паки итьти к Чукоцкому Носу и дале и хотели зайти в Петропавловскую гавонь в маие месяце.

А при отбыти своём поручил г-н камандор конверт, о котором крайне просил, чтоб переслать по надписи и кланялся в поес. И я просил г-на командора, чтоб пожаловал для сочинения всего ихнова плавания, ибо он пожаловал мне карту сверическую, кою уверяет, что с верным положением ихнова плавания, притом назначили по меркаторской карте на набранной мною градусами от ширины 50°00' до ширины 71°00' северной от длины 51°00' до длины 77°00', от Курильской Лопадки к востоку места её. В знак своего милосердия г-н командор пожаловал по должности моей для усмотрения высоты Солнца квадрант, а также и своей шпагой.

Того ради в кантору над портом прислал как пожалованная мне от г-на командора сверическая, так и мною и с их назначения

сочиненная меркаторская от 50°00' до 71°00' ширины северной длины от 16°00' до 77°00' карты и порученной от них для пересылки по надписи конверт, куды подлежит, да и писанное во отбытии ко мне письмо покорнейши представляется. А они отбыли отсюда с острова Уналашки октября 15 числа.

Подлинной подписал штурманской ученик
Герасим Измайлов

АВПР. Ф. РАК. Д. 34. Л. 13—14. Копия. Опубликовано в сб. «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.». — М.: Наука, 1989. — С. 181—182.

Рапорт главного командира Камчатки премьер-майора М. Бема, приложенный к письму иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому от 16 сентября 1779 г.

...Апреля 18-го (по новому стилю 29 апреля. — *Б. П.*) числа того же года прибыли в Камчатку в Петропавловскую гавань под командою капитана командора Клерк два английския военные корабли, имянуемые «Резолюцион» и «Эскадра». Первый о 26 пушках, и на нём, кроме вышеозначенного капитан командора протчих чинов находится 113 человек, второй о 22 пушках, на нём командир капитан командор Ион Гор, протчих чинов 69 человек.

По объявлению сих мореходцев, отправлены они были от английского короля на двух кораблях под командой капитан командора Кук из Лондона для отыскания из Южного в Северное море пролива, в коем вояже они находились 4 года, а 1778 года, следуя от экватора, переехали американскую землю от острова де Ферро в ширине 44, в длине 253 градусов и шед подле оной до мыса Аляксы, а оттуда быв у Чукотского носа, в обоих тех местах от состоящих льдов более им простираться сделалось невозможно, оттуда возвращаясь сыскали незнаемые до сих пор с дикими народами острова, на которых тот их главной командир Кук оными народами с 5-ю человеками убит, а по нём заступил к окончанию той экспедиции капитан командор Клерк.

Оттуда следуя, прибыли в Петропавловскую гавань для исправления своих кораблей, причём они просили о снабжении их по крайнему недостатку скотом и провиантом, в чём они и довольствованы безденежно суммою на 2 256 руб. 97 коп. В бытность их тамо, обходились благосклонно и дружески, при отбытии их из Петропавловской гавани поедут к северу, изыскивать коммуникацию, и если найдут, то прямо в отечество своё простираться будут,

буде же им по сему последнему рыску не удастся, то намерены возвратиться для зимования в Петропавловскую гавань и для того о заготовлении провианта и скота просят постараться.

По случаю сумления о сих кораблях для прикрытия Петропавловской гавани от неприятельского нападения и надлежащею артиллерией вооружён.

Реестр отпущенных из Камчатской Большерецкой канцелярии на английские корабли припасов и такелажа.

Разного скота, полагая по посредственной цене на каждую скотину по 40 руб. — 740 руб.

Провианта по 2 руб. 20 коп. пуд, 400 пуд — 880 руб.

Сум сыромятных, пара по 88 коп., 64 — 28 руб. 16 коп.

Такелажей:

Смолы пипу во флягах — 20 пуд.

Тиру во флягах же.

Канатов в 5 $^{1}/_{2}$ дюймов — 120 сажен.

Тросов 3 $^{1}/_{2}$ дюйма — 120 сажен.

Прядева тонкого — 20 пуд 20 фунтов.

Игол парусных, больших и малых — 100.

Итого 2 256 руб. 97 коп.

Письмо генерал-прокурора А. А. Вяземского иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке от 10 декабря 1779 г.

Государь мой, Франц Николаевич!

По присланном от вашего превосходительства ко мне сентября 16-го сего года письме и приложенном при оном от капитана Шмалёва, находящегося в Камчатке, рапорта от июля 19 числа сего года, всеподданейше имел я щастие докладывать её императорскому величеству, и её величество высочайше указать изволила следующее:

1. В сданной англичанам провиант, так и скот, принять на казённый щёт, за платой же у партикулярных людей скот заплатить из казны по просимой ими цене, ибо оные издержки от пребывающих здесь аглинского министра возвращены в казну будут.

2. Что принадлежит до описываемых капитаном Шмалёвым недостатков по Камчатке, то её величество, зная вашего превосходительства в службе ревность и усердие, надеяться изволит, что вы в нужном и возможном, оставя излишние требования, не оставите снабдить, чтобы могла быть безопасность от могущих быть неприятельских поползновений...

Письмо иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому от 29 мая 1780 г. с изложением рапорта капитана В. И. Шмалёва о вторичном прибытии в Петропавловскую гавань английских кораблей

...Прошлого, 1779 года, августа 13 дня прибыли вторично два аглицкие корабля под предводительством капитана Гор, который до сего находился командиром на малом корабле, а находящийся в первое во оной гавани бытие главнокомандующий капитан Клерк во время следствия к Петропавловской гавани умре, коего место заступил Гор. По прибытии в гавань первое их упражнение было, что они мёртвому телу бывшего их командира зделали церемониальное погребение, а потом обращались офицеры в стрелянии птиц, а служители при починке корабля и такелажа. Также рубили дрова и варили до несколько бочек кедрового сланца на своё провизие, его уведомив, что имеют надобность в скоте, провианте и припасах, а особливо желают видеться с ним, Шмалёвым.

Зделав в доставлении к ним оного надлежащее распоряжение, потом, 11 сентября, приехал и сам в Петропавловскую гавань, где капитан Гор и капитан-лейтенант Кинг его просили, чтоб из казны на щёт их короля снабдить их рогатым скотом, провиантом и судовыми припасами. Почему к ним отписано рогатого скота 18 по цене — на 740 руб., провианта 400 пуд — 900 руб. 16 коп., разных судовых припасов — 601 руб. 86 коп. Итого 2 256 руб. 97 коп.

Капитан Шмалёв, в бытность его у них, из любопытства спрашивал о их путешествии и намерениях, куда они ещё следовать имеют. Почему они и объявили, что по отбытии в июне месяце 1779 г. из Петропавловской гавани или Авачинской губы к северу чрез разделяющий Азию от Америки пролив в Северное или Ледовитое море, а оттуда до Англии, изыскивая прямые коммуникации, плавание имели таким образом. По приближении к тому проливу оставили большой корабль «Резолюцион» пред проливом в Южном море, а на малом корабле «Ескадра» («Дискавери». — *Б. П.*) простирались к северу до 70 $^{1}/_{2}$ градусов, но в сем месте, быв снесены льдом, выходили на оный и ловили белых медведей и моржей.

Стеснение льдом повредило у корабля верхнюю обшивку и притом от льда и студёного воздуха претерпели немалое изнурение и чрез весь июль месяц в опасности и отчаянии находились, а напоследок с великою нуждою. Едва освободясь, возвратились в Петропавловскую гавань для требования скота, провианта и припасов, также ради починки повреждённого корабля. А когда всё то они

исправят, то имеют намерение следовать на зюйд, и, во-первых, пристать на короткое время в Японии, а потом для взятия потребных припасов, а паче в порцие служителям вина [войти] в китайский порт Кантон, где полагали пробыть два месяца, а оттуда следовать к Африке, чтоб там запасясь к их путешествию всем нужным, ехати к своему месту, откуда отправились.

Все оные бывшие с англичанами на немецком языке разговоры переводил ему ссыльный Квашнин (Ивашкин. — *Б. П.*), коего он по самой необходимости из Верхнекамчатского острога приказал отправить на то время в Петропавловскую гавань, который хоть сам по-немецки не разговаривал, но с оного на российский язык ему не мало вспомоществовал. Очень он, представя, извиняет себя той необходимостью, а притом доносит, что, удовольствовав англичан, по требованию их названными припасами и из своей провизии чаем, сахаром и табаком, отбыл 19 сентября в Большерецк, а после того получил от них для пересылки в Россию конверт, который приложен при его рапорте.

Из письма Ж. Ф. Г. Лаперуза посланнику Франции в России Луи-Филиппу Сегюру

...Встретили нас на Камчатке с расположением, честностью, благородством, вполне достойным прославленной государыни, которую они имели честь представлять. Благодаря особо счастливому случаю я встретил в Петропавловске г-на Козлова-Угренина, охотского правителя, который совершал объезд огромного своего правления, охватывающего Камчатский полуостров. Мне не приходилось встречать в своём отечестве у многих лучших друзей более радушного приёма. Он не получил, однако, никакого приказания относительно нас, но он знал, что мореплаватели — граждане мира, и он не мог бы принять русских с большим расположением. Всяческая помощь, которую может предоставить этот бесплодный край, была нам предоставлена, и он не пожелал взять никакой платы.

Какое зрелище, г-н граф, увидеть, что тот же дух благородства и величия, которым навсегда будет отмечено царствование Екатерины, простирается до самых пределов её обширной империи.

Соблаговолите, г-н граф, предпринять все шаги, которые вы найдёте уместными, чтобы засвидетельствовать нашу почтительную благодарность её императорскому величеству.

И если охотский губернатор г-н Козлов, особый комендант Камчатки капитан Шмалёв, а также комендант Петропавловска лей-

тенант Хабаров в связи с нашим приёмом получат особые выражения удовольствия и со стороны русского двора, то вы окажете мне, г-н граф, величайшую услугу.

Лаперуз Ж. Ф. Г. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Коллекция иностранных материалов о России № 7/634. Цитируется по статье Г. Павловой «Письмо Лаперуза к Л. Ф. Сегюру». — Французский ежегодник за 1964 г. — С. 281.

Рапорт А. Гилёва И. И. Биллингсу об описании Курильских островов, 14 октября 1790 г.

Вследствие данного мне от вашего высокоблагородия ордера, сего 1790-го году апреля 22 дня за № 38-м, в коем преписать соизволили: обще с придворным егарем Алексеевым и данными служителями и камчедалами следовать на байдаре на Курильские острова и по прибытию на 1-ый Курильской остров взять там от тех курильцов другую байдару и пристойное число людей и толмача и простирать путь свой до 16-го или 18-го острова и во время следования исполнять всему плаванию от Петропавловской гавани весть окуратной журнал, с промером гаваней, бухт особливо, также течение моря, и снимать виды с мысов, гор, кекур и собирать с гор и подножьев разных родов штуфы и окаменелости и морские выкидные раковины к другия примечанию достойные реткости, то ж травы, цветы и их семена впреть и насекомых, как воздушных, так и морских, и ростение отменного дерева отрубать по штухе с корою, и включить жительствующих курильцов по островам мужеска и женска пола; также вспомоществовать придворному егарю Алексееву в отстрелянии птиц, делании чючел и ловле рыб. И расположить своё плавание [так, чтобы] к сентябрю месяцу возвратица в Петропавловскую гавань, и всё вышепредписанное для собрания представить к вашему высокоблагородию.

И во исполнении вашего высокоблагородия повеления, следуя от Петропавловской гавани на Курильские острова, и по прибытии на 1-й остров, у тех курильцов байдары не имелось, случившие тут для промыслу Явинского острошку камчедал, от коих взяв байдару с роспискою, кою доставить им обратно на 1-й Курильской остров, а курильцов, хотя и имелось, да малое количество, в рассуждении уже ушли в дальные острова для промыслу бобров и торговли с мохнатыми курильцами. И откуль, по исправлению байдар, отправился на 2-й Курильской остров. И для дополнения к пристойному числу в байдары взято со 2-го острова тех курильцов,

знающих, и где жили довольно время за препяцвием погод, откуль ходив в байдаре на 3-й остров Курильской, который, описав вкруг, а потом со 2-го отправился к 5-му острову, а придворной егарь Алексеев остался на вышеписанном 2-м острову, коему, дав камчадалов три, казака 1 человека, которой за страхом онаго пролива вперёт простираться не смев, и в следовании пути, дав ему для стрельбы птиц и морских зверей от лотов свинцу 10 фунтов, то я, простирав путь свой до 8-го Курильского острова, откуль расположив плавание возвратиться обратно июля 29-го дня.

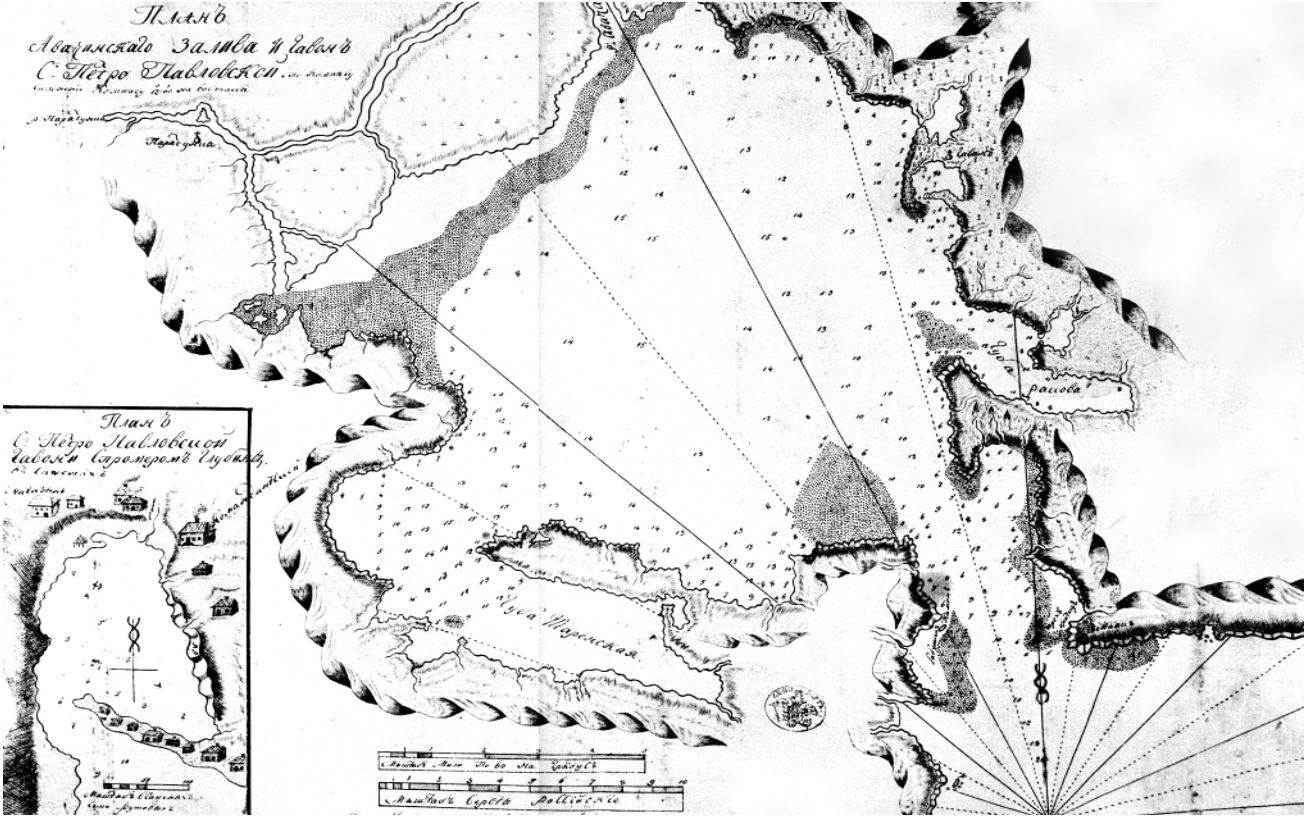
И всему плаванию вёл окуратное описание, и особливо описывав вкруг острова по способности времени 2-й, 3-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й острова, которые и положа на особливых мачтапах с вычеслением сысканного по меридиональной линии, на 2-м Курильском острову склонение компаса $^1/_2$ *О*-е, также положа на карту от Петропавловской гавани до 8-го острова с лежащей по берегам ситуации, полагая по сказанию камчедал и курильцов, положа маршутно, а других рек, видимые вершин хрепты, или сопки, завязывая пеленгами, также описав особливо способные бухты с промером глубины фарватера и течение моря, примечав на прибылой и убылой воды в разных местах, как матераго берега, так и между островов в проливах, и снимал виды с мысов, гор, кекуров, и собирал с гор и подножьев разных порот штуфы и окаменелости дерева, раки разных родов, также губа деревянна окаменела и черви, и собирал морские раковины и живность, коя имеет капуста, и другия, примечанию достойные реткости. Тож собирал травы, цветы и их семена, кои с пересушкою укладывал, да при том же собирал впреть и насекомых, как воздушных, так и морских, а ростение леса отменного не отыскалось. И включил в журнал живущих по островам тех курильцов мужеска и женска пола. И в следовании пути вспомоществовал придворному егарю Алексееву в стрелянии птиц и делании чючел, ловле рыб, да особливо отыскано мною по островам 7-м и 8-м разных родов птиц отменных — гусей-качюров двух родов: курукуры и турутыры, и других мелких птиц.

И всем собраниям, где какие взяты, при сем прилагаю реестры, а для стрельбы птиц взято от придворнаго егаря Алексеева пороху один, одна половина фунта, и истрелено лотоваго свинцу пять фунтов.

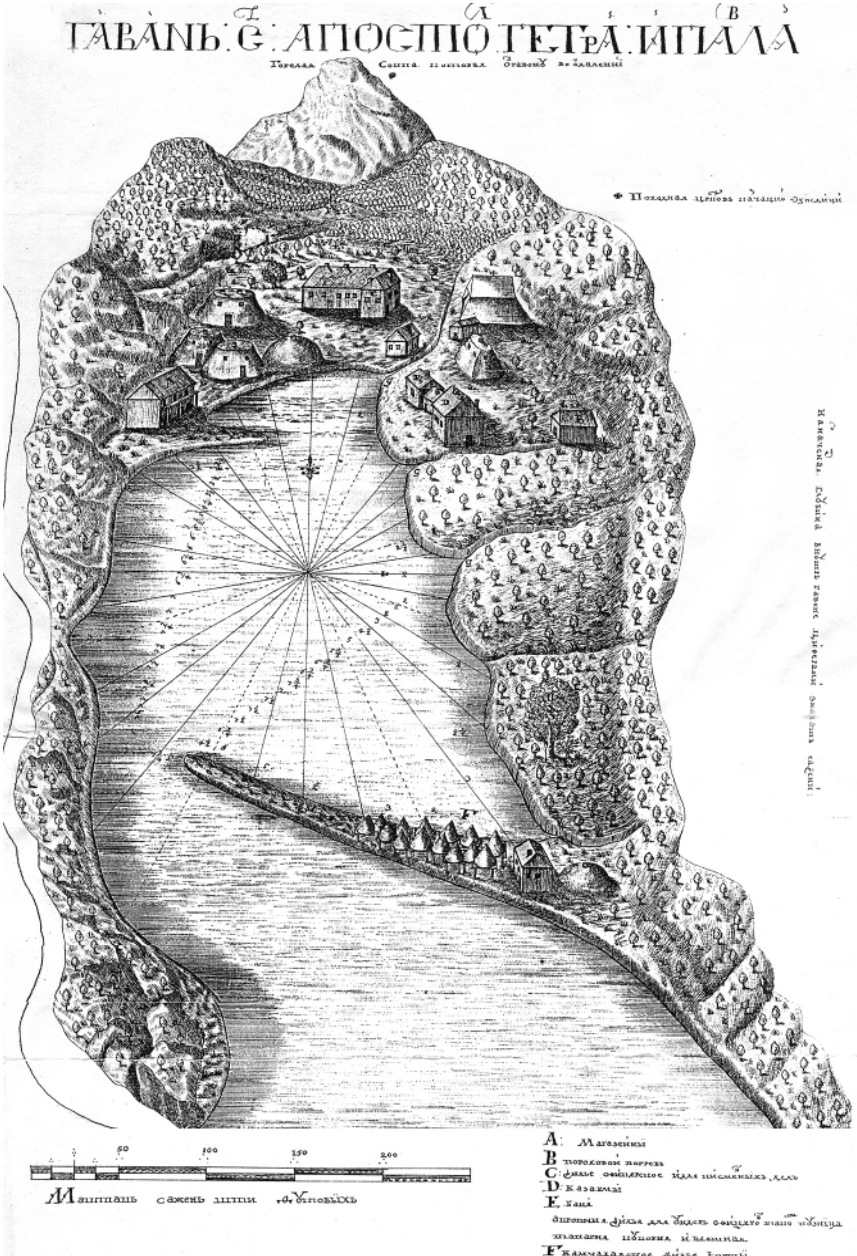
А прибыл в Петропавловскую гавань сентября 8-го дня сего 1790-го году, о чём вашему высокоблагородию честь имею донесть.

Геодезии сержант *Алексей Гилёв*

РГА ВМФ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 21. Л. 511—512. Подлинник. Опубликовано в сб. «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.». — М.: Наука, 1989. — С. 281—282.

План Авачинской губы и гавани Санкт-Петропавловской [ККОМ, НВФ 2466/7]

План гавани святых апостол Петра и Павла, 1741 г.

Годы первых русских кругосветных плаваний (1804—1846 гг.)
(с. 149—230)

Этот раздел открывается рассказом о троекратном посещении города моряками «первого плавания россиян кругом света» — отрывками из воспоминаний И. Ф. Крузенштерна, письмом Н. П. Резанова с пророчеством о будущем Петропавловска, выдержками из книги всемирно известного учёного Г. И. Лангсдорфа и воспоминаний М. И. Ратманова.

Затем упоминаются знаменитости, побывавшие в Петропавловске в 1806—1807 гг. Рассказано о зимовке в порту фрегата «Юнона» и тендера «Авось», на которых плавали лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, об их друге, упомянутом Лангсдорфе, и, наконец, ирландце А. Кемпбелле (отрывок из его книги публикуется на русском впервые).

Содержатся материалы о деятельности в Петропавловске начальника второй кругосветной экспедиции — знаменитого В. М. Головнина и его сподвижников в 1809—1811 гг., а также после его освобождения из японского плена в конце 1813 г. Сюда же вошли документы о зимовке в Петропавловске японца Такадая Кахея, который помог Головнину освободиться из плена и который теперь объявлен в Японии национальным героем.

Воссоздана история превращения Петропавловска в столицу Камчатки в 1812 г., даны материалы о прибытии в этом году в Петропавловск купца П. Добелла, выдвинувшего проект открытия морской торговли с южными странами (Филиппинами, Гавайскими островами и другими), и об отношении к этому русской общественности и правительства. Включены два рассказа о пребывании в порту в 1816 г. участников плавания на бриге «Рюрик» — капитана О. Е. Коцебу и учёного и писателя-романтика Адальберта Шамиссо.

Подробно отражена деятельность в Петропавловске в 1817—1822 гг. друга В. М. Головнина — П. И. Рикорда. Воспроизводится отрывок из воспоминаний жены П. И. Рикорда — Людмилы (1817 г.), рассказ В. М. Головнина о посещении Петропавловска и его письма оттуда в 1817 г. Даны выдержки из неопубликованного дневника друга А. С. Пушкина — Ф. Ф. Матюшкина, переписка со знаменитым генерал-губернатором Восточной Сибири М. М. Сперанским, в том числе в связи с разработкой первого перспективного плана развития Петропавловска в 1819 г., приведены отрывки из газетных сообщений о Петропавловске.

Опубликованы выписки из книги английского путешественника Д. Д. Кохрейна, посетившего Петропавловск в 1821 г., сведения о пребывании в порту участников знаменитого арктического плавания М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарёва, известия из газет и другие материалы тех лет.

Вскоре Петропавловск посещают многие русские и иностранные мореходы и учёные: С. П. Хрущёв на военном шлюпе «Аполлон» (1822 г.), А. Лазарев на шлюпе «Ладога» (1823 г.), О. Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие» (1824 г.), Ф. П. Врангель и его спутник П. Низовцев на шлюпе «Кроткий» (1826 г.), Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» (1827—1828 гг.) и М. Н. Станюкович, отец известного писателя-мариниста Константина Станюковича, на транспорте «Моллер» (1827—1828 гг.). Впервые на русском языке приводятся отрывки из сочинения английского мореплавателя Ф. Бичи о его двукратном пребывании в Петропавловске, когда он составил свою известную карту Авачинской губы.

Освещена энергичная деятельность начальника Камчатки А. В. Голенищева в 1829—1835 гг., его смелые, но не всегда удачные планы преобразований, отношение к ним известных моряков и правительства, его действительные достижения. Тут же даются и краткие сведения о пребывании в Петропавловске в 1829 г. геолога и физика Г. Эрмана, позднее отправившегося с Камчатки на транспорте «Кроткий», которым командовал Л. А. Гагемейстер, совершавший своё третье (!) кругосветное плавание. Далее приводится отрывок из сочинения В. С. Хромченко, посетившего Петропавловск в 1832 г. На том же транспорте, но три года спустя, в 1835 г., в Петропавловске впервые побывал лейтенант В. С. Завойко, воспоминания которого также включены в наш сборник.

Рассказано о жизни Петропавловска в 1836—1846 гг. Здесь приводится полная роспись казённых зданий города, документы об установлении памятника Ж. Ф. Лаперузу, данные о петропавловской ремесленной школе, приказ об установлении заревой пушки на Сигнальном мысу, отрывки из воспоминаний моряков А. И. Бутакова (будущего исследователя Аральского моря) и Г. Г. Блока, впечатления инспектора И. Булычёва и, наконец, воспоминания уроженца Петропавловска писателя И. В. Фёдорова-Омулевского по книге «Шаг за шагом».

Таким образом, воспроизводится множество любопытных сведений о жизни в Петропавловске с 1804 по 1846 г. Этот подробный раздел содержит десятки различных известий о Петропавловске первой половины XIX в.

Второе пребывание «Надежды» в Петропавловске (с 5 июня до 5 июля 1805 г.)

Консервативные деятели Японии отказались пойти навстречу предложениям России и установить с ней торговые и дипломатические отношения. Посольство окончилось неудачей, и русским морякам ничего не оставалось делать, как доставить Н. П. Резанова в Петропавловск для дальнейшего его следования в Русскую Америку.

Это было время, когда в Русской Америке стала остро ощущаться нехватка продовольствия, и там возник план закупки его в испанской Калифорнии. Поэтому из Ново-Архангельска (Ситхи) Н. П. Резанов вскоре отправился в Калифорнию, где он и познакомился с комендантом испанского Сан-Франциско Хозе д'Аргуэлло и его дочерью Консепсией (Кончитой). Благодаря поэме Андрея Вознесенского и созданной на её основе рок-опере «Юнона и Авось», роман между Н. П. Резановым и юной Кончитой теперь уже широко известен в нашей стране.

Он окончился трагически. При возвращении в Петербург Резанов скоропостижно скончался в Красноярске 1 марта 1807 г. В настоящее время в Красноярске передовая молодёжь добилась решения о восстановлении могилы Н. П. Резанова, которая была порушена лишь в 1960-х гг. — в «период застоя», когда некоторые невежественные «отцы города» поверили в нелепую выдумку, что Резанов будто бы был виновником... продажи Аляски Соединённым Штатам, хотя нетрудно было убедиться, что это произошло шестьдесят лет после его смерти.

Из-за обострения отношений с И. Ф. Крузенштерном Резанов сразу после прибытия в Петропавловск переселился на борт судна «Мария», и в Архиве внешней политики России даже сохранилось архивное дело под названием «О переходе Резанова на судне "Мария" из Петропавловской гавани...» [АВПР. Гл. архив. 1—7. 1802 г., № 1, № 32].

Камчатский командир Кошелев счёл необходимым вмешаться в конфликт между Резановым и Крузенштерном. Он прямо пригрозил Крузенштерну судом за неповиновение Резанову. Крузенштерн вынужден был пойти на уступки, о чём предпочёл в своих записках не упоминать. Был достигнут компромисс. Резанов пообещал не возбуждать судебного дела против Крузенштерна, если он подчинится приказу об использовании лета 1805 г. для тщательного изучения берегов средней и северной части Сахалина.

Крузенштерн дал согласие, и ему был вручён официальный приказ Н. П. Резанова о срочном плавании к берегам Сахалина.

24 июня 1805 г. Резанов навсегда покинул Петропавловск, а Крузенштерн пробыл здесь ещё одиннадцать дней, после чего 5 июля 1805 г. пошёл к берегам Сахалина.

История второго пребывания «Надежды» в Петропавловске дана по первому изданию сочинения И. Ф. Крузенштерна, его второму тому (с. 118—119, 129—130, 135).

...По прибытии нашем в Петропавловск нашли мы там два судна: «Феодосию» — казённый транспорт, коим командовал штурман Астафьев, и «Марию» — судно, принадлежащее Американской компании. Астафьев пришёл из Охотска в октябре прошедшего года с провиантом для камчатского баталиона и живущих там казаков. Его судно было новое и первое российское, оснащённое как бриг, в здешнем море. Прежде плавали на одних галиотах. «Мария» также новое судно, спущенное со стапеля прошедшим летом. И оно оснащено было по образу брига, однако ни построением, ни вооружением не могло равняться с «Феодосиею»...

Камергер Резанов, оставя «Надежду», перешёл на судно «Марию» с намерением побывать на Кадьяке. Естествоиспытатель Лангсдорф, согласившийся сопровождать его, также оставил «Надежду».

Июня 16-го пошли мы в губу Авачинскую, чтобы запастись водою и дровами с лучшей удобностью, нежели в Петропавловском порту.

Июня 21-го были совсем готовы к выходу в море, но при осмотре оказалось, что камбуз, или корабельный котёл, требовал починки, для которой следовало послать его на берег. О непредвиденной такой потере времени сожалел я, однако, мало, потому что многие обстоятельства заставляли обождать губернатора, поспешавшего к нам из Нижнекамчатска.

Июня 23-го возвратился посланный к нему курьер обратно с известием, что губернатор прибудет в Петропавловск в следующий день непременно. Итак я решил его дождаться...

Июня 24-го ночью пошло судно «Мария» с камергером Резановым в море. Ветр ему благоприятствовал, и 25-го дня поутру в шесть часов оно уже вышло из залива.

Июня 30-го в три часа пополуночи сделался ветр благополучный, я приказал сняться с якоря, ибо мне казалось прибытие губернатора, промедлившего пять дней уже сверх срока назначенно-

го им к приезду, сумнительным. Сверх сего, я на хотел упустить лучшего времени года к дальнейшему описанию берегов Сахалина, но в пять часов ветер переменился и принудил нас бросить якорь против залива Раковин (Раковая бухта. — *Б. П.*).

Июля 1-го в десять часов пополудни отошёл ветер, дувший чрез все эти дни от *S*. Мы тотчас начали сниматься с якоря, но едва отдали марсели, то ветер опять сделался южный. Сколь ни досадно было для нас сие обстоятельство, однакож оно случилось к нашему удовольствию, ибо в три часа пополудни получили мы известие о прибытии губернатора. Я поспешил немедленно в город, и по свидании с ним услышал, что весеннее полноводие и быстрота рек задержали его сверх чаяния, и что он не надеялся уже застать нас...

Благосклонный губернатор провёл с нами то короткое время, которое мы ещё оставались на якоре. Он на другой день поутру, по прибытии своём приехал к нам на корабль и оставался у нас до после обеда следующего дня. Потом поехали мы с ним на берег на небольшое пиршество, им приготовленное по обычаю камчадалов. Все офицеры, кроме тех, которые не могли отлучиться, участвовали в оном, быв привлечены не самым балом, но желанием провести последние минуты с почтенным губернатором и его братом. Я позволил при сем также и третьей части служителей быть зрителями сего камчатского празднества. В час пополуночи возвратились мы на корабль. Ветер в то самое время сделался северный. Мы подняли гребные суда, снялись с якоря и в четыре часа утра 5 июля находились уже вне залива...

Третье пребывание «Надежды» в Петропавловске (29 августа — 6 ноября 1805 г.)

...Сентября 2-го по утру донесли мне, что в заливе остановилось на якорь двухмачтовое судно. Я послал немедленно к оному офицера, который возвратился через два часа и привез с собою командира казённого транспорта мичмана Штейнгеля, пришедшего из Охотска. Через него-то получили мы, наконец, свои письма, из коих последние писаны были 1-го марта сего года. Он доставил мне и пакеты, присланные в Охотск первым министром графом Румянцевым с отправленным из Санкт-Петербурга фельдъегерем, совершившим сей дальний и трудный путь в шестьдесят два дня. В них находились отзывы на донесения, посланные мною в прошедшем году пред отходом в Японию. Они обрадовали меня чрезвычайно, поелику

содержали в себе честную награду за все претерпенные мною в сем путешествии многоразличные неприятности.

Кроме благосклоннейших писем от министров морских сил и коммерции, удостоился я получить при сем два рескрипта от его императорского величества. В первом угодно было государю императору изъявить мне своё благоволение, во втором при равномерном благоволении приложено было награждение, превосходившее моё чаяние. Таковые милости монарха за счастливое окончание первого, трудного и опасного плавания тронуло меня до глубины сердца и удостоверило, что совершение второго, как важнейшего и полезнейшего плавания, не оставлено будет без высокомонаршего внимания. В рассуждении обратного нашего в Россию плавания заботился я менее.

Если бы во время онаго и постигло нас несчастие, то сие случилось бы в морях известных, в коих каждый год бывают многие корабли разных европейских наций, следовательно, доставленная нашим путешествием польза открытиями и описаниями охранялась уже довольно. Но чтобы обезопасить и плоды трудов наших с большею осторожностию, решился я отправить в Санкт-Петербург со штафетом все сочинённые нами карты при кратком донесении о наших открытиях.

Г. Тилезиус приготовил знатное собрание рисунков, относящихся к естественной истории, чтобы послать при сем случае в академию. Сии драгоценные для нас вещи едва не подпали, однако, той участи, от коей предохранить оные я старался. Я послал их на судне г. Штейнгеля, который вышел из Авачинской губы 20-го сентября, но не мог достигнуть назначенного ему места, и принужден был возвращаться в Камчатку. По несчастному случаю судно его село на мель недалеко от Большерецка, однако спаслось. Следствием сего неприятного приключения было, что всё, посланное нами, доставлено в Санкт-Петербург шестью месяцами позже, потому что отправлено после из Камчатки по зимней почте дальнейшим путём чрез Ижигу.

Весь такелаж корабля нашего во время плавания в туманы около берегов Сахалина так повредился, что надобно было его или исправить, или переменить новым. Итак, по расснащении совсем корабля занялись разными работами, которые производимы были с особенною охотою и поспешностью. Теперь настало время к предприятию обратного плавания в Россию. Из провизии, привезённой для нас из Охотска, взял я часть весьма малую, а именно: на три месяца солонины, на четыре месяца сухарей и несколько пудов коровьего масла.

Оная вообще была так худа, что я не захотел бы взять вовсе ничего, естьли мог надеяться достоверно, что получу в Кантоне провизию на всё время плавания оттуда в Балтийское море. Две трети оной оставил я в Петропавловске, ибо должен был полагать, что и малое взятое количество испортится прежде времени, что и действительно случилось. Солонину сохранили с трудом шесть недель. В Кантоне принужденным нашёлся я бросить её всю в море. Не только бочки, в коих лежала солонина, были очень худы, но оную и приготовляют в Охотске весьма худо. Мне рассказывали, что здесь при солении мяса употребляют морскую воду для сбережения соли. Если это справедливо, в чём, однако, я ещё сомневаюсь, то нетрудно себе представить, отчего солонина портится так скоро. Сухарей не могли мы также сберечь долго. На обратном плавании нашем из Китая испортились оные столько, что не годились даже для корму скота. Я привёз оных некоторое количество в Кронштадт для пробы, удостоверившей всех, что охотские сухари по долговременному плаванию не годятся ни к какому употреблению...

По прибытии в Петропавловск отправил я немедленно в Нижнекамчатск нарочного с извещением о нашем возвращении. Но уже не надеялся увидеть г-на губернатора, потому что дела его не позволяли ему предпринять вторично в одно лето трудной и опасной поездки. Услышав же, что он на обратном пути своём из Петропавловска едва не утонул в реке Камчатке, и что жизнь его спасена одним только усердием и приверженностью к нему солдата, не мог я и желать того.

Я ожидал брата его, бывшего с нами в Японии, который через четыре недели прибыл действительно, к общей нашей радости. С ним приехал и майор Фридерици, сопровождавший в Нижнекамчатск г-на губернатора по отходе нашем к Сахалину. Поручик Кошелев имел от брата своего предписание всевозможно нам воспомоществовать, но оное могло бы принести нам менее пользы, если бы не сопровождалось искреннейшим дружества усердием. Шесть быков пригнаны были предварительно уже из Верхнекамчатска для того, чтобы на тучных петропавловских паствах поправились опять от усталости чрез дальнюю их перегонку. Рыбы приготовлено было много солёной и сушёной, а сверх того несколько бочек и черемши или дикого чесноку. Сухарей насушили также много, которые были для нас весьма благовременны, ибо привезённые из Охотска оказались столь худы, что не могли быть употреблены в пищу, как разве при самой крайней нужде. Картофелем

снабдили нас изобильно, также и другими огородными овощами, но только в меньшем количестве, поелику оные привезти следовало за триста вёрст.

Словом, всякое наше желание исполняемо было с величайшим усердием. Никогда не забуду я сего любви достойного молодого человека, принимавшего ревностнейшее участие во всём, до нас относившемся. Многократно уже говорил я о нём с нелестною похвалою, но при всём том не могу не удержаться, чтоб ещё не хвалить его...

Не имеющий сведений в повествованиях о сих российских владениях, при первом взгляде своём на Петропавловский порт почёл бы его за колонию, поселённую только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, что бы могло заставить помыслить, что издавна место сие населяют европейцы. Залив Авача и другие три, к нему прилежащие, совершенно пусты.

Прекрасный рейд Петропавловского порта не украшается ни одной лодкой. Смотря на потонувшее в порте трёхмачтовое судно, нельзя не привести себе на память, что за пятнадцать лет до сего начальник многотрудной экспедиции для астрономических и географических наблюдений Биллингс ходил на нём, имел здесь в своё пребывание, и что за пятьдесят лет прежде его славный Беринг отправился из сего места в путешествие для открытий. Но нынешнее состояние сего судна и двух вытянутых на берег байдар, где оные находятся уже многие годы, напоминает, что чрез толикое время мореплавание сей колонии находится ещё в совершенном детстве...

Берега Петропавловска покрыты разбросанною вонючею рыбою, над которой голодные собаки грызутся за согнивающие остатки, что представляет вид крайне отвратительный. По выходе на берег тщетно будешь искать сделанной дороги или даже какой-либо удобной стези, ведущей к городу, в коем не находит глаз ни одного хорошо построенного дома. Оный состоит из бедных, по большей части разрушающихся хижин, из сушилен для рыбы (балаганами там называемых) и из юрт, в которых от нечистоты и сырости воздуха люди, так сказать, гниют. Около его нет ни одной зеленеющейся хорошей равнины, ни одного садика и ни одного порядочного огорода, кои показывали бы следы землевозделывания. Мы видели только около десяти коров, пасущихся между домиками. Вместо мостов чрез источник, текущий с ближайших гор в долину города, покладены одни брусья, по которым переходить должно с осто-

рожностию. Множество ям, вырытых собаками для своего ночлега и от скрытия себя от комаров, делают ходьбу в темноте совсем невозможной или, по крайней мере, весьма опасною. Вот первые предметы, представляющиеся зрению в Петропавловске.

Большую часть жителей сего города составляют солдаты, которых днём дома не бывает. А потому, ходя несколько часов по Петропавловску, нельзя увидеть ни одного человека. Но естьли и покажется кто из оных, то в бедном, истощённом лице его не можно признать собрата героем Рымника и Треби (места блистательных побед А. В. Суворова. — *Ред.*). Таково состояние славного Петропавловска, важнейшего места в целой Камчатке. И Россия владеет более ста лет уже сею областью, которая могла бы сделаться довольно важною, естьли бы захотели искать в ней всех выгод, кои она, бесспорно, обещает, и кои до сего были презираемы...

(В 1779 г. Петропавловск находился, кажется, не в лучшем состоянии. Капитан Кинг говорит о нём следующими словами: наконец мы увидели к *NNO* на узкой оконечности земли несколько бедных деревянных домиков и конических хижин, число около тридцати, кои, не взирая на уважение, которое мы хотели иметь к российскому острогу, по положению его должны были принять за Петропавловск.)

Даже и около Петропавловска климат ещё не так суров, каковым признают его. Частые туманы, препятствующие, будто бы, ращению огородных овощей, служат только предлогом, к коему прибегают нерадивые, сделавшиеся неспособными к трудам от неумеренного употребления горячего вина. Офицеры Петропавловского гарнизона имеют огороды, в коих кроме гороху и бобов родятся разные нужные для стола овощи, и при том столько, что они были в состоянии снабдить и нас оными достаточно.

Итак, если в двух или трех огородах родятся овощи, то явно, что каждый житель или солдат мог бы садить капусту, репу, редьку, хрен, чего по сие время ещё не заводят, и запасаться ими столько, чтобы предохранить себя от цинготной болезни, которая по недостатку овощей и свежей мясной пищи обыкновенно во время зимы оказывается...

Мне кажется, что они не успевают в сем, потому что начинают обрабатывать землю в начале июля, отчего семена не прежде всходят, как в конце сего месяца. Естьли бы прилежнейший, не имея в земле ни малейшего недостатка, начинал свою работу в мае месяце, то я никак не сомневаюсь, что он не только мог бы довольствоваться чрез всё лето даже салатом, редисом, огурцами и прочим,

но и запасся бы горохом, бобами и капустою, которая впрочем, как утверждают, кочней не приносит. В Аваче (острог или маленькая деревня при устье Авачи) видел я небольшой огород, в коем в июне месяце уже зеленел и цвёл овощ, в которое время петропавловцы, привыкшие садить в июле, о том ещё и не думают. Сей пример доказывает неосновательность их обыкновения.

Препроводив в Камчатке в 1804 и 1805 гг. весь июнь, часть июля, целый август и сентябрь, могу с достаточностию утверждать, что в сии четыре месяца было там столько же ясных дней, сколько и в других местах, имеющих подобное положение. Туманы случались, правда, нередко, но оным подвержены бывают и прочие северные области Европейской России.

Чрез весь июнь продолжалась хорошая и тёплая погода, каковая только быть может в странах лучшего климата. В сем месяце обнажились даже и горы от снега, земля везде растаяла, однако живущие в Петропавловске всё думали ещё, что рано приниматься за заступ. Ничто не удерживает их от того, кроме вкоренившегося предрассудка, от которого не совсем свободны и господа гарнизонные офицеры, хотя они, впрочем, и заслуживают похвалу, подавая полезный пример к разведению огородов.

По прибытии нашем в Петропавловск скоро приметили мы великую перемену в одеянии тамошних жителей, а особливо женского пола. Камчатку можно было бы удобно снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского российского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы многими сотнями процентов.

По прибытии нашем вдруг упала цена кизлярской водки с 20 на 6 руб. за штоф, сахара с 7 на 1 $^{1}/_{2}$ руб. за фунт. Места Северо-Восточной Сибири могли бы в таком случае получать из Петропавловска некоторые товары, а особливо иностранные, гораздо удобнее и дешевле, нежели как то производится ныне доставлением оных столь дальним и трудным сухим путём. Доказательством сему служит то, что из привезённых нами в Камчатку товаров на счёт Американской компании, отправлены многие скоро в Охотск для продажи.

Крайне трудный и с великими издержками сопряжённый перевоз нужных вещей из областей Европейской России в Охотск, а оттуда в Камчатку, был до сего единственною причиною, что несчастные жители сей провинции терпели и терпят крайний недостаток не только в вещах, относящихся до удобств, но даже и в необходимых жизненных потребностях...

Находясь в таком бедном состоянии, имеют они сильнейшую пред людьми других стран наклонность к горячим напиткам, но она им и простительнее. Купцы стараются питать её всячески и возвышать цену на горячие напитки. Камчадальский житель, приобретший с трудом и опасностью деньги, чувствует их излишество. Единственное средство освободиться от сей тяжести при крайнем во всём недостатке, есть прибежище к горячему вину. Он напивается пьян со своими товарищами и платит равнодушно за то по пятьдесят рублей и более. Люди, не научившиеся чувствовать других удовольствий, наипаче тому подвергаются, а особливо в трудных обстоятельствах.

Близ Петропавловска существовали две солеварни, доставлявшие для всей Камчатки соли довольное количество, но оные многие годы находятся в запущении. Может быть, что доставление сухим путём котлов и всего, к тому принадлежащего, признано слишком затруднительным, и так ещё многие годы пройдут, пока Камчатка будет снабжена солью.

В рассуждении сего предмета сделали мы также великое для Камчатки благодеяние. Прежде упомянуто, что японское правительство подарило нам при отбытии из Нагасаки около тысячи пудов соли. Всё сие количество, исключая около двухсот пудов, удержанных мною для нашего продовольствия, оставлено в Камчатке, так что каждый житель снабжён через то достаточно почти на три года. Сия соль тотчас была распределена между жителями, и притом приняты меры, чтобы купцы, как единственные тамошние капиталисты, не могли покупать более соли, кроме нужной для собственного употребления, ибо в противном случае возвысили бы они цену до того, чтобы могли получать барыши от тысячи до двух процентов. Ближайшие к Петропавловску жители получили следовавшее им по разделению количество соли немедленно, но отдалённейшие долженствовали дожидаться зимнего пути для перевоза оной.

При сем не могу я никак умолчать и не отдать справедливой похвалы своим служителям, которые оказали величайшее бескорыстие принятием истинного участия в жребии своих собратов, живущих на Камчатке. По получении нами соли в Японии, объявил я им, что офицеры не хотят взять из оной своей доли, а потому принадлежит им одним всё количество. «Вы знаете, — сказал я, — что можете продать в Камчатке высокою ценою и получить для себя знатной прибыток. Однако, не взирая на то, надеюсь твёрдо, что вы роптать не будете, естьли отдам я всю соль камчатскому

губернатору для разделения оной между тамошними жителями, которые претерпевают в ней крайнюю нужду».

Ни один из них не противоречил, все единогласно отвечали: «Мы на сие охотно соглашаемся, бедные камчатские жители долго корабля “Надежды” не забудут. Они станут, верно, вспоминать об нас с благодарностью, а сего для нас уже и довольно».

Кроме такового знатного количества соли оставлено мною в Камчатке около 75 пудов крупы сорочинской (риса. — *Б. П.*).

Чёрный хлеб и рыба без всякой приправы, без уксусу, хрену, перцу и даже без соли составляют всё, что как офицер, так и солдат ставят на стол свой. О перемене в пище и помышлять не можно! Но к чему не привыкает здоровый российский солдат! Когда ж он болен, то в каком бедственном, беспомощном находится он тогда положении! Нет ни врачей, ни лекарств, ни здоровой пищи! Как может он в таком состоянии даже и при малых болезнях избавляться от смерти!

Далее И. Ф. Крузенштерн кратко рассказал об имеющейся в Петропавловске больнице, в которой успешно боролись с цингой.

Жители Петропавловска долго не забудут доктора Еспенберга (врач «Надежды». — *Б. П.*), сделавшего им великую пользу во время трёхкратного нашего там пребывания. Он снабдил, сверх сего, петропавловского подлекаря некоторыми нужными лекарствами, но сей не умел их беречь, а, может быть, и употребление их было ему худо известно. Хотя при камчатском батальоне и находился хороший лекарь, которого привозил губернатор в Петропавловск с собою, но он живёт всегда в Нижнекамчатске, а потому и может быть полезен только для тамошнего места. В прочих городах Камчатки определены подлекари. Петропавловский, как по искусству, так и по поведению своему, человек весьма посредственный...

Во всём Петропавловске находятся только два дома, отличающиеся несколько от прочих. В одном жил при нас майор Крупский, комендант крепости, а в другом два артиллерийских офицера. Каждый из домов сих состоит из двух жилых покоев, кухни, кладовой и прочее. Оба, а особливо дом комендантский, с небольшою переменою и новою хорошею мебелью могли бы быть порядочными жилищами. Мебель гостиного покоя — одна деревянная скамья, стол и два или три разломанных стула. Нет ни каменной посуды, ни стаканов, ни бутылок, ни других подобных тому столовых приборов. Две или три пары чайных чашек, один стакан, не-

сколько изломанных ножей и вилок и малое число ложек составляли имущество сих добрых людей, которые были женаты. Более всего для меня жалко смотреть на их окна, которые не только не двойные, что по тамошнему климату необходимо нужно для здоровья и удобности, но и очень худы. Стекла малые, из разных разбитых кусков составленные, худо защищают от снега и холода.

Я не мог смотреть на малых детей без сердечного сожаления. Мало стран в целом свете, в коих бы находились дети в таком крайне суровом положении. Если родители и столько зажиточны, что могут иметь корову, каковых, однако, очень мало, то и тогда детская пища состоит в одном только молоке. Юкола и худой чёрный хлеб составляют для ребёнка двенадцати или восемнадцати месяцев грубую пищу, которая при малейшем болезненном припадке угрожает ему смертью.

Дома прочих жителей построены вообще худо, и все так низки, что зимою совсем покрываются снегом. Перед дверьми только прорывают дорогу и одни окна очищают для света. Снежная толща должна, правда, защищать от холода, но оная, препятствуя свободному проходу воздуха вокруг дома, причиняет весьма нездоровую атмосферу в покоях. Сей вредный воздух и нездоровая пища — суть главнейшею виною бледности лиц всех жителей, не исключая женщин в цветущей молодости.

Построение дома в Петропавловске обходится весьма дорого. Вблизи нет вовсе строевого леса, оный доставлять надобно из внутренности Камчатки вёрст за шестьдесят или семьдесят. В бытность нашу посланы были за лесом для казённых строений около сорока солдат с одним офицером. Многие недели находились они в отсутствии, чтобы срубленный лес приплавить по быстрым рекам с великою опасностью. Весь Петропавловский гарнизон занимается уже два года построением казармы для десяти или двенадцати человек, но всё ещё оное не закончено.

Вероятно, что со временем оставят деревянные строения и прибегнут к кирпичам, как лучшему материалу. Если бы в близости Петропавловска находилось изобилие в строевом лесе, тогда не нужно было бы хотеть строения каменного. Но ныне, кроме медленного, трудного и опасного из дальних мест доставления, не сохраняют и не высушивают брёвен совершенно, а потому построенный с великими издержками дом скоро ветшает и обваливается.

Приказчик Американской компании в Петропавловске для принятия от нас и сохранения товаров построил предварительно небольшую кладовую, состоящую из нескольких отделений, длиною

в семь сажен, и сие строение стоило более десяти тысяч рублей. В самом Петербурге не стало бы оное никак выше нескольких сот.

Итак, я полагаю, что строить дома из кирпичей было бы удобнее и выгоднее. У залива Тарейна находится в изобилии лучшая глина, которая употребляется ныне на делание печей в Петропавловске. Бедные жители сего города не имеют никаких иных судов, кроме байдар, неспособных к перевозу тяжестей. Оные и при мало крепком ветре не могут даже держаться и в заливе, а потому перевоз и малого количества для печей глины сопряжён с безмерными трудностями и великою потерею времени. Хорошее, с палубой, судно в пятнадцать или двадцать тонн, управляемое тремя или четырьмя человеками, могло бы доставлять больший груз в два дня, нежели три байдары и тридцать солдат, как то теперь бывает в три месяца, причём нередко оные разбиваются. Устроение кирпичного завода у залива Тарейна, где дровяной лес находится в изобилии, было бы гораздо выгоднее, ныне же привозят оттуда глину в Петропавловск, и для обжигания сделанных кирпичей доставляют дрова с гор с великою трудностью...

Даже и около Петропавловска на лугах растёт весьма сочная трава, далее же во внутренность земли, конечно, и ещё лучше. Во всей Камчатке считают рогатого скота около шестисот. Надобно стараться о размножении онаго сколько возможно более, чтобы, наконец, быть в состоянии давать и солдатам хотя по одному фунту в неделю свежей говядины, выключая четыре летние месяца. Сие могло бы иметь целительное действие на их здоровье и служить сильным противодействием цинготной болезни, которой они во время зимы почти все страдают более или менее. Сверх сего, естьли бы все жители запаслись на зиму картофелем, репою, редькою и капустою, которая, ежели употреблять её кислую, есть не только известное противуцинготное средство, но и обычная россиянам пища. Естьли бы при том ограничить несколько неумеренное употребление горячего вина и доставить людям здоровые жилища, тогда, верно, цинготная болезнь совсем истребилась.

В Петропавловске было при нас только десять коров, может быть, и телят столько же, а потому коровьего масла нет вовсе, да и молока очень мало. Нетрудно было бы держать коров несколько сотен, потому что как около Петропавловска, так и по берегам реки Авачи растёт прекраснейшая трава. Нужны только люди для приготовления сена к достаточному прокормлению скота во время продолжительной зимы.

Солдаты, составляющие большую часть жителей, озабочены летом и без того слишком много другими работами. Свиней, овец и коз развести, кажется, там удобно. Первые были уже разведены с пользою, овцы требуют, правда, хорошего сена, а мелкой травы около Петропавловска мы не находили, однако едва ли сомневаться можно, чтобы не росла трава сего рода в других местах. Дворовых птиц до нас никаких не держали. Бегающие летом везде по воле собаки, долженствующие тогда сами для себя искать пищи, были бы для них крайне опасны. Собаки летом не употребляются, а потому следовало бы содержать их в отдалении так, чтобы не могли к жилью приближаться. Они загрызают иногда молодых телят, даже и большую скотину и причиняют через то великий вред. Петропавловские жители, претерпевая сами недостаток в хлебе, не в силах держать птиц дворовых. Они лишаются через сие питательной и здоровой пищи. Мы привезли, однако, с собою из Японии кур несколько и разделили между достаточнейшими, с тем уговором, чтобы они, сколько возможно, старались о сбережении и разведении оных.

В бытность нашу в Петропавловске получили мы столько оленины, аргалины, диких гусей и уток, что могли довольствоваться тем ежедневно. Явное доказательство, что можно иметь многоразличную пищу. Сказывают, что зимою бывает много и зайцев. Оленина вкусна отменно и нимало не уступает говядине. Вначале имел я от оленины великое отвращение, которое преодолел, однако скоро и она казалась мне, наконец, вкуснее даже говядины. К тюленьему же мясу не мог привыкнуть. Последнее в Камчатке не презирается. Оно не составляет вкусной пищи, но для здоровья не вредно, подобно медвежьему мясу. Медведей великое множество и теперь около Петропавловска. Аргалина, или мясо диких овец превосходит вкусом всякую дичину, известную в Европе. Дикие гуси и утки вкусны очень и находятся во множестве. В месяцах июле и августе можно поймать уток в один час около сотни. В сие время они линяют, и летать не могут, но только припархивают. Их пришибают тогда длинным шестом, оканчивающимся рогульками. Естьли бы камчадалы, живущие около Петропавловска, получили свинец и порох, то, конечно, могли бы, при малой награде за труды их, снабжать петропавловских жителей достаточно разною упомянутою дичью.

О рыбе и говорить нечего. Оной здесь чрезвычайное изобилие. От мая до октября не проходит почти ни одного месяца, чтобы не являлась рыба какого-либо нового сорта. Форель и сельди вкусны

отменно. Морских раков также весьма много. Летом растёт разная дикая зелень. Живущие в Петропавловске не знают употребления многих растений, но сие происходит или от предрассудка, или от неведения. Кроме дикого чесноку (черемши), который едят все вообще, и сараны, находятся дикий горох, селлери, ангелика и портулак. Последний приказывал я собирать как для служителей, так и для нашего стола. Мы употребляли его в похлёбке и вместо салата. Офицерам Петропавловского гарнизона показался оный отменно вкусным, хотя они прежде и не знали, что его есть можно...

Малое число оставшихся от поветрия в Камчатке россиян и природных сей страны жителей не обещает скорого народоразмножения, более потому, что женского пола в сравнении с мужским очень мало...

Крузенштерн И. Ф. «Путешествия...». Т. 2. Выдержка из гл. VII «Последнее пребывание "Надежды" в Петропавловском порте».

Заметки М. И. Ратманова о пребывании в Петропавловске в 1804 г.

Макар Иванович Ратманов (?—1833) был старшим офицером на «Надежде». Он был знаком с И. Ф. Крузенштерном ещё со времён русско-шведской войны в начале 1790-х гг., когда за свои подвиги был досрочно произведён в лейтенанты. Позже он участвовал в морском переходе из Архангельска в Кронштадт, неоднократно плавал в Чёрном море, а в 1798—1799 гг. бывал в военно-морских операциях против французского флота.

Во время первого кругосветного плавания М. И. Ратманов вёл дневник, который до сих пор остаётся неопубликованным. Отчасти это объясняется тем, что различные тетради этого дневника оказались разбросанными по разным архивам и сохранились не полностью, отчасти тем, что эти дневники менее подробны, чем труд И. Ф. Крузенштерна.

Тем не менее, имя Ратманова получило поистине мировую известность в связи с тем, что каждый новый день в мире раньше всего начинается на острове, названном его именем, — острове Ратманова в Беринговом проливе, самом восточном острове России (западный остров в группе Диомида). Это название было дано Отто Коцебу, который плавал вместе с М. И. Ратмановым на «Надежде».

Приводимый здесь отрывок из дневника Ратманова нами был заимствован из РГА ВМФ [Ф. 14. Оп. 1. Д. 149. Л. 31об.—40об.].

...1804 г. 3-го июля в два часа пополудни вошли в первейшею в свете гавань св. Петра и Павла, и на глубине восемь сажен грунт — ил. Остановились на якоре. Когда мы подходили к оной, выплыла к нам байдарка, на которой приехал артиллерии офицер, и когда узнал, что находится у нас посол, тотчас отправился на берег, оставя у нас лоцмана. Тут салютовала батарея из семи пушек. Мы ей отвечали равным.

Я сказал: прекрасная в свете гавань. Сие, действительно, утверждаю, ибо нет таковой ещё на земном шаре. Мы прибыли сюда в воскресенье, когда на берегу был понедельник. У нас 3-е число, а на берегу — 4-е. Итак, мы во время нашего вояжа один день потеряли. Широта Петропавловской гавани 53°00'58". Долгота... (пропуск в документе).

Место прекрасное, горы и холмы, покрытые зелёным леском и травою, по косогорам почти везде великое множество диких роз, которые в сие время только что цвести начали, представляли глазам нашим приятный вид. По хребтам разбросанный во многих местах лес, прерывающийся зелёными полянами, поставлял мыслям нашим величественную картину.

Словом сказать, что страна сия должна быть изобильная, но недостаточна в жителях. А как самое лутчее годовое время, то мы очаровательною картиною природы не даём преимущества Бразилии, с тою разницею, что там шаг на берег — и увидишь древеса, отягчены плодами, вкусить их призывающие, как в то же время крокодил или другая какая-либо яхидна на человека устремляется, жадничая ужалить или лишить жизни. Здесь же нет ни того, ни другова, а в великом множестве зверей, которые часто прогуливаются с людьми, и нападать на них не дерзают. Множество диких баранов, которых мясо не уступает лутчим дворовым. Диких птиц необычайное множество, так что один человек, когда линяют оные, убивает прутом от пятидесяти до ста гусей или уток, по стольку же и колют деревянными вилами или силками в один день.

Земля производит с хорошим урожаем хлеб и овощей, последнее производит и сама натура изобильно, а хлеб родится от одного четырнадцать. Для скотоводства травы наипитательные и во множестве. Охотники разводят с большими выгодами, так что в два года каждая корова приносит трёх телят, и дают много молока хорошего вкуса. Разных сочных трав, грибов и ягод бездна, изобилие в рыбах невероятное, ибо, когда мы остановились на якоре, просили здешних господ офицеров послать ловить рыбу.

Люди, посланные для сего, заехали к нам и жаловались, что нет лову, как менее часа пробыв на ловле, возвратились, привезя с собою самой лутчей, что у нас называется красной, рыбы, пудов по двадцати. Извинялись ещё, что нет лову, и что невод и с крыльем не более, как десять сажен величины, оне принуждены были три раза забрасывать, а когда лов есть, то оне в один раз с большою трудностию невод выбирают. Заметить должно, что здешние неводы без мотни, ибо при ходе рыбы с мотнею невод совсем выбрать невозможно.

Итак, кажется, что всё, в природе существующее, призывает сюда человека населить толико изобильную отдалённую часть сию Российской Империи, которая в жителях великой недостаток имеет. Может быть, назовут меня рыцарем Ламанским, другие — ближе, дураком, но я всё скажу, что чувствует душа и сердце. Кто был в Камчатке и описал её противным, а особливо в недостатке природою данных, тех можно исключить из сынов отечества и по справедливости назвать невеждами.

Мне сказывали люди, всякое вероятие заслуживающие, что по озёрам и заливам около Нижнекамчатска семь человек в болотах ловят, бьют прутьями, выгоняя на берег, где ещё и собаки помогают им, до трёх тысяч гусей в один день. Множество оленей, которые мясо довольно вкусное имеют. Словом сказать, всем здесь изобильно.

Тут к нам приехал здешний областной комендант, господин генерал-майор Кошелев, человек молодой, с хорошими сведениями и благороднейшими свойствами, делает честь России, приводя неусыпными стараниями в лутчее состояние отдалённую часть сию Российской Империи и облегчает судьбу бедных жителей.

Во всей Камчатке множество медведей, которые имеют пищу обыкновенно рыбкою и её сами ловят. И вот каким манером: медведь входит в реку и до половины своего корпуса погружает в воду, и в таком положении находится неподвижен. Рыба, идущая вверх реки миллионами, проходит между ногами медведя и, думая, что трава, начинает около его тереться. Медведь, почувствуя много добычи, сжимая ноги, бросается на берег и в своих шароварах выносит изобильную для себя пищу.

Другим образом, как и все камчатские собаки, на которых там ездят, животное стоит на берегу и видит, как рыба, плывя, разрезывая поверхность воды кожицею. Зверь стремглав бросается в воду и в миллионных стадах рыб хватает, какая ему попадётся, зубами, выносит на берег и составляет себе хорошее блюдо. Сей последний

манер я сам имел случай видеть, когда ловили и собаки, и медведи. Последние так боязливы, что, завидя человека, стремглав убегают, а первые — великие стада в селениях, но никогда вреда человекам не причиняют. Яхидных гадов в Камчатке никто не видывал. Итак, сама природа производит всю тварь мирными.

Здесь мы, так сказать, сделали складчину, где собрали по пять тысяч рублей к построению у минеральных ключей богаделен, и когда жители посещают оные для своего исцеления, оных угощают и успокаивают. Ключи сии мы назвали Александровыми. Тут со временем бедняки получать будут хорошее о них попечение, будут прославлять монарха Александра и не забудут первую экспедицию, круг света отправленную, как виновницу человеколюбивого призрения.

Камчатские горы составлены из разных и необыкновенных цветов камней. Есть такие пещеры, которые украшены разных коллюров хрусталём. Много находят окаменелости, но внутрь земли ещё не исследовано, в которых, кажется, долженствует быть благородным металлам. Природных камчадалов мало, и те уже все христиане. И во всей Камчатке военных мещан и жителей не более четырёх тысяч человек.

Были здесь два поветрия, в которые Камчатка лишилась более девяти тысяч человек и по большой части природных камчадалов. Сие было при полковнике Сомове, который здесь начальствовал. Мы нашли в Камчатке необычайную дороговизну, и прибытие наше понизило оною в пять и шесть раз, и то при нынешнем начальстве, а при прежних, так от десяти до двенадцати дешевле. Например, при прежних начальствах водки штоф продавался 50 и 60, при нынешнем — 20-ть и 18-ть.

Когда мы прибыли, ценою продавать стали по таксам американской компании пять рублей штоф спиртовой, а в прежние начальства — разведённою. Почему здесь и вышла пословица: зелие святой водицей.

Итак, господин генерал-майор Кошелев без всяких пособий, ограничивая ненасытную жадность российских торговцев, входя во все их издержки и по присылаемым справочным обо всём цены из Охотска, полагая за провоз и за протчие издержки, определял продажу таксою, хоть сие нежным сердцам российских купцов и весьма неприятно.

Первая честность, здесь проявившаяся, удивляла всех жителей здешнего края. А купцы долго утверждали, что он подкуплен или от такова, или другога, и когда по прежнему обыкновению предлагали

ему для наполнения кармана, как господин Кошелев наполнял за сие их спины палочными ударами. В Петропавловской гавани Американской компании поверенный, хоть величайшая бестия, но боится коменданта областного столько, что не боится более ни бога, ни дьявола. И сия-то прозорливость господина Кошелева столь оживила край сей, что при всём малолюдстве жителей уже и хлебопашество и скотоводство изобилует.

Здесь мы оставили из свиты посольской гвардии подпоручика графа Толстого, который по своему характеру не мог далее соучаствовать в вояже. Ещё академика Курленцова, которой притворился каменною болезнью болен; а чтоб поехать до Петербурга, то для его воспомоществования отправился с ним и студент Бринкин. И таким манером, славно обманув посла, с ним распрощались. А к нам прибыли к миссии здешнего гарнизона капитан Фёдоров и шефский адъютант Кошелев с одним унтер-офицером, одним барабанщиком и шесть человек рядовых...

К Камчатскому полуострову принадлежат народы почти дикие, как-то: чукчи, каряки — сидячие и стоячие, которые по своей воле ясак платят. Господин Кошелев, зделав доверенность к одному из старших коряков, приехал к нему в селение не более как с десятью человеками. Другая партия сих необузданных народов хотела сделать нападение... и всех россиян побив, взять их пожитки.

Удивительное действие произвело в старшине, которого удостоил посещением его превосходительство. Тотчас собирает всех подвластных ему коряков, делает клятву, приказывая своим, чтобы лутче всем умереть, а не дать в обиду российского начальника, который приехал к нам, конечно, полагаясь на нашу честность.

Тотчас отправили к той орды с сим уведомлением, а генерала успокоили в своей защите. Противная партия, боявшись, ушла в лес, а сие столько были рады посещению россиян, что трои сутки угощая по своим обыкновениям, отрядили большой конвой и проводили до мест безопасных.

Господин Кошелев о сем случае, уведомя государя, всеподданнейше просил наградить сего старшину. И при отправлении нашем получена довольно хорошая сабля, чтобы сему защитнику подарить. Я уверен, что по получении радость сего человека будет безпредельная.

РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 149. Л. 31—40.
Аналогичный текст имеется в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1146.

Воспоминания Г. И. Лангсдорфа о Петропавловске, 1806—1807 гг.

В третий раз Г. И. Лангсдорф был на Камчатке с 13 сентября 1806 г. до 14 мая 1807 г. Даются сведения только о его пребывании в Петропавловске.

...Меланхолические воспоминания о нашей зимовке в Ситке всё ещё были живы в наших умах, когда не без смеси страха и надежд мы вошли в Петропавловскую гавань 13-го сентября старого стиля, 25 — нового.

Погода была исключительно благоприятной, и атмосфера совершенно сухой. Мы едва ли когда-либо имели столь ясную и тёплую погоду с тех пор, как покинули Ситку, как в первые дни нашего пребывания на Камчатке. Хотя вершины гор и были покрыты снегом, но страна, расположенная ниже, представляла собой живой и весёлый вид. Более того, если в Ситхе и на Кадьяке не было никаких других деревьев, кроме хвойных, здесь было не менее трёх типов лиственных деревьев.

Едва мы бросили якорь, как к нам прибыл комиссионер Российско-Американской компании с приятной информацией, что в настоящее время на складах имеется около 600 пудов ржи, запас чая, сахара, масла, бренди и др. Та приятная манера, с которой он предложил нам свои услуги, перечень того, чем он нас снабдил, и его уверения, что всё ещё ловится в большом количестве рыба, что вся команда может быть хорошо снабжена пищей, составила в совокупности исключительно приятную для наших ушей информацию, за которую мы не могли не возблагодарить провидение за ту отеческую заботу, за его руку, которая нас сюда привела.

Большие изменения произошли среди служащих Российско-Американской компании с тех пор, как я покинул Камчатку в июне 1805 г. Комиссионер Вычегов, который там пребывал в течение многих лет, за большие обманы, в которых он был замешан, покинул своё место, был арестован и будет ещё предан суду. Его заменил некий Мясников, который был охарактеризован местными жителями как человек строгий и честный. Действительно, его поведение полностью подтвердило эту оценку его характера — всю зиму он с нами обращался необыкновенно дружелюбно и любезно.

Как того требовал мой долг, я со следующей почтой послал командиру Камчатки генерал-майору Павлу Ивановичу Кошелеву сообщение о своём прибытии. Одновременно я попросил разрешения мне посетить Нижнекамчатск — место его резиденции, проехать

туда при первом санном пути, и просил его помочь мне. Капитан д'Вольф (Дж. д'Вольф, бывший владелец «Юноны». — *Б. П.*) и я между тем наняли частное жильё. Миссионеру Мясникову мы обязаны тем, что он нас познакомил с мадам Ларионовой и её дочерью, а также за всё то, чем он помог команде нашего судна...

Огромное количество сельди приходит в гавань Петропавловска, и если бы камчадалы хоть немножко побеспокоились бы её поймать, они бы получили бы великий источник продовольствия. Непростительно, что жители и их собаки часто зимой страдают от нехватки пищи, когда сами небеса послали им такой ресурс — как рыболовство, особенно сельдей. Эта рыба подходит прямо к их дверям: сама гавань Петропавловска в определённый сезон настолько полна ей, что она может быть взята в количестве истинно невообразимом.

То же самое можно сказать и о треске. В Авачинской губе и во всех местах западного берега полуострова она идёт такими косяками, что я сам поймал за час тридцать рыб на удочку, и требуется столь глубокое невежество офицеров Камчатки и солдат, чтобы не поймать и не заготовить её впрок. Это может стать достаточно выгодной отраслью хозяйства здесь, такой же, как на берегах Лабрадора, Ньюфаундленда, Ирландии и северных берегов Великобритании. Семьдесят лет назад изобретательный Стеллер пытался обратить внимание местных жителей на это, но, увы, всё осталось в прежнем положении...

В конце сентября погода продолжала быть прекрасной. Я в сопровождении капитана д'Вольфа отправился познакомиться с соседним районом и особенно посетить горячие ключи Паратунки. После нашего возвращения я нимало был удивлён, увидев здесь совершенно неожиданно моего попутчика и друга лейтенанта Давыдова. Он прибыл в гавань 2 октября на судне «Авось», командиром которого он был назначен после его постройки в Ситке.

История его появления такова. Несколько недель спустя нашего отбытия из Ситки «Авось» была готова к плаванию, и камергер фон Резанов приехал на «Юнону», которой командовал лейтенант Хвостов, и оба судна были отправлены в августе из пролива Норфолк.

Резанов после безуспешной своей миссии в Японию решил отомстить за свой афронт (оскорбление, позор. — *Ред.*), отправив секретную экспедицию против японских поселений на крайнем юге Курил, если таковые там будут найдены. Он считал, что те острова, о которых Паллас сообщал в своей «Северной коллекции», были

уже прежде взяты во владения России. Вследствие этого лейтенанту Давыдову было приказано идти прямо на Курилы и расстаться с «Юноной» около Уналашки. Давыдов направил своё судно прямо на Уруп, на котором Шелихов двадцать лет тому назад устроил русское селение, которое после его смерти было оставлено. Из-за противных ветров и страшных штормов он решил, что в этом году будет неосторожно там высаживаться и начать изучать остров и поэтому изменил свой курс и пришёл в Петропавловск с тем, чтобы здесь провести зимовку, в надежде соединиться с «Юноной». Лейтенант Хвостов, достигнув Охотска в октябре, получил приказ соединиться с ним и отправиться в секретную экспедицию. Он пришёл в Петропавловск в ноябре.

Трудно себе представить, с какой радостью д'Вольф и я встретили столь неожиданно своих друзей, с которыми проводили зиму на северо-западном берегу Америки на дружеской ноге, в приятном обществе. От лейтенанта Хвостова мы узнали, что он высадил в Охотске Резанова в конце сентября, который немедленно поехал в Иркутск. В Охотске он узнал о посылке императорского русского посольства в Китай под началом графа Головкина. Посольство, которого постигла судьба, близкая к японскому посольству, также окончилось полной неудачей.

Один из натуралистов, прикомандированный к этому посольству, коллежский асессор доктор Редовский был в это время в Охотске и предполагал поехать на Камчатку, с тем, чтобы там заняться научными исследованиями. Он тогда же предполагал посетить Алеутские острова. По его планам, он должен был зимой объехать всю Пенжинскую губу (экспедиция Редовского не состоялась, он умер в Гижиге в 1807 г. — *Б. П.*).

Лейтенант Хвостов перед отъездом из Охотска получил дополнительную инструкцию относительно секретной экспедиции, и в октябре пошёл на русский остров, лежавший на юге, на котором он и обнаружил японское селение со значительным складом. Он им завладел без всякого сопротивления с тем, чтобы утвердить приоритет русских на право владения островом. Он захватил около тысячи пудов риса, какое-то количество табака, рыболовную сеть, лакированную посуду, табачные трубки, склад соли и большое количество сухой рыбы. Кроме того, он взял шёлковые и хлопчатобумажные ткани, китайскую тушь, рисунки и прочее. Значительную часть всего этого он не мог взять с собой и поэтому роздал на подарки местным айнам. А японцы, которые охраняли склад, были задержаны и как пленники доставлены на Камчатку.

Таким образом, японцы впервые, благодаря смертельно уязвлённому самолюбию бывшего посла, в какой-то степени смогли понять, как велика Русская держава. Это предприятие, по крайней мере, имело какую-то окраску справедливости. Весьма возможно, было бы объяснено, если бы Резанов далее мог бы рассказать, какую цель он преследовал. Но это невозможно из-за его смерти, которая произошла в Красноярске (в 1807 г. — *Б. П.*) при возвращении его в Петербург. Это произошло вследствие падения его лошади вместе с ним на дороге из Охотска.

Я ещё вспомню Хвостова и Давыдова и расскажу о его путешествии против японских поселенцев. Я надеюсь, что я буду оправдан, если в этом месте отклонюсь от хронологии моего повествования и расскажу об их печальной судьбе.

Проведя с ними в одних хижинах Петропавловска время, где мы вместе жили в хорошем настроении, в стране, изобилующей рыбой, олениной и другими продуктами, и имели сверх того превосходный рис с корабля «Юнона», мы жили в полной гармонии и участвовали во многих приятных увеселениях. Весной 1807 г. оба друга приготовились в соответствии с полученными ими инструкциями возобновить свои военные мероприятия по освобождению Южных Курил, где японцы основали свои поселения на незаконных основаниях.

2 мая «Юнона» и «Авось» отплыли из Авачинской бухты, взяв свой курс прямо к островам Уруп и Итуруп. На последнем они обнаружили какое-то число вооружённых японцев, которые сперва оказали им небольшое сопротивление с помощью луков и стрел, но скоро были обращены в бегство и покинули свои жилища и склады, оставив их русским.

Они нашли в них какое-то количество лакированной посуды, книг, карт, большое количество риса и соли, табака, одежды, инструментов разного рода и вещей, которые необходимы были для их жизни. Среди этих вещей заслуживают упоминания несколько типов пушек, мушкетов, сабель, панцирей, шлемов, стрел и луки. Мы в долгу у этих смелых людей за то, что они смогли получить те вещи, которые мы тщетно пытались достать в течение шести месяцев пребывания в Нагасаки.

От главного корабельного строителя Карюкина я получил аккуратно сделанный рисунок одной из пушек, которая казалась мне испанского происхождения. Но Карюкин уверял меня, что все другие пушки были такими же, и если судить по надписям, сделанным на них, все они были японской работы.

Японцы, взятые в прошлом году на Камчатку, за время своего пребывания здесь немножко научились говорить по-русски, и поэтому были отвезены назад в свою страну, в надежде на то, что они смогут их соотечественникам объяснить, что русские имеют больше прав на эти острова, чем японцы, у них больше прав на владение ими. Бумага соответствующая была передана японцам, на которой и был изображён русский флаг.

Большая часть вышеупомянутых предметов была перевезена нашими мореплавателями в Охотск, где они были несправедливо захвачены капитаном Охотска Бухариным и конфискованы весьма несправедливым образом в пользу короны и Российско-Американской компании.

Эти два отличных офицера — лейтенанты Хвостов и Давыдов — испытали немало бед. С великими трудностями добрались к осени 1807 г. до Иркутска и, наконец, весной 1808 г. вернулись в Санкт-Петербург.

Благодаря их хорошо известной храбрости, решительности и профессиональных талантов они хорошо служили на войне против шведов, где отличились, командуя тяжёлыми ботами. Увенчанные лаврами, они вернулись в столицу, где около этого времени наш общий друг капитан д'Вольф прибыл в Кронштадт с грузом товаров из Америки. Немалое удовольствие мы испытывали, когда ещё раз встретились с друзьями, с которыми мы провели ужасную зиму вместе на северо-западном берегу Америки, и другую — на Камчатке.

Мы теперь наслаждались различными развлечениями в императорской резиденции. Мы провели вместе вечер, беседуя обо всех тех опасностях, которые мы испытали на море и земле, и обо всех приключениях, которые с нами случались. Мы поведали друг другу, в каком положении теперь находимся. И эти обстоятельства, которые случились с нами на другой стороне земного шара, и эта взаимная беседа затянулась допоздна.

Около двух часов ночи лейтенанты Хвостов и Давыдов оставили мой дом, чтобы попасть в свою комнату на Васильевском острове, на другой стороне реки. Капитан д'Вольф и я сопровождали их до разводного моста, который был в это время открыт для пропуска ночью судов. Наши друзья прошли по трапу, который соединял мост с судном на реке, с тем, чтобы переправиться на другую сторону. Крикнули нам и пожелали доброй ночи. Они в целости перебрались на другую сторону, и капитан д'Вольф, который только что прибыл из Кронштадта лишь ради визита, вернулся со мной.

Следующим утром я получил печальное известие, что два морских офицера утонули в Неве ночью. Позднее мы узнали (о, как фатально, и всегда будем сожалеть об этом событии), что это были наши друзья. Они были в бог знает каком виде. После того, как они покинули нас, они пожелали вернуться к нам снова, и чтобы это ускорить, они решили прыгнуть с моста на проходящую барку. К несчастью, они попали на парус, с которого были мгновенно сброшены в воду, и стали добычей быстрого течения. Люди на барке попытались оказать им помощь, но ночь была тёмная, и все попытки оказались тщетными. Так закончилась жизнь этих двух смелых, отличных людей, которые, несмотря на все опасности, дважды путешествовали из Петербурга в Охотск, оттуда плавали к северо-западным берегам Америки, Калифорнии, Алеутским и Курильским островам, откуда они вернулись домой невредимыми.

Вместе они служили в Шведской войне и отличились как герои, и также вместе неразделимыми они пришли к безвременному своему концу. Так мы лишились двух отличных и ценных граждан, приятных и искренних друзей, которыми даже можем хвастаться тем, что обладали такими друзьями, чья моральная чистота выше всех похвал.

А те, кто их знал, никогда не перестанут их любить, любить с самой высокой оценкой. И для таких как они — это наилучшая награда на земле, на небе особо богатой награды они заслужили за то, что стремились к одной высшей цели — улучшить положение алеутов на Уналашке, на Кадьяке и в Ситке. Ну, а читатель, надеюсь, меня простит за то, что я поделился своей никогда не прекращающейся болью за то, что я не смог примириться с такой тяжёлой потерей, о которой я всегда буду помнить, вспоминая тот последний вечер жизни, который они провели под моей крышей.

А теперь я возвращаюсь к наиболее важным воспоминаниям о моём пребывании на Камчатке.

В конце октября мы совершили своё путешествие на собаках. 5 ноября зима окончательно установилась, и температура стала падать до минус двенадцати — восемнадцати градусов. Капитан д'Вольф, лейтенанты Хвостов и Давыдов и я часто делали поездки в различные соседние места, особенно часто в Паратунку, Авачу, Коряки, Начики и Малки, а когда мы бывали дома, то вечера часто проводили в танцах у высших офицеров и у комиссионера Российско-Американской компании. Мадемуазель Ларионова была нашей главной дамой, и мы часто встречались с офицерскими жёнами и дочка-

ми, хотя не строго по этикету приглашали их на танцы. Мы особенно часто танцевали английские народные танцы. Некоторые солдаты нам играли на бандурах и балалайках с двумя или тремя струнами. Это были наши музыканты. Для разнообразия мы иногда приглашали танцевать и камчадалок их национальные танцы.

Они в танцах имитировали манеры и движения котиков и медведей. Движения их были величественными и мягкими, то головой, то плечами или разными движениями всего тела. Они временами пели, притоптывали по земле весьма экспрессивно, временами вздыхали, кратко повторяя: «Ха» или «Ах». Главной их национальной песней была «Бахия» — слово, которое они постоянно повторяли. Каково было содержание этой песни, я не смог узнать. Советник Тиллезиус сделал нотную запись, когда мы останавливались ещё в Петропавловске, и я ему обязан тем, что копию этой записи могу теперь представить читателю. «Бахия», или музыка камчатского национального танца: «Бах-ах-а-бахия, ах-ах бахия, ах» и так далее.

Когда я научился пользоваться санями, совершать большие экскурсии, то я предпринял одну из них в деревню Малки на расстоянии сто тридцать вёрст от Петропавловска, чтоб посетить горячие источники там в окрестностях. Вода здесь поднимается к верху и пузырится. Долина очаровательная. Она теперь покрыта толщей снега и, вероятно, летом становится особенно красивой...

Далее Лангсдорф сообщал о минералах и рыбах, которые он видел в районе Малкинского источника.

...Как будет выгодно для империи, если на судах будут регулярно, каждый год, из Европы их снабжать одеждой, лекарствами и другими предметами первой необходимости в разумной норме. Ещё больше будет выгод, если подлинные патриоты, люди науки, знаний, энергии во имя человеколюбия решат посетить эту страну, незаслуженно плохой славы, чтобы изучить естественные богатства и найти средства для того, чтобы вести здесь наилучший порядок, который будет учитывать общие и местные условия. Это кажется так естественно, но я не знал, что с момента устройства здесь колонии ни одно должностное лицо, принадлежащее к военной администрации, не поддерживало такую идею исследований. Никто никогда не думал с философской точки зрения, что эту страну можно изучить, с тем, чтобы определить, на что она способна. Никто здесь не направлял своё внимание на полезные цели распространения благоденствия и счастья. В этих делах они

бы могли добиться существенного успеха, благодаря содействию государства.

Этот отрывок из двухтомного сочинения Г. И. Лангсдорфа даётся на русском языке впервые. Перевод сделан по книге: *Langsdorf G. H.* Voyages and Travels in various parts of the world during the years 1803—1807. Vols I—II. London, 1813—1814. Он был сверен с немецким оригиналом книги: *Langsdorf G. H.* Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in Jahren 1803 bis 1807. Bd. I—II. Frankfurt, 1812.

Описание Петропавловска, сделанное А. Шамиссо в 1816 г.

Адельберт Шамиссо (1781—1838) рассказал о Петропавловске более подробно, чем Отто Коцебу. И это неудивительно: он обладал большим литературным даром, и судьба его оказалась более сложной. Он — сын французского дворянина, который во время революции во Франции вынужден был бежать со своим семейством за границу. В пятнадцатилетнем возрасте Адельберт стал пажом прусской королевы (жены Фридриха-Вильгельма III), затем служил в прусской пехоте.

С юношеских лет пристрастился к литературе — сперва писал стихи на французском и немецком, затем занялся прозой. Его сказка «Петер Шлемиль» принесла ему мировую славу и ещё до сих пор пользуется популярностью. Рано стал увлекаться и естественными науками. Поэтому он загорелся желанием побывать в дальних странах. Его попытка примкнуть к бразильской экспедиции принца Макса Вида-Нойвида окончилась неудачей. Случайно из газет он узнал о готовящейся экспедиции Отто Коцебу. Его приятель Эдуард Хитциг был знаком с отцом Отто Коцебу — писателем Августом Коцебу. Запрос Хитцига Август Коцебу переслал И. Ф. Крузенштерну, который в письме от 12 июня 1815 г. известил Шамиссо о готовности принять его на «Рюрике» взамен заболевшего профессора Ледебура. Так 9 августа 1815 г. в Копенгагене он был включён в состав экспедиции Коцебу в качестве естествоиспытателя.

По возвращении из экспедиции Шамиссо в Веймаре в 1821 г. опубликовал на немецком языке своё «Путешествие вокруг света» (Adelbert Chamisso. «Reise um die Welt»), которое впервые было напечатано по-русски ещё в 1823 г. в переводе И. Шульгина).

В 1980 г. в Берлине книга А. Шамиссо была переиздана. Новый перевод сделал А. М. Модель, изданный Главной редакцией восточных литератур в 1986 г. По нему и воспроизводится сделанное А. Шамиссо описание Петропавловска.

19-го (июня. — *Ред.*) мы вошли в красивую, широкую Авачинскую губу. С вершины горы, которая образует северный выступ внешних ворот, о нас по своеобразному телеграфу сообщили в город Св. Петра и Павла. Оттуда навстречу нам выслали бот-буксир. При попутном ветре через узкий пролив мы вошли в бухту, где ветер тотчас утих. Когда нас отбуксировали в гавань, наступила ночь. Нестерпимая вонь от рыбы возвестила близость города. Установка для сушки рыбы (балаган. — *Ред.*) — хлеба насущного для этого северного края расположена на косе, ограничивающей внутреннюю гавань.

Здесь, в городе Св. Петра и Павла, я впервые вступил на русскую землю. Тут должно было состояться моё первое знакомство с Россией. О нашем прибытии уже сообщили, нас ожидали и знали по именам. Об этом было напечатано в газетах. А что же в таком городе ещё делать, как не читать газеты!

Приём соответствовал нашим ожиданиям. Мы внесли оживление в застоявшуюся жизнь, и, казалось, в этом уголке земли наступил день, не похожий на все обычные. Мы были земляками, встретившимися в глухом месте, так далеко от сердца родины, как хозяева и гости.

Губернатор лейтенант Рудаков позаботился о корабле, у которого сильно пострадала медная обшивка, и отдал нам медные листы с «Дианы». После плавания в Японию Головнин оставил это судно, уже непригодное для дальнейшего использования, в здешней гавани. Капитан Коцебу переехал на берег, и начались праздничные обеды и торжественные приёмы, как их могли устраивать на Камчатке. Порадовала нас и русская баня. Это самое первое и, наверное, самое приятное, что может предложить русское гостеприимство. Во время плавания матросы ставили для себя банную палатку, когда в этом возникала потребность. Только под более солнечным и тёплым небом можно было обойтись без бани.

22 июня на «Рюрике» был устроен ответный приём, а вечером мы ужинали у губернатора. В воскресенье 23-го, после посещения церкви, стол был накрыт у нас. 30-го был торжественный обед у коменданта, где пировали под гром пушек. Вино, правда, нельзя было назвать превосходным. Многочисленное общество состояло сплошь из русских. По английскому обычаю, который в большей или меньшей степени соблюдается повсюду, где побережье омывают солёные морские воды, каждый должен был чокнуться со всеми, и все — с каждым из нас. На этот акт вежливости следовало ответить тем же, и поэтому пришлось осушить немало бокалов.

Когда мы встали из-за стола, нам предложили познакомиться с местным транспортом и съехать на санях в собачьей упряжке с зелёного склона холма — в долинах снег уже растаял. Никто из нас не смог удержаться в санях — для этого необходима известная сноровка. Вылетев из саней, мы расползлись по кустам и укромным местечкам и там завершили праздник в одиночестве.

4 июля мы обедали у г-на Кларка, американца, который, оказавшись однажды в этих краях, хорошо приспособился к местным условиям. Ему лишь раз удалось обогнуть мыс Горн, но он уже шесть раз (последний шесть лет назад) побывал на Сандвичевых островах. Его рассказы об этих островах и нарисованная им картина показались мне весьма достоверными. У г-на Кларка я впервые увидел портрет, который потом часто встречал на американских судах. Американские торговцы распространяли его и на островах, и побережьях Тихого океана. Это был искусно написанный на стекле рукой китайского мастера портрет г-жи Рекамье, любезной подруги госпожи Сталь, приятное общество которой я имел удовольствие разделять в течение долгого времени. Когда я увидел здесь её портрет, то всё наше путешествие показалось мне не больше чем забавным, правда, порой скучно рассказанным анекдотом.

11 июля, в церковный праздник Св. Петра и Павла, мы участвовали в денежном пожертвовании на строительство церкви. В этот день нас принимал главный представитель Российско-Американской компании.

12-го мы отмечали у себя день рождения Глеба Семёновича. Матросы пришли на праздник весьма охотно, потому что Шишмарёва все любили. Этот праздник даёт мне повод рассказать о русском обычае, который может показаться странным, если принять во внимание наличие строгой муштры и безусловного подчинения матросов своим офицерам. Однако мне кажется, что отношение простого русского к своим господам, будь то капитан, барин или император, можно назвать скорее детским, чем рабским. Хотя он и подчиняется палке, но способен отстаивать свои детские свободы.

Матросы, построившись в две шеренги, лицом друг к другу, и взявшись за руки, схватили Отто Евстафьевича и безжалостно заставили его «проплыть» по рукам. Такое своеобразное подбрасывание у нас вряд ли бы сошло за проявление уважения или дружеского расположения. За Отто Евстафьевичем наступила очередь Глеба Семёновича, а затем всех, кого удалось поймать. Тех, кто пользовался большей любовью, подбрасывали особенно высоко

и безжалостно. После я узнал, что подвергнувшийся этой процедуре должен был отблагодарить команду подарком.

13 июля мы были готовы к отплытию, но столь желанная почта из Санкт-Петербурга так и не прибыла, и пришлось отложить наши ожидания до осени 1817 г., когда мы вновь вернёмся на Камчатку. Однако и этим ожиданиям не суждено было сбыться. За три года мы не получили ни одной весточки с родины, ни одного письма от близких. Если бы не сильное желание поскорее получить здесь почту, то я предпринял бы экскурсию во внутренние районы. Но было ещё слишком рано, поскольку зима пока не собиралась уступать свои права. Когда мы прибыли сюда, в окрестностях города лежал ещё снег, но всё же появились и первые признаки весны. Когда я писал отсюда на родину и на бумагу ложились мёртвые буквы, которые и сами не были откликом, да и не находили ответного отклика, у меня мучительно сжималось сердце.

Хочу рассказать ещё вот о чём. Из книг, оставленных здесь или в соседних внутренних областях Сибири путешественниками ещё со времен Беринга, составилась целая библиотека, где, к нашему удивлению и радости, мы обнаружили произведения, отсутствие которых ощущалось весьма болезненно. Труды Боска могли бы служить пособием при очень заманчивом для нас изучении морских червей, и в таком руководстве мы остро нуждались. Не говорю уже о том, сколь желанными оказались для нас в этом северном краю «Путешествия» Палласа и «Флора Сибири» Гмелина. По мнению губернатора, самое естественное предназначение этих книг — быть участником таких научных экспедиций, как наша, и посему он разрешил взять из библиотеки нужные мне книги, с тем непременным условием, что по возвращении я передам их Петербургской академии.

Среди других в библиотеке было несколько книг, которые некогда оставил на китайской границе Юлиус Клапрот. На них стоял его китайский штемпель — изречение Конфуция: «Учёные — это светочи во тьме». Такой же штемпель был и у меня, Юлиус Клапрот подарил его мне в 1804 или 1805 г., когда мы с ним дружно жили в Берлине и я хотел выучиться у него китайскому языку. Случайно я взял этот штемпель с собой в путешествие и мог бы, предъявив его, вполне обоснованно претендовать на эти книги, как на свою собственность.

Естествоиспытателю и коллекционеру Редовскому, нашедшему в этом уголке земли свой несчастный конец, принадлежали два

маленьких ящика с засушенными растениями и промокательной бумагой, которые г-н Рудаков преподнёс мне в подарок. Промокательная бумага мне была очень нужна. Как бережно я расходовал каждый клочок! В одном письме, написанном из города Св. Петра и Павла, я с глубокой благодарностью упоминал о бумажных рулончиках, подаренных мне детьми одного друга перед отплытием из Копенгагена.

В Англии я обзавёлся хорошим двуствольным ружьём. Во время путешествия я пользовался им довольно редко, однако затвор был не в порядке, и ствол был загрязнён, поскольку у меня не было необходимых принадлежностей для ремонта и чистки. В городе Св. Петра и Павла кто-то одолжил его у меня, чему я безмерно обрадовался, полагая, что с ружьём будут обращаться должным образом и по возвращении оно будет выглядеть как новое. Но я заблуждался: его вернули невычищенным и в ещё большем беспорядке. Увидев моё ружье, губернатор захотел его приобрести и попросил капитана переговорить со мной насчёт цены.

Убедившись, что капитан Коцебу был бы рад доставить удовольствие губернатору Рудакову и сам хотел посредничать в сделке, я сказал ему, что, поскольку, как он и сам видит, я не очень нуждаюсь в ружье, как в средстве защиты, то охотно уступлю его г-ну Рудакову, однако не знаю, сколько оно стоит, да к тому же я не торговец. Пусть его люди снимут шкуры и оперения с тех зверей и птиц, которых он подстрелит до нашего возвращения, и передадут их мне. Это и будет плата за ружьё. Обе стороны такой оборот дела устраивал, и был бы весьма кстати и для берлинских музеев, если, конечно, нам удастся вернуться на Камчатку.

Лейтенант Вормскьёлль остался в городе Св. Петра и Павла. Журнал метеорологических наблюдений, который он вёл с помощью приборов, принадлежащих экспедиции, Вормскьёлль соглашался отдать на условиях, неприемлемых для капитана Коцебу. Последний, которому я поручился за него, вернул мне моё слово. Больной лейтенант Захарьин, хоть и очень неохотно, тоже расстался с экспедицией. Мы обменялись сердечными рукопожатиями. Действительно, из-за своего физического состояния он уже не мог выполнять свои обязанности. Служба морского офицера связана с такими тяготами, которых не знает пассажир.

Нашего весёлого спутника — обезьянку — капитан подарил губернатору. Можно полагать, что обезьяны, которые на кораблях обычно живут в самом тесном контакте с человеком, будучи ловкими, весьма любопытными и любознательными, могли бы достичь

многого на пути к образованию, если бы у них было то, что так необходимо учёному и в чём им отказала природа, — зад. У них нет терпения. Всё это в большей степени относится к малайским обезьянам, которых мы позже взяли на борт, чем к нашей бразильской обезьянке.

Для пополнения экипажа «Рюрика» местное начальство передало капитану шестерых матросов. Российско-Американская торговая компания прикомандировала к нам алеута, весьма опытного и сообразительного человека. Всех семерых капитан Коцебу должен был возвратить, вернувшись на Камчатку на следующий год. Кроме того, он взял на борт байдару, построенную здесь по его распоряжению, — открытую плоскую лодку с лёгким деревянным каркасом, обтянутым тюленьими шкурами. Во время ночлега на берегу её можно использовать как палатку или для защиты от ветра.

Все мы обзавелись парками, многим удалось достать медвежьи шкуры, которые стелили на койки. Парка — это обычная меховая одежда северных народов — длинная рубаха из оленьих шкур без прорезей, с колпаком или капюшоном. У многих парок мех и внутри, и снаружи.

14 июля 1816 г. мы покинули гавань Св. Петра и Павла, но только 17-го нам удалось выйти из Авачинской бухты.

Шамиссо А. Путешествие вокруг света. — М.: Наука, 1986. — С. 78—83.

В. М. Головнин. Фрагменты из «Путешествия вокруг света в 1817, 1818 и 1819 гг.»

При вынужденном сокращении сборника из него выпало описание Петропавловска, сделанное В. М. Головниным в 1818 г., и его же два письма, отправленные тогда же из камчатской столицы. Эти два письма были найдены лишь в середине XX в.

...Наконец 2 мая, скоро после полудня, самый лёгкий ветерок стал дуть от юго-востока. При помощи оного пошли мы прямо ко входу в Авачинскую губу. Вход сей, по прочищении пасмурности, очень хорошо рассмотрели, а между тем курс и расстояние до него определили по наблюдениям. Но ветер дул так тихо и так часто совсем уничтожался, что мы, пользуясь, так сказать, каждым дуновением его, ставили все паруса и не прежде половины десятого часа вечера достигли устья прохода. Так как, приближаясь к нему, засветло с салингов мы осмотрели, что кругом нас в виду ни одного

куска льда не было, проход же мне весьма хорошо известен, то я и решился идти ночью, не желая пропустить свежего попутного ветра, который теперь начал дуть. В проходе мы прошли несколько небольших льдин, не коснувшись ни одной из них.

В двенадцатом часу ночи вошли в Авачинскую губу, а в час пополуночи на 3 мая, подойдя к Петропавловской гавани, стали на якорь, совершив путешествие от Кронштадта до сего порта в восемь месяцев и восемь дней, в продолжении которого времени мы находились в портах только тридцать четыре дня, а прочее время всё в походе. Больных у нас было весьма мало, и то самыми лёгкими припадками, а часто и совсем не было.

Прибытие наше в Камчатку в такое раннее время, в какое никогда ещё после кораблей капитана Кука ни одно судно не приходило, и величина шлюпа по рассвете привело жителей в немалое удивление. Приехавший к нам офицер здешней экипажной роты Калмыков, мой старый знакомый, которого я знал в прежнюю мою бытность в Камчатке, едва глазам своим верил. Он был прислан от начальника области поздравить нас с прибытием и привёз от него несколько свежих съестных припасов. От него мы узнали, что только три дня прошло, как Авачинскую губу сломало и лёд вынесло. Следовательно, весьма кстати случилось, что противный ветер задержал нас у берегов. В восемь часов мы салютовали крепости из семи пушек и тотчас получили равный ответ. Такая исправность меня удивила, ибо я знал, что прежде всегда пушки по восемь месяцев в году лежали в сараях.

В девять часов с некоторыми из наших офицеров ездил я к начальнику области с рапортом о прибытии. Свидание моё с Рикордом было на сей раз непродолжительно, ибо я спешил возвратиться на шлюп, ожидая, что на нас понесёт лёд от берегов, где его было весьма много, что и действительно случилось в три часа утра следующего дня, но лёд был слаб и мелок, так что мы свободно отталкивали его шестами, и он шлюпу ни малейшего вреда не причинил.

Для выгрузки шлюпа непременно нужно было ввести оный в Петропавловскую гавань, в которой стоял ещё лёд, почему Рикорд и я согласились прорубить его. Употребляя для сего наших людей и береговую команду, начали мы работу свою 3-го числа. Между тем носящийся по Авачинской губе лёд нас часто беспокоил и принуждал по несколько часов отталкивать льдины шестами, а 10-го числа в девятом часу утра свежим южным ветром нанесло на нас пребольшую льдину, которую мы ни перерубить, ни оттолкнуть не

могли. Льдина сия сдёрнула нас с якорей. Мы отдали другие якоря, но она не пустила их на дно, почему и прижало нас к мели в самую малую воду. Льдину мы скоро отвели, а прилив пособил нам во втором часу пополудни отойти от мели без малейшего вреда.

С прибытия нашего время почти беспрестанно стояло прекрасное. Ясные дни, светлые, лунные ночи и лёгкие ветерки вознаграждали нас за грозный вид здешних гористых берегов, покрытых снегом, которые мы имели перед глазами. Пользуясь благоприятною погодою, мы посылали гребные суда ловить рыбу в разные места здешней губы и имели большой успех. В сие время ловилась только одна камбала, она здесь велика и вкусна. Мы ловили её такое множество, что достаточно было для всей нашей команды.

К 12 мая мы успели прорубить половину льда в Петропавловской гавани, и как стоя в Авачинской губе нельзя было нам поспешно выгрузить шлюп и работа могла слишком продлиться, то на другой день вошли в Петропавловскую гавань. Время тогда стояло прекрасное, при тихом ветре. Но в одиннадцатом часу ночи вдруг нашёл от северо-востока порыв, который принёс нас к самому берегу, и шлюп стал на мель. Порывы стали находить часто с большою силою, а потому стянуть с мели было невозможно. Опасаясь, чтобы при отливе не повалило нас набок, мы с большим трудом подтянули к себе пустой охотский транспорт «Иоанн» и прикрепили свои борта и реи к его бортам и мачтам. В таком положении мы оставались до утра. Потом, когда ветер стих, мы завезли на глубину завозы, сгрузили со шлюпа много тяжестей и в девять часов вечера при полной воде сняли его с мели. Сей случай не причинил шлюпу ни малейшего вреда, хотя в малую воду его повалило к глубокому месту на тринадцать с половиной градусов. На ночь остались мы в самом входе в гавань, а на другой день вошли в оную и в удобном месте утвердили шлюп как должно. Тогда ничто уже нам не мешало приступить к работе с возможною деятельностью.

Величайшее затруднение нам предстояло в привозе балласта и дров. Первого нам нужно было до восьми тысяч пудов и надлежало брать оный от гавани в семи верстах, а дров надобно было двадцать пять сажен и должно было их рубить в Раковой губе, в расстоянии от нас пять вёрст. Если бы нам привелось сие две необходимые потребности возить на гребных судах, то и в два месяца невозможно было бы изготовиться к походу. Но мы для сего употребили, с позволения областного начальника, находившийся здесь охотский транспорт, послав на оном своих офицеров

и матросов, и он в три раза привёз всё нужное нам количество балласта и дров. За сию поспешность обязан я деятельности и усердию мичмана барона Врангеля, которому поручил начальство над транспортом. Между тем мы исправляли снасти и паруса, свозили на берег и сдавали снаряды, назначенные для здешней области и для Охотска, красили шлюп и прочее.

Работа шла при деятельности офицеров и гардемаринов и усердии нижних чинов так успешно, что в половине июня мы совсем изготовились. Надобно сказать, что мы не всё время нашего здесь пребывания проводили в работе и занятиях. Офицеры и гардемарины были при должности по очереди, почему имели время ездить на охоту, на тёплые воды и прочее, а нижним чинам по праздникам позволялось пользоваться прогулкою на берегу.

Начальник области употребил все способы, от него зависящие и какие только состояние здешнего края могло ему представить, чтобы сделать нам пособие и доставить разные удовольствия. Дом и стол его для всех нас были открыты. По праздникам он приглашал вместе с нами чиновников города и других почтенных людей, чтоб только доставить нам приятное занятие. Супруга и сестра его обходились с нами, как с родными. Он всякий почти день присылал к нам для стола чего-нибудь свежего: мяса, дичины, рыбы, молока и прочего. Даже нарочно для нас и для матросов наших велел купить рогатого скота в Большерецке и пригнать сюда. Словом, я не могу описать всех одолжений, которые он нам и всей команде делал. Следуя его примеру, и другие живущие здесь почтенные люди оказывали нам доброхотство, гостеприимство и услуги, каждый по своей возможности, за что мы пытались их отблагодарить, как могли.

О Камчатке так много было писано хорошего и худого, что я совершенно излишним считаю предлагать читателю мои замечания о ней. Но не могу умолчать о счастливой перемене, последовавшей в сей области от нового преобразования правления оной и от определения в начальники над нею одного из самых справедливейших людей, который, живши здесь несколько лет, имел случай и способность вникнуть во все дела сей страны. Прежде ещё своего назначения, он уже видел все бывшие здесь злоупотребления и недостатки и знал, как пособить им. Рикорд при назначении своём областным камчатским начальником находился в Петербурге, а потому мог лично ходатайствовать за бедных здешних жителей и доставить им пособие правительства, чего он и не упустил сделать.

Известно, что главную пищу большей половины камчатских жителей составляет рыба, которую в четыре летних месяца они заготовляют на целый год; а когда она дурно ловится, зимою бывает голод, и тогда многие бедные люди питаются древесною корою. Но Рикорд исходатайствовал дозволение выдавать в случае нужды из казны муку жителям по цене, в какую она обходится казне, а бедным давать за половинную цену и дешевле, смотря по состоянию просящего помощи. И так как здесь вольной продажи муки нет, то теперь камчадалы и не от голода покупают оную из казны, которая от того ничего не теряет, а напротив, выигрывает тем, что люди делаются здоровее и способнее к трудам.

Второй предмет немаловажнее первого, за который Камчатка обязана нынешнему своему начальнику. Почти все из простого состояния здешние жители обоего пола и даже дети заражены известною дурною болезнию. Прежде лекаря из года в год объезжали область и помогали больным только советами, а лекарства редко сюда привозились, но если бы и были они, то можно ли таким образом вылечить болезнь, требующую диеты, покоя, тёплого жилища и прочего? Ныне Рикорд учинил лазарет, выписал сухим путём все нужные медикаменты, а морем мы ему привезли, по его же требованию, все госпитальные материалы. Притом истребовал он двух искусных врачей, из которых один по гражданскому ведомству имеет попечение о больнице.

Сначала камчадалы, думая, что их станут лечить по-прежнему, то есть без всякой пользы, не хотели вступать в лазарет, но после, узнав, как их там хорошо содержат, кормят, а более увидев едва ходивших прежде своих товарищей совершенно излеченными, стали со всех сторон привозить больных в лазарет, и Любарский своим искусством и старанием справедливо заслужил полную их доверенность и благодарность.

Заведённая в Петропавловской гавани Рикордом ремесленная школа, для которой мы, по его же требованию, привезли все нужные инструменты и снаряды английской работы, также со временем принесёт большую пользу здешним жителям. Теперь камчадал едет за триста или четыреста вёрст отдать в починку своё ружьё, которое ему необходимо, или сделать какую-нибудь железную вещь, потому что во всей области три или четыре слесаря и кузнеца. Духовное училище, Рикордом же заводимое, также останется не без пользы.

Количество пороху и свинцу, выдающееся камчадалам из казны, по ходатайству Рикорда увеличено, и бедные камчадалы перестали

платить непомерные цены за сии две необходимые для них вещи, которые они должны были покупать у купцов. Лазарет военнослужащих, состоящий под управлением также искусного врача, теперь на таком же основании, как и в других русских портах. Лекарства, инструменты и госпитальные материалы, по требованию Рикорда, присланы с нами из Петербурга. Больных содержат хорошо, когда нужно, покупают свежую говядину, а прежде, хотя и находился здесь казённый рогатый скот, но до прибытия Рикорда в Камчатку больных кормили медвежьим мясом, и то весьма редко. Впрочем, они ели летом свежую рыбу, а зимою вяленую.

Супруга Рикорда немало также приносит пользы здешнему краю, подавая всем пример трудолюбия. Будучи рождена и воспитана в одном из самых прекрасных климатов Российской Империи, она с удовольствием предприняла многотрудный путь со своим супругом чрез всю Сибирь, а потом морем из Охотска в суровую Камчатку, где совсем не ропщет на ужасные, неприступные горы и дремучие леса, никакого сравнения не имеющие с родимыми её украинскими долинами и садами, будучи довольна своим супругом и своими занятиями. Она соорудила первую ещё оранжерею в Камчатке. О сем роде хозяйства здешним жителям и по слухам не было известно. Она научила их, что можно победить природу, не позволяющую рано садить семена, деланием рассадников.

Я весьма счастлив себя почитаю, что сей почтенной даме мог принести удовольствие, доставив в Камчатку фортепиано и парные дрожки со всею упряжью. Первое удалось мне довести в совершенной сохранности. Для дрожек, к счастию, нашлись здесь две смирные и довольно статные лошади, которые с первого раза пошли хорошо. Это был ещё первый экипаж на колесах в Камчатке от сотворения мира, и потому жители смотрели на него несравненно с большим удивлением, нежели у нас стали бы смотреть на того, кто по Петербургу поехал бы на собаках.

Заметив все главные и полезнейшие перемены, сделанные Рикордом, не должно оставить без внимания и других, служащих к опрятности и чистоте города. Теперь уже жители не могут ставить своих домиков где и как попало, но обязаны строить на показанных местах и наблюдать около них чистоту, для чего учреждена полиция, которая запрещает бросать на улицу всякую зловонную дрянь, столь же отвратительную для вида, как и вредную для здоровья. Здесь кстати заметить следующий, достойный похвалы, поступок Рикорда, показывающий уважение его к памяти людей, кои были полезны свету, какой бы, впрочем, нации они не принадлежали.

По новому расположению города, памятник, воздвигнутый офицерами корабля «Надежда» над могилою известного английского мореплавателя капитана Кларка, должен был бы стоять в самой худой части города, почему Рикорд решился перенести его на другое, приличное место. Для сего надлежало и прах сего мужа перенести туда же, что он, с согласия здешнего духовенства, и сделал в нашу бытность. Остаток гроба и прах были положены в другой ящик и с пристойною церемониею в сопровождении всех нас и стоявшей в ружьё здешней экипажной роты был перенесён к назначенному месту и опущен в могилу, причём память покойника гарнизон почтил семью пушечными выстрелами.

Июня 15-го вышли мы из гавани в Авачинскую губу. Я хотел в тот же день отправиться в море, но тишина с густым туманом не только продержали нас весь этот день, но и ещё трое суток. Транспорт «Сильф» под начальством лейтенанта Рудакова, назначенный идти в Охотск с почтою, с коею и мои донесения отправились, терпел одну с нами участь. Мы несколько раз покушались идти, но ветры всегда нас останавливали. В сей промежуток времени Рикорд и другие господа с берега нас посещали и всякий день присылали чего-нибудь свежего, а особливо много прекрасной рыбы, называемой здесь хайко (из роду лососей, почти все лучшие здесь рыбы суть лососиного рода), которая ныне началась ловиться. Мы посолили несколько бочек рыбы для морской нашей провизии, а также запаслись и черемшою. Известно, что растение сие сильно действует против цинги.

17 июня я в последний раз виделся с Рикордом и распрощался, а 19 июня на рассвете, при тишине, подняли мы якорь и с помощью течения и буксира к восьми часам утра вышли из пролива на простор, где вскоре задул ровный ветер от юга, с которым мы и пошли в путь, взяв курс к Шипунскому мысу.

Головнин В. Сочинения. М. : Л.: изд-во Главсевморпути, 1949. — С. 310—316.

Из письма В. М. Головнина, отправленного из Петропавловской гавани 5 июня 1818 г. «первенствующему директору» Российско-Американской компании

Милостивый государь и почтеннейший друг Михаило Матвеевич!

Отправление отсюда на сих днях принадлежащего Добеллу судна «Силфа» в Охотск доставляет мне случай иметь огромное удовольствие к Вам писать, чего я не мог сделать по отправлении моём из Лимы, откуда мы пошли 17 февраля, а в Петропавловскую гавань пришли в ночь на 3-е мая. Скоро и счастливо совершили

переход от Кронштадта до Камчатки в восемь месяцев и восемь дней, не претерпев никакого значащего повреждения и будучи все в совершенном здравии, за что благодарю всевышнего.

При отдаче казённого груза мы имели случай и компанейский груз весь пересмотреть, и нашли, к большому моему удовольствию, все вещи в надлежащей сохранности и доброте. Служивые ваши здоровы и ведут себя хорошо. Де-Ливрона, однако, я раза два пострацал за леность и небрежение должности, но это по-дружески. Впрочем, кажется, они все ребята добрые и будут компании служить хорошо и с пользою для неё.

...Теперь я Вам скажу с дружескою откровенностью кое-что о вашей конторе в Камчатке. Комиссионер Ваш, Николаев, показался мне человеком смышлёным, добрым и трезвым. И Пётр Иванович [Рикорд] также о нём хорошо относится. Жаль только, что ему нечего здесь делать: судов ваших в Камчатке не бывает с 1814 г., товаров у него нет, а он с конторщиками и содержанием работников при доме стоит Вам много денег! Мы с Петром Ивановичем часто говорили о положении компанейских дел здесь, и нам кажется, не мешало бы Вам послать сюда товары, здесь пригодные, но только в один здешний порт. Барыш окупил бы содержание конторы, даже и с избытком.

Но для успеху в сем снова начинаемом деле нужно, чтобы Вы теперешний долг на камчадалах простили им, Вы долгу сего никогда не сберёте, а они, опасаясь, чтобы промыслы их не зачли за долг, дотоле ни одного соболя не понесут в компанейскую лавку, доколе не будет им объявлено, что компания долг сей им прощает, а тогда, конечно, они предпочтут вашу лавку мелочным купцам. Теперь же Вам есть прекрасный случай простить сей долг в уважение того, что здесь два года сряду было очень мало рыбы и зверя, и жители претерпевают голод и во всем крайнюю скудость.

О таком великодушном поступке компании Пётр Иванович донесёт высшему начальству, и оной, конечно, будет обнародован в газетах, что, без сомнения, немало послужит к перемене невыгодных мыслей, какие некоторые значащие особы ныне имеют о компании. Вы не прогневайтесь на меня, что я Вам предлагаю мой совет, он происходит от желания моего, соблюдая общественное благо, услужить такому полезному для Отечества сословию, каково учреждение Российской Американской компании. Споспешествовать патриотическим её видам я долгом себе поставлю и в сем отношении всегда буду действовать беспристрастно, что бы, впрочем, завистники и клеветники компании о ней не говорили.

Из неопубликованных записок друга А. С. Пушкина — Ф. Ф. Матюшкина о его пребывании в Авачинской губе в 1817 г.

Ветры мешали нам войти в Авачинскую губу. Наконец противные ветры прекратились, морские ветры прочистили туман, и мы увидели вскоре Стрелочную, Горелую, Авачинскую сопки. Мы пошли весьма тихо вперёд по причине маловетрия. Через несколько часов открылся вход в Авачинскую губу и оставленный с восточной стороны на вышеуказанной скале маяк.

Вскоре мы миновали остров, получивший своё название от множества птиц сего же имени, которые имеют там свои гнёзда. Ночью мы проходили Трёх Братьев, трёх великих кекур, стоящих на правой стороне близ маяка в самом начале прохода. Потом оставили за собой Изменной камень с правой, ещё другой маяк и Бабушкин камень, отличающийся огромностью и вышиною, и, наконец, миновав с правой стороны ещё маяк, находящийся на Раковом мысу, мы вышли в большую Авачинскую губу.

В два часа бросили верп недалеко от Сигнального мыса. Ещё никто не видел Камчатки. Темнота ночи скрывала её от глаз наших. Все ожидали с нетерпением, чтоб видеть Россию. Снег, который стал падать в довольно большом количестве, заставил встать там... Наконец стало рассветать, и мы увидели себя окружёнными со всех сторон покрытыми снегом горами. Там и сям проглядывали из снегу вершины дерев. По берегам ещё во многих местах стоял лёд, всё было дико и пусто, нигде не видно было жилья.

Напрасно искали мы глазами Петропавловска, его не было видно, выдающийся мыс скрывал его. Долго мы не видели никакого человека. Наконец, почти в восемь часов показался катер.

«Идут, идут!» — и все бегут наверх, сами не зная для чего. На катере приехал офицер и привёз камчатского гостинцу: сметану, воды...

В. М. [Василий Михайлович Головнин] хотел ехать на берег. Велел и мне собраться. В девять часов мы уже отвалили. Все смотрели на то место, где должен был открыться Петропавловск, с таким нетерпением, что забыли править рулём и стали на подводную льдину. Спихивая, кричали все, и ничего, ничего не делали, вставши. Наконец показался из-за горы балаган, там — другой, третий, открылась и вся кошка, а за нею на скате горы несколько покоев, предметы больших городов, а они бывают нехороши — думал я и продолжал всё не спускать глаз. Наконец, открылось судно, другое и третье, и думал я: здесь-таки довольно порядочная торговля. Смотрел ещё, но более ничего не видел.

Наконец, мы пристали к острогу. Сани! Санная запряжка с собаками ожидала нас. Мы сами поехали. Чрез четверть часа были у дома Петра Ивановича [Рикорда], которого радость при виде своего друга была неописуема. Он был рад неожиданным гостям, принял нас как можно лучше...

Невзирая на то, что мы пришли в майе месяце, когда в других местах, лежащих под сею широтою, снег исчезает, природа оживляется, — в Камчатке было всё мертво. Гавань Петра и Павла была покрыта льдом, и самая Авачинская губа разошлася токмо за два дня до нашего прихода. По берегам лежит ещё толстой лёд. Подошедши несколько ближе к местечку Петра и Павла, мы салютовали ему семью выстрелами, но довольно долго должны были ждать ответа, потому что пушки были завалены снегом. Через час отрыли, да и салютовали нам из оных попеременно. Камчатке не нужно искусственной обороны — климат, бедность подданных защищает её от всяких неприятных покушений.

Так как мы имели весьма большой груз для Камчатки, и так как мы стояли весьма далеко от самого селения, и перевоз был бы сопряжён с большими трудностями и неудобствами, а самая Петропавловская гавань была покрыта льдом далее Сигнального мыса, то и велел капитан колоть лёд нашей команде, чтоб не изнурять жителей, которые все почти страдали цингою. Погода стояла тёплая и ясная, так что работа производилась весьма деятельным образом. Налетавшие ветерки от севера отрывали лёд большими кусками, которые выносило течением мимо нашего судна, и мы беспрестанно принуждены были отпихиваться шестом.

Но напоследок 9-го майя оторвало целое ледяное поле, которое несло прямо на нас. Мы думали, потравив одного кабельтова канату, осторониться и дать место льдине, но шток... завяз в клюзе и испортился.

Льдина более напёрлась. Мы ещё потравили и притянулись к мели, отдав якоря. Думали расколоть льдину, но не сделали ей ни малейшего повреждения... На неё тогда послали тотчас людей, которые ломами раскололи её, и её пронесло мимо нас. Сия льдина очистила почти всю гавань, так что транспорт, командир коего был лейтенант Захарьин, мог выйти и стал недалеко от нас на якорь. Судно его было вооружено нашими людьми, потому что в Петропавловском порте не было ни знающих, ни сильных матроз. Он должен был идти в Нижнекамчатск, нагрузиться строевым лесом и к половине июня придти сюда. Затем, взяв часть компанейского груза, везти в Охотск.

Постояв с ним несколько дней на рейде (мы ожидали, чтобы весь лёд вышел из гавани от попутного ветра), мы разлучились. Он пошёл в море, а мы втянулись в гавань, где нашли ещё два судна. Одно, принадлежащее нашему генеральному консулу в Маниле г. Добель, другое — старый, негодный транспорт «Иоанн». Сверх того находилось ещё днище «Славы России», почти совершенно погрузившееся.

Гавань Петропавловская не весьма велика. Она может иметь до полутора вёрст в окружности, с западной стороны закрыта высоким полуостровом, на коем находится Сигнальный мыс, а с южною — низменною и узкою полосою земли, называемой кошкой. Она есть главная удобность гавани, потому что не допускает в ней быть ни малейшему волнению. Расстояние между ею и берегом полуострова будет от тридцати до сорока сажень, глубина же семь, восемь и девять сажень. Грунт не только в гавани, но и во всей Авачинской губе — чёрный ил.

Так как селение в Петропавловске не такое место, где можно весело провождать время, так как там нет ничего занимательного, то я старался всегда пользоваться случаем быть в окрестностях. Таким образом, мне удалось объехать почти весь восточный берег залива и некоторую часть западного...

Рукописный отдел Института русской литературы. СПб. Ф. 93. Оп. 2. Д. 161. Л. 64—68.

Сведения о строениях в Петропавловском порте, 1818 г.

Ведомость казённому и партикулярному строению и прочему имуществу жителей Камчатки, найденному начальником области во время объезда его зимним путём по всему полуострову с 1818 г., во первых, главнейших селениях.

В Петропавловском порте: казённых строений, как то домов, анбаров, сараев, бань и проч.: жилых домов — 7, нежилых строений — 10.

Обывательских строений: жилых домов — 10, для жилья хижин без дворов, обветшалых, бань и анбаров — 47.

Вообще всех строений — 66.

Замечание. В Петропавловском порте годных жилых строений суть:

1-е, казённые: дом начальника, дом для помощника начальнику, дом для лазарета, обветшалые для канцелярии и казначейства и два дома для казарм;

2-е, партикулярныя: дом Российско-Американской компании и дом штабс-капитана Калмыкова, прочия же все суть хижины, крытые травою, без дворов.

РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 400. Л. 7—7об.

Предположения начальника Камчатки о производстве строений в Петропавловском порте, сообщённые сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским. Иркутск, 30 июня 1820 г.

Господину морскому министру

Положением о Камчатке 1812 г., третьим отделением, постановлено было Петропавловский порт привести в уважительное состояние, снабдив его надлежащею флотилиею и разными нужными строениями. Подробные инструкции от предместника моего начальнику Камчатки означено, в чём именно должно состоять их строение.

Начальник Камчатки в 1817 г. представил, чтобы разрешено было строения сии производить из пятитысячной нормы на экстраординарные расходы, ежегодно ему отпускаемые. По представлению вашего высокопревосходительства дело сие в 1818 г. рассматриваемо было в Государственном Совете. Положено было, не обращая на сие означенные экстраординарные суммы, предписать сибирскому генерал-губернатору исчислить потребную для устроения порта сумму и куда следует с представлением.

Постановление сие дошло по порядку в правительствующий Сенат, а от онаго указом от 20 марта 1819 г. под № 8692-м препровождено для исполнения моему предместнику. Предместник мой предписал иркутскому гражданскому губернатору, а иркутский гражданский губернатор, наконец, предписал начальнику Камчатки.

Ныне начальник Камчатки представил:

1. План местоположения Петропавловской гавани.

2. На плане сем означил, каким и где полагается быть строениям.

3. Поелику в Камчатке нельзя было составить ни планов, ни фасадов сим строениям по недостатку архитекторов и, следовательно, невозможно сочинить и смету, то он только представил ведомость в ценах материалов, которые по смете могут быть составлены.

Рассмотрев сии предположения, не нашёл возможности по тому же самому недостатку архитекторов составить планов сим строе-

ниям и определить сметы их в Иркутске, а потому и решился представить вашему высокопревосходительству доставленные мне от начальника Камчатки сведения в том виде, в каком их получил со следующими пояснениями.

Главная мысль при образовании Камчатки в 1812 г. была восстановить Петропавловский порт в такое положение, чтобы он был сосредоточием наших приморских в том краю обладаний. Отсюда произошли следующие предположения:

1. Содержать в Петропавловском порте через два года попеременно военный фрегат для разъезда и надзора по гряде Алеутской и Курильской и для описания берегов (§ 85 положения).

2. Завесть там три канонерские лодки и два четырёхвёсельных ялика, построив члены их в Охотске, а достроить их в Камчатке (§ 81).

3. Сим двум предположениям по представлению начальника Камчатки в списке, при сем прилагаемом, присоединяется третие, яко необходимое их последствие, а именно — удвоение роты флотского там экипажа.

4. Построить магазейны, казармы, госпиталь и прочее (§ 83).

Все сие предположения можно разделить на два рода: три первые относятся к расширению порта, четвёртое — к самому необходимому их осуществлению. Три первые могут быть отложены до совершенного разрешения мною сложных вопросов, представляющихся в будущем назначении сего порта, в правильном употреблении знатных сумм, кои для сего будут потребны, и в способах продовольствия, кои с удвоением команды должны быть также удвоены и источники коих, хотя и предназначены посредством морских сообщений, но по всему далеки от их совершения.

Но четвёртое предположение, то есть постройка провиантских и экипажных магазейнов, казарм и прочее, не терпят отлагательства. Старые строения одни уже развалились, а другие близки к разрушению. Составлять общие и предварительные исчисления всех издержек, на сие потребных, и назначать вдруг дополнительные на сие суммы не нужно, потому что строения в Камчатке производить должно не по мере сумм отпущенных, но по мере рук, кои употреблять на сие можно, коих вообще весьма мало. Следовательно, и значительные суммы оставались бы там праздно.

Посему мнение моё есть следующее:

1. Утвердив общий план местоположения, при сем представляемый, предоставить начальнику Камчатки производить строения по его усмотрению, начав с нужнейших, и именно с лазарета, который в минувшем году сгорел, естьли по сие время он ещё не окончен, но

потом — провиантский и экипажный магазейны, казармы и прочие необходимые помещения для штаба и команд, ныне там существующих, не ожидая, впрочем, ни планов, ни подробных смет, коих на сем пространстве определить невозможно, когда и самое разрешение на его представление дойдёт к нему не прежде, как через год.

2. Строения части адмиралтейской, яко менее нужной, отложить до того времени, как первые три статьи вышеозначенных предположений будут окончательно решены.

3. На производство сих строений отпускать ежегодно не более как до пяти тысяч рублей. Начальнику, каков есть г. Рикорд, можно в безопасности верить, употреблять сих денег по лучшему его хозяйственному усмотрению, не стесняя его ни сметами, ни подробностями. Для Камчатки можно сделать от общих форм отступление.

4. Сей пятитысячной сумме предоставить ему употреблять в дополнение остатки к той пятитысячной сумме, которая на экстраординарные издержки ежегодно ему отпускаются.

Представляя все сие предположения на усмотрение вашему высокопревосходительству, я не могу здесь не изъявить сожаления моего, что за воспоследовавшем в Государственном Совете мнением о необращении экстраординарной суммы на строение, невозможно было разрешить начальнику Камчатки отсюда употреблять сию сумму, хотя бы между тем, без сего запрещения некоторые строения могли уже быть по сие время окончены.

Сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3948. Л. 29—31об.

Из указа № 28747 от 4 сентября 1821 г. «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих»

§1. Производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности на островах, портах и заливах и вообще по всему Северо-Западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири, также по островам Курильским, то есть, начиная от того же Берингова пролива до южного мыса острова Урупа и именно до 45°50' северной широты предоставляется единственно российским подданным...

Далее сообщается о порядке задержания иностранных нарушителей этого указа и, в частности, о доставлении их в Петропавловск. Но из-за отсутствия военных кораблей у русских дальневосточных берегов ни одно иностранное судно так и не было задержано. Убедившись в бессилии русских властей на Дальнем Востоке, уже в 40-х гг. XIX в. иностранные хищники стали безнаказанно хозяйничать в русских дальневосточных водах, в том числе и у берегов Камчатки.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXXVII. — С. 903—932.

Из письма графа Я. О. Ламберга, директора департамента внешней торговли

Это письмо позволяет понять, почему русское правительство отвергло планы П. Добелла и затем объявило о запрещении иностранцам заниматься промыслами в пределах русского Дальнего Востока.

...Если теперь думают повысить благосостояние Камчатки, то надо постараться не повторять те же ошибки и не ускорять чересчур полное отделение её от империи.

Я считаю Камчатку военным пунктом, который должен охранять восточное побережье Сибири и наши колонии в Америке.

Поскольку она является центральным пунктом наших сил, главной опорой нашей мощи в этих областях, следует всеми возможными средствами укреплять её связи с нами.

Следует начать с поселения там такого количества народа, какое нужно для создания условий маломальской внушительной обороны, но не больше. Это население должно состоять не из иностранных колонистов, а из русских, причём последние должны быть набраны не среди подонков, бродяг, наводняющих Иркутскую губернию.

Затем надо подумать о том, как дать им средства к существованию, но таким образом, чтобы постоянно удерживать их в некоторой зависимости. На полуострове Камчатка могут оказаться земли, пригодные для обработки, в этом случае, если и не следует запрещать земледелие, то, во всяком случае, не нужно его и поощрять. Следует разрешить только заводить сады, пастбища и скот. Мука и хлебная водка должны привозиться из Сибири...

Продукция Камчатки должна ограничиться продуктами охоты и рыбной ловли, а если можно к ним добавить и продукты китобойного промысла, то тем лучше.

Если это первое основное положение будет одобрено, то вторым, над которым надо будет много потрудиться, является облегчение перевозок из Иркутска на Камчатку...

Появление в Петропавловске 1821 г. «пешего» английского путешественника Джона Дондаса Кохрейна

Уже не раз в наших газетах и журналах появлялись краткие полусенсационные сообщения, что будто бы ещё в начале XIX в. один английский путешественник смог «пешком» пройти через всю Сибирь, побывал на Индигирке и Колыме и потом дошёл до Петропавловска. Несомненно, здесь шла речь о Джоне Дондасе Кохрейне, который ещё в 1824 г. в Лондоне опубликовал сенсационную книгу «Рассказ о пешем путешествии через Россию и сибирскую Татарию» (она была переиздана в 1977 г. издательством Арно-пресс). Скажем сразу: в самом названии книги допущено значительное преувеличение: немалую часть своего маршрута английский путешественник проделал на лошадях, речных и морских судах. Так, от Охотска до Петропавловска он плыл на транспорте «Михаил». О пребывании в Петропавловске он оставил любопытные воспоминания, которые только теперь в нашем сборнике публикуются впервые на русском языке.

Напомню, как возникла идея его путешествия.

Кохрейн служил в английской армии и ещё во время своей службы решил, что, как только выйдет в отставку, отправится в Африку. Знакомясь с описаниями различных путешествий по Африке, он особо заинтересовался поездкой американского авантюриста Джона Ледиарда, который ранее успел побывать в Сибири, а ещё ранее участвовал в третьем кругосветном плавании Джеймса Кука.

В 1779 г. Ледиард дважды посетил Петропавловск, а позже одно время собирался организовать сбыт северной пушнины в портах Китая. Ради этой цели даже приобрёл морское судно, которое, однако, оказалось непригодным для плавания. Именно после этой неудачи он решил проникнуть в северную часть Тихого океана через Россию. Когда Екатерина II отказала ему в проезде через Сибирь, Ледиард самовольно пешком через Ботнический залив и Финляндию пробрался в Петербург. Там, воспользовавшись отъездом Екатерины II в её знаменитое путешествие в Крым, он смог получить разрешение на проезд в Сибирь. Сумел побывать в Иркутске и даже в Якутске.

...На седьмой день мы благополучно пересекли Курильские острова и на десятый увидели вершину Авачинской сопки. Сильный северный ветер и ещё более сильное постоянное юго-восточное течение, а также недостаток практических знаний у командиров судов в этой части света задержали наше продвижение, и мы из-за этого не могли опустить якорь до пятнадцатого дня, когда меня принял под свою крышу любезный и гостеприимный начальник капитан Рикорд, джентльмен, который всегда будет памятным тем, что вызволил капитана Головнина из японских рук. Я прибыл в момент празднования именин его жены. Вся юность, красота и мода города Петропавловска была здесь представлена.

Наш переход через море был особо интересным. Я был лишь свидетелем, как в спокойных водах шла битва китов, и слышал их рёв, когда они были атакованы косатками, типом рыбы-меч. Я также имел возможность установить широту Поворотного носа, который точно помещён на старых картах адмирала Сарычева, в то время как на карте Крузенштерна он нанесён неправильно на целых девятнадцать миль. Широта Нижнеколымска, Охотска и острова Ионы, однако, тоже дана на прежней адмиральской карте с ошибкой в три градуса, может быть, это от невнимательности, а не от ошибок исчисления, так как капитан Биллингс подсчитывал по английским книгам, а Сарычев — по французским. Первый понимал только по-английски и, конечно, употреблял меридиан Лондона, а последний предпочитал исчислять по меридиану Парижа, так как не понимал английского. Я упоминаю об этих извиняющих обстоятельствах потому, что ошибки, как известно, существуют.

Проходя Курильские острова, генеральная линия которых, как кажется, нанесена правильно, за исключением Второго и Четвёртого островов, которые, как и мыс Лопатка, должны быть помещены несколько восточнее и должны быть расположены на северо-восток от островов к югу от них, или южные острова должны быть помещены несколько западнее от юго-восточной линии от мыса Лопатки, ибо это истинное направление, хотя на картах они изображены иначе. Я не имел иных средств, кроме полдюжины компасов, по которым определил, где была допущена ошибка. Острова и полуостров были высокими, и поэтому чётко вырисовывались и могли быть зафиксированы, проливы можно было проходить даже ночью, несмотря на туманы, вполне безопасно, за исключением пролива у Лопатки, где наблюдается всегда сильное юго-восточное течение.

Средняя температура воздуха была около пятнадцати градусов тепла.

В гавани Св. Петра и Св. Павла я нашёл русскую экспедицию под командованием капитана Васильева, который вернулся после бесплодной попытки обогнуть Американский континент. Они обошли Ледяной мыс далее капитана Кука около тридцати миль, хотя у Азиатского берега отклонились от его курса всего на два градуса. Всё же от этой экспедиции мир получит некоторое пополнение знаний. Наиболее ценным является сообщение об открытии сильного течения у Ледяного мыса к северо-востоку и востоку. Оно столь сильно, что капитан Васильев с великим трудом вёл своё судно назад. Оно, конечно, не было оборудовано и снабжено достаточно для того, чтобы проводить зимовку на американском берегу отдельно от своего второго судна, большого транспорта в шестьсот тонн. Как было бы прекрасным это попутное течение для капитана Перри! Если бы состояние судна капитана Васильева позволило бы ему исполнить его замысел, он, конечно, имел блестящую возможность, какую когда-либо имел человек, ибо результаты первого путешествия Перри были известны на Камчатке, составить правильную карту своего путешествия и уточнить положение острова Мелвилля, до которого дошли всего несколько дней спустя.

Несомненно, или лишь с малыми сомнениями, он мог бы достичь острова Мелвилля. Итак, существует открытое море на восток и течение в три узла. К несчастью, однако, экспедиция теперь не в состоянии повторить свою попытку снова, но она может быть сделана капитаном Коцебу, однако, я всё же полагаю, что лучший пролив — Берингов.

Если капитан Коцебу решится на новую попытку пройти вокруг Ледяного мыса, он, несомненно, найдёт место для зимовки, или же зазимует, уже пройдя пролив, или вновь откроет пролив, который уже был известен русским ещё сто лет назад. Зимовка там может пройти с большим успехом, поскольку поблизости находятся местные жители с собаками, оленями, и я полагаю, что, если с должной осторожностью и использованием опытных людей, берег до реки Маккензи может быть исследован даже зимой. Собак для этой цели можно было завести с Камчатки.

Я обнаружил в Петропавловске также бриг под португальским флагом и судно с Сандвичевых островов. Первый привёз муку из Макао, другой — груз соли, как подарок императору за соболя, подаренные королю этих островов, — ответный подарок, который, казалось, был наиболее желательным. Среди прочих даров были животные в расчёте на их дальнейшее воспроизводство, хотя весьма

сомнительно, чтобы воспроизводство медведей было бы выгодным или полезным. Бриг с Сандвичевых островов был прекрасным американским судном, руководимым тремя англичанами с командой из аборигенов. Отношение администрации к гавайцам было самым дружеским, и в этом определённую роль сыграло то, что самое первое их путешествие началось с плавания на Камчатку. Вместе с судами экспедиции, транспортами и судами иностранцев в этом месте в одно и то же время оказалось восемь судов — рекордное число, которое когда-либо до этого насчитывалось.

Поверьте мне, что испытывал большое удовольствие встретить сразу трёх англичан с сандвического судна в столь далёкой части мира. Один из них был русским генеральным консулом, жившим в Маниле, откуда он спасся от страшной там резни. Я в течение своего долгого пребывания на Камчатке в его лице нашёл любезного, гостеприимного, законченного джентльмена, короче, истинного ирландца. Второй был простой, честный бостонец, обременённый шестью детьми и женой, которые должны были вернуться на родину, где они благоденствовали. Он был вежлив и добр ко мне. Последним был Кокней, который был выслан из Москвы за подлог. И хотя он был высечен, бит кнутом, он всё-таки был хорошо принимаем в каждом доме. Я не знаю, каковы порядки в России, но в Сибири, как и в Ботническом заливе, осуждённые принимаются с уважением, если они ранее вели респектабельную жизнь. Что касается меня, то и его только жалел и радовался, что его наказание было милостивым. Будь он русским, к нему отнеслись бы иначе.

Время неслось быстро в приятном обществе начальника Камчатки и его любящей леди, совместно с очень красивыми молодыми людьми, офицерами экспедиция и порта. И я был озабочен, как мне вырваться из постоянного курса балов, поездок, обедов и маскарадов — из сети, в которой я чувствовал, что всё более и более запутываюсь. Однако начальник склонен был мне гарантировать средства передвижения для отъезда, но это было невозможным до выхода экспедиции из бухты.

Прошло два месяца, пока экспедиция не покинула залив, а я таким способом предавался страсти, которая увенчалась женитьбой, столь большое значение имевшей для моего путешествия. Однако я не имел выбора, и в день, когда капитан Васильев покинул гавань Петропавловска, поднял этот вопрос. Мои воздушные фантазии, мои сильные желания и мой эксцентрический поворот судьбы был рассеян одной женщиной, с которой я решил совершить путешествие по полуострову, прежде чем повести её к алтарю.

После того как всё было приготовлено, я покинул порт Петра и Павла в сопровождении семнадцати нарт, которые были управляемы офицерами и аборигенами, и на протяжении двух миль — женщинами, одна из которых, покидая меня, поцеловала.

Capt. John Dundas Cochrane. R. N. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Seas and Kamchatka; performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823. London: John Murray, 1824. — P. 353—358.

Дж. Д. Кохрейн поплыл 24 августа 1821 г. из Охотска на Камчатку на русском транспортном бриге «Михаил». До этого он успел побывать на Индигирке и Колыме. О пешем путешествии Кохрейна в нашей стране писали уже неоднократно.

Плавание шлюпа «Аполлон» в 1821—1824 гг. под командой С. П. Хрущёва от порта Джексон (Австралия)

Шлюп был отправлен 13 июня 1822 г. для доставки в Петропавловский порт различных грузов.

...9-го, 10-го и 11 августа [1822 г.] подходили к камчатскому берегу на самое близкое расстояние, и хотя он нам несколько раз показывался, однако ж за туманом не могли его рассмотреть порядочно.

12 августа на рассвете, по очищении берегов от тумана и пасмурности, нашли себя у самого входа в Авачинскую губу. В полдень наблюдения показали, что хронометрический наш пункт был 15°46' восточнее пеленгованного, счислимый же 9°2'.

13 августа вошли в Петропавловскую гавань, совершив благополучно переход от порта Джексона в шестьдесят один день.

По прибытии нашем мы уже не застали в Петропавловске начальника Камчатской области г. капитана 1-го ранга Рикорда. Он незадолго перед сим уехал в Охотск, а потому, отнесясь о моём приходе к управляющему Камчатской областью капитан-лейтенанту Голенищеву, не медля, приступил я к выгрузке и сдаче имевшихся на шлюпе материалов и вещей для Петропавловского и Охотского портов и, пользуясь постоянною хорошею погодою, в тридцать два дня перегрузил шлюп, положил в оный три с половиной тысячи пудов каменного балласта и сделал все нужные исправления.

14 сентября отправились мы к северо-западным берегам Америки в колонии Российско-Американской компании для занятия назначенного шлюпу поста...

Записки, издаваемые государственным адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности. — 1826. — Ч. 10. — С. 219—220.

Из записок О. Е. Коцебу о его плавании на судне «Предприятие». Посещение Петропавловска в 1824 г. (9 июня — 20 июля)

Главный город полуострова, похожий скорее на деревню, расположился в Петропавловской гавани, от которой и получил своё название. Здесь находится резиденция начальника Камчатки капитана 1-го ранга Станицкого. В городе имеется всего два-три дома с некоторыми удобствами. Остальные дома, числом около пятидесяти, представляют собой лишь хижины, беспорядочно разбросанные по склону горы. Все жители города — русские. Это государственные служащие, солдаты в отставке, матросы и мелкие торговцы. Камчадалы живут в небольших селениях по берегам рек во внутренней части страны.

С тех пор как Крузенштерн двадцать пять лет назад описал Камчатку, она мало изменилась. Единственные перемены к лучшему, пожалуй, состоят в том, что жители Петропавловска начали возделывать картофель, а цены на различные товары и жизненно необходимые припасы уже не так несоразмерно высоки, как прежде, когда их пересылали сушей до Охотска и только оттуда отправляли морем. Теперь они перевозятся от начала до конца морским путём...

Согласно точной переписи, проведённой в 1822 г., на Камчатке проживало 2 457 мужчин и 1 941 женщина, не считая чукчей, численность которых не поддаётся учёту. Камчадалов из них было 1 428 мужчин и 1 330 женщин, всё прочее население составляли коряки и русские. Всего во владении у населения находилось: лошадей — 91, рогатого скота — 718, собак — 3 841 и оленей — 12 000. Последние принадлежали исключительно корякам.

Городок, в котором мы остановились, был весьма невелик. Однако отдых на суше после длительного морского путешествия всегда очень приятен, а радушный и дружественный приём, который мы встретили как со стороны начальника, так и со стороны жителей, сделал его ещё приятнее.

Большое развлечение доставила нам медвежья охота, во время которой нам посчастливилось убить огромного зверя. Медведей здесь водится такое множество, что их можно встретить даже вблизи от гавани.

В охоте на медведей обычно столь робкий камчадал проявляет большую храбрость. Часто он выходит на медведя один на один, вооружённый лишь копьём и ножом, и старается, прежде всего,

раздразнить зверя. Когда же медведь встаёт на задние лапы, что он обычно делает, защищаясь от нападения, охотник ударяет его в грудь копьём, старается упереть другой конец копья в землю, а затем приканчивает зверя ножом. Всё же медведь иногда одолевает охотника, и тогда последний расплачивается жизнью за свою отвагу.

О дерзости местных медведей свидетельствует следующий анекдот. Год назад ощущалась нехватка рыбы, которая составляет главную летнюю пищу медведей и добывается ими самими из рек. В результате среди медведей начался голод. Они всю зиму не ложились в берлоги, а бродили вокруг города и даже появлялись на улицах. Один медведь расхрабрился настолько, что зашёл в дом, дверь которого была случайно открыта, а затем за ним захлопнулась. Хозяйка дома только что поставила в сенях большой кипящий самовар. Медведь стал его обнюхивать и обжёг нос. Рассвирепев, он схватил самовар передними лапами и прижал к груди, чтобы уничтожить, но обжёгся ещё больше. Услышав его яростный рёв, сбежалась вся семья, а также соседи. Медведя убили ружейными выстрелами через окно. Но он обессмертил себя, войдя в пословицу: того, кто причиняет себе вред собственной горячностью, отныне называют здесь «медведем с самоваром».

14 июля Прейс (астроном экспедиции. — *Б. П.*) наблюдал солнечное затмение. На основании этих наблюдений он рассчитал, что долгота Петропавловского порта составляет 158°49'29'' вост. В тот же день Ленц, Гофман и Зивальд (учёные экспедиции. — *Б. П.*) предприняли смелое восхождение на Авачинскую сопку, расположенную неподалёку от гавани. Восхождение прошло удачно. Высота сопки, согласно показаниям барометра, оказалась равной 7 200 футам над уровнем моря. Кратер сопки время от времени дымился. Шапка, опущенная туда на глубину нескольких футов, была вытащена обратно обгоревшей. В доказательство того, что они исследовали сам кратер, учёные принесли на корабль несколько кусков кристаллической серы.

Утром 20 июля, закончив выгрузку товаров, предназначенных для Камчатки, мы со свежим попутным ветром вышли из Петропавловской гавани и направились к русскому поселению Ново-Архангельску, расположенному на северо-западном берегу Америки. При заходе солнца нашим взорам в последний раз предстали возвышавшиеся в отдалении величественные горы Камчатки.

Этот пустынный край, на который до сих пор обращают так мало внимания, сможет когда-нибудь стать для России тем, чем

является Мексика для Америки. Мы не увезли оттуда никаких сокровищ, если не считать ласточкина гнезда. Я упоминаю о нём потому, что это гнездо долгое время развлекало весь экипаж.

Прибрежные глубины в Петропавловской гавани настолько велики, что суда могут останавливаться у самого берега и сообщаться с ним при помощи сходней. По этой причине пара ласточек приняла наш шлюп за здание, расположенное на суше, и, к великой радости матросов, которые сочли это счастливым предзнаменованием, свила себе гнездо вблизи моей каюты. Не смущаясь шумом судовых работ, ласточки вывели здесь птенцов, заботливо выкармливали их и распевали свои весёлые песенки. Внезапно их мирное жилище начало удаляться от берега. Это повергло ласточек в крайнее удивление. Они тревожно кружились над отплывающим судном, но продолжали приносить с берега пищу для птенцов.

Когда же расстояние между судном и берегом слишком возросло, началась борьба между чувством самосохранения и родительской любовью. Долго ещё кружились ласточки над судном, то исчезая, то появляясь вновь. Иногда они усаживались возле своих голодных птенцов, и те с жалобным писком протягивали им навстречу широко открытые клювы. Наконец ласточки окончательно скрылись из виду, и матросы приняли на себя заботу об осиротевших птенцах...

Коцебу О. Е. Путешествие вокруг света. 2-е изд. — М.: Географгиз, 1948. — С. 289.

П. Низовцев. «Краткое описание плавания вокруг света на шлюпе “Кротком” в 1825, 1826 и 1827 г.» (пребывание на Камчатке)

Сего 11-го июня поутру подняли якорь и пошли в гавань. Проходя мимо крепости Сигнального мыса, отсалютовали оной девятью выстрелами и, вошед в гавань, положили якорь и сделали фертоинг. Итак, наше плавание с острова Нукагива до Петропавловского порта продолжалось пятьдесят пять дней.

Положение берегов Камчатки изображает вид неровных холмов с впадинами, покрытых снегом и напоминающих вечно царствующую осень. В некоторых местах низких холмов изредка видна зеленеющая трава. Высокие холмы и сопки, как то Авачинская и Корякская, самые наибольшие, последняя из сих лежит на норде и превосходит всех, ибо оная по высоте своей показывается первая. На сей сопке изобилует многочисленное количество диких баранов, приносящих жителям здоровую пищу.

Вход в губу весьма удивляет как создание природы от начала веков. Сначала не так высокая с отлогостию гора, покрытая изредка зеленеющею травою, переходит затем в высокую перпендикулярную. На верху ея — телеграф.

Впереди губы на глубоком фарватере видны три огромных камня, называемые Тремя Братьями. Сии величайшие камни лежат по правую сторону входа в губу, а по левую сторону тоже довольно высокий камень, именуемый Бабушкиным. Сие наименование произошло потому, что оный окружён несколькими невысокими каменьями, и все они унизаны птицами, называемыми топорками, кои имеют в оных гнёзда.

Пролив весьма обширный и безопасен, вход в гавань весьма узкий, и если бы оный был укреплён, то никак невозможно было бы в случае нападения неприятеля приблизиться к порту. Первое — сама природа затрудняет искать входа, а второе — к мысу, выдавшемуся, лежащему по правую сторону сей гавани, находится песчаный риф, на котором хотя и есть батарея, но не приносящая никакой защиты, как равно и напротив лежащая на мысе, называемом кошкою, которая обнесена земляным бруствером.

Сначала сии крепости имели хорошую оборону, но теперь пришло всё в упадок от несмотрения. Насыпь бруствера осыпалась, амбразуры все ослабли, отчего орудия со станками находятся открытыми. Посему и всё действующее на оной не прикрыто бруствером, равно батарея, находящаяся на перешейке, на которой станки до самых осей углубились в землю и все сгнили, потому что нет под оными настилок, сверх сего, они всегда находятся на открытом воздухе. Если бы все сии укрепления были приведены в лучший порядок и ещё в некоторых нужных местах построили новые, то можно было бы назвать неприступною Камчатку.

Расположение строения порта весьма обезображено, потому что расположено нерегулярно, но во внутренности покоев чистота весьма соблюдена. Заведений для публичной торговли не имеется, а хотя и есть до пяти лавок, то в оных продажа начинается с октября по май месяц. Торговля состоит более из чая, сахару и из выделываемых товаров и горячих вин. В бытность нашу даже ни простого вина, ни рому не было. Жители имеют великую нужду в хлебе и заменяют оный рыбою, которую на зиму запасают, также нуждаются очень солью, которая для них весьма необходима.

Жители, как в сем порте, равно в близлежащих окрестностях, особенно в Нижнекамчатске, изобильны рогатым скотом, но для пищи весьма мало его употребляют. Посему и говядина у них

в весьма высокой цене и доставляется из Охотска солёною. Оная никогда не бывает сходнее ценою, как за фунт пятьдесят копеек. В летнее время большой урожай ягод, молоко не бывает никогда дешевле тридцати копеек за бутылку, а в зимнее время ещё дороже, потому что доставка сена весьма затруднительна, ибо они лошадей не имеют. Да, признаться сказать, хотя оные и были, то не могли бы принести никакой пользы, потому что дороги весьма неудобны по утёсам и впадинам простирающимся, хотя бы это и было в зимнее время.

Зимою снега бывают весьма глубокие, так с трудом можно жителям из своих домов выйти, но, напротив того, зима бывает весьма тёплая.

Итак, сии жители употребляют вместо лошадей собак, запрягают их в сани (иначе называемы нартою) по две в ряд, а в целую упряжку употребляют — семь, одна из сих именуется передовой, которая отличается своим познанием и стоит не менее ста рублей. Эти собаки никогда не уступят хорошим лошадям.

В обхождении жители весьма ласковы и гостеприимны, как природные россияне, равно и камчадалы. В бытность нашего пребывания много делано было вечеринок, в которых и я имел случай участвовать. Оные всегда были проводимы весело, и каждая кончалась не ранее, как всходило солнце, и барабан возвещал пробуждение остальным жителям, покоящимся в сладком сне, а мы лишь только кончили весёлую пирушку и шли на покой. Я спал на берегу в палатке. Иногда случалось — рано пробуждался и, слыша голос нежных птиц, который напоминал мне, как будто я нахожусь в любезном моём отечестве, у родных, и по выходе из палатки вдыхал запах цветов. Но, раздумывая и смотря на угрюмые холмы и высокие скалы, чувствую другое — весело, но всё не так, как где родился и где воспитан. Подобно богачу, веселящемуся в золотых чертогах, бедному — в лесу, но ни тот, ни другой не променяет на другое.

Газета «Котлин» (Кронштадт). 1903. № 49. С. 2—3.

В 1826 г. опытный моряк Фёдор Петрович Литке, совершивший ряд удачных исследовательских плаваний в Арктике, был приглашён возглавить новую экспедицию в северной части Тихого океана. Для этой цели ему был выделен построенный на Охтинской верфи небольшой трёхмачтовый парусник «Сенявин» водоизмещением всего в триста тонн. Вместе с ним одновременно на Тихий океан был направлен небольшой шлюп «Моллер», которым командовал Михаил Николаевич Станюкович, отец знаменитого

писателя-мариниста Константина Михайловича Станюковича. Оба судна должны были доставить в Петропавловск очередную партию различных грузов. На них отправились и несколько человек для дальнейшей службы в Петропавловске.

Ф. П. Литке после ряда успешных исследований в Тихом океане и у берегов Русской Америки впервые прибыл в Петропавловск 13 сентября 1827 г., где и сдал все им привезённые грузы. Ровно через месяц он вышел к Каролинским островам. Иначе сложилась судьба М. Н. Станюковича. Он смог достичь Петропавловска ещё 13 июля 1827 г., где сдал привезённый груз, откуда вскоре отправился к берегам Русской Америки, а позже к Гавайским островам. Вторично Станюкович подошёл к Авачинской губе 11 апреля 1828 г., и так как она тогда ещё была покрыта льдом, вторично отправился к берегам Русской Америки с тем, чтобы в августе вновь вернуться в Петропавловск, где он и пробыл в течение двух месяцев.

По-другому действовал Ф. П. Литке. После успешных исследований в центральной части Тихого океана, он 28 мая 1828 г. ещё раз вернулся в Петропавловск, где до 15 июня готовился к плаванию к Берингову проливу. В пути провёл тщательную съёмку берегов от Камчатки до Чукотки. 23 сентября Литке вновь возвращается в Петропавловск, где уже более месяца его ожидал Станюкович, с тем, чтобы вместе с ним отправиться в Кронштадт.

В наш сборник включены воспоминания Фёдора Литке о его трёхкратном пребывании в Петропавловске. А вот неопубликованные записки М. Н. Станюковича, упоминавшиеся в литературе, пока обнаружить не удалось.

Рассказ Ф. П. Литке о своём первом пребывании в Петропавловске (13 сентября — 19 октября 1827 г.)

Невзирая на все невзгоды путешествия,
Камчатка оставила мне много
приятных воспоминаний.
Из «Автобиографии» Ф. П. Литке

Подойдя к берегу миль на десять, рассмотрели мы все его пункты и спустились к Маячному мысу. Между тем ветер перешёл к *N* и заставил нас лавировать к устью губы Авачинской, где мы в сумерки положили якорь.

Едва только совершенно смерклось, засветились огни на мысе Маячном и на другом, внутри губы, так что мы и ночью могли бы весьма спокойно в неё войти, если бы позволил ветер. Плавая с самого отправления из Европы в таких местах, где мореплаватель в собственной только осторожности находит свою безопасность, приятно было встретить учреждение, доказывающее заботу о его успокоении. Мы, однако, не имели случая им воспользоваться, ибо всю ночь должны были пролежать на якоре. Поутру 13-го снялись, стали лавировать и не ранее, как сделав двадцать два поворота, могли войти в Петропавловскую гавань.

Мы пробыли здесь до половины октября. Выгрузка и сдача вещей, привезённых для Петропавловского и Охотского портов, и изготовление судна к зимней кампании взяли более трёх недель времени. Когда мы уже были совсем готовы, получили известие, что охотский транспорт «Александр», на котором была русская почта, разбился вблизи Большерецка и что почта будет доставлена сюда через несколько дней сухим путём. Мы уже более года находились без всяких известий о России. Зная, что почта так близко, слишком жестоко было бы уйти и остаться ещё почти настолько же в беспокойном ожидании её. И я решился пожертвовать несколькими днями, чтобы дождаться почты, к радости и утешению всех моих спутников.

17 октября нетерпеливое ожидание каждого из нас окончилось. Упокоенные, утешенные и ободрённые к перенесению новых трудов, ожидали мы только благоприятного ветра, и 19 октября оставили, наконец, покрытые уже снегом берега Камчатки.

Выписка из введения к книге Ф. П. Литке, связанная с его первым посещением Петропавловска

Сверх того находилось на шлюпе до первого прибытия в Камчатку пятнадцать человек матросов и мастеровых, отправленных на службу в Охотский и Петропавловский порты. За исключением одного матроса, умершего вследствие ушиба, полученного при падении с марса, все участвовавшие в экспедиции благополучно увидели отечество. Но нам суждено было год спустя оплакать потерю деятельнейшего её участника Мартенса. Да позволено нам будет почтить здесь память незабвенного друга, в цвете лет похищенного у наук. Ревностный учёный, приятный собеседник, он был душой и украшением маленького нашего общества. Энтузиазм его к наукам не знал пределов, он умел распространить его на всех, и не только

товарищи, но даже матросы радовались, когда чем-нибудь могли помогать его работам. Доблести его как учёного и неутомимого естествоиспытателя оценены другими. Мы оплакиваем в нём драгоценного товарища по качествам души и сердца.

Второе пребывание Ф. П. Литке в Петропавловске (28 мая — 15 июня 1828 г.)

...Поутру 29 мая осмотрели мы устье Авачинской губы, а в первом часу пополудни положили якорь в Петропавловской гавани.

Обманувшись в надежде запастись сухарями на Марианских островах, имели мы их теперь, хозяйственно, не более как на три месяца. Для пополнения этого необходимого запаса, так, чтобы можно было дойти до Манилы, решил я купить здесь муки ржаной и оставить несколько человек для выпечки из неё сухарей в наше отсутствие. Разные распоряжения, приготовление бочек и прочее, так же как и изготовление карт и журналов за зимнюю кампанию для отправления в Россию и другие дела продержали нас на Камчатке дольше, нежели мне хотелось. Не раньше 14 июня могли мы выйти из гавани в Авачинскую губу.

Третье пребывание Ф. П. Литке в Петропавловске (19 сентября — 19 октября 1828 г.)

Последнее наше пребывание в Петропавловской гавани продолжалось пять недель. Хотя прибытие нового начальника области, капитана 2-го ранга Голенищева, с молодой и любезной супругой в сопровождении многих семейных чиновников и встреча двух военных судов оживили столицу Камчатки так, как, конечно, не бывало со времени основания её.

Это не могло заставить нас забыть, что отсюда путь наш будет уже лежать к отечеству, и мы среди беспрестанных праздников и увеселений спешили окончить все наши дела и приготовить шлюп к морю. 28 октября жестокий северный ветер с пургой установил совершенную зиму во всех окрестностях гавани и усиливал нетерпение наше оставить холодную страну эту.

С рассветом 29-го [октября] вытянулись мы из гавани и пошли в путь, но из-за весьма тихого ветра должны были за Бабушкиным камнем лечь на якорь. Поутру 30-го поднялся весьма свежий *NNW* ветер, с которым мы не замедлили выйти в море. К вечеру потеряли, уже в последний раз, из виду берега Камчатки...

В плавании Фёдора Литке на шлюпе «Сенявин» принимали участие многие талантливые моряки: посланный в Петропавловск Николай Завалишин (родной брат декабриста Дмитрия Завалишина), Иван Ратманов, Николай Бутаков, Готлиб Глазенап, Гавриил Новиков и три выдающихся натуралиста: Карл Мартенс, Александр Постельс и барон Китлиц. Последние два оставили после себя ряд ценных научных трудов. В наш сборник включается отрывок из воспоминаний Китлица о его пребывании в Петропавловске.

Из рассказа доктора Китлица, участника плавания Фёдора Литке на шлюпе «Сенявин» в конце сентября 1827 г.

Петропавловская гавань... представляет одну из лучших естественных гаваней мира. С северо-восточной стороны она защищена лесистыми возвышенностями, с запада — крутым мысом вышиною около двухсот футов, с юга — удивительно узкою и чрезвычайно правильною мелью-кошкой, которая оканчивается внезапно близ упомянутого мыса и оставляет проход в гавань. В прежние времена на этом мысе стояли дома, составлявшие здешнее поселение, но теперь там находится лишь длинный ряд балаганов, то есть амбаров на высоких столбах, характерных построек Камчатской области. Большая часть этих балаганов покинута, остались одни высокие их столбы.

Главный город здешней страны и сосредоточие управления расположен там, где начинается упомянутый мыс, и простирается до подножья крутых гор. Это поселение состоит приблизительно из сорока, большей частью одноэтажных бревенчатых домов, которые рассеяны по склону горы, поросшему короткой травою. Жителей не больше двухсот, и они состоят почти из одних русских чиновников, немногих купцов и их потомства.

Естественно, что большая часть этих жителей должна заниматься охотою, рыбной ловлею, огородничеством (настоящим земледелием в Петропавловском порте не занимаются), скотоводством и ловлением соболей. Соболиные меха здесь употребляют по преимуществу как деньги. Несмотря на чрезвычайное обилие в траве, здесь трудно заниматься скотоводством и можно держать только рогатый скот и лошадей, тщательно присматривая при том за телятами и жеребятами, чтобы их не заели собаки, животные необходимые в Камчатке с незапамятных времён. Только они могут возить сани зимой в глубоком рыхлом снеге, в котором лошади

тонут. Летом собаки бегают на свободе, прокармливаются сами и нападают на мелких животных, точно волки. Они раздирают всё, что успеют пересилить, и нередко нападают даже на людей. Оттого в Камчатке невозможно держать домашних птиц, овец, свиней и коз.

Петропавловский порт богаче других местностей Камчатки огородами, в которых очень хорошо растут горох и картофель. Огород находится почти у каждого дома. Также огорожены пространства с грядами, обыкновенно без деревьев, они придают совершенно особый вид городу, в котором резко выдаются ещё два деревянных моста с высокими перилами, перекинутые через два ручья.

Цитируется по переводу, опубликованному в журнале «Вокруг Света» (1862, с. 415).

В сочинении Китлица подробно описываются его ихтиологические исследования, проведённые в Петропавловске. По его мнению, в Авачинской губе в те годы наиболее распространённой была сельдь. С восторгом он же сообщает об обнаружении здесь редчайшей нерпы. Подробно рассказывает и о своём знакомстве с паратунским священником Романом Верещагиным, сыном того самого Верещагина, с которым встречались спутники Кука и Лаперуза.

Рапорт директору строительного департамента по морской части от 5 марта 1828 г.

В исполнение предписания вашего высокопревосходительства от 27 февраля с. г. № 199 о предположениях начальника Камчатки капитана Голенищева на счёт улучшения Петропавловского порта честь имею донести, что относительно укрепления сего порта я нахожу места, избранные бывшим начальником Камчатки г. Рикордом для устроения на оных батарей, весьма удобными и приличными, но не могу решительно сказать, не будет ли предполагаемое им число орудий для сих батарей слишком велико, ибо для одного действия 37 орудий потребно 222 человека, кроме необходимого прикрытия, чего трудно предполагать при ограниченности тамошнего гарнизона, почему и считаю, что определение количества орудий должно предоставить нынешнему начальнику Камчатки.

Батареи же весьма достаточно будут защищать от нападения с моря, но необходимо нужно сделать в них редуты или блокгаузы для отражения высадки какой-либо десантной команды.

Сие, конечно, лучше может сообразить на месте начальник Камчатки обще с инженерным офицером, которого иметь там необходимо нужно.

Насчёт назначения такового офицера честь имею доложить, что состоящий при чертёжной вверенного мне департамента инженер-поручик Якубовский изъявил мне желание быть откомандированным в Камчатку.

Зная его с весьма хорошей стороны, как в отношении его познаний в архитектуре и фортификации, так равно и к похвальному поведению, я полагаю, что г. Якубовский весьма будет полезен в Камчатке и выполнит цель своего назначения. Сверх того, и сам начальник Камчатки в бытность свою в Санкт-Петербурге просил ходатайства моего, в случае назначения к нему инженерного офицера, об отправлении к нему Якубовского.

Инженер-генерал-лейтенант
Карбоньер

РГА ВМФ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 39. Л. 10—11.

Выписка из журнала комитета образования флота, 4 мая 1828 г.

Комитет образования флота с получением мнения от особо учреждённого из среды членов его контр-адмиралов Крузенштерна, Ратманова и Беллинсгаузена и генерал-майора Головнина комитета для предварительного рассмотрения предположений начальника Камчатки об улучшении Петропавловского порта и положения служащих в оном нижних военных чинов, так как помянутые господа члены, посещав разновременно Камчатку, имели случай получить практически о сем отдалённом крае в различных отношениях его сведения, и по представлению собранных к делу сему от управления генерал-интенданта, а из канцелярии Морского министерства справок, имел рассуждение по означенным предметам, причём слушал вновь выписку из представления начальника Камчатки о его предположениях, потом помянутые выше мнения оного комитета и справки, к предмету сему относящиеся.

Существо сказанных бумаг состоит в следующем:

I. *О предположениях начальника Камчатки флота капитана Голенищева. Предположение его имеет целью улучшение: а) собственно Петропавловского порта и б) положение нижних чинов тамошнего края.*

В первом случае находит он надобным:

1. Поселить около порта сорок семей из солдат иркутских или ненаказанных ссыльных из иркутского ремесленного дома, или из Тальминской фабрики, или из Охотской экипажной роты.

2. Прибавить к команде, в Камчатке состоящей, 65 человек из разных чинов.

3. Дать особый транспорт для доставления из Нижнекамчатска в Авачу леса.

4. Укрепить форт и защитить его со стороны моря представляемым им способом, кое суть: определение туда особого инженера для постройки батарей, построение трёх канонерских лодок, дача одного военного судна для пересылок в американские селения и вообще введение по порту того, что предписано в положении 1812 г.

Во втором случае, то есть касательно улучшения положения нижних военных чинов, предположения сии состоят в том, чтобы:

1. Привести оных [нижних чинов] в военный вид.

2. Дать им пристойное помещение.

3. Удовлетворить за неполученные в своё время и переношенные вещи по ценам камчатским.

4. Прибавить в натуре третью рубашку, две пары чулок.

5. Дать ружьё с прибором, суму и тесак с чёрными перевязями.

6. Производить рядовому и мастеровому по три фунта в неделю солонины, по одному фунту масла в марте, апреле, мае, октябре и ноябре и по одной чарке вина во время работ в сырые и ненастные дни.

7. Укомплектовать детьми рядовых и ежегодной присылкой отсюда четырёх матросов и

8. Назначить срок службы нижних чинов 20 лет.

II. *Мнение особого комитета под первенством контр-адмирала Крузенштерна о поселении около порта 40 семей из солдат иркутских или из ненаказуемых ссыльных и проч.*

Меру поселения около Петропавловска семей комитет не одобряет потому: a) что оные сопряжены со многими затруднениями и с весьма большими издержками и вообще неудобоисполнимыми; b) что не имеет полезной цели и c) есть насильственная, в подтверждение чего приводится следующее доказательство:

a) должно взять в соображение не только издержки, потребные на сопряжённый с бесконечными затруднениями перевоз 40 семей со всем их имуществом через столь дальнее расстояние от Иркутска до Петропавловска, но, кроме того, ещё и издержки на продовольствие, в коем состоять будет надобность не один только год, как полагает г. Голенищев, но гораздо долее, ибо кто бывал в Камчатке, тот легко убедиться может, что новые поселенцы, хотя бы и снаб-

жены были всеми потребностями, не в состоянии будут, однако, в продолжение первых пяти лет содержать себя без пособия правительства.

Если не захотят поместить сии 40 семей в юртах, то им в Петропавловском порте жить негде, и потому надобно построить для них домы. Но, как известно, что поблизости порта вовсе нет лесу, то и должно привозить оный из Нижнекамчатска. Если и назначать для сего одно судно, то доставка лесу на построение 20 домов (полагая поместить в каждом доме по две семьи) должна продолжаться 20 лет. Каким же образом сии переселенцы могут прожить столь долгое время без надлежащего пристанища в суровом камчатском климате?

b) предположив какую-либо возможность, хотя и не предвидится оной, устранить показанные затруднения, надобно решить какую пользу принесёт сие поселение. Если б Камчатка имела везде пахотную почву, то было бы, конечно, желательно увеличить там народонаселение, но там родится хлеб только поблизости Верхнекамчатска, и то не всегда. Поблизости же Петропавловского порта поспевают только одни огородные овощи, а потому чем более народонаселение, тем труднее с продовольствием. И теперь уже, несмотря на настоящую малочисленность русских обитателей в сем краю, снабжение их провиантом, в коем иногда настаёт великий недостаток, составляет главнейшую заботу правительства и сопряжено с великими затруднениями.

Вместо переселения вновь семей из России в Камчатку следовало бы, как и в положении 1812 г. постановлено, делать все возможные вспомоществования водворённым уже там русским, равно как и прочим служащим, желающим там поселиться. В таком только случае народонаселение может постепенно возрастать, и то по мере представляющихся способов к пропитанию. Другое средство, которое признано положением 1812 г. необходимым для благосостояния Камчатки, есть сохранение камчадалов, которые действительно суть единственные полезные жители Камчатки: русские без них существовать не могут, и содержание их не стоит никаких издержек (правительству способы и средства по сохранению камчадалов изложены весьма подробно в положении 1812 г.) и потому остаётся только исполнять в точности предписанное;

c) на опыте дознано, что перемещение людей из одной земли в другую редко удаётся, если при переселении их не случится особого стечения благоприятных обстоятельств и, что главное, естьли переселяются они не по собственному их произволу. Никто охотно

не оставляет страну, в которой родился, и хотя бы предстояло ему переселение в лучшие дома, место, то и тогда решается на сие неохотно, ибо любовь к родине есть неразлучна с человеческою природою. Не имея же никакой надежды на улучшение своего существования, поселенец теряет дух, и в нём рождается ненависть к новому своему местопребыванию. Известно, что в 1799 г. по представлению генерала Сомова поселены были близ Верхнекамчатска солдаты. Хоть и снабжены они всеми потребностями, и семейства их перевезены туда за счёт казны (что стоило более 200 000 рублей), но сие переселение не имело никакого успеха. Подобные меры оправдываются в таком только случае, когда сопряжены с тем важнейшие политические виды. Из вышесказанного, однако, явствует, что сие здесь вовсе неуместно.

III. *О прибавке к экипажу 65 человек разных чинов.*

Сие предположение равномерно кажется не имеющим никакой полезной цели, ибо в штате 1812 г. положено весьма достаточное число служителей, и поелику за неимением кораблестроительного лесу суда в Петропавловском порте строиться не могут, то, следовательно, нечем будет занять надлежащим образом находящийся там экипаж. К тому же продовольствие 65 человек и постройка для них казармы представляет те же самые затруднения, с каким сопряжено и предполагаемое переселение. Почему комитет и не одобряет прибавки 65 человек к экипажу, что же касается до прибавления числа мастеровых в Камчатке, то генерал-интендант не признаёт сие нужным по причинам, представленным от него в бывшую Адмиралтейскую коллегию.

IV. *О даче особого транспорта для доставления из Нижнекамчатска в Авачу леса, о постройке трёх канонерок и о назначении одного судна для посылок в американские селения.*

Комитет одобряет положение построить в Охотске несколько удобных судов, равно как транспортное судно, назначенное собственно для Камчатки, но три канонерские лодки признаёт излишними, особенно потому, что на них требуется много людей. Два небольших палубных судна от 35 до 30 тонн весьма достаточны для посылок в разные заливы Авачинской губы и требуют только трёх или четырёх человек. Необходимость содержать военное судно для обозрения по временам колоний Американской компании на Алеутских островах, Кадьяке и американском берегу и для описи берегов, как сие предназначено было в положении 1812 г., ныне уже миновалась, ибо Американская компания с того времени получила совсем другую организацию, и один из флотских офице-

ров, уполномоченный от правительства, есть начальник американских поселений. Что же касается до описи берегов, то на сей именно конец отправлена недавно экспедиция, которая не прежде оставит тамошнее море, пока все малоизвестные берега не будут описаны.

V. *Об укреплении поста и защищении его с моря, равно об определении инженера для постройки батарей.*

Употребить много трудов и большие издержки на укреплении Петропавловской гавани и определить к сему настоящего инженерного офицера комитет также полагает совершенно ненужным, потому что порт сей как бы хорошо укреплён ни был, не мог бы при слабом гарнизоне противостоять двум или трём неприятельским фрегатам, ибо в Авачинской губе повсюду можно делать высадки, отчего Петропавловскую гавань и с берега, и с моря атаковать легко. Но, кроме того, можно сказать утвердительно, что ни одна европейская держава не вздумает, конечно, обойти полсвета для завоевания страны, в которой с трудом содержится небольшое число собственных своих жителей и которое кроме собольих мехов ничего не производит. Если же и допустить устроение батарей действительно необходимо, то и флотские офицеры, которые обучались фортификации, в состоянии сами избрать приличное место для укреплений и производить сию работу без посредства инженерного офицера, который девять месяцев в году останется в совершенном бездействии.

По объявлению генерал-интенданта места, могущие служить к обороне порта, по предписанию бывшего камчатского коменданта начальника области генерал-майора Петровского назначены ещё в 1810 г. комиссией, состоящей из командира и офицеров шлюпа «Диана» и артиллерийских офицеров тамошнего гарнизона, и план порта и укреплений с замечаниями комиссии был от неё представлен генерал-майору Петровскому и им одобрен, который, вероятно, ныне находится в делах Камчатки.

По прочим предположениям начальника Камчатки особый комитет, минуя подробности, согласился со своей стороны на введение вообще по порту того, что предписано по положению 1812 г., как равно и расширение и улучшение положения нижних чинов, дополнив своё мнение следующими примечаниями:

Цель учреждённого в 1811 г. комитета под председательством тогдашнего сибирского генерал-губернатора Пестеля состояла в изыскании средств улучшить положение жителей Камчатки, поселённых там русских и оставшихся ещё камчадалов, а высочайше утверждённым 9 апреля 1812 г. положением изъяснено, каким

образом без больших издержек достигнуть желаемой цели. Все меры, постановленные тем комитетом, суть весьма полезные, удобоисполнимые и не стоящие значительных издержек, ибо комитет состоял из особ, которым Камчатка совершенно известна. Приглашал ещё для совещаний генерала Кошелева, бывшего там несколько лет комендантом и областным начальником. Итак, прежде составления новых проектов об улучшении Камчатки следовало бы удостовериться, приведены ли в исполнение давно предписанные в положении меры? И ежели нет, то по какой именно причине не исполнены?

Камчатка так мало ещё ведана, что усердный учёный и опытный начальник может с каждым днём вести её к улучшению, не обременяя и не затрудняя в том правительства, тем более что оно определило уже потребные к сему делу меры. Главнейшая забота начальника Камчатки должна состоять в продовольствии Камчатки провиантом, как о сем и выше упомянуто, то комитет полагает, что удобнее снабжать оную из Калифорнии, откуда получает провиант и Американская компания, нежели перевозить муку в кожаных сумах через Охотск. Доставление сим путём не только дороже, но и сама мука привозится весьма часто повреждённой. Поелику же начальник Камчатки имеет в своём распоряжении транспортное судно, которое если не будет иметь нужнейшего назначения, может употребляться на таковой предмет. При обратном же плавании судно может заходить к Сандвичевым островам, лежащим на самом пути, дабы нагрузиться солью, в которой Камчатка всегда более или менее нуждается.

Сверх того и суда, отправляемые из Кронштадта в Камчатку, могут в случае недостатка оной в провианте оставаться там одним годом долее для подобных посылок в Калифорнию и к Сандвичевым островам. И сие последнее предположение кажется удобнее всех других, относительно сего предмета предположенных.

VI. *Справки, к делу сему представленные, открывают*:

1-е. В 1823 г. представляемо было начальником Камчатки о прибавке к штатному числу в Петропавловском порте нижних чинов мастеровых, как то корабельного подмастерья или ученика первого, плотников 25, блокового мастерового 1-го, резного 1-го, столяров 2-х, конопатчиков 3-х, парусника 1, кузнецов 2-х, в том числе первого, знающего котельную часть, купоров 2-х, слесаря 1 и компасного подмастерья первого. И по рассуждению бывшей исполнительной экспедиции, одобренному государевой Адмиралтейскою коллегией и начальником Морского штаба (ныне морским министром), признано достаточным прибавить, и впоследствии прибавлено вмес-

то требованного числа: шкиперский помощник офицерского чина 1, плотников 5, конопатчиков 1, купор 1 и кузнец, знающий котельную часть, — 1, всего 9 человек.

2-е. Хотя высочайше утверждённым 9-го апреля 1812 г. положением о Камчатке определено для всех нижних чинов флотской экипажной роты покупать на счёт казны собственную тамошнему краю одежду, но оная начальниками Камчатки не покупалась, а требована и была отправлена от иркутского сухопутного комиссариата или из Санкт-Петербурга одежда в материалах, согласно существующих по морскому ведомству высочайше утверждённых табелей обмундирования нижних чинов.

3-е. По журналу комитета гг. министров 19-го февраля и 29 марта 1824 г., вследствие представления начальника Морского штаба (ныне морского министра) положение нижних чинов Охотского порта улучшено тем, во-первых, что по свойству климата и по недостатку там пшеничной муки, гречневой крупы и уксусу положено посылать сии припасы отсюда, а также доставлять сахарный песок и дешёвое тенерифское вино и, во-вторых, тем, что для предохранения морских служителей от болезней по вредному влиянию там атмосферы разрешено производить им порцию хлебного вина или сбитню с хлебным спиртом во все те дни, в кои по сырой погоде или по сильным морозам тамошнее морское начальство по совещанию с медицинскими чиновниками признает сие нужным, с тем однакож, что в отвращение всякого в сих случаях недоразумения или сомнения должно быть учинено о том местным начальством определение за подписанием как морских офицеров, так и медицинских чиновников, и

4-е. Как в числе предположений начальника Камчатки об улучшении Петропавловского порта, предоставленных рассмотрению Морского министерства, заключается одно об укреплении оного порта, об определении для того одного инженерного офицера, то по принадлежности сего предмета рассмотрению строительного департамента морской части, с получением выписки из журнала Сибирского комитета от 24-го прошлого февраля, копия с оного сообщена начальнику морского штаба (ныне морского министра) инженер-генералу Опперману.

Далее в документе следует «Мнение особого комитета» во главе с И. Ф. Крузенштерном по поводу «Предположений» А. В. Голенищева. Мнение авторитетных моряков России, знакомых с Камчаткой не понаслышке, было в основном отрицательным. Ниже приводится заключение Комитета образования флота.

Заключение.

Комитет образования флота по внимательному всех означенных предметов разсмотрении, нашёл мнение особого комитета под первенством контр-адмирала Крузенштерна, состоявшего по первым четырём пунктам, а именно: a) касательно неудобности поселения около Петропавловска 40 семей, b) ненадобности в прибавке разных чинов полагаемых до 65 человек к экипажу в Петропавловске состоящему, c) по предмету требованию особого транспорта для доставлению из Нижнекамчатского в Авачу леса и проч. и d) о бесполезности укрепления порта и защищении его от моря, равно посылок для того инженерного офицера, во всех отношениях правильным и уважения заслуживающим, а равно комитет образования флота совершенно соглашается с мнением особого комитета и в том, что по приведённым за оным основанием прежде составления каких-либо новых проектов об улучшении Камчатки надлежит удостовериться, приведены ли в исполнение давно предписанные в положении 1812 г. об образовании Камчатки меры, и ежели нет, то по каким причинам сего не исполнено, а потому и полагает вменить в обязанность нынешнему начальнику Камчатки, обозрев все оные на месте и почерпнув из опытов удобства или неудобства в исполнение того, что повелевается высочайше утверждённым положением 1812 г., представить особо свои по всем того положения статьям заключения, на ясных и по местным обстоятельствам доказательствах основанные, ибо нельзя не согласиться, что не новые какие-либо сильные меры к улучшению того краю потребны, но как особый комитет с основательностию разсуждает, что в настоящем оном состоянии один усердный умный и опытный начальник может с каждым днём вести Камчатку к улучшению, не обременяя и не затрудняя в том правительство.

Что принадлежит до мнения особого комитета о снабжении Камчатки провиантом из Калифорнии вместо того, чтобы получать оной ныне чрез Охотский порт, сего с отменою доставки продовольствия по-прежнему чрез Охотск, комитет образования флота за верный способ принять, а потому и правилом постановить, не может, дабы по революционному положению, в каком состоит Америка ныне, и вообще по политическим обстоятельствам в толь отдалённом краю и за невозможностью по той же отдалённости преподать какие-либо способы к исправлению предполагаемой перемены не оставить иногда и вовсе Петропавловский порт без хлеба.

Но ежели представился случай при посещении нашими судами Калифорнии взять там и запас в провианте для Камчатки с выго-

дою для казны, сие, конечно, допустить можно, но не иначе, как собственно в запас для Петропавловского порта, а не для укомплектования положенным по штату провиантом, которое потому оставить на прежнем основании. В разсуждение предположений флота капитана Голенищева об улучшении положения жителей, комитет образования флота, входя в подробности тех предположений, определил:

по 1-му пункту (о приведении в военный вид рядовых экипажной роты). Привести рядовых экипажной роты в военный вид и в точность знания военной службы, естьли они в том недостаточны окажутся, предоставить ему, флота капитану, по мере имеющихся местных способов. О чём ему и послать предписание;

по 2-му (о приличном помещении нижних чинов). Приличное помещение нижних чинов, естьли онаго не имеют они, зависит от начальственного его усмотрения, и ежели найдётся что-либо к оному нужным, велеть ему представить о том куда следует по начальству;

по 3-му (об удовлетворении претензий по казне). По делам, здесь имеющимся, не видно вовсе, чтоб нижние чины Петропавловского порта имели какие-либо к казне претензии. Но ежели при смене Голенищевым его предместника откроют какие-то и без упреждения в том долге службы, требуется с его стороны сделать всем, а каждому на месте законное удовлетворение и донести за общим с предместником своим подписанием, о чём капитану 2-го ранга Голенищеву ныне и послать повеление;

по 4-му (о прибавке в натуре третьей рубахи и двух пар чулок рядовым). В высочайше утверждённом положении 1812 г. о Камчатке сказано (§ 18): «Как по опытам известно, что обыкновенная солдатская или матрозская аммуниция в Камчатке неудобна, то впредь туда никакой аммуниции не посылать, и для всех нижних чинов экипажной роты в Петропавловской гавани покупать на щёт казны свойственную тамошнему краю одежду, и в § 19 образ сей одежды, сроки употребления оной и прочие подробности предоставить, учредить сообразно местным обстоятельствам будущему начальнику Камчатки и представить о том на усмотрение высшего начальства». Комитет образования флота находит неудобным, не имея в виду представление от бывших начальников Камчатки об образе свойственной тамошнему климату одежды, переменять форму обмундирования для Петропавловской экипажной роты, производимого по здешним табелям, доколе со стороны капитана Голенищев исполнено будет предписанное помянутым § 19 в положении 1812 г., а потому и прибавлять что-либо к настоящей

форме обмундирования до получения от него особого донесения, щитает не нужным, о чём ему, флота капитану, дать знать;

по 5-му (о снабжении ружьями, тесаками, сумами и перевязями). По штату в экипажной Петропавловской роте положено иметь флотскую группу офицеров 5, барабанщиков 2 и матросов 60 да канониров 30. На каковое число людей по роду их службы предоставить генерал-интенданту отправить исправные ружья со штыками, тесаки, перевязи и сумы на приготовленном ныне к отправлению в Камчатку шлюпе «Кротком»;

по 6-му (об улучшении рядовым пищи и производства по одной чарке вина в плохую погоду). Комитет по образования флота, разумея, что климат в Камчатке, как и в Охотске совершенно одинаков, полагает правильным и достаточным уравнять довольствие нижних чинов Петропавловского порта во всём с находящимися в Охотске, как о том сказано выше сего в справке, и порцию вина или сбитень с хлебным спиртом производить во все те дни, как по сырой погоде или сильным морозам тамошнее морское начальство по совещании с медицинскими чиновниками признает сие нужным, с тем, однако, что в отвращение всякого в сих случаях сомнения или недоразумения должно быть учинено о том местным начальством определение за подписанием как морских офицеров, так и медицинских чиновников, о чём от лица морского министра и представить на высочайшее его императорского величества благоусмотрение;

по 7-му (об укомплектовании Петропавловской команды детьми рядовых и присылка отсюда ежегодно 4-х матросов). В высочайше утверждённом положении 1812 г. о преобразовании Камчатки, § 13, изображено «роту экипажную комплектовать впредь детьми служащих в оной нижних чинов, 15 лет и более от роду имеющих, также детьми отставных и военнопоселённых, которых, однако же, обращать на сие комплектование не иначе как в случаях крайней необходимости». Детей по последней полученной здесь от начальника Камчатки табели показывается налицо 57. Почему в рассуждении комплектование Петропавловской команды людьми остаётся исполнять предписанное означенным положением, и не предвидятся вовсе причины высылать отсюда по 4 матроса ежегодно, чем в продолжении немногих лет увеличилось бы число их свыше надобности,

и по 8-му (назначении службы нижних чинов 20 лет). Комитет образования флота не видит вовсе причин, по уважении бы которых можно было бы допустить сокращение срока нижних чинов

Камчатского края. Естьли принять в основание то, как изъясняется капитан Голенищев, что они и по окончании оной службы будут полезны к заселению, то пользу от прямой службы, конечно, предпочесть должно пользе от заселения, о невыгодности коего и неудобностях объявлено выше же в мнении особого комитета.

Обо всех сих положениях выпискою из журнала сообщить по принадлежности г. министру внутренних дел, по предметам же зависящим от непосредственного распоряжения морского министра, кроме 1-го и 7-го пунктов (о приведении в военный вид нижних чинов и об укомплектовании Петропавловской команды детьми рядовых и 4 матросами отсюда), относится до управления генерал-интенданта, предоставить ему, генерал-интенданту учинить исполнение по 1-му же и 7-м пунктам выписку из сего журнала дежурному генералу Морского штаба.

Управляющий делами комитета
(*подпись неразборчива*)

ЦГИА. Ф. 1264. Д. 168. Л. 83—93об.

Копия с рапорта начальника Камчатки капитана 2-го ранга А. В. Голенищева министру внутренних дел А. А. Закревскому от 30 июня 1829 г.

...Улов рыбы, из коего камчатские жители приготавливают запас на годичное продовольствие, обыкновенно бывает в весеннее время года и частью в осень — иногда избыточен, а иногда скуден, и в последнем случае жители Камчатки, а в особенности инородцы, терпят бедственный недостаток в продовольствии и вместе с тем лишаются собак, необходимых для домашнего быта, которые погибают без пищи, состоящей собственно из сушёной рыбы, в летнее время приготовляемой. В отвращении подобных несчастных случаев необходимо нужно было предписать, чтобы в каждом селении учреждены были запасные магазейны или балаганы для приготовления и хранения в оных годичного запаса сушёной рыбы, дабы в скудное промыслами время жители не имели недостатка в продовольствии, расходуя запасы из общественных балаганов.

...Новая же доставка припасов ровно через год, а иногда и дольше всегда зависит от благоприятного перехода через Охотское море транспортного судна, которое в несчастном случае губит надежды жителей целой Камчатки и подвергает их неминуемому бедствию недостатков и голода. Несчастные случай сии нередки. В продолжение минувшего пятилетия погибли у берегов Охотского моря

три казённых транспорта, потеря коих вместе с растратою казённого имущества и партикулярного груза весьма ощутительна была для Камчатки. Причины разбития судов, строящихся в Охотском порте, по мнению моему, заключаются частью в самой их конструкции, мало удобной при управлении ими противу угрожающей опасности во время шторма, а частью — в неточной известности камчатских берегов, относительно к описанию оных...

Я смею думать, что переселение в Камчатку русских землепашцев с теми пособиями, о коих я имел счастье представлять высшему начальству, было бы единственным средством к уменьшению расходов, употребляемых на Камчатку, к отвращению ея недостатков и к прочному основанию благосостояния оной. Ибо от населения землепашцев она впоследствии могла бы иметь нужное количество собственного хлеба, судя по тому урожаю, который бывает здесь в посеве ячменя, дающего восемь частей умолоту, иногда и более. Из Охотска же на казённых транспортах никогда не доставляется провианта более годовой пропорции, а нередко и менее, через что самое к истечению года часто довольствуются казённые служители половинную дачею...

Сверх всего, зная, с каким трудом, заботами, издержками и потерями камчатские торговцы перевозят ежегодно небольшое количество товаров из Охотска в Камчатку только на годовой термин, никогда не имея возможности привезти более упомянутой пропорции, я осмеливаюсь представить вашему высокопревосходительству мнение моё о том, что небесполезно было бы для здешнего края и торговцев оного, равно и для казны, если бы правительство оказало милость разрешением постройки особого судна для перевозки из Охотска в Камчатку партикулярного груза, как то купеческих товаров, других разных вещей, так же отправляющихся и пересылаемых на жительство в Камчатку разных сословий людей, исключая чиновников, которые должны отправляться на казённых транспортах.

В вознаграждение издержек казны можно было бы определить за перевозку как товаров, так и прочих вещей приличную ценность оных пошлину, примерно по 2 руб. с пуда, и из них по 1 руб. назначить в казну, а остальную часть на команду, которая сверх казённых работ должна будет заниматься погрузкой и выгрузкой партикулярного груза.

Через установление же внешней торговли Камчатка была бы обеспечена за весьма сходные цены прочими продуктами и вещами, кои ныне приводятся через Охотское море из России и продаются

в несколько раз дороже этих цен, по коим они покупаются на месте изготовления...

Милости благодетельного монарха, ознаменованные разрешением в Камчатке внешней торговли, оживили жителей оной надеждою в улучшении на будущее время их положения. И, без сомнения, оно улучшится, если выгоды торговли, устанавливающие оную, будут соответствовать расчёту иностранцев, здешних торговцев, в руках коих должны будут состоять главные способы поддерживать и приумножать коммерческие здесь обороты.

Впрочем, судя по малолюдству жителей Камчатки и их бедности, невозможно ожидать желаемых успехов в установлении внешней здесь торговли, которая должна состоять в сбыте вещей, потребных большей частию для людей, не принадлежащих к сословию камчатских инородцев, и потому, принимая в соображение дороговизну товаров, доставляемых в Охотск, Якутск и даже самый Иркутск из внутри России, как то сукон, материи, крупчатой муки, круп продуктов, вин, сахару и прочего, полагаю, что выпуск сих товаров из Камчатки внутрь Сибири — был бы полезен для оной, потому что камчатские торговцы, не теряя своих выгод при вымене иностранных товаров на зверя, выпускали бы оныя в продажу в упомянутых городах дешевейшими ценами противу ныне существующих. Потребность же вещей, составляющих главные в Камчатке обороты, как чаю, табаку, масла, мыла, холста китайки и прядева, остались бы в настоящем виде по той причине, что товары сии не могут быть доставляемы иностранцами, поелику они не имеют оных...

Казённые здания в порте... ветхи и требуют непременных и частых починок, кроме одного флигеля, в недавнее время встроенного. Трудность, с каковою доставляется из окрестных мест строевой берёзовый и тополевый лес, крайний недостаток мастеровых, нужных для производства работ, совершенно лишают возможности в скором времени привести в желаемое положение и устройство как квартиры морских чиновников, так равно и другие заведения, как то морской лазарет, казармы служителей, магазейны, флигель, занимаемый канцеляриею, и прочее. За всем тем ветхость сих строений и неудобное их расположение необходимо требуют перестройки, каковую и предположено мною произвести по мере возможности. В настоящее же время малое число мастеровых занято нужными по порту работами, производство коих отлагать на дальнейшее время невозможно.

Сверх существующих ныне в порте казённых зданий, кои все без изъятия заняты, необходимо нужно выстроить дом для ремесленной

школы, коей ученики помещаются ныне в служительской казарме. По неимению здесь ремесленников, приведение в должное положение и возможное совершенство ремесленной школы крайне необходимо, как для казённых работ, так и для частых. До сего времени чиновники и жители порта, исключая простое сословие, все домовые вещи, как то медную посуду, мебель и даже платье и обувь принуждены были доставлять из Охотска весьма дорогою ценою, и сии значительные издержки, вместе с другими на содержание употребляемые, весьма ощутительны для каждого. И как ремесленная школа, существующая до сего времени по одному названию, не имела положительных для руководства правил, то ныне вследствие предписания генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского приступлено к составлению штата для оной, по приведении коего к окончанию буду иметь честь в особенности донести вашему высокопревосходительству.

Докладывая вашему высокопревосходительству о состоянии в порте казённых зданий не излишним считаю довести до сведения вашего и о частных строениях оного, кои вместе с казёнными составляют Петропавловскую гавань. Число оных строений простирается до 55, из них пять принадлежат духовенству, 27 — обывателям и 23 — морским служителям. Строения сии имеют только одно название таковых, по справедливости же должно их назвать тесными убежищами, служащими приютом для людей, лишённых всякой возможности к устроению спокойных жилищ по состоянию, кроме двух или трёх домиков, кои имеют нужные удобности для жизни. Горестно смотреть на домашнее положение жителей порта, но нет возможности пособить их бедности — нужны большие усилия, большие способы, чтобы каждый хозяин дома мог устроить по надобности жилище своё. Но как таковых усилий и способов нет, необходимость принуждает, чтобы семейство, из значительного числа душ состоящее, помещалось в тесной каморке, не имеющей вокруг себя никакой защиты от непогоды. Таково состояние многих и почти всех жителей порта. Первая причина сей бедности заключается в скудости леса, вторая — в недостатке рабочих людей или вообще в малолюдстве, третья — в дороговизне, существующей здесь на все вещи. Каждый промышляет только о том, чем пропитать себя, и заботиться о прочем не достаёт ни сил, ни времени.

Это самое было поводом представления моего о переводе места пребывания начальника Камчатки и всех зданий гражданского ведомства в Верхнекамчатск...

Морская команда, состоящая налицо в Петропавловском порте в числе 99 человек, находится относительно знания ею морской дисциплины в том же положении, как и прежде имел я честь докладывать вашему высокопревосходительству, и до того времени, пока правительство не удостоит представления моего о высылке требуемых мною четырёх человек для обучения здешних морских служителей дисциплине, они должны будут оставаться с теми же об оной понятиями, каковые имеют ныне, и, следовательно, невозможно требовать от них той исправности по службе, которая зависит от совершенного знания оной. Но как состоящие налицо в порте нижние чины морского ведомства по множеству казённых работ, во всякое время производящихся, не имеют ни времени, ни способов по бедности и малолюдству края сего улучшить содержание своё заработками, подобно нижним воинским чинам, в России служащим, и, получая от казны обыкновенную порцию одного провианта, терпят крайнюю бедность в содержании, состоящем из одного хлеба и рыбы, промысел коей не всегда бывает изобилен, и как при трудности работ бедное содержание ослабляет здоровье, рождает и умножает болезни, то для подкрепления здоровья и поощрения нижних чинов к службе улучшением их содержания, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство... исходайствовать у благодетельного правительства всем здешним нижним чинам морского ведомства разрешение производить в течение пяти месяцев, как то марта, апреля, мая, октября и ноября, на каждого рядового и мастерового в неделю по три фунта мяса солёного и по одному фунту масла коровьего, а по чарке вина в сырые и ненастные дни тем, кои будут находиться на казённых работах.

Провизия сия должна быть заготовляема с Охотска по распоряжению начальника или в Камчатке, по возможности, на сумму, каковая для сего ассигнована будет. В расход же оной имеют быть представляемы отчёты по формам, куда следует, в узаконенное время.

РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 168. Л. 128об.—139об.

О составлении в Камчатке земледельческой компании, 1831 г.

Начальник Камчатки, желая возвысить на некоторую степень совершенства размножение в тамошнем крае хлебопашества и не имея способов увеличить число земледельцев природными жителями, из инородцев состоящими, но споспешествуя общественной пользе и цели самого правительства, решился предложить жителям

Камчатки о составлении из добровольного пожертвования возможного количества суммы, на счёт которой можно бы было разрабатывать поля, способные к хлебопашеству.

Предложение таковое обществом Петропавловска пора принять с искренним усердием, и в то же время 29 особ разных сословий пожертвовали для составления капитала общества 5 700 по числу взятых ими 51 долей. Сбор же сей суммы, без сомнения, будет умножаться время от времени по мере записи желающих в сие общество.

Посему начальник Камчатки просил об исходатайствовании высочайшего разрешения на составление из числа лиц, принимающих в сем деле участия, общества под наименованием «Камчатская земледельческая компания» с дарованием оной привилегий на изъяснённых начальником Камчатки основаниях.

Генерал-губернатор рассмотрел предложение начальника Камчатки, признал со своей стороны возможным дать испрашиваемое разрешение на составление земледельческой компании и некоторые токмо изменения в привилегиях, и посему сообщаю о всём том подробно министру внутренних дел, от коего представлено было в Комитет министров, и по положению его высочества, утверждённому в 18 день августа 1831 г., дозволено составить в Камчатке общество под названием «Камчатская земледельческая компания», и дарованы компании привилегии за изъяснением генерал-губернатором основанием с дополнением по некоторым статьям.

Вследствие сего открыта в Камчатке земледельческая компания и составлены оной правила существования её, одобренные главным управлением Восточной Сибири, с представлением от оного на уважение министром внутренних дел.

ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 54. Л. 94об.—96об.

Рапорт начальнику Главного морского штаба о назначении учителей в Камчатскую ремесленную школу от 12 июня 1831 г.

Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел

По высочайше утверждённому 27 февраля 1817 г. положению комитета гг. министров вследствие предоставления Министерства внутренних дел, учреждена в Камчатке ремесленная школа для обучения детей тамошних жителей, до 12 человек, разным мастерствам, как то: кузнечному, слесарному, плотническому, столярному и товарному.

Учителями в сие заведение определены из нижних чинов мастеровые морского ведомства.

От 23 мая сего года генерал-губернатор Восточной Сибири уведомил министра внутренних дел, что начальник Камчатки, капитан 1-го ранга Голенищев, за совершенным отделением ремесленной школы от морского ведомства не считает возможным, чтобы мастеровые сего ведомства, обучавшие данных детей, в оном заведении оставались и на дальнейшее время при таковой обязанности по причине строгой отчётности, требуемой Морским министерством в занятиях людей, оному подчинённых, а потому и просит выслать в Камчатку трёх искусных ремесленников из Иркутска, определив им необходимое содержание.

Господин генерал-губернатор со своей стороны полагает обучение воспитанников ремесленной школы оставить на прежнем основании, то есть чрез мастеровых морского ведомства, потому что кратковременные занятия их по оному обучению не могут препятствовать им в исправлении других обязанностей по службе.

Принимая в соображение, что цель, предположенная правительством при учреждении ремесленной школы в Камчатке, состоит в том, чтобы ученики по выходе из оной могли удовлетворять необходимым в домашнем быту нуждам тамошних жителей и что в полной мере может быть достигнуто без всяких со стороны казны издержек, когда мастеровые морского ведомства будут заниматься обучением воспитанников ремесленной школы, я имею честь обратиться к вашей светлости с покорнейшею просьбою об учинении распоряжения, дабы мастеровым морского ведомства в Камчатской области дозволено было по-прежнему беспрепятственно исполнять занимаемые ими при ремесленной школе должности и о сем почтить меня вашим уведомлением.

Управляющий МВД, товарищ министра,
статс-секретарь (*подпись*),
управляющий департаментом (*подпись*)

РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1881. Л. 1—2об.

Воспоминания В. С. Завойко о его первом пребывании в Петропавловске летом 1835 г.

Наконец корабль наш приблизился 24-го июня к берегам Камчатки. По причине густого тумана мы не могли их увидеть и прокрейсировали два дня около, приготовляясь стать на якорь. 25-го числа в полдень явились вдали грозные вершины камчатских гор,

покрытые снегом. Мы было обрадовались в надежде скоро избавиться от неприятного плавания близ берегов, но горы опять скрылись в тумане. Наконец 27-го числа в четыре часа утра сделались маловетрие и ясная погода, и Камчатка открылась перед нами в дикой красоте своей.

Горы вздымались одна над другою, их снеговые вершины блистали в лучах восходящего солнца. С борта нашего грянула пушка, за ней другая, третья, и вскоре появилась от берега шлюпка. На ней плыл штурман для ввода нашего корабля в гавань.

Начальник Камчатки прислал к нам свежей рыбы, сливок, зелени, нас встретили, как говорится, с хлебом и солью. Подул благоприятный ветер, и мы в час пополудни стали на якорь в Петропавловской гавани.

Начальник и все чиновники стояли на мысу, мимо которого мы вошли в гавань. Когда бросили якорь, капитан отправился с рапортом и вскоре возвратился. Потом прибыл на корабль начальник Камчатки, познакомился с нами и звал к себе на вечер. Наших больных тотчас же перевезли на берег, для остальной команды отвели казарму, а для нас дом. Жители от первого до последнего радовались нашему прибытию, потому что транспорт из России приходит сюда только один раз в три года.

Только что свезли с корабля наших больных, жители взяли их на руки и перенесли, куда было назначено. Женщины, у которых сердце так же чувствительно и на берегах Камчатки, как на берегах Невы, радушно принесли нашей команде молока и разных припасов, какие на ту пору случились.

Я не мог воспользоваться приглашением начальника Камчатки, не пошёл к нему на вечер и пробыл два дня на корабле, чувствуя себя нездоровым. 29-го июня, в день Петра и Павла, в первый раз я ступил на камчатскую землю и с товарищами пошёл в церковь. Церковь маленькая, но по здешнему пустынному месту очень хорошая. Началась обедня. Признаюсь чистосердечно, я в первый раз с таким сердечным умилением молился и слушал проповедь священника с таким благоговением. После обедни начальник пригласил всех нас и своих офицеров в свой сад. В беседке закипел самовар, и нас пригласили к чаю. Здесь обыкновение пить чай во всякое время дня. Если вы куда зайдёте и вас считают там почётным гостем (местный термин), вы непременно будете пить чай. Так как нас принимали здесь почётно, нам очень часто приходилось против воли сидеть у самовара. Потом начальник со всеми чиновниками был у нас на корабле.

Вечером он давал бал, чтобы познакомить нас с камчатскими дамами. Товарищи мои протанцевали до двух часов за полночь, и отгадайте что? Французскую кадриль, на берегу Камчатки! Я танцевать не охотник и почти целый вечер провёл в разговорах со здешним священником. Хозяин был очень ко всем внимателен, старался и меня развеселить, но у меня не то было на уме. Я был в припадке какой-то мрачной философии и думал о суете мира. Путешествие доставляет радости, неизвестные в устричной, безвыездной жизни на одном месте, но оно же проводит перед глазами человека целый ряд китайских теней, целую фантасмагорию крайностей его существования на земле, и несчастлив тот, на кого слишком глубоко действуют впечатления разнообразных явлений.

Начальник подсел ко мне, разговорился, мы познакомились короче, и я узнал, что он мне земляк, малоросс. С этого вечера во всю мою бытность в Камчатке он оказывал мне особенное расположение как земляку. По окончании танцев мы ужинали и возвратились домой, чрезвычайно довольные вечером, проведённым на полу, по которому можно было и ходить, и танцевать, не чувствуя качки.

Начальник Камчатки предложил отправить больных наших на тёплые ключи и просил нас всех провести несколько дней у него на даче, близ этих ключей. Мы все и он сам со своими чиновниками и с лучшими камчатскими дамами отправились 5-го июля туда на ботике. Переехав небольшую губу, пристали к берегу. Погода была пасмурная. Отсюда мы пробрались лесом и густой травой, которая называется шеломайником и выше человеческого роста, по узенькой тропинке к озеру, всего две версты от берега. Тут, на озере, ожидали нас баты — несколько лодок, выдолбленных из дерева и сплоченных рядом, на которых поставлена была палатка. На них мы переправились через озеро. Потом по такой же дороге добрались до реки и опять на ботах стали спускаться по течению. Часа чрез два пристали к берегу. Надобно было идти ещё такой же дорогою до дачи, пошли и сбились с пути. Между тем стемнело, и мы добрались до места не прежде девяти часов вечера, порядочно перемокли и устали. Самовар уже стоял, и мы с удовольствием около него расположились.

Это путешествие от гавани до дачи было, впрочем, очень весёлое: можно было бы исписать целый лист, но и тут пришлось бы не поместить много смешного. Нас было до пятидесяти человек, каждый путешественник должен был нести свой узел, запас платья... Но, нет, я пока не всё стану рассказывать.

Напившись чаю, посмеявшись своему путешествию до первого часа, все разошлись по назначенным комнатам. Мужчинам отведён был флигель; в нём большая комната, где к одной стороне приделаны нары, и во все нары тюфяк. Для каждого приготовлено было одеяло и все удобства для спокойного сна. Но мы не могли заснуть. На этих нарах лежали люди разного сословия: два священника, два купца, капитан и офицер с американского купеческого судна, наш капитан, я с сослуживцами и все камчатские чиновники. Мы прошутили всю ночь. Пуще всех смешил нас один из купцов. Наш князь Г. был ему как бельмо в глазе.

В восемь часов принесли самовар, и толстый купец начал разливать нам чай. Один за другим принялись потом за туалет, и вся наша честная компания перешла в комнаты, где камчатские красавицы также пили чай. Тут мы должны были снова отдать честь дамскому самовару, выпив через силу несколько чашек. Потом следовали закуска и кофе. Это повторялось каждый день. В саду играли мы в горелки, ездили верхом или в батах на ключи, в четыре часа возвращались к обеду. Вечером начинались танцы, игры и разные весёлости. Как нельзя приятнее проводили мы время в Камчатке. Дача очень хорошо отделана. Сад очень порядочный, даже превосходный. Парники, оранжерейка и другие украшения сада стоили хозяину огромных трудов. Видно, что он охотник до садоводства и занимается сам, чем подаёт хороший пример жителям. Они, смотря на него, и сами разводят огороды, которые в Камчатке приносят много пользы.

6-го числа, оставив наших красавиц отдыхать, мы ездили верхом к целительным ключам. Там ручей бежит из горы и так горяч, что невозможно в нем купаться, но подле бежит и холодная вода. Между этими двумя ручьями построена ванна, в которую, по желанию, можно впускать и выпускать ту и другую воду, только повернув один из кранов. Я не мог высиживать в ванне более получаса. Вода горячего ручья чистая, светлая, ни запаха, ни вкуса не имеет. Когда войдёшь в неё, то, кажется, таешь от неги, потом постепенно слабеешь.

Но когда выйдешь из воды, то чувствуешь особенную бодрость во всём теле. Кожа становится мягче, лицо дня три и больше сохраняет свежесть. Все сыпи исчезают от нескольких ванн. Наши больные весьма много были обязаны этим ключам, в неделю иных уже нельзя было узнать — так поправились. Даже с самого начала, когда только один раз они выкупались, то уже почувствовали приметное облегчение.

Здесь есть растение черемша, род дикого чесноку, которое имеет удивительное свойство против цинги. Больные должны есть его и натирать им тело. Начальник сказывал, что это только одно и спасение для камчадалов, а иначе они бы все от цинги пропали, потому что хлеб доставляют сюда из Охотска, и когда транспорт запоздает, они должны бывают питаться одной рыбой, а когда ещё случается малая доставка соли, эта рыба бывает вдобавок тухлая, квашенная с весны в ямах. Но и получив хлеб вовремя, они всё-таки не избавлялись бы от цинги, потому что не служащие не в состоянии иногда купить, так как пуд муки стоит более двенадцати рублей. Во всяком случае их спасает черемша, которой у них всегда много в запасе и из которой они делают себе вкусный квас.

7-го числа мы ездили на ключи на ботах с барышнями и барынями. В этот день было много смешного и забавного. Один из купцов от бдительного, по старинному обычаю, присмотра за своими дочерьми не спал ни днём, ни ночью. Но как это продолжалось уже третьи сутки, то видно было, что старику страх как хочется заснуть, и он засел с этим намерением в кресле в прихожей. Наш молодец князь Г., заметив это, подговорил музыкантов, чтобы они замечали за стариком и, когда тот станет засыпать, играли постепенно тише и тише.

Так и сделано. Купца усыпили, а князь в ту же минуту предложил идти в сад, играть в какую-нибудь игру. Все охотно согласились и вышли. Г. остался, потушил лампы, потом присоединился к нам. Таким образом, мы преспокойно играли в саду, как вдруг старик проснулся, смотрит: всё темно и тихо. Он пришёл в ужасное удивление, выходит и слышит в саду шум и смех. Мы играли в короли.

Вот купец слышит, что поют: «Шёл царь с царицей, поцелуй царь царицу!» — и в эту минуту, когда он подходил к нам, никем ни примечаемый, царицу играла его дочь, и за песнею: «Поцелуй царь царицу, обними царь царицу», — должно было целоваться с царём, вдруг раздался голос запыхавшегося старика: «Так! Уж поцелуй, уж обними! Вот выдумали игру! Да ещё в потёмках: мало места в горницах!» И, называя своих дочерей по именам, он потащил их с собою в комнаты. Можно себе представить, сколько тут было хохоту!

Догадавшись, что это было приготовлено, старик никак не дозволял убедить его, что дочери не участвовали в заговоре. Наконец начальник упросил его позволить доиграть игру, и он позволил, только, стоя позади начальника, поминутно умолял его: «Ваше

высокоблагородие! Да позвольте хоть фонари-то принести! Соблаговолите поставить по бокам фонари!» От смеху невозможно было доиграть. Мы возвратились в зал, вскоре потом поужинали и разошлись по своим местам на покой. Но Г. не дал купцу и тут покоя, и своими смешными маневрами рассердил старика, однакож уверил его, что он не так поступает со своими дочерьми, и купец дал слово вперёд никогда не мешать и не запрещать своим дочерям играть вместе с прочими девицами во всевозможные игры.

Хотя он сдержал своё слово, но сердце у него было не на месте, он каждый день просился домой и 10-го числа начальник его отпустил. Ему последовали и другие семейства. Мы, холостяки, остались ещё на четыре дня, в продолжение которых ездили в дальние деревни смотреть, как живут здешние поселенцы.

Их деревни состоят из трёх домиков, не более. И тут вы найдёте якута, русского, малоросса, словом, смесь народонаселения. Эти домики выстроены точно так же, как и везде у нас крестьянские жилища, вся разница только в том, что тут, войдя в избу, увидишь посреди сеней, которые занимают большую половину дома, камни с тлеющим в них огоньком. Дым выходит в сделанное вверху отверстие. В другой же половине дома устройство всё то же, как и в обыкновенных избах. Поселенцы строят себе эти домики около речек, и особенно таких, которые изобилуют рыбою. Мы посетили их в то самое время, когда они занимались рыбною ловлею, или, как они говорят, когда у них «идёт рыба».

Вся процедура этой ловли состоит в том, что речка перегораживается поперёк частоколом, ширина этой речки сажени четыре. Рыба идёт всегда против течения, из озера, и, доходя до частокола, никак не поворачивает назад. Обыкновенно её набьётся тут столько, что даже вода превращается в пену.

В это время мужчины становятся с обеих сторон реки и крючками, вроде вилки, выбрасывают рыбку за рыбкой через голову, а женщины, сидя сзади, тотчас же её чистят и, распластав, вешают на жерди в нарочно устроенных сараях. Каждый из этих сараев не что иное, как четыре столба, покрытые корою, под которой и расположены жерди. Иную рыбу поселенцы вешают в сенях своих изб, где у них, как сказано выше, беспрестанно тлеет огонь.

Эти ссыльные, по крайней мере некоторые из них, живут достаточно, имеют коров и даже все пьют чай без изъятия. Их одежда, по большей части, вся из оленьей кожи — нижнее платье и кух-

лянка, то есть рубашка до колен с капюшоном. Зимою они ходят в тех же кухлянках, только тёплых, с нетронутой шерстью.

14-го числа капитан отправил меня на смену лейтенанта Б. Я прибыл в гавань, а Б. отправился на ключи. Работы на корабле было мало, я почти каждый день ездил гулять с камчатскими барынями, собирать ягоды и пить чай. Так как здесь лето короткое, жители высшего звания не пропускают хорошего дня, чтобы не побродить по лесу, собирая грибы, ягоды, а простые — черемшу. По возвращении команды и офицеров с ключей мы давали камчатскому обществу бал.

К 19-му августа сдали весь груз, совсем приготовились к походу и вытянулись из малой гавани на рейд. 20-го отец благочинный отслужил у нас молебен. Приехал начальник и все знакомые с семействами, они обедали и пробыли у нас до четырёх часов утра. Тут мы распростились и в их же глазах поставили паруса и пошли в путь.

Начальник Камчатки доставлял нам всё, что только было возможно, каждое наше желание старался выполнить, не исключая нашей жажды повеселиться. Он был всегда первый во всех наших забавах и увеселениях и даже, можно сказать, не давал нам отдыха. Его гостеприимство, его внимательность ко всем и каждому были обворожительны.

Не стану описывать камчатских чиновников и камчатских красавиц, их образованности и тому подобного. Я доволен тем, что мне было приятно, и не хочу платить за их радушие разбором их круга...

Лейтенант В. З. Впечатления моряка. — СПб., 1840. Ч. 1. — С. 71—95.

Наличие инструментов в камчатской ремесленной школе на 1 января 1836 г.

Ведомость оставшимся от прошлого 1835 г. к 1 числу генваря сего 1836 г. разным инструментам, принадлежащим камчатской ремесленной школе.

Железок: медведочных пять, шерхебельных три, двойных одна. Штампов и полуштампов четыре, цинубельная одна, цевельная одна, калёвок три, клещей четыре. Коловоротов деревянных четыре, железных пять. Косулей горновая одна, фонарная одна. Молотков: остроконечных четыре, купорный один, заклёпных три, котельных и фонарных три, с рожками обойных три. Рашпилей купорных три, чеботарных шесть. Ножниц котельных и фонарных три. Наковальня личная одна... Станок токарный с прибором один,

к нему долот: плоских одно, круглое малое одно, штилей три, с колёсами одно. Вилка с крючком одна...

Начальник Камчатки *Шахов*

РГИА ДВ. Ф. 1007. Оп. 2. Д. 19. Л. 1об.—2об.

Обращение к «его высокоблагородию господину начальнику Камчатки, флота капитану 1-го ранга и кавалеру Якову Ивановичу Шахову» от 8 июня 1838 г.

Диакона Григория Жилина
покорнейшее прошение

Пришедшее в Петропавловской порт иностранное купеческое судно, на коем продаются крепкие напитки, прошу покорнейше ваше высокоблагородие дозволить мне купить шесть галлонов бренди. На что же имею честь ожидать от вашего высокоблагородия милостивого удовлетворения.

Диакон *Григорий Жилин*

Рапорт начальника Камчатки Я. И. Шахова в Иркутскую казённую палату от 20 июня 1838 г.

На основании сделанного мне Иркутской казённой палатою поручения о приобретении с приходящих в Петропавловский порт американских судов, как для Камчатки, так и для Охотского края самосадочной соли по цене, не превышающей 2 руб. 5 коп. каждый пуд, по коей и в прошлых годах таковая же соль была мною с оных приобретаема, ныне куплено мною с пришедшего сюда в порт английского брига «Клименти» самосадочной соли тысячу сто шестьдесят семь пудов двенадцать фунтов по 2 руб. 5 коп. за каждый пуд, всего на сумму 2 392 руб. 96 коп., которое количество соли поступило на приход по здешнему соляному магазину в ведение содержателя оного г. коллежского регистратора Бельского по данному мною ему от июля за № 714-м предписанию.

О чём имею честь Иркутскую казённую палату уведомить и присовокупить, что я в настоящем случае, собственно на предмет удовлетворения за помянутую соль от иностранца гражданина Джона Доминила следующими деньгами ассигнованной суммы, решил удовлетворить его таковыми из суммы, при мне имеющейся, под названием «ассигнованной на построение четырёх гражданских флигелей»...

РГИА ДВ. Ф. 1007. Оп. 1. Д. 305/124. Л. 12, 21—21об.

Из «Записки о Камчатке» Н. В. Страннолюбского, составленной в 1840 г.

Ремесленная школа и школа кантонистов. В 1817 г. с высочайшего разрешения заведена в Камчатке ремесленная школа для обучения детей камчадалов разным мастерствам.

На содержание этой школы ежегодно ассигновывалось по Министерству внутренних дел, а ныне по Министерству имуществ 2 075 рублей.

По высочайше утверждённому в 15-й день генваря 1829 г. положению Комитета гг. министров, приём учеников в эту школу ограничивается числом 12, из таких, которые могли бы оставаться в области безотлучно и употребляться собственно для пользы жителям Камчатки, а не для военной и морской службы. По проекту же бывшего начальника Камчатки Голенищева, утверждённому Министерством внутренних дел, положено учеников только 10.

Несогласие камчадал отдавать детей своих в ремесленную школу, происходившее, вероятно, от того, что они ещё не вполне понимают пользу учения, заставило правительство дозволить принимать в школу и детей здешних казаков, как оседлых жителей Камчатки. В настоящее время учеников состоит налицо только шесть.

Прибывши в Петропавловский порт, я нашёл кантонистов — детей здешних матрос и казаков, не имеющих за собою никакого призрения, без занятий, праздношатающихся по городу, а чрез то портящихся в нравственности. Соболезнуя об них, я собрал всех мальчиков с семилетнего возраста, числом 55, и завёл в упразднённом здании старого морского госпиталя школу для обучения их грамоте, закону божию, арифметике и фронтовой службе. И за всем тем, что учители занимаются без всякой платы, я не имею в виду никакого источника, из которого мог бы снабжать эту школу книгами, бумагою, перьями и проч., кроме 300 руб. процентов с капитала, ежегодно жертвуемых Камчатскою земледельческою компаниею, что весьма недостаточно.

Чтобы ремесленную и основанную мною школу возвести на степень возможного здесь совершенства, я нахожу полезным соединить их в одну под названием школы кантонистов и включить в число предметов занятий их и разные ремёсла, которым обучались ученики ремесленной школы. Польза от этого неисчислима, потому что тою же самою суммою, которою содержалось шесть человек, будут воспитываемы примерно своему званию 60 человек,

иметь же за собою надзор, учиться и прилично могут быть одеты. По выпуску же из школы ученики будут бравыми солдатами, хорошими писарями и мастеровыми и со временем передадут свои знания другим.

В ремесленной школе ученики живут, имеют стол и одеваются на счёт суммы, ежегодно ассигнуемой для них. Но с образованием школы кантонистов, а следовательно, с увеличением комплекта учеников, прежнее положение должно измениться. Кантонисты дома должны будут жить у своих родителей и родственников, кормиться ими, а на счёт суммы 2 075 рублей могут быть одеты, иметь пособия к своим занятиям, как то книги, бумагу, перья и проч. Из них все получают полный провиант, а следовательно, не только имеют способы к собственному пропитанию, но и к поддержанию своих родителей.

Учители будут заниматься без всякого возмездия, а потому на этот предмет не нужно никаких издержек. Один из священников порта будет преподавать закон божий, кондуктор корпуса флотских штурманов — арифметику, читать и писать будут учить писаря, строевой службе — унтер-офицер экипажной роты. Все означенные учители уже и теперь занимаются с успехом.

Хотя сумма, отпускаемая на содержание ремесленной школы, принадлежит Министерству государственных имуществ, а ныне на счёт её предполагается содержать и кантонистов, но вполне убеждаясь великою и общею для здешнего края пользою, несомненно ожидаемою от образования предполагаемой школы, я смею надеяться, что Министерство государственных имуществ не приемлет в расчёт ежегодно ассигнуемой ныне, проистекающего из одного источника государства и для его же пользы, тем более что кантонисты здесь с пятнадцатилетнего возраста поступают на службу, следовательно, в сорок лет выходят в чистую отставку и никогда и никуда не выезжают из Камчатки, ибо все они здешние же уроженцы, коренные жители, и, постепенно сроднясь с камчадалами, со временем составят одно общее народонаселение Камчатки. Следовательно, и цель, с которою была основана ремесленная школа, — распространение ремёсел жителями Камчатки — вполне достигается.

Обстоятельство об изменении положения камчатской ремесленной школы я представил на благоуважение генерал-губернатора Восточной Сибири...

ЦГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 187. Л. 16об.—20.

О пребывании в Петропавловске моряков транспорта «Або» (с 20 сентября до конца ноября 1841 г.)

Транспорту «Або» (командир А. Л. Юнкер) было поручено доставить с Балтики очередную партию грузов для Петропавловска. В плавании принимали участие многие видные моряки: лейтенант Алексей Бутаков, будущий исследователь Аральского моря, друг Тараса Шевченко, лейтенант Павел Шкот, будущий известный контр-адмирал, лейтенант Пётр Бессарабский, вторично побывавший в Петропавловске уже в качестве командира транспорта «Двина», мичман Евгений Голицын, штурманы Густав Блок, Александр Костин и Егор Юнкман.

Как установил историк В. И. Дмитриев, моряки с транспорта «Або» в Петропавловске открыто обвинили своего командира А. Л. Юнкера в казнокрадстве, за что впоследствии имели серьёзные служебные неприятности.

Два участника этого плавания — Алексей Бутаков и Густав Блок — оставили воспоминания о своём плавании, в том числе о пребывании в Петропавловске. В их рассказе нет ни слова о конфликте с А. Л. Юнкером, но зато жизнь в самом Петропавловске описана достаточно живо. Поэтому в нашем сборнике это описание производится с некоторыми сокращениями.

Алексей Иванович Бутаков — старший из пяти знаменитых братьев Бутаковых, сыновей вице-адмирала Черноморского флота И. Н. Бутакова, сподвижника М. П. Лазарева. Наиболее известным из Бутаковых был Григорий — основоположник новой школы воспитания и подготовки морских офицеров, автор новаторской тактики ведения боя паровым флотом. Два других брата — Владимир и Дмитрий были участниками Севастопольской обороны 1854—1855 гг. Брат Иван участвовал в кругосветном плавании прославленного фрегата «Паллада», столь красочно описанном И. А. Гончаровым.

Алексей Иванович получил блестящую морскую подготовку. Он успешно окончил курс обучения в Морском корпусе, владел несколькими европейскими языками, в том числе итальянским, увлекался географией, прекрасно знал географические труды Александра Гумбольдта. Этому во многом способствовал передовой начальник Морского корпуса И. Ф. Крузенштерн, который весьма гордился своими питомцами: «По отличной их нравственности, по наукам, по знанию иностранных языков и особенно примечательной в них страсти к усовершенствованию себя в высших

науках, они подают несомненную надежду, что окажутся сего отличия весьма достойными...» — писал он. И это полностью относилось к Алексею Бутакову, который с ранних лет стал заниматься и литературной работой, сотрудничая в журнале «Сын отечества». Оставление Алексея при Морском корпусе для дальнейшего прохождения наук уже после его окончания принесло ему немалую пользу: тогда он занимался у таких выдающихся учёных Петербурга, какими были В. Я. Буняковский, Э. Х. Ленц, М. В. Остроградский и другие. И учился он вместе со многими будущими видными моряками, как, например, Г. И. Невельской.

Уже во время подготовки к своему первому кругосветному плаванию А. Бутаков тщательно изучил историю русских кругосветок и их научные результаты. Особенно живо он интересовался барометрическими и магнитными исследованиями.

Записки Алексея Бутакова, отрывки из которых включены в наш сборник, получили весьма высокую оценку у такого требовательного критика, каким был «Неистовый Виссарион» — В. Г. Белинский.

Он назвал их «замечательными учёно-беллетристическими статьями». Для нас же они ценны тем, что позволяют яснее представить жизнь в Петропавловске в 1841 г.

...В шесть часов следующего утра (20 сентября 1841 г. — *Б. П.*) [мы снялись из губы] и перешли в Петропавловскую гавань. Городок, или скорее деревушка, расположена амфитеатром на склоне гор, окружающих малую губу. Назади в отдалении возвышается покрытая вечным снегом Коряцкая сопка. Синеватый дымок курился из труб деревянных домиков, не обшитых тёсом и крытых по большей части травой. Вой несметного множества собак громко встретил пришельцев с другого конца России. Всё народонаселение городка выбежало посмотреть на «кругошветый слюп», которого приход составляет эпоху в однообразной жизни петропавловцев.

Замечательнее всего при входе в гавань длинная и узкая коса, протягивающаяся почти наравне с поверхностью воды через всю губу и оставляющая только узкий проход для входящих в гавань судов. По обе стороны этой косы, или кошки, глубина около трёх и более сажен, длина её сажен сто пятьдесят, а ширина около десяти. Кошка эта совершенно защищает малую губу от волнения, и, кажется, как будто она со дна морского выдвинута подземным огнём нарочно для того, чтобы образовать единственную в мире природную гавань.

Во время посещения Камчатки Куком и Лаперузом Петропавловский острожек был выстроен на кошке. Теперь на ней видны только полуразвалившиеся шалаши, которые служат сушильнями для юколы (сушёной рыбы). Около полудня мы прибуксировались к своему месту, положили якоря, а с кормы завели швартовы за врытые в землю якоря.

А. Л. Х-п, опытный и дошлый моряк (так выражаются здесь), превосходно знающий все особенности климата и местности здешних стран, а что ещё выше — человек истинно добрый и благородный, не замедлил изъявить нам опыты своего дружеского расположения, которым мы воспользовались во всё время стоянки и за которое всегда останемся ему благодарными. В день входа нашего в Петропавловскую гавань он принёс нам к обеду превосходной свежей рыбы, зелени, овощей, молока и даже чудеснейшей чистой воды, какой мы давно не пивали. Всю цену такого гостинца могут постичь только голодные моряки, которым после долгого и утомительного перехода каждый кусок свежей провизии кажется величайшим лакомством...

Обязательность доброго А. Л. была тем драгоценнее, что в Петропавловске, даже за всемогущие деньги, весьма трудно, а часто и невозможно достать что-нибудь. Там, волей или неволей, всякий должен хлопотать о своём хозяйстве, и если кто упустит случай вовремя запастись чем нужно, то уже, конечно, ему придётся поститься. Через день после прихода мы представились начальнику Камчатки, который принял нас с истинно русским радушием и предложил все средства для совершения небольшого путешествия вовнутрь Камчатки. В тот же день мы сделали визиты главным лицам Петропавловского порта и везде встретили самое искреннее гостеприимство.

Лишь только очистили магазины, мы принялись выгружать привезённые нами для снабжения Камчатки и Охотска материалы и припасы.

Через несколько дней пришёл из Охотска бриг «Охотск» с почтою, которая привезла нам известия о радостном для всей России обручении и бракосочетании государя наследника, почему в первое же воскресенье было в здешнем соборе молебствие с коленопреклонением. Собор деревянный и уже начал было склоняться к падению, но землетрясение 6 мая 1841 г. восстановило его в вертикальное положение. Иконостас и внутренняя отделка чрезвычайно просты, но во всём виден самый строгий порядок. Церковные сосуды и облачение священнослужителей превосходны и сделали

бы честь многим из столичных церквей. Богослужение происходит с должною торжественностью, жаль только, что хор певчих, набранный из матросов и кантонистов, немножко не соответствует всему остальному, но ведь Петропавловск за тринадцать тысяч вёрст от Петербурга. После молебна, сопровождённого салютом со всех батарей и военных судов, отец протоиерей сказал краткую, но превосходную проповедь по случаю обручения цесаревича.

Здешний собор обязан своим теперешним благолепием усердию и неутомимым стараниям отца благочинного камчатских церквей, протоиерея Прокопия Васильевича Громова и купца Ивана Алексеевича Бушуева, бывшего в нём церковным старостою в продолжение десяти лет. Теперешний церковный староста г. Сахаров с самой похвальной ревностью поддерживает плоды трудов своего предшественника. Отец протоиерей — человек просвещённого ума и глубокой учёности. Он пользуется неограниченным доверием и полным уважением своей паствы за отеческую заботливость о её духовных и житейских нуждах. Никто не уходит от него без доброго совета и утешения. Мы, в особенности люди, занесённые в Камчатку с другого конца света, будем ему всегда благодарны за его любезность, радушное гостеприимство и приятную и умную беседу. Живя долгое время в Сибири и посещая ежегодно все острожки Камчатки, он превосходно знает эти страны, вообще малоизвестные в Европейской России. Время, проведённое нами в кругу его любезного семейства, останется навсегда в нашей памяти. И где же приятнее искренняя и просвещённая беседа, как не на краю света, в стране, которая, по составленным нами заранее понятиям, населена одними медведями!

Чтоб дать понятие об И. А. Бушуеве, достаточно рассказать один его подвиг, который говорит за себя громче всяких похвал. Несколько лет тому назад печь в соборе развалилась от времени, и в холодную зиму не было возможности производить священнодействие, потому что вино замерзало в сосудах. Бушуев, зная, что нигде нельзя достать кирпичей, разломал печь в своём собственном доме и исправил печь в соборе. Здравый рассудок, прямодушие и благородство мыслей — вот отличительные качества этого почтенного человека, по справедливости уважаемого всеми, кто только умеет ценить высокие душевные свойства.

В день молебна мы были приглашены на обед, данный г. начальником Камчатки по случаю обручения цесаревича. Всё петропавловское общество — духовенство, чиновники и купцы со своими жёнами и дочерьми собралось в доме духовного училища, где после

обеда был ещё и бал. Мы танцевали французские кадрили, лакасею и мазурку под музыку шарманки и русских песен, которые лихо попиливал на скрипке казак Карандашёв. Пол пошевеливался под ногами, музыка Карандашёва с припевом несколько разнствовала от оркестров Лядова или Германа, но что до этого? Гости веселились от души — следственно, главная цель была достигнута.

Холодное время приближалось. Кают-компанейский люк должен был всегда оставаться открытым для выгрузки материалов, так что в кают-компании не было возможности жить. Посему, по распоряжению г. начальника Камчатки для офицеров отвели квартиру в доме купца М. П. Сахарова, человека также замечательного в своём роде. Ему за шестьдесят лет, но он бодр и свеж, как сорокалетний мужчина. Он считается лучшим охотником и лучшим ездоком на собаках во всём Петропавловске, да чуть ли в целой Камчатке. Отправляясь торговать вовнутрь полуострова, он ездит на своих собаках такими путями, по которым не всегда отваживаются пускаться даже камчадалы. Однажды в доказательство своего искусства он въехал в нарте на шести собаках в комнату, которую мы занимали в его доме. Многочисленное его семейство воспитывается в страхе божьем и патриархальной простоте нравов. Старшие сыновья помогают отцу в житейских трудах, а младшие будут со временем также полезными подпорками своих семей.

На другой день после празднества, запасшись провизией и всем нужным для предположенного путешествия, мы отправились из порта. Нас было четверо, да ещё поехали с нами медик камчатской экипажной роты г. П-ий и чиновник сельского хозяйства Е. М. Л-в, живущий на горячих ключах близь речки Паратунки. Странствие наше началось переездом на шлюпке через Авачинскую губу в Тарьинскую. Входя с транспортом в Авачинскую губу вечером в самую ужасную погоду, мы за пасмурностью не могли рассмотреть чудесных картин, открывшихся нам, когда мы отъехали на некоторое расстояние от входа в Малую губу.

Над окружающими её горами, казавшимися сначала довольно высокими, потому что мы стояли близко от них, возвышались во всей красе три Авачинские сопки, до половины покрытые снегом. Левее тянутся горы Камчатского хребта, составляющие промежуточные высоты между грядою вулканов, выдвинутых подземным огнём вдоль полуострова. Деревья и кустарники, которыми поросли вершины этих гор, были слегка посыпаны осенним снегом, отчего они издали казались как будто прозрачными. Далее влево подымала

свою белую вершину Вилючинская сопка, из застывшего жерла которой выходил лёгкий дымок; наконец, ещё левее, Бабушкин камень и крутые, чёрные утёсы, угрюмо стоящие по сторонам устья Авачинской губы.

Через три часа гребли мы въехали в Тарьинскую губу, образующую обширную и превосходную природную гавань. У входа в неё на правой стороне камень Казачок, как будто отколот от гранитного мыса внезапным подземным ударом. Между ним и остальною массою камня не более сажени пространства, которого бока совершенно отвесны. Здесь называют камни этого рода кекурами. Вообще, всё здесь свидетельствует о сильных вулканических переворотах: пласты камня почти нигде не лежат горизонтально, но расположены в разных местах под различными наклонениями. Бабушкин камень, Три Брата, вероятно, были также отделены от ближних скал ударами землетрясений — огромное волнение, идущее из Восточного океана, уже значительно подмыло их, и немудрено, если Братья упадут от какого-нибудь подземного толчка.

В Тарьинской губе было в прежние годы многолюдное селение камчадалов. Теперь там одинокая лачужка старого якута Микитки. Мы пристали к правому берегу реки и прошли пешком более полторы версты до небольшого озера пресной воды, называемого Верхотурским или Ближним озером.

Там ожидал нас паром, составленный из двух скреплённых батов (выдолбленных из дерева челноков) с якутами, долженствовавшими переправить нас через озеро. На пароме мы расположились завтракать. Грязный десятилетний Ваня, широколицый, румяный сын одного из якутов, с наслаждением грыз юколу. Живописные виды беспрестанно изменялись по мере того, как мы подавались вперёд. Словом, мы незаметно переехали через озеро, которого наибольшая длина три версты. Летом местоположение озера должно быть очаровательно, потому что даже теперь, в октябре, несмотря на обезлиственные деревья и блёклую зелень, картины были прелестны.

Из озера вытекает небольшая речка, впадающая в Паратунку. Подле речки, недалеко от озера, живут два старых отставных матроса со своими семействами и тут же около их домиков стоят сушильни для приготовления юколы. В речке сделан закол, куда набирается тьма рыбы, которую обыкновенно крючкуют или просто берут руками. Рыбу крючкуют двояко: крючком, насаженным на шест, и мариком. Крючком достают рыбу из закола, а мариком ловят её, когда она идёт по реке в большом количестве против

течения. В обоих случаях, разумеется, только большую рыбу. Марик есть шест, на конце которого маленький желобок, в него вставляется крючок острием вниз, привязанный к короткому ремню...

Из общественных и казённых зданий [в Петропавловске] примечательнейшие: деревянный собор, крытый железом, величина его соразмерна народонаселению; новый дом начальника Камчатки, выстраиваемый из соснового леса, привозимого из Нижнекамчатска на казённом палубном боте «Алеут», дом этот кроют железом; военно-морская полугоспиталь, отличающаяся величайшим порядком, чистотою и удобствами для больных, тем более драгоценными, что средства порта весьма ограничены; при полугоспитали больница для бедных жителей. Каменных строений здесь нет. Причины этому разные: во-первых, недостаток в кирпиче, для которого глина привозится из Тарьинской губы, а другая причина — частые землетрясения.

6 мая 1841 г. землетрясение было здесь так сильно, что самые древние старожилы не помнят на своём веку подобного. Колокола собора звонили сами собою, трубы и печи в большей части домов развалились, вода несколько раз быстро уходила из Малой губы и потом вторгалась туда снова с такою силою, что угрожала затопить порт. Со стороны устья речки Колохтырки пролив возвысился футов на пятьдесят, причём утонула одна женщина и множество собак, бывших там на привязи. Наконец, недалеко от Орловки земля дала трещину, из которой била ключом горячая вода. Якут, живший около того места, убежал, поражённый паническим страхом. Все жители Петропавловска в неописанном ужасе ждали своего последнего часа. Странно, что в Камчатке жители не выходят из своих домов во время «трясения», полагая, что опасность вне их больше.

После 6 мая ежедневно ощущались подземные удары, которые мало-помалу ослабевали и, наконец, около начала сентября были весьма редки и слабы. При нас было несколько толчков, но, не привыкнув к ним, я не мог их заметить, несмотря на все мои желания. Однажды только, это было около половины ноября, катаясь на собаках на покрытом льдом Колохтырском озере, я слышал в окружных горах какой-то странный, особого рода гул, а вечером, когда я сидел за чайным столом, у одного из моих знакомых, чашки и стаканы вдруг зазвенели, как будто кто-нибудь толкнул стол. Хозяин дома сказал, что это был удар землетрясения, но я не чувствовал ничего.

Образ жизни петропавловского общества, да и само общество, значительно изменились после преобразований в управлении Камчатки и разных преимуществ, даваемых отправляющимся туда на службу офицерам и чиновникам. В старинные годы Камчатка была под управлением сухопутного ведомства, которого центр был в Нижнекамчатске. Офицеры, служившие там, были большей части люди, сосланные в Камчатку за дурное поведение из армейских полков, расположенных в Сибири и внутри России. Но когда начальником Камчатки был назначен Пётр Иванович Рикорд, знавший этот край не по одним слухам, потому что он бывал уже там во время своего путешествия вокруг света с капитаном Головниным, тогда весьма многое изменилось. Вникнув в положение страны, он исходатайствовал для неё особые постановления, которых большая часть существует и поныне. Офицеры и чиновники, отправляющиеся туда, избираются из охотников, получают перед отъездом следующий чин, и во всё время службы их в Камчатке и Охотске им выдаётся двойное жалование. Срок их службы — пять лет, по истечении которых они имеют право просить о переводе или остаться ещё на пять лет. За пятилетнюю службу начальник Камчатки получает пенсион полного ординарного жалованья, а за десятилетнюю — двойного, на всё остальное время службы. Помощник начальника получает за десятилетнюю службу пенсион полного ординарного жалования. Вместе с тем П. И. Рикорд доставил камчадалам много существенных облегчений. Главные из них: продажа пороха, свинца и всяких привозимых морем из России материалов по казённой цене, без платы за провоз и содержание магазинов.

Перемена в образе жизни произошла не очень давно от ежегодного прихода в Петропавловск американского купеческого судна. Всё, что привозится в Камчатку через Охотск, необыкновенно дорого, да, кроме того, по малости места на казённых транспортах и трудности доставки товаров изнутри Сибири в Охотск на вьючных лошадях, количество привоза весьма ограничено. Например, пуд ячневой крупы, привозимой из Охотска, стоит здесь 12 руб. ассигнациями, фунт сахара — 4 руб., фунт восьмирублёвого чая — 17 руб., фунт двухрублёвого «Жукова» табака стоит 8 руб., ведро пенника — 56 руб., аршин простого узкого рубашечного холста — 1 руб. Глиняные курительные трубки, продающиеся в Петербурге по 8 коп. медью, стоят здесь по рублю, фунт дроби № 8 продаётся по 2 руб. 50 коп. и прочее всё в той же соразмерности. Нетрудно понять, что при такой ужасной дороговизне двойное жалование не может доставить и самых простых удобств в жизни, а часто и деньги не

могли ничему помочь. Теперь дело другое: восемь лет сряду американцы, ознакомившиеся как нельзя лучше с потребностями края, привозят туда всё, что нужно, и этим делают истинное благодеяние. Разумеется, при этом случае они больше всего заботятся о своих собственных выгодах и пускаются на край света не даром, но цены их товаров, хотя и дают им барыши по сто процентов и более, всё-таки кажутся умеренными петропавловцам, привыкшим к чудовищным ценам привозимых из Охотска товаров.

Весною и в начале лета, когда запас муки, сахара, вина, табака и прочего истощился и только весьма расчётливые хозяева имеют у себя эти редкие и лакомые припасы, физиономии жителей порта вытягиваются, уныние распространяется всюду, и рыба почти исключительно является на всех столах, во всякое время дня, в разных костюмах, а наиболее в виде юколы. Счастлив тот, кому удастся добыть дичинки! Отчаянные курильщики искрашивают свои чубуки, чтобы чем-то утолить нестерпимую жажду «затянуться». Взоры всех вопросительно смотрят в «туманную даль», не идёт ли американец, которого прибытие ждут как пришествия мессии...

Наконец желанный гость пришёл. Начальник Камчатки отводит ему место, где он устраивает свою временную лавку, и вдруг все лица, незадолго мрачные и угрюмые, расцветают. Все торопятся закупить, что нужно, и Петропавловский порт пирует и радуется радостию велиею. Так как звонкая монета известна там только понаслышке, то купец продаёт свой товар на ассигнации, и потом перед отходом отдаёт их в окружное казначейство, откуда получает билет, по которому после, вероятно по сношениям консулов, ему выдаются деньги. Как ни мал Петропавловск, а не проходит ни одного года, чтоб американец не продал туда товаров на сто тысяч рублей ассигнациями.

Тем, кто покупает на звонкую монету, делается уступка пяти процентов. Да как не благодарить американца, когда его приход даёт возможность зачинить прорехи в хозяйстве, а ему как не ходить в благодатную страну, где всё, что он привезёт, будет у него расхватано, потому что во всём нужда? В столовых и чайных сервизах, которые янки везёт сюда, редко тарелки или чашки сходствуют между собой форматом и рисунком. У него есть и чашки без блюдечек и блюдечки без чашек, разнохарактерные стулья, стаканы и рюмки, словом, всякая всячина. Тут нет ничего странного и смешного, надобно только вспомнить, что в Камчатке бывает решительно невозможно достать самых обыкновенных вещей. Что станет делать, если в целом доме одна только рюмка, да и та

без ножки? Или, если в случае прихода двух-трёх гостей, надобно посылать просить у соседей чашек или тарелок? Можно ли тут подбирать столовый сервиз по рисунку, когда негде купить тарелку взамен разбитой? А ведь американец приходит один раз в год, и, упустив случай запастись, надобно ждать ещё целый год, потому что на привозимое из Охотска плохая надежда...

Петропавловский порт пользуется правом вольного торгового порта (porto franco). За исключением чая и крепких напитков, позволяется привозить всё: запрещение на чай произошло вследствие хлопот сибирских купцов, торгующих с Кяхтою, а ром и водка запрещены с той целью, чтоб дешевизна не увеличила пьянство, к которому камчадалы и вообще люди низшего сословия имеют большую наклонность. Последнее распоряжение, конечно, благодетельно, но неужели сибирские купцы обеднеют, если б они лишились монополии продавать в Камчатке чай? Между тем дешевизна чая была бы большим благодеянием для жителей, проводящих большую часть своего существования на холоде, на охоте, рыбной ловле и разных тяжёлых работах.

Живущему в Камчатке необходимо заниматься хозяйством, потому что там нет ни сытных рынков, ни даже благодетельных мелочных лавок, и часто всесильные деньги бывают бесполезны. У всякого, кто живёт домиком, есть корова, несколько кур, а у некоторых и свинки. Живность является здесь в большем количестве против прежнего с тех пор, как нынешний начальник Камчатки принял строгие меры, чтоб собаки жителей были на привязи круглый год. Прежде они гуляли на свободе и питались, как могли, выбрасываемой на берег рыбою. Тогда нельзя было оставлять без самого бдительного надзора кур, свиней, телят и даже коров. Собаки бросались на них и загрызали. Страннее всего, что собаки не съедают своих жертв, а преспокойно оставляют их на земле.

Кроме огорода и миниатюрного скотного двора, местные пособия жителей Петропавловска состоят из рыбы, разного рода прекрасной дичины, топорковых яиц и некоторых весьма скудных произведений растительного царства. Добывание топорковых яиц и урилов для тех, кто хочет получить много этих птиц, не тратя пороха, сопряжено с опасностью. Топорки кладут свои яйца в пропастях, в местах почти неприступных, вроде Старичкова острова. Надобно, во-первых, пристать туда в бурное время года, потом подняться по закраинам камня наверх, а оттуда спускаться по верёвке в пропасть. Топорковые яйца довольно вкусны.

Добывание урилов также весьма нелегко. Я расспрашивал об этом известнейшего ловца урилов, матроса камчатской экипажной роты Белокопытова. Он отправляется на боте с товарищем к Старичковому острову, которого берега весьма обрывисты и почти неприступны. Урилы, топорки и старички, не опасаясь быть встревоженными, несут там свои яйца и обыкновенно сидят в несметном множестве на закраинах утёсов. Ловец взбирается на эти самородные карнизы, с опасностью сломать себе шею, запасшись петлёю на палке или кулёмкой и мешком. Приблизясь к урилам, он вежливо снимает им шапку и кланяется. Урилы, вероятно, следуя за движением его головы или шапки, отвечают на его поклон. После этого взаимного приветствия он протягивает кулёмку к ближайшей птице, и та, не воображая ничего, всовывает туда свою голову. Ловец обмахивает палку вместе с птицей за спину, берёт её подмышку, свёртывает шею так, чтобы она не успела пикнуть, и опускает свою добычу в мешок. Потом он протягивает кулёмку другому, третьему, четвертому и т. д. урилам, пока не наполнится мешок. Тогда он передаёт его товарищу, а от него получает другой, который наполняет таким же образом, пока количество птиц не покажется ему достаточным. Странно, что урилы, видя, как убывают один за одним их соседи, не поднимаются, но это можно объяснить себе тем, что они, вероятно, воображают, что попавшие в кулёмку улетают. Кроме того, они в это время бывают так жирны, что едва в состоянии сдвинуться с места.

Рыбы... здесь несметное множество. Кроме больших рыб, кижуча, горбуши и т. п., сюда приходят летом в огромном количестве сельди и вахня, или навага. Сельдей солят: они превосходны и не уступят голландским. Вахня или «вахнюшка» чрезвычайно нежная и вкусная рыба — она слишком нежна для соления. Чтобы составить себе понятие о количествах, в которых она ходит, скажу только, что, закинув судовой невод, мы однажды вытащили столько вахни, что она не уместилась в двух шлюпках, из которых одна была десятивёсельный катер. Ход сельдей тогда давно уже кончился, так что нам не удалось полакомиться свежими селёдками.

Недостаток капиталов, отчасти и предприимчивости, не во гнев будет сказано, и разные местные обстоятельства мешают камчатским купцам завести своё судно и пользоваться выгодами, которые теперь достаются американцам. Если б они решили завести себе хоть порядочную грузовую шкуну или бриг, то, нет сомнения, хозяева получили бы большие барыши. Летом это судно могло бы ходить в Нижне-Тигильск за лесом, как для казны, так и для

частных людей, а на зиму — в Манилу за мукою, рисом и всякого рода товарами, которые распространялись не только по Камчатке, но и через Охотск по всей Восточной Сибири. Оно бы даже успело сходить в Сингапур, где все английские мануфактурные произведения дешевле, нежели в самой Англии. Стоило им только выйти из Манилы в последний месяц *NO* муссона и, переждав перемену муссон в Сингапуре, возвратиться, когда настанет *SW* муссон, то есть в исходе апреля. К началу июля судно могло бы придти в Камчатку, выгрузиться и сходить за лесом. Выгоды камчатских купцов были бы очевидны: пуд ячневой крупы, привозимой из Охотска, стоит 12 руб. ассигнациями, а в Маниле пикуль (то есть 3 $^{1}/_{2}$ пуда) риса обходится в два испанских пиастра (10 руб. ассигнациями). Тогда можно бы было несравненно дешевле и лучше продовольствовать Камчатку и Охотск провиантом, а вместе с тем барыш от этой торговли оставался в руках русских купцов. Камчатские купцы приписываются к третьей гильдии, но пользуются правами всех трёх гильдий. Странно, что они не могут решиться воспользоваться столь выгодным положением...

8-го октября выпал первый снег, но он вскоре стаял. Однако около исхода октября его выпало столько, что при помощи морозов в несколько дней установилась санная дорога, к неописанной радости любителей катанья на собаках. С этой вожделенной поры большая часть разговоров начиналась и оканчивалась собаками. Каждый выхвалял достоинства своего пестряка, чернышки или двоеглазки, спорили за них и горячились не хуже всяких любителей лошадей. Г. Т-ий, страстный любитель собак, разумеется, ездовых, клялся мне, что он предпочитает собак лошадям, и что для него хорошая санка (то есть шесть собак с санкою) имеет несравненно более цены, нежели любой орловский рысак. При этом не излишне заметить, что собаки стоят дешевле орловских рысаков, а это обстоятельство, конечно, может иметь влияние на человеческий вкус.

Ничем нельзя сильнее задеть записного ездока или отчаянного любителя, хотя и не всегда отчаянного ездока, как сказав ему, что он не умеет ездить, что собаки его никуда не годятся, что они пословны, запалены, прелы, горелы и прочее или что он имеет привычку, выехав на собаках, возвращаться пешком с оштолом в руках. В санку для катанья обыкновенно запрягают шесть собак, по две в ряд. Упряж — алыки, нечто вроде кожаных хомутов с одною постромкою: она привязывается к среднему ремню, к которому на известных расстояниях немного более длины собаки приделаны

коротенькие цепочки с кляпышками. Алык надевается так, чтоб собака была по внешнюю сторону постромки. Санка довольно высока и весьма легка, следовательно, не очень остойчива, почему ездок должен беспрестанно думать о своём равновесии. Ездок садится боком, слабые ездоки — верхом, это легче, и берёт в руки оштол — согнутую палку с острым железным наконечником, которую он закладывает за передний или задний копылок санки для того, чтобы, упёршись концом в снег, забороздить и тем убавить скорость езды на спусках и косогорах или чтобы остановиться, когда понадобится.

Передовые собаки избираются из самых умных и непременно должны быть пословные, то есть понимать и уметь выполнять команду. Чтобы поворотить направо, говорится «Ках, ках»; налево — «Хуга, хуга», а чтобы остановиться, надобно вдруг сильно забороздить и сказать: «На, на!» Возжей нет. Ездок должен быть особенно осторожен на спусках и косогорах, потому что под гору собаки несутся во весь дух и легко опрокинутся вместе с санкой. В таких случаях ездок старается схватиться за санку, чтобы не упустить собак, которые, урвавшись раз, не дадут себя догнать и задержать.

Правда, ему придётся влещись по снегу, подобно Гектору, привязанному к торжественной колеснице Ахилла, но зато ездок избавится от неудовольствия и посрамления тащиться пешком с оштолом в руках всю остальную часть дороги. В случае неудачи, прийдя в порт, он старается укрыться от встреч со знакомыми и незнакомыми, но это не спасает: в самом непродолжительном времени все узнают, что такой-то прогулялся с оштолом. Нарта гораздо шире и ниже санки, на нартах возят дрова, рыбу, сено и прочее.

Собак всегда держат на привязи около домов их хозяев, их кормят раз в сутки, всегда в то же время дня, и обыкновенная порция — одна юкола, некоторые дают и по полторы, даже по две юколы. Перед отправлением в дальнее путешествие собак не кормят, чтобы сделать их легче, да к тому же голодные лучше везут. Собаки, запряжённые в санку, рвутся вперёд и изъявляют своё нетерпение громким воем, которому вторят другие, находящиеся на привязи. Стоит завыть одной собаке, и часто случается, что все собаки Петропавловского порта подхватывают и произведут такую гармонию, что непривычным ушам приходится плохо.

Камчатские собаки похожи видом на волков и не имеют многих качеств, врождённых собакам, между прочим, главного —

бдительности. Дюжина собак, лежащих перед домом на привязи, вовсе не сторожат его, и не одна не тронется при виде чужого человека. К счастию, воровство здесь неизвестно, а потому всякий хозяин смело может быть уверен, что у него никогда ничего не украдут. Камчатские собаки не лают, а воют, что с непривычки производит самое неприятное впечатление, тем более что в Европейской России вой собак имеет зловещее значение.

В начале ноября мы задали вечёрку, на которую созвали всё петропавловское общество. Г. К-в был так добр, что ссудил нас на этот вечер своим домом, лучшим в городе и единственным, обшитым тёсом. Многие из дам приехали на собаках, и, разумеется, по примеру маленьких городков, время приезда соразмерялось со степенью важности каждой...

Наконец гости собрались, оркестр грянул, и веселье началось. Оркестр состоял из двух скрипок — казака Карандашёва и слуги одного из наших офицеров. Французская кадриль была подобрана из русских песен, и при каждой перемене фигур музыкантам командовалось: «Чижика! Перепёлку! Татарина!» и прочее, потому что они не знали порядка фигур. Ужин заключил бал, которым все гости остались до крайности довольны. Были, правда, весьма немногие исключения, но где же их не бывает? На другой день вчерашние наши гости, встречаясь с нами на улице, после обыкновенного приветствия приговаривали: «За угощение», нам следовало бы отвечать: «За посещение», но незнание принятых обычаев заставляло нас каждый раз провиняться против правил сибирского этикета, за что, впрочем, на нас никто не сердился.

Вскоре после вечёрки нам пришлось видеть камчадальскую пляску — бахию. В ней заключалось целое драматическое представление: тойон после утомительной охоты располагается в лесу на отдых вместе с сопутствовавшими ему камчадалами. С ним, как водится, винтовка, лыжи и юкола, которую он для развлечения погрызывает. Чтоб усладить кратковременное отдохновение тойона, спутники его начинают плясать и представляют ему волокитство медведя за медведицей и счастливое окончание их любви. Припев «Бахия, бахи! Бахия э-хо-хо! Бахия э-цо-цо!» прерывался болезненными восклицаниями, выражавшими страстное нетерпение косматого обитателя лесов, которому сочувствовал тойон, вторя ему судорожными кривляниями и восклицаниями. Когда любовь медведя начинала увенчиваться вожделенным успехом, плясуны разгорячились, а тойон пришёл в совершенное исступление и оглашал воздух испускаемыми из глубины груди тяжкими стонами.

Под конец, в самую минуту развязки, плясуны сбились с толку, и тойон от сильного негодования, вышед из своей роли, начал их бранить по-русски.

Добрые наши знакомые наперерыв старались сделать наше пребывание в Петропавловске как можно приятнее. Собаки всех были к нашим услугам для катанья, во всех домах нас ожидал самый ласковый приём. Некоторые домовитые хозяйки, зная, что мы живём по-бивачному, простёрли свою любезность до того, что всякий день то от той, то от другой присылались нам пироги собственного печения или какие-нибудь диковинные произведения камчатской кухни. Незадолго до нашего отправления они задали нам бал, на котором мы протанцевали до упада до шести часов утра, а после того как дамы разъехались, пир продолжался ещё до девяти часов.

Между тем зима шла своим чередом, и мороз доходил до тринадцати градусов. Малая губа замёрзла совершенно, Авачинская начала покрываться льдом. В Петропавловске сильные морозы редки, зимою они доходят до пятнадцати градусов, но двадцать — уже большая редкость, случающаяся не ежегодно. Зато в Камчатке ужасны пурги. Слишком сильных при нас не было, но рассказывают, что иногда они заносят совершенно дома, так что дорога идёт наравне с крышами. Бывали примеры, что когда не успевали отгрести снег от дверей и окон, санки въезжали со всеми собаками в слуховые окна домов. Весною снег, покрывающий горы, ослепительно отражает солнечные лучи, что весьма вредно для глаз. Бывали примеры, что некоторые теряли от того зрение.

Перед отправлением мы сделали на прощание с нашими добрыми хозяевами ещё вечёрку и потом распростились с ними, может быть, навсегда.

21 ноября отец протоиерей отслужил нам на транспорте напутственный молебен.

23-го, приготовившись совершенно к отправлению и выстрелив штормовые брам-стеньги, мы начали пропиливать лёд для выхода из малой губы. Матросы Камчатской роты, вооружённые пилами, работали так усердно и так успешно, что к вечеру при помощи попутного ветра мы уже бросили якорь в Авачинской губе. Выходить из устья не было возможности, потому что оно было загромождено льдом. К счастью нашему, великий Кутха сжалился над нами: он послал своего болванчика разломать лёд, и на следующее утро, 24-го, выход был совершенно чист. Погода была прекрасная, снег, от которого ослепительно отражались солнечные лучи, покрывал

высокие берега гостеприимной Камчатки, и мы не раз оглядывались назад.

Мало-помалу берега уходили под горизонт, и только Авачинские сопки, Вилючинский и Поворотный пики возвышались над синим океаном. Заходящее солнце освещало их розовым светом, и они всё ещё были видны, хотя мы и находились от них уже в милях семидесяти.

Бутаков А. Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах // Отечественные записки, 1844, № 3. — С. 3—26.

Участник того же плавания Густав Блок оставил свои воспоминания о Петропавловске 1841 г. Они в ряде случаев дополняют рассказ Алексея Бутакова, поэтому ниже приводятся два отрывка из его книги.

...В начале десятого часа обогнули Сигнальный мыс, из-за которого стал обрисовываться порт Петра и Павла.

Петропавловск построен при подошве двух гор, почти параллельных между собою, из которых западная называется Сигнальною, а восточная — Калахтырским хребтом. К северу от города из-за Никольской горы поднимается величественная Авачинская сопка, а к юго-западу виден гигантский Велюй. Горы и примыкающие к ним возвышенности небрежно покрыты роскошною снежною пеленою, и вся окрестность дышит самою дикою прелестью.

Из замечательных строений города, особенно бросающихся в глаза, можно назвать собор Св. Петра и Павла, дом начальника Камчатки и два-три дома обывательских. Остальные строения не более как хижины.

Спустя немного мы миновали риф, простирающийся от Сигнального мыса к *SSO*. Капитан приказал спустить гичку, на которой отправился с рапортом к начальнику Камчатки, препоручив старшему офицеру по приходе в губу ошвартоваться.

Небольшая гавань Петропавловска очень спокойна, впрочем, не всегда. При сильных землетрясениях, нарушающих иногда, хотя и весьма редко, спокойствие здешних величественных берегов, в Петропавловской губе делается большой прилив и отлив, а в заключение сильный водоворот. Не помню, в котором именно году, одно охотское судно, стоявшее здесь во время землетрясения, было сорвано с четырёх якорей и выброшено на берег, так силён был образовавшийся водоворот. Мне рассказывали также впоследствии о землетрясении, случившемся в Петропавловске месяца за четыре

до нашего прихода. Оно было, как говорили, так велико, что размахи креста колокольни Петропавловского собора доходили до трёх футов в каждую сторону от вертикального положения шпица. Жители беспрестанными глухими подземными ударами были приведены в состояние панического страха. Скот попадал со страшным мычанием, собаки подняли раздирающий вой. Это землетрясение продолжалось четверть часа.

Но вот к шести склянкам мы положили якорь и ошвартовались в полукабельтове от берега. Скромная наружность города и величественная природа Камчатки преисполнили наши души какою-то неизъяснимою радостью, и истина прелестного стиха: «И дым отечества нам сладок и приятен!» — как нельзя более оправдалась. К полдню Алексей Леонтьевич Х., командир бота «Алеут», помня уставы русского хлебосольства, прислал в кают-компанию свежего ржаного хлеба, груздей, рыбы свежей и солёной и превосходную кулебяку, словом, яств, которых мы не видали более года.

«Прекрасно! Превосходно! Ай да Алексей Леонтьевич! Вот удружил!» — говорили мы, потирая руки и расхаживая около длинного стола, заставленного такими соблазнительными вещами. Вскоре явился к нам и сам Алексей Леонтьевич. Тут толки, хохот и расспросы оживили нашу общую беседу кают-компании, и каждый из нас торопливо узнавал от него о почте, с которою мы ожидали обещанных писем из Петербурга. Но почта ещё не приходила, её ожидали со дня на день с бригом из Охотска. При этом я вспомнил о письме П. Т. К., моего дяди, к здешнему старожилу и купцу Ф. Д. К. Алексей Леонтьевич был очень обязателен, указав мне миленький домик, расположенный при небольшом ручейке, и посоветовал мне посетить старика поскорее, но чтобы я только поберёг своё сердце. «Вы молоды, — говорил он, — а дочери его прекрасны!»

Несмотря, однако, на это приятное и заманчивое предостережение, я был на другой день что-то не в духе и не поехал на берег, отложив посещение до завтра.

На другой день, часу в шесть вечера я собрался наконец с Теряевым на берег, с исключительным намерением сделать первый визит К. Подходя к его дому, мы невольно припомнили предостережение Алексея Леонтьевича и мысленно с нетерпением приготовлялись удостовериться, до какой степени его слова были справедливы. Но вот мы в прихожей, нас просят в залу. Здесь приняла нас девушка лет девятнадцати с открытым лицом, показывавшим доброту. Большие чёрные глаза, тёмно-русые волосы, стройный стан, густые брови и ресницы — вот данные, по которым можно представить

особу, оказавшуюся одною из дочерей К. На наши вежливости и комплименты она отвечала непринуждённо, мило и без всякой застенчивости. Не ожидая встретить развязности, которою она щеголяла, в камчатской барышне, мы, сказать откровенно, кажется, немного смешались, однако тут же оправились и не замедлили отрекомендоваться.

«Весьма приятно познакомиться с вами. Батюшка будет очень рад, он уже давно не получает писем от своего Николая», — сказала она в ответ, узнав, что я воспитывался вместе с её братом. Несколько времени поддерживала она разговор, по-видимому, стараясь занять «петербургских гостей». Вскоре вошёл в комнату её отец, старик Фёдор Дмитриевич.

«Позвольте вас облобызать, яко бы сына своего», — произнёс почтенный старик, сжимая меня в своих объятиях. Эта сцена невольно тронула нас до глубины души. Описать восторг отца я не в состоянии. Нужно было видеть, с каким радостным умилением он смотрел на меня, слушая повествование об его сыне, находившемся в то время в Петербурге, следовательно, в расстоянии более тринадцати тысяч вёрст! Крупные слёзы навёртывались у него на глазах... Он закидал меня вопросами, на которые я едва успевал отвечать, между тем как Т. — великий политик и эгоист! — занялся Евгенией Фёдоровной — так звали старшую дочь К., которая нас встретила.

Посреди то шуточных, то серьёзных разговоров время летело весело и незаметно, как вдруг заревая пушка (!!!), возвестившая девять часов, прогремела, и гул её пробежал глухими перекатами посреди неподвижных великанов гористых окрестностей Петропавловска.

Мы собрались идти.

Старик К. просил нас посещать его почаще, говоря, что мы можем располагать его домом как своим, словом, без околичностей. Мы благодарили и торопились идти.

Дорогою почти ничего не говорили. Машинальное: «На транспорте — шлюпку!» — которое пробасил Т. с пристани, пробудило матроса, назначенного на двойку, от приятной дремоты под баком, и вскоре за тем послышалась более сонная, чем вялая гребля.

Таким образом началось наше знакомство с петропавловцами, с которыми мы познакомились в короткое время до того, что не было дома, в который бы мы не были вхожи. К чести почтенных граждан отдалённого Петропавловска, должно сознаться, что гостеприимство и хлебосольство доведены у них до полного совершен-

ства. Стоит только к кому-нибудь зайти, чтоб засидеться на худой конец часов на шесть, запотчуют вас и тем-то, и другим, просто как на убой!

Между тем нам отвели квартиру в доме купца Сахарова, так что к 25-му числу мы могли перебраться с холодного транспорта в тёплое помещение. Это событие было довершено радостным известием: приходом брига из Охотска. На нём привезли почту, а с нею, милостивые государи, мы ожидали обещанных писем из Петербурга!

...28 сентября и 1 октября в соборе Святых Петра и Павла происходили благодарственные молебствия. Первое было по случаю обручения его императорского высочества государя наследника цесаревича с её императорским высочеством великою княжною Мариею Александровною, а второе по случаю бракосочетания их высочества. В эти высокоторжественные дни по окончании благодарственных молебствий были парады с церемониями и в заключение обед у начальника Камчатской области (в нашу бытность начальником Камчатки был капитан 1-го ранга Страннолюбский).

К тому времени на транспорте начались работы — пошла выгрузка привезённых вещей. Вечно напевающая дудка весельчака-боцмана заливалась в изгибистых трелях, мастерски одобряя людей, и тяжёлые тюки, шутя, поднимались из трюма, облегчая тем постепенно загруженный транспорт. Один день на вахте, а два дня свободных на охоте или у К. — вот моё постоянное препровождение времени...

Однако мы перейдём... к милым петропавловским камчадалкам. Нам удалось видеть их в полном блеске на бале, который общество наших офицеров затеяло устроить, собравшись однажды у К.

Дело останавливалось сначала за квартирой, расположение которой соответствовало бы хотя несколько желаемой цели. Однако беда была поправная: старик Фёдор Дмитриев отдал в их распоряжение свой дом, в котором было прекрасное помещение, и от правления всех моряков тут же решили, что 25 октября должен быть «пир на весь мир».

Дня за два до назначенного пиршества разнесли пригласительные билеты, в которых общество офицеров нашего транспорта покорнейше просило петропавловцев на чашку чая.

Можно себе представить, сколько у нас, холостяков, было к этому дню хлопот! Гости стали собираться к семи часам вечера. Камчадал, единственный и потому знаменитый скрипач в Петропавловске,

бойко стоял на своём месте при входе в залу, с нетерпением поглядывая на наших, не велит ли кто ему отхватить какого-нибудь дивного «чижика». Дамы расположились в соседней комнате и, чинно усевшись, беседовали о своих муженьках. Среди них, между нами будь сказано, бабочек различных климатов и цветов...

«Одна, как изумруд, другая — как коралл, а те как яхонты горят!» Резко выступали наружу Евгения и Софья (младшая сестра). Всё отличало этих двух девиц от общества, которым они были окружены: манеры, тон и наряды их доказывали некоторую светскость, о красоте я лучше умолчу.

Младшая сестра Софья в этом отношении была самой дорогой жемчужиной во всем Петропавловске! Природные её достоинства ещё ярче выставлялись от уменья одеться просто, но со вкусом. Я охотно описал бы вам до малейших подробностей костюм красавицы, если б не удерживали меня известные стихи: «Мужчинам к этим объяснениям таланта вовсе не дано!»

А впрочем, престранное, право, дело! Один взгляд чёрных горделивых глазок, и какое-то непонятное электричество пробежит по жилам! Невольно начинаешь думать...

Но вообразите себе, снисходительные читатели, что меня вывело из такого патетического размышления? Варварский «чижик» Карандашёва, который он пошёл «выбирать» на своей скрипке! Не хотя расхохочешься...

Между тем началась кадриль, для которой была составлена музыка из русских национальных песен. Первую фигуру танцевали под звуки «чижика», вторую — «и шумит, и гудит», третью — «душа красная девица», четвёртую — «перепели» и, наконец, пятую выделывали, внимая мотивам «татарина».

Это была, кажется, любимая пьеса усердного Карандашёва: он улыбался, разыгрывая её, и маленькие глазки его тогда почти исчезали.

Кадриль шла успешно, даже изредка выкупалась вполне тщательными па, пестрившими этот монотонный танец цивилизованных народов. Все веселились, шутили, танцевали, кружились, и даже сам Карандашёв для соблюдения такта, а может быть, и для собственного удовольствия, и припрыгивал, и от души смеялся. Вечер прошёл, в общем, непринуждённо, весело, и только к пяти часам утра гости наши разъехались, виноват! — разошлись по домам.

Блок Г. Два года из жизни русского моряка. Т. 1. — СПб., 1854. — С. 268—271.

Предписание начальника Камчатки Петропавловскому городовому старосте от 23 ноября 1842 г.

Вследствие предложения господина иркутского гражданского губернатора от 10 июня сего года за № 2000 с приложением копии циркуляционного предписания господина министра государственных имуществ о посеве и разумножении картофеля и о награде за успехи, я предписываю вам:

1-е. В обществе, вам вверенном, где посев картофеля уже производится, пригласить общественников мерами внушения и убеждения к распространению посева картофеля не только в огородах, но и на полях, указав при сем жителям пользу от картофеля, как важнейшего пособия к обеспечению продовольствия (особенно в здешнем крае) и как продукта, выгодного во всякое время, не только в пищу человеческую, но и на корм скота и другие предметы по заводской промышленности.

2-е. В тех местах, где разведение картофеля требует ещё особенных мер, и где для сего есть удобствия, в тех селениях места отводить, по мере возможности, участки для посева картофеля.

3-е. Так как высочайшим повелением, в 16 день февраля сего года состоявшимся, назначены денежные премии жителям, отличающимся особенными против прочих успехами в разведении картофеля, то имейте в виду, что премии сии установлены двух разрядов: в 15 и 25 руб. серебром.

4-е. В определении премий принять за правило:

а) в сословии, вам подведомом, где картофель ещё не введён в употребление, премии назначать обществам за введение посева его. При большом числе таковых давать преимущество тем, кто разведёт более, и особенно, кто произведёт посев на полях,

б) где посев картофеля уже введён, там премии должны быть определены за распространение посева в большем противу других количеств, и так, как и в первом случае, давать преимущественно тем, которые произведут посев на полях, а особенно, если при сем случае введут употребление картофеля в корм скота или на другое полезное дело, например, на выделывание крахмалу, патоки и т. п.

5-е. Вообще все без исключения жители, которые приобретут особенное внимание ваше отличными успехами в распространении посева картофеля и учреждении промышленных заведений для сбыта его, или же изобретут лучший по местным обстоятельствам способ сбережения картофеля в продолжение зимнего времени,

и вообще примером своего хозяйства докажут выгоду и обратят других к полезному развитию сей отрасли сельской промышленности, могут быть представлены к награждению медалями по общему установлению.

6-е. Сообщив вам правила сии к точному руководству и непременному исполнению, я остаюсь в надежде, что вы, имея в виду особенное высочайшее внимание к распространению картофеля, употребите со своей стороны деятельнейшие меры к исполнению в точности предначертаний его императорского величества и доставите мне возможность свидетельствовать устами здешних жителей в распространении посева картофеля пред высшим начальством.

7-е. Препровождая к вам форму отчёта, поставляю вас в обязанность принять все зависящие от вас меры к большому разведению картофеля и представить ко мне по снятии оного ежегодно по ведомству своему отчёт по прилагаемой форме о посеве и урожае картофеля и сведения об оказавших из городских сословий особенное усердие по разведению сего продукта для удостоения к монаршим почётным наградам.

Начальник Камчатки *Страннолюбский*

РГИА ДВ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—3.

Предложения начальнику Главного морского штаба по снабжению Петропавловского порта от 22 сентября 1843 г.

...Комитет из выслушанных им бумаг относительно снабжения Петропавловского порта предметами продовольствия усмотрел:

1. Из записки г. флота генерал-интенданта от 31 марта 1841 г. № 1231, что в мае 1840 г. Главное правление Российско-Американской компании соглашалось принять на себя перевозку казённого груза из Охотска в Петропавловский порт, Тигиль и Гижигу с уплатою оному в первый год до 86 тыс. руб., а в последующие годы до 30 тыс. руб. серебром, и с тем, чтобы дозволено было Главному правлению принимать на службу чрез каждые пять лет по 40 человек избранных матрос из флота.

Потом в ноябре месяце Главное правление предложило готовность доставлять в Петропавловск на своих судах все потребные для продовольствия припасы и материалы из запасов компании, хранящихся в ея колониях на острове Ситхе, по весьма сходным ценам в сравнении с существующими в Камчатке, с тем, чтобы при порте устроена была мукомольная мельница для размола пшеницы, имеющей быть привозимою в зерне, и что в случае разрыва

России с морскою державою компания слагает с себя всякую ответственность, естьли она лишится средств и возможности закупать и перевозить в Камчатку потребные для сего края припасы и товары.

Для доставления летней почты из Охотска в Петропавловск, равно и тех потребностей, кои исключительно в Сибири приобретаются, Главное правление соглашалось содержать в готовности тендер или шхуну, которая бы совершала в год по одному рейсу из Петропавловска в Охотск и обратно, принимая на оную бесплатно пассажиров и партикулярную кладь в таких только случаях, когда окажется на том малом судне достаточное для сего помещение, не стесняя компанейских пассажиров.

К выполнению сих предложений Главное правление полагало испросить следующие льготы и позволения:

а) чтобы в Петропавловском порте отведена была исправная казарма для команды и квартиры для судового командира и его помощников,

б) чтобы дозволено было в казённых магазинах или другом помещении хранить судовые припасы,

в) чтобы чрез каждыя пять лет дозволено было Главному правлению приглашать и принимать охотников до 25 человек из матросов кронштадтских экипажей для служения на компанейских судах, предназначенных плавать из Ситхи в Петропавловск и Охотск,

г) чтобы РАК был дозволен беспошлинный ввоз товаров в Охотск на основании правил, установленных для производства в Камчатке беспошлинной иностранной торговли, при одном лишь ограничении количества их, например, одним судовым грузом в 200 тонн.

2. Между тем негоциант Северо-Американских Штатов Бордмен в письме на имя вашей светлости от 30 июля предлагает заключить с ним контракт на доставку в Петропавловский порт съестных припасов и в особенности предметов тяжеловесных, как то: муки, рису, соли и проч. в количестве, нужном на продовольствие, не только без всяких за то пособий и вознаграждений от российского правительства, но ещё в удостоверение того, что суда его будут отправляемы надлежащим образом, готов дать обязательства посланнику нашему в Вашингтоне, такие же, как принимаются правительством Американских Штатов в подобных случаях, на сумму 10 тыс. испанских талеров.

Уплату денег производить ему по доставлении товаров на место по векселям от российского правительства, спустя тридцать дней

по предъявлении их в Санкт-Петербург. Причём объявил, что в течение лета будущего 1844 г. обязуется доставить товары в Петропавловский порт по нижеследующим ценам:

— американская белая пшеничная мука (как во всеобщем употреблении Соединённых Штатов) в бочках весом по 196 английских фунтов каждая, или почти 5 $^{1}/_{2}$ пудов, по 9 руб. ассигнациями пуд;

— рис хорошего качества, американский или ост-индский, — по 8 руб. ассиг. пуд;

— соль хорошая — по 2 $^{1}/_{2}$ руб. ассиг. пуд;

— порох — по 80 руб. ассиг. пуд;

— дробь всех сортов — по 20 руб. ассиг. за 25 английских фунтов;

— ржаная мука, как обыкновенно употребляется в России — по 7 $^{1}/_{2}$ руб. ассиг. пуд.

Но, как легко может случиться, что она испортится и скиснет во время перевоза, и опыт лишь может показать, что перемена климата не вредит этой муке, поэтому Бордмен, естьли контракт будет заключён, перешлёт в Камчатку пробы всех сортов муки, приготовляемой в Соединённых Штатах, для испытания и утверждения их достоинств.

Комитет, рассуждая, что естьли бы РАК согласилась ныне принять на своё попечение снабжение предметами продовольствия Петропавловского порта без всяких вознаграждений, подобно вызову негоцианта Бордмена, то, конечно, это было бы удобнее для сношений по сему делу и полезнее для российской торговли. А потому комитет прежде окончательного заключения полагал не лишним спросить Главное правление РАК:

1) согласно ли оно принять на своё попечение снабжение предметами продовольствия Петропавловского порта в полном потребном количестве для всех там ведомств из собственных запасов в колониях или из запасов других мест без всяких за то вознаграждений, кроме платежа за продукты,

2) также, согласно ли оно принять на себя снабжение предметами продовольствия всех же ведомств в Тигиле и Гижиге, равно доставку из Охотска в Петропавловск и обратно почты, пассажиров и партикулярной клади, и на каких определительных условиях,

3) с которого года может компания принять таковое снабжения, к каким срокам будет делать доставку и какие назначит цены на предметы продовольствия, разумея, что плата за продукты бу-

дет в Санкт-Петербурге по сдаче их на местах и по предъявлении в том квитанции,

4) чем она удостоверит благонадёжность и исправность снабжения, на какой предмет сообщить Главному правлению для соображения, что по отзыву начальника Охотского порта капитана Головнина, перевозка ежегодно на охотских транспортах в Гижигу, Тигиль и Петропавловск казённого провианта для всех ведомств простирается от 11 до 13 тыс. пудов, прочих казённых тяжестей от 1 212 до 2 600 пудов, партикулярного и купеческого грузов от 3 270 до 3 500 пудов, и что собственно для морского ведомства потребность провианта ограничивается в количестве: для Петропавловского порта 3 835 пудов муки и 396 пудов круп, да для Тигильской крепости 21 пуд муки и 37 пудов круп.

Главное правление РАК в ответе своём от 27 августа на вышеозначенные вопросы объяснило: усмотрев из отношений кораблестроительного департамента от 10 августа 1839 г. и 15 мая 1840 г. за №№ 3538 и 2074 имеющееся в виду морского ведомства предположение о доставлении в Камчатку провианта чрез посредство РАК, Главное правление тогда же приняло зависящие меры к отстранению тех затруднений, какие со стороны компании могли бы воспрепятствовать исполнению этого предположения правительства.

Эти затруднения состояли, главнейше, в недостаточности в колониях средств к обращению в муку значительного количества зернового хлеба, а потому главный правитель колоний капитан 1-го ранга Этолин устроил в Ново-Архангельском порте новую мукомольную мельницу, которая, как видно из депеши 9 мая 1842 г., с 15 сентября 1841 г. уже приведена в действие.

В минувшем июле месяце Главное правление получило заграничным путём, чрез Сандвичевы острова и Англию, депешу г. Этолина от 16 августа 1842 г., в которой он доносит, что начальник Камчатки капитан 1-го ранга Страннолюбский обратился к нему с просьбою о высылке в Камчатку на 1843 г. 600 пудов пшеничной муки и о снабжении Камчатки на будущее время полным годовым запасом пшеничной муки из колоний, на что г. Страннолюбский тогда же хотел испросить дозволения г. генерал-губернатор Восточной Сибири.

Капитан 1-го ранга Этолин, имея в настоящее время все средства к принятию предложения начальника Камчатки и рассчитывая, что предписания Главного правления по сему могут быть в колониях не ранее осени 1844 г., намеревался, несмотря на то, отправить в Петропавловский порт в навигацию 1844 г. полный

годовой запас муки, предполагая, что исполнение этого намерения будет вполне согласно с видами правительства и пользою Камчатского края.

Наконец, из депеш, полученных чрез Охотск в августе месяце, видно, что в минувшем мае месяце из Ситхи послано в Камчатку на боте «Камчадал» (построенном в колониях по заказу кораблестроительного департамента для сношений Петропавловского порта с другими местами Камчатки) 800 пудов пшеничной муки.

Посему Главное правление на предположенные оному вопросы ответствует:

На 1-й пункт — что Главное правление с готовностью принимает на себя ежегодное снабжение из колоний Петропавловского порта всеми потребностями, без всяких за то вознаграждений из платы за продукты.

На 2-й пункт — сверх того, Главное правление принимает на себя и снабжение Тигиля и Гижиги, а равномерно и перевозку почты, пассажиров и купеческой клади из Охотска в Петропавловск и обратно.

Снабжение для Тигиля и Гижиги компания будет доставлять из Ситхи на своих судах в Петропавловск или Охотск и за сие, как и за обязанности, в 1-м пункте изложенные, не потребует никаких особых вознаграждений, кроме платы за продукты. Для перевоза снабжений в Тигиль и Гижигу, а также почты, пассажиров и купеческой клади между Охотском и Петропавловском компания должна содержать в Охотском море по крайней мере два лишних судна, поднимающих до 5 000 пудов чистого груза (а именно в Петропавловск купеческой клади, почты и спирту до 2 000 пудов, в Тигиль всего до 1 200 пудов и в Гижигу, всего до 5 000 пудов), а потому, если и обязанности, исчисленные во 2-м пункте, будут возложены на компанию, ей необходимо особое единовременное вспоможение до 30 тыс. руб. серебром на заведение двух новых судов и ежегодные выдачи от казны до 20 тыс. руб. на содержание экипажей, ремонт и т. д.

В этом случае Главное правление просит предоставить компании право вызывать через каждые пять лет по 40 охотников из нижних чинов флотских экипажей для избежания необходимости нанимать вольных матросов из финляндцев, по затруднению отыскивать матросов из русских, и тем значительно увеличится число служащих компании финляндскими уроженцами. Пассажиров и купеческие клади компания будет перевозить на тех же условиях, какие ныне существуют для казённых транспортов.

На 3-й пункт — из приведённых выше депеш капитана 1-го ранга Этолина видно, что он, по желанию г. начальника Камчатки, намеревается доставить уже в 1844 г. в Петропавловск полный годовой запас пшеничной муки, а потому Главное правление просит, чтобы означенная мука, по доставлении оной в 1844 г. из Ситхи в Петропавловск, была там принята, а Главное правление по предъявлении здесь квитанции получило бы следующую компании плату, считая по 9 руб. за пуд пшеничной муки.

На будущее же время, начиная с 1845 г., все статьи годовой потребности Камчатки, какого бы они названия и качества ни были, могут быть доставляемы в Петропавловский порт из Ситхи ежегодно, если только Главное правление будет получать требовательные ведомости статей заблаговременно, и именно — на 1845 г. к 1 декабря 1843 г. и т. д.

Что же касается до цен каждой статьи отдельно, то Главное правление не может их определить, кроме статей, заявленных Бордменом, на которые Главное правление назначает те же цены, а вместе с тем ручается, что статьи будут обходиться значительно дешевле казённого заготовления, а первый опыт укажет и самую меру этих цен.

Насчёт ржаной муки Главное правление разделяет мнение Бордмена, полагая, что она не выдержит перевозки, однакож этот предмет может быть поставлен на вид главного правителя колоний для испытаний. Впрочем, служащие в колониях матросы, работники и гарнизон, все продовольствуются пшеничною мукою вместо ржаной. В заключение Главное правление обязывается просить, чтобы плата компании за доставляемые в Петропавловск продукты, как для морского, так и для других ведомств, была производима по предъявлении квитанций в Санкт-Петербурге.

На 4-й пункт — относительно требуемого Морским министерством от компании обеспечения в исполнение возлагаемого на неё снабжения Камчатки, Главное правление объясняет, что правительство уже в 1820-х гг. предлагало компании снабжать Камчатку провиантом, не требуя никаких обеспечений. С 1836 г. по предложениям г. министра финансов компания неоднократно снабжала иностранною солью Камчатку и Охотск и не была обязана представлять каких-либо обеспечений. Равномерно и в уплате пошлин за вывозимые из Кяхтинской таможни чаи (в 1843 г. до 230 тыс. руб. серебром).

Господин министр финансов не требует от компании никаких обеспечений, между тем как от всех прочих торгующих на Кяхте

в обеспечение уплаты пошлин оставляется известное количество чаёв в таможенных пакгаузах. Наконец, правительство, даровав компании особые привилегии, возложило вместе с тем на попечение ея содержание российских колоний в Америке с народонаселением более 10 тыс. душ, не требуя от компании никаких залогов в удостоверении исполнения этой обязанности.

После таких примеров доверенности правительства к действиям РАК, Главное правление льстит себя надеждою, что и морское ведомство удостоит компанию своим доверием и найдёт в самом круге ея действия достаточное обеспечение благонадёжности и исправности выполнения обязанностей, на компанию возлагаемых.

Заключение комитета.

Комитет по обсуждении всех вышеизложенных обстоятельств, принимая во внимание, что предложение Главного правления РАК о снабжении всеми продовольственными потребностями Камчатского края из колоний на собственных судах без всякого за то вознаграждения, кроме платы за продукты, весьма выгодно для казны, потому что избавляет её от распоряжений по заготовлению тех потребностей в Иркутске, по доставке их оттуда в Якутск и потом в Охотск, при чём бывает неизбежная трата в пути, и в особенности по отправлению из Охотска в Камчатку на казённых транспортах, сопряжённому с опасностями и со значительными иногда потерями для казны, и что означенное предложение, по сравнению с вызовом негоцианта Северо-Американских Штатов Бордмена — доставлять в Камчатку продовольственные потребности на судах его из колоний Америки, заслуживает предпочтения, потому что сделано от русской компании, пользующейся доверием нашего правительства, и представляет более удобства для всяких по сему предмету сношений, полагает, согласно предложению Главного правления РАК:

1. Предоставить РАК доставлять из колоний на собственных судах в Петропавловский порт как провиант в законном качестве для всех там ведомств, так и всякого рода потребности для тамошней полугоспитали, без всякого за то вознаграждения, кроме платы за продукты.

2. Предоставить той же компании провиант, потребный для Тигиля и Гижиги по всем ведомствам, равно и госпитальные для них потребности, доставлять на собственных ея судах в Петропавловск или Охотск, куда ей будет указано, также без всякого за то вознаграждения, кроме платы за продукты. Провозку же оттуда в Тигиль и Гижигу производить на казённых судах.

3. На сей предмет сообщать от всех ведомств в Главное правление требовательные ведомости заблаговременно...

4. По отзыву Главного правления о невозможности определить цену каждому продукту, кроме статей, заявленных Бордменом, и что меру цен укажет первый опыт, плату РАК за продукты производить по тем ценам, какие будут ей объявлены по сдаче продуктов и по предъявлении в том квитанций, разумея, что цены эти не должны превышать заявленных Бордменом и по собственному объявлению Главного правления будут обходиться значительно дешевле казённого заготовления.

В случае заведения в Петропавловском порте мельниц для размола или при дознанной возможности доставлять ржаную муку без порчи, плата компании за рожь или за муку не должна превышать объявленной Бордменом — по 7 $^1/_2$ руб. ассигнациями за пуд. Сроки на выдачу денег здесь Главному правлению по представлению квитанций в исправной сдаче продуктов должны быть одинаковыми с постановленными общими узаконениями для контрагентов с казною. Особого залога от РАК в обеспечение исправного выполнения возлагаемой на неё обязанности не требовать — в уважение делаемого ей по прочим частям правительства доверия, и потому, что она плату будет получать по сдаче продуктов, а не по задаткам вперёд.

5. Что касается же предложения Главного правления принять на себя доставку предметов продовольствия в Тигиль и Гижигу, такоже почты, пассажиров и купеческой клади между Охотском и Петропавловском, каковую доставку оно принимает на себя с тем, чтобы выдано было компании единовременное вспоможение до 30 тыс. руб. серебром на заведение двух новых судов и ежегодные выдачи от казны до 20 тыс. руб. на содержание экипажей, ремонт и т. д. с правом при том вызывать на службу компании чрез каждые пять лет до сорока человек охотников из нижних чинов флотских экипажей, а между тем в Охотском порте имеются на сей предмет казённые транспорты, и в настоящую коммуникацию идёт туда ещё один новый из Кронштадта, и отправления таковых судов, должно полагать, будут и впредь необходимы для доставления мундирных, госпитальных и других по части кораблестроительной и артиллерийской припасов и вещей, то комитет, не находя выгодным принимать означенные предложения Главного правления, считает удобнейшим оставить помянутую перевозку на существующем ныне основании, при казённых транспортах.

6. Засим, обращаясь в обстоятельству, изъяснённому в ответе Главного правления РАК относительно приёма полного годового

запаса пшеничной муки, которая будет доставлена в 1844 г. из Ситхи в Петропавловск по желанию начальника Камчатки, изъявленному им в отношении к главному правителю колоний, капитану 1-го ранга Этолину, и об уплате за оную здесь Главному правлению компании по 9 руб. ассигнациями за пуд по предъявлению квитанции, комитет находит, со своей стороны, за силою вышеизложенного мнения, препятствия на таковой приём муки, но в то же время, имея в виду из находившегося в рассмотрении комитета дела, что иркутский гражданский губернатор располагает по существующему порядку приступить к заготовлению провианта для Петропавловского порта в потребность на 1846 г.

Комитет, дабы не сосредоточить в Камчатке напрасного избытка в провианте и не стеснить чрез то Морское министерство в расходах сумм, полагает: по сдаче РАК в Петропавловске вышеозначенной муки сообщить иркутскому губернатору об употреблении предоставленного ему к заготовлению для Петропавловского порта количества провианта на довольствие других ведомств, военного или гражданского, с возвратом морскому ведомству имеющихся причитаться за то денег.

Но когда это по каким-либо особенным причинам признано будет губернатором невозможным или учинены уже будут распоряжения к отправлению того провианта в Охотск, в таких случаях оставить его в Охотске для зачёта к довольствию там морских команд на будущие периоды. Когда же тот провиант и из Охотска был бы уже послан в Петропавловский порт, то он может быть оставлен там для составления двухгодичного запаса, каковой запас комитет признает весьма полезным иметь там, в той мере, в особенности, естьли продовольствие Камчатки отдано будет в частные руки.

А как при сем член комитета генерал-майор Бровцын, по званию директора комиссариатского департамента, объявил, что в комиссариатском департаменте нет никакого сведения об учинённом начальником Камчатки сношении с главным правителем колоний насчёт присылки пшеничной муки в количестве полного годового запаса, то комитет и полагает обстоятельство сие привести в известность коммисариатскому департаменту по сношению с начальником Камчатки.

7. Всё вышеизложенное представить на благоусмотрение вашей светлости с тем, что естьли угодно будет одобрить оное, то при допущении снабжения продовольственными предметами Петропавловского порта из колоний Америки чрез посредство РАК, комитет

по случаю уменьшения обязанностей Охотского порта займётся составлением для этого порта проекта нового штата.

О таковом положении комитета я имею честь представить на благоусмотрение вашей светлости.

Вице-адмирал *П. Рикорд*

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1511. Л. 1—18.

Объявление начальника Камчатки «О неправильной торговой части» петропавловскому городовому старосте от 9 сентября 1843 г.

Ко мне доходят жалобы от жителей порта, что приказчик Красавцов при продаже по непомерно дорогим ценам вынуждает покупателей брать у него вместе с чаем и сахар, иначе того и другого не продаёт ни в каком случае.

Подобный род торговли прижимистый, особенно в нужде для покупателей, ни в России и ничуть там, где наблюдается за правильностью торговли, не существует, и продажа эта, явно стесняющая при здешней бедности жителей, противна здравому рассудку и установлениям по обеспечению народного продовольствия, ибо всё равно будет, если кто из покупателей имеет нужду купить что-либо на рубль, но Красавцов не продаст, а станет вынуждать его купить на сто рублей.

В предупреждении этого строго предписываю вам объявить приказчику Красавцову и внушить ему, чтобы он подобного рода неправильной торговли отнюдь не производил. В противном случае, если дойдут ко мне ещё жалобы о сем, то, кроме того, что с Красавцова взыщется тяжёлый штраф, но я не премину уведомить высшее начальство для принятия решительных мер по прекращению неправильной и стеснительной здесь торговли.

Со своей стороны вы, как первый член торговой депутации, обязаны под личной вашей ответственностью строго блюсти за непроизводством здесь подобной торговли, и о виновных в том доносить мне немедленно для наложения штрафов.

Начальник Камчатки *Страннолюбский*.

Объявляя это предписание мещанину Красавцову о продаже вашей жителям чаю и сахару, о чём даю вам знать. В слышаньи сего прошу расписаться.

Городовой староста купец *Сахаров*.

Читал мещанин *Красавцов*

РГИА ДВ. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 32. Л. 6—7об.

Писатель И. В. Фёдоров-Омулевский о Петропавловске 1840-х гг.

Иннокентий Васильевич Фёдоров-Омулевский родился в Петропавловске 26 ноября (7 декабря) 1836 г. На Камчатке он провёл своё детство и на всю жизнь сохранил тёплые воспоминания о родном городке. Один из современников писал уже после его смерти: «О тихой сельской жизни Петропавловска, одного из самых глухих уголков Сибири, Омулевский навсегда сохранил самое светлое воспоминание, и как единственный вещественный памятник о родном городке поэт всю жизнь берёг старую разорванную и склеенную картинку — вид Петропавловского порта, нарисованный им самим» (приводится по публикации в журнале «Дальний Восток», 1956, № 6). Неудивительно, что в главное произведение своей жизни — роман «Шаг за шагом», до сих пор вызывающий особый интерес у читателей, он включил свои тёплые воспоминания о Петропавловске. Даём отрывок из них по новосибирскому изданию 1960 г. (с. 167—171, 175—177).

...За видом проносится вид,
Я слышу на вольном просторе:
Немолчно шумит и гудит
Камчатское бурное море...
И. В. Фёдоров-Омулевский

...В те блаженной памяти блаженные времена, когда у камчатского исправника Светлова родился его первенец, Петропавловский порт, удалённый почти на двенадцать тысяч вёрст от Петербурга, представлял весьма характерное местечко. Время, конечно, успело изменить его с тех пор во многом даже относительно наружности, но мы нарисуем его таким, каким сохранился он в памяти Александра Васильича, а в этой памяти он сохранился живо, свежо. Да и нельзя было ему, впрочем, не сохраниться в ней: слишком много разных детских впечатлений говорило о нём. В минуту послеобеденного отдыха, когда лёгкая дремота делает ум особенно наклонным к иллюзиям, Светлову стоит только закрыть глаза, чтоб перед ним воочию потянулись давно покинутые родные места...

И вот видит он опять, как у себя на ладони, этот прекраснейший и просторнейший в мире залив, именуемый Авачинской губой, вдали устье и при нём одиноко торчащие из воды, точно сторожа, Три Брата — большие колоннообразные скалы. А ближе перерезывает залив, отделяя большую губу от малой, кошка — песчаная отмель, словно мост, перекинутая с одного берега на другой и оставив-

шая направо только узкий, но глубокий проход, как раз для ввода судов на зимнюю стоянку. Вдоль всей кошки тянутся деревянные сваи, а на сваях выстроены такие же деревянные амбары для просушки юколы — вяленой рыбы, составляющей постоянную пищу камчатских собак. В жаркий летний день она так и горит рубинами на солнце, так и сквозится, точно гроздия крупной красной смородины. Александр Васильевич даже ощущает как будто самый вкус этого, когда-то так лакомого для него рыбного блюда.

Немного далее кошки круто выступает из воды Сигнальный мыс с мачтой на вершине и с русским, несколько раз перекрашенным, флагом на мачте. Ближе виден перешеек с убогим, доморощенным памятником в честь Лаперуза, а ещё ближе, по берегу малой губы тянутся далеко в гору беспорядочно разбросанные здесь и там приземистые деревянные домики с соломенными крышами. Это и есть собственно порт.

Светлов мысленно идёт мимо незатейливых построек, ловко перепрыгивая извилистые ручьи, с весёлым бодрым шумом сбегающие вниз в малую губу. И так много их попадается ему на дороге! Но это не случайные дождевые потоки, а постоянные горные ключи. Вода в них холодна даже в самую жаркую пору лета и прозрачна, как кристалл золотистого топаза. Домики нарочно по ним и лепятся, чтоб свежая вода всегда была под рукой, так что через любой двор протекает ключ. Впрочем, дворов в обыкновенном смысле, огороженных забором, — нет, а их просто заменяет здесь известное пространство, какое заблагорассудилось хозяину считать своим владением, только огороды обнесены невысоким плетнём из гибкого тальника, чтоб свободно гуляющие по улицам коровы не лакомились хозяйской капустой. Да и улиц-то, собственно, нет, за исключением одной, громко именуемой петропавловцами то пришпехтом, то проспектом, смотря по лицу. Всё же остальное представляет только какие-то узенькие извилистые переходы с множеством перекинутых через них импровизированных мостиков, чаще всего в виде простой доски. Зато при столкновении на этих переходах и мостиках каждый обыватель порта может безошибочно назвать любое встреченное лицо по чину, имени, отчеству и фамилии. Светлов также узнаёт и называет всякого встречного.

Но вот домики пройдены, миновал последний плетень, миновал и ветхий деревянный сарай с никогда не употреблявшимися в дело пожарными инструментами, а ключи, как змеи, вьются с горы, орошая густо растущий по берегам их малинник. Боже мой, ягод-то, ягод-то сколько! У Светлова, как в детстве, даже дух захватило от

удовольствия. Набирает он их горсть, другую, ест и снова набирает пригоршни. Надоело, наконец, собирать, и ребёнок, заслоняясь рукой от яркого солнца, жадно всматривается вперёд, вдаль. Там сперва всё мелкий лес идёт, постепенно взбираясь выше и выше, а за ним вырастает уже гора с косматым гребнем, точно грива у рассерженного зверя. И куда не уставится зоркий глазок — везде вокруг все те же косматые горы таинственно манят к себе детское любопытство. Но особенно неодолимо как-то возбуждает его величественно выступающий вдали, из-за этих гор, белый, как сахарная голова, снежный конус Авачинской сопки. С вершины конуса змейкой ползёт к небу лёгкий серый дымок.

«Опять курится», — объясняет Светлову-ребёнку сопровождающий его казак Онохов, указывая рукою на дымящуюся вершину. Мальчик пристально смотрит, и вдруг его глаза перебегают ниже, к небольшому озеру направо, где имеет обыкновение купаться в такую пору Василий Андреевич. Ребёнок зовёт туда Онохова, будто бы встречать папу. Но дело, собственно, не в папе, а в хахальче — маленькой колючей рыбке, которая в таком избытке водится в этом озере, что её можно черпать оттуда пригоршнями. «Какой же я лукавый был!» — думает Александр Васильич, останавливаясь подольше на этом воспоминании и усиливаясь представить себе наглядно свою тогдашнюю фигурку. Воображение рисует ему неуклюжего мальчугана с широкой, загоревшей рожицей, в розовой ситцевой рубашке, опоясанной позументным кушачком. «Это как я ещё очень маленький был, когда меня одного далеко не пускали, а через мостик переносил на руках Онохов», — думается Светлову.

Но вот они спускаются с горы к озеру, а налево море так и сверкает на солнце, точно исполинский брильант. Сколько там китоловных судов стоит на якоре под всевозможными флагами! Вот и ещё одно показывается из-за устья, серое да маленькое, словно чайка. С озера, вдоволь наловив там хахальчи (бог весть зачем, так как её не едят), Онохов с мальчиком идут на батарею перед гауптвахтой. «У, как дулища страшно смотрят!» — мелькает в голове Александра Васильича детское впечатление, вызванное пушками. «Тогда я ещё без всякого анализа глазел на всё», — снова думается Светлову, — и вдруг, по неисповедимой прихоти соображение рисует ему ту же местность, но в совершенно другой картине...

Всё побелело кругом: и домики, и горы, и озеро, и море до самого устья, даже ключи побелели, так что и не отличишь теперь сразу этих знакомых предметов от снежного конуса сопки, — и всё это

точно мелкими алмазами усеяно, блестит и искрится, даже глазам больно. Но что сталось с петропавловскими домиками? Они словно присели и смотрят откуда-то снизу, как стаканы и чашки из гнезда дорожного погребца. Это оттого, что большие снега выпали. Проснулись в одно прекрасное утро петропавловцы и видят, что совсем занесло их низенькие жилища, так что и свету из окон не видно. Нечего делать, принялись за работу, — и к полудню в порте вместо улиц образовались снежные коридоры, а вокруг домиков выросли снежные заборы, да такие высокие, что хоть куда: пожалуй, что и не вскарабкаешься на них. Только после этого открылось правильное сообщение между жителями.

«Вот и мама, — мерещится Светлову, — поехала с визитом к начальнице». Пять добрых собак в щегольских красных алыках — местной упряжи — легко и быстро мчат по снежным коридорам её выездную повозку, благо обитые китовой костью полозья только скользят по свежему рыхлому снежку. Пред каждым домиком появились теперь ямки в снегу, а в ямках лежат привязанные к вбитым около них колышкам камчатские собаки. Иные из этих животных как-то забавно тяжело дышат, высунув длинные красные языки, — значит, только что в деле были. А вот им и юколу несёт камчадал-работник, перекинув её через плечо в виде двух переметных сум. Взбеленились собаки, так и рвутся к нему со всех ног, некоторые даже и колышки повыдёргивали, утащив их за собой. А ворон-то, ворон-то сколько налетело на этот пир! И какие же все жадные да смелые: из-под рук у камчадала, бестии, тащат рыбу. Подойдёт как-то бочком да и схватит. Иную собака лапой дёрнет, а та, в свою очередь, клюнет собаку в лапу и опять за своё дело, как будто так оно и следовало, да ведь как дружно-то.

Но вот вдруг зоркие глаза камчадала-работника лихорадочно загорелись. Оставив в покое назойливых птиц, он весь превратился в зрение, следя за какой-то быстро движущейся фигурой по горе напротив. Это местный почтмейстер, заклятый охотник, гонится на лыжах за лисицей, благо почта только два раза в год приходит в порт...

...А бывали подчас с Сашей приключения вот какого рода. Засело ему раз в голову, нельзя ли как-нибудь посмотреть, что находится вон за той «большущей горой», что возвышается у них перед домом? До того времени мальчик обыкновенно только до половины взбирался на неё, а дальше ходить казалось страшно, даже и втроём. Но тут как пить захотелось, куда и страх делся. Павка и Васька в одну минуту дали подговорить себя на смелый

подвиг. На другое же утро мальчуганы поднялись ни свет ни заря, воровски запаслись на кухне кое-какой провизией, вытащили из плетня у огорода по палке — и марш в гору. Путешествие было очень соблазнительно. Хоть шли сперва и по знакомым тропинкам, но дальше эти тропинки становились всё незнакомее и, наконец, осталась всего только одна, да узенькая такая. Однако ж путешественники не унывают. По дороге они открыли источник одного ключа, с любопытством расселись вокруг него на камушках, тут же всласть позавтракали, лёжа на брюхе, испили ртом холодной водицы — и опять марш дальше. Идут себе бодро, не оглядываясь назад, переговариваются между собой, либо толкнут один другого в густую траву — и все весело расхохочутся.

Вот уже и до вершины недалеко, а время за полдень. Тут с ними случилось нечто забавное: шли-шли, да вдруг, точно по уговору, и обернулись все разом, чтобы посмотреть, что у них назади. А назади было на что поглядеть: Петропавловский порт лежал перед ними, как на блюдечке, хорошенький такой да маленький. Но именно это последнее обстоятельство и озадачило Павку с Васькой, — что уж очень маленьким кажется порт. Они струсили и отказались идти дальше. «Отчего, Павка? Отчего, Вася? Пойдёмте!» — приставал Саша попеременно то к одному, то к другому, но это нисколько не подействовало на храбрость его спутников.

...Жутко Саше идти одному на вершину горы, в этот таинственный, косматый гребень, а всё-таки идёт, не оглядываясь. Ещё несколько шагов, и вот он уже на вершине. Посмотрел вперёд, вниз и обомлел, дух захватило от восторга. Широкая, действительно захватывающая дух картина лежала перед ним: открытое море за устьем. Китоловное судно, шедшее на всех парусах по направлению к этому устью, так и ныряло, как чайка, перерезывая исполинские, пенистые гребни расходившихся волн. Такого простора и таких волн ещё никогда не видывал Саша. Он долго не мог оторваться от чудной картины, стоя перед ней с широко открытым ртом и глазами. Но мало-помалу это первое страстное впечатление приняло у него более спокойную форму — перешло в тихое наслаждение. «Туда бы, на берег побежать», — мелькнуло в голове ребёнка, и он уже было и ногу занёс вперёд, вниз, но тут же и разочаровался: внизу чернел непроходимый лес, торчали горы и пригорки, так что и отсюда, с вершины до моря было так же далеко, как и от Петропавловского порта.

Привыкший к природе глаз мальчика сразу оценил расстояние, как только всмотрелся в него. Теперь Саше осталось только по-

торопиться домой, тем более что солнце начинало уже садиться, но взгляд мальчика нечаянно упал на площадку внизу, красневшую спелой брусникой. Искусительно показалось ребёнку. Сбежал он к площадке и присел на ягодах, забыв было обо всём, даже и о товарищах.

Но не прошло и пяти минут, как до слуха мальчика долетел какой-то странный, неопределённый звук, раздавшийся недалеко от него. Саша быстро обернулся — и так и окоченел на месте, где стоял. Да и было от чего окоченеть даже не ребёнку — в каких-нибудь саженях четырёх от него, не больше, на окраине той же самой площадки, только немного пониже, преспокойно лакомился ягодой огромный чёрный медведь, сгребая её вместе с листьями в рот своей неуклюжей лапой. Саша видел один раз в порте ручного медведя, вспомнил, что это за штука такая, и сердце у него упало, в лице не стало ни кровинки. Минут пять просидел он так, не шевелясь, не смея дохнуть, и вдруг закричал изо всей мочи. Был ли это долго задержанный волнением крик испуга, или что другое, во всяком случае, голос ребёнка заметно озадачил незваного неприятеля. Отъевшийся до отвалу на ягодах и кедровых шишках сытый камчатский Топтыгин только слегка пристал на дыбы, раза два фыркнул и опрометью пустился бежать вниз, под гору, сердито ворча и неловко перекувыркиваясь дорогой.

Саша тоже пустился бежать, что было в нём духу. Вечерело уже, когда мальчик добежал до перепугавшихся за него и за себя товарищей.

...Саша боялся асеев, как называло петропавловское простонародье иностранных матросов с китоловных судов, производя, вероятно, это слово от часто употребляемого американцами и англичанами выражения «I say». Как только завидит их, бывало, мальчик где-нибудь на горе, так и тягу домой со всех ног. Он нередко видал, как убегали и прятались от них петропавловские гражданки, частенько слыхал, что асеи обижают женщин, чем-то до того особенным, что их непременно следует бояться. Это было какое-то смутное, тяжёлое представление, усиливавшееся, главным образом, непонятным для ребёнка «тарабарским языком» асеев. Как бы то ни было, уж одно слово асей, сказанное нечаянно кем-нибудь в лесу, возбуждало в мальчике панический страх...

В честь уроженца нашего города писателя И. В. Фёдорова-Омулевского названа центральная городская библиотека Петропавловска, расположенная на улице Набережной. Когда-то (в 1960—

1980-х гг.) в её помещениях располагался Камчатский областной краеведческий музей, предшественник современного Камчатского краевого объединённого музея.

Впечатления инспектора Ивана Булычёва о Петропавловске и Камчатке

Петропавловский порт — небольшое селение, окружённое горами и построенное на пологом скате их к морю, в Авачинской губе. Город описывать было бы вовсе излишним: он представлен весьма верно в атласе.

Окинув взором вид его, легко заметить, что он состоит из небольшого числа хижин, построенных совершенно так же, как и в прочих городах и острогах Восточной Сибири. Но гавань, обширная и удобная, защищаемая косою, известна всем мореплавателям как одна из огромнейших и лучших в мире.

Пребывание моё в Петропавловском порте продолжалось два с половиною месяца и было употреблено мною: первое, на исполнение возложенного на меня поручения и, второе, на изучение столь занимательного края во всех его видах. То есть я собрал исторические сведения с самого начала покорения его и основания нашего в нём управления, географические и статистические подробности, из коих легко представить себе источники и способы его и, наконец, объехав его весь, я мог на месте проверить дошедшие до меня сведения и составить общее заключение о положении всего полуострова.

Но главною для меня, собственно, основною целию сего обзора было решение вопроса: может ли когда-либо с успехом введено быть хлебопашество? Излишним было бы исчислять все выгоды введения его в крае столь отдалённом, с которым сообщения столь затруднительны.

Как представить бедственное положение жителей, ожидающих из Охотска привоза хлеба и часто лишённых его вовсе по случаю бурь и восточных ветров, которые задерживают иногда до другого лета отправленные из Охотска транспорты. И, наконец, как полезно бы было для правительства сбережение значительных сумм, употребляемых на сей предмет.

При недостатке хлеба болезни, происходящие от солёной пищи, развиваются до невероятия, особенно в воинских командах, присылаемых из других мест Сибири. В Камчатке более чем в других частях сего края необходимо иметь всегда в готовности людей

здоровых, способных переносить труды и недостатки для содержания постоянных сношений между селениями и острогами и, главное, для сбора подати.

И так в решении заданного вопроса заключалось: уменьшение расходов и сохранение людей в крае, где содержание их столь затруднительно во всех отношениях.

Вот с какой точки старался я обозреть Камчатку и для того по выезде из Петропавловского порта объехал её всю.

Булычёв И. Путешествие по Восточной Сибири. Часть I. Якутская область Охотский край. — СПб., 1856. — С. 126—128.

В этой книге имелись и некоторые детали, полезные для историков Петропавловска. Так, на с. 124—125 И. Булычёв сообщал:

«В ограде церкви погребены астроном Беринговой экспедиции профессор Делиль де ла Кройер и начальник английской экспедиции Клерк, заступивший место Кука после его убиения.

Во время управления Камчаткой адмирала Рикорда офицеры русского флота воздвигли им общий памятник, заказанный в Петербурге и доставленный на шлюпе “Аполлон”.

В Петропавловскую гавань заходят одни китоловные суда. Авачинская губа, как весьма понятно, всегда замерзает, иногда ветер ломает лёд, но и то ненадолго. Морозы скоро направляют испорченный и повреждённый лед, и он становится крепче прежнего.

Растительность до крайности бедна, и жители принуждены для построек и отопления искать лесов в отдалённом расстоянии от Петропавловска».

Время тревог и героизма (1847—1855 гг.)
(с. 231—248)

Первоначально хронологические рамки этой части составителем были обозначены как 1847—1855 гг., но в сборнике, опубликованном в 1995 г., они сужены до 1849—1855 гг., а вступление в неё отсутствует. Зато заключительная часть написанного, но не использованного вступления, начиная с фразы «Между тем, обстановка на Тихом океане становилась всё более и более тревожной...», вставлена во введение к разделу «Годы первых русских кругосветных плаваний (1803—1846 гг.)».

Ниже мы приводим сохранившуюся часть вступления, подготовленного Б. П. Полевым для первоначального варианта.

С 1839 г., с момента начала так называемой первой «опиумной войны» Англии против Китая, обстановка на Тихом океане начала осложняться. Резко обострилась борьба держав за усиление здесь своего влияния. Заметно активизировалось хищничество иностранных китобоев в русских дальневосточных водах. Возросло число так называемых «ассеев», то есть иностранных моряков, бесчинствовавших в Петропавловске. Тревога охватила горожан. О бедах Петропавловска заговорили в Иркутске и, наконец, и в Санкт-Петербурге. Уже в середине 1840-х гг. многие стали говорить, что если эти бесчинства не будут своевременно прекращены, то тихоокеанские владения окажутся под угрозой.

В российской столице на эту растущую опасность особое внимание обратил сотрудник архива Министерства иностранных дел Александр Пантелеймонович Баласогло. За шесть лет успешной работы по разбору дел Азиатского департамента он смог убедиться, каких огромных успехов на Тихом океане добились русские люди, и не мог примириться с тем, что русские тихоокеанские владения в новых сложных условиях могли быть для России потеряны. Особенно его тревожила нарастающая активность англоязычных держав, которые уже смогли заметно ослабить позиции России в Северной Америке, фактически принудить русских добровольно покинуть знаменитый форт Росс в Калифорнии в 1841 г. и серьёзно задуматься о будущей судьбе даже северных районов Русской Америки.

Баласогло считал, что для укрепления позиций России на Тихом океане в первую очередь следует добиться получения права использовать Амур для установления самой удобной связи между Иркутском и Тихим океаном. Ради этого он рекомендовал возоб-

новить изучение Приамурья и особенно района устья Амура, куда легче всего могли бы вклиниться иностранцы, желавшие проникнуть в глубь Азии. «Иностранцы, — писал А. П. Баласогло, — воспользовавшись доступом реки, станут втираться между двух соседственных и дружественных империй (то есть Китая и России. — Б. П.), как вторглись англичане и североамериканцы между русскими и испанцами. Россия не оберётся хлопот в целые веки». Своими идеями Баласогло смог увлечь товарища по Морскому корпусу Геннадия Ивановича Невельского, и они вместе стали хлопотать об организации исследовательской морской экспедиции к устью Амура.

Нарастающая опасная активность иностранцев в северной части Тихого океана встревожила и Николая I, который беспокоился за судьбу Камчатки и особенно Петропавловского порта. Вначале он пришёл к выводу, что на востоке Сибири следует поставить более энергичного управителя. Его выбор пал на тридцатисемилетнего тульского губернатора Н. Н. Муравьёва. И уже на первом приёме после назначения Муравьёва генерал-губернатором Восточной Сибири император прямо указал на необходимость укрепить Петропавловск. Царь опасался, что порт может быть захвачен англичанами. Именно тогда Н. Н. Муравьёв решил, что он при первой возможности сам побывает в Петропавловске.

В Петербурге Муравьёва посетили Баласогло и Невельской, которые ратовали за скорейшую организацию новых исследований в районе устья Амура. По просьбе Муравьёва Баласогло составил для него подробную статью по истории русских дальневосточных исследований. Муравьёв одобрил статью, а Невельскому помог стать командиром строившегося в Финляндии транспорта, на котором осенью 1848 г. должны были отправиться в Петропавловск различные грузы.

Муравьёв пообещал Невельскому, что если он сумеет дойти до Петропавловска ранней весной 1849 г., то разрешит использовать транспорт для проведения исследований у берегов Сахалина и устья Амура.

Между тем обстановка на Тихом океане становилась всё более и более тревожной. В 1846 г. Северо-Американские Соединённые Штаты захватили у Мексики богатейшую Калифорнию и договорились с Англией о разделе огромной территории Орегона. Так САСШ сразу же серьёзно укрепили своё положение на берегах Тихого океана и открыто объявили, что они тем самым приобрели

прочный плацдарм для дальнейшего продвижения в сторону Дальнего Востока и русских северных владений.

Сенатор Уильям Сюард, будущий государственный секретарь, именно в 1846 г. открыто говорил: «Нашему населению предназначено катить свои не допускающие противодействия волны до ледовитого барьера Севера». А менее чем через два года в Калифорнии началась знаменитая «золотая лихорадка», которая привела к резкому усилению американцами северо-западных берегов Америки. Уже в 1847 г. нью-йоркский коммерсант Аарон Палмер стал срочно составлять справочник «Неизвестные страны Востока», в который включил краткие сведения о Камчатке и Петропавловске. А в начале 1848 г., после получения первых известий об открытии калифорнийского золота, Палмер подготовил особый «мемуар» о русском Дальнем Востоке, который в том же году был дважды опубликован американским Сенатом, и снова со сведениями о Камчатке и Петропавловске. Уже в конце 1848 г. этот документ стал известен в России. Н. Н. Муравьёв даже поручил своему помощнику М. С. Волконскому, сыну декабриста С. Г. Волконского, перевести документ на русский язык.

Всё это усиливало в России тревогу за русские тихоокеанские владения и, особенно, за Камчатку, где в 1847 г. ещё более усилилась активность китобоев-хищников. Именно в 1847 г. начальник Камчатки Р. Г. Машин даже счёл нужным написать особую прокламацию о мерах борьбы против китобоев, бесчинствующих в Петропавловске. Этот документ и открывает третью часть нашего сборника. Скажем прямо, эта прокламация не смогла остановить бесчинств китобоев в городе. В Петербурге повышенная активность американцев особой тревоги не вызывала: отношения России с САСШ в это время были дружественными, и в столице были уверены, что хвастливые заявления американцев не представляют действительной опасности. Иным было отношение к Англии, стремившейся активно установить своё господство на морях, в том числе и на Тихом океане.

Уже в первые месяцы своего пребывания в Иркутске Муравьёв убедился, что англичане действительно проявляют повышенный интерес к Петропавловску. В Иркутске Муравьёв лично познакомился с английским «туристом» Самюелем Хиллом (Муравьёв неправильно называл его «Гилем») и вскоре с тревогой узнал, что тот отправился через Якутск и Охотск в Петропавловск. Как себя вёл С. Хилл, видно из его воспоминаний, отрывок из которых впервые приводится на русском языке.

В том же 1848 г. в Петропавловске появились ещё два военных судна, посланных сюда под предлогом поиска английского полярного исследователя Джона Франклина, пропавшего без вести в 1846 г. в восточной части Северной Америки.

В нашем сборнике также впервые на русском языке публикуются воспоминания о пребывании в Петропавловске английского натуралиста Бецольда Симана, который участвовал в 1848 г. в экспедиции Генри Келлета на военном корабле «Геральд».

Некоторые сведения о жизни в Петропавловске в 1847 г. нами заимствованы из дневника выдающегося собирателя музейных коллекций И. Г. Вознесенского, направленного на Тихий океан Российской академией наук.

В 1848 г. впервые началось массовое вторжение иностранных китобоев в Чукотское море. Многие из них заходили в Петропавловск и продолжали там бесчинствовать. Именно тогда впервые в САСШ раздались голоса в пользу оказания правительственной помощи американским китобоям, действующим в русских водах. А в 1849 г. в САСШ вышла брошюра некоего Кемпбелла, в которой выдвигался план совместных действий американцев и англичан с целью вытеснения России с Тихого океана.

Всё это ясно показывает, как своевременно в 1849 г. в дальневосточные воды прибыл на транспорте «Байкал» Г. И. Невельской. Необычайно быстро (12 мая 1849 г.) он смог дойти до порта, выгрузить грузы и уже 31 мая отправиться в своё историческое плавание к берегам Сахалина, Амурскому лиману и в Татарский пролив. В связи с этим в сборнике приводится инструкция, вручённая Г. И. Невельскому о его посылке в Петропавловск, и затем отрывок из воспоминаний Невельского о его пребывании в Петропавловске в мае 1849 г. и текст подлинного рапорта Невельского о его выходе из Петропавловска для проведения исторических исследований у берегов Сахалина, в устье Амура и в Татарском проливе.

В Петропавловске Невельской рассчитывал получить официальное разрешение на это плавание с утверждённой правительственной инструкцией. Но эти документы получены не были, и Невельской решил действовать самостоятельно.

В том же 1849 г. в конце июля в Петропавловск прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. До этих пор ни один администратор столь высокого ранга в Петропавловске не бывал. Осмотрев всю Авачинскую губу, Муравьёв наметил на плане места для строительства новых укреплений. Одно

время ему даже показалось целесообразным перенести Петропавловск в Тарьинскую губу (ныне залив Крашенинникова).

Краткая история пребывания Н. Н. Муравьёва в Петропавловске нами даётся по сведениям его биографа И. И. Барсукова. В итоге последовал новый указ об образовании Камчатской области и некоторые разъяснения самого Муравьёва относительно этого указа. Тут же приводится мнение Морского министерства о предложениях Муравьёва и справка обо всех существовавших в Петропавловске казённых зданиях.

В 1851 г. для борьбы с хищничеством иностранных китобоев решено было направить в Петропавловск корвет «Оливуца». В сборник включена инструкция, данная командиру корвета. Далее следует документ о переводе в 1851 г. матросов из Охотска в Петропавловск и изображение герба, утверждённого в 1851 г. (в опубликованном варианте и рукописи отсутствует. — Ред.).

7 августа 1851 г. в Петропавловск прибыл самый энергичный администратор Камчатки XIX в. Василий Степанович Завойко... (дальнейший текст утрачен. — Ред.).

Объявление командирам иностранных коммерческих судов, прибывающим в Петропавловск, 1847 г. (полный текст)

По прибытии судна на рейд Петропавловского порта командир онаго обязан явиться к начальнику Камчатки и представить свои паспорты и фактуру товарам, привезённым для продажи, буде таковые состоять будут. Паспорты оставляются у начальника до дня отхода судна в море. На продажу товаров законно получает командир немедленно разрешение начальника Камчатки.

При получении же обратно паспорта командир должен засвидетельствовать в журнале канцелярии о коммерческих судах, что вся его команда находится на судне налицо и никаких претензий во время пребывания судна в порте не возникало, и засим гг. командиры судов обязываются прекратить сообщение с берегом и при первом попутном ветре уходить с Авачинской губы в море. Если же встретится надобность судну пробыть ещё несколько дней после получения паспорта, то в таком случае командир вторично представляет свой паспорт начальнику Камчатки.

По приходе судна имеет быть произведён портовым лекарем медицинский осмотр, и буде на судне не откроется зараза, то от командира зависит пускать своих людей на берег, но пускать их

непременно при своих офицерах, которые должны наблюдать, чтобы люди на берегу не бесчинствовали, не буйствовали или же не ходили бы по улицам с палками, сигарами и трубками или с каким-либо орудием, также не имели бы при себе ножей.

На берегу люди могут быть от пробития утренней зари до нахождения солнца, и отнюдь не оставаться далее. Сами же гг. командиры, в случае надобности, могут оставаться, как им будет угодно, но с тем, чтобы гребцы с их шлюпок никак не шатались бы по берегу по закату солнца, а находились при шлюпках.

При съезде на берег команд гребные суда могут приставать в гавани, где им угодно, кроме пристани в адмиралтействе, в которой дозволяется приставать одним только командирам судов. Вообще же вход в адмиралтейство запрещается.

В предупреждение побегов с судов начальник Камчатки просит гг. командиров объявлять командам своим, что если кто сбежит с судна и явится здесь по уходе онаго в море, как это прежде делали некоторые, то таковой будет закован в цепи и употребляем в самые тяжёлые работы с содержанием всегда в тюрьме до тех пор, пока придёт судно той нации, командир которого согласится его взять.

Ослушников в неисполнении будут брать на гауптвахту, за содержание же их деньги будут взыскаемы с командиров судов по 80 копеек ассигнациями в сутки на человека, и командиры обязаны их кормить сами.

В случае, если встретиться надобность поместить кого-либо с судна в здешнюю полугоспиталь для пользования, то с просьбой об этом командиры должны обращаться к самому начальнику Камчатки, но при сем предупреждаются, что за содержание в полугоспитали деньги должны вноситься командирами за своих людей, а в случае оставления кого-либо в госпитали по уходе судна, командир обязан впредь обеспечить его содержание не за одну только пищу, какая будет производиться по роду болезни, но и плату за лекарства, одежду, лечение и прислугу. Правительство не полагает доставлять тем средства к облегчению страждущих всякого состояния.

Естьли кто-либо из личных денег пожелает уплачивать жителям здешним за огородные овощи, мясо, рыбу и прочее, излишками своей провизии, как то солониной, мукой, сухарями и всеми, что российскими законами дозволено продавать здесь для иностранцев, кроме рому, водки, виски и вообще крепких спиртных напитков и чаю, таковой должен предварительно испросить дозволения

начальника Камчатки. Продажа вышеозначенных спиртных напитков воспрещается даже и в самом малом количестве без особого разрешения на это начальника Камчатки, под ответственность командиров.

Вывоз ассигнаций и всякой монеты русского чекана воспрещается, и потому естьли бы у кого случились из командиров или команд русские деньги, то командиры обязаны представить их перед отплытием из порта начальнику Камчатки, от которого будут получать квитанции взамен денег.

Не дозволяется командирам судов посылать свои шлюпки с командами в леса, находящиеся в окрестности Авачинской губы, для рубки леса и дров, чем они могут снабжать себя от жителей города. Также не дозволяется при съездах на берег вне порта разводить огни в предупреждение пожаров, чему не раз были причины команды с китобойных судов. Ловля рыбы по берегам Авачинского залива в местах, занимаемых для сего жителями порта, также не дозволяется.

Всем иностранным коммерческим судам, в Авачинской губе находящимся, не дозволяется палить из пушек без дозволения начальника Камчатки, исключая того случая, если судно будет находиться в опасности и имеет нужду в помощи.

В предупреждение же всяких неприятных случаев от беспорядков, какие могут произойти от незнания здешних правил матросами, начальник Камчатки просит гг. командиров судов принимать нужные меры, и со своей стороны начальник Камчатки в случае каких-либо нужд командиров просит их обращаться к нему, начальнику, ежедневно от десяти до одиннадцати часов утра.

Капитан 2-го ранга *Машин*

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 2196. Л. 5—7.

О пребывании в Петропавловске И. Г. Вознесенского в 1847 г.

Илья Гаврилович Вознесенский (1816—1871) — препаратор двух академических столичных музеев — зоологического и этнографического был направлен на Тихий океан для сбора различных экспонатов. Результаты его деятельности до сих пор украшают экспозиции Санкт-Петербурского Музея антропологии и этнографии Академии наук Российской Федерации и Зоологический музей. В архиве Академии наук Российской Федерации (Санкт-Петербургское отделение) сохранились крайне трудночитаемые

дневники И. Г. Вознесенского. В них оказались сведения и о столице Камчатки. Вот некоторые из этих записей.

Петропавловский порт. 1847 г., месяца февраля 12-го в три часа тридцать минут пополудни я прибыл благополучно в Гавань. Меня очень поразило множество снега, который вровень с тыном и палисадниками домов. Первым моим приютом и на первый случай опять радушная Российско-Американская компанейская лавка. Погода: с полудни пасмурность, ветр тихий... Есть одно из самых худших время... одна бутылка молока стоит один рубль. Многие из здешних знакомых чиновников приходили взглянуть на мою бороду.

13-е, четверг. Утро ясное. В девять часов я был у г. начальника. Мне предлагают квартиру в канцелярии. Сего дня делал визиты разным знакомым по уверению в почтении и по поручениям...

14-е. Утро ясное. Морозец умеренный, ветр тихий. Утром в девять часов из вежливости я ходил к первым чиновникам порта для засвидетельствования им почтения, и время протекло до полудни живо. После обеда я занимался разборкою оставленных здесь на хранение у г. Андреянова разных вещей, как академических, так и своих. Благодаря богу, я все нахожу покуда в целости, и ничего не испортили ни крысы, ни сырость. В канцелярии начальника я взял остававшиеся на сохранении вещи с бумагами и прочими делами. При освидетельствовании оных нашёл в совершенной исправности...

15-го, суббота. Мороз утром сильный — градусов шестнадцать. Ясно, на горизонте облачно... После обеда я ходил смотреть как ловят на крючья каюры рыбу: вахню, сельдей, корюху, и попадали хахашча. Я собрал все эти рыбы для хранения в спирту. Вечером занимался записыванием отчётов и прогонов. Ночь лунная. Хозяин даже ездил на устье стрелять...

СПбО ААН РФ. Ф. 53. Оп. 1. № 4. Ч. 1. Л. 26, 33.

В таком же стиле Вознесенский делал записи при путешествии по Камчатке и после его возвращения в апреле 1847 г. В них имеется ряд упоминаний о дальнейшем сборе различных музейных коллекций — орнитологических, зоологических и этнографических. В записях имеются и краткие упоминания о частом посещении Авачинской губы иностранными китобоями.

В академическом архиве найден также следующий документ, вручённый И. Г. Вознесенскому в Петропавловске:

Билет. Предъявитель сего г. препаратор Императорской Академии Вознесенский, отправляющийся из Петропавловского порта в округ для собрания редкостей для Академии. Предписывается всем тоёнам и старостам, как к проезду его, Вознесенского, так равно и к собранию предметов, признаваемых г. Вознесенским для Академии, давать все средства, а если г. Вознесенский намерен будет осмотреть некоторые места, близ селений лежащие, то при сем случае давать ему благонадёжных проводников.

Начальник Камчатки
Машин

Петропавловский порт,
июля 12-го дня 1848 г.

СПбО ААН РФ. Ф. 53. Оп. 1. № 19.

Имеется также и особый приказ Машина тойонам и старостам об оказании помощи И. Г. Вознесенскому, датированный 24 августа 1848 г.

Английский «турист» Самюель Хилл о своём пребывании в Петропавловске в 1848 г. (пометка: «На русском языке публикуется впервые»)

...Правителем на полуострове во время моего пребывания на Камчатке был моряк императорского флота Машин...

Когда пассажиры транспорта «Иртыш» по прибытии в порт Петропавловск поднялись на палубу, мы узнали, что капитан ещё ранним утром покинул судно, чтобы спешно вручить коменданту порта доставленные им депеши и сообщить о грузах и пассажирах, им доставленных. Нам позволили произвести осмотр Авачинской губы и прилегающих к ней мест. Вид, который предстал перед нашими глазами, далеко превзошёл по своему величию всё, что мы видели за время нашей поездки через всю Сибирь. Ближайшие земли вокруг казались дикими и бесплодными. Но какими величественными были горы на расстоянии тридцать вёрст...

В то же время мы не видели ни одного признака существования здесь человека в каком-либо сообществе за исключением дюжины или двух чёрных хижин...

После возвращения нашего капитана меня известили, что мои рекомендательные письма были представлены среди других бумаг коменданту, и он немедленно приготовил апартаменты для моего поселения на всё время моего пребывания здесь в одном из

небольших офицерских домов. Комендант пожелал меня видеть как можно скорее.

Пять пассажиров спустились с корабля в лодку, чтобы оставить пострадавший от штормов «Иртыш», на котором в течение шестнадцати дней так тревожила нас мысль: доберёмся ли мы живыми до порта или погибнем в этой далёкой стране.

Когда мы выгребли, перед нами предстала внутренняя гавань, возможно, самая совершенная маленькая гавань, какую только можно встретить на берегах всех стран мира.

Она сформирована высоким полуостровом, устремлённым в прекрасный залив, и образует залив, сближаясь с противоположным берегом на двести или триста ярдов. Но даже тут ещё простирается песчаная коса, которая образует третью гавань с узким проходом во вторую. В ней могут находиться суда любого тоннажа. Здесь вполне могли бы разместиться пятьдесят или шестьдесят больших судов на якоре в одно и то же время.

Мы высадились в глубине этой гавани у небольшого форта, около которого было несколько складов. Мои спутники отправились к апартаментам, в которых они должны были ждать положенного часа для встречи с комендантом, тогда как я сразу же пошёл в правительственное помещение, чтобы как можно скорее ответить на то приглашение, которое я получил ещё на борту судна.

Прибыв к правительственному дому, я увидел низкое опрятное деревянное здание с садом перед ним, где были скромные берёзы вместо фруктовых деревьев. Достигнув входа, я прошёл через несколько дверей, похожих на двери квартиронанимателей в Сибири, пока не дошёл до приёмной коменданта, который после предупреждения, что прибыл иностранец, быстро вышел.

Мой приём у этого отдалённого представителя царя был любезным и тёплым и сопровождался предложениями оказать мне любую помощь. После короткого разговора о моём путешествии и нескольких путевых инцидентах и о новостях из Европы и Сибири, комендант ввёл меня во внутренние покои и познакомил меня с его женой, которая тоже меня приняла хорошо. Она уроженка Петербурга и была рада возможности со мной поговорить, так же, как это было год назад, когда она встретилась здесь с одним своим земляком. Она вышла замуж ещё очень юной и теперь уже пять лет живёт на Камчатке. Всё же я был способен с ней поделиться своими впечатлениями о её родном городе, современной столице России, но для неё это было малоценным. С другой

стороны, она была возбуждена от встречи с иностранцем при её изолированной жизни.

Она всё ещё в расцвете юности и необыкновенной красоты и обладает всеми прелестями, свойственными наиболее утончённой части её пола в Европе, которые лишь усиливают контраст между дочерями цивилизации и женщинами этих грубых и негостеприимных стран. Взятая столь юной из тепличных условий перед своим замужеством и доставленная сюда по морю, она воспринимала внешний мир более романтично, чем реально. Она не делает секрета из своих чувств. Она сказала, что в первые два года пребывания на Камчатке тоска её была едва ли переносима. Но с тех пор занятия двумя детьми не только примирили её со страной, но она даже стала сожалеть, что со временем её муж будет отозван на другой пост.

Перед отходом я узнал от коменданта, что американское торговое судно, которое в течение нескольких лет посещало порт, в этом году оставило здесь своего хозяина Нокса, которому поручено здесь открыть лавку, главным образом для торговли с местными жителями внутренних районов Камчатки. После того как я был приглашён вернуться обедать, я в сопровождении одного из слуг коменданта пошёл искать Нокса и его маленькую американскую лавку в надежде получить сведения, которые будут полезны для меня относительно китобоя, прибывшего сюда вместе с нами и теперь стоящего в бухте на якоре.

В лавке Нокса я нашёл уже туда явившегося китобоя. Это был капитан Хэдж из Нью-Бэдфорда, владелец судна «Жозефина», и я к своему большому удовлетворению узнал, что он связан с Сандвичевыми островами, то есть с тем местом, куда я хотел отправиться, и он должен был туда отправиться, после того как команда отдохнёт на берегу с неделю или две и погрузит лес и воду, главные объекты, ради которых судно вошло в порт. После этого я отправился на квартиру, которая предназначалась для меня, и там нашёл слугу, которому поручили оставаться при мне на всё время моего пребывания здесь.

Когда я вернулся к коменданту в назначенный час обеда, я нашёл уже там капитана Рудакова и несколько местных чиновников. Когда вошла леди, мы сели обедать с яствами и церемониями, которые мало отличались от традиционных чисто русских пиршеств. Но так как капитан был вечером занят и мои личные дела требовали также внимания, мы сразу же удалились после нашего первого обеда на берегу.

На следующий день «Иртыш» и китобой вошли во внутреннюю гавань. Они были единственными в порту. Я пошёл на борт китобоя, чтобы познакомиться с моим будущим капитаном при дальнейшем моём большом путешествии.

Капитан был на судне, и я без труда обнаружил смелого навигатора тех холодных и штормовых районов, свободного, открытого и сурового моряка. Он был также восхищён, что будет иметь спутника в течение ещё одного месяца или двух во время промысла, и это меня сразу освободило от тех опасений, которые я испытывал уже с отъезда из Иркутска, поскольку я был плохо экипирован для путешествия. Поэтому наша договорённость была достигнута мгновенно, быстрее, чем китобои способны бросить свой гарпун в чудовище морей.

На следующее утро я отправился искать ещё одного иностранца моей национальности или расы. За обедом в губернаторском доме перед этим я узнал, что леди коменданта знакома с английским языком. Она, однако, мне сообщила, что изучала английский язык в школе, но из-за отсутствия практики она боится теперь говорить. Но она сообщила мне, что здесь существует благородный человек, природный язык которого был английский. Он был китобоем и вот уже много лет живёт здесь. Он женился на камчадалке и теперь воспитывает детей, и она попыталась использовать его как учителя. Но его произношение так резко отличалось от того, какое она слышала в школе, что решила, что это был американский язык. Она слышала, что американцы говорят на языке, который отличается от английского...

В поисках этого человека я вместе со своим слугой отправился к маленьким хижинам городка. Когда мы приблизились к его жилью, из дверей появился человек. Я ожидал увидеть обитателя лесной чащобы, но увидел элегантного, как лондонский кокни, человека, похожего на школьного учителя, похожего на американских домовладельцев в городах атлантического побережья, и это меня поразило. Оказалось, что англо-камчадал, прежде чем стать скитальцем морей китобоем, был каменщиком.

Следующий день был праздником у всех цивилизованных жителей маленького городка. Русские и итальянцы, несмотря на великий контраст в их характере, который определяется различием климатов, в которых они живут, имеют одно сходство — равную любовь к свободным дням или праздникам. И всё же, несмотря на это, существует различие и в днях, и поводах, по которым в отдельности эти народы проводят время. Если в Италии на вопрос, по

какому поводу устроен праздник с массовыми шествиями и ношением деревянных или каменных изображений и других атрибутов римского богослужения, вы обычно услышите, что это день какого-то святого, который то добровольно стоял прикованным к вершине столба, пока не умер от голода или солнечной жары, или того, кто сперва купался в роскоши, а потом был съеден червями, или того, кто себя мучил кнутом, пока не умер и для которого на небесах «разверзлись вечные ворота, на золотых крюках висящие», чтобы сделать его покровителем всех раскаявшихся.

Но если в [Российской] Империи на всём её великом протяжении вы спросите причину праздника, то услышите, что отмечается или день рождения, или свадьба, или именины какого из членов императорской фамилии. Данный праздник посвящён был обмену кольцами между великим князем Константином, вторым сыном царя, и великой княгиней, новости, которую мы сюда доставили, и уже были на таком же торжестве в Иркутске.

Комендант дал обед по этому случаю, на который я был приглашён в качестве гостя, и я имел честь там встретиться с гражданским управителем Камчатки господином Стеценковым и моими спутниками по плаванию — офицером артиллерии и исправником и также с несколькими чиновниками Петропавловска. Офицеры в основном были черноморцами. Можно легко предположить, что служба в этих водах непопулярна в русском флоте...

Служба здесь добровольная, и часто офицеры дают своё согласие только на три года...

Из записок английского натуралиста Бецольда Симана о пребывании в Петропавловске в 1848 г. английского судна «Герольд», капитан Г. Келлет (пометка: «На русском языке публикуется впервые»)

...7 августа [1848 г.] после девяностодвухдневного утомительного перехода мы вошли в Авачинскую губу на Камчатке и бросили якорь в Петропавловском порте.

Погода была прекрасная, и мы к великому нашему удивлению нашли в Авачинской губе вместо голых холмов и пустых равнин, как мы предполагали, буйную растительность, простирающуюся вплоть до черты вечных снегов на вулканах, блестящего зелёного цвета. Август здесь — середина лета, и почти все растения цвели. По сторонам дорог цвели голубые герани, камчатские розы и лилии, смешанные с Pedicuiaris и белыми цветами. Только два вида

деревьев (Pinus Cembra и Alnus incana) были найдены; ивы размером только в куст и Pinus rosafilia, названная Шамиссо деревом, была высотой не более десяти футов. Тополь, который бывает здесь по сообщениям в диком виде, нами не был встречен. Только в саду губернатора была аллея из тополей. Alnus здесь широко распространён.

Город Петропавловск построен из дерева, которое также является главным видом топлива. Из коры камчадалы делают сосуды для хранения жидкостей и, как все сибиряки, называют их туесами. Тем термином здесь называют и людей, которых мы привыкли именовать простаками. Практика смешения коры деревьев с тестом теперь уже в Петропавловске не существует, но она всё ещё преобладает среди туземцев внутренних районов полуострова...

Далее в тексте даются краткие сведения о наиболее замечательных растениях Петропавловска: шеломайнике и его использовании в еде; о морковнике, его приготовлении в пищу; об особой золе, добавляемой к табаку, и прочее.

...Почва в бухте богата перегноем, но всё-таки, несмотря на это, сельское хозяйство здесь в зачаточном состоянии. В южной части полуострова не удалось вырастить какое-либо зерно, но, однако, говорят, что на мысу Камчатки, на пятьдесят шестом градусе северной широты, рожь и ячмень произрастают. Жители питаются, главным образом, дикими ягодами и рыбой, особенно селёдкой и лососёвыми. Только вокруг их домов имеются небольшие участки земли, на которых растёт картофель, капуста, редиска, салат, турнепс. Капуста и турнепс прекрасны, а картошка водянистая.

Русские власти относились к нам с великой добротой, и всё, что было в их силах, охотно исполняли, но, вопреки ожиданиям, никаких известий о «Пловере» мы не смогли получить. Из-за недостатка времени мы пробыли здесь всего несколько дней. 14 августа мы покинули Петропавловск, взяв курс на залив Нортона в Северной Америке.

Запись о втором посещении Петропавловска в июне 1849 г.

Три судна, которые мы заметили, оказались стоящими на якоре американскими китобоями. Капитан Келлет, поднявшись на борт одного из этих судов, узнал, что они за день до этого покинули порт [Петропавловск], но там потеряли несколько человек и вернулись, чтобы их подобрать. От китобоя стало известно, что «Пловер» не заходил в Петропавловск, но было получено сообщение,

что он где-то остановился на севере на зимовку. Получив эти сведения, капитан решил встать на якорь...

Ничего более красочного не существует, чем вид Авачинской губы, озарённой полной луной. Отвесные скалы, крутые склоны, конусы вулканов, устремлённые в небо и бросающие длинные тени в долинах, огромное пространство воды, напоминающей озёра, наполнило нас возвышенными чувствами. Но этот импозантный вид изменился незначительно, когда солнце начало подниматься из-за заснеженных гор; тогда вся возвышенная часть губы, казалось, превратилась в массу огня, и зритель был очарован, пока дневной свет не прекратил эти иллюзии и не вернул нас к прозе нашей жизни.

По прибытии нашем в порт американские китобои явились на борт судна за сообщением об обстановке в проливе Беринга. Они сообщили нам, что вследствие успеха одного из китобоев прошлого сезона, большое число американских китобоев устремились в этом году через Берингов пролив. Доклад морского министра САСШ подтвердил это сообщение.

Общественное внимание было привлечено к важности китовой ловли в высоких широтах следующим сообщением г. А. Петермана, из которого я дам несколько выдержек, например: «Летом 1848 г. капитан Ройс на китобойном судне "Супериор" проник в арктический океан через Берингов пролив и столкнулся там во время смелых плаваний со всеми опасностями неизвестного и полярного моря. Он в своём предприятии добился большого успеха — наполнил своё судно китовым жиром в несколько недель. Под влиянием сообщения, доставленного им назад, об обилии там китов, собственники в США снарядили туда огромный флот, и в 1849 г. капитан Ройс уже сопровождался 154 китобойными судами, где каждое судно в среднем стоило около тридцати тысяч долларов и имело команду около тридцати человек. Этот флот за сезон вывез около 206 850 баррелей китового жира и 2 481 600 фунтов кости.

В текущем году (1851) там плавал флот, состоявший из 145 американских судов, но их результаты пока неизвестны. До нас лишь частично дошли сведения о крушениях и несчастьях, и они нас разочаровали. Жизни и собственность были поставлены за два года на карту ради добычи.

Число американских моряков в 1849 г. — 4 650, стоимость кораблей и их оснастки — 4 650 000, стоимость полученного жира — 2 606 510, стоимость полученной кости — 814 112 долларов. Число американских моряков в 1850 г. — 4 320, стоимость кораблей и их снаряжения — 4 320 000, стоимость китового жира —

3 761 201, стоимость полученной кости — 1 260 630 долларов. Всего судов за два года 299, число моряков — 8 970.

Потери в течение 1851 г. оказались беспрецедентно велики. В 1851 г. из этого прекрасного флота погибло не менее семи судов... и эти кораблекрушения стали монументами опасностям, с которыми эти смелые моряки столкнулись на их авантюристическом пути.

Рапорты о других потерях и кораблекрушениях достаточно определённые, и хотя некоторые из них были потеряны не на скалах, а как-либо иначе, всё это свидетельствует о несовершенстве гидрографии тех мест и доказывает национальную важность её изучения, и поскольку существует и ледовая опасность, необходимо знать и ближайшие надёжные якорные стоянки, и такие исследования позволят избежать потерь и от ледовой обстановки».

Narrative of the Voyage of H.M.S. «Herald» during the years 1845—51, under the command of captain Henry Kellet... being a Circumnavigation of the Globe and three cruizes to Arctic regions in Search of Sir John Franklin by Bezthold Seemann, Member of the imperial L. C. Academy Nature curiosorum. London, 1853, vol.

Инструкция командиру транспорта «Байкал» капитан-лейтенанту Г. И. Невельскому, 1848 г.

1) По изготовлении вверенного вам транспорта к предстоящему плаванию, вы имеете отправиться по назначению в сибирские порты.

2) Плаванием вашим до Петропавловска старайтесь располагать так, чтобы быть в этом порте весною 1849 г., около половины мая месяца.

3) Для освежения команды и изготовления продовольствия на пути вашем, вы можете заходить в те из дружественных портов европейских и других частей света, какие более безопасны и где с удобством можете заготовить провизию, не упуская однакож из виду предшествовавшего 2-го пункта.

4) 7-м пунктом настоящей инструкции возлагается на вас отдельное поручение, и потому, дабы в отношении продовольствия команды вверенного вам транспорта не быть в зависимости от весьма ограниченных средств Петропавловского порта, предоставляется вам в последних портах перед приходом в Камчатку, где найдёте более для казны выгодным, заготовить нужное для экипажа продовольствие (часть коего отпущена вам в натуре только на четыре месяца), в таком количестве, чтобы из Петропавловска вы

могли следовать сколь можно поспешнее по новому возлагаемому на вас поручению.

5) Если, прибыв в Петропавловск, вы найдёте там зимовавшее судно Охотского порта, или таковое там ожидается, то предоставляется вам сдать в Петропавловске весь имеющийся у вас адмиралтейский груз, на том самом основании, на каком с особого разрешения вы его здесь принимали, то есть по местам за пломбами, а вместо него транспорт нагрузить каменьями или иным балластом, который бы без ущерба казне всегда выбросить было можно. Буде же в Петропавловске не найдёте охотского судна, и его там не ожидают, то, сдав на вышеизложенном основании в ведение начальника Камчатки один только петропавловский груз, остальные возьмёте с собой для доставления осенью того же года в Охотск по исполнении нового поручения.

6) По сдаче груза старайтесь выйти из Петропавловска в конце мая или начале июня 1849 г. По этому случаю начальнику Камчатки предписано будет содействовать вам в этом всеми зависящими средствами.

7) Из Петропавловска вы имеете отправиться к Сегне-Кинскому мысу в новооткрытую г. Полонским губу, подробно осмотреть её и докончить описание, а в это же время, если возможно, то или сухим путём чрез узкий перешеек, предполагаемый между сей губою и Тугурскою, или как то в самом деле по обстоятельствам найдёте удобным, имеете отправить экспедицию осмотреть Тугурскую губу и берега её, и если откроются впадающие в неё значительные реки, то постарайтесь определить их направление. Главное же внимание при этом обращайте на климатическое и физическое положение страны, относительно удобства к населению.

8) Вы осмотрите также юго-восточные берега Охотского моря, тщательно поверите положение тех пунктов, какие из оных были определены или только видимы были прежними плавателями, а положение самого берега между каждым из этих пунктов постарайтесь привести в столь возможно большую, соответственно времени, ясность и определённость, необходимую для безопасности плавания наших судов по Охотскому морю.

9) Подробные за тем инструкции по 7-му и 8-му пунктам вы получите в Петропавловске от исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири, у которого по прибытии в порт этот вы с вверенным вам транспортом и имеете находиться в полном распоряжении, разумеется, в соответствующем исполнении, только 7-м и 8-м пунктам инструкции.

10) При выполнении всех возложенных на вас поручений вменяется в обязанность пещись как о безопасности вверенного вам транспорта, так и о сохранении здоровья команды, и, наконец

11) По совершенном окончании возложенного на вас поручения, вы имеете отправиться в Охотск и сдать там транспорт и команду, собственно к Охотскому экипажу принадлежащую, а сами с остальными за тем чинами отправиться берегом обратно в Санкт-Петербург.

Сборник инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. — СПб., 1853. — С. 111—112.

Из книги Г. И. Невельского о событиях 1849 г.

11 мая в виду Авачинской губы выпал большой снег и нашёл жестокий шквал с гор, но вскоре сделался ровный попутный ветер, с которым 12 мая 1849 г. мы вошли в Авачинскую губу и в два часа пополудни, после 32-суточного плавания от Гонолулу и через восемь месяцев 23 дня по выходе из Кронштадта, бросили якорь в Петропавловской гавани, против порта.

За весь переход из Кронштадта мы простояли на якоре всего 33 дня, больных на транспорте из 42 человек экипажа не было ни одного.

Донося из Петропавловска князю Меншикову о своём прибытии, я писал: «При содействии неутомимых моих помощников мне удалось совершить это плавание благополучно и прибыть в Петропавловск с бодрой и здоровой командой, не имея никаких повреждений в корпусе судна, а равно и никакой порчи груза. Этим оправдалась надежда моя — быть в Петропавловске в начале мая 1849 г. Таким образом, я надеюсь без особых расходов для казны исполнить возложенное на меня Вами поручение.

Надеюсь приступить к нему с июня месяца, начав опись с северо-восточного берега Сахалина и продолжая её далее до Тугурской губы».

Вместе с этим донесением, начальник Камчатки капитан 1-го ранга Ростислав Григорьевич Машин, донося в свою очередь князю А. С. Меншикову о приходе в Петропавловск транспорта «Байкал» в совершенной исправности, с бодрой и здоровой командой, в заключение писал, что никогда ещё не доставлялось в Камчатку такого хорошего качества и прочности материалов и запасов, а равно и в такой полноте, без всякой порчи их, какие доставлены ныне на транспорте «Байкал», и что вследствие этого наши сибирские порты обеспечены по крайней мере на четыре года.

Между тем, пользуясь отходом почты в Европу во время пребывания моего в Рио-де-Жанейро, я писал оттуда 26 ноября 1848 г. Н. Н. Муравьёву, что, судя по раннему приходу моему в Рио-де-Жанейро, я надеюсь в мае быть в Петропавловске, и по сдаче груза в этом порту я решился, во всяком случае, получу или не получу высочайшее повеление, отправиться прямо к описи восточного берега Сахалина и Амурского лимана. «О чём, — писал я, — долгом моим считаю предварить Вас, в надежде, что Вы не оставите меня своим содействием: ибо, если я не получу на произведение этой описи высочайшего соизволения, то подвергаюсь по закону тяжкой ответственности».

В Петропавловске я получил от Н. Н. Муравьёва секретное письмо, доставленное туда с курьером, и копию с распоряжением Р. Г. Машину принять все меры к скорейшему выходу транспорта из Петропавловска. Вместе с тем я получил и копию с инструкции, представленной Муравьёвым через князя Меншикова на утверждение Николаю I.

В письме своём Н. Н. Муравьёв благодарил меня за все принятые мною меры, особую решительность и самоотвержение к достижению важной и полезной для России цели, объясняя, что он ходатайствует, чтобы представленная им инструкция, копия с которой мне посылается, была утверждена императором Николаем I, на что он и надеется. Н. Н. Муравьёв в этом письме уведомлял меня, что он нынешним летом посетит Петропавловский порт и на обратном пути в исходе июля думает встретиться со мною в Амурском лимане.

В инструкции, представленной Н. Н. Муравьёвым через князя Меншикова на утверждение императору, мне предписывалось:

1) Из Петропавловска следовать к северной части Сахалина, тщательно осмотреть, не имеется ли в этой части полуострова закрытой для мореходных судов гавани или, по крайней мере, рейда.

2) Определить с севера подход и вход в лиман Амура, состояние Амурского лимана и нет ли в окрестностях мыса Головачёва или Ромберга места, где можно было бы защитить лиман с севера.

3) Обследовать устье Амура и далее самую реку, где она течёт в определённых своих берегах, и тем определить состояние входа в реку из лимана и самой реки. Кроме того, узнать, нет ли при её устье в лиман или близ него, в самой реке, места, где бы можно было защитить вход в неё.

4) Описать берега реки Амура и её лимана близ устья в географическом и статистическом отношении.

5) Определить состояние южной части лимана: справедливо ли убеждение, что Сахалин полуостров, если это убеждение ошибочно, то исследовать пролив, отделяющий Сахалин от материка, а также исследовать, нет ли тут места, удобного для защиты входа в лиман с юга.

6) Обследовать юго-западный берег Охотского моря и Константиновского залива и привести эти места в ясность и определённость, необходимую для безопасного плавания судов в Охотском море.

7) Упомянутые исследования в Амурском лимане производить на гребных судах, транспорт же должен оставаться на якоре близ мыса Головачёва. Как на транспорте, так и на гребных судах не должно быть поднимаемо ни военного, ни коммерческого русского флага.

8) О результатах этих исследований при первом случае, сколько возможно, поспешить донести секретно начальнику Главного морского штаба князю Меншикову (для передачи императору) и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву, ибо это данное Вам поручение и следствия оного должны оставаться без огласки.

9) Стараться быть в Охотском море 15 сентября и оттуда, по сдаче транспорта, через Сибирь возвратиться со своими офицерами в Петербург.

Не получив, таким образом, в Петропавловске прямого повеления идти для описи берегов, считавшихся китайскими, а получив только лишь копию с инструкции на эту опись, которая могла быть и не утверждена, я, дабы не терять времени и сознавая всю важность исследований, решился идти из Петропавловска прямо к Сахалину и в Амурский лиман. Поэтому, имея в виду необходимость в скорейшем приготовлении для предстоящего трудного плавания транспорта, я счёл своим долгом предварить офицеров, доказавших уже на деле свою благородную ревность и усердие в службе.

Призвав их к себе в каюту, я объяснил им сущность Амурского вопроса, важность для России справедливого его разрешения и объявил, что из Петропавловска мы должны как можно скорее следовать к Сахалину и в Амурский лиман, чтобы достигнуть упомянутой цели, и что я вполне уверен, что каждый из них готов переносить все опасности и трудности, которые неминуемо должны встретиться при достижении этой цели.

«Господа, — сказал я им, — на нашу долю выпала столь важная миссия, и я надеюсь, что каждый из нас честно и благородно

исполнит при этом долг свой перед отечеством. Ныне же я прошу вас энергично содействовать мне к скорейшему выходу отсюда транспорта. Всё, что я вам объявляю, должно оставаться между нами и не должно быть оглашаемо».

При участии почтенного начальника Камчатки и командира Петропавловского порта Ростислава Григорьевича Машина и при неутомимой деятельности офицеров приготовление транспорта к походу шло быстро. Через две недели мы были уже готовы и ожидали только лишь байдарку с Алеутских островов, за которой Р. Г. Машиным был послан бот «Камчадал».

Между тем транспорт «Иртыш», зимовавший в Петропавловске, взял груз с «Байкала», назначенный в Охотск, и 28 мая отправился по назначению. С ним я в тот же день послал письмо Н. Н. Муравьёву, в котором извещал его о своём решении идти из Петропавловска к Сахалину и в Амурский лиман, а также о том, что около исхода июня я надеюсь быть в северной части лимана.

29 мая на боте «Камчадал» нам была доставлена байдарка, а утром 30 мая при тихом ветре с берега транспорт вышел из Авачинской губы и направился к восточному берегу Сахалина...

Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855. — Хабаровск, 1969. — С. 93—96.

Из письма генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому от 14 января 1850 г.

...Сейчас приготовил к отправлению положения о Камчатской области. В нём всё то сказано, что необходимо для напечатания, а инструкция должна быть особо, ибо в ней все будут временные указания, а между тем важные для края; подчинить же теперь Камчатскую область общим правилам — значило бы всё дело испортить и лишние только расходы развести.

Не удивляйтесь, ваше сиятельство, значительному содержанию, которое я полагаю военному губернатору; оно всё меньше того, какое получает главный правитель в Ситхе. Впрочем, весь штат Камчатской области и с Охотским округом, Якутской (о котором вы уже знаете из донесения моего от 31 декабря) гораздо меньше того, что предполагал Руперт для приморских управлений, Камчатского и Охотского. Я посылаю копии со всего этого к князю Александру Сергеевичу [Меншикову], так как в положении этом

упоминается и о флотском ведомстве, которое в Камчатке должно быть нераздельно.

Положение и штаты соображал я по крайнему моему уразумению и взвешивая всё, что необходимо для Камчатки в настоящее время. Жаль было бы, если б стали переменять, можно ошибиться и испортить дело. Осмелюсь убедительнейше просить Вас о сохранении представленных мною цифр.

Что касается местопребывания военного губернатора, то оно с намерением сказано не в Петропавловском порте, а в Авачинской губе, ибо при распространении там флота нашего займутся и другие пункты в этой губе, укрепится вход во всю эту губу и флаг наш встретит пришельцев на первых высотах Авачинской губы...

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. Т. 1. — М., 1891. — С. 243.

Из письма Н. Н. Муравьёва к министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому от 6 марта 1850 г.

...Камчатка и берега Охотского моря вообще остаются беззащитными.

Я не смею официально указывать меры, которые бы должно принять к отвращению угрожающей там опасности, но полагаю, что откладывать их нельзя, а потому приемлю смелость доложить, что необходимо было бы в лето нынешнего же года снарядить два фрегата и с ними одно большое транспортное судно для отправления в Камчатку. Судам этим вместо балласта должно взять возможное количество крепостной артиллерии и артиллерийских для них снарядов.

При всей поспешности снаряжения и плавания они, разумеется, поспеют в Камчатку из Кронштадта или Севастополя не ранее, как ко вскрытию льдов в будущем 1851 г. По крайней мере, с того времени мы уже там будем в безопасности. А между тем должно заметить, что в течение нынешнего лета соберутся в камчатских водах четыре английских корабля, вооружённых как военные, и два парохода, то есть обе экспедиции для отыскания Франклина, в Берингову проливу направленные.

Первая, состоящая из шлюпа «Геральд» и шкуны «Нанси», заходивших в прошлом году в Петропавловский порт, и вторая, отправленная ныне из Вулича, из кораблей «Инвестигатор» и «Антреприз» с двумя пароходами.

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. Т. 1. — М., 1891. — С. 257.

Рапорт начальника Камчатки Р. Г. Машина о вводе в действие маяка в Авачинской губе, июль 1850 г.

Утверждённый его светлостью господином начальником Главного морского штаба его императорского величества к постройке в 1848 г. в Петропавловском порте Дальний маяк ныне совершенно окончен и принял своё действие с 1 сего июля. Маяк освещается девятью лампами при таком же числе рефракторов. Высота огней маяка от уровня моря 450 футов, открывается с моря с высоты глаза 15 фут в расстоянии 20 морских миль

Имею часть донести о сем инспекторскому департаменту Морского министерства и присовокупить, что об окончании постройки здания маяка экономическими средствами порта донесено вместе с сим и его светлости господину начальнику Главного морского штаба е. и. в. с предоставлением чертежа маяка.

Положение о маяке в Петропавловском порте

Для безопасного прихода к Петропавловскому порту судов, полагая устроенный при устье Авачинской губы маяк освещать девятью лампами с рефракторами, который и имеет называться Дальним, Авачинским маяком.

Кроме маяка сего, имеются в самом заливе Авачи другие два пункта, которые освещаются дровами и также именуются маяками, — Бабушкин и Раковый. Маяки сии освещаются только тогда, когда бывает необходимо для входящего или выходящего судна, и положение их может оставаться по-прежнему, пока представится необходимость впоследствии времени устраиваемых пунктов освещение лампами с рефракторами.

Главное наблюдение за маяками остаётся на обязанности начальника Камчатки, но ближайший присмотр за маяком поручается особо определённому смотрителю маяков.

Смотритель маяков назначается высшим начальством по представлению начальника Камчатки из офицеров корпуса флотских штурманов, более или менее неспособных к постоянному служению на море по каким-либо причинам, или же ластовых офицеров, преимущественно производимых из унтер-офицеров Камчатской экипажной роты. В случае неимения в виду офицера на замещение сей вакации постоянно, назначать временно из остающихся при порте офицеров.

Жалование смотрителю маяков производится по чину, и столовые сравнительно с офицерами, служащими в Камчатской экипаж-

ной роте, именно по 142 рубля 85 $^{1}/_{2}$ копейки серебром в год. В летнее время, когда освещается маяк, производится ему на собственное лицо порционы и на деньщиков морская провизия.

Для управления освещением трёх маяков и для действия на учреждённых при них телеграфах полагается иметь людей: на Дальнем маяке — одного унтер-офицера, который заменяет вахтёра и содержателя материалов, и четырёх рядовых; на Бабушкином и Раковом — на каждом по три человека рядовых. Люди сии назначаются из Камчатской экипажной роты из числа неспособных к фронтовой службе.

Для разъездов по маякам смотрителя на гребных судах, равно для постановки всех и доставки провизии, на маяки назначаются по усмотрению начальника Камчатки люди, до восьми человек из Камчатской экипажной роты.

Нижние чины, назначаемые на маяки, во время нахождения на маяках, равно и чины, употребляемые на разъезды по маякам для установки всех и доставки провизии маячным командам, во время разъездов получают морскую провизию.

Дальний, Авачинский маяк, применяясь к лимиту, имеет освещаться с 1 июля по 1 ноября и долее сего срока, смотря по представляющейся в том надобности.

По прекращении коммуникации, люди с маяков на зиму снимаются и поступают в Камчатскую экипажную роту, употребляются на службу по способности.

Смотритель маяков, состоя в непосредственном распоряжении начальника Камчатки, употребляется на службу по усмотрению его начальника.

Здание маяка содержится из сумм, ежегодно отпускаемых на устроение порта, без всякого на то особого ассигнования. Деньги, потребные же на осветительные материалы, равно на ремонт рефракторов, приобретение ламп и на другие для осветительного аппарата издержки, как показано всего в ведомости, сумма 193 рубля 45 копеек, имеют вноситься в ежегодные сметы кораблестроительного департамента Морского министерства и по ассигновании отпускаются в распоряжение начальника Камчатки.

Так как в Камчатке затруднительно и даже невозможно приобрести потребные для маяка новые рефракторы, лампы и стёкла, то начальник Камчатки благовременно представляет гидрографическому департаменту Морского министерства о высылке таковых на кругосветном судне, равно и других вещей и материалов, потребных на ремонт маяка, с тем, что следующие за заготовленные,

таким образом, и высланные для маяка вещи и материалы деньги имеют обращаться из ассигнуемых по смете.

Освещение маяка производится китовым или нерпичьим жиром, который приобретается на месте.

Всё довольствие смотритель и нижние чины, на маяках находящиеся, получают от Камчатской экипажной роты, в которой и состоят в комплекте. Сумма, потребная на довольствие их, вносится в общую смету о потребности сумм на довольствие от коммисариатского департамента Морского министерства.

Шнуровые книги на приход и расход осветительных материалов по маяку выдаются от начальника Камчатки, ведутся на основании общих правил и представляются на ревизию кораблестроительного департамента Морского министерства, от коего получаются ассигнования на предмет сей.

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—9, 64.

Ведомость казённым зданиям морского ведомства в Петропавловске, 5 октября 1850 г. (через два месяца после вступления В. С. Завойко в должность)

Офицерский флигель № 1, занимаемый господином военным губернатором и командиром порта, длиною по фасаду 10 саженей и 1 арш., шириною 6 саж. и 1 арш., вышиною $5\ ^1/_2$ саж. Выстроен в 1842 г. Здание это построено в 1843 г. по недостатку. Постройки в доме выпучились, так что требуют непременного исправления их и перекладки.

Балки потолочные положены всякие, непропорциональные величине здания, и вообще балки непрочно скреплены, так что в принадлежащей сему дому бане, находящейся в пристройке к главному корпусу, недавно балки выскочили, отчего обрушился потолок. Печи худы и требуют исправления.

Флигель для помощника военного губернатора длиною 4 сажени $^3/_4$ арш., а шириною 4 саж. $^1/_4$ арш., вышиною 2 саж. $^1/_4$ аршина с особою кухнею. Здание это новое, но крыша, крытая тёсом, рассохлась и местами протекает. Предполагается оную вновь перекрыть и окрасить. Постройка 1848 г.

Флигель № 2 длиною 6 саж. 2 арш., шириною 3 саж. 1 арш.

Кухня людская при флигеле № 2 длиною 5 саж. Построена в 1829 г. Здание старое, ветхое, но по крайности в квартирах должно жилью оставаться. Крыша течёт. Полагается исправить.

Угольный сарай, по фасаду 4 сажени.

Морская полугоспиталь, длиной 9 саж. 2 арш., шириной 7 саж., вышиной 1 саж. $^{1}/_{2}$ арш. Построена в 1836 г. Главное здание полугоспитали ветхое. В нынешнем году исправлена, так уж по нужде может ещё стоять. Крыша травяная, весьма худая и задняя часть вовсе не защищает от течи. Полы везде гнилые, в особенности в третьей и четвёртой комнатах. Отхожие места... и сгнили, не годятся и совершенно не соответствуют больничному заведению. Кухня и другие строения ветхие. В кухне полы изгнили.

Амбар для хранения госпитальных материалов. Построен в 1820 г. В первом и во втором магазине пола вовсе нет. Полок и стоек не сделано. Крыша негодная, так что во время дождя решительно нет места, где можно было бы укрыть вещи от дождя. Амбар такого же качества, как и предыдущие строения, и вообще все строения, как госпитальное собственно, так и амбар же для хранения материалов, одежды и жизненных припасов, которые ветхи и не соответствуют своей цели, и исправить их нет возможности.

Полугоспитальная аптека. Построена из старых материалов, худа крыша и течёт.

Пороховой магазин, построенный из лиственничного дерева. Построен в 1837 г. Покрыт землёю. Лес на магазин при постройке оного употреблён держаный, и потому стены магазина неблагонадежны, а крыша магазина местами перегнила, протекает и портит порох и другие материалы, в магазине хранимые, а зимою через крышу набивает снег. Посему крышу магазина перекрыть.

Флигель № 4. Длиною по фасаду 5 саж., шириною 2 саж. Построен в 1829 г. Полуразрушен; по ветхости пристройка к оному сломлена. Одна половина исправлена и по крайности в квартирах употребляется для жилья. На зиму необходимо исправить крышу и стены и сделать особый чулан для хранения припасов. Другая половина также занимается под жильё, но так гнила, что жить в ней опасно, и поэтому полагается лучше сломать оный.

Флигель № 5. Длиною по фасаду 9 саж., шириной 24 саж. К этому дому принадлежит людская вместе с кухнею длиной 5 $^{1}/_{2}$ саж. и шириною 2 $^{3}/_{4}$ саж. и пристройка длиной 2 $^{1}/_{2}$ саж. и шириной 2 саж. Построена в 1829 г. Здание старое, нижние брёвна сгнили, и пол местами перегнил, имеются сквозные дыры, в которые зимой пробивается снег. Крыша худая, течёт вся. Предполагается стены, полы и крышу исправить, буде представится возможность.

Канцелярия начальника Камчатки длиною 9 саж., шириною 4 $^{1}/_{2}$ саж. Построена в 1834 г. Нижний ряд брёвен в стенах и пол

местами прогнили. Стены не проконопачены. Пол худ. Вся крыша течёт, и потолок местами прогнил, и посему полагается необходимым постройка новой канцелярии. Крышу перекрыть, положить ряд брёвен, подвести новый потолок, полы и печи исправить и стены проконопатить.

Служительская казарма новая. Построена в 1849 г. Местами крыша течёт, оттого, что рассохлась. Стены расщепились. Полагается крышу поправить, стены проконопатить.

Служительская казарма, длиной 8, шириною 11 саж. Построена в 1835 г.

Служительская казарма старая, так ветха и негодна, что угрожает падением, и посему полагается её сломать, и ежели останутся люди в ней на зиму, то немедленно обставить подпорами со всех сторон, снаружи и внутри. Углы прогнившие скрепить, пол и крышу исправить.

Служительская кухня длиною 5 $^{1}/_{2}$ саж., шириною 3 саж. Построена в 1835 г.

Амбар № 2 шириною 3 $^{1}/_{2}$ саж. и шириною 2 $^{1}/_{2}$ саж. Кухня служительская и амбар текут. По достройке новых с исправлениями необходимо сломать.

Служительская баня длиною 3 саж., шириною 3 саж. Построена в 1836 г. Печь и каменку исправить. Сени перегородить, сделав из них предбанник и сени.

Провиантский магазин длиной 7 саж. 2 1/2 арш., высотою 1 саж. 1 $^{3}/_{4}$ арш., шириною 4 саж. $^{1}/_{2}$ арш.

Провиантский магазин длина 4 саж. 1 $^{3}/_{4}$ арш., шириною 2 саж. $^{2}/_{3}$ арш. Вышиною 1 саж. 2 арш. Построен в 1810 г. Здание это так ветхо и гнило, что не стоит в нём делать поправки, и при всех поправлениях провиант и провизию в них хранить нельзя, а посему и полагается сломать магазины.

Экипажный магазин длиною 7 саж. 2 1/2 арш., шириною 3 саж. 2 арш., вышиною 1 саж. $^{3}/_{4}$ арш. Построен в 1832 г. Крыша, крытая корьём и травою, течёт, сквозь стены пробивается снег и дождь. Стойки под магазином подгнили, и магазин угрожает падением, а посему полагается исправить, сколько можно, поставить подпоры, но по выстройке нового магазина, который необходимо произвести в скором времени, сломать.

Шлюпочный сарай длиной 10 саж. 2 арш., шириной 4 саж. 2 арш., вышиною 1 саж. 2 арш. Построен в 1836 г. Подведён ныне под крышу и покрыт корьём. В настоящее время сарай этот не требуется поправлять.

Мастерская столярная длиной 3 саж. $^1/_2$ арш., шириной 2 саж. 1 $^3/_4$ арш., вышиною 1 саж. и $^3/_4$ арш. Мастерская ветха.

Кузница построена в 1827 г. Кузница ветха, и нужно исправить, чтобы зимою не наметало снегом. Впрочем, вместо оных сделать новые, в более обширном размере.

Дом, купленный от ремесленной школы. Длина 5 саж. 1 арш., ширина 2 саж. 2 арш., вышиною 1 саж. 1 $^1/_4$ арш. Построен в 1815 г. Дом этот ветхий, и только за недостатком зданий может использоваться для жилья. Но кухня ветха, что угрожает падением, и вообще всё здание течёт, с гнилою крышею. Полы также худы. Печи дымят, имеют сквозные дыры и покривлены. Потолок прогнулся, и концы досок потолка вышли из гнезда, так что с потолка сыплется на пол земля. Двери в зале также сгнили так, что не отворяются. Посему полагается необходимым исправить оные по возможности. Крышу перекрыть, печи поправить, в кухне стены сделать новые или кухню вовсе сломать и занять под кухню отдельную комнату в этом же доме, для чего переделать в горнице печку-голландку в русскую. Всё здание проконопатить и исправить потолки, двери.

Примечание: изложенные выше мнения комиссии относительно исправления зданий допущены только по крайней необходимости, что нет никаких других зданий, которыми можно было бы замениться бы для помещения офицеров, сохранения материалов и провизии, но самое справедливое мнение есть: совершенное уничтожение старых зданий, ибо они по ветхости своей не стоят тех значительных исправлений, какие на них требуются в настоящее время, кроме флигеля № 1, нового флигеля для помощника командира и казармы.

Капитан-лейтенант (*подпись неразборчива*),
надворный советник *Ленчевский*
и ещё восемь подписей

Инструкция командиру корвета «Оливуца» капитан-лейтенанту Сущёву, отправляющемуся в крейсерство к камчатским берегам в 1851 г.

По высочайшему его императорского величества повелению корвет «Оливуца» отправляется под вашею командою в крейсерство к берегам Камчатки, а потому и предписывается вам во время плавания руководствоваться следующими правилами:

1) По отплытии из Кронштадта предоставляется вам зайти для покупки съестных припасов и необходимых для предстоящего вам плавания карт и инструментов в Копенгаген, в Портсмут или Плимут, к острову Мадера или Тенериф, а оттуда в Бразилию. Из Бразилии, соображаясь со временем года, вы изберёте путь или около мыса Горна к Вальпарейзо, или около мыса Доброй Надежды к берегам Новой Голландии, откуда вы будете поспешать в Петропавловский порт, соображаясь с обстоятельствами и не изнуряя команду слишком долгими переходами.

2) Сохранение здоровья людей есть одна из первых обязанностей каждого командира, а потому вменяется вам наблюдать за опрятным содержанием порученного вам корвета и команды онаго, очищением воздуха в палубе и интрюме, достаточным, но не чрезмерным упражнением людей в работах, предохранением их по возможности от сырости и доставлением им хорошей пищи, которую вы по вашему усмотрению можете улучшать, соображаясь с потребностью климата и обстоятельств.

Как этот параграф, так и последующие сходны с предшествовавшими инструкциями, имевшими предметом содержание команды.

3) В особенности имейте попечение о больных и всеми мерами старайтесь о восстановлении их здоровья, поощряя к тому и медика, у вас служащего.

4) По прибытии вашем в чужестранные порты вы обязаны немедленно давать знать местному начальству и тому лицу, которое находится там от Русской державы, а вместе с тем доносить о благосостоянии команды и корвета, а также и о всём, достойном примечания, г. начальнику Главного морского штаба.

5) Так как звание ваше обязывает защищать достоинство русского флага, то вы не упустите ничего из вида к содержанию в должном во всех отношениях порядке корвета и людей, вам вверенных, и к недопущению оскорблений со стороны судов других наций, а в случае неприязненного нападения будете защищаться, как долг храброго и искусного морского офицера повелевает.

6) При салютах с иностранцами руководствоваться трактатами, а с теми державами, с коими трактатов не заключено, предварительно сноситься с местным начальством и с доверенной особой русского правительства.

7) Всем высоким посетителям и значительным иностранным лицам, которые посетят корвет ваш, отдавать достодолжные поче-

сти по их званиям, руководствуясь существующими постановлениями.

8) Хотя немаловажно сбережение пороха в предстоящем вам пути, но не воспрещается вам производить по вашему усмотрению пушечную экзерцицию, а в удобное время даже палить в щит ядрами, также палить в цель из ружей и мушкетонов для приобучения команды.

9) Когда вам случится быть на островах у полудиких народов, то старайтесь обращаться с ними с величайшею приязнию, человеколюбием, избегая сколь возможно всех случаев, клонящихся к обидам и неудовольствиям.

Напротив, старайтесь ласкою приобрести их расположение и избегайте строгих мер, разве только в тех крайних случаях, когда от сего будет зависеть спасение людей, вверенных вашему начальству.

10) В продолжение вашего путешествия, кроме обучения команды и содержания оной в здоровом, добром и боевом состоянии, вы обязаны также иметь бдительное наблюдение и за офицерами вашими, чтобы каждый из них употреблял с пользою для службы продолжительное время плавания и был достойным представителем русского флота.

11) Так как цель экспедиции нашей не заключает в себе никаких предприятий, клонящихся к открытиям или к учёным исследованиям, а потому и не возлагается на вас особенной обязанности заниматься сими предметами. Но это нисколько не препятствует вам пользоваться случаями и свободным временем и наблюдать всё достойное примечания и полезное для морской нашей службы, а также заниматься самим и занимать ваших офицеров астрономическими наблюдениями и описями известных берегов и мест, при случае.

12) По прибытии в Петропавловский порт поступаете вы с порученным вам корветом в непосредственное распоряжение г. генерал-губернатора Восточной Сибири, от которого и получите дальнейшие распоряжения в рассуждении ваших там обязанностей как военного крейсера.

13) В заключение остаётся сказать, что начальство, возложив на вас поручение весьма важное, надеется, что вы исполните оное со свойственным вам благоразумием и усердием и тем оправдаете сделанную вам доверенность.

Сборник инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. — СПб., 1853. — С. 113—114.

Из письма начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова военному министру от 23 января 1851 г.

Из письма... ко мне генерал-адъютанта князя Долгорукова от 15 января за № 28 о предположениях генерал-губернатора Восточной Сибири насчёт укрепления входа в Авачинскую губу имею честь сообщить вашей светлости, что на первый случай полагал бы ограничиться усилением обороны собственно Петропавловской губы земляными батареями и иметь такую же батарею у входа в Авачинскую губу с блокгаузами и сигнальною мачтою.

Повеление императора Николая I начальнику Главного морского штаба от 14 марта 1851 г.

Утвердив прилагаемые при сем штаты Петропавловского портового управления и 46-го флотского экипажа и вверяя главное начальство над камчатскими портами и флотилиею генерал-губернатору Восточной Сибири, повелеваем:

1. Штаты сии привести в исполнение со дня их утверждения.

2. С упразднением Охотского порта и с переводом из сего порта в Петропавловск морских команд существующую ныне в Петропавловске морскую военную госпиталь возвести в госпиталь 1-го класса на основании устава о непременных морских госпиталях.

3. На построение новых и поддержку старых зданий в Петропавловске и других камчатских портах и на экстраординарные расходы отпускать и на будущее время от морского интендантства, на основании § 49-го положения об управлении Камчаткою 9-го апреля 1812 г., по 1 428 руб., и строительного департамента, на основании мнения Государственного Совета 5-го мая 1821 г. и особого на тот же предмет назначения, по 2 856 руб., а всего по 4 284 руб. серебром ежегодно; с тем, чтобы командир Петропавловского порта об употреблении сей суммы представлял установленным порядком морскому интендантству и строительному департаменту надлежащие отчёты.

4. Всем определяемым в Камчатку военным и классным чиновникам, по сим штатам положенным, присвоить на основании существующих постановлений нижеследующие преимущества:

а) при определении они производятся в следующий чин, получают двойные прогоны, по чинам, и не в зачёт полугодовой оклад того жалованья, какое им следовать будет на службе в Камчатке;

b) при увольнении от службы в Камчатке по выслуге пятилетнего срока беспорочно, они, исключая награждения чином, пользуются теми же пособиями, какие определены им были при отправлении в Камчатку;

c) все вообще чиновники пользуются правом на получение пенсий согласно утверждённому мною в третий день декабря 1845 г. мнению Государственного Совета;

d) вдовы чиновников морского ведомства получают те же пособия, какие определены для вдов чиновников гражданского ведомства на основании примечания к 47-му пар. положения об управлении Камчатскою областью, утверждённого в 10-й день января сего года.

5. Командир порта, камчатский военный губернатор в отношении к пенсии, определяемой за службу в Камчатке, сохраняет те же права, какими пользовался начальник Камчатки, на основании положения о том крае, утверждённого 9 апреля 1812 г.

6. Должности гражданских чиновников, в сих штатах поименованных, считать в отношении к классам, пенсиям и мундиру в тех разрядах, к которым отнесены по расписаниям, того же наименования должности штабов командиров портов и контор капитанов над портами.

7. Сумму, какая потребуется по сим штатам, вдобавок к той, которая доныне отпускалась от морского интендантства на содержание Сибирских портов, вносить в ежегодные сметы Морского министерства.

На подлинном собственной его императорского величества рукою написано: «*Николай*»

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 217. Л. 37—38.

Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва начальнику Главного морского штаба А. С. Меншикову от 10 мая 1851 г.

Исполняющий должность военного губернатора Камчатки вошёл с представлением ко мне об исходатайствовании у вашей светлости пособия женатым нижним чинам 46-го экипажа, переведённым из Охотска на Камчатку и лишившихся домов, им принадлежащих. С прибытием в Петропавловский порт стеснены на квартирах нижних чинов бывшей Камчатской роты во вновь отстроенной временной юрте. Командир Петропавловского порта полагает устроить для каждого из двух семейств по одному домику, всего

22 домика, и испрашивает на постройку каждого 100 рублей серебром, что составит 2 200 рублей серебром взамен оставленных ими домов в Охотске.

Находя со своей стороны это вознаграждение справедливым, имею честь представить при сем на благоусмотрение вашей светлости список нижних чинов, переведённых в Камчатку, и предполагаемый план домов. А последующим имею честь покорнейше просить вашу светлость почтить меня вашим уведомлением.

РГА ВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 4319. Л. 3.

Рассказ о вступлении В. С. Завойко в должность камчатского губернатора

Отрывок из анонимного коллективного труда дальневосточников в 1880-х гг. под общим названием «Начало Амурского дела и воспоминания о событиях на Амуре и Камчатке во время Восточной войны (1853—1855 гг.)».

В первый день своего прибытия в Петропавловск В.С. вступил в должность главного командира порта. В то время в порте только и было строений, что один приличный дом для начальника Камчатки и небольшой офицерский домик, казарма на 50 человек местной роты. Остальные же матросы имели собственные лачуги и дом, гауптвахту; кузница и слесарня находились в развалинах, а хлебный магазин, наклонившийся от ветхости, был покрыт травою.

При порте не имелось никаких ботов и баркасов, была одна восьмивёсельная шлюпка, позорная для глаз моряка.

Перевезённые из Охотска семейства матросов и адмиралтейской команды располагались в порте под открытым небом у подножья горы. Вскоре явился к В.С. помощник начальника Камчатки и отрапортовал о благополучии, причём было видно, что из Охотска привезено 500 матросов адмиралтейской команды.

В.С. приказал собрать команды, а также распорядился, чтобы командиры находившихся в гавани двух транспортов свезли людей на берег для представления. Чрез час В.С. явился к фронту и обратился к своему помощнику с вопросом: «Вы представляете толпу нищих или военных матросов?» На что тот ответил: «Военных матросов». Тогда В.С. заметил: «И вы говорите это так равнодушно? Вы командуете уже пять лет, не получаете обмундирование, срамите перед иностранцами честь русского воинства! Вы по-

смотрите, на рейде стоят шестьдесят иностранных судов со всего мира, и они, конечно, могут по этим босым, оборванным, нищим заключить, что в России всё воинство находится в таком виде. Вы получили деньги за переноску обмундировки? Где эти деньги? Отвечайте!»

Помощник ответил, что денег не получал. «А сколько рапортов подавали вы в течение пяти лет начальнику, что ваши подчинённые не имеют сапог и должного обмундирования, что вы ими командовать не можете?» На что он ответил, что рапортов не подавал.

«Значит, вы негодный к службе офицер, равнодушный к посрамлению чести русского государства, и это посрамление для вас ничего не значит! Я, школы службы знаменитых адмиралов Лазарева и Нахимова, ни минуты не могу командовать теми подчинёнными, которые не получают определённого законами довольства, а как я, живя в Аяне, знал, что вы срамите перед иностранцами честь русского воина, то привезённый на Аян годовой запас матросских костюмов на 1 200 человек не приказал выгружать с корабля и привёз его сюда. Распорядитесь принять костюм зимний и летний и раздать наличным матросам, а когда получатся ассигнования за переноску обмундирования, то вы и рассчитаетесь.

Да, у вас или у кого другого хранится сумма, которая выписывается за заготовление матросами для порта угля, а также и разные материалы для ремонта зданий. Пока я разыщу эту сумму, то вы распорядитесь взять в долг в лавках припасы для приготовления сбитня, который отпускать матросам на завтрак по кружке, дабы матрос не выходил на работу с пустым желудком, и завтра в пять часов утра представить мне команды в должном военном виде».

Утром В.С. явился к фронту, поздоровался с матросами и получил бодрый, дружный ответ и громкогласное, неумолкаемое «Ура!» За сим В.С. скомандовал: «Офицеры и унтер-офицеры на середину! Фронт слева и справа сомкнуться в колону вокруг!» — и преподал следующий порядок службы и жизни:

«По милости божьей я желаю быть вам отцом одинаково как к своим родным детям, чтобы нам жить на окраине света одной семьёй, и потому слушайте. Я вам разъясню, какой я от вас службы и жизни требую.

Господа офицеры и командиры! Вы обязаны наблюдать порядок на берегу или на судах, чтобы день начинался на берегу побудкой трубача, на судах дудкой. За сим унтер-офицеры наблюдают, чтобы матросы живо вскакивали с коек, спешили вымыться и становились во фронт к молитве. Научитесь стройно пропеть молитву

“Отче наш” и за царя. За сим завтрак горячий должен быть готов, на завтрак времени употреблять четверть часа, а потом выполнять наряд по работам и следовать на работу не иначе как бегом, дабы посторонние люди давали вам дорогу. Для матроса всякая работа на судне и на берегу — есть работа спешная, а неспешных работ для матроса нет.

Матрос должен быть всегда весел, ему страшиться ни перед кем и чем не следует и, неся свою службу честно и расторопно и подвергая свою жизнь опасности каждую минуту, уже по навыку должен презирать всякую опасность, высоко и гордо держать знамя службы до окончания живота своего.

Ваша, боцманы и унтер-офицеры, служба состоит в том, чтобы, живя вместе с матросами, вы обучали их нести службу, но отнюдь не смели бы поощрять их кулаками и линьками, а развивайте силы матросов и обучайте их посредством игр, чтобы они растянули все жилы и суставы и приобрели такую ловкость и силу в руках и в зубах, чтобы был матрос так лёгок в поворотах и своих движениях в работе и умел, как кошка лазить и перепрыгивать и схватываться руками и зубами, дабы удержаться, не струсив, и не свалиться. Среди вас есть матросы кругосветных плаваний. Вы покажите все игры, которыми матросы приобретают силу и ловкость.

Я приказом по порту запрещу всем отдельным командирам и офицерам наказывать матросов линьками, а прикажу виновных предавать суду, и по решению моему они будут наказаны. Но я уверен, что вы, видя об вас попечение, сами не допустите, чтобы кто-нибудь огорчил меня, каким бы то ни был поступок. А за сим боцмана и унтер-офицеры выбрасывают линьки — незачем вам их носить...»

В тот же день произошло следующее происшествие.

«Раздался крик женщины: “Кто в бога верует, спасите!” Раздирающий крик всё усиливался и усиливался. В.С. послал за помощником и спросил его, что там происходит. Помощник отвечал, что это обычное происшествие, когда многочисленное число китобойных судов на рейде стоит, то китобойцы съезжают на берег и, производя дебош, гоняются за женщинами, а портовое начальство бессильно против такого безобразия и не может его отвратить... Капитаны китобойцев всегда отвечают, что команды вышли из их повиновения».

В.С. приказал снарядить два взвода по шестьдесят человек под командою боцманов, зарядить ружья и беглым шагом следовать к месту происшествия и выгнать разбойников с берега, а если

они будут вооружены и гарнизону вздумают сопротивляться, то в драку к ним не вступать, а стрелять поначалу их и тех из них, у которых отнимут женщин, арестовывать и отправлять на гауптвахту.

Китобойцев, вооружённых гарпунами, оказалось до ста восьмидесяти человек, из них сто двадцать после некоторого сопротивления были прогнаны с берега, а все самые дерзкие были арестованы и посланы на гауптвахту.

Вслед за сим В.С. приказал портовому переводчику съездить на китобойные суда и объяснить капитанам, чтобы они явились на берег, привезли с собой по их обычаю кошки и произвели на пристани наказание над арестованными с их судов китобойцами за оскорбления, нанесённые ими русским женщинам, дав им по шестьдесят ударов кошками, а тем, которые ранили гарпунами унтерофицеров и наших матросов, — по сто двадцать ударов.

Капитаны явились и выполнили в точности вышеозначенные распоряжения и представили В.С. благодарность за то, что он дал средство восстановить дисциплину в их командах...

РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1680.

Из камчатских дневников Михаила Корсакова (1851 г.)

Главный порт в южно-сахалинском заливе Анива называется Корсаковым — в честь Михаила Сергеевича Корсакова, который управлял Восточной Сибирью после ухода в отставку его родственника Н. Н. Муравьёва-Амурского. Ещё в 1849 г. Муравьёв именно М. С. Корсакову поручил доставить Г. И. Невельскому утверждённую правительством инструкцию о проведении исследований на северных подступах к устью Амура. В 1851 г. Н. Н. Муравьёв отправил М. С. Корсакова в Петропавловск — проследить, как там практически осуществляются его распоряжения по укреплению порта. Во время этого путешествия М. С. Корсаков вёл подробные дневники, которые ныне хранятся в рукописном отделе Государственной библиотеки.

Эти дневники неоднократно использовались историками, но ещё никогда не публиковались, потому что писались они довольно небрежно. Тем не менее, они по-своему уникальны, ибо ни один дошедший до нас документ так полно не раскрывает, какие страсти в ту пору кипели в Петропавловске, показывает сложности отношений между В. С. Завойко и его видными современниками, в частности даже с самим Г. И. Невельским.

Дневники М. С. Корсакова весьма многословны. Поэтому в настоящем сборнике мы смогли дать лишь некоторые отрывки, характеризующие как жизнь Петропавловска в 1851 г., так и наиболее видных деятелей Камчатки той поры.

Узнав на Аваче, что вчера на компанейском судне «Атхе» из Аяна пришёл военный губернатор Завойко и преосвященный Иннокентий, я поспешил скорее в порт, и как только две лошади на лицо находились, то я с казаком без проводника, взяв каждый по перемётной суме, поехали берегом по очень красивым местам, огибая губу с северо-восточной ея стороны. Но тропинка была так узка и не прочищена, особенно в местах, поросших кедровником, что я, цепляясь поминутно за смолистые ветви его, не раз внутренне проклинал исправника и самого Машина, что они до того небрежны, что не могли распорядиться приказать вычистить хотя бы эту единственную возле порта тропинку.

Я проехал мимо озера через город прямо на берег против «Иртыша», и пока дожидался, чтобы на сделанный мною знак с берега прислали с судна шлюпку, ко мне подошёл капитан-лейтенант Васильев, пришедший на «Камчадале». Представившись, он сказал мне: «А вы ко мне отправляетесь?» — «Нет, — отвечал я, — к вам после когда-нибудь, а теперь надо переодеться да к губернатору съездить». — «Да ведь вы на “Иртыше”». — «На “Иртыше”». — «Ну, так вместе поедем». — «Очень рад».

Пока мы переезжали, Васильев рассказал мне, что сегодня в пять часов утра Завойко призвал его и приказал ему, сдав Гарновскому тендер «Камчадал», принять от него транспорт «Иртыш». Это мне показалось очень странным, и я заключил, что, вероятно, у Завойко с Гарновским было что-нибудь, что он, не дождавшись меня, сместил его с командирства, и тем более мне казалось это странным, что Васильеву срок вышел службы и он, как я слышал, должен был ныне выехать в Россию.

На «Иртыше» встретил меня Гарновский, и он, пока я одевался, рассказал мне со смущённым видом, что не знает, за что сегодня утром призвал его губернатор и приказал немедленно сдать транспорт Васильеву, и что теперь он сдаёт, что «Иртышу» велено быть готовым к 6-му числу. Всё это немало удивило меня, даже досадно несколько было на Завойко: зачем так поспешно сменил он Гарновского? А сей последний мог, пожалуй, думать, что я был недоволен им во время похода и теперь через Машина передал это Завойко, и его сместили. Гарновский говорил также мне, что он

чрез это лишается той прибыли, которую получают командиры за перевозку купеческих кладей. Я заметил ему, что ещё положительно неизвестно, куда пойдет «Иртыш», а что, вероятно, командиром его назначен Васильев, как старший из штаб-офицеров, служащих в Охотском флоте.

Надев полную форму, я отправился к Завойко, который уже переселился в дом Машина, и принят был им и семейством весьма дружески, как старый хороший знакомый. Он упросил меня остановиться у него и жить с ним вместе в кабинете, и я сегодня же перебрался с судна. От Завойко я отправился к архиерею, преосвященному Иннокентию. Он остановился в доме против церкви в прежней квартире помощника начальника Камчатки Семушко. Я отдал ему письмо генерала, и он очень обласкал меня и провожал до самых сеней, прося навещать его, словом, без всякой напыщенности и с особою приятностию и простотою в обращении. Очень мне понравился.

Весь вечер проговорил я с Завойко о многих интересных предметах, между прочим узнал также, что Невельской с залива Счастия сам приезжал на «Байкале» в начале июля в Аян и привозил двух гиляков, которые от лица всех своих родовичей, обитающих при устье Амура и на Сахалине, просили русских взять их под своё покровительство и защищать их от разбойничества китобоев и маньчжуров, который к ним всякий год приезжают.

Нарочный с этими известиями 6 июля поскакал к генералу, где бы он ни был. Славным будет подарком генералу это известие! Слава богу, начало очень успешное! Что-то дальше будет!

Невельской возвратился проводить лето и осмотреть всё устье Амура на «Охотске» в залив Счастия, а «Байкал», забрав 4 000 [пудов] провианта казённого, присланного в то время уже на Аян, пошёл за остальным грузом в Охотск, где он, впрочем, ни в каком случае не должен был входить в реку, а грузиться на рейде.

Завойко вышел из Аяна в одно время с «Байкалом» 13 июля. «Байкалу» предписано было не оставаться в Охотске позже 25 июля, успеть взять в путь полный груз, и потому по расчёту Завойко «Байкал», как хорошее судно, можно было ждать к 7-му числу августа. Бот «Ангару» также, когда придёт в Аян, Завойко распорядился отправить, сдав там груз, обратно в Охотск в распоряжение Лярского, [на нём] Яковенко, [который] занимал в настоящее время место управителя канцелярии губернатора, но как он не хотел более года оставаться в Камчатке, то Завойко хотел выбрать другого кого-нибудь на это место, а Яковенко оставить судьёю.

Завтра Завойко, принимая порт от Машина, должен был присягнуть на новое место своё.

Я Завойко расспрашивал, почему он сменил Гарновского так скоро, и он мне сказал, что Гарновский ничего не знает, что если его оставить командиром «Иртыша», то он погубит судно напрочь. Словом, видно было, что ему не с хорошей стороны отрекомендовали Гарновского. Про Васильева он сказал, что хотя ему срок и вышел, но он остаётся служить в Камчатке и, как старший, должен командовать самым большим судном. Конечно, Гарновский был не находка, и согласясь с этим, что он дела очень мало знает, но не следовало без всякого основания (потому что мы дошли очень порядочно из Охотска в Камчатку в двадцать один день) ошельмовать его, говоря прямо, а следовательно, обидеть без всякой к тому видимой причины. Я сказал Завойко, какой резон я дал Гарновскому о причинах, побудивших вас сделать эту смену, и Завойко согласился со мной, что можно будет Гарновскому дать «Курил» по приходе Григорьева, а его назначить на бот. По крайней мере, этому есть причина старшинства в чинах.

2-е, среда. Чудесная ясная погода. Встал в шесть часов, и опять много толковали с Завойко о прошедшем и будущем. Хорошо он мыслит о многом и деятелен очень, на мелочи не глядит, но в ином слишком уж решителен. Например, он хочет взять на себя [смелость] послать «Иртыш» на зимовку в Ситху за лесом, а, может быть, и «Байкал» также. Это очень смело, не имея даже на то согласия генерала, и я советовал ему на нынешний год не посылать судна в Ситху, он слишком много ответственности на себя берёт. Слова нет, если судно благополучно вернётся с лесом весной. А случись какое-нибудь несчастие с судном, что при неимении надёжных командиров и при плохой конструкции судов Охотской флотилии в плавании около скалистых берегов всяко очень может быть. Что скажут тогда в Петербурге, и особенно враги Завойко, которых, вероятно, много у него по скорому его возвышению в чинах и по службе? Скажут, что зачем умничал, зачем без разрешения посылал и прочее. А это очень нехорошо — при самом начале правления такой случай.

Завойко в нерешительности, очень хочется ему послать «Иртыш» хоть в Ситху. Он говорит, что для того и назначил на него командиром Васильева, как самого надёжного из командиров, вероятно, и как брата начальника штаба в Кронштадте, это на случай какой-нибудь неудачи. Я отсоветую ему в делах до будущей зимы, когда может на то получить разрешение генерала.

Машин привёл в церкви Завойко к присяге, а я в то время побывал на «Иртыше» и на «Камчадале», маленьком судне с Кадьяка, но гораздо красивее снаружи выглядит. Внутри же такая была грязь и нечистота в каюте, что гадко было сидеть. Если Васильев и «Иртыш» будет также «чисто» держать, как и «Камчадал», то это очень жалко. Ходил я также и в новую казарму, где уже разместился десант иртышский, и очень им просторно. Возвратившись назад, я надел полную форму и вместе со всеми служащими в Петропавловске военными и гражданскими чинами пошёл на аудиенцию к Завойко, которая была довольно молчаливая. Кажется, Завойко был сконфужен очень большим собранием. Вообще как-то было вяло, и я ожидал от него более блистательной аудиенции, что было очень нелишним при новом порядке, заводящимся в Камчатке.

Был с визитом у Гарновских. Они переселились на берег против губернаторского дома, а потом у архиерея. Опять он меня очень ласково принял, и говорили мы с ним о будущем для Камчатки, что первое надо сделать. Я совершенно разделяю его и Завойко мнение, что надо сначала более скота в Камчатку, потому что травы много, а потом уже переселять людей, дав каждому по скотине, и тогда не будут они принуждены круглый год быть на солёной пище, что очень вредно для здоровья и способствует развитию цинги. После обеда заходил я в лавку к торгующему здесь американцу Ноксу, поверенному богатого американского купца Спока. Я купил у него очень миленькую дамскую японскую шкатулку за семнадцать рублей серебром и прочие мелочные вещи.

С маяка дали сигнал, что видно судно, вероятно, «Курил» идёт. Скорей бы шёл, выгрузить его да обратно отправить.

3-е, четверг. Я... ходил на Сигнальный мыс смотреть батарею. Славная, ясная погода, ветер попутный «Курилу», и в восемь с половиной часов он положил в гавани якорь и не салютовал крепости при входе, что ещё больше вооружило Машина и Завойко против Григорьева, на которого и без того не с хорошей точки смотрели. Штурманский прапорщик Чудинов, который утром на байдарке отправлен был в вояж на «Курил», пришёл доложить, что судно стало на якорь. Завойко спросил его, отчего не салютовали? Он отвечал, что не знает. Тогда Завойко послал его сказать Григорьеву, чтобы сей час же он отсалютовал. Чудинов уже встретил Григорьева на дороге, идущего ко Завойко с рапортом о прибытии. Завойко был со мной в кабинете, когда пришли доложить, что командир судна с рапортом пришёл. «Подите вон! — закричал из кабинета

Завойко, слыша, что кто-то вошёл в комнату. — Пошёл вон! Не хочу видеть вас! Ступайте, отсалютуйте! Пошёл вон!»

Григорьев, сконфуженный, вышел вон из зала. Я уговорил Завойко самому выйти и сказать Григорьеву, что надо, и что неловко, что он так прогнал его. Завойко и сам понял это и, выйдя в лакейскую, начал распекать Григорьева, не принял рапорта и велел прежде идти отсалютовать, а потом придти с рапортом. Григорьев совсем растерялся, и только слышно было: «Слушаюсь, ваше превосходительство! Точно так, ваше превосходительство!» Впрочем, Григорьев тут почти не был совсем виноват, потому что есть высочайшее повеление транспортам не салютовать. По крайней мере, я это в Охотске слышал, и я передал это Завойко, что таковое, по крайней мере, правило в Охотске. Завойко, у которого горячка прошла и который понял, что Григорьев сделал это не из нехотения отдать должной чести порту, успокоился, но Машин уверял, что такого высочайшего повеления нет в Камчатке. Наконец и Завойко, и Машин утверждали, что здесь следует салютовать транспортам для иностранцев, потому что здесь важных судов нет, а надо показать иностранцам, что здесь русская крепость. Я согласен с ними в этом, но Григорьев тут всё-таки не виноват. Впрочем, Завойко понял это и обошёлся с ним очень учтиво, когда он, отсалютовав, пришёл опять с рапортом.

«Курил» вышел из Охотска 6 июля. 21-го прошёл Четвёртый пролив и выдержал шторм в океане от *OSO*, который загнал его за сорок шестой градус широты, и во время шторма сломало салинги. А главное, что он из Охотска вышел, имея сухарей на три недели всего! Подлец Лярский! Люди оставались три дня без сухарей! Григорьев — мальчишка! Не мог в Охотске об этом позаботиться! Это меня чрезвычайно бесило.

4-е, пятница. Сегодня осматривали мы с Завойко и Машиным Тарьинскую губу. Хотели было на тендере «Камчадале» туда идти. Но так как был маленький противный ветер, то в шесть часов утра отправились на катере, взяв с собой Василья, чтоб сварить там обед. Приехали туда на вёслах в девять часов и пристали в угол северной ея стороны. Тут походили около и набрели на болото, которое от моря саженях в двадцати. Через покрытое высокою травою поле от земли болото шириною сажень пятьдесят, и тянется вдоль берега по губе и, кажется, оканчивается озерками. За болотом славный берёзовый лес, и земля хорошая, и трава высокая. Это большая долина на *W*, на которой хороший город можно построить, если есть тут ключи (мы не углубились в лес далее трёх четвертей

версты от берега) и ещё если бы болота не было, испарения которого не должны быть здоровыми. Грунт в губе против леса лежит — мелкий чёрный песок. Жаль, что место открыто ветрам *О.*

Мы отправились далее вовнутрь губы и закусили на лодке. Приплыв к Губернаторскому мысу и пристав в самое углубление залива, поручили Василью сварить обед и чай, а сами втроём отправились осмотреть перешеек по очень высокой и густой траве. Саженях в тридцати слева наткнулись на речку аршина полтора шириной с обрывистыми берегами. Около этой речки множество было утоптанных медведями мест и троп медвежьих, а в речке много рыбы. Я отдал Завойко свой пистолет, а сам нёс ружьё, у Машина был также двуствольный пистолет. Речка текла параллельно берегу, но дальше шла чрезвычайно извилисто, так что нам очень часто приходилось переходить ея. Жара была смертная, комары совсем искусали нас. Прошли мы полверсты, и речка повернула направо, откуда она и текла из ложбины гор в Тарьинскую губу. Тут началось мокрое болото и чудесная на нём трава.

С версту ещё прошли, пошла трясина, травы не было, и земля так гнулась под нами, что казалось, что сейчас вот-вот провалимся. Как хотелось дойти до большого камня, до которого оставалось сажень сто! Однако, видя, что трясина делается всё как будто жиже, не видя впереди сухого места вплоть до второго камня, до которого ещё с версту осталось, мы решили вернуться.

Завойко был в отчаянии от этого неприятного открытия, что здесь такая трясина! Мы знали намерения генерала (генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва. — *Ред.*) перенести в Тарьинскую губу город и порт и расположить его около Губернаторского мыса по перешейку же, который тянется версты на три между Тарьинской и Ягодными губами.

«Ну, как же здесь рыть канал! — говорил с горем Завойко, — ведь это решительно невозможно! Здесь надо сваи колотить, и сваи не здешнего леса, а хорошие лиственничные, пятисаженные, да ещё одна на другую, и чего это будет стоить! Да здесь водой зальёт! Генерал не знает, что здесь трясина, потому и хочет канал рыть! Вы сами видите, нельзя канала рыть, здесь нет инженера, и хорошего, в помине. Надо рук сколько! Денег мильоны! Скажите генералу! Вы сами видите, что это невозможно!»

И Машин, и я были одного мнения с Завойко, а мне было, кроме того, очень досадно, что Ваганов, которому в прошлом году поручено было описать этот перешеек, не донёс этого генералу и не стал ждать, когда генерал прежде моего прибытия получит разрешение

государя перенести город и порт в Тарьинскую губу. Город также негде будет расположить, потому что возле Губернаторского мыса ложбина очень маленькая и, наконец, грунт в губе — крупный камень в этом месте. Вероятно, всего этого не сказали генералу, что он хотел переносить город сюда. Завойко, как человек очень мнительный, предвидя, что переносить ему придётся на такое дурное место, не переставал толковать мне о его недостатках. Я же отвечал ему, что генерал не знает о них, что, приехав в губу, он видел только наружное положение её, а всего не мог сам узнать, что, конечно, виноваты те, которые, зная о недостатках этих мест, не донесли ему. Но я знаю генерала, что хотя государь и согласится на перенос сюда города, но генерал, узнав обо всём, первый скажет государю, почему это будет неудобно, и что генерал не такой человек, который для того, чтобы не сознаться в своей ошибке, пожертвовал бы благосостояние, однако, города и вопреки всему перенёс туда город.

Кажется, Завойко немного успокоился. Пришедши к лодке, мы напились чая, обедать как-то не хотелось, и поехали обратно. Заехали посмотреть, откуда берут глину. Славная жёлтая, мягкая глина вырывается в крутом берегу против Губернаторского мыса возле самой губы. Немного подалее, вдоль берега, возле речки, построен несчастный сарай, и тут делают кирпичи четыре человека, но в ужасных формах и, кажется, очень лениво. И всего четыре тысячи было сделано в продолжение лета, и то не обожжены.

Вернулись домой также на вёслах часам к семи. К ужину приехал архиерей, разговор всё был о неудобствах Тарьинской губы для переноса туда порта и города.

5-е, суббота. Целый день пасмурная погода и после густой туман, а вечером шёл большой дождь. Работы кипели в порту и на судах. Мы с Завойко были на судах Российско-Американской компании «Атхе» и «Константине». Славное судно «Атха» построено в один год с нашим «Байкалом» в Финляндии и два раза уже привозило из России груз в американские наши колонии. Судно трёхмачтовое, со всеми удобствами для дальних вояжей. Капитанская каюта большая и очень красиво отделана, и вообще всё прилажено и приспособлено к удобству. Ют большой и возвышенный, обнесён лёгкими верёвочными перилами. На «Атхе» есть водоочистительная машина, чтобы посредством испарения делать морскую воду годной для употребления в пищу. Капитан судна Рыдель, очень учтивый и любезный человек, с готовностью показывал мне все малейшие подробности удобств судна. Когда мы съехали с «Атхи»,

то в честь Завойко, как военного губернатора, произведён был оттуда салют.

Бриг «Константин», двухмачтовый, также славное судно. Особенно мне понравилась та чистота, с которой всё содержится на нём, и самое судно. Капитан судна — из училища торгового мореплавания Павлов, также чрезвычайно любезный человек. «Константин» есть компанейское судно, между тем как «Атха» — финляндское, нанятое для перевозки груза в колонии из России. На «Константине» видел я матросов из колош (американских аборигенов. — *Ред.*), служащих вместе с русскими. С «Константина» также салют произвели Завойко, когда он съехал с судна.

«Константин» привёз из Ситхи готовый сруб двухэтажного строения, которое и начали складывать против церкви. В нём будут жить и [разместится] магазин Российско-Американской компании. Каждое бревно по номерам, лес лиственничный... Это будет первое двухэтажное строение в Камчатке.

Был я на «Иртыше». Гарновский не может всё ещё кончить сдачу его Васильеву. Грузить же его кончают. Долго толковали мы с Завойко, куда послать «Иртыш». Моё мнение было — в Аян, куда он может войти беспрепятственно и нагрузиться остальным провиантом и грузом бота «Ангара». Между тем как в Охотске надо переходить ему бар, а на баре сем на мель сядет. Может быть, пока стащат, то поздно будет уж посылать обратно в Камчатку и придётся ему зимовать в Охотске. А именно один бог знает, как вышел нынче «Иртыш», просто вынесло. Машин также желал на «Иртыше» идти на Аян, потому что хотя и ждали «Байкала», но неизвестно, скоро ли он ещё придёт, не успеет ли он ещё раз сходить на Аян?

Завойко понимал всё это, но долго не решался. Наконец положили: 1) в нынешнюю зиму суда в Ситху не посылать, 2) «Иртышу» идти на Аян, 3) «Байкалу» идти в Охотск, или до 20 августа успеют его отправить из Петропавловска, 4) «Курилу» идти в Охотск.

Машин был очень доволен этим решением и назначил день своего отхода на «Иртыше» — 8 августа. Был я также на «Куриле». Григорьев ошеломлён крутым приёмом Завойко и оправдывался за салют. Я высказал Григорьеву свою досаду и на него, и на Лярского, что команда три дня без сухарей была, и что от Лярского это могло быть потому, что хотя он и обещал мне во всё время стоянки «Курила» в Охотске кормить людей хлебом, но я ему не в чём не верю и имею к тому некоторые основания, но что

Григорьев необсудительно и дурно сделал, что пошёл в море, имея всего провизии на три недели. Григорьев оправдывался тем, что он говорил об этом Лярскому, но что сей последний велел ему идти, и что, наконец, люди были сыты, потому что он кормил их гороховой кашей. «Курил» спустил салинги и чинил, а вместе и выгружался.

Зашёл я и к Яковенко. Он живёт у прапорщика ластового Губарева. После обеда ходили мы с Завойко и Машиным за озеро смотреть пробы посевы хлеба, сделанные нынешней весной Машиным, равно и места, которые генерал осматривал в прошлом году, удобные для переноса туда города. Место точно было славное и большое, открытое на юг и закрытое горами от севера. Земля тут хорошая для огородов. Пробы пашни сделаны были в двух местах, но каждая только для славы, что это проба. Поднята была новь, и на дёрне посеян хлеб, и новь была поднята не сохой, а лопатой. На таким-то образом приготовленной заливной земле на двадцати квадратных саженях в одном месте и на десяти — в другом посеян был ячмень, посажен картофель, лён и конопля.

С нами был и старик, привезённый Завойко из Аяна для разведения хлебопашества в Камчатке, с жалованием ему по триста рублей серебром в год. Старик говорил, что земля очень добрая и что если её хорошенько сначала разработать, то будет хлеб непременно. Завойко просил меня передать это генералу, приговаривая: «Да! Так и скажите генералу! Вот и старик говорит! Да!» — это любимая поговорка Завойко.

Вечера много мы с ним говорили про Невельского, как он приехал, жил на Аяне и приезжал туда из залива Счастья. Кажется, Завойко досадно на Невельского, зачем ему, а не Завойко было поручено дело амурское, а затем Невельской произведён в капитаны 1-го ранга. Завойко сознался, что он всегда надеялся, что это дело будет поручено ему, и что он много думал об этом и желал распоряжаться тут... Я отвечал ему, что не один он желал бы идти на Амур, что Лярский также очень этого желает, что, наконец, я бы с охотой согласился быть на месте Невельского.

Рассказал он мне одно действие Невельского, которое очень мне не понравилось, и я думаю, что тут что-нибудь да не так, а что Завойко глядит на Невельского с неблагоприятной для него точки, видя в нём помеху собственным своим надеждам. Завойко сделалось дурно и потемнело в глазах, в то время, как он занимался своими бумагами. Его увели в спальную, оставив бумаги неубран-

ными, и когда возвратились назад, то застали Невельского, который рылся в его бумагах. Это были бухгалтер Фрейберг и священник Степан.

Я думаю, что Завойко не так мне дело рассказал, и это просто напраслина на бедного Невельского, а может быть, он и не знал, что это завойкины бумаги, и искал что-нибудь из своего на столе. Как бы то ни было, это неприятно мне было слышать, ибо показывало, что Завойко очень вооружён против Невельского и постарается приискать более тому основательных причин. Я знаю неделикатное обхождение Невельского с другими, но это большею частию бывает из рассеянности и от дурной его манеры всё бранить и во всем спешить. Может быть, он иногда слишком резко высказывал перед Завойко своё положение, независимое от него, как состоящее лицо при генерале. Но если он сделал это с умыслом узнать какие-либо обстоятельства, как подозревает Завойко, то это неблагородно, подло! И потому не думаю, что Невельской сделал что-либо подобное, сколько я знаю его и слышал про него, он благородный человек и не подлец!

Досадно, что Завойко заступается за справедливость такой гадости! Например, причину тому, что Невельской сам приехал на Аян с гиляками, Завойко полагает, что он трусил без судна у гиляков остаться. Это вздор, и верить этому не хочу. Невельской не с такими понятиями отправлялся на Амур, и я скорее подумаю, что сам Завойко такого мнения, что допускает себе подобные мысли, и что он сам по себе судит о делах Невельского.

Право, с этих пор у меня гораздо менее уважения к Завойко, хотя и прежде особенно большого не имел. Особенно после писем его к Лярскому. (Жаль, добрый человек, взятки не возьмёт и готов всеми силами стараться для пользы общей, и за это я любил его, и мне жалко, что он допускает такие скверные мысли.)

6-е, воскресенье. Чудесная ясная и тёплая погода. Я написал в Тарусово, и это письмо посылаю на «Иртыше» через Аян. Сегодня Спаса Преображения. Архиерей сам с торжеством служил обедню и за обедней посвятил одного причётника-старичка в диаконы. После же обедни сказал речь по случаю назначения нового начальника в Камчатку и нового её устройства.

У Завойко был обед. Были на этом обеде архиерей, Васильев, Гарновский, Григорьев, командиры компанейских судов, Семушко, Яковенко, старший доктор Ленчевский, протоирей здешний отец Евсевий, артиллерийский подпоручик Лорч и инженер Гезехус, из дам — одна Гарновская.

За обедом пили шампанское за здоровье Машина по случаю его отъезда и архиерея здоровье. Большую часть дня я сидел дома и занимался бумажными делами и в разговоре с Завойко о делах. Завойко также готовил бумаги к отправлению их на «Иртыше».

Не нравится мне канцелярист по морской части Иванов. Шельма, должно быть, сверхъестественная! И как Завойко его ни бранил, и не согласен со мной, что должен быть страшный плут и в руках его надо держать, однако, не зная сам почти ничего в бумажных делах, он часто слушается его и даже иногда спрашивает его совета. Желал бы ошибиться, а то кажется, что Иванов со временем, если не удалит его Завойко от должности секретаря по морской части, приберёт к рукам Завойко и будет в бумагах им вертеть по своему желанию, потому что хотя Завойко и твердит, что он никому не даёт управлять собой, но умный человек найдёт как управлять им, не показывая тому никакого вида.

Машин перебрался на «Иртыш», но ещё оставался ночевать у Завойко. Вечером много мы разговаривали с ним о Камчатке, о маяке, которого сигнал он мне показывал.

После обеда возвратился тендер «Камчадал» с лесом с полуострова Тарьинской губы. Завойко распорядился достроить находящийся на берегу без крыши шлюпочный сарай, чтоб в него складывать груз с судов.

7-е, понедельник. Погода хорошая и ясная. Целый день перетаскивали вещи Машина на «Иртыш», и он сам окончательно туда перебрался, но день провёл на берегу у Завойко. Была обедня, которую служил опять архиерей и за которой посвящённого вчера в диаконы старика посвятил в священники. Машин служил панихиду по своей жене, тело которой лежало в склепе под полом в церкви. Его же подняли во время панихиды. Няньке детей Машина сделалось дурно, и она упала в склеп и сломала себе ребро.

Бедный Машин, и без того взволнованный воспоминаниями о жене, теперь был в сильном беспокойствии, как везти больную няньку на судне. Просил командировать с ним здешней гошпитали ординатора Шуцкого, что Завойко сейчас же и приказал.

Ходил я на «Иртыш» и «Курил». «Иртыш» погрузился, но сдача между командирами ещё не проведена до конца...

На «Куриле» надоел мне Григорьев, такой хвастун и самохвал, что из рук вон. Очень жаль, что, кажется, мне на «Куриле» придётся возвращаться в Охотск, если «Байкал» не придёт до того времени, как «Курил» будет готов к выходу, а время ему назначено быть готовым к 11 августу. Сделал визит к Гарновским. Большую часть

дня сидел дома и писал письма Николаю Николаевичу и Невельскому, которого упрекал слегка, зачем он не написал мне ничего из Аяна, как обещал мне это. На все мои вопросы, нет ли писем, Завойко объявил, что Невельской ему ничего не давал. Не до того, вероятно, Невельскому было, когда привёз гиляков, но всё же вспомнить бы ему меня не мешало.

Обедали архиерей, Машин. Яковенко постоянно у Завойко обедает. За обедом Завойко начал доказывать Машину, что ведомость, которую он получил от исправника о наличии в Камчатке картофеля, должна быть слишком преувеличена. Это правда, и мне казалось, но Завойко без всякой деликатности спорил с Машиным, высказывая ему, что он видит тут обман, к которому и сам Машин причастен, утверждая, что ведомость исправника справедлива. Завойко говорил, что он наперёд говорит, чтобы на него не сердились после, если окажется в будущем году значительная убыль в картофеле, то он прямо исправника протестует.

Разговор был довольно жаркий. Положим, что Завойко подозревал Машина, что он хочет надуть картофелем, но всё же он мог ему это сказать наедине, ибо они на «ты» между собой, а не при нас, посторонних лицах.

Вечером после ужина Машин совсем отправился на «Иртыш» в надежде завтра идти в море. Ночь была светлая, лунная. Мы с Завойко провожали Машина до пристани и простились с ним дружески. А ему, бедному, тяжело было возвращаться одному без жены в Россию, тем более что, кажется, архиерей приказал зарыть тело его жены на Камчатке и не позволил его везти кругом света, как хотел это сделать Машин.

8-е, вторник. Погода ясная и хорошая. «Иртыш» вышел рано утром на большой рейд, и хотя ветер ему был попутный, чтоб идти в море, он долго ходил взад и вперёд, ожидая свою шлюпку, которая осталась на берегу для окончания дел приёмки судна между командирами. Наконец «Иртыш» заштилел и должен был стать на якорь. К обеду Машин съехал на берег, архиерей также обедал у Завойко, и после обеда в сопутствии всех нас отправился пешком за озеро на кошку, где ждал его катер, чтобы отвести на Авачу.

Протоиерей провожал его до Авачи. Преосвященный отправлялся берегом в Нижнекамчатск, откуда вернётся он на «Камчадале», который на днях опять пойдёт туда за лесом, и к 25 августа полагает быть назад в Петропавловск.

С первым же зимним путём Иннокентий отправляется через Большерецк западным берегом через Тигиль и Гижигу в Охотск

и оттуда в Аян, и опять потом на судне в Камчатку. Это последнее его предполагаемое путешествие заставляло задуматься Завойко, как ему ехать в Гижигу, ибо архиерей, забрав всех собак при праве здесь своём, помешает ему ехать первым зимним путём, а позже ехать, то, пожалуй, не успеть зимним путём доехать до Гижиги и вернуться назад к вскрытию ото льда Авачинской губы. А тут необходимо быть Завойко дома, потому что с первою возможностию начнут приходить китобои в Петропавловский порт.

Ехать же Завойко ранее архиерея — значит задержать его, и тем дать повод неудовольствию между ними, а они без того, кажется, не совсем-то согласны в своих мнениях о разных предметах. Началом же споров было то, что архиерей желал, чтобы судно по одному разу в лето заходило в Ямск и Тауйск и привозило туда разные запасы для находящихся там священников и инородцев и чтобы духовные лица не платили за свой переезд на место и за свои клади на судне. О последнем архиерей говорил мне, когда я был у него с прощальным визитом, но не совсем так, как передавал мне Завойко его мысль. Или я не совсем его понял, потому что, как мне кажется, архиерей говорил о провозе вещей только инородцев, не упоминая про священников.

Завойко находит, что первое незачем, потому что до сих пор этого не было и жили они без судов, а второе несправедливым. Потому духовные, как частные лица, должны платить за свой перевоз.

Проводив архиерея и посидев ещё несколько с Машиным, мы с Завойко и его проводили через весь город к началу кошки, где его ждала шлюпка. Стиценко был тут же. (Я после узнал, что он брат Машина от разных отцов, но Машин, как я мог заметить, обращался с ним как начальник со своим подчинённым.)

Простились мы с ним второй раз. Я сказал ему: «До свидания в Якутске, где надеюсь догнать».

Дорогой проходили мы мимо сделанной Машиным батареи на конце города и на возвышении, с которой славно защищается вход в маленькую губу. Другая батарея находится на кошке при самом её отделении от берега. За городом по той же линии вдоль губы есть столько ещё пустых мест, на которых можно строить, и место выше того, где находится порт и северная половина города.

Завойко решил строить на этом месте юрты для женатых, а другую юрту — для печения хлебов — на ручье возле самой губы у порта. Перед адмиралтейством от пристани и к городу находится довольно большая отмель, которую, если не будут переносить порт в Тарьинскую, Завойко забьёт сваями и засыплет землею

и сделает большую славную площадку и пристань, на которой построит магазины, и тогда суда смогут к самой пристани подходить и сгружать возле самых магазинов свои тяжести.

Эта мысль, мне кажется, очень хороша, тем более что Завойко надеется привести её в исполнение без всяких новых на неё ассигнованных сумм, а собственными своими средствами.

Был я у Гарновских с Павлом Ивановичем, толковал о том, чтобы прислать мне подписать акт свидетельства, что якорь точно потеряли от сильной зыби. Такая мямля этот Гарновский, сам ничего не может вздумать! Кажется, для него это надо, а не для меня, и тут надо напомнить!

9-е, среда. Пасмурно целый день, и временами шёл дождь. С рассветом «Иртыш» вышел в море. «Камчадал» также отправился сегодня в седьмом часу вечера. Я пришёл на судно проститься с Гарновским, там была жена его с матерью, священник, отслуживший молебен, и доктор Клишин. Несколько раз принимался на палубе Гарновский целовать жену, и эта по-настоящему грустная сцена делалась довольно смешной, тем более мне, потому что во время похода нашего я мог заметить, что они особенной приязни друг к другу не имеют. Я простился с ним, пожелав ему всего хорошего, и желал это от всего сердца, потому что Гарновский не злой человек и довольно исполнительный, но вял и глуп. После долгих сборов он, наконец, снялся с якоря и пошёл попутным ветром. Помощником у него был Чудинов, штурманский прапорщик.

Были мы с Завойко на работах. Корья недостало на покрышку сарая, тогда как Стиценко решительно уверял, что его очень будет достаточно. Какая небрежность и обман!

Странное, впрочем, теперь положение — Стиценко же был помощником начальника Камчатки Машина, значит, второе лицо в области. Теперь же Завойко требует от него, чтобы он сам разводил фронт в четыре часа утра, чтобы он постоянно торчал на работах. За дровами хочет его послать, и распекает, если он нерачительно исполняет приказания его. Я бы на месте Стиценко не поставил себя в такое отношение, и, кажется, лучше бы выехать вон, если бы Завойко не хотел понять меня, что это не его дело быть на работах.

Завойко не считается со своим помощником, но всё же штабофицеру не годится бегать целый день, можно сказать, на посылках у губернатора. Я замечал об этом Завойко, но он отвечал мне, что Стиценко должен всем сам распоряжаться лично, тогда только будет толк. Согласен, но не следует его третировать, как младшего

офицера. А на это есть маленькие замашки у Завойко — свысока немного иногда обращаться. Впрочем, может быть, я ошибочно гляжу на это.

Из сада Завойко снял я вид губы в камеру-обскуру, хотя не совсем удачно, но всё-таки напомнит Камчатку, когда взглянем на рисунок. Снял план устья реки Камчатки.

Много мы говорили с Завойко, благоразумно ли будет отправлять в сентябре «Курил» из Охотска в Камчатку? Этакая обуза этот Григорьев, на него положиться ни в чём нельзя, мальчишка, хвастун. Пожалуй, нарочно не попадёт в Петропавловск, чтоб иметь причину идти зимовать на Сандвичевы острова...

Из воспоминаний геолога Карла Дитмара, 1851—1852 гг.

В 1850 г. герцог Лейхтенбергский поручил молодому геологу Карлу Дитмару (ему тогда было всего двадцать семь лет) объехать всю Камчатку и изучить её географию и геологию. Дитмар проехал всю Сибирь и через Иркутск, Якутск, Нелькан добрался до Аяна, откуда по морю в сентябре 1851 г. приплыл в Петропавловск, который и сделал основной базой своих обширных камчатских исследований. Впоследствии он написал подробные воспоминания о своём пребывании на Камчатке. Впервые они были напечатаны на немецком языке и лишь в 1901 г. на русском — книга «Поездки и пребывание на Камчатке».

В этом ценнейшем труде имеется немало любопытных сведений и о жизни города Петропавловска. Поэтому и было решено в наш сборник включить сразу четыре отрывка из его книги. Сперва даётся рассказ о его жизни в Петропавловске в 1851—1852 гг. Здесь приводится достаточно подробная, весьма живая характеристика Петропавловска и его жителей в первые годы правления В. С. Завойко. Второй отрывок посвящён описанию героической обороны Петропавловска осенью 1854 г. Дитмар сам лично не был свидетелем этих событий, но описал их по рассказам очевидцев, которых он опрашивал всего через несколько недель после исторического Петропавловского боя. Третий отрывок интересен тем, что в нём подробно описывается тревожная зимовка 1854—1855 гг., и в четвёртом рассказывается о подготовке к эвакуации Петропавловска.

Рассказ о жизни города дан по изданию 1901 г. (с. 77—80, 112—114, 124—129, 130—134, 150—153, 180—183, 188—189, 192—195).

16 сентября 1851 г., в день моего прибытия в Камчатку, стояла мрачная и дождливая погода. Всё кругом было окутано густым туманом.

Утомлённый физически и нравственно, я весь первый день провёл на корвете («Оливуца». — *Ред.*) и лишь на следующий сделал визит военному губернатору Камчатки Василию Степановичу Завойко, отныне моему начальнику. Я был принят в высшей степени приветливо как им, так и его супругой Юлией Егоровной, урождённой баронессой Врангель. Их приветливость и любезность произвели на меня чрезвычайно благодетельное впечатление, заставив забыть всё тяжёлое в моём положении. Так завязались между нами отношения, о которых я вспоминаю с глубочайшей признательностью и которые без всякого диссонанса продолжались в течение моего пребывания в Камчатке и на Амуре. Я встретил также самую любезную предупредительность со стороны многих других лиц, так что я сейчас же мог ориентироваться и освоиться на новом месте.

Единственный неприятный пункт составлял квартирный вопрос. Временно, до приискания и устройства нужных квартир, многие из новоприбывших, в том числе и я, были помещены в довольно ветхом здании с сильно протекавшей крышей. Но я сам не бездействовал и условился с одним старым унтер-офицером об устройстве для меня одной комнатки в его доме. Для этого, однако, нужна была ещё кое-какая работа, так что моё помещение могло быть готово и занято лишь через несколько недель.

Губернатор со своей стороны делал всё, что было в его силах, для исполнения своих обязанностей по размещению всех вновь прибывших офицеров, чиновников и команды.

Камчатка стала титуловаться губернией лишь с 1850 г., то есть со времени назначения на губернаторский пост Завойко. Это громкое название было придумано в Иркутске и впоследствии получило утверждение. За зелёным столом, по шаблону великорусских губерний, назначили в Камчатку целую армию чиновников и офицеров, не имея ни малейшего представления об этой безлюдной стране, её особенностях и обусловливаемых этим насущных потребностях. Имелось в виду поднять край, сделать его во всех отношениях полезным для империи. Надеялись этим повышением в ранге и этими бесполезными внешними мерами, да ещё выкроенными по самому общему шаблону, цивилизовать страну и довести её до процветания.

На самом же деле чиновники различных ведомств и министерств, одинаково подчинённых губернатору, все предъявляли различные

требования и вместо взаимной помощи для совместной работы, напротив, часто противодействовали друг другу. В то же время были ассигнованы немалые денежные средства, но и они, по образцам Европейской России, не были предоставлены в бесконтрольное распоряжение местных властей. Сама Камчатка ничего ещё не производила, поэтому нельзя было делать на месте никаких закупок. Напротив, всё и вся из бесчисленных предметов ежедневного потребления, съестные припасы и всякого рода материалы, всё приходилось привозить из очень далёких мест, выписывая и заказывая это за много месяцев вперёд.

На губернатора возложено было, по возможности, развить в стране земледелие и скотоводство, создать пути сообщения, как посредством устройства сухопутных дорог, так и постройкой новых транспортных и береговых судов, чтобы этими мерами сделать доступными отдалённые части края. Петропавловск должен был сделаться полезной станцией для военного флота, равно как и для торговых судов и китобоев. Для этого, однако, не доставало рабочих и ремесленников, равно как мастерских и складов корабельных принадлежностей, да и сами строительные материалы для домов доставались с большим трудом, так как во всей южной части полуострова растёт только лиственный лес.

С повышением Камчатки в ранг губернии в ней значительно возросло число военных и чиновников, но всё это были господа, взятые непосредственно от зелёного стола и фронта, не имевшие ни малейшего понятия о потребностях практической, созидающей деятельности и потому неспособные оказывать Завойко никакой помощи. А между тем на нём лежала обязанность заготовлять для всех этих новых пришельцев дома, казармы, амбары, мастерские и прочее, а в особенности же немалое количество всевозможного провианта.

Это была нелёгкая задача, и справиться с нею мог только такой умелый человек, каким был Завойко. В течение немногих лет возник небольшой городок на том месте, где до того стояло несколько жалких домишек. Правда, губернатор требовал за то от всех своих чиновников и офицеров строжайшей исполнительности в работе и усиленных трудов, хотя бы даже и вне сферы специальных занятий, что, в свою очередь, порождало взаимное неудовольствие и натянутость отношений.

В то же время Завойко и его жена постоянно стремились к всевозможному облегчению для всего общества способов приобретения предметов ежедневной необходимости, старались даже доставлять

ему развлечение и удовольствия. Дом их отличался крайним гостеприимством и всегда был открыт для гостей.

К числу таких удовольствий принадлежали также небольшие поездки к различным живописным местам окрестностей, особенно же привлекали окрестные горячие ключи. На 19 сентября Завойко тоже проектировал такую прогулку, чтобы показать капитану Сущёву эти интересные источники, причём к участию были приглашены некоторые чиновники, в том числе и я...

30 сентября, уже поздно ночью, я вернулся из своего плавания вокруг Авачи и на следующий день узнал, что утром 1 октября в губернаторском саду откроется всеобщая выставка овощей. Погода была очень хорошая, и с раннего утра начали съезжаться из деревень камчадалы со своими запасами овощей. В Петропавловске также замечалось большое оживление среди обывателей: всякий старался выбрать наилучшие продукты своего огорода, чтобы явиться с ними на состязание.

Это была первая выставка такого рода в Камчатке, а потому жителей влекло любопытство, к которому примешивалась жажда наживы: Завойко объявил, что за лучшие овощи будет выдаваться премия в размере пяти рублей. Ещё прошлой зимой из Петербурга были присланы хорошие семена для посева, щедро всем раздававшиеся, причём по желанию можно было получать и всякого рода практические наставления. Таким образом, обыватели уже несколько месяцев готовились к этой выставке, сеяли и сажали в ожидании её. Тем понятнее нетерпение, с которым население ждало окончательных результатов всех этих работ.

Многолюдная толпа окружала место выставки, заваленное действительно прекрасными овощами, когда, наконец, явился в качестве председателя жюри Завойко и началась оценка выставленных предметов. Мерилом достоинства экспонатов служила мера и вес продуктов. Эксперты с весами в руках выискивали наилучшие овощи, из которых награждены были пятирублёвыми премиями нижеследующие: хрен, 14 фунтов 24 золотника, 1,5 фута длины, 5 дюймов наибольшей толщины. То же, 12 фунтов (2 фута длины, 3 дюйма в самом толстом месте). Кочан капусты, 7 фунтов. Репа, 7 фунтов 20 золотников. Кольраби, 11 фунтов 48 золотников. Морковь, 4 фунта 41 золотник. Свёкла, 4 фунта 90 золотников. Картофель, 1 фунт 3 золотника.

Очевидно, насколько важно развитие огородничества в стране, где население пользуется лишь в очень скудной мере растительною

пищей, так полезной для здоровья, и меры, принятые в этом направлении Завойко, дали немаловажные результаты. Решено было отныне устраивать выставку овощей ежегодно 1 октября, а также, по возможности, распространить по всей Камчатке необходимые для посевов материалы. Обыватели были очень довольны своими успехами, и все задавались благими намерениями на будущее время. Особенно хорошо уродились овощи в Петропавловске, где сделаны были такие запасы, что мы, положительно, роскошествовали всю зиму. Капуста, картофель и всякого рода корнеплодные растения, по-видимому, произрастали здесь особенно хорошо. Напротив, все стручковые растения, как горох, бобы, чечевица, совершенно не принимались, даже на образцовых огородах губернатора.

Мне кажется, что главная причина этой неудачи заключается в бедности здешней почвы известью. Ещё прежде мне бросилось в глаза, что даже морской горох (*Pisum maritimum*) в Камчатке встречается редко, да и то лишь там, где волны случайно выбросили на берег более или менее значительное количество морских раковин, которые, распавшись и измельчившись от многолетнего действия воды, как бы обратились в одну из составных частей почвы. Ввиду таких соображений, в эту осень собрано было большое количество раковин, истолчённых затем в порошок и в таком виде употреблённых для удобрения почвы на нескольких грядках губернаторского огорода, причём предполагалось в следующую весну повторить опыт с горохом и бобами. Результат вышел поразительный: на следующий год, можно сказать, получился настоящий урожай этих растений. Как кажется, известь совершенно не участвует в геологическом строении Камчатки. По крайней мере, мне нигде не удалось найти известковых пород.

На следующий день, то есть 2 октября, я имел удовольствие занять свою новую квартиру. Это была отдельно расположенная комната в доме матроса Белокопытова, из которой открывался чудный вид на бухту и на Вилючинскую сопку, находящуюся по другую сторону губы и далеко выдающуюся над всеми береговыми горами. Наконец-то у меня был свой угол, которым я мог пользоваться один! Наконец-то я избавился от так надоевшей мне совместной жизни и получил возможность без помехи заниматься своим делом...

С 10 октября начинается моя первая зимовка в Петропавловске. Окрестные горы уже облачились в ослепительно белый зимний покров, всё более и более спускавшийся в нижние долины. Самый

Петропавловск, берега Авачинской губы и ближайшие более низкие места были ещё вполне свободны от снега. Он, правда, выпадал уже несколько раз, но затем стаивал в несколько часов. Температура воздуха также едва падала ниже нуля, так что вся губа оставалась свободна ото льда, только местами, на небольших лужах, по утрам замечались следы его.

Гавань оставалась ещё оживлённой. Наш чудный корвет «Оливуца» стоял ещё здесь, но был готов к отплытию на Ситху, где должен был зимовать. Кроме того, на днях пришло несколько китобоев, в том числе один французский. Этот китобой и экипаж его находились в самом жалком состоянии.

Упомянутое судно после долгого и весьма малоуспешного плавания в Ледовитом океане, с недостаточным провиантом и страшно повреждённое бурями, искало пристанища и помощи в тихой Авачинской губе. Капитан и более половины экипажа лежали в тяжёлом скорбуте (цинге. — *Ред.*), представляя картину полного бедствия. Судно же требовало крупного ремонта. Завойко по мере сил старался о помощи и, прежде всего, распорядился об уходе за несчастными моряками. Судно же пришлось подправить лишь настолько, чтобы дать ему возможность для более основательной починки совершить хотя бы с некоторым риском переход в Гонолулу.

В подобных случаях Завойко находился в крайне затруднительном положении. Петропавловск представлял единственный порт на много тысяч миль во всей северной части Тихого океана. Порт, в котором моряки после невзгод и опасностей плавания по полярному морю должны были рассчитывать на возможность добыть провиант и ещё более — ремонтировать суда и снабдить их хотя бы самыми необходимыми принадлежностями, каковы верёвки, якоря, паруса, реи и тому подобное. К сожалению, адмиралтейство так мало заботилось обо всём этом, что здесь едва хватало запасных частей для собственных судов. Точно так же здесь не было никаких мастерских, имелись только небольшие, весьма примитивные приспособления для производства самых необходимых работ.

Уже одни соображения гуманности требовали обильного и разнообразного снабжения разными припасами портовых складов в месте, удалённом от путей всемирной торговли и, сравнительно с изолированностью своего положения, всё-таки посещаемом довольно многочисленными судами, особенно же китоловами, которые регулярно приходят сюда весною, на пути к северу, и осенью, нередко по испытанию аварий, на обратном пути — к югу. То обстоятельство, что в Петропавловске развевались большею частью лишь

иностранные флаги, едва ли могло оправдать такой недостаток и такую беспечность к гавани, всё же принадлежащей цивилизованному народу. Напротив, было бы во всех отношениях полезно путём самого предусмотрительного пополнения судового материала развить и собственное судоходство, чтобы таким образом всё богатство северных морей не уходило в чужие страны, а оставалось дома.

Как легко было бы из доходов от китоловства, тюленьего боя и рыболовства привлекать на рынки Гонолулу, Шанхая и Сан-Франциско все необходимые для Камчатки товары и таким образом очень дёшево удовлетворять всевозможным потребностям населения. На самом же деле необходимые припасы доставляются теперь двумя нашими транспортными судами из Аяна, куда все товары (например, мука, крупа, соль и прочие) перевозятся на тысячевёрстные расстояния из-под Иркутска, по непроходимейшим местам, при невыносимейших страданиях людей и лошадей. Как легка и дешева была бы вся доставка провиантов и припасов на судах из южных гаваней Тихого океана, особенно при уплате за них не деньгами, а местными продуктами. А эти продукты были и есть чрезвычайно ценимые всюду товары — рыба, меха и моржовые зубы.

Действительность далеко не соответствует желательному и возможному. Завойко приходилось поэтому всеми средствами добывать необходимое. Довольно большой прирост команд и чиновников требовал гораздо больших припасов, значительного количества строительных материалов и всякого рода инструментов. Наконец, для ремонта судов необходимы были несчётные судовые принадлежности. Поэтому нередко приходилось покупать по случаю разные припасы с приходивших судов. Наконец и корвет, уходивший 14 октября на Ситху, в ближайшую весну также должен был привести оттуда необходимые товары.

17 октября привело сюда шумное общество — ездовых собак. На лето их отпускают свободно бродить по стране, предоставляя им кормиться собственной охотой и рыбной ловлей. Осенью, когда природа становится менее щедрой и прекращается ход рыбы в реках, их опять собирают или они сами приходят. Здесь собак собирают в подходящих местах и отводят домой, где и держат их всю зиму на привязи близ хозяйского жилья. Здесь они остаются при всякой погоде под открытым небом и кормятся юколой, то есть лососиной, нарочно для этой цели высушенной в летнее время.

По всей Камчатке юкола представляет важнейший жизненный вопрос в хозяйстве туземца. У всякого поселения в Камчатке видны длинные ряды деревянных вешал, отчасти прикрытых крыша-

ми. На этих вешалах, именно на жердях, развешаны предварительно выпотрошенные рыбы. Всякая рыба надрезывается сбоку под жабрами, затем разрезывается вдоль, параллельно позвоночнику, почти до хвостового плавника, и вешается таким образом, что голова с позвоночником остаётся на одной половине, между тем как вторая содержит только мясистые боковые части. Так висят по всей стране миллионы лососей. Что не сгнивает и не съедается с самого начала червями, то высыхает и служит запасом на зиму. Лучшие экземпляры подвергаются более тщательной обработке и приберегаются для людей. Остальное именно и идёт на корм собакам, этому наиболее важному домашнему животному камчадалов. Только привычка со времени младенчества может притупить чувство отвращения к невообразимому зловонию, царящему в местах сушки рыб.

Менее трудно привыкнуть к пронзительному вою собак, во всякое время дня и ночи заводящих свой страшный концерт. Сперва отдельные собаки начинают издавать протяжные жалобные звуки, затем подхватывает всё большее и большее число участников, пока, наконец, не разразится весь громадный хор. Благодаря прибытию приблизительно трёхсот собак, Петропавловск по внешности стал похож на все камчадальские селения.

20 октября, к общей радости, пришло из Аяна одно из здешних транспортных судов, «Иртыш», нагруженное всякого рода жизненными припасами, главным образом мукой и крупой. Но приход этот вместе с тем разбил надежды многих, ожидавших вестей из дому. Почта, привезённая судном, была очень невелика. Оставалось только вооружиться терпением, потому что ближайшую почту можно было ждать не ранее февраля или марта.

21 октября нас обрадовал новый пришелец, на сей раз судно американского торгового дома Нокс, ведущего торговлю с Петропавловском. Судно это пришло с полным грузом различнейших товаров, выбранных как нельзя более практично, соответственно нашим потребностям. Названная американская фирма начала свои дела здесь несколько лет тому назад присылкой commis-voyageur, которому поручено было разузнать об общей сумме всех платимых здесь казной содержаний, затем других источниках здешних доходов и, наконец, о потребностях различных слоёв населения.

Этот commis купил в Петропавловске дом с земельным участком и приспособил его для торговых целей. Тотчас же после этого с величайшей регулярностью началась ежегодная доставка на судне из Бостона товаров, в богатом и чрезвычайно практичном выборе.

Результат, конечно, получился самый блестящий, потому что постоянные покупатели были на месте. Хороший, сравнительно дешёвый товар, состоявший исключительно из крайне необходимых предметов, быстро раскупался и доставлял солидный барыш продавцам.

Полный контраст с таким ведением дела, которое процветало благодаря близкому знакомству руководителей его с краем, представляли другие коммерческие предприятия в Петропавловске. На первом месте здесь следует упомянуть, конечно, Российско-Американскую компанию, которая также вела здесь торговлю, но далеко не достигла такого оборота.

Директор этой компании надменно царствовал на Ситхе, управление их скорее напоминало министерство или казённый департамент, чем торговое общество. По издавна заведённому порядку производилась здесь обширная торговля мехами. Раз достигнув известных успехов, администрация ни о чём больше не думала. Никто, по-видимому, не заботился ни о расширении торговых интересов, ни о судьбе разбросанных на обширном пространстве факторий. Компании принадлежали неизмеримые пространства на материке Америки, вся цепь Алеутских островов, Курильские острова и Аян. Правительство предоставило ей всевозможные привилегии и льготы. Она могла пользоваться неисчерпаемыми сокровищами и завести самую оживлённую торговлю с южными портами Тихого океана. Но ничего подобного не вышло. Всё застыло на исстари заведённой меховой торговле, и, создав себе крупные капиталы, компания на этом остановилась. Она прозябала или напоминала роскошную и очень знатную мумию, в ней не замечалось никакого стремления к прогрессу, никакой жизни.

Но могло ли быть иначе, если во главе предприятия не было настоящих деловых людей, понимающих торговое дело? На главные должности назначались высшие офицеры или чиновники, которым имелось в виду оказать благодеяние, так как считалось совершенно непреложным правилом, что на Ситхе в несколько лет можно нажить состояние. В свою очередь низшие служащие выбирались на подобных же началах. Таким образом, всё продолжало идти по-старому, а весьма основательные надежды правительства не оправдывались.

Вместо радостной поддержки новых потребностей населения со стороны компании раздавался ропот. Так, я сам слышал от одного из служащих: «Просто ужас, алеутов научили есть хлеб. Теперь подвози им муку» и т. д. Раз, самое большее два раза в году на

Ситху приходили из Петербурга суда с товарами. Более же отдалённые станции на севере и на островах посещались, самое большее, раз в году. Могло ли при такой вялости и беспечности процветать дело?

...Соответственный результат не преминул наступить. Компания прекратила своё существование. Обширные, богатые владения её были уступлены Соединённым Штатам и в скором времени, конечно, зацветут, потому что уже слышно о заведённом там оживлённом судоходстве, об исследовании страны до самых внутренних частей её, о прокладке телеграфов и об устройстве многих торговых станций.

Просуществовав, таким образом, почти целое столетие, компания, одарённая чрезвычайными привилегиями и обладавшая громадными богатствами, не принесла государству ни малейшей пользы, а наоборот, своими упущениями заставила его нести многомиллионные убытки.

Собственно русские купцы, число которых колебалось здесь между пятью и восемью, в Петропавловске не могли иметь никакого дела. Ведь центр тяжести их торговли лежал в ежегодных зимних путешествиях по стране, то есть в торговых поездках, которые, несмотря на строгий надзор губернатора, более походили на разбойничьи набеги, чем на разъезды купцов. Эти молодчики, грубые и корыстолюбивые, выписывали по самому дорогому пути, через всю Сибирь, невероятнейший хлам. И за этот хлам они норовили получать всю, часто очень дорогостоящую, добычу камчатских охотников: соболей, чёрных лисиц, морских бобров и прочее. Не оправдывались расчёты кулаков — начинались жалобы на Завойко за то, что он не давал им грабить камчадалов и являлся защитником этого бедного народа.

...Начиная от самой подошвы Меженной горы тянется короткая долина между Шестаковской падью и Никольской горою. Посреди долины лежит небольшой городок Петропавловск и его чудная маленькая бухта. При рассмотрении с вершины горы ряды домов городка представляются почти у ног зрителя и обнаруживают самым ясным образом план расположения местечка. Дно упомянутой небольшой долины начинается прямо у подошвы Меженной горы таким сильным вдавлением, что здесь образовалось небольшое озеро. Затем это дно поднимается, образуя умеренно высокое плато, на котором выстроена официальная часть города, и, наконец, в самой южной своей части быстро и круто падает

под уровень моря, покрываясь небольшой бухтой Петропавловского порта.

На упомянутом плато, между бухтой и озером, расположены, окаймляя улицы и площади, почти исключительно казённые дома, стоящие очень просторно. Число этих домов, по сведениям канцелярии губернатора, простиралось до сорока. Посередине, на свободной площади, помещалась православная церковь. Далее — большой губернаторский дом, окружённый садом, канцелярия, госпиталь, аптека, несколько казарм для команды, некоторое число жилых зданий для офицеров и чиновников, квартиры духовенства и здание Российско-Американской компании.

К этой лучше выстроенной казённой части города непосредственно примыкает неофициальная, расположенная вдоль восточного берега маленькой губы и образующая пять параллельных с ним вытянутых рядов. Начиная от самой воды и распространяясь на одну треть высоты Шестаковской пади, постепенно поднимаются дома с их небольшими огородами. Домов здесь всего сто шестнадцать. Весь Петропавловск построен исключительно из дерева, причём все частные дома крыты тростником и длинной травой, казённые же — железом. В самом конце бухты, непосредственно на берегу, стоят строения морского ведомства: гауптвахта, несколько магазинов, пекарня и несколько небольших мастерских. Девять маленьких ключевых ручьёв текут по небольшим ущельям и рвам с горы и протекают через городок, доставляя обывателям прекрасную ключевую воду для питья. Из этих ручьёв семь впадают в бухточку, два — в озеро. На всех местах пересечения ими улиц находятся простенькие мостики.

По переписи 1852 г. весь описываемый городок имел всего 1 593 жителя (1 178 мужского и 415 женского пола). Если считать особо двух священников при православной церкви, нескольких американцев, небольшой персонал Российско-Американской компании и русских купцов, то в противоположность этой вольной части населения вся остальная была на казённой службе и состояла из матросов, нескольких казаков, чиновников и офицеров с их семействами. Последние принадлежали к лучшему обществу, принятому также в доме губернатора и всего состоявшему из восьмидесяти человек обоего пола. Главными центрами, где собиралось общество, были дом губернатора, затем семейства агента Российско-Американской компании Больмана и флотского офицера Губарева. У прочих семейных служащих редко когда собирались. Значительное большинство чиновников представляло хо-

лостой народ, и среди них господствовало самое живое общение. Редко проходил день или вечер, когда бы не собирался больший или меньший кружок. К сожалению, из-за отсутствия других интересов здесь очень процветала карточная игра.

Большинство чиновников и офицеров были обходительные, иногда даже очень симпатичные личности, о которых я вспоминаю с благодарностью и удовольствием. Тесное общение между собой и отрезанность от всего прочего мира придавали всему обществу большую сплочённость и интимность, причём, однако, вполне соблюдались взаимное уважение и учтивость. Вообще господствовали полная весёлость и довольство, развлечения были весьма незатейливы. Всякий, желающий отдохнуть и освежиться от дневной работы, находил вечером открытые двери и сердечный, радушный приём у своих знакомых. Подобно большой семье, прожили мы зимние месяцы, деля радости и горе, всячески друг друга поддерживая и развлекаясь.

Большие празднества устраивались лишь у губернатора, потому что это было возможно только при его средствах и просторном помещении. Кроме того, во всех домах охотно справлялись именины, причём собиралось более или менее значительное число гостей. В семейных домах такие собрания сопровождались танцами, у холостяков — пуншем. Такого рода большой вечер, именно бал у губернатора, предстоял в скором времени. Особенную деятельность проявляли дамы, заранее приготовляя себе туалеты.

Но до того, именно 1 ноября, Завойко собрал всё мужское население для прокладки проезжей дороги, первой в Камчатке, от главного города, то есть от Петропавловска, и до Авачи, в двенадцати верстах расстояния от него. Вся команда, имея во главе офицеров и чиновников, с песнями и в отличнейшем настроении отправилась на работу, вооружённая топорами, лопатами и граблями. Команда была разбита на маленькие партии, из которых каждая получила участок пути.

Сам Завойко шёл во главе всех, выбирая наилучшую местность и размечая весь путь. Были приняты также должные меры насчёт обильной пищи и питья. Ко времени трапез по всей линии разгорались огни, а вскоре закипали и котлы. Всё вместе скорее напоминало сельский праздник, чем тяжёлую работу. Отдельные партии соперничали друг с другом в работе, всякая старалась первой покончить свой урок. Так провели мы очень весело три дня, а 3 ноября работа была окончена. Так возникла первая настоящая проезжая дорога в Камчатке...

В ясные дни по прекрасной дороге почти ежедневно устраивались поездки. Смеху и шуток было более чем довольно при упражнениях такого множества новичков в камчадальском искусстве. Сильный и здоровый моцион на свежем воздухе поддерживал прекрасное настроение и возбуждал охоту ко всякого рода затеям и развлечениям. Так последние недели перед Рождеством и первые после него прошли в сплошном веселии.

Завойко решил совершить в половине января 1852 г. объезд с целью обревизовать вверенный ему край и распространить свой объезд до Ижигинска (Гижиги. — *Ред.*). Предполагалось хорошенько повеселиться в течение нескольких недель, остававшихся до этой поездки. Ряд увеселений должен был начаться с лотереи, которую жена губернатора желала разыграть в пользу училища для девочек, устраивавшегося в Петропавловске. Дамы пожертвовали для лотереи множество разных работ, и при общем участии розданы были выигрышные билеты.

21 ноября, в пять часов вечера, в доме губернатора должен был состояться розыгрыш. Было разослано множество приглашений к участию в этом. Самый акт розыгрыша был непродолжителен, но сопровождался многочисленными шутками. Фортуна щедро одарила приглашённых. Между прочим, и я не был обижен ею. Но более выигрышей меня обрадовало сообщение Завойко о том, что он выбрал меня спутником и секретарём для путешествия и что я должен готовиться к этой миссии. Для меня представлялось очень заманчивым познакомиться с такой обширной частью полуострова также зимою. И хотя с самого начала решено было, что путешествие будет совершено очень, очень скоро, я всё же мог хоть мельком увидеть всё новое и получить предварительную ориентировку.

Пока шли наши переговоры, гости угощались чаем. Вдруг раздались звуки танцев — это играл здешний оркестр. Общество было очень невзыскательное и весёлое, охотно пользовавшееся всяким поводом повеселиться. Таким образом, и этот оркестр — три скрипки, треугольник и турецкий барабан, сперва вызвавший улыбку изумления, тем не менее, сейчас же вовлёк всё общество, по крайней мере восемьдесят человек, в самые оживлённые танцы. Завойко и его жена не переставали поощрять гостей к деятельному участию, так что собравшиеся в губернаторском доме непринуждённо и без претензий на бальные туалеты протанцевали до трёх часов утра.

Танцы были общеевропейские, за исключением одного нового и специально камчатского. Это — восьмёрка, род кадрили, с бесчис-

ленными фигурами, но вместе с тем настолько весёлый, что таким юнцам, какими мы тогда были, доставил полное удовольствие.

В то время как залы дома Завойко были залиты светом и оживлены весёлыми лицами, на улице разразилась настоящая непогода. Поднялась сильнейшая пурга, навевавшая целые горы снега. Теперь возник вопрос: как дамам вернуться домой? Вопрос этот разрешён был также скоро, как и возник. Кавалеры вернулись к себе, надели куклянки и торбаса, запрягли собак в сани, посадили в них старательно закутанных дам и в бурю и вьюгу развезли их по домам. Итак, первый танцевальный вечер в Петропавловске закончился чисто камчадальской жанровой картиной.

В этом случае собаки сослужили нам службу по поводу веселья, но в скором времени их услуги потребовались в грустном деле. 24 ноября у Завойко родилась дочь, умершая сейчас же после поспешного крещения. 26 ноября маленький труп отправлен был на место последнего успокоения. Это печальное происшествие прекратило на время собрания в губернаторском доме. Но, тем не менее, небольшие кружки продолжали собираться на квартирах холостяков.

Как раз в это же время началась усиленная деятельность у всех, имевших какие-либо сношения с Европой. Требовалось подать о себе признаки жизни, и всюду засели за письма. От почтовой конторы получено было уведомление, что обычная зимняя почта отправится 11 декабря и что письма могут подаваться лишь до 10-го. Отход почты, возможность лишний раз снестись с дорогой родиной — всё это возбуждало у нас совершенно особое радостное оживление.

Ординарная почта отправлялась только дважды в год: зимою, сухим путём через Ижигинск, следовательно, вокруг Охотского моря, и летом — водою на Аян. Для каждого из них всякий раз особо устанавливались дни отхода, постоянных же сроков не было. Иногда, правда, летом уходило ещё одно судно, или зимою, по какому-нибудь особенному поводу отправлялся курьер, захватывавший с собою и письма, но на такие случайности, конечно, никогда нельзя было заранее рассчитывать.

Для этих двух или трёх отходящих и стольких же приходящих почт казна содержала не только почтмейстера, но ещё и помощника почтмейстера. Это были какие-то очень тёмные личности, при обыкновенных обстоятельствах не видные и не слышные. Известно только было, что они отличались очень забавными странностями и жили в крайней бедности, в одном из самых дальних домиков города.

Но теперь, когда почта стала готовиться к уходу, эти господа внезапно сделались средоточием общего интереса. Они чаще стали появляться на улице и величественно раскланиваться с обывателями. В своём домике они убрали в сторону скудную мебель и, выставив почтовые аппараты, придали комнате вид почтовой конторы. Для приёма писем был устроен прилавок, по стенам развешаны карты, пистолеты и сабли, на полу лежали почтовые чемоданы. Посреди комнаты стоял крытый зелёным сукном стол с зерцалом и уставами.

Когда 10 декабря я явился в эту почтовую контору, чтобы сдать очень объёмистую корреспонденцию, то застал обоих господ, едва ответивших на мой поклон, сидящими в форме за зелёным столом и проникнутых сознанием всей важности своего положения. Помощник, как состоящий в несколько низшем ранге, поднялся, наконец, с места и принял мои письма для передачи своему начальнику. Последний в свою очередь принял, осмотрев их, предложил мне и своему помощнику несколько праздных вопросов, велел подать то то, то другое, записал что-то и через полчаса милостиво отпустил меня. Этим двум чудакам приходилось не более двух раз в году пребывать на высоте своего положения. Немудрено, что они старались по возможности протянуть такое время, чтобы не впасть сразу в прежнее ничтожество.

Описываемая почтовая конторка представляла одно из многих шаблонных учреждений, совершенно напрасно обременявших государственный бюджет. Кто знал страну, не обинуясь, сказал бы, что почтовая контора с одним, а тем более с двумя чиновниками является совершенно излишним учреждением. Канцелярия губернатора могла бы также исправно упаковывать и отправлять обыкновенную почту, как ей это постоянно приходилось делать при отсылке с нарочно отправляемыми курьерами. В таких случаях почтовым чиновникам не было никакого дела до писем, а их отправлялось никак не менее, чем с обыкновенной почтой.

Впоследствии нам пришлось видеть ещё более забавные вещи. По всей России было сделано распоряжение, чтобы общеизвестные теперь почтовые ящики были вывешены по улицам городов, что доставило немалое удобство публике. Петропавловск тоже носил название города, даже губернского. Это название, а конечно не место, требовало почтовой конторы, контора — почтмейстера, почтмейстер в свою очередь уже нуждался в помощнике.

Наконец, вышло предписание, чтобы пред дверьми всякой почтовой конторы висел почтовый ящик. И вот из Петербурга

посылается такой, выкрашенный в серый цвет, деревянный ящик в Петропавловск за тринадцать тысяч вёрст. Присылается, конечно, чтобы остаться осуждённым на вечную пустоту. И в самом деле, какому глупцу при такой невероятно редкой возможности подавать о себе вести пришло бы в голову бросать в ящик письма за месяцы, недели и даже часы до отправления почты? Только при полном незнакомстве со страной и её потребностями мыслимы были такие вещи!

Вместо того чтобы идти навстречу самым элементарным потребностям населения, здесь следовали гораздо более дорогостоящему русскому шаблону. Если бы вместо таких бесполезных, можно сказать смешных, расходов употребили те же суммы для отправки одной-другой лишней почты, то это, несомненно, принесло бы больше пользы, право!

...Праздник Рождества был уже очень близок, и всюду шли самые деятельные приготовления к разнообразным увеселениям. Предполагалось протянуть праздничное веселье далеко за Новый год. Благодаря же общим стараниям, оно так и вышло.

Прекрасный германский обычай — встречать сочельник при сиянии ярко освещённой ёлки — укоренился также во многих русских семьях, так что в Петропавловске из окон многих домов по снегу далеко отражался свет зажжённых на ёлках свечей. Я здесь имел удовольствие провести этот вечер в доме губернатора и видеть неописуемый восторг его многочисленных детей. Всё напоминало о чудном празднике на родине, только форма дерева представлялась несколько чуждой. Сосна и ель отсутствуют на всём юге Камчатке, а потому приходилось готовить искусственную ёлку, а именно: прилаживая друг к другу и связывая искривлённые и изогнутые во всех направлениях ветки ползучего кедра, единственного здесь представителя хвойных. Но дети, выросшие здесь и никогда не видевшие настоящей ёлки, находили и такую подделку великолепнейшим деревом. Может быть, даже в зрелые годы, уже будучи в Европе, они скучали по родному кедровнику, с которым у них связаны воспоминания детства.

Утром в первый день праздника состоялось торжественное богослужение в православной церкви, потом пошли бесконечные визиты — сначала к губернатору, потом друг к другу, так что мы все, хорошо знакомые между собой, в течение дня встретились и обменялись поздравлениями почти столько же раз, сколько домов в городе. Только большой обед у Завойко, за которым

опять собралось всё здешнее общество, положил конец этому рвению поздравителей.

26-го состоялся большой танцевальный вечер у семейного офицера Г., 27-го всё общество опять собралось на балу у Завойко. Все были необыкновенно веселы и опять главным образом танцевали восьмёрку. Затем 28-го в казарме происходило театральное представление, на которое матросы пригласили своё начальство. Давались ими различные сцены из народной жизни, причём главная пьеса заключалась в исполнении любимой песни о Волге. Пение сопровождалось пантомимой. Представление закончилось общими танцами, при которых мы оставались ещё некоторое время в качестве зрителей.

По сибирскому обычаю во всех городах и деревнях от Рождества до Нового года ходят ряженые. Так было и в Петропавловске, где улицы оживились разгулявшимися участниками маскарада. Маскам разрешалось по одиночке или группами заходить в любой дом, протанцевать что-нибудь или разыграть какую-нибудь шутку и затем отправляться дальше. Лица из высших классов также не брезгали участием в этих импровизированных танцах. Так, 30-го в дом Завойко явилась костюмированная компания, удалившаяся лишь после нескольких часов самой весёлой пляски. Гости не прочь были остаться по здешнему обыкновению хоть до утра, но нам предстояли ещё два бала, и оба у хлебосольного губернатора.

31-го должна была состояться у него встреча Нового года в обществе многочисленных гостей, и все вообще бывавшие у Завойко собрались по этому случаю. В двенадцать часов ночи танцы прерваны были барабаном и шампанским. Посыпались поздравления, а затем мы начали Новый год самыми весёлыми танцами. 1 января после богослужения опять сделаны были всеобязательные визиты, а вечером всё общество снова собралось у Завойко. На этот раз состоялся поистине очень удачный маскарадный бал, для которого костюмы изготовлялись ещё за несколько недель до этого. Фигурировали преимущественно восточные народы: виднелись китайцы, японцы, тунгусы, камчадалы, чукчи, но не отсутствовали и турки, тирольцы, испанцы и греки. Для Петропавловска общество было очень блестящее. Приходилось даже изумляться тому, как можно иметь здесь такие разнообразные и роскошные туалеты.

Наскучив, наконец, бесконечными танцами последних дней, мы для разнообразия затеяли 2 января большой пикник в окрестности. Около тридцати саней, больших и малых, запряжённых пятью-девятью собаками, пронеслись по главной улице к небольшой при-

брежной речке Калахтырке, протекающей к северу от города. Здесь, в открытом поле, мы закусили привезённой провизией. Тут же, на берегу реки, протекающей по роскошным и обширным лугам, находился портовый коровий хлев, где за коровами присматривали три старых матроса. Последние ежедневно доставляли молоко в губернаторский дом, откуда оно распределялось по самым большим семьям. И не одна мать от всего сердца была благодарна губернатору за такое благодетельное учреждение.

Повеселившись в компании и вдоволь посмеявшись (особенно много смеху возбуждали камчатские торбаса и куклянки, надетые как дамами, так и кавалерами), мы вперегонку направились домой, причём не обошлось без опрокидывания саней, очень забавлявших всё общество. Дома мы были с наступлением темноты.

Утром 3 января опять тронулся длинный ряд саней из Петропавловска к деревне Аваче. Но это были не лёгкие сани с весёлыми седоками, как вчера, а исключительно тяжело нагруженные товарами нарты. Общество русских купцов отправилось в сопровождении прикомандированного к ним чиновника в объезд Камчатки. Караван представлял как бы передвижную ярмарку, ежегодно зимой обходившую полуостров и нередко проникавшую до самого Крайнего Севера. Уже выше я упоминал об этих торговых объездах, здесь же мне только остаётся подтвердить ранее сказанное.

Прошло несколько дней необходимого отдыха, после чего можно было приступить со свежими силами к предстоящим ещё увеселениям. Неженатые молодые чиновники и офицеры считали себя обязанными задать и со своей стороны бал и пригласить на него губернатора с супругой, а также всех дам и вообще семейства, в которых были приняты. Устроители торжества распорядились освободить и вычистить большую казарму, а затем богато и со вкусом украсили её флагами. Задолго до самого торжества начались приготовления, и, наконец, последовали приглашения на 6 января. Более восьмидесяти человек в изящных туалетах наполнили по-праздничному разубранные и освещённые комнаты. Опять танцевали до утра. Приглашённых угощали самыми изысканными кушаньями и тонкими лакомствами.

Но и это большое собрание не было последним, потому что после него последовали приглашения на большой танцевальный вечер. Г. Больман, родом из Ревеля, комиссионер Российско-Американской компании, и его чрезвычайно приветливая жена пригласили к себе всё общество на 8 января.

После гостеприимного губернатора Завойко господа Больман и Губарев прилагали наибольшее старание усладить жизнь обывателям Петропавловска, этого почти герметически замкнутого от прочего мира уголка. Так и 8 января прошло очень оживлённо и весело, тем более что, как все хорошо знали, это был последний вечер в длинном ряде увеселений: в ближайшие затем дни губернатор собирался отправиться в объезд, в котором и я должен был сопровождать его. Предстояло, следовательно, множество сборов...

Чиновники, большинство которых приезжают сюда из-за тридевяти земель, никогда не стараются изучить по существу страну и её население. Они приступают к делу с совершенно чуждыми стране взглядами и затевают соответственные этим взглядам преобразования. Нисколько не подготовленные к административной деятельности, без всякого политико-экономического образования, они хотят привить чуждые ростки на совершенно не подходящей для этого почве. Естественно, что такой режим не может не терпеть постоянных неудач. Это же, отчасти, составляет причину того, почему такие страны, как Сибирь и Камчатка, не идут по пути правильного развития.

Истинная задача благомыслящих дельных чиновников, желающих содействовать улучшению народной жизни, заключается в том, чтобы помогать и способствовать самобытному развитию вверенного им населения, а не управлять по шаблонам, взятым издалека, выработанным при совершенно других условиях жизни. Они не должны также считать всё существующее надлежащим упразднению единственно потому, что оно им незнакомо и непонятно, и находить подходящим для всякой страны только то, что они знали у себя на родине. Когда власть в руках таких людей, они всё гнут в дугу. Для них главное — доклад высшим властям о произведённых реформах. Доклад должен выставить в розовом свете все великие нововведения и иметь в результате повышение в чине, получение ордена и денежные награды. Такой человек поступает на службу не для блага страны или народа, а исключительно только ради собственных интересов. Служба в отдалённых окраинах связана с большими выгодами. Чиновник быстро выслуживается и затем преследует свои личные, честолюбивые и своекорыстные цели, нисколько не заботясь о пользе края, а следовательно, и государства...

Прибыв в Петропавловск, я едва узнал этот уголок: так много выпало за это время снега. Некоторые из маленьких домов почти

совершенно исчезли под снегом, и улицы так поднялись, что из окон нужно было буквально смотреть вверх, чтобы увидеть прохожих. Одновременно с этим температура была постоянно умеренная, именно набольший мороз был семь-восемь градусов и только единственный раз дошло до минус двенадцати.

Утро 1 февраля принесло нам большую радость, потому что ночью прибыл из Иркутска курьер с множеством писем и газет. Одновременно с тем пришло много наград и производств для чиновников. Между прочим, я получил письмо от моей матери, которое, как и все другие, писанные этой дорогой рукой, было полно заботливости обо мне...

Следующие месяцы моего пребывания в Петропавловске перед первой летней поездкой представляют, в общем, так мало достопримечательного, что я относительно всего этого времени могу ограничиться лишь самым кратким очерком.

Февральские дни были большею частью очень хороши, и солнце начинало понемногу пригревать. В половине месяца уже появилась маленькая белая птичка, похожая на воробья, которой не было видно зимой.

Только пять дней, именно 6-го, 10-го, 22-го, 23-го и 25-го были вьюги при южном и юго-восточном ветрах. Они принесли такие ужасные массы снега, что 24-го, например, пришлось созвать всю команду для очистки домов хоть настолько, чтобы высвободить двери, окна и трубы и избавить крыши от громадной тяжести. Температура в феврале была большей частью четыре-шесть градусов мороза, наибольший мороз равнялся минус восьми градусам.

Вся наша общественная жизнь потекла просто и тихо, чему, конечно, способствовал начавшийся 11-го пост. Вообще здешние обыватели, а особенно семья губернатора, строго соблюдали все церковные постановления. От времени до времени ещё устраивались поездки и небольшие собрания, но все очень скромные.

Первая половина марта также принесла с собой довольно сильные вьюги. Они свирепствовали 2-го и 3-го числа, а затем ежедневно от 8-го до 12-го и, наконец, 14-го. Напротив, всю вторую половину месяца стояла прекрасная погода. Самый большой мороз достигал минус пяти, а на солнце термометр часто показывал несколько градусов тепла. Нередко встречались уже прилётные птички, и среди них опять небольшая, беленькая с жёлтой головкой. На большой Авачинской губе уже слышны были громкие голоса разных водяных птиц и часто виднелись большие стаи их, то взлетавших, то опять садившихся. 15 марта выгнало последний

лёд из большой губы в море, так что только маленькая бухта ещё оставалась покрытой льдом. В последние мартовские дни снеговые массы заметно уменьшились, то есть сильно осели. Местами выступала обнаженная земля.

В саду у Завойко также шла оживлённая деятельность, так что 25 марта за обедом мы были неожиданно обрадованы свежим салатом и редиской, выращенными в губернаторских парниках...

7 марта оживился и порт. Началось снаряжение судов и починка лодок. С транспорта «Иртыш» стали выгружать жернова, привезённые на нём из Аяна. Я был очень удивлён, увидев давно знакомый мне финляндский рапакиви — гранит, имеющий такое разнообразное применение в больших монументальных постройках Петербурга. При этом я узнал, что камни действительно привозятся в Аян вокруг света на судах. Это было так наивно и глупо, что я просто своим глазам и ушам не хотел верить! Здесь, в стране прекрасных лав и трахитов, превосходящих своей добротностью французские и рейнские жернова, эти породы остаются без употребления, и в то же время сюда привозят из чрезвычайно удалённых мест каменные массы, негодные даже для жерновов по своей мягкости! Сколько другого груза, действительно крайне ценного для этой бедной страны, можно было бы привести вместо ненужных каменных глыб!

В этот же день сюда прибыла ординарная зимняя почта из Аяна через Ижигинск, и снова доставила письма и известия в наш страшно отрезанный от мира уголок. Никаких особенных новостей, однако, не оказалось. Некоторое внимание возбудило лишь то обстоятельство, что Камчатка получила новый, утверждённый императором герб: три заострённых действующих вулкана среди серебряного поля.

С середины марта в Петропавловске почти ежедневно появлялись камчадалы, чтобы здесь, в центре торговли, променять свою добычу. Отсюда они возвращались домой, обильно нагруженные желанным товаром. Завойко приучил их к такому способу торговли, чтобы по возможности оградить этих бедняков от алчности странствующих торгашей. Эти поездки камчадалов из году в год всё больше распространялись, и в настоящем году уже появились жители более отдалённого севера...

Все дома в Петропавловске были теперь переполнены приезжими, так как каждый камчадал имеет здесь своих знакомых, гостеприимством которых и пользуется. По здешним понятиям считается

совершенно в порядке вещей запросто приезжать к хозяину и жить у него на хлебах. Так уж принято повсеместно во всей Камчатке. Домовладелец прямо щеголяет числом своих гостей, а полное их отсутствие считается неприличным.

Благодаря множеству приезжих можно было узнать также кое-какие новости изнутри страны. На Ключевской сопке в феврале и начале марта виден был огонь. То же наблюдали приезжие и на Авачинской сопке. Один старик из Милковой, Кокшарёв, сообщал как о чём-то несомненном, что дождь пепла в Милковой пришёл с Семячика, притом с Большого, которого отнюдь не следует смешивать с Малым Семячиком, вулканом, находящимся недалеко от первого. Итак, в сентябре 1851 г. Большой Семячик был в полной деятельности. Кокшарёв, благодаря своим охотничьим странствованиям, был очень известен в той местности и передавал это известие как не подлежащее ни малейшему сомнению.

Купцы довели свою зимнюю поездку этого года до северных олюторцев и навезли всевозможные сокровища. Сверх дорогих пушных зверей они приобрели большое количество оленьих шкур, идущих на шубы, выделку кожи и другие надобности. Эти шкуры носят в торговле разные названия, смотря по возрасту доставившего их животного. Соответственно этому они также получают различное применение и представляют неодинаковую ценность. Олени телятся в феврале, марте, а также ещё в апреле. Самые молодые животные доставляют наилучшие и наиболее ценные шкуры. Животные, зарезанные в апреле и мае, доставляют самые дорогие шкуры, так называемые выпоротки; шкуры убитых в июле — пыжики; сентябрьские — недоросли; шкуры старых оленей — постели. Сверх того в торговлю идут ещё два сорта оленьей кожи, высоко ценимые во всяком хозяйстве. Во-первых, дымлянка, то есть прокопчённая и потому крайне прочная, долговечная кожа; во-вторых — ровдуга, сорт, приготовляемый вроде замши.

Большинство оленьих шкур приходит от чукчей и коряков. Почти все без исключения куклянки, употреблявшиеся в Петропавловске, были коряцкой работы, которая легко узнаётся по красоте широкой узорчатой обшивки...

30 марта мы праздновали Светлое Воскресенье. После торжественного богослужения в церкви, при котором обязательно было всем присутствовать и которое продолжалось до двух-трёх часов утра, все прямо из церкви отправились для поздравления в дом губернатора, где для собравшихся на длинных столах выставлено

было обильное угощение. Мы закончили пост за столами, ломившимися под тяжестью разных мясных, яичных и молочных блюд. После этого угощения, продолжавшегося почти до шести часов утра, начался обмен визитами. В ближайшие дни состоялось опять несколько вечерних собраний, а Завойко устроил даже бал.

Апрель был уже решительно весенним месяцем, хотя в городе оставались ещё очень большие снежные массы. Но эти массы все более и более съёживались и заметно стали исчезать. Днём совсем уже не было морозов, а ночью лишь изредка, да и то небольшие. С другой стороны, стали перепадать дни, в которые тепло доходило до девяти-десяти градусов. К тому же уже в начале апреля было несколько дождливых дней, очень сильно уменьшивших количество снега.

Даже довольно сильный снег, выпавший 6-го, 7-го, 11-го, 18-го и 28-го, доставил собственно больше воды, чем снега, и имел почти то же влияние, что и дождь.

Перелётные птицы стали уже появляться в большом числе, и 13-го апреля высоко в воздухе раздалась впервые весёлая весенняя песнь жаворонка. Бухта уже живилась тысячами водяных птиц, нередко поднимавших оглушительный крик. 7 апреля сильный ветер освободил ото льда вход в малую бухту, и вслед за тем немедленно потянулись туда большие стаи сельдей.

В течение Пасхи меня навестил мой старый приятель Машигин из Старого Острога, который принёс мне кое-какие каменные орудия, вырытые им из старых, давно заброшенных камчадальских землянок. Старик сообщил мне, что такие старые, давно разрушенные и провалившиеся земляные юрты часто встречаются на восточном берегу Камчатки и что при раскопках в них находят разные предметы, каковы: каменные орудия, моржовые зубы, кости, черепки очень грубых глиняных сосудов, колья и куски дерева. Принесённые мне предметы состояли из обсидиановых и яшмовых наконечников стрел, затем из плоских продолговатых орудий, сделанных из того же материала и на одной стороне с округлённым заострённым краем. Совершенно подобные этим орудия я впоследствии нашёл ещё в полном употреблении у коряков: коряцкие женщины отскабливают такими камнями шкуры при выделке кожи.

Обсидиан, тёмные серо-зелёные яшмы и другие, богатые кварцем, и диоритовые сланцы — вот породы, которыми древние обитатели страны, по-видимому, особенно охотно пользовались для выделки подобных орудий.

Вместе с общим пробуждением природы у местных жителей проснулась охота работать. Завойко был в своей стихии. Он мог

обнаруживать деятельность, распоряжаться, хозяйничать. Всюду, в особенности в гавани, кипела работа. Ещё в апреле Завойко задумал построить несколько новых батарей и тогда же принялся за дело. Одна из них на Сигнальном мысу, у входа в малую бухту, и, стало быть, перед гаванью, была уже готова и украшена двумя военными флагами. Две других, у входа в Авачу, ещё строились. Повсюду встречались рыбаки с сетями, спешившие воспользоваться непродолжительным ходом чавычи. На судах и лодках шла самая напряжённая деятельность с целью вооружения их для предстоявших морских путешествий и поездок.

4 мая открылась и навигация — в этот день пришло сюда первое судно, именно американский китобойный барк «Фортуна». Судно это побывало уже за охотой в Беринговом проливе, но капитан по фамилии Гэдэв (Hadduve) там очень серьёзно захворал, и судно вернулось поэтому сюда, чтобы доставить медицинскую помощь больному. Болезнь его заключалась в сильно развившимся страдании лёгких, он которого он скоро и умер. Но судно отправилось затем на промысел под командой штурмана.

8-го прибыл китобой под русским флагом, большое трёхмачтовое судно «Суоми», под командой капитана Хасгагена. Это был первый китобой под таким флагом и вместе с тем первый опыт состязаться на поприще китобойного дела с другими нациями. Понятно, следовательно, что появление «Суоми» приветствовано было с большой радостью.

Давно уже пора была самим взяться за этот промысел, а не оставаться лишь праздными зрителями того, как чуждые народности поживляются в свою пользу большими богатствами русских морей — Охотского и Берингова.

Завойко со своей стороны сейчас же в честь «Суоми» и его капитана задал торжественный обед, к которому пригласил много гостей. Это судно было выстроено в Финляндии и составляло собственность одной акционерной компании в Або. 15-го явился небольшой бременский бриг «Лиина» под командой капитана Денкера, а 20-го — большое трёхмачтовое судно Российско-Американской компании «Атха» под командой капитана Риделя. «Атха» пришла прямо из Петербурга и осчастливила не одного из петропавловских обывателей массой привезённых писем и пакетов. Я тоже был обрадован большой посылкой от моей матери — прекрасной двустволкою, служившей мне впоследствии неизменно полезным спутником во всех моих разъездах. Почти одновременно с «Атхой» пришло небольшое двухмачтовое судно с разными

товарами из Нью-Йорка, а 28-го — опять показался в нашей гавани хорошенький корвет «Оливуца», прибывший с Ситхи.

Мы разом чрезвычайно разбогатели. Опять появились всякие запасы, материи для платья, провизия, разные предметы роскоши и т. д. Так как эти суда к тому же явились почти все из-под тропиков, то повсюду в изобилии виднелись ананасы, кокосовые орехи, арбузы, мандарины и т. п.

Но нам предстоял ещё сюрприз, приготовленный несколько авантюристской компанией. 18-го, при прекрасной, тихой погоде показалось несколько вельботов, которые, идя с моря, на вёслах приближались к Петропавловску. То ехали капитан и команда с американского китобоя «Георг». Капитан очень наивно рассказывал, что судно, получившее течь, лежит в бухте вне Авачинской губы и что он приехал со своими людьми искать случая вернуться на родину. Капитан Денкер согласился за известное вознаграждение выйти со своим бригом «Лиина» и снять, буде возможно, «Георга».

30-го оба судна были уже в гавани. Американец застраховал в высокой сумме своё уже не совсем новое судно и теперь, наскучив им и желая сделать выгодную аферу, в прекраснейшую погоду и в совершенно защищённой бухте навёл его на камень. Судно со всеми принадлежностями было затем за небольшую сумму куплено Завойко, расснащено и в гавани вытащено на берег, чтобы служить магазином. Вельботы, же приобретённые вместе с судном, оказались новёхонькими и в наилучшем виде...

Распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва исправляющему должность военного губернатора Камчатки В. С. Завойко от 24 ноября 1851 г. № 1002

Вследствие всеподданнейшего доклада моего об укреплении Авачинской губы князь Меншиков и военный министр объявили мне высочайшее соизволение на устройство батарей, а также на устройство телеграфического или укреплённого поста при входе в Авачинскую губу с другими промежуточными постами для сей же цели по взаимному сношению моему с начальником Главного морского штаба. Между тем, бывший начальник Камчатки представил мне план четырёх батарей, устроенных им по указаниям моим собственно в Петропавловском порте.

Прежде окончательного представления по этим предметам мнения моего к его светлости, я желал бы иметь следующие местные соображения от вашего высокоблагородия:

1) признаёте ли вы достаточным наличие тех батарей, которые собственно устроены для укрепления Петропавловского порта, и не находите ли нужным устроить ещё какие-либо верки,

2) относительно укреплённого поста при входе в Авачинскую губу, который, конечно, должен быть на той же *О*-й стороне бухты, где и Петропавловский порт.

Где именно и на котором из мысов, то есть на Маячном, на Лагерном или на Изменном, предполагали бы вы таковой устроить?

Не лишнем считаю сказать, что, по моему мнению, при первоначальном устройстве одного только укрепления удобнее было бы не слишком удалять его от порта, и так как противу мыса Изменного фарватер *у*же других мест и сверх того батарея, устроенная на этом мысу, могла бы встречать входящие в пролив суда продольными выстрелами, то, кажется, этот пункт был бы лучший для устройства батареи.

Признавая также с моей стороны полезным, чтоб передовое укрепление было бы со всех сторон закрыто, и не менее как на 24 орудия большого калибра, я покорнейше прошу вас принять это в руководство к составлению самого плана для этого укрепления.

В заключение прошу вас сообщить мне как о тех, так и о других укреплениях, из какого материала предполагаете их устроить и какие средства для того употребите, имея в виду, что для скорейшего выполнения этого дела желательно, чтоб все средства были местные, в распоряжении и возможности вашем состоящие. Что же касается орудий, то таковые будут доставлены из Кронштадта на первом транспортном судне. От вас же необходимо иметь сведения, сколько их нужно, какого калибра и на каких станках. Все эти сведения, соображения и планы прошу отправить с первым судном, которое в навигацию будущего года пойдёт в Охотск или в Аян.

Генерал-губернатор Восточной Сибири
генерал-майор *Муравьёв*

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—2.

Сообщение В. С. Завойко штабс-капитану Лорчу от 19 марта 1852 г.

От 24 ноября 1851 г. за № 1002 я получил предписание г. генерал-губернатора Восточной Сибири, в коем, между прочим, значится: «Между тем бывший начальник Камчатки представил мне план четырёх батарей, устроенных им по указаниям моим собственно в Петропавловском порте».

С прибытием моим в Петропавловский порт я означенных батарей не нашёл, кроме одной на Сигнальном мысу, где стоят пушки, но с оной батареи не только действовать орудиями по неприятелю, но даже произвести учения невозможно, что и вы мне неоднократно объясняли. А посему предписываю вам немедленно мне донести, по какому случаю пришли в расстройство батареи в один год их построения?

И пушки, и станки на них не стояли, ибо станки для батарей, указанные его высокопревосходительством, некоторые только были начаты делаться до моего прибытия и ныне делаются при порте по моему распоряжению, кроме означенной батареи на Сигнальном мысу, на которой станки требуется заменить новыми, и дабы батарея была годна для защиты от неприятеля, то на сие требуется много работы и материалов.

Завойко

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 15. Л. 3—4.

Выписка из журнала входящей корреспонденции на имя исправляющего должность военного губернатора Камчатской области, февраль 1852 г.

С нынешней почтой я имел счастие получить от его императорского высочества государя великого князя генерал-адмирала рескрипт на моё имя от 16 августа 1851 г. № 704 следующего содержания: «Известный народный писатель наш В. Даль, служивший некогда во флоте, издал за несколько лет пред сим весьма полезную книжку для солдат под заглавием “Солдатские досуги”. Желая доставить матросам нашим подобное же чтение, я поручил г. Далю изложить в нескольких рассказах события, заимствованные из морской жизни, описать подвиги на море офицеров и нижних чинов, случаи неустрашимости и присутствия духа в опасностях, также морские забавы, игры и т. п., приспособить эти рассказы к понятиям тех, для кого они назначаются, и, стараясь объяснить посредством оных матросам их обязанности, возбудить привязанность к морской службе и уважение к доблестям отличных моряков и преподать полезные правила на разные случаи, встречающиеся в продолжение морских походов.

Для совершения этого труда необходимо дружное содействие г. Далю со стороны наших морских офицеров. Посему я прошу Вас пригласить от моего имени всех гг. офицеров: флотских, корпуса штурманов и морской артиллерии, находящихся в Камчатской

флотилии, сообщить г. Далю в виде материала для его сочинения те случаи, которые, по мнению их, могут быть помещены в оное, и уведомить о том же их знакомых морских офицеров, находящихся в отставке. Я желал бы получить от Вас список тех гг. офицеров, которые вследствие этого доставят г. Далю полезные сведения».

Имею честь рескрипт сей объявить гг. офицерам вверенного мне порта и просить их, буде кто имеет, сообщить мне к почте материалы для означенного сочинения для отсылки оных г. Далю.

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 16а. Л. 11—12.

Рапорт В. С. Завойко начальнику Главного морского штаба о деятельности в 1850—1852 гг. от 5 декабря 1852 г.

Имею честь представить при сем на благоусмотрение вашей светлости сведения о действиях моих по вверенному мне управлению Камчатской областью со дня вступления в обязанность камчатского военного губернатора.

Вступив в управление областью 5 августа 1850 г., я застал помещения в Петропавловском порте для склада казённого провианта и материалов, а также для жительства военных и гражданских чиновников и нижних чинов в самом неудовлетворительном состоянии.

Привезённый из Охотска провиант, мундирные материалы, экипажный цейхгауз и кораблестроительные вещи по недостатку помещения в магазинах лежали на открытом воздухе в сыром месте на берегу залива.

Доставленные из Охотска нижние чины, инвалиды и другого звания люди с семействами и малолетними детьми в числе 246 душ жили под открытым небом, не имея печей для приготовления хлеба, который вынужден был я дозволить печь в печах занимаемого мною дома. Прочие нижние чины жили в тесных и неудобных помещениях и от употребления постоянно одной солёной пищи и неимения огородных овощей заболели цингою.

Казённые дома, в которых также в тесноте помещались офицеры, по ветхости представляли только малую защиту от холода, ветров и дождя, не исключая дома, в котором жил я с семейством, претерпевая все лишения наравне с другими.

Между тем имелось в виду, что в 1851 г. прибудут по новому штату в значительном числе офицеры и чиновники военного и гражданского ведомств, которых не представляло уже никакой возможности поместить в означенных зданиях.

При таких обстоятельствах я имел для работ в первоначальном распоряжении своём за всеми должностными расходами по экипажу и караулу 26 человек нижних чинов. Остальные же и лучшие люди находились на судах, оставались в Охотске, отправлены были для устройства Петровского зимовья. К зиме по возвращении судов из походов число рабочих увеличилось от 100 до 120 человек, за исключением расходов на людей по экипажу и неспособных к работе. Из числа наличных потребовалось ещё отослать в Нижнекамчатск 40 человек. Лесу в наличности при порте было всего 240 лиственничных и 500 берёзовых брёвен до двух саженей длины.

Получив приказание г. генерал-губернатора Восточной Сибири войти к нему немедленно с представлением обо всех потребностях для флотилии и для постройки казённых зданий с планами и сметами и тотчас же приступив к таковым постройкам, я не имел возможности без дел, которые оставались в Охотске, и в короткое время отдыха транспорта почтою (в четыре дня) составить положительное и с соблюдением всех формальностей требование о материалах, почему донёс о сем его превосходительству приблизительно и приступил немедленно к постройкам теми небольшими средствами, о коих имел честь объяснить выше.

Из старого заброшенного, валявшегося в порту рангоута и из уделённого купечеством незначительного числа строительного материала я построил временные помещения: две юрты и сарай для сохранения доставленных материалов, исправил дома казённые и некоторые частные для помещения офицеров и разместил нижних чинов в переделанном из ротного цейхгауза в казарму и помещении во вновь устроенном флигеле на шести саженях длины, которое впоследствии обращено под квартиру двух штаб-офицеров.

Вместе с тем тотчас же принял действенные меры к оказанию пособия заболевшим цингою: закупить свежую провизию, какую только можно было достать, и разными средствами ободрялись люди, а через то достичь, что не только смертности не произошло, но к весне не было ни одного человека больного цингою, тогда как в прежние годы, как видно из дел морской госпитали, цинга не прекращалась в команде между некамчатскими уроженцами.

В Петропавловском порте существовало общее убеждение, что строевого лесу в окрестностях порта нет и что на собаках вывозить из лесу большие брёвна невозможно. Усмотрев из сего, что мне необходимо лично озаботиться отысканием леса, я отправился пешком в окрестные леса, отыскал строевой ветловый и тополё-

вый лес, указал средства вывезти его к месту сплава на собаках, распоряжался лично устройством плотов и сплавом добытых брёвен и таким образом, не щадя никаких трудов, из мест, считавшимися недоступными, приобрёл 7 737 лесин от двух с половиной до пяти сажени длины и от пяти до десяти вершков толщины, кроме мелкого лесу и досок. Материалы эти, перевезённые на судах из разных мест 526 лесинами, обошлись казне только в 9 693 руб., тогда как, рассчитывая по нынешним справочным ценам, обозначенным в акте комиссии, при сем представленном, они стоят здесь 24 850 руб. серебром.

Заботясь постоянно о заготовлении строительных материалов, я в течение 1850, 1851 и 1852 гг. добыл хозяйственными распоряжениями 15 886 штук лесу, 57 210 штук кирпичу, 924 сумы глины, 927 сум песку и 10 315 снопов травы для крыш вместо тёсу, всего на сумму 11 458 руб., тогда как, если бы заготовлять эти материалы по справочным ценам, то они обошлись бы в 32 435 руб. Следовательно, сделано для казны сбережение в 20 982 руб. серебром, что ваша светлость подробно изволите усмотреть из представляемого сего расчёта.

Из этих материалов выстроены две казармы в 26 с половиной и 18 сажень длины и 4 сажени и 1 аршин ширины, 10 флигелей в 3 сажени в квадрат, 1 флигель в 6 сажен длины, шириною 7 сажен и при нём кухня на длине 3 2/3 сажени, шириною в 3 сажени и один 4 сажени, магазин в 20 сажен длины 4 сажени ширины и ещё строится магазин в 12 сажен длины и 4 сажени ширины.

Из представляемого при сем краткого отчёта о суммах кораблестроительного департамента, также и строительного, ваша светлость изволите усмотреть, что от строительного департамента отпускается на постройку зданий и прочий ремонт в год 2 857 руб. серебром, а от кораблестроительного же на экстраординарную сумму, которую дозволено мне употреблять и на постройки, — 1 428 руб. серебром, а всего 4 285 руб., и из этой общей суммы в текущем году по увеличивающемуся числу офицеров и недостатку казённых зданий для помещения их на наём квартир употреблено 535 руб. серебром, на выдачу нижним чинам за работу 1 608 руб. серебром, на очистку зданий от нечистоты — 335 руб. Затем на все расходы по заготовлению леса на строительные материалы, как то: гвозди, парусину, краски, железо и прочие, а также и на непредвиденные расходы, как например, на содержание японцев, было в 1851—1852 гг., стоящие 745 руб., затем остаётся только 1 807 руб.

Сколько я ни изворачивался хозяйственными средствами и, получая возврат от других ведомств за отпускаемые из порта строительные материалы по справочным ценам, а не по тем, в какие они действительно обходились, пополнял строительную сумму, и хотя и приобрёл без всякого расхода значительное число материалов, как я всё имел вам честь выше объяснить, но за всем этим моим старанием я не мог не выйти из сметной суммы, штатом определённой, и вошёл в долг за материалы в другие департаменты 4 075 руб. А между тем заведовавший Охотским портом производил расходы на счёт означенной же суммы строительного департамента, занимая для расходов из других сумм департаментов, чего я не мог знать. Через эти обстоятельства и, кроме того, как я заготовлял материалы хозяйственным способом, хотя от этого и сохранил интересу казны противу справочных цен на 20 982 руб. серебром, но между тем за необходимое находил произвести расход, не определённый правилами отчётности, из сумм штатных ассигнований строительным департаментом, экстраординарной и комиссариатской, почему общего долгу составило 5 000 руб. серебром.

Без милостивого и снисходительного внимания вашей светлости я непременно должен подвергнуться взысканию по ревизии, но позвольте почтительнейше доложить вашей светлости, что, будучи принуждён в крайних обстоятельствах возлагать на нижних чинов усиленные работы, я решился дать для поддержания их здоровья улучшенную пищу и требуемую по работам и климату одежду и поддерживать рвение чаркой вина, что нижние чины по всей справедливости заслуживали. Осмеливаюсь надеяться, что ваша светлость во внимание сделанных мною выгодах казне и особенно затруднительных обстоятельствах, в коих я находился, не поставит мне сие в вину. Объяснив это вашей светлости, осмеливаюсь при сем представить выписку из книг о произведённом расходе и всепокорнейше просить утверждения вашей светлости.

За устройством объясненных выше зданий, помещений в Петропавловском порте всё ещё весьма недостаточно, так что ныне в одном флигеле на трёх квадратных саженях живут по два обер-офицера и за перегородкой у них семья нижнего чина, в казармах помещение тоже тесно, и что к зиме 1853 г. прибудут ещё флотские офицеры и также поступит пополнение экипажа, нижние чины, и посему необходимо озаботиться устройством помещения для 40 штаб и обер-офицеров и 250 нижних чинов. Кроме сего, надлежит построить госпиталь, гауптвахту, штурманское училище, присутственные места, мастерскую в порте, школу кантонистов, и что

устроить таковые помещения на остающиеся ежегодно от сумм кораблестроительного и строительного департаментов 1 807 руб. совершенно невозможно.

Я считаю долгом убедительнейше просить вашу светлость удостоить вниманием вашим стеснённое положение служащих здесь офицеров и нижних чинов от неимения должного помещения и благоволить разрешение мне употреблять на устройство для них необходимых помещений остаточные от ассигнованных для Петропавловского порта и флотилий по всем департаментам Морского министерства суммы, которые к предстоящему году простираются до 80 тыс. руб. серебром, на что имею честь ожидать благосклонной резолюции вашей светлости.

Осенью 1850 г. получено было в Петропавловском порте известие, что бот «Ангара» разбился, транспорт «Курил» погиб без вести, бриг «Охотск» за негодностью вытащен на берег у Петровского зимовья, бот «Кадьяк» потерпел повреждение и выбросил купеческие товары и часть казённого груза, транспорт «Байкал» с купеческими товарами не прибыл (зимовал на Сандвичевых островах).

С учётом этих обстоятельств в распоряжении моём в навигацию 1851 г. оставались транспорт «Иртыш» и тендер «Камчадал». Приняв во внимание, что судов сих недостаточно для развоза продовольствия по всем рейдам, и, не зная, будет ли ещё разрешено Российско-Американской компании доставлять муку в Петропавловский порт, я поставлен был в необходимость предупреждения пагубных последствий приступить к постройке новых судов, не ожидая на сие разрешения, почему немедленно отделил 40 человек нижних чинов к реке Камчатке, заготовил лес и хозяйственным образом построил окончательно бот и шкуну, которые готовы будут к навигации 1853 г.

Постройка оных замедлилась по неимению нужных материалов, которые я выписал из Российско-Американской компании, в том числе якоря и цепи на 2 тыс. руб. серебром, уплатив их из суммы, ассигнованной для расходов по порту, и так как при порте буквально не было шлюпки, то я построил плашкоут, поднимающий 2 500 пудов и годный под парусом делать переходы в Тарьинскую губу, датский ботик, 12-весельный катер, плоты для конопатки судов и, кроме того, купил шесть вельботов, за которые уплатил иностранцам частью дровами.

Транспорт «Байкал», претерпевший повреждения в прошедшем году при выходе из Охотска, по распоряжению моему тимберован,

сколько позволяли средства, на что израсходовано 1 182 руб. За всеми вышеозначенными расходами, за приведение судов, транспорта «Иртыш» и тендера «Камчадал» в исправность, за покупку для корвета в колониях парусины на полный комплект парусов и нового такелажа, кроме стоячего, для полного вооружения корвета с годичным запасом, я не вышел из ассигнованной штатом на поддержание флотилии ремонтной суммы.

Кроме того, устроена мною пристань, к которой подходят суда для нагрузки, сделана насыпь и распланировано место в порте, как значится на плане, прорублена дорога от порта до первого селения Авача на пространстве десять вёрст.

Для произведения в короткое время всех вышеобъявленных мною работ малым числом рабочих требовались неимоверные усилия. Несмотря на это, нижние чины, работавшие под личным моим надзором, можно сказать, без отдыха, кроме воскресных и табельных дней, имеют вид здоровый, бодрый и весёлый, так что иностранцы неоднократно изъявляли удивление бодрости и живости движения в работах. В порте весь экипаж имеет сверх положенного обмундирования несколько перемен тёплых рубах, что при здешнем климате служит сохранению здоровья нижних чинов и делает успех в работах. Экипаж имеет свой огород в таком объёме, что зелени в избытке. Цинга совершенно прекратилась.

До моего вступления [в должность] кантонисты жили у родителей, не имели не только форменной, но и никакой необходимой одежды, питались, по здешнему обычаю, квашеной рыбой, несли тяжёлые работы, как например, возили дрова на собаках и через то были слабосильны, болезненны, страдали кровохарканьем. По поступлению в матрозы редко кто из них дослуживал срок службы с пользою. Видя такой вред, я, несмотря на тесноту помещений, в первую же зиму собрал 30 человек кантонистов в исправленную мною развалину дома, обмундировал их экономическими средствами и дал хорошую, по возможности, пищу. Во вновь выстроенной казарме находится ныне налицо 51 человек кантонистов. Все они обмундированы и обучаются. Взрослые ходили в поход на корвете в навигацию сего года, и в будущем году 20 человек из них отправляются на корвете в заграничный поход бравыми матрозами. Надеюсь, что и впредь из кантонистов будут выходить в экипаж самые лучшие матрозы.

Камчатские казаки, исключая живущих в Усть-Приморском селении Камчатки, не имели никакого хозяйственного заведения.

В Петропавловске, Тигиле и в Усть-Приморском селении имели форменные казакины и оружие, Гижигинские же были в полном значении слова — толпа оборванцев-нищих, одетая зимою и летом в кухлянках, без малейшего понятия о военной службе, без оружия — во всей гижигинской сотне считалось восемь ружей без замков.

Оставив потребное число казаков для исправления полицейских обязанностей в Петропавловске, Гижигинске, Нижнекамчатске и Тигиле, я озабочиваюсь всех остальных, кроме усть-приморских, которые имеют хорошее хозяйство, переселять постепенно во вновь устраивающееся мною селение в четырёх верстах от Петропавловского порта и строго наблюдаю, чтобы в свободное от службы время казаки занимались скотоводством, огородничеством и рыбной промышленностью.

Переселено казаков в эту деревню десять семейств. Они построили уже себе дома, и все вообще прилично одеты и обмундированы в форму. Вполне надеюсь, что хозяйственный быт казаков устроится наилучшим образом, ибо выгодный сбыт петропавловским обывателям разных сельских произведений, доставка рыбы, дров и прочее послужит действительными к тому средствами. При увеличении же скотоводства настоящее поселение сделается ещё полезнее для жителей города, которые претерпевают недостаток в свежем мясе, питаясь постоянно круглый год солониной.

До вступления моего в управление Камчатской областью годовой доход города Петропавловска простирался всего до 170 руб. серебром, так что сего недостаточно было на самые необходимые городские потребности. Я нашёл и указал средства увеличить оный, так что за расходы на постройку показанных на плане мостов, на освещение города, которое мною установлено, и другие расходы, вновь явившиеся, остаётся городовой суммы 1 588 руб. серебром. На эту сумму предполагается построить гостиный двор в 10 лавок, которые по самому верному расчёту не только окупятся в короткое время через наём лавок, но и будут служить новым значительным источником городового дохода.

Торговля в Петропавловском порте производилась к совершенному отягощению жителей. Российско-Американская компания не имела достаточно товаров, составляющих местную потребность, и налагала на товары высокие цены, потому и сама торговля компании производилась без успеха. Здешнее купечество обращало всё внимание на торговлю в округе, где за бесценок покупало соболей

и другие дорогие меха. В городе владел, можно сказать, монополией торговли доверенный от купца Бордмана из Бостона — Нокс и брал за все товары неумеренно дорогие цены. Я поставил себе долгом объяснить главному правлению Русско-Американской компании существенные причины неуспешных действий её по торговле в Петропавловске и, получив её дозволение на право посредничества в торговых делах её в области, для обоюдных польз компании и жителей исходатайствовал понижение цен и высылку тех именно товаров, которые нужны для края. Через что, действительно, торговля компании получает в настоящее время выгодное направление для неё и жителей.

Дабы возбудить соперничество в торговле, я сделал известным о выгодах оной в Петропавловском порте на Сандвичевых островах, откуда прибыли два негоцианта с большим запасом товаров. С прибытием их на все товары тотчас же понизились цены, на некоторые до 100 %.

Благоприятные результаты таковых распоряжений обнаружились при закупке в 1851 г. для порта и госпиталей припасов и материалов по 10 тыс. руб. серебром, причём сравнительно цен, выписанных в расход на те же предметы в 1850 г., казна сохранила 2 609 руб. серебром. К сему долгом считаю присовокупить, что остаток Российско-Американской компании материалов и морской провизии приносят противу прежних закупок значительную казне выгоду.

По дошедшим до меня сведениям, что калифорнийский житель, уроженец Камчатской области Коряцкого селения Волков, по стечению разных обстоятельств оставшийся с молодых лет в Америке, ведущий там ныне обширную торговлю, объявил желание доставить в Петропавловский порт товары по выгоднейшим противу иностранцев ценам, если только дозволено ему будет безнаказанно посещать Камчатскую область и поселить здесь навсегда одного из сыновей своих.

Я с целью распространения торговли входил к господину генерал-губернатору Восточной Сибири об исходатайствовании ему, Волкову, высочайшего дозволения посещать безнаказанно для торговых дел вверенную мне область и поселить здесь своего сына, каковое дозволение и сообщено мне предписанием его высокопревосходительства от 10 генваря сего года за № 33.

Относительно торговли в округе имею честь объяснить, что камчадалы не знали прежде вовсе настоящей ценности пушных зверей. Местное купечество пользовалось их простотою и покупало

соболя от 3 до 3 руб. 50 коп. серебром, платя мелочными товарами по неимоверно высокой цене. Для истребления этого зла, последствием коего было нищенское состояние обывателей, я вынужденным нашёлся в виде опыта учредить ярмарочную торговлю по сёлам и деревням под надзором чиновников, которых обязанность была объявлять камчадалам настоящую стоимость мехов и цены, существующие на купеческие товары в порте.

Вследствие этого цены на пушных зверей увеличились сразу почти на 300 %, а торговцы из соревнования начали продавать товары свои гораздо дешевле.

Быт сельских жителей заслуживал особого внимания. Камчадалы жили в тесноте, по нескольку семейств в небольших домиках. Вся домашняя утварь их состояла в нелужёном котле, таком же самоваре и нескольких чашках. Питались по обыкновению кислою рыбою и не имели белья.

Все эти обстоятельства развели между ними болезни и, в особенности, гибельную проказу. Для улучшения быта камчадалов и крестьян, которые во всём приняли обычаи их, выстроено по распоряжению моему значительное число домов, приняты меры обучения купорному и горшечному мастерствам, из коих в первом замечается ныне уже некоторый успех.

В Ключевском селении построена водяная мельница и кузница; в селения, где живут крестьяне, отправлен знающий ткацкое ремесло боцман для обучения жителей выделывать холст из крапивы — это последнее ремесло производится довольно успешно.

Для прекращения проказы я посылал в округ медиков морского ведомства. По неимению гражданских врачей учредил без особенных издержек временные по сёлам больницы, в которых выпользовано всего 560 душ; построил на Паратунских горячих ключах дом на семи саженях длины для больных, устроил карантин для прокажённых, где всякий страждущий получал приют и пособие безвозмездно, и через такие меры болезнь несколько ослаблена в своём гибельном действии.

В селениях, где позволяли средства, по числу работников и рабочего скота разработана правильно земля и поставлено в обязанность, чтобы каждая семья непременно засевала 10 пудов картофеля, каковым распоряжением, пока разведётся хлебопашество, я нахожу верное средство обеспечить продовольствием жителей Камчатки в случае недохода морской рыбы и прекратить известные в Камчатке голодовки.

Я не оставил также без внимания вредный обычай камчадал — охотиться во всякое время года за соболями, что отвлекало их от оседлости, вредило здоровью, производило глазные болезни от промысла весною и служило к скорому истреблению зверя, что я объяснил камчадалам, дабы они выходили на звериный промысел не раньше как по окончании сельских работ и весной непременно возвращались к домам.

Главный предмет продовольствия камчадалов до настоящего времени составляет вяленая рыба. Всякому хозяину, даже холостому, необходимо заготовить 6 000 рыб. Пойманная рыба вешается здесь на вешале и в случае ненастной погоды падает, так что камчадалы целое почти лето проводят в заготовлении рыбы. Сделав распоряжение об устройстве в деревнях коптилен, я надеюсь, что способ приготовления на них рыбы значительно сократит труд камчадала в заготовке оной.

Для наблюдения за сельским хозяйством исправники постоянно живут в округе. Кроме того, я сам часто езжу по селениям во всякое время года без чиновников, не имея при себе даже необходимой прислуги, дабы не обременять проездом своим жителей. Под проезд свой я беру летом одну лошадь, а зимою подводу в пять собак.

На будущее время, последовавшее по высочайшему повелению новое устройство области и в особенности имеющее начаться в 1853 г. переселение камчатских крестьян, предоставят мне более средств к устройству области, которую я и не премину привести к действию.

В заключение имею честь почтительнейше представить вашей светлости: 1) новосоставленный план Петропавловского порта и города, 2) планы и фасады построенным зданиям, 3) чертежи построенным судам, 4) ведомость сравнительную за 10 лет о скотоводстве, хлебопашестве и по последней переписи о народонаселении Камчатки.

Капитан 1-го ранга *Завойко*

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 315. Л. 1—23.

Особое мнение полковника корпуса корабельных инженеров С. О. Бурачека, поданное им «в комитет при слушании журнала сего комитета», состоявшегося 26 июня 1853 г.

Обнимая всю многочисленность нужд, ежедневно возникающих со всех сторон при начале учреждения нового порта и не терпев-

ших ни малейшего отлагательства, принимая на вид всю скудность средств удовлетворения тех нужд, беспомощность начальников в стране пустынной и отдалённой от центра этих источников, великую тесноту форм отчётности, прежде всего требующих разрешения на всё и строго возбраняющих всякое самоизбранное начинание, и соображая всё это с теми полезными и благоразумными и успешными распоряжениями, которыми генерал-майор Завойко так удачно и скоро положил хорошее основание новому порту и благосостоянию всего края, вверенного его управлению, которому готовится будущность, благотворная для всей России, с обширным влиянием на все ему соседственные страны, нельзя не отдать генерал-майору Завойко полной справедливости за ту решительность, с какой он подвигся на неизбежное отступление от обычных порядков контроля администрации, столь удобных там, где всё уже устроено, всё под руками и близко к источнику всяких средств и власти разрешающий.

Нельзя не остановиться на том самопожертвовании, с каким он все могущие встретиться неудачи самоизбранных им распоряжений и строгую за них ответственность принял лично на самого себя и так благополучно оправдал своё самоотрешение удовлетворительным успехом своих начинаний, как со стороны охранения казённого интереса, так и со стороны их общественной пользы.

Никакая человеческая прозорливость не может предусмотреть на расстоянии Санкт-Петербурга от Петропавловского порта те внезапные потребности, которые по предназначению нового порта могут время от времени требовать каких-либо новых отступлений от обычного порядка администрации... для достижения целей высших, преднамеренных государем императором, и потому естественно представляется вопрос: с одной стороны, в какой мере необходимо начальнику камчатского порта развязать руки на всё полезное, не терпящее долговременного выжидания разрешения Санкт-Петербурга (13 тысяч вёрст) или от генерал-губернатора Восточной Сибири (7 тысяч вёрст)?

С другой стороны, какими мерами обеспечить, по возможности, и правительство от ошибочных распоряжений и напрасной растраты коронных капиталов и имущества? То и другое, кажется, можно совместить посредством учреждения при начальнике Камчатского края постоянного совета... (далее С. О. Бурачек подробно излагал свой план устройства совета, который так и не был создан. — *Б. П.*).

РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 315. Л. 105—106.

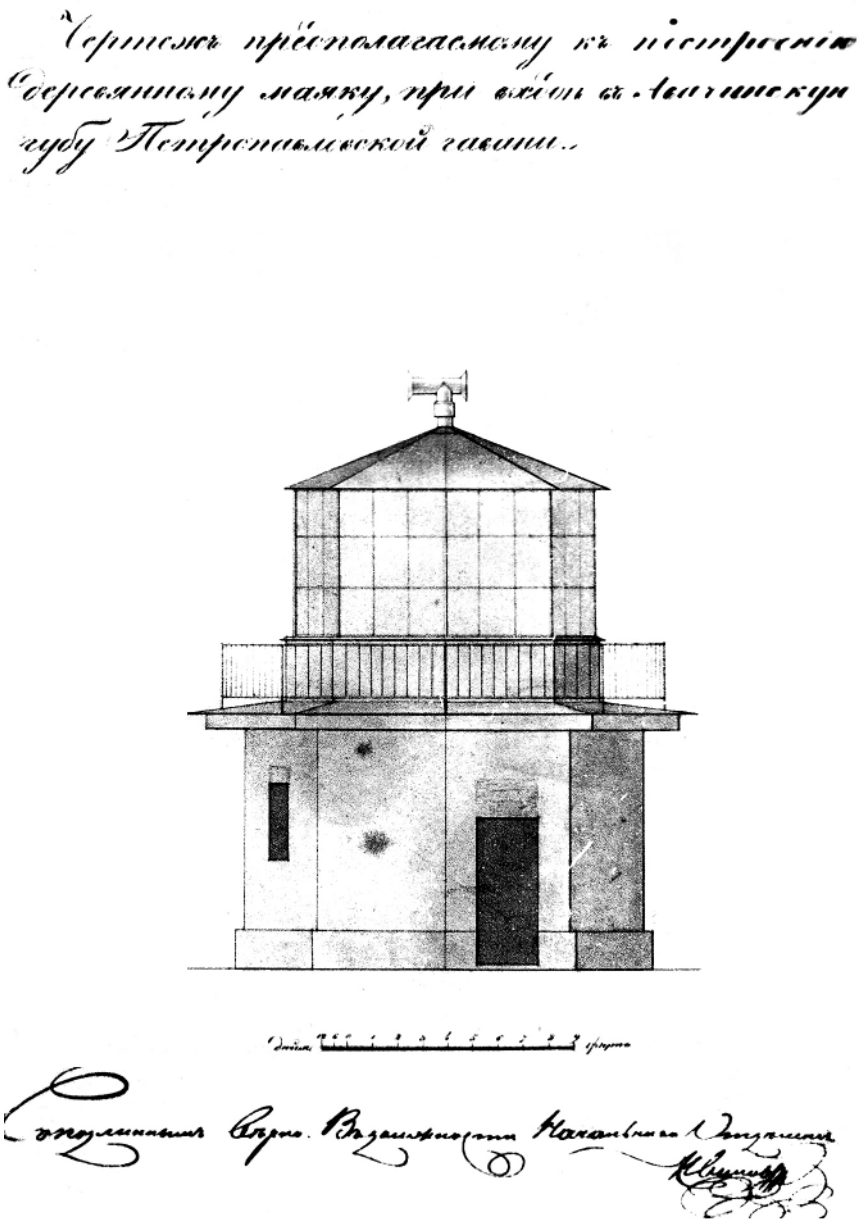
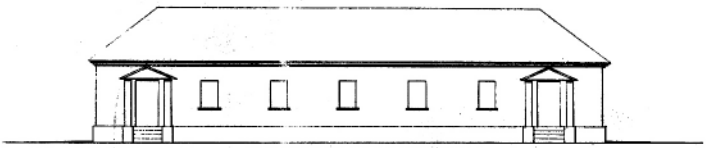

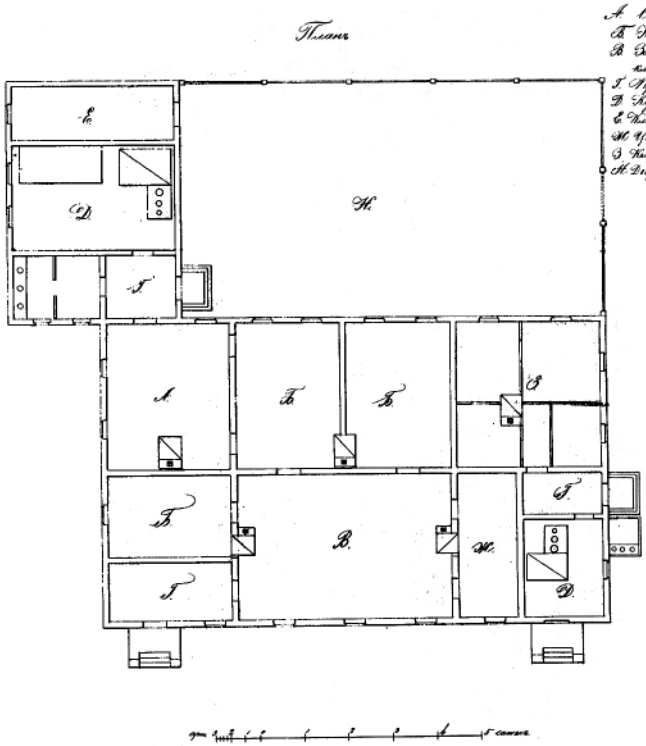
Чертёж предполагаемого к постройке Петропавловского маяка
[ККОМ, НВФ 3160]

Чертежъ вновь предполагаемаго Штурманскаго училища въ Петропавловскомъ порту.

Фасадъ.

План.

Съ утв. Г. Адъют. Мичм. Вилькицкаго

Проект здания штурманского училища в Петропавловском порте, ноябрь 1853 г. [ККОМ, НВФ 2958/55]

Хотя в Петербурге кое-кто и готов был наказать В. С. Завойко за «своеволие» — нарушение тех правил, которые насаждались самим Николаем I, специальный комитет, созданный для рассмотрения «проступка» В. С. Завойко, признал правильность суждения С. О. Бурачека о том, что в создавшейся сложной обстановке Завойко действовал правильно, а большая полезность всех его действий обнаружилась со всей очевидностью уже во время успешной обороны Петропавловска в 1854 г.

Отчёт о произведённых работах при Петропавловском порте с 18 мая по 9 декабря 1853 г.

Отчёт не окончен, возможно, это выдержка. Сотрудниками архива датирован по заглавию маем — декабрём 1853 г. Не подписан, не адресован.

1. Вырубленный в зимнее время и вывезенный к месту сплавки на казённых собаках нижними чинами 46-го флотского экипажа и частию с найма строевой лес 1 924 лесины и корбаснику 5 000 штук к прежде сплавленной части, — достальное количество сплавлено к порту всё сполна нижними чинами, выкатано на берег и складено в штабели.

2. Срубленный в лесном урочище и приплавленный к порту в три квадратные сажени флигель складен на моху и окончательно отстройкою отделан с покрытием железной крыши с окраскою.

3. Крыша достроенного провиантского магазина на 12 сажен длины и в 4 сажени ширины по доставлении листового железа покрыта оным и окрашена масляною краскою.

4. Построенный в 1852 г. провиантский магазин на длине 20 погонных сажен, шириною 4 сажени и покрытый тёсом в два ряда, из коих один ряд снят и вместо его крыша по нижнему ряду досок покрыта листовым железом с окраскою масляною краскою.

5. Начато постройкою окружное с кладовою казначейство на 5 саженей 2 аршина длиною и в 6 сажен в середине шириною, окончательно достроено с покрытием крыши листовым железом, и в настоящее время в здании сим помещены казна, присутствие, казначейство и канцелярия камчатского военного губернатора.

6. Вновь построен... флигель для помещения гг. офицеров на длине 5 погонных сажен, ширине 4 сажени, с покрытием крыши листовым железом и окраскою оной масляною краскою. В флигеле сем в настоящее время помещён штаб командира Петропавловского порта.

7. По представляемому у сего плану... построена новая казарма для помещения женатых нижних чинов 46-го флотского экипажа, в четырёх отделениях и в средине пятым коридором с шестью внутренними капитальными стенами. В казарме сей складены 4 двухместные русские и две голландские печи и 4 камина, длина казармы 8 погонных сажень, ширина 4 сажени, крыша покрыта листовые железом и окрашена масляною краскою, в двух отделениях оной помещены экипажные нижние чины — 36 семей и одно отделение занято экипажной канцеляриею и конторой над портам.

8. В юрте на длине 6 сажень, где помещены женатые нижние чины, для избежания течи от дождей, над земляною крышею поставлены новые стропила на 4 ската с обрешёткою брусками, и крыша покрыта травяными снопами.

9. Над портовою сухарною пекарнею поставлены также новые крышечные стропила на 4 ската, обрешечены брусками, и крыша покрыта травяными снопами.

10. Построенные в прошлом 1851 и 1852-м годах флигель № 1, квадратный, 3-х саженной длины, две пекарни для нижних чинов, одна из них с кладовою и одна столовая, всего составляют эти здания 52 квадратные сажени, вместо покрытых крыш травяными снопами перекрыты листовым железом с окраскою масляною краскою.

11. Заложены ещё предполагаемые постройкою два флигеля с галереею на длине 12 погонных сажен шириною в 4 сажени, производилась планировка земли месяц, 100 человеками, причём откапывались и снимались бугры и земля возилась в тачках для засыпки портовой логотины и упланировки оной на длине и ширине 35 квадратных сажен. Самое здание магазина заложено и срублено в четыре венца с двумя внутри капитальными стенами.

РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6245. Л. 2—4.

Рапорт В. С. Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву о школе кантонистов в Петропавловске, до 1854 г.

При 46-м флотском экипаже состоит кантонистов от семилетнего возраста до шестнадцатилетнего 58 человек, а до семи 39 человек, а всего 97. Все они состояли до прибытия моего в Петропавловский порт при родителях до совершеннолетия, или до поступления на службу, и употребляются родителями во все домашние работы, из которых езда на собаках, по моему мнению, имеет сильное

и вредное влияние на их здоровье, ибо при этом, по скудости собак, большей частию сам мальчик везёт воз дров или сена, так что положительно можно сказать, что не собаки везут, а сам человек, и собаки служат уже только второстепенной помощью.

Следовательно, силы этого мальчика не только не укрепляются, но от излишнего, ещё не соразмерного физическому развитию их напряжения он надсаживается и с ранних лет делается уже хилым и почти неспособным к службе, не имея роста, приличного званию солдата. Кроме того, неестественный крик на собак... имеет вредное влияние на дыхательные органы, о чём свидетельствует и медицинский инспектор. Отчего здешние матросы слабогруды и наклонны к развитию чахотки, и многие оную имеют и не могут быть постоянно в работе, а некоторых в месяц раза два на лёгкие должности отпускать и должно их содержать слабыми при экипаже, которых ежедневно из 300 человек наличных чинов, в том числе состоят и из прибывших из Иркутска, остаются слабыми до двадцати человек. Очевидно, что должно принять меры оградить такой убыток казны, и притом губительный для народонаселения.

Родители или родственники кантонистов, у которых они проживают, получая их пайки для пропитания, большей частью провиант продают и деньги пропивают на чаю или водке, почему бедный мальчик должен довольствоваться пищею, состоящею из одной солёной рыбы, и ходят оборванные, а у какого родителя нет собак, то мальчишки остаются в праздности и полуголодными.

Нахождение кантонистов при родителях или родственниках и в нравственном отношении для них гибельно. Проводя время праздно и шатаясь по улицам, не имея над собою должного надзора, они свыкаются с разного рода шалостями и делаются своевольными, чрез что по поступлении на службу воинская дисциплина для них кажется слишком тягостной.

Всё сказанное мною вынудило меня немедленно образовать в Петропавловском порте школу кантонистов, и я собрал уже 30 мальчиков, разместил их в одном из флигелей морского ведомства, который по случаю неприхода из Охотска судов остался свободным. Вместо следующего им от казны натурою провианта я распорядился отпускать деньги по стоящей казне цене, а самую муку, сколько требуется для довольствия кантонистов, приказал покупать в магазинах Российско-Американской компании. Это приносит для них выгоду, ибо мука, доставляемая компаниею, стоит каждый пуд 2 руб., а казённая — 3 руб. 21 коп., следовательно, от каждого пуда получится выгоды 1 руб. 21 коп., которые и употреб-

ляются на приобретение других припасов на продовольствие кантонистов. Кроме того, как по продовольствию, так и по обмундированию, кантонистам делается воспомоществование из общей экономии экипажа.

Образовав в Петропавловском порту школу кантонистов, можно надеяться, что со временем она в состоянии будет комплектовать экипаж хорошими матросами и мастеровыми и не будет надобности высылать людей из России.

Устройство школы и заведование ею я поручил г. капитан-лейтенанту Горновскому, который провёл часть службы своей при Морском учебном экипаже, то ему это дело знакомо, и ныне я должен засвидетельствовать, что г. Горновский показывает своё усердие поставить кантонистов на должный им быт.

О чем имею честь донести вашему высокопревосходительству. Покорнейше прошу исходатайствовать на открытие в Петропавловском порте неранжированной роты кантонистов по примеру таковой, состоящей в Кронштадте при учебном морском экипаже, с особым ассигнованием по 15 коп. серебром в сутки на каждого мальчика на улучшение пищи, как я проектировал уже об этом в составленном мною штате для 46-го флотского экипажа и с положением им на общем основании обмундирования от казны.

Ибо экономия в экипаже ныне только составляется от заготовления дров в казну для отапливания казарм и моего дома, и эта экономия не так велика, чтобы её достало на всех... кантонистов, и потребно её употреблять на улучшение пищи в экипаже, а компания... может привезти муку... (пропуск текста. — *Ред.*) то главный источник экономии пайка кантонистов прекратится, и я принужден буду в таком разе распустить кантонистов по домам.

Подписал капитан 1-го ранга *Завойко*

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—3.

Приказ В. С. Завойко от 17 августа 1854 г., ярко характеризующий отношения между ним и капитаном 1-го ранга А. П. Арбузовым

По случаю командирования мною г. капитана 1-го ранга Арбузова по делам службы вне порта, и он не отъезжает, и других проступков, значащихся в деле о нём, я сим объявляю по ведомствам управлений, чтобы никакие распоряжения или приказания не были принимаемы от него, г. Арбузова.

В случае тревоги или сражения г. Арбузов остаётся без должности, а так как ныне подан сигнал, что в виду военная эскадра, то

я считаю долгом пред государем императором, вверившим мне отдалённую страну, объявить к исполнению: в случае, если я во время сражения буду убит, то сим постановляю, что обязанности мои по всем частям управления вверенной мне области должен принять старший по мне из гг. офицеров, включая сюда и офицеров команды фрегата «Аврора». Г. же Арбузова я не разрешаю допускать до отправления лежащих на мне обязанностей, так как он поступками своими показал себя сего недостойным, и я вижу, что чрез его управление произойдёт бедствие страны.

Командир портов генерал-майор *Завойко*

РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 332. Л. 5.

Официальное донесение британскому адмиралтейству о нападении на Петропавловский порт

Британское адмиралтейство получило от командира фрегата «Пайк» следующее официальное донесение о предприятии против Петропавловска 19 сентября 1854 г.:

Честь имею донести вам, что 31-го августа французский адмирал Фебврие де Пуант решил атаковать Петропавловскую гавань, по тому плану, который был составлен главнокомандующим, неожиданная смерть которого в предшествующий день остановила действия эскадры.

Погода была тихая, и потому решено, что пароход должен вести фрегаты на позицию. «Вираго» взял фрегаты «Пайк» и «Форт» на буксир с боку, а «Президент» с кормы.

Так суда отправились против батарей, и буксиры последовательно были отданы в выгоднейших позициях, которых можно было достигнуть, так как отлив у берега оказался гораздо сильнее, чем ожидали.

Три батареи, составляющие внешнюю защиту входа в Петропавловский порт, были: пятипушечная батарея на оконечности полуострова, образующего гавань; превосходно выстроенная фашинная батарея из одиннадцати орудий большого калибра, расположенная на противоположном берегу у самой воды, и трёхпушечная батарея на том же берегу, несколько дальше в сторону.

От этой последней, по своему господствующему положению, надо было ожидать большого вреда, поэтому морские солдаты с фрегата «Президент» под командою капитана Паркера были отправлены на «Вираго», а после, как только суда бросили якорь, высажены на берег для завладения этою батареею. Несмотря на густой и почти

непроходимый кустарник, препятствовавший отряду подвигаться вперёд, морские солдаты и несколько матросов, как французских, так и английских, посланные в подкрепление первому отряду, скоро достигли батареи, которую они нашли оставленною. Пушки тотчас были приведены в невозможность более действовать, и партия эта воротилась под прикрытием парохода «Вираго» на свои суда. При этом пароход подвергался сильному огню русского фрегата, расположенного внутри гавани, и несколько пострадал.

Батарея на оконечности полуострова, подверженная сильнейшему огню наших фрегатов, скоро была принуждена молчать, а как она лежала на одной прямой с городом и с русским фрегатом, то должно полагать, что ядра, перелетая батарею, причиняли много вреда как городу, так и фрегату.

Задувший после полудня ветерок дал возможность двум подальше стоявшим фрегатам «Ла Форт» и «Президент» переменить свои места и стать несколько ближе к низменной батарее.

Орудия всех фрегатов, особенно «Ла Форт», были теперь обращены на эту батарею, он поддерживал живейший рикошетный огонь, пока наконец батарея не перестала стрелять, хотя неприятель и не оставлял своих орудий.

Тогда и суда прекратили пальбу и были выведены на ночь из-под берега. «Вираго» буксировал «Ла Форт», а «Президент» и «Пайк» верповались. Хотя все суда имели повреждения в корпусе и в рангоуте, но только «Ла Форт» имел значительный урон в людях. Одно несчастное ядро, пролетев квартердек, одного убило и нескольких человек ранило.

От этой первой атаки неоднократные совещания между французским адмиралом и английскими капитанами должны были решить дальнейшие предприятия, назначенные на 4-е сентября.

В это время собранные известия о расположении батарей, невидимых с судов, о внутренности города и силе его гарнизона делали вероятным успех с нашей стороны при атаке десантною партией на северную оконечность города.

С намерением занять внимание неприятеля как можно более, решено было атаковать вдруг пятипушечную батарею, построенную на низменной части полуострова, и круглый форт на северной его оконечности. Здесь же назначено было произвести высадку морских солдат и матросов, долженствовавших завладеть батареею и занять возвышенности, окружающие город.

Необходимость значительного десанта сделала невозможным назначить прислугу к орудиям обоих фрегатов. Затем, взяв с собою

остальную команду с «Пайка», потому что его орудия тяжелее и требуют больше прислуги, я отправился с ними на «Президент».

Утром 4-го сентября десантные партии, состоящие из 350 человек с каждой эскадры, не считая офицеров, были отправлены на «Вираго». Пароход, взяв сбоку «Ла Форт», с другой стороны поместил гребные и десантные суда, а с кормы подал буксир фрегату «Президент». Батареи открыли огонь, лишь только суда подошли под выстрелы, и причинили значительные повреждения фрегатским мачтам и реям, но в особенности пострадал «Ла Форт». Ядро ударило в палубу «Вираго», но, к счастью, отскочило вверх, иначе поражение на деке, битком набитом людьми, могло быть весьма серьёзное.

«Президент» бросил якорь в расстоянии около шестисот ярдов (триста морских сажен) от средней батареи полуострова и открыл по ней живейший огонь. Несмотря на то, неприятель продолжал действовать своими орудиями с величайшей решимостию, укрываясь по временам за отлогим барбетом, на котором стояли орудия, и возвращаясь каждый раз к своим пушкам, лишь только ослабевал огонь с фрегата. Однако ж, наконец, батарея была вынуждена замолчать.

«Ла Форт» в это время стал против круглого форта, или Георгиевской батареи (название, изобретённое англо-французскою эскадрою. — *Б. П.*), которая вскоре прекратила пальбу.

Тогда десант из морских солдат и матросов был высажен на берег.

Говоря обо всём, случившемся на берегу, я должен отнестись к приложенному при сем письму капитана Р. Бурриджа.

«Ла Форт», «Вираго» и бриг «Облигадо» прикрывали отступление десантной партии на суда. В особенности огонь с брига оказался действительным, останавливая преследование и причиняя много вреда передовым отрядам неприятеля.

Суда, приняв обратно десант и шлюпки, тотчас отправились к своему якорному месту. Хотя наша атака оказалась безуспешною, я надеюсь, что храбрость, оказанная капитаном Ла Грандьером с «Эвридики» и капитаном Бурриджем, равно офицерами и людьми, бывшими под их начальством, будет по достоинству оценена.

Морские солдаты и матросы на правом фланге вышли на гребень хребта, несмотря на крутизну подъёма и на сильную пальбу с фронта. Но, к несчастию, густой кустарник, в котором засело множество врагов, остановил всякое движение вперёд по этому направлению. На левом фланге проход был так сильно защищён,

не только стрелками, но пушками и полевыми орудиями, что с этой стороны невозможно было прорваться.

После выхода нашего из Авачинской губы мы получили известия от взятых на «Ситхе» пленных, заставившие нас думать, что численная сила и состав гарнизона далеко превосходили наши предположения.

Прежде, чем окончу это письмо, я должен буду отдать полную справедливость поведению капитана Бурриджа и командора Маршалла, которые в продолжение всего действия против Петропавловска подавали мне самую искреннюю помощь.

Хладнокровие первого офицера во время отступления с горы и на суда было предметом общего восхищения. Командор Маршалл был неусыпен в своих усилиях, буксируя суда и защищая высаживание десанта. Пароход его, как единственный при обеих эскадрах, постоянно должен был нести двойную работу.

Находясь на «Президенте», 4 сентября я получал самую ревностную помощь от командора Конолли и от штурмана Робертса. Лейтенант Морган, артиллерийский офицер, был ранен осколком дерева вскоре по открытию стрельбы его батареею, и место его в гондеке занял лейтенант Гроу с «Пайка».

Лейтенанты Блэнд и Маршалл с этого фрегата командовали матросами с «Пайка» на берегу и последними оставили берег, Мэт Фитцджеральд, командуя баркасом с «Пайка», хорошо действовал своею пушкою при десанте.

Французские офицеры и команда, бывшие на берегу, отличались порядком, с которым они шли вперёд, стойкостию и мужеством, выказанными ими во время отступления и при амбаркации.

Я прилагаю список убитых и раненых на фрегате «Президент» и береговой партии, также и копию со списка убитых и раненых на французской эскадре.

Сентября 7-го соединённые эскадры снялись с якоря и оставили Авачинскую губу. По выходе из бухты мы погнались и овладели русскою военною шхуною «Анадырь» и взяли «Ситху» — русский купеческий корабль.

Настоящее моё намерение: налиться водою на острове Ванкувера и потом отправиться в Сан-Франциско и ожидать там дальнейших от вас приказаний.

Письмо подписано капитаном Никольсоном
и капитаном К. Фредериком с «Амфитриды»

Морской сборник, 1855, № 1. — С. 87—93.

Письмо капитана Р. Бурриджа к капитану Ф. Никольсону

Её величества фрегат «Президент», Авачинская губа, Камчатка, 5 сентября 1854 г.

Долг мой требует рапортовать вам о приключениях десанта с фрегата её королевского величества, находившегося под моею командою на берегу, так же и команды его императорского величества, под начальством капитана Ла Грандьер с «Эвридики».

Соединённые силы, состоящие из дивизии морских солдат и матросов, около семисот человек, находились на пароходе «Вираго» вчера в пять часов утра. Тогда капитан Ла-Грандьер ещё раз повторил план атаки, уже прежде сообщённый мне и гг. ротным командирам, состоящий в том, что морским солдатам назначено было овладеть вершиною хребта, причём матросы с «Ла Форт» и «Эвридика» должны были подкреплять их. Матросам с «Пайк», «Президент» и с «Вираго» приказано было идти дорогою, влево от морских солдат, с целью штурмовать городские батареи, которые командовали дефиле. Им велено, исполнив это, вновь выстроиться и ожидать дальнейших приказаний.

Когда орудия с фрегата «Ла Форт» заставили молчать батарею (George Battary) (№ 3. — *Б. П.*), защищавшую низменность, мы высадились непосредственно под горою. Неприятель находился на возвышенностях в сильной позиции и в большом числе, откуда открыл по нас ружейный огонь тотчас по вступлении нашем на берег. Морские солдаты быстро выстроились под командою капитана Паркера и, подкреплённые матросами, лишь только те вышли на берег, стали подниматься на гору, весьма крутую, покрытую густым кустарником.

Эти обстоятельства доставляли большое преимущество неприятелю. Однако ж мы заставили его отступить и заняли первую свою позицию.

Поднявшись до половины горы, наши морские солдаты и французские стрелки пошли вправо на гору. Левый фланг и центр составляли моряки с «Пайк», «Президент» и «Вираго» и посланные с французских судов.

Левый фланг очистили от неприятеля так, что могли занять позицию во фланге одной двухпушечной и другой трёхпушечной батарей, построенных за горою. Эти батареи до сих пор поддерживали сильный огонь ядрами и картечью по низменности прохода. Наш ружейный огонь заставил русских оставить свои орудия, они ретировались в блокгаузы, откуда поддерживали убийственный огонь по нашему левому флангу. Правый фланг в это время под-

нялся до вершины горы по хребту, ведущему к средней батарее, атакованной в это время фрегатом «Президент».

При этом мы понесли весьма значительную потерю от многочисленного неприятеля, занимавшего крепкую позицию на вершине горы и на нашем фланге. Мы подвинулись несколько вперёд по хребту, но когда капитан Паркер, смело ведший свою команду, был убит, а лейтенанты гг. Кулум и Клеменц ранены, то люди наши стали отступать, и после неоднократных попыток собраться вновь неумолкаемый огонь, поддерживаемый неприятелем, заставил их отступить к берегу. Небольшая партия выстроилась позади низменной батареи для прикрытия отступающих, но в то время как пришлось подводить шлюпки под ружейные выстрелы неприятеля, при амбаркации было убито много наших людей.

О приключениях бывших с нами союзников вы, без сомнения, будете уведомлены главнокомандующим. Славное их поведение в авангарде и их стойкость при отступлении были восхитительны. Старший лейтенант Лефебр с «Эвридики» убит в то время, когда примыкал ко мне, причём замечено храброе поведение многих других французских офицеров, имена которых, к сожалению, мне не известны.

При нашей потере более всего должно глубоко сожалеть о смерти капитана Паркера. Он был прекрасный офицер и славился в полку. Флаг-офицер лейтенант Говарт, исполняя должность моего адъютанта, тяжело ранен. Лейтенант Баммер ранен, шедши впереди своей партии. Лейтенанты: Кулум, Клеменц и Мэт Робинсон, все трое с «Пайк», ранены, находясь в голове своих колонн.

Я отдаю искреннюю благодарность всем гг. офицерам, равно как и рядовым, находившимся под моим начальством. Трудность приступа и кустарник представлял им слишком большие препятствия в то время, когда скрытый от них неприятель стрелял со всех сторон.

Прилагая список десантной партии и понесённых потерь, надеюсь, вы удостоверитесь, что при этом случае мы сделали всё, что было в наших силах.

Сир, ваш покорный слуга
капитан *Ричард Бурридж*

Потери убитыми и ранеными на английских судах во время нападения на Петропавловский порт

На фрегате «Пайк» убиты восемь матросов и четыре морских солдата. Тяжело ранены лейтенант Клеменс, пять матросов и пять морских солдат. Опасно ранены пять матросов и два морских сол-

дата. Легко ранены лейтенанты Блонд и М'Куллем, Мэт Робинсон, мичман Чичестер, четыре матроса и морской солдат. Всего убитых и раненых 39 человек.

На фрегате «Президент» убиты капитан Паркер, пять матросов и пять морских солдат. Тяжело ранены лейтенант Говард и Пальмер, 15 матросов и 11 морских солдат. Опасно ранены два матроса, легко ранены лейтенант Морган, четыре матроса и четыре морских солдата. Всего убитых и раненых 50 человек.

На пароходе «Вираго» убиты матрос и три морских солдата. Опасно ранены три морских солдата. Тяжело ранены матрос и три морских солдата. Легко ранены семь матросов и морской солдат. Всего убитых и раненых 18 человек.

Вся же потеря английской эскадры состоит из 107 человек убитых и раненых.

Морской сборник, 1855, № 1. — С. 93—97.

Официальное французское известие о сражении под Петропавловском

Чтобы составить себе понятие о степени верности французских официальных известий, приводим в параллель прочим сведениям статью об атаке Петропавловска, заимствованную из официального журнала.

С открытия неприязненных действий с Россиею, инструкциями, данными французским и английским правительством соединённым морским силам, находящимся в Тихом океане, предписывалось разыскивать и преследовать русские военные суда, не упуская случая наносить неприятелю, по возможности, наибольший вред на материке в случае приближения к нему союзных флагов. По всем сведениям, русский адмирал Путятин, находясь на 60-пушечном фрегате «Паллада», имел в своём распоряжении следующие суда: два 50-пушечных фрегата «Диана» и «Аврора», корвет «Оливуца» о 24 пушках, бриг о 10 пушках, шхуну о 12 пушках, два парохода, военный транспорт «Двина», вооружённый 12 пушками, и два коммерческих корабля «Ситха» и «Камчатка».

Все они должны были крейсировать на высоте Сандвичевых островов, зайти, может быть, в Японию, потом отправиться или в Авачинскую губу, или на север Татарского пролива и, наконец, достигнуть тех мест, где находятся в весьма большом числе французские и английские китоловы.

Согласно предписаниям своих правительств, контр-адмирал Февриe де Пуант, главнокомандующий французскою эскадрою, и контр-адмирал Прайс, главнокомандующий английскою эскадрою, соединившись в Вальпарайзо в прошедшем июне месяце, направили свой путь к Сандвичевым островам. Зайдя в Гонолулу, по собранным там новым сведениям они решились разведать в русских портах восточного берега Камчатки, куда русский отряд, состоявший, как сказано было выше, из одиннадцати судов с 240 орудиями, мог удалиться.

Соединённые морские силы, отряженные для этой экспедиции, со стороны французского адмирала были: фрегат «Форт», 50 пушек корвет «Эвридика», 20 пушек и бриг «Облигадо», 12 пушек; а под начальством английского адмирала: фрегат «Президент», 50 пушек, корвет «Пайк», 40 пушек, корвет «Амфитрида», 24 пушки и шестипушечный пароход «Вираго» в 300 сил. Всего семь судов с 202 орудиями.

Августа 16/28-го соединённые силы держались вместе перед Авачинским рейдом. В полдень «Вираго» послан был для рекогносцировки вовнутрь губы. Возвратясь вечером, он объявил, что русская эскадра, по всей вероятности, находится в Петропавловске.

Петропавловский порт, находящийся на восточном берегу Камчатки, производит свои сношения непосредственно с Сандвичевыми островами и Китаем. Этот пункт весьма важен для России также и потому, что способствует влиянию её на японских морях. Вот причина, почему он и поставлен в грозное оборонительное положение.

Августа 17/29 обе эскадры направили свой путь к заливу, и лишь только открылся город, как они были встречены ядрами и бомбами, посыпавшимися со всех батарей. Союзный флот стал на якорь вне их выстрелов и 30-го числа занялся единственно разузнанием сил, которые приготовлялся атаковать.

Положение неприятельской позиции было следующее: шесть береговых батарей защищали вход в порт перекрестными выстрелами. Четыре из этих батарей длинною линиею защищали Петропавловск с северной и южной сторон. Наконец, позади длинной песчаной косы, почти запирающей вход с южной стороны, расположена была на шпринге часть русской эскадры, отыскиваемой нашими судами, именно: «Аврора» о 44 пушках, «Двина» о 12 пушках и «Камчатка». Суда эти имели только нижний рангоут, корпусы же их скрывались за косою, так что наружу выставлялись одни батареи.

Как ни казалась сильною эта позиция, оба адмирала решили в тот же день атаковать первые батареи.

Вследствие этих условий, после полудня пароход «Вираго» приготовился буксировать с левой стороны фрегат «Пайк», за кормою фрегат «Президент», а с правой стороны фрегат «Форт», как вдруг капитан Никольсон объявил французскому адмиралу, что английский главнокомандующий Прайс случайно застрелился. Контр-адмирал Фебврие де-Пуант немедленно отложил все приготовления к бою.

В восемь часов вечера все капитаны собрались на фрегате «Форт» для совещаний, вследствие которых начальники эскадр (над английскою по смерти Прайса принял начальство капитан Никольсон) условились, не изменяя плана атаки, на другой день с рассветом приступить к занятию предположенных позиций.

Августа 19/31 в 8 часов 11 минут пароход «Вираго», имея по правую сторону «Форт», по левую «Пайк» и позади «Президент», двинулся по направлению к Шахову форту, находившемуся на южной оконечности укреплённой линии. Они предполагали стать перед ним на шпринг в расстоянии пяти кабельтовых. Но так как течение в заливе направлялось в ширину, то адмирал де-Пуант приказал травить буксиры фрегатов «Форт» и «Президент», расположившихся на близком, по возможности, расстоянии, именно на 7,5 кабельтовых. «Пайк», продолжая своё движение, остановился на якоре по правую крамболу сего фрегата.

Став на позицию, суда эти были встречены огнём береговых батарей, Шахова форта, низменной батареи, правой батареи. На эти выстрелы союзные суда отвечали своими, так что в 9 часов 55 минут Шахова батарея была совершенно покинута русскими, низменная батарея одна продолжала стрелять. Во время этой атаки пароход «Вираго» высадил на берег французские и английские десантные войска, которые в 10 часов 45 минут заклепали и разрушили орудия правой батареи.

В эту минуту замечен был отряд в 150 или 200 человек русских, идущих к этой батарее. «Пайк» послал тотчас свой отряд, а фрегат «Форт» отрядил свою десантную роту для подкрепления в случае нужды уже высаженных людей. Это движение остановило неприятеля, не решившегося выдвинуться на расстояние ружейного выстрела с форта. Десант, достигнув своей цели, возвратился на шлюпки, по которым безуспешно стрелял русский фрегат «Аврора».

Затем соединённое начальство распорядилось дать своим экипажам отдых и время для обеда, решившись приступить снова к дальнейшим действиям.

В 1 час 45 минут «Форт» поднял свои якоря, предполагая приблизиться к батареям, но противное течение принудило его бросить якорь в 5,5 кабельтовых от Шахова форта и в 8,5 от низменной батареи. Эта последняя открыла по фрегату весьма сильный и меткий огонь. Фрегат «Форт» отвечал ей столь разрушительно, что через 40 минут по занятию им второй позиции низменная батарея принуждена была замолчать.

Фрегат «Президент» присоединился к фрегату «Форт», «Пайк» остановился на своём месте и стрелял из своих орудий большого калибра. Английские офицеры приветствовали французского адмирала за то мужество и хладнокровие, с которым фрегат «Форт» один выдерживал некоторое время неприятельский огонь. Храбрый экипаж приветствовал каждое попавшее в фрегат ядро восторженными криками.

С 4 часов 45 минут неприятельские батареи не делали более ни одного выстрела. Шахов форт был очищен, правая батарея разрушена, низменная 12-пушечная батарея покинута, причём большая часть её пушек сделалась негодною к употреблению. Атака союзных флотов была увенчана полным успехом.

На другой день «Вираго» послан был к другому берегу бухты, чтобы похоронить тело адмирала Прайса. При этом случае захвачены на берегу два дровосека, от которых были отобраны некоторые сведения о Петропавловске. Судя по их показаниям, высадка неминуемо должна была быть успешна, если бы была произведена в известном месте и по известным им путям, так эти люди утверждали.

По этому случаю собран был совет из главных начальников и капитанов союзных эскадр. Мнения были различны. Некоторые вместе с адмиралом де-Пуант полагали, что следует предварительно разрушить внешние батареи и приобресть более точные сведения о местности. Но так как другое мнение: сделать непосредственную высадку взяло верх, то и решили, что эта операция должна быть произведена отрядом в 700 человек, состоявшим из равного числа англичан и французов, командуемых гг. Бурриджем, капитаном фрегата «Президент», и Ла Грандьером, капитаном корвета «Эвридика».

Августа 23/сентября 3-го наши десантные команды находились на пароходе «Вираго», имевшем на буксире «Президент» и защищённом с правой стороны корпусом фрегата «Форт». Он направился с ними к двум батареям (прибрежной линии и северного форта), которые следовало истребить для свободной высадки.

В первое время фрегат «Форт» сильно потерпел от продольных неприятельских выстрелов, не имея сам возможности отвечать на них. Но как только он очутился на их траверзе, то обстоятельства изменились. Проходя в трёх кабельтовых от укреплений, «Президент» оставлен был против первого из них, предварительно уже повреждённого тремя залпами французского адмирала. Став на шпринг против второго укрепления, фрегат «Форт» своею беглою и меткою стрельбою вскоре принудил неприятеля замолчать. Тогда высадка могла быть произведена без всякой опасности, и отряженные войска вышли на берег.

Только что они успели высадиться, как авангард, состоявший из отборных английских и французских солдат, под выстрелами русских бегом вошёл на гору, которую предполагалось занять. Заняв это место, некоторые смельчаки выбежали вперёд до густых кустарников, откуда до них достигали меткие выстрелы находившихся в засаде неприятельских стрелков. Вскоре авангард получил приказание присоединиться к центру.

В то же время г. Ла Грандьер во главе союзного десанта, перестреливаясь с неприятелем, обошёл гору с другой стороны и соединился с первоначально высаженным отрядом. Пока эта небольшая колонна менялась неумолкаемою перестрелкою с русскими, которых число ежеминутно возрастало, неприятельские батарейные орудия были заклёпаны и сдвинуты. Достигнув этого результата, войска начали возвращаться на шлюпки, и, несмотря на преимущество неприятеля в том отношении, что он мог стрелять с занимаемой им позиции и с высот непрерывным огнём, рембаркация произведена была в большом порядке, хотя и не без некоторых потерь.

Когда десанты возвратились на суда, союзная эскадра перешла на прежнее якорное место и начала исправлять свои повреждения.

Между тем, вечером 6-го сентября, по длине входа в Авачинскую губу замечены были многие огни. Союзники, убеждённые, что это была русская эскадра, приготовились идти к ней навстречу и 7-го числа, на рассвете, заметили шхуну и большой трёхмачтовый корабль, старавшиеся уйти. Несколько часов спустя они были уже в руках союзников. Первое из этих судов, «Анадырь», с двумя каронадами было нагружено деревом для казарм, съестными припасами и прочим. Второе — «Ситха» — военный транспорт в 800 тонн, вооружённый 12 пушками и имевший груза на сумму более миллиона франков. Он вёз сверх того военные и жизненные припасы для Петропавловска. На нём находился второй губернатор Камчатки, артиллерийский капитан и чины гражданского управления.

Завладев этими призами, шхуну сожгли, а «Ситха», взятая на буксир, была уведена с соединёнными флотами, которым позднее время года и необходимость выполнения других пунктов инструкции не позволяли долее оставаться у камчатских берегов.

Сведения, собранные союзными начальниками, указывают, что в Петропавловске при гарнизоне, состоящим из 1 200 человек, было 80 орудий. Таковы были силы, которые английский и французский флаги не преминули атаковать с силами, действительно, несравненно меньшими. Результаты этого дела были самые убийственные для влияния русских в этих прибрежьях.

Экспедиция эта стоила им двух кораблей, большого числа солдат, убитых или раненых, и многих пленных. Она доказала им, что соединённые силы могут ударить в центр их отдалённейших сооружений, она доказала также нашей торговле, что она может рассчитывать на сильную защиту везде, куда только могут простираться её операции.

Если потери русских были многочисленны, то и наши были, в некоторой степени чувствительны, ибо различные экспедиции, предпринимаемые союзными эскадрами против Петропавловска, стоили французскому флоту 26 убитых и 76 раненых. Но большая часть из последних уже выздоравливает.

В числе убитых находятся лейтенанты Лефевр и Бурас с корвета «Эвридика» и мичман Гекель де Туш с «Облигадо».

После этой экспедиции союзные дивизии разделились: английская пошла к Ванкуверову острову, а французская — к Сан-Франциско. В этом последнем городе французские суда были предметом глубочайшего сочувствия не только наших соотечественников и союзников, но и американцев; каждый с завистью увлекался успехами союзных флагов.

Морской сборник, 1855, № 1. — С. 97—106.

Через два дня после отплытия Дмитрия Максутова из Петропавловска — 16 сентября В. С. Завойко отдал приказ о срочном восстановлении разрушенных батарей и постройке новых укреплений. В тот же день он направил Н. Н. Муравьёву рапорт об этом своём решении (см. сб. «Защитники Отечества», Петропавловск-Камчатский, 1989, с. 189—190).

В ответ на приказ В. С. Завойко на следующий день самый энергичный участник обороны Петропавловска — «её душа» капитан-лейтенант И. Н. Изыльметьев вручил ему следующий документ:

Командир 44-го пушечного фрегата «Аврора».
Петропавловск, 17 сентября 1854 г.

Господину главному командиру
Петропавловского порта

Рапорт.

Вследствие приказа вашего превосходительства от сего числа насчёт укрепления батареи на перешейке, состоящей из семи орудий, покорнейше прошу снабдить меня планом для руководства при построении означенной батареи.

Капитан-лейтенант *Изыльметьев*

18 сентября Завойко на этот рапорт ответил так:

Господину командиру фрегата «Аврора».

На рапорт вашего высокоблагородия от 17 сего сентября № 1020 сим считаю ответствовать, что, так как у Вас имеется достаточное число прекрасных офицеров, то Вы имеете возможность распорядиться постройкой крепости, как объяснено в приказе, составя для сего план, который по окончании уже постройки представите мне.

Командир порта генерал-майор *Завойко*

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 15. Л. 16, 168.

Приписка Б. П. Полевого от руки, адресованная редактору сборника «Защитники Отечества» Е. В. Гропянову: «Не знаю, послал ли я Вам эту вставку. Хотелось бы её пристроить куда-нибудь в сноски. Этот обмен письмами по-своему любопытен» (в сноски и попало, см. с. 259—260 сборника. — *Ред.*). Подробные сведения о том, как с осени 1854 г. в Петропавловске шла большая работа по перестройке батарей, впервые были опубликованы в упомянутом сборнике на с. 183—198.

Отчёт о произведённых работах при Петропавловском порте за 1854 г.

По артиллерийской части

Устроены при порте батареи заново, для чего требовались значительно трудные работы — разделка Сигнальной горы и доставление фашинника и леса из окрестностей, возка земли по косогору горы и втаскивание пушек 36-фунтового калибра и двухпудовых бомбических в горы. Несмотря на это, при ограниченном числе рабочих всё было окончено вовремя.

Батареи устроены, и, несмотря на малочисленность гарнизона, имеемыми только 16 орудиями калибра, равняющегося неприятельским (остальные пушки малого калибра), но сделали неприятелю славное отражение, хотя, конечно, и батареи не остались без значительных повреждений, так что некоторые почти совсем разрушены.

Всё это, соединённое с дознанной на опыте необходимостью улучшений, заставило приступить к совершенной переделке заново каждой из батареи и устройства новых (планы, карты и описания при сем представляются).

По кораблестроительной части

1. Отдаление Петропавловского порта от заводов весьма часто ставило меня в затруднительное положение при выполнении обязанностей снабжать суда необходимым по их вооружению и исправлению по корпусу, тем более что очень часто вещи, присланные из Петербурга за 12 тысяч вёрст, как, например, брашпиля, камбузы, клюзы и прочие, стоящие казне издержек, по малейшей оплошности при отправлении из Санкт-Петербурга и при перекупорке в порте становились, не поступая в дело, к употреблению совершенно негодными, что и заставило меня попробовать устроить литейный завод домашними средствами.

Намерение это удалось — завод устроен из горбылей, покрыт рогожами. За неимением кирпичей хорошего качества печь устроена в негодной большой цистерне. При этом производились следующие работы на заводе: отлиты медные крючья и петли транспорта «Байкал», шкуны «Анадырь», тендера «Камчадал», ботов «Кадьяк» и № 1, прицелы для пушек на батареях, а из чугуна — шкивы для вооружения судов и прочие мелочи. Так что завод, не стоящий расходов, удовлетворяет, по возможности, потребности порта.

2. Килёванные суда: шкуна «Анадырь», бот «Кадьяк», транспорт «Байкал». Первые два обшиты вновь медью. «Байкал» же, по ветхости не стоивший этой обшивки, был килёван для скабливания подводной части и осмотра.

3. Исправлена вся флотилия, состоящая из судов: корвета «Оливуца», транспортов «Двина» и «Байкал», шкуны «Анадырь», бота «Кадьяк», тендера «Камчадал» и бота № 1, а также её и портовые гребные суда, портовые боты, а также сшиты для них потребные новые паруса, так и на транспорт «Иртыш», не зимовавший в порте. Преимущественно несравненно более прочих имел исправления бот «Кадьяк»: в него вставлена новая верхняя часть форштевня, верхние борта, обшитые по стандесам, сняты, и как бот имел перелом и борта его по укреплению его проржавели, палубные гинсы

опущены на 5 дюймов, под них возведён новый привальный брус. Книксы все переклёпаны, палуба перестлана, ватервельсы введены новые. В носовой части шесть обшивных поясов введено, новый планшис с кнехтами, вместо оказавшегося негодным руля сделан новый, камбуз сделан новый, испод проконопачен заново с выдергиванием старой пеньки дочиста, вместо старого вооружения — две мачты с бушпритом, сильно тяготившим бот, сделана одна мачта и новых парусов два комплекта.

По части строительной

1. В зимнее время нижними чинами 47-го флотского экипажа вырублена и ими же на нанятых собаках от жителей вывезено от берега реки строевого цивильного тополёвого и ветлового лесу 1 700 штук и вслед решетины 1 000 штук. А со вскрытием рек ими же с помощью обывателей, нанятых в лоцмана, сплавлен означенный лес к порту и вытащен в штабеля.

2. По получении известия, что будет прислано для пополнения экипажа триста рекрут, ибо по обстоятельствам, заставшим фрегат «Аврору» в порте, приступлено к закладке и немедленной постройке казарм для помещения шестисот человек. Две казармы, каждая в 21 сажень длиной, одна из них в ширину 4 сажени и до одного аршина, другая в ширину 4 сажени, построены и окончательно обделаны, и команды все размещены удобно к 1 октябрю.

3. Заложены в прошлую зиму два флигеля для гг. офицеров, 5 саженей длины и 4 саженей ширины, и магазин 12 саженей длины, баня для нижних чинов на 7 саженей длины и 4 ширины. Все эти здания закончены постройкой и обделаны, а в баню проведена вода.

4. Произведены работы по исправлению казённых зданий, а именно переборкою в них полов и потолков, перекладкою печей, обивкою стен и потолков флигеля, построенных в 1852—1853 гг., в числе 12 перекрытий вместо саманных крыш железом. Казарму, построенную в 1848 г., по длине по фасаду 8 саженей, ширине 4 сажени, пришедшую в негодность от скудости деревянной крыши, балок и потолков, и по невозможности жить в оной, поставив её на катки, не разбирая стен её, ещё крепких и построенных из лиственичного лесу, передвинули на 35 саженей и поставили её по городскому плану. Стены возвысили на один ряд, ввели новые балки и вместо прогнивших полов и потолков выстланы новые. Крышу покрыли железом, сделав пристройку для кухни и кладовых. Теперь помещены в сию казарму больные.

5. Заложен и немедленно построен один флигель для гг. офицеров 5 саженей длины и 4 сажени ширины.

6. Для предполагаемой постройки нового морского госпиталя распланировано с откапыванием бугров и откосов горы место по длине 29 погонных саженей и 1 аршин и ширине 8 саженей и 1 аршин, с выкапыванием канавы для стока воды с горы и вырытием ям под стулья, которые установлены и засучены каменьями. Дальнейшая постройка госпиталей остановилась за неимением леса.

7. Заготовлено нижними чинами 33 с половиною тысяч кирпичей с перевозкой его, потребного числа глины и песку для складки печей в зданиях. Вообще нижними чинами доставлены каменья для фундаментов.

РГА ВМФ. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 3.

Некоторые выписки из годового отчёта В. С. Завойко за 1854 г., относящиеся к обороне Петропавловска

...Во время действия англо-французской эскадры против Петропавловского порта камчадалы приняли добровольное участие в защите порта и были употребляемы для работ в оном для ночных караулов и для командировок в округ, и некоторые участвовали и в самом сражении, состоя в стрелковых партиях, один из них убит (Ф. Дурынин. — *Ред.*).

Камчадалы не только готовы были оказывать требуемую от них помощь, но сами предупреждали таковые требования, исполняя всё безвозмездно, чем по справедливости и заслужили, чтобы таковые их поступки удостоились представления на высочайшее вашего императорского величества воззрения...

Торговля в Камчатской области в 1854 г. по случаю военного времени и нахождении Петропавловского порта в блокадном состоянии производилась не так успешно, а именно: местным и иногородним купечеством продано товаров на 25 923 руб. менее против 1853 г. и иностранных на 29 822... Российско же Американской компанией по случаю раннего прихода судов с большим запасом товаров — на 92 685 руб., более на 44 159 руб. Кроме сего, компанией доставлено в морское ведомство разной провизии и провианту на 47 315 руб. Торговля в округе значительно пострадала от взятия неприятелем разных купеческих товаров, находившихся на корабле Российско-Американской компании «Ситке», вследствие чего цены на товары в округе увеличились, а на меха понизились.

...С 18 по 25 августа порт был бомбардирован англо-французскою эскадрою, от чего преимущественно были болезни: воспаление,

и особенно органов дыхания, цинга и раны. К сим болезням нередко присоединялся брюшной тиф. От этих болезней умерло: от воспаления 12, цинги 20, ран 16, брюшных тифов 10. Несмотря, однако ж, на столь важные причины болезненности и недостаток во многих жизненных потребностях, особенно при пользовании больных, смертность в Петропавловской госпитали не была значительной.

РГА ВМФ. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 3. Л. 45об., 118об., 132об.—133.

О выдаче денег, пожертвованных вдовам убитых во время обороны Петропавловска в 1854 г., 12 октября 1854 г.

Заведывающему гражданскими суммами
господину губернскому секретарю Юдицкому

По препровождающему при сем подписному листу пожертвованию разными лицами в пользу осиротевших семейств во время нападения на Петропавловский порт, всего 1 044 руб. 78 коп., из числа коих мною выдано лично вдове камчадала Филипа Дурынина 25 руб. и вами по приказанию моему вдовам унтер-офицера Данилова 10 руб. и писаря Сажина 10 руб. под расписки, при сем прилагаемые, всего 45 руб., кроме сего из числа пожертвованных по подписке не поступило на приход 129 руб. серебром.

Препровождая при сем находящиеся в наличии затем 870 руб. 78 коп серебром к вашему благородию, предписываю вам записать оные приходом в особо выданную мною вам на сей предмет шнуровую книгу на 22 скреплённых листах и впредь расходовать оные по предписанным моим и с расписками получателей в книге. Упомянутые же выше расписки приложить к книге, которую представлять к ежемесячному свидетельству.

Военный губернатор генерал-майор *Завойко*

РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 199. Л. 1—2.

Из архивного документа видно, что генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв «был весьма обрадован ещё нежданною в то время победою над сильным врагом. Тотчас же по получении известия торжественный звон колоколов собрал жителей Иркутска в собор, где архиерей отслужил благодарственный молебен господу богу, благословившему оружие...» И тут же любопытное добавление: «Английское знамя при беспрерывных радостных криках войска и народа и при звуках труб носилось по улицам Иркутска».

Тогда же «для вспомоществования семействам убитых, раненых и для раздачи по усмотрению начальства» в Петропавловске, в Иркутске было собрано 7 252 руб. 19 коп., которые по приказу В. С. Завойко в феврале 1855 г. были разделены «следующим образом: всем нижним чинам, участвовавшим в отражении неприятеля, на каждого по 5 руб., раненым 2-го класса по 50 руб., 3-го класса по 25 руб., без ограничения класса по 15 руб., вдовам убитых по 50 руб., на семьи и круглым сиротам по 50 руб.» [РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 32. Л. 17, 30об.].

Известия из Петропавловска, ноябрь 1854 г.

...Ноября 4-го в 11 часов утра, по пробитии сбора к обеду, нижние чины 47-го флотского экипажа вышли из казарм. При переходе к кухне один из них, матрос Севастьян Сенов, заметил ядро в трёх саженях от тропинки, по которой проходил, подошёл к нему и, подняв, стал его рассматривать. В это время той же роты матрос Иван Вычужанин, шедший в числе прочих, сказал Сенову: «Не бомба ли это?»

В тот же момент матрос Сенов бросил ядро, и лишь только оно коснулось земли, как произошёл взрыв. Матрос Сенов, тяжело раненный осколками бомбы, был отнесён в госпиталь, где в скором времени и умер. В то же время ранило проходивших мимо этого места матросов 2-й роты Ивана Петухова в левую руку у локтя, 3-й роты Осипа Николаева в левую руку, Ивана Вычужанина в лопасть левой ноги, Магдубай Мухайромова в правую руку и Андрея Черемискина в икру левой ноги. Матросу же 2-й роты Ивану Частоедову раздробило левую ногу ниже колена. Раненые тотчас были отправлены в Петропавловский морской госпиталь для пользования.

Сверх сего слегка ранены ещё три матроса 2-й роты: Пранц Микур, Артемий Прокофьев и Ефим Лопаткин, которые, по перевязке, исполняют свои служебные обязанности. Пули, которыми бомба была начинена, разбили в казарме, занимаемой мастеровой ротой, четыре стекла, но в самой казарме не причинили никакого вреда. Следы пуль заметны и теперь в брёвнах стен казармы.

В Петропавловске на местах, подвергшихся бомбардированию неприятелем, найдено было более 80 штук одних только бомб с ударными трубками.

При разборке же прежних мерлонов (защитных насыпей. — *Ред.*) батареи № 2, устроенной на кошке и находившейся под

командою лейтенанта (ныне капитан-лейтенанта) князя Максутова, найдено неприятельских ядер: 32-фунтового веса — 154; 1,5 и 2-пудовых — 8; не лопнувших 1,5-пудовых бомб — 13; 24-фунтовых гранат — 7. Итого 182.

Морской сборник, 1855, № 3. — С. 213—214.

Распоряжение В. С. Завойко от 26 января 1855 г.

Состоящий при г. генерал-губернаторе Восточной Сибири и находящийся в Петропавловском порте г. инженер штабс-капитан Мровинский просит меня о выдаче ему законного свидетельства о полученной им ране во время бывшего здесь в прошлом году сражения.

Руководствуясь объявленными при циркулярном предписании инспекторского департамента от 9 января 1831 г. постановлениями об освидетельствовании раненых штаб и обер-офицеров, я покорнейше прошу г. медицинского инспектора Петропавловского порта освидетельствовать г. Мровинского на точном основании сказанных постановлений и потом свидетельство это, согласно точному смыслу высочайших указов 10 июня 1808 г., 15 ноября 1810 г. и 21 декабря 1830 г., как ему, г. статскому советнику Ленчевскому, так и всем гг. штаб и обер-офицерам, участвовавшим в сражении, засвидетельствовав, представить ко мне.

РГА ВМФ. Ф. 906. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

Спустя некоторое время К. О. Мровинский получил в Петропавловске официальное свидетельство о серьёзном ранении во время обороны Петропавловска в 1854 г.

Предложения комиссии по подготовке волонтёров, декабрь 1854 г.

Вследствие приказа его превосходительства г. камчатского военного губернатора от 4 декабря 1854 г. за № 507, комиссия, назначенная для обмундирования и продовольствия ста человек волонтёров, имеющих прибыть из округа по последней зимней дороге для защиты Петропавловского порта в случае неприятельского нападения, сообразив внимательно необходимые в обоих случаях потребности, согласно обычаям камчадал и времени года, в которое они будут находиться в Петропавловском порте, со средствами, в оном находящимися, и руководствуясь при сем словесным предписанием его превосходительства — стараться, чтобы рас-

ходы на содержание волонтёров были бы при снабжении их всем нужным, по возможности, ограничены, признаёт необходимым:

Во-первых, в отношении обмундирования. Так как волонтёры назначаются для защиты Петропавловского порта во время летних месяцев июня, июля и августа, то снабжать волонтёров только летним платьем, а именно: а) шапкою из чёрного сукна с таким же околышком, с медным литым крестом, б) синею фланелевою или чёрною суконною рубашкою, в) двумя синими миткалевыми рубахами, за неимением холста, г) одними портами из синего миткаля в торбасы, д) вместо кушака ремнём с железной пряжкою, е) кожаною сумой для патронов для ношения на ремне.

Сумы для патронов формы, коими снабжаются абордажные партии на судах, взять взаимообразно из наших при здешнем содержании артиллерийского ведомства, а в случае недостатка сшить вновь, сколько потребуется, и ж) вместо обуви, коей в Петропавловском порте недостаток, выдать по 5 руб. серебром каждому волонтёру на приобретение торбасов.

К заготовлению материалов для обмундирования волонтёров приступить ныне же, а равно и к вылитию крестов и к шитью чрез наём мастеровых по вольной плате портов, рубах, поясов и сум, а шапки шить по мерке, когда волонтёры явятся в порт.

Во-вторых, в отношении продовольствия. Так как волонтёры будут являться порознь, то первоначально не представляется другого средства продовольствовать их, как при экипаже, наравне с нижними чинами. Посему комиссия полагала всякому волонтёру выдавать билет с обозначением его звания, имени и фамилии и времени прибытия в порт и с этими билетами отсылать в экипаж с тем, чтобы начальство экипажа принимало их на полное довольствие, отмечая на билетах время явки в экипаж, а впоследствии и время увольнения из оного, по которое довольствие прекращено. Таковые билеты должны быть возвращены в комиссию, которая со своей стороны будет делать на оных все нужные отметки.

При содержании порта в блокаде комиссия равномерно не усматривает другого средства к продовольствию волонтёров, как и так же при экипаже, но вместе с тем полагает, что когда волонтёры соберутся, а неприятеля ещё не будет, то они могут составить особую артель и отчасти сами себя прокармливать рыбною ловлею, при чём снабжать их хлебом и другою провизиею по мере только действительной надобности, основываясь на ходе рыбы. Сей способ продовольствия обойдётся дешевле, чем при экипаже. Для сего

необходимо будет заготовить неводы, лодку, а также медные котлы, баки и деревянные ложки.

Так как волонтёры жалованья не получают, то особая комиссия должна заботиться о доставлении волонтёрам вольных работ и о ведении особой артельной суммы для улучшения пищи, по примеру, как делается во всех воинских командах.

Вооружить волонтёров полагаем ружьями со штыками.

Такое мнение своё в засвидетельствованной копии комиссии полагаю представить на благоусмотрение господина камчатского военного губернатора и ожидать на оное от его превосходительства разрешения.

Капитан-лейтенант *Назимов,*
капитан-лейтенант *Чихачёв,*
коллежский асессор *А. Лохвицкий*

РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 379. Л. 2—4об.

Господину медицинскому инспектору Камчатской области А. Ленчевскому, 26 апреля 1855 г., № 572

По собранным сведениям оказывается, что число умерших в 1854 г. в гг. Петропавловске и Гижиге и Петропавловском округе было гораздо более противу родившихся, а именно: в Петропавловске родилось 84, умерло 185, в Гижиге родилось 15, умерло 104 и в Петропавловском округе родилось 80, умерло 142. Всего родилось 179, а умерло 431, последних более родившихся 252.

Вследствие сего признаю нужным иметь от вашего высокородия мнение о причинах уменьшения народонаселения в Камчатской области. Я покорнейше прошу представить мне оное теперь же.

Подписал: военный губернатор контр-адмирал *Завойко*
и скрепил правитель канцелярии *А. Лохвицкий*

РГА ВМФ. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

Господину камчатскому военному губернатору медицинского инспектора Камчатской области, 26 апреля 1855 г.

Вследствие предписания от 26 апреля 1855 г. № 572 имею честь почтительнейше донести, что причины большого числа умерших против числа родившихся в Камчатской области в продолжение 1854 г., по моему мнению, главнейшие были:

1) простудно-воспалительная эпидемия, которая в первую треть прошлого года опустошительно прошла всю область;

2) цинготная болезнь, привезённая в Камчатку на фрегате «Аврора», от которой была значительная смертность между нижними чинами этого фрегата;

3) последствия сражения с англо-французскою эскадрою, напавшей на Петропавловский порт и

4) в Гижигинском округе корь. Этих причин достаточно для объяснения в 1854 г. уменьшения в Камчатской области народонаселения.

Медицинский инспектор *Ленчевский*

РГА ВМФ. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 3. Л. 63—63об.

Свидетельство, выданное А. И. Яркову, октябрь 1857 г.

Сим удостоверяется, что иркутский мещанин Иван Андреев Ярков, находившийся в 1854 г. по торговым делам в Петропавловском порте, вследствие воззвания камчатского военного губернатора от 1854 г. по случаю разрыва России с Францией и Англией, поступил волонтёром для участвования в военных действиях в случае нападения на Петропавловский порт и при нападении на порт англо-французской эскадры участвовал в трёх действительных сражениях 18, 20 и 24 августа 1854 г. противу десантного войска с судов англо-французской эскадры, почему на основании всемилостивейшего манифеста 26-го августа 1856 г. и высочайше утверждённых в тот же день правил для раздачи бронзовых медалей в память войны 1853—1856 гг., имеет право носить медаль светлой бронзы на Георгиевской ленте, которая ему и выдана.

Подписал военный губернатор
контр-адмирал *Казакевич*
и скрепил правитель канцелярии
коллежский асессор *Хитрово*

РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 2639. Л. 42—42об.

В конце раздела, посвящённого описанию преобразованиям Петропавловского порта и подготовке его к отражению возможного вражеского нападения, а также хода славной Петропавловской обороны августа 1854 г., нам показалось целесообразным привести биографические данные о первом камчатском губернаторе и семье, из которой вышла его супруга.

Полный послужной список адмирала Василия Завойко, составлен 14 июля 1897 г.

I. Чин, имя, отчество и фамилия — адмирал, Василий Степанович Завойко.

II. Должность по службе — состоит по Морскому министерству.

III. Ордена и знаки отличия — Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 2-й ст., Св. Анны: 1-й ст. с короною и мечами над орденом и 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 1-й ст., Св. Георгия 3-го класса и 4-го класса за 25 лет. Медали: серебряная: за Турецкую войну 1828 и 1829 гг. и бронзовая на Георгиевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и знак отличия беспорочной службы за XXX лет в память царствования императора Александра III.

IV. Когда родился — в 1809 г. (1810).

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец — из дворян Полтавской губернии.

VI. Какого вероисповедования — православного исповедования.

VII. Где воспитывался — при родителях и экзамен в науках, до морского офицера относящихся, в Генеральной комиссии под председательством адмирала Грейга выдержал.

VIII. Получаемое на службе содержание — жалованье 1 480 руб., столовых 2 124 руб., квартирных 1 143 руб. 60 коп., за Наваринское сражение 171 руб. 42 коп., пенсии за службу на Камчатке 860 руб. (итого 5 779 руб. 02 коп.), аренды 3 000 руб.

IX. Прохождение службы.

Когда в службу вступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба; военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию, когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, всемилостивейшие рескрипты, высочайшие благоволения.

В службу вступил в Черноморский флот гардемарином 21 июня 1821 г.

Служба считается с 1825 г.

Мичманом тысяча восемьсот двадцать шестого года сентября двадцать пятого дня с назначением в Балтийский флот.

За отличие в сражении награждён орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом, сентябрь 1827 г.

Состоя на корвете «Наварин», получил именное высочайшее благоволение, сентябрь 1830 г.

Лейтенантом, 1 февраля 1833 г.

По распоряжению начальства находится в команде транспорта «Америка» в кругосветном плавании с 27 июля 1834 г. по 18 сентября 1836 г.

За отлично-усердную службу награждён орденом Св. Владимира 4-й ст.

Командирован в черноморские порты по поручению начальства, где пробыл до марта 1837 г.

По распоряжению начальства поступил в службу Российско-Американской компании на корабль «Николай» в кругосветное плавание, откуда возвратился и состоял в причислении во 2-м флотском экипаже с 10 июля 1839 г. по 6 декабря 1839 г.

По распоряжению начальства переведён на службу Российско-Американской компании начальником Охотской флотилии. Пожалован знаком отличия беспорочной службы за XV лет 22 августа 1843 г.

Капитан-лейтенантом, 26 марта 1844 г.

За отлично-усердную и ревностную службу по открытию Аянского порта награждён орденом Св. Анны 2-й степени, 1846 г.

Капитаном 2-го ранга, с назначением начальником Аянского порта, 23 октября 1846 г.

Награждён знаком отличия беспорочной службы за XX лет, 22 августа 1848 г.

Капитаном 1-го ранга, 3 апреля 1849 г.

Назначен исправляющим должность Камчатского военного губернатора, командиром Петропавловского порта, 15 февраля 1850 г.

Награждён орденом Св. Георгия 4-го класса за 25 лет.

За отлично-усердную службу награждён орденом Св. Анны 2-й степени с императорскою короною.

За отличие по службе генерал-майором в должности военного губернатора и командира порта, 25 июня 1853 г.

Награждён знаком отличия беспорочной службы за XXV лет, 30 декабря 1853 г.

Контр-адмиралом при прежней должности, 17 ноября 1854 г.

За отлично-усердную и ревностную службу награждён орденом Св. Станислава 1-й ст., 26 ноября 1854 г.

За отличие при отражении нападений англо-французской эскадры на Петропавловский порт в 1854 г. пожалован орденом Св. Георгия 3-й ст., 1 декабря 1854 г.

Назначен начальником морских сил, на устьях Амура находящихся, 24 мая 1855 г.

Назначен начальником морских и сухопутных сил, на устьях Амура сосредоточенных, 15 сентября 1855 г.

За особенные полезные труды получил особенное монаршее благоволение, 24 ноября 1855 г.

Награждён бронзовою медалью в память войны 1853—1856 гг., 26 августа 1856 г.

Отчислен от должности Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта с состоянием по флоту, 10 декабря 1856 г.

Назначен членом Морского генерал-аудиториата, 29 июля 1857 г.

Награждён знаком отличия беспорочной службы за XXX лет, 22 августа 1857 г.

Вице-адмиралом, 23 апреля 1861 г.

За усердную службу награждён орденом Св. Анны 1-й ст. с императорскою короною и с мечами под орденом, 19 апреля 1864 г.

Высочайшим приказом, отданным по флоту 1-го августа 1867 г., № 703, назначен состоять по Морскому министерству, 1 августа 1867 г.

Продолжена аренда по 1 200 руб. в год на шесть лет, 1867 г.

Продолжена аренда на шесть лет, 1875 г.

Высочайшим приказом, отданным по флоту 1 января 1874 г., № 1061, произведён в адмиралы, 1 января 1874 г.

Увеличена аренда до 2 700 руб. в год, 1876 г.

Пенсии за Наваринское сражение 171 руб. 42 коп., 1877.

Продолжена аренда по 2 700 руб. в год на шесть лет, 1879.

Всемилостивейше пожалован орденом Белого Орла, 1884 г.

Продолжена аренда по 2 700 руб. в год на четыре года с 19 декабря 1885 г.

Продолжена аренда по 2 700 руб. в год на четыре года, 19 декабря 1889 г.

Всемилостивейше пожалован орденом Св. Александра Невского, декабрь 1890 г.

Увеличена аренда до 3 000 руб. и продолжена на четыре года с 19 декабря, 1896 г.

Серебряная медаль в память царствования императора Александра III, 1896 г.

Высочайший приказ по Морскому ведомству за № 170, исключён из списков, 23 февраля 1898 г.

X. Бытность вне службы.

а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительною.

б) в бессрочном отпуске, с какого и по какое время.

в) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время.

г) без исполнения службы.

д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу.

е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

Уволен в заграничный отпуск для излечения болезни 10 декабря 1856 г., возвратился 10 апреля 1857 г.

С высочайшего разрешения уволен от занятий по генерал-аудиториату на пять лет с сохранением получаемого содержания с правом жить в России, где пожелает, 23 августа 1865 г. Уволен в отпуск до выздоровления, 13 декабря 1871 г.

XI. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедования.

Женат на дочери действительного статского советника барона Врангеля Юлии Егоровой, у них дети: сыновья: Степан, родился 25 апреля 1844 г., Василий, родился 15 сентября 1850 г., и Иван, родился 15 сентября 1850 г.; дочери: Мария, родилась 20 июня 1847 г., Екатерина, родилась 7 октября 1848 г., Варвара, родилась 7 декабря 1852 г., Юлия, родилась 7 апреля 1854 г., Вера, родилась 11 марта 1858 г., и Ольга, родилась 24 апреля 1859 г., находятся при отце. Православного исповедования...

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии.

В походах и в делах против неприятеля находился:

При истреблении 8 октября 1827 г. союзными эскадрами турецко-египетского флота при Наварине.

В 1854 г. в Петропавловском порту начальствовал командами, состоящими в порте и в гавани, фрегатом «Аврора» и транспортом «Двина», всего в 900 человек с волонтёрами, и отразил с ними нападение неприятельской англо-французской эскадры, состоявшей из четырёх фрегатов, парохода-фрегата и брига, под начальством контр-адмиралов Фебриес Дэспонте и Прайса, осадивших порт с 17 по 24 августа всею означенною эскадрою противу батарей порта и в то же время десантом до одной тысячи человек, 24 августа окончательно десант неприятельский разбит, потеряв своё знамя, и эскадра, повреждённая 24 августа, удалилась с рейда.

В 1855 г., бывши начальником Камчатской эскадры, составленной из судов: фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспортов: «Диана», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1, на рейде залива де-Кастри был в действительном сражении 8 мая против англо-французской эскадры, состоявшей из трёх судов: одного фрегата, винтового корвета и брига. Сражение происходило в обмене нескольких выстрелов, и неприятель удалился с рейда.

XV. Сколько кампаний служил на море, где, на каком военном судне, под чьею командою или сам командиром судна или эскадры; особые поручения сверх прямых обязанностей по высочайшим повелениям или от начальства.

В 1822 г. на бриге «Мингрелия» под командою капитан-лейтенанта Станюковича с 20 мая по 20 сентября, в плавании в Чёрном море.

В 1823 г. на бриге «Орфей» под командою капитан-лейтенанта Папахристо, с 12 июня по 20 августа, от Николаева до Севастополя, Одессы, Козлова, с эскадрою по Чёрному морю и обратно в Николаев.

В 1824 г. на шлюпе «Диана» под командою капитан-лейтенанта Станюковича с 12 июня по 20 августа от Николаева до Севастополя с эскадрою по Чёрному морю и обратно в Николаев.

В 1826 г. на транспорте «Змей», корабле «Франц» и шлюпе «Диана» под командою капитана 1-го ранга Снаксарёва и капитан-лейтенантов Антилы и Плетнёва, с 23 июня по 12 сентября от Николаева в Чёрное море с эскадрою и обратно в Николаев.

В 1827 г. на корабле «Александр Невский» под командою капитана 2-го ранга Богдановича в эскадрах контр-адмирала Сенявина и графа Гейдена, с 27 мая от Кронштадта в Ревель, Копенгаген и Портсмут, от онаго в отдельной эскадре в Палермо, Мессину к западным берегам морей, где, соединясь с английскою и французскою эскадрами, под главным начальством контр-адмирала Кондригтона, в порт Наварин, в коем 8 октября 1827 г. находился в действительном сражении при истреблении турецко-египетского флота, из оного для исправления повреждений в Мальту до 1 января 1828 г., семь месяцев 23 дня.

В 1828 г. на корабле «Александр Невский» под командою капитан-лейтенанта Епанчина 2-го от Мальты на вид Наварина в Архипелаг и обратно в Мальту для конвоирования корвета «Наварин», от оного в крейсерстве к крепостям Короно и Наварин, оттуда к острову Кандии и обратно в Наварин и Мальту по 3 октября 1828 г., десять месяцев два дня.

В оном же году на корвете «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Нахимова, в стоянии на Мальтийском рейде по 1 января 1829 г., два месяца семь дней.

В 1829 г. на корвете «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Нахимова, с 1 января по 6 марта в стоянии на Мальтийском рейде и с оного в плавании по Средиземному морю и Архипелагу, девять месяцев и восемь дней.

В 1830 г. на корвете «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Нахимова, из Порро в Мальту, в Кронштадт, Свеаборг и обратно в Кронштадт по 18 сентября, девять месяцев и восемь дней.

В 1831 г. на корвете «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Белим-Колосовского, с 12 мая от Кронштадта до Готланда и обратно, а потом с конвоем в Либаву, два месяца 15 дней.

В 1832 г. на корвете «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Белим-Колосовского, с 24 апреля из Кронштадта в Данию и обратно в Кронштадт, из оного в крейсерство в Балтийском море и обратно в Кронштадт, кампания продолжалась по 1 августа, три месяца 15 дней.

В том же году на бриге «Гектор» под командою капитан-лейтенанта Наумова, в эскадре адмирала Крона, с 1 августа по 31 октября от Кронштадта в Ревель, из оного в крейсерство до острова Баригольма, а потом в Ревель и обратно в Кронштадт, три месяца семь дней.

В 1833 г. с 1 по 19 мая у проводки из Санкт-Петербурга в Кронштадт фрегата «Паллада» под командою капитан-лейтенанта Нахимова, 18 дней.

В том же году на фрегате «Паллада» под командою капитан-лейтенанта Нахимова, с 24 июля по 11 октября из Кронштадта в Ревель, из оного в крейсерстве в Балтийском море, потом в Ревель и обратно в Кронштадт, два месяца и 23 дня.

В 1834 г. на военном транспорте «Америка» под командою капитан-лейтенантов фон Шанца и Беренса, с 27 июля из Кронштадта в плавании кругом света к северо-западным берегам Америки, а оттуда в Кронштадт из оного в Ревель, Стокгольм и обратно в Кронштадт, кампания продолжалась по 18 сентября 1836 г., 27 месяцев и 23 дня.

В 1837 г. на корабле «Николай», принадлежащем Российско-Американской компании, под командою капитан-лейтенанта Беренса, с 7 мая по 10 июля 1839 г. в дальнем вояже, 31 месяц 25 дней.

В 1850 г. на корабле «Ахта», шхипер Ридель, принадлежащем Российско-Американской компании, из Аяна в Петропавловский порт к месту назначения.

В 1855 г. с 3 апреля по 5 июня при переходе от Петропавловского порта к юго-восточным берегам Сибири на пути заходили в Императорскую гавань, залив де-Кастри и к мысу Лазарева на эскадре судов Камчатской флотилии, составленной из фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспортов «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1, сам командовал эскадрою, два месяца восемь дней.

Согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири сдал должность и отправился в Санкт-Петербург 21 июня 1856 г. и прибыл 5 ноября того же года.

Особые поручения.

По высочайшему повелению, сообщённому в предписании генерал-губернатора Восточной Сибири от 29 декабря 1854 г. за № 95, поручено все находящиеся в Петропавловском порте военные способы, всю морскую команду и управления, как военные, так и гражданские, перенести в Николаевский пост на устье реки Амура, оставив в Камчатском округе только управление земское, с присвоением исправнику всех тех обязанностей, кои возложены на земских исправников малолюдных округов в Сибири, и почтовую контору.

Вследствие такой высочайшей воли, с 3 марта 1855 г. приступлено к снятию укреплений, исправлению и вооружению находившихся в Петропавловском порте судов, а именно: фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспортов «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бота № 1, к погрузке на них казённого и частного имущества и присутственных мест, а также к устройству гражданского управления области.

К 3 апреля укрепления сняты, суда исправлены, казённое и частное имущество и присутственных мест погружены; из малой губы до Сигнального мыса пропилен и выведен лёд, и суда готовы к выходу в море. По гражданскому ведомству сделаны все необходимые распоряжения, продовольствием жители Камчатки обеспечены на два года.

3 апреля эскадра, составленная из вышеупомянутых судов, снялась с якоря на Авачинском рейде и благополучно вышла в море, следуя к месту назначения мимо значительно сильнейших, состоявших из 27 военных и паровых судов.

1 мая благополучно прибыли в залив де-Кастри, по мере прибытия судов свозились на берег больные и пассажиры, а также и казначейства для отправления в селение Кази, 8-го числа подошли к заливу неприятельские крейсеры и по обмене несколькими выстрелами 9-го числа удалились. До 14 мая эскадра была задерживаема льдом, а 14-го в одиннадцать часов ночи вышла из залива де-Кастри для следования к мысу Лазарева.

Неприятельские крейсеры прибыли в де-Кастри 15-го числа пополудни, но эскадра уже прошла к мысу Лазарева благополучно и 24-го числа встала по данной диспозиции.

С 1 июня сделано распоряжение о проводке судов в реке Амуре и свозе всего казённого имущества в Николаевский порт, что и окончено к 20 июля.

В 1857 г. 15 апреля по воле государя великого князя генерал-адмирала командирован в Архангельск для исполнения возложенных на него поручений и 22 мая возвратился из этой командировки в Санкт-Петербург.

Случаям, лишающим права на получение знака отличия беспорочной службы высшего достоинства, не подвергался.

РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1071. Л. 50—62.

Справка № 1239/66 Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР от 14 декабря 1984 г.

В печатном справочнике о родословной прибалтийского дворянства (Эстляндия, т. 1, 1931) отмечено, что адмирал Василий Завойко (умер в местечке Великая Мечеть 15 февраля 1898 г.) был женат на Юлиане Врангель (родилась в Казани 12 марта 1829 г., умерла 28 ноября 1883 г.).

Её отец — барон Георг Густав Лудвиг родился в имении Майдла Везенбергского уезда Эстляндской губернии 9 октября 1784 г., умер в Санкт-Петербурге 15 июня 1841 г.

Г. Г. Л. Врангель — действительный статский советник, первый инспектор учреждённой в 1835 г. юридической школы в Санкт-Петербурге, профессор русского права в Казани, был женат на Яковкиной Прасковье, дочери профессора (родилась 26 октября 1794 г., умерла 4 октября 1858 г.).

Их дети:

1. Катерина (19 января 1815 — 20 августа 1865).
2. Вильгельм (1 марта 1816, Казань — 16 октября 1860, Петербург).
3. Варвара (20 августа 1817 — 27 января 1873).
4. Юлиана (12 марта 1819).
5. Анна (20 ноября 1820 — 27 декабря 1895).
6. Виктор (1823 — 4 февраля 1836).
7. Георг (Царское Село, 21 апреля 1827 — 1875), тайный советник, сенатор, был женат на Наталье Николаевне Евреиновой (1837—1916).

Окружной городок и планы возрождения Камчатской области (1856—1909 гг.)

(с. 249—261)

События 1854—1855 гг. принесли Петропавловску широчайшую славу не только в России, но и за границей. И после 1855 г. в разных странах мира многие продолжали восхищаться героизмом защитников Петропавловска, которые смогли так блестяще отбить нападение столь сильного врага. Высоко оценивалась и оперативно проведённая в 1855 г. эвакуация Петропавловского гарнизона, что способствовало новому военному успеху России, но на этот раз уже в Приамурье.

Военные действия 1855 г. показали, что для обороны Дальнего Востока неизмеримо большее значение имело разумное укрепление мелководных морских подступов к устью реки Амур с его новыми надёжными батареями на мысах Лазарева, Чныррах и других. Здесь вражеские корабли на опасном мелководье были стеснены в маневре и потому оказывались удобной мишенью для метких русских артиллеристов. Нападение на эти берега России для вражеских кораблей становилось равносильным самоубийству. К тому же защитники Приамурья имели отсюда достаточно надёжную связь с русским тылом по Амуру, чего не было на Камчатке, отрезанной Охотским морем.

Так был сделан весьма неприятный для Камчатки и её жителей суровый, но справедливый вывод: «Оплотом для России на отдалённом Востоке никогда не мог быть Петропавловск, и что вся сила её с этой стороны заключалась единственно в... Приамурском крае».

Этот вывод сделал моряк Владимир Войт, много способствовавший тому, чтобы о подвиге Петропавловска узнала вся Россия. (Он написал первую книгу об этом славном событии: Войт В. К. Камчатка и её обитатели. С видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 августа. — СПб., 1855. Эта книга воспроизведена в 4-м выпуске «Вопросов истории Камчатки». — Ред.*) Поэтому неудивительно, что по окончании Крымской войны в России заметно понизился интерес к Камчатке и её столице — Петропавловску. Дело дошло до того, что уже 31 октября 1856 г. был подписан правительственный указ, по которому Камчатка из области превращалась в простой округ новой Приморской области. Петропавловску был нанесён серьёзнейший удар. Город сразу захирел, и, естественно, это было многим весьма обидно...*

Город-герой не заслуживал подобной обидной участи. Именно поэтому о. Иннокентий Вениаминов, знаменитый исследователь Алеутских островов, столь горячо восхищавшийся героизмом защитников Петропавловска, настоял на принятии решения, по которому было решено ежегодно торжественно отмечать 24 августа богослужением в местной церкви с большим крестным ходом на Никольскую гору. Так с 1858 г. день 24 августа (по старому стилю) и стал считаться днём Петропавловска.

К сожалению, город оказался в стороне от тех больших событий, которые развернулись на Дальнем Востоке после окончания Крымской войны.

Для дальнейшего укрепления безопасности Дальнего Востока в те годы потребовалось, прежде всего, заняться освоением Приамурья и Приморья. В эти годы возросли опасения, что заморские колонизаторы могут вклиниться в пустующие приморские районы, расположенные между русскими и китайскими владениями. На то были достаточно серьёзные основания.

Уже во время Крымской войны англичане стали проявлять подозрительный интерес к Императорской (ныне Советской) гавани. Англичане даже переименовали её в «Гавань Барракута», по названию одного из своих судов, принимавших участие во враждебных действиях против России. Стали совершаться подозрительные плавания английских и французских кораблей и в районе севернее открытого русскими в 1854 г. замечательного южного залива Посьета. Англичане и французы там же стали давать многим заливам и мысам свои наименования.

В этих условиях возникла острая необходимость изучить и освоить побережье от Императорской гавани на юг до Кореи. Тут последовали новые важные открытия. Если раньше считали, что этот район — от залива Посьета до залива Императорская гавань — представляет будто бы сплошной ровный скалистый берег, то теперь неожиданно выяснилось, что там имеется множество удобных заливов. В 1857 г. русские открыли заливы Владимира и Ольги. С 1858 г. началось изучение замечательного залива Петра Великого, а в 1859 г. был обнаружен удобный залив Находка. Тогда же в результате тщательного изучения залива Петра Великого на картах впервые появились новые географические названия: Владивосток, Амурский залив, Уссурийский залив, Славянка и другие. В этих условиях было уже не до далёкого Петропавловска. И всё-таки после окончания Крымской войны в городе стала постепенно восстанавливаться нормальная жизнь.

Это ясно видно из воспоминаний моряка А. К. Де-Ливрона, посетившего его в 1861 г., и гидрографа К. С. Старицкого, рассказавшего о своём пребывании здесь в 1866 г.

Характерно, что ослаблением внимания русских властей к Петропавловску сразу же воспользовались иностранные, особенно американские, торговцы. С этого момента их активность стала заметно возрастать. Они расширили свою торговлю привозными товарами и стали довольно широко вывозить с Камчатки пушнину. Заметно активизировались действия американцев и на устье Амура.

В Николаевске-на-Амуре обосновался американский консул на русском Дальнем Востоке Перри Мак-Дона Коллинс, который одним из первых выдвинул смелую идею о проведении телеграфа из Соединённых Штатов через Аляску, Чукотку к Николаевску-на-Амуре и далее в Китай и Японию. Эту идею подхватила американская телеграфная компания «Вестерн Юнион», и на русский Дальний Восток были отправлены первые американские изыскатели. Один из них в 1865 г. появился в Петропавловске. Это был Дж. Кеннан, впоследствии знаменитый американский публицист. В наш сборник мы включили отрывок из его воспоминаний о пребывании в Петропавловске в 1865 г.

Серьёзные перемены произошли в северной части Тихого океана после продажи Аляски в марте 1867 г. Для Камчатки договор об этом имел отрицательные последствия, ибо с той поры резко возросла активность американских хищников у берегов полуострова, особенно на Командорских островах. Некоторые американские политики даже стали призывать к дальнейшему распространению американского влияния на страны Дальнего Востока. Так, председатель комитета по иностранным делам палаты представителей Конгресса Н. Бенкс в своей речи о внешней политике Северо-Американских Соединённых Штатов, произнесённой им 30 июня 1865 г., откровенно заявил: «На Тихом океане развернутся гигантские битвы будущего... Алеутские острова будут мостом между Америкой и Азией, через который мы сможем распространить наши институты и законы на Восток, так же как и на острова Тихого океана».

При этом Бенкс пророчествовал, что будто бы САСШ, используя Аляску для наступления на Азию, смогут уготовить «американскую судьбу 600 миллионам душ». В ответ на это конгрессмен от штата Пенсильвания Вильямс с иронией спросил: «Не рассчитывает ли он, Бенкс, на то, что эта территория явится просто

передовым постом в том марше к мировому господству, которым мы теперь грозимся? Не предполагает ли он, что за новые семь миллионов долларов золотом последует присоединение Камчатки, русского дальневосточного побережья, одной из двух провинций Индии, соглашение об аннексии Японии и вытеснение Великобритании из морей Китая?» Конечно, тогда все эти экспансионистские планы были нереальными.

Ещё больше возросла тревога за дальнейшую судьбу Камчатки после того, как в 1871 г. царское правительство согласилось передать Аляскинско-Мексиканской компании (она же «Гутчинсон, Кооль и Ко») Командорские острова в аренду на целых двадцать лет. А в связи с этим вскоре в Петропавловске появился представитель этой компании и открыл собственную контору. Естественно, многих в России тревожило, что в жизни Петропавловска усиливается влияние иностранцев.

В 1873 г. в Санкт-Петербурге вышел четвёртый том знаменитого словаря П. П. Семёнова, в котором о Петропавловске есть такие горькие строки: «С упрочением нашего владычества в Заамурской части, а также с уступкой Северо-Американским Штатам Русской Америки, Петропавловск утратил своё стратегическое и всегда немаловажное торговое значение и удержал за собою только некоторое административное значение по управлению Камчатским округом».

Некоторое представление о жизни в Петропавловске в 1875 г. содержит используемый в сборнике рассказ К. К. Неймана и любопытные статистические данные о Петропавловске, собранные уже в 1877 г.

Американские торговцы воспользовались возникшим положением для того, чтобы начать завоз в Петропавловск так называемых «колониальных товаров» — всякой завали, которую они уже не могли в других местах сбыть с рук. В этих условиях русский купец А. Ф. Филиппеус решил начать широкий завоз в Петропавловск русских товаров. Отношение к Филиппеусу в России было неоднозначным: одни его считали великим русским патриотом, другие — бессовестным торгашом, который будто был в сговоре с американскими коммерсантами и, пользуясь своим монопольным положением, искусственно вздувал цены. Поскольку А. Ф. Филиппеус, безусловно, сыграл немалую роль в истории Петропавловска, в нашем сборнике приводится текст его записки. Из неё ясно видно, что это был весьма энергичный капиталист, который стремился значительно расширить своё дело. Так, например,

в 1872 г. он даже сделал попытку полностью захватить в свои руки русскую торговлю на Курилах. Но этот предпринимательский план был сорван скоропалительным, неумным решением правительства в 1875 г. уступить Японии всю Курильскую гряду в обмен на отказ Японии от своих притязаний на южную часть Сахалина.

Петропавловцам невольно пришлось стать свидетелями последствий этой роковой уступки. Во-первых, в Петропавловске появился японский крейсер, на борту которого прибыли японские официальные лица, которые были посланы принять из рук русских Северные Курилы. Во-вторых, на берегу Авачинской губы были временно поселены алеуты и курильцы, вывезенные с островов. В сборнике приводится документ, рассказывающий об их тяжёлом положении в Авачинской губе недалеко от селения Сероглазка.

Пользуясь присутствием там курильцев-айнов, известный петропавловский врач Б. Дыбовский смог составить новый, довольно любопытный словарик айнского языка. Имеются и другие документы об успешной деятельности Б. Дыбовского — о его полезных метеорологических наблюдениях в Петропавловске и ранее неизвестной его попытке создать памятник участнику Второй Камчатской экспедиции Георгу Стеллеру. Несколько позже, в 1882 г., в Петропавловске был поставлен на оконечности кошки ныне широко известный памятник павшим героям обороны Петропавловска 1854 г. «Слава». Рассказы об этом событии имеются в воспоминаниях В. Ф. Руднева (будущего героя крейсера «Варяг»), прибывшего в Петропавловск на крейсере «Африка», и публикуемого на русском языке отрывка из книги английского дарвиниста Ф. Х. Х. Гюйллемарда.

Тогда же, в 1882 г., был поднят вопрос о восстановлении в Петропавловске библиотеки. Ранее существовавшая сильно пострадала от пожара в 1854 г., а уцелевшие в ней книги, перевезённые в 1855 г. в Николаевск, назад возвращены не были. В самом начале 1880-х гг. моряки в Петропавловске стали собирать новую библиотеку, а поэтому в 1882 г. во Владивостоке был опубликован призыв оказать ей помощь книгами.

В связи с дальнейшим повышением цен на котиковые шкуры в 1870—1880-х гг. участились набеги иностранных хищников на лежбища, особенно острова Тюленьего у берегов Сахалина. Для задержания хищников в северную часть Тихого океана посылались крейсера, которые часто стали заходить в Петропавловск.

Задержанные и конфискованные шхуны доставлялись сюда же. Так, в 1884 г. клипер «Разбойник» привёл одну из них, которую позже стали использовать для связи между Петропавловском и Командорскими островами.

С 1886 г. Добровольный флот организовал постоянно действующую пароходную связь между Владивостоком и Петропавловском.

24 июня 1888 г. в Петропавловск прибыл корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга С. О. Макарова. Корвет был послан для борьбы с иностранными хищниками, нападавшими на котиковые промыслы Командорских островов и острова Тюленьего. Но наибольшую пользу он принёс своими комплексными океанографическими исследованиями, получившими всемирную известность.

В связи с усилением активности иностранных браконьеров встал вопрос о дальнейшем совершенствовании всей системы охраны русских промысловых районов, об установлении регулярной службы для борьбы с нарушителями законов, посылки в те воды специального военного крейсера.

Одновременно возник вопрос о проведении новой административной реформы на Камчатке и Сахалине, введении особой системы управления. И в связи с выделением Приморской области из состава гигантской Восточной Сибири в 1888 г. такое особое управление на Камчатке было создано. Из включённых в сборник отрывков из записки департамента общих дел Министерства внутренних дел от 14 марта 1888 г. видно, чем были вызваны эти важные административные перемены, серьёзно сказавшиеся на жизни Петропавловска. Этот текст показывает, что главным инициатором перемен был руководитель Приморской области энергичный барон А. Н. Корф, которого встревожило усиление на всём дальневосточном Северо-Востоке от Камчатки до Чукотки иностранного, особенно американского, влияния. Для того чтобы получить более достоверные сведения о положении дел в районе Чукотки, туда была отправлена китобойная шхуна «Сибирь» со штабс-капитаном А. А. Ресиным. Во время этого плавания Ресин дважды побывал в Петропавловске, и в наш сборник вошли два отрывка из его описания города.

Далее воспроизводится отрывок из корреспонденции «Несколько дней в Петропавловске», опубликованной в газете «Владивосток» за 14 августа 1888 г. В ней даётся краткая, но достаточно красочная характеристика города.

В августе 1889 г. на клипере «Разбойник» в Петропавловск заходил начальник Анадырской округи Л. Ф. Гриневецкий с переселенцами, которые должны были основать новый Ново-Мариинский пост — теперь город Анадырь. В том же 1889 г. в семье петропавловского урядника Павла Анненкова родился сын Юрий, впоследствии прославившийся как видный художник и литератор, первый иллюстратор поэмы «Двенадцать» А. Блока. Ю. П. Анненков опубликовал в 1966 г. в Нью-Йорке свои двухтомные воспоминания, в которых, судя по рецензиям, рассказал и о своём раннем детстве, проведённом в Петропавловске. К сожалению, составители сборника не смогли познакомиться с этими воспоминаниями.

В 1890 г. в Петропавловске была создана первая метеостанция. Тогда же летом здесь побывал ботаник О. Герц.

В связи с началом в 1884 г. успешной деятельности во Владивостоке научного Общества изучения Амурского края, в Петропавловске возникла идея создать своё подобное «Общество изучения полуострова Камчатки». В сборнике впервые печатается разработанный тогда его устав. Однако царские власти встретили эту идею в штыки. Мы впервые публикуем документы, позволяющие яснее представить, как эта прогрессивная идея была провалена дальневосточными властями. Всё-таки петропавловской интеллигенции удалось добиться открытия в 1893—1894 гг. первого городского одноклассного училища. В сборнике приведён официальный приказ об этом за подписью приморского военного губернатора генерал-майора П. Ф. Унтербергера от 19 апреля 1893 г. Дополнительные сведения об этом же имеются в документе о преобразовании училища в 1912 г. в высшее начальное четырёхклассное.

В 1890-х гг. на Камчатку зачастили различные исследователи: из Владивостока приезжал видный краевед В. П. Маргаритов, выпустивший в 1899 г. книгу «Камчатка и её обитатели», врач Н. В. Слюнин, позже опубликовавший двухтомную монографию «Охотско-Камчатский край», журналист А. П. Сильницкий, выпустивший в 1897—1898 гг. две книги с материалами по истории Петропавловской обороны, экономист А. А. Прозоров, напечатавший в 1902 г. в Санкт-Петербурге монографию «Экономический обзор Охотско-Камчатского края». Все эти книги содержали немало различных сведений о Петропавловске. В сборнике используются отрывки из книги А. А. Прозорова, поскольку в них даны наиболее полезные сведения о жизни в Петропавловске в конце XIX в. На рубеже веков в Петропавловске побывал проездом знаменитый

революционер, писатель и этнограф В. Г. Тан-Богораз. В сборник включены его краткие заметки о Петропавловске.

С 1903 г. начальником Петропавловского округа стал упоминавшийся А. П. Сильницкий. В сборнике публикуется его сообщение о начале русско-японской войны в 1904 г. и документы по его ходатайству о награждении участницы Петропавловской обороны 1854 г. А. И. Карандаш.

А. П. Сильницкому пришлось выдержать настоящую войну с различными петропавловскими казнокрадами и купцами-браконьерами. Их усилиями и интригами он был насильственно смещён со своего поста, объявлен сумасшедшим и выдворен из Петропавловска. Поскольку эта позорная история весьма подробно описана самим Сильницким в его нашумевшей в своё время статье «Четырнадцать месяцев в Камчатке» и к истории города имеет лишь косвенное отношение, в сборнике даётся о ней лишь беглое упоминание.

В документах, посвящённых русско-японской войне 1904—1905 гг., воспроизводится приказ по Петропавловску о мобилизации на службу запасных, как офицеров, так и рядовых, сообщение о нападении японцев на Петропавловск летом 1905 г., документ о разминировании Авачинской губы и, наконец, список отличившихся при обороне Камчатки дружинников из Петропавловска.

Завершается эта часть сборника, в частности, сообщением уездного начальника С. М. Леха о тяжелейшем состоянии больничного дела в Петропавловске в 1907 г.

Последующие документы ясно показывают необходимость ускорения заселения и развития Камчатки: в эти годы росла опасность со стороны агрессивных кругов Японии. Становилось понятно, что Камчатке, и в частности Петропавловску, необходимо срочно оказать помощь, вывести его из состояния упадка.

Представление настоятеля Петропавловского собора архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому Иннокентию от 12 августа 1858 г.

Во исполнение предписания Камчатского духовного правления долг имеем представить вашему высокопреосвященству, что по объявлению нашим прихожанам высочайше утверждённого определения Святейшего Синода об учреждении крестного хода в Петропавловске на Никольскую гору в 24 день августа каждогодно в память славного отражения русскими англо-французского десанта

от Петропавловского порта в 1854 г., мы вместе с ними мнением полагаем:

24 августа каждогодно пред литургией, соборне отправить на могиле убиенных панихиду, по окончании божественной литургии начать крестный ход со святыми иконами, при колокольном звоне из собора сначала по берегу, в ясной день до Сигнального мыса, на устроенной там к бывшим батареям дороге подняться на Никольскую гору, а в ненастный день до перешейка, и там, поднявшись на означенную гору, продолжать шествие по верху горы до места конечного поражения врагов, и там, на вершине горы, отправить благодарственное господу богу с коленопреклонением молебствие с провозглашением его императорскому величеству, всему августейшему дому и победоносному, христолюбивому всероссийскому воинству многолетие, а павшим на брани и скончавшимся от брани защитникам Петропавловского собора и порта — вечная память. По окончании, спустившись здесь с горы, возвратиться в собор. Затем продолжать во весь день колокольный звон.

Мнение сие долг имеем представить на архипастырское вашего высокопреосвященства благорассмотрение.

Вашего высокопреосвященства, милостивейшего
нашего отца и архипастыря всенижайшие послушники
настоятель собора, камчатских церквей
священник *Георгий Логинов,*
священник *Логгин Копытов,*
диакон *Феодосий Лавров,*
дьячок *Моисей Коллегов*

РГИА ДВ. Ф. 244. Оп. 4. Д. 1. Л. 7—8.

Воспоминания моряка А. К. Де-Ливрона (корвет «Калевала») о пребывании в Петропавловске в 1861 г.

Придя в Петропавловск вечером, мы за темнотой остановились вне бухты, а на утро 6 октября вошли в котловину внутреннего рейда, пробираясь между высокими горами, на которых под солнечными лучами всюду блестел густой слой снега...

Погода была великолепная, и ей очень гармонировал колокольный звон. Красивенький деревянный городок имел тогда одну деревянную церковь и до четырёхсот домиков, из которых некоторые могли бы справедливо называться избушками на курьих ножках.

На заднем фоне города величественно возвышалась красивая, покрытая снегом Авачинская сопка, а в стороне виднелись огромные Ключевская и Коряцкая.

Интеллигенция Петропавловска состояла из трёх или четырёх семейств и нескольких холостяков. К числу первых принадлежали капитан-лейтенант Н. А. Сутковой, городничий Хмелевский, ластовый поручик Губарев и агент Амурской компании, а из холостых могу вспомнить морского доктора Левицкого и американца Хунтера. Всё это были очень милые люди, и мы с первого же дня с ними перезнакомились. Наиболее богатым и гостеприимным из них показался Губарев, женатый на камчадалке из Гижиги и имевший двух дочек, чуть не близнецов, причём младшая считалась красавицей. Сам Губарев, здоровый, коренастый блондин, стяжавший себе славу бесстрашного охотника на медведей, слыл за очень умного и передового человека в этом богом и людьми забытом крае. Контингент населения Петропавловска едва ли достигал численности в двести человек, тогда как всего во всей Камчатке насчитывалось лишь около шести тысяч человек.

После годового странствия по морям и океанам мы снова попали на чёрный хлебец, гречневую кашу и русскую баню. Всему этому особенно радовалась команда. Люди говорили: «Наконец-то мы опять попали в “свой” город с русской речью. Ишь, она, русская земля, куда протянулась! Плыли целый год и добрались до дальнего её конца!»

За время пятидневной стоянки в этом милом уголке нам пришлось три раза побывать на семейных вечеринках. Нас угощали балыком, кетой и квасом, а также трофеями губаревской охоты — кабаниной и медвежиной.

В Камчатке существует особый танец — «осьмерка». Это род кадрили-монстр, но танцуется затейливее и оживлённее. Есть ещё один танец, занесённый туда с Командорских островов, под названием «поезд», и он танцуется под пение участвующих в нём лиц. Это также нечто вроде кадрили, но очень суетливый и живой танец. Слова песни следующие:

Я тебя люблю душой, но ты лицемеришь.
Верю, верю, ангел мой, брось ты речь пустую.
За любовь твою такую сто раз поцелую.

После тирады этих бессмысленных слов кавалер целует свою даму, а потом попутно и тех, которые тут же подвернутся. Более расторопные кавалеры успевают не только перетанцевать со всеми дамами, но и со всеми поцеловаться.

Петропавловск по своему видному стратегическому и коммерческому положению считается столицей Камчатки. Он когда-то раньше, до захвата нами Амурского края, был военным портом, но в настоящее время может только хвалиться дивною красотой своей природы, украшенной тремя огромными огнедышащими горами, из которых Ключевская сопка самая грандиозная. Это — царь всех сибирских гор, её острая вершина всегда покрыта облачком паров и дыма, так как находится в беспрерывном вулканическом действии. По временам из её жерла извергается пепел и пламя. Форма этой сопки составляет очень правильный конус, и высота её равняется шестнадцати с половиной тысячам футов. Всякие прелести природы стушёвываются перед колоссальным образом этого вулкана.

Главные занятия жителей — рыбная ловля и охота на пушного зверя. Там ловятся превкусные рыбы — кета и чавыча, это род лосося. Соболей промышляли тогда до трёх тысяч штук, а лисиц и выдр — около полутора тысяч штук в год. Чёрно-бурая лисица попадалась уже очень редко — не более пяти или шести штук в год.

Жизнь очень дорога.

Непременным спутником жизни камчадала является собака волчьей породы с острою мордой и торчащими вверх ушами. Камчатские собаки легко переносят голодовку, и их кормят только раз в день, перед заходом солнца. Каждой собаке полагается не более двух фунтов вяленой или кислой рыбы, называемой юколой. Для езды в нарту запрягают обыкновенно семь или восемь собак, причём передовые ценятся до шестидесяти рублей штука, так как они понимают вследствие дрессировки слова, служащие для указания куда поворачивать. Вожжей нет, а для остановки нарты служит оштул — род тормоза в виде палки с остриём. Её втыкают в снег между перекладинами нарты и таким образом постепенно задерживают ход.

В бытность мою в Петропавловске, последние два дня выпал обильный снег, и мне удалась покататься на собаках. Пока их впрягают, они с лаем и со страшной силой рвутся вперёд, а чтобы им не убежать до времени, нарту привязывают к крыльцу дома толстою верёвкой. Одна из передовых собак обыкновенно приучается к слову «гухы», что означает влево, а другая — «ках-ках», то есть вправо. «Нтя» означает — стой, «ээ» — пошёл и, наконец, «чук-чук» значит — скорей. С некоторыми из моих товарищей случилось, что они на ухабах сваливались с нарты, и тогда собаки, почуяв облегчение, удирали вперёд без седока, куда попало. Встреч-

ные камчадалы, видя иногда, как собаки мчат в пространство пустую нарту, охотно перехватывали собак и приводили их с нартой обратно к их хозяину в город. Нарта не имеет спинки, и сидят на ней обыкновенно держа ноги за бортом, а потому и немудрено на всяком ухабе слететь в снег.

По вечерам, тотчас по заходу солнца за горизонт, все собаки в городе, штук до тысячи, поднимают страшный вой, к которому в состоянии привыкнуть разве только природный камчадал. На нас этот вой обыкновенно производил удручающее впечатление. Всё казалось, что собаки этим вытьём предвещают какой-нибудь крупный пожар или смерть какого-нибудь обывателя. Замечательно, что сибирские и камчатские собаки вовсе не умеют лаять. Вытьё по вечерам через час обыкновенно понемногу замирало вследствие пересыхания горла у собак, а затем среди ночи иногда снова вспыхивало от какой-нибудь незначительной причины и тогда дружно подхватывалось несколькими сотнями более нервных собак, пока опять всё не успокаивалось. К этому, говорят, можно привыкнуть и крепко спать, как спят в деревне под крик грачей или ворон.

Среди жителей города было несколько семейств прокажённых, которых, впрочем, никто не сторонился. Их недуг не считался заразительным.

Мы на корвете привезли с собой для более бедных обывателей двести пудов соли для посолки рыбы. Соль у камчадала считается очень ценным продуктом.

На внутреннем рейде одновременно с нами стоял на якоре Российско-Американской компании парусный бриг «Шелихов», пришедший с моря с довольно значительною течью в трюме. Он был на пути из Кадьяка в Сан-Франциско и вёз ясачные меха, собранные у жителей островов Курильской гряды. Бриг собирались килевать, чтобы заделать место его течи, и оказалось при осмотре, что за внутреннею обшивкой, в шпациях между двумя шпангоутами, находился больших размеров булыжник. Этот камень, кем-то положенный, в течение может быть многих лет исподволь протирал себе во время качки жёлоб и до того стонил в этом месте наружный баргоут, что в конце концов в нём образовалось сквозное отверстие.

По соседству с Петропавловском, верстах в двух, за озером, находилась деревня Серые глазки. Это небольшой посёлок на берегу Авачинской бухты, и кроме своего поэтического названия, в летнюю пору славился своими кустами жимолости и ежевики. Мы туда ежедневно совершали прогулки пешком.

Небольшая бухточка Петропавловска совершенно круглой формы и имеет в диаметре не более двухсот саженей. Только одно судно величиной с «Калевалу» может там свободно разворачиваться, имея на якоре не более десяти саженей канату за бортом. В южной части этой котловины находится когда-то давно затопленное военное судно «Слава России». Не знаю, верно ли его название, но днище и помимо легенды ощупывается веслом при приставании к берегу в этом месте.

После пятидневной стоянки в Петропавловске мы, наконец, покинули этот уютный уголок, унося с собой воспоминание о приятном времени, проведённом нами в обществе милых и гостеприимных камчадалов. Мы вышли в море 11-го октября...

Де-Ливрон А. К. Корвет «Калевала». Воспоминания старого моряка // Морской сборник, 1909, № 9. — С. 47—50.

Дж. Кеннан о Петропавловске в 1865 г.

Американский публицист Джордж Кеннан обрёл в конце XIX — начале XX в. всемирную славу своей разоблачительной книгой о сибирской каторге. Но его знакомство с Россией началось с Петропавловска в 1865 г.

Напомню кратко, как он смог попасть на Камчатку. Ещё в 1846—1848 гг. американец Аарон Палмер стал горячо ратовать за проникновение американских коммерсантов в земли русского Дальнего Востока, особенно в Приамурье. Его рекомендациями живо заинтересовался калифорниец Перри Мак-Дона Коллинс, которому ещё в 1856 г. удалось проникнуть в Сибирь и вскоре стать первым американским консулом в Николаевске-на-Амуре. Коллинс в 1857 г. выдвинул свой план создания железной дороги между Байкалом и Амуром, а позже стал ратовать за создание телеграфной связи между Америкой и Амуром через Аляску и русский Северо-Восток.

Последняя идея живо заинтересовала американскую телеграфную компанию «Вестерн Юнион», которая и решила направить своих разведчиков на русский Дальний Восток. В один из её отрядов, поехавший на Камчатку и Охотское побережье, и попал молодой Дж. Кеннан — дед современного американского дипломата Джорджа Кеннана, бывшего американского посла в Москве.

Джордж Кеннан-старший пробыл на русском Дальнем Востоке около двух лет, пока не пришло известие об отказе компании «Вестерн Юнион» от строительства телеграфной линии с Аляс-

ки на Северо-Восток в связи с успешным окончанием строительства трансатлантического телеграфного кабеля в 1866 г. Вернувшись в США, Кеннан опубликовал свою первую книгу «Палаточная жизнь в Сибири». Она вышла в России под названием «Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других инородцев» (СПб., 1896). Именно из этого перевода нами и заимствован рассказ Кеннана о его пребывании в Петропавловске в 1865 г.

...Прибытие корабля в этой отдалённой и малопосещаемой местности составляет большое событие, имеющее важное значение для жителей этого края. Бряцанье нашей якорной цепи в клюзах привело всё население деревни в сильное волнение. Дети выбегали из домов, пристально смотрели на нас несколько минут и затем убегали обратно домой, чтобы привести сюда и остальных членов семьи. Черноволосые туземцы и русские крестьяне в синих рубашках и кожаных панталонах собрались на берегу. Кроме того, тут скопилось до полусотни собак, которые страшным воем приветствовали наш приезд.

Хотя было уже довольно поздно, но мы никак не могли побороть нашего нетерпения — вступить скорее на твёрдую землю. Лишь только шлюпка капитана была спущена на воду, как Бёш, Мэгуд и я отправились осматривать город.

Петропавловск распланирован очень неправильно, и, кроме того, самый его вид вовсе не отличается живописностью. Как первые поселенцы, так и их потомки, вероятно, не имели ни малейшего понятия об улицах. Узкие тропинки вились совершенно без всякой цели около разбросанных домов. Ни в одном направлении нельзя было пройти и ста шагов, чтобы не наткнуться на боковую стену какого-либо дома или не зайти на чёрный двор. Ночью же беспрестанно натыкаешься на какую-нибудь спящую корову.

В других отношениях это хорошенькое селение, окружённое высокими зелёными холмами, представляющее живописный вид на прекрасную, снеговую вершину Авачи, которая поднимается на одиннадцать тысяч футов за городом.

Господин Флюгер, немецкий купец в Петропавловске, который перевёз нас в маленькой лодочке на ту сторону бухты, взялся быть нашим проводником и после небольшой прогулки по селению пригласил нас к себе в дом, где мы просидели довольно долго, куря прекрасные сигары и разговаривая о последних событиях американской войны и о разных происшествиях, интересующих камчатское общество, пока, наконец, не смерклось совершенно.

Я заметил между другими книгами, лежащими на столе господина Флюгера, «Мысли о жизни Бюгера» и «Семейство Шенберг-Котта» и удивился, что эти книги успели проникнуть на отдалённый берег Камчатки.

Наша первая обязанность, как вновь прибывших, была представиться русским властям, и вот в сопровождении господ Флюгера и Бальмана мы явились к капитану Сутковому, начальнику порта. Его дом с прекрасной железной крышей скрывался почти совершенно за большой дубовой рощей, через которую протекал, образуя маленькие водопады, горный ручеёк. Мы вошли в ворота, пошли по широкой, утрамбованной камнем дорожке под тенью сплетшихся ветвей и вошли в дом. Капитан Сутковой встретил нас очень радушно, и, несмотря на нашу неспособность говорить на каком бы то ни было языке, кроме отечественного, мы скоро почувствовали себя совершенно как дома. Беседа наша, впрочем, скоро прервалась, так как каждое слово должно было быть переведено на два языка, прежде чем быть понято тем, кому оно адресовалось. Разговор длился с полчаса и скоро утратил всю свою свежесть, прошедши через русский, немецкий и английский языки, прежде чем дойти до нас.

Я был удивлён, встретив следы изящного вкуса и культуры в этом отдалённом уголке мира, где я ожидал найти только предметы первой необходимости и самого необходимого комфорта. Хорошее фортепиано занимало один угол комнаты, а большой выбор нот русских, немецких и американских композиторов свидетельствовал о музыкальном вкусе их владельца. Несколько избранных картин и литографий украшали стены, на столе стоял прекрасный стереоскоп с большой коллекцией фотографических видов. Тут же находилась неоконченная партия в шахматы, за которой капитан Сутковой сидел с женою, когда мы вошли в его дом. Мы не заметили, как прошёл целый час, и при прощанье нас пригласили обедать на следующий день.

Ещё не было решено, будем ли мы продолжать наше путешествие вверх по Амуру или останемся в Петропавловске и оттуда уже отправимся прямо на север, так что бриг по-прежнему служил нам жилищем. Мы каждый вечер возвращались в нашу маленькую каюту. Первая же ночь, проведённая в порте, поразила нас своей тишиной и спокойствием, до того мы привыкли к скрипу и качке корабля, к плеску воды и завыванию ветра. Было совершенно тихо, и поверхность маленькой бухты походила на тёмное зеркало, в котором мрачно отражались окружающие её высокие

холмы. Редкие огоньки из селения бросали длинные дрожащие полосы света на тёмную воду, а с правого берега раздавался по временам слабый одинокий звук колокольчика или протяжный, унылый вой собаки. Я напрасно старался уснуть. Новизна всего окружающего, мысль, что мы, наконец, в Азии, тысяча планов и предположений насчёт наших дальнейших предприятий долго не давали мне заснуть.

Петропавловск, хотя не очень обширное, но самое важное из поселений на Камчатском полуострове, имеет всего только несколько сотен жителей, состоящих из туземцев, русских и немногих немецких и американских купцов, ведущих торговлю соболями. Петропавловск нельзя считать типическим представителем камчатских городов, так как он подвергся в значительной степени цивилизующему влиянию сношений с иностранцами, и в образе жизни и понятиях его жителей проглядывают следы новейшей культуры.

Поселение это существует с начала восемнадцатого столетия и имело достаточно времени, чтобы выработать собственную цивилизацию, но годы для сибирских городов не могут служить мерилом развития, и Петропавловск до сих пор ещё не может быть назван вполне цивилизованным городом.

Почему он назван Петропавловском, то есть селением св. Петра и Павла, я не мог узнать. Единственное заключение, к которому мы пришли, это то, что жители, не отличаясь апостольскими добродетелями и чувствуя необходимость в их святом заступничестве, назвали своё селение в честь св. Петра и Павла, не принимая во внимание их личных заслуг.

Я не могу утверждать, чтобы именно в этом и заключалась мысль первых основателей Петропавловска, но скажу, что почти все сибирские поселенцы отличаются верою только на словах, но не на деле. (Характеризуя два последних абзаца, Б. П. Полевой написал: «необоснованные домыслы Дж. Кеннана о происхождении названия города Петропавловска». — *Ред.*)

Согласно словам туристов, Петропавловск не может похвастаться живописными видами. В городе воздвигнуты два памятника в честь знаменитых мореплавателей Беринга и Лаперуза. На холмах же остались следы воздвигнутых во время Крымской кампании укреплений для отражения нападения союзных эскадр: французской и английской. За исключением этого, в городе нет более никаких исторических достопримечательностей. Но так как мы провели два месяца в душной каюте, а, выйдя на палубу, видели только

небо да воду, то всё же этот город представлял некоторый интерес. На следующий же день рано утром мы отправились на берег, чтобы побродить по лесистому полуострову, отделяющему гавань от Авачинской губы.

Небо было безоблачно, но густой туман окутывал вершины холмов и скрывал от взоров соседние горы. Вся местность кругом зеленела, как изумруд, и блестела каплями росы. Луч солнца, случайно пробившийся через сырое облако тумана, рассыпал потоки света по влажным склонам. Земля всюду была усеяна цветами. В траве там и здесь синели болотные фиалки, красные колокольчики вились по серому мху утёсов, дикие розы цвели в чаще кустов и усыпали землю вокруг себя своими нежно-розовыми лепестками.

Карабкаясь по склону крутого холма между портом и бухтою, стряхивая капли росы с каждого куста по дороге и топча ногами сотни влажных цветов, мы внезапно очутились перед памятником Лаперузу. Надеюсь, что его соотечественники, французы, почтили бы его память более изящным и прочным знаком своего уважения к нему. Это просто деревянный столб, обшитый железом и выкрашенный в чёрную краску. На нём нет ни числа, ни надписи, и он скорее похож на надгробный памятник преступника, чем на монумент, воздвигнутый в честь великого мореплавателя.

Бёш уселся на маленьком бугре и начал срисовывать вид окружающей местности, а я отправился с Мэгудом на верх холма к бывшим русским батареям. Они довольно многочисленны, расположены вдоль горного хребта, отделяющего внутреннюю часть залива от внешней, и защищают город с западной стороны. Теперь они совсем поросли травой и цветами, и только следы бойниц отличают их от горного ската. Предоставляя Мэгуду осматривать укрепление, — занятие, более подходящее к его наклонностям, чем к моим, — я поднялся выше, на край утёса, с которого шедшие на приступ войска союзников были поражены русскими стрелками. Теперь не осталось и следов той кровавой борьбы, которая происходила на краю этого обрыва. Мох покрывает зелёным ковром землю, изрытую в предсмертных судорогах умирающими, и колокольчики, наклоняясь от свежего морского ветерка, не расскажут нам о последних, отчаянных усилиях, о рукопашном бое, о воплях побеждённых, когда они были сброшены русскими штыками с утёса вниз, с высоты ста футов.

Мне кажется, что со стороны союзников было напрасной жестокостью бомбардировать этот незначительный и уединённый пункт, удалённый на несколько тысяч вёрст от настоящего центра борьбы.

Если б взятие его могло уменьшить могущество русского правительства или отвлечь его внимание от Крыма, то поступок этот ещё мог бы найти оправдание, но он никаким образом не мог иметь ни прямого, ни даже косвенного влияния на результат войны и принёс только горе нескольким безвредным поселенцам, которые, вероятно, получили первое известие о войне, услыша гром неприятельских пушек и встретя град пуль у своих дверей.

Нападение союзного флота было, впрочем, отражено на всех пунктах, и адмирал, поражённый тем, что усилия его были уничтожены горстью казаков и крестьян, лишил себя жизни. В годовщину этой битвы жители со всем духовенством во главе при пении благодарственных молитв совершают крестный ход вокруг города и на холм, с которого был отражён неприятельский приступ.

Скоро я возвратился к Бёшу, который кончил свой рисунок, и мы вместе вернулись в селение, усталые и промокшие. Наше появление на берегу всегда производило некоторое оживление между жителями. Русские крестьяне и туземцы, встречающиеся на дороге, снимали шляпы и держали их почтительно в руке, пока мы проходили мимо, в окнах домов появлялись любопытные, желающие взглянуть на «американских чиновников», даже собаки начинали неистово лаять и выть при нашем приближении. Бёш заявил, что никогда ещё в продолжение своей жизни он не был таким важным лицом и не привлекал такого общего внимания, как в настоящее время, приписывая это остроумию и высокому интеллекту камчатского общества: оно способно быстро и совершенно инстинктивно признать настоящего гения. Он крайне сожалел, что такая характерная черта не встречалась ему у других народов, которых он посещал.

...Во всё время нашего пребывания в Петропавловске мы не выучились произносить ни одного слова по-русски, кроме «да», «нет» и «как ваше здоровье?» Впрочем, мы были довольны и этим успехом в столь трудной науке.

Приём, сделанный нам в Петропавловске русскими и американцами, был самый радушный и искренний. Первые три-четыре дня после нашего приезда прошли в постоянных визитах и обедах. В четверг мы отправились верхом в маленькое селение по имени Авача, отстоящее на десять или пятнадцать вёрст от берега, и возвратились довольные местоположением, климатом и растительностью этого полуострова. Дорога шла между зелёными холмами, поросшими деревьями и травой, над зеркальной поверхностью залива,

открывая вид на крутые, остроконечные скалы, служащие как бы воротами для выхода в море.

Нашему взору представлялся по временам между рощами серебристых берёз длинный ряд живописных гор, покрытых вечными снегами, которые тянулись по западному берегу до одинокой вершины Вилючинской на расстоянии тридцати или сорока миль. Растительность всюду можно было бы назвать почти тропической по её роскоши. Мы срывали целые пучки цветов, едва наклоняясь с седла, и высокая трава, по которой мы ехали, доставала нам в иных местах до пояса. Обрадованные тем, что встретили климат Италии там, где ожидали найти суровое ненастье местности, мы огласили холмы американскими песнями, кричали, аукались и перегонялись на маленьких казацких лошадках до тех пор, пока заходящее солнце не напомнило нам о возвращении домой...

...Так как я не говорил по-русски и мне необходим был переводчик, то майор пригласил для этой цели молодого американского пушного торговца по имени Додд, который провёл семь лет в Петропавловске, умел говорить по-русски и был знаком с обычаями и образом жизни туземцев. Таким образом, силы наши состояли из пяти человек и должны были разделиться на три партии. Первая, назначавшаяся на западный берег Охотского моря, вторая — на северный и третья — для исследования местности между этим морем и Полярным кругом. Забота о необходимых средствах продовольствия и перевозки предоставлялись на усмотрение самих партий. Мы должны были жить на открытом воздухе, путешествовать с туземцами и довольствоваться теми средствами перевозки и продовольствия, которые предоставляла нам страна.

Русские власти в Петропавловске снабдили нас всевозможными справками и пособиями, но предупредили нас, что пять человек не будут в состоянии исследовать тысячу восемьсот миль бесплодного, почти необитаемого пространства между Амуром и Беринговым проливом. Все считали маловероятным, чтобы майор мог пройти Камчатский полуостров тем путём, каким он предполагал, но если бы даже это ему и удалось, то далее он, конечно, не мог бы проникнуть в обширные пустынные степи, обитаемые только кочующими племенами чукчей и коряков. Майор отвечал на это, что он покажет им, что мы можем сделать, и продолжал свои приготовления.

В субботу утром, 26 августа, бриг «Ольга» отправился с Мэгудом и Бёшем на Амур, оставив майора, Додда и меня в Петропавловске готовиться к путешествию на север Камчатки...

...После отхода «Ольги» (утром 26 августа. — *Ред.*) мы занялись приготовлениями к путешествию на север Камчатки. Во вторник Додд сказал мне, что в церкви будет свадьба, и предложил пойти посмотреть на церемонию венчания. Обедня только что кончилась, когда мы пришли в церковь. Нетрудно было отличить между народом счастливую чету, судьба которой должна была соединиться священными узами брака. Их наружное равнодушие и спокойствие изобличали их тайну. Жених был молодой круглолицый казак лет двадцати, одетый в чёрный кафтан, который в талии был опоясан красным вышитым кушаком. Ради торжественного случая на нём был надет высокий белый стоячий воротник, который доходил у него до ушей. Вероятно по недоразумению, между его башмаками и нанковыми панталонами, последние, по крайней мере, на шесть дюймов не доходили до первых. Он не позаботился скрыть этого недостатка.

Невеста была сравнительно с женихом совсем старуха, по крайней мере на двадцать лет старее его, и к тому же вдова... На невесте было надето ситцевое платье с яркими узорами без всяких украшений. О покрое платья я не берусь судить, так как ремесло портнихи всегда было для меня такою же тёмной наукой, как и магия. Голова невесты была покрыта красным шёлковым платком, приколотым спереди маленькой вызолоченной булавкой.

По окончании обедни налой был выдвинут на средину и священник пригласил чету подойти поближе. Вручив жениху и невесте по зажжённой свече, обвязанной голубой лентой, он начал читать внятным голосом молитвы по обряду православного вероисповедания. Брачная чета стояла молча, но дьячок, смотревший рассеянно в окно у противоположной стены, прерывал его по временам протяжным пением.

По окончании молитв все набожно перекрестились несколько раз, а священник, спросив чету о её взаимном согласии на брак, дал им по серебряному кольцу, которые они тут же надели. Прерванная на минуту служба снова началась, после которой священник дал им выпить вина из ковшика. Чтение и пение начались снова и продолжались довольно долго. Жених и невеста беспрестанно крестились и кланялись, а дьячок заканчивал возгласы, повторяя с поразительною быстротой пятнадцать раз кряду «Господи, помилуй!» После этого он принёс два вызолоченных венца, украшенных образами, и священник надел их на головы жениха и невесты.

Венец оказался слишком широким для молодого казака и падал ему на глаза, поддерживаемый только ушами. Прическа же невесты

не позволяла венцу держаться плотно на её голове, и потому один из присутствующих держал его над головою невесты. Священник соединил тогда руки четы, сам взял жениха и невесту за руки повёл их вокруг налоя, и затем обряд венчания был окончен. Жених и невеста почтительно поцеловали венцы, снятые с их головы, и пошли по церкви, крестясь, кланяясь до земли и прикладываясь последовательно ко всем образам, которыми украшены были стены церкви. После этого начались обычные поздравления родными и знакомыми.

Все ожидали, что «знаменитые американцы», об учтивости и изяществе манер которых было столько говорено, подойдут поздравить невесту по случаю этого счастливого события, но ни один из этих «знаменитых», но злополучных американцев не знал, как это исполнить. Мои познания в русском языке ограничивались словами «да», «нет» и «как ваше здоровье?», и ни одно из этих выражений не было вполне прилично данному случаю. Желая, впрочем, поддержать национальную славу американцев и в то же время оказать внимание невесте, я избрал последнюю фразу, как самую удобную при этих обстоятельствах, подошёл торжественно и, кажется, довольно неуклюже к новобрачной и спросил её с низким поклоном и очень дурным русским выговором о состоянии её здоровья. Она любезно ответила: «Чрезвычайно хорошо, покорнейше благодарю», и знаменитый американец удалился с гордым сознанием, что исполнил свой долг. Я, признаюсь, не получил больших сведений о здоровье молодой, но, судя по лёгкости, с которой она произнесла свой ответ, мы заключили, что оно должно быть удовлетворительно. Мы поспешили с Доддом удалиться из церкви и возвратились на наши квартиры. Майор говорил мне впоследствии, что обряд венчания в православной церкви, совершённый при богатой обстановке, очень торжественен.

С той самой минуты, как майор решился на сухопутное путешествие по Камчатке, он посвятил все своё время и всю энергию на приготовления к отъезду. Вьючные сёдла, обтянутые тюленьей шкурой, были заготовлены для перевозки съестных припасов, палатки, медвежьи шкуры и дорожное платье были упакованы в искусно придуманные тюки. Одним словом, всё, что только могла изобрести туземная опытность для уменьшения неудобств жизни в сибирском климате, было сделано в достаточном количестве для двухмесячного путешествия. Лошади были заготовлены в ближайших селениях. Нарочный был послан вперёд по пути нашего следования, чтобы предупредить жителей о нашем прибытии и предло-

жить им оставаться дома со своими лошадьми до приезда нашей партии. Когда все эти распоряжения были окончены, мы отправились в путь 4 сентября...

Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других инородцев. — СПб., 1896. — С. 29—44.

Рапорт исправляющего должность чиновника особых поручений титулярного советника А. Ф. Филиппеуса военному губернатору Приморской области Восточной Сибири, до 1869 г.

Предписанием от 27 июня за № 2259 ваше превосходительство, между прочим, изволили поручить мне освидетельствовать казённые магазины по округам и в случае нужды сделать через местных исправников распоряжения об исправлении их или отводе новых помещений.

В Петропавловском порте в настоящее время никакого магазина гражданского ведомства нет, так что соль, мука и крупа помещаются в портовых кладовых, выстроенных наскоро из разного сборного леса, поэтому текущих при малейшем дожде, чрез то припасы эти подвергаются порче.

По неимению в Петропавловске никаких решительно нужных материалов исправление их оказывается невозможным, другого же помещения приискать решительно негде. Вообще из всех числящихся в Петропавловске домов гражданского ведомства только один находится в таком состоянии, что ещё возможно в нём жить. В нём до сих пор помещались городовая полиция, а теперь там будет находиться, кроме того, и земский суд и доимочная кладовая. Всё это возможно было поместить в небольшой этот домик только на короткое время, потому что, кроме тесноты, он уже ветх и требует фундаментальных исправлений.

Собственно для помещений городничего, исправника и находящихся при них чиновников в Петропавловском порту не имеется ни одного дома и даже нанять квартиры почти невозможно. На нынешнюю зиму коллежский асессор Хмелевский (Ф. В. Хмелевский — Петропавловский окружной исправник, глава местной административной власти. — *Ред.*) поместился вследствие немалого ходатайства моего пред капитаном 2-го ранга Святским в доме, принадлежащем Морскому ведомству. В таком же доме живёт и чиновник Харченко, коллежский секретарь Вешняков покамест будет нанимать себе комнату в частном доме, что при небольшом содержании и дороговизне здешних цен весьма тяжело.

Развалины некогда существовавших здесь гражданских строений все без крыш, окон и дверей и большею частью даже уже разобранные до половины, как надо полагать, местными жителями, на дрова, не только не представляют возможности быть приведёнными в годность, но даже опасны для людей, угрожая в каждую минуту обвалиться. Потому я нахожу нужным для сбережения казённого интереса, пока ещё окончательно не растащены эти строения, особою комиссиею освидетельствовать каждое порознь, о состоянии его составить акт и потом сделать распоряжение через исправника о продаже их с аукционного торга, с тем, чтобы сколько-нибудь годные брёвна были сохранены до дальнейшего распоряжения.

О последствиях всего этого вместе с предоставлением актов комиссии я буду иметь честь доложить вашему превосходительству по возвращении в Николаевск.

Повергая вышеприписанное на благоусмотрение вашего превосходительства, нужным считаю присовокупить, что по совершенному неимению леса вблизи Петропавловска постройка магазина и домов для помещения присутственных мест, припасов гражданского ведомства и чиновников возможна, только если какому-нибудь судну будет поручено в течение хоть одного лета перевозить таковой из Нижнекамчатска или Тигиля. Тем не менее, ваше превосходительство сами изволите усмотреть, что постройки эти необходимы.

Только при подобном помещении князь Ухтомский (А. А. Ухтомский, петропавловский городничий. — *Ред.*) мог сослаться на него, чтобы объяснить причину такого большого недостатка провианта, какой оказался в градской полиции. И даже если по ревизии окажется беспорядок в делопроизводстве или потеря каких-нибудь бумаг и дел, то одной из главных причин останется всё-таки то, что нет помещений для канцелярии и хранения книг и дел. Всякий из служащих работает на своей квартире, дела беспрестанно переносятся с места на место и, наконец, исчезают без следа.

Титулярный советник *А. Филиппеус*

РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—4.

Рассказ К. К. Неймана о посещении Петропавловска на клипере «Гайдамак» в 1875 г.

8 июля мы оставили Хакодате и после счастливого плавания утром 15-го при густом тумане считали себя на параллели Авачинской губы, которой, впрочем, из-за тумана не было видно. Но вдруг

туман рассеялся, вышло солнце, и перед нашими глазами развернулась одна из самых величественных картин, какую где-либо на свете можно видеть.

Целый ряд вечным снегом покрытых сопок, и над всеми ними державно царит венцом из дыма увенчанная Авачинская. Картина в высшей степени изящная, но крайне угрюмая.

В одиннадцатом часу мы отдали якорь в лучшем порту всего мира, каким слывёт Петропавловск. На его рейде соединённые флоты всех наций нашли бы место для самых сложных морских маневров, так он обширен. Внутренняя бухта защищена от всех ветров и так глубока, что такие большие суда, как, например, «Гайдамак», могут перебросить сходню прямо на берег. На петропавловском рейде стоял под германским флагом гамбургский барк «Вега», доставивший туда муку, соль, порох и свинец от казённого контрагента г. Филиппеуса.

В течение десятидневного пребывания в Петропавловске я был занят исполнением административных поручений и производством астрономических и магнитных наблюдений, между тем как офицеры «Гайдамака» занимались девиацией компасов и наблюдениями над приливом и отливом моря. Кроме того, мы на паровом катере предприняли экскурсию в Тарьинскую губу и оттуда сухим путём и на камчатских лодках, так называемых батах, — к горячим ключам около подножия Вилючинского вулкана.

Команда между тем неводила и наловила множество прекраснейшей рыбы, о количестве которой трудно себе составить ясное понятие. Более значительное число попавшей в один невод рыбы можно видеть только у пустынных берегов Ледовитого моря, около устья Колымы и Индигирки. Особенно замечательны петропавловские лососи. Местных сельдей, приготовленных американцами, мы все ели и принимали их за лучшие королевские голландские сельди.

Перед тем как отправиться далее вместе с «Гайдамаком», приглашаю вас на маленькую прогулку через город и его ближайшие окрестности. Есть на что полюбоваться. Прежде всего, посетим церковь имени св. апостолов Петра и Павла. Эта церковь вся привезена из Америки и выстроена на счёт Американской компании, занимающейся котиковым промыслом на Командорских островах.

Рядом с нею находится старая церковь, которую начали строить в 1806 г. в бытность в Петропавловске первой кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна и в которой похоронен был известный спутник знаменитого Кука капитан Клерк, умерший

в море около берегов Камчатки в 1779 г. От старой же церкви, которую начали строить при Беринге в 1740 г., кроме камня, означающего места алтаря, ничего не осталось. В церковной ограде мы видим прекрасную берёзу, но ни одного хвойного дерева. Замечательно, что вблизи Петропавловска нет ни ели, ни лиственницы и что деревья этой породы, переселённые из Нижнекамчатска протоиереем Громовым в начале 40-х гг. нынешнего столетия (девятнадцатого. — *Ред.*), при нём росли, но теперь пропали. В той же церковной ограде находится памятник нашему русскому Колумбу, несчастному Берингу, прах которого, однако, не покоится под этим памятником, а на пустынном берегу острова, ныне носящего его имя, где он и умер в 1741 г., 8 декабря.

На другом берегу бухты воздвигнут памятник знаменитому французскому мореплавателю Лаперузу, но и он не похоронен здесь, а, как известно, пропал в море без вести, а памятник его осквернён собственными его соотечественниками, которые в 1854 г., будем надеяться, что по ошибке, стреляли по нём картечью.

Недалеко от Сигнального мыса, на котором стоит только что упомянутый памятник, мы увидим три креста над двумя большими могилами. Над одной из них, более обширной, стоят два креста, под которыми лежат бренные останки убитых на этом месте в достопамятный для Петропавловска день 24 августа 1854 г. англичан и французов, а под другим холмом покоится прах геройских защитников России. В одной этой общей могиле, рядом с закалённым в бою моряком Черноморского флота, лежит мирный рыбак в военном мундире, казак камчатский, а рядом с ним камчадал-инородец, когда-то непримиримый враг русского завоевателя, но в этот день дружно плечо в плечо сражавшийся с русскими и отразивший нападение пресловутых флагов Франции и Англии на родной свой край.

В этом году крест над французской могилой был возобновлён одним из орлеанских принцев, герцогом Пантьерским (видимо, имеется в виду герцог Пентьевр. — *Ред.*), а над другими двумя — нами.

На обратном пути в город, в самом конце бухты, мы замечаем остов древнего судна, от которого торчит лишь несколько рёбер. Это остатки когда-то гордого судна, на которое возлагались большие надежды в учёном мире. На нём отправился на север для открытия Северо-Восточного прохода известный Биллингс, от экспедиции которого так много в своё время ожидали и которая так неутешительно кончилась, сравнительно с громадными издержками, которых она стоила. Смотря на эти жалкие остатки биллинг-

сова судна, всякий согласится, что никогда судно не носило более неподходящего и незаслуженного имени, как это — оно называлось «Слава России».

Если хотите узнать все подробности Петропавловского боя, то стоит только перед концом вашей прогулки зайти в домик какого-нибудь из отставных боцманов или казаков. Вот старик с Георгиевским крестом на груди. За бутылкой доброго калифорнийского вина, которую мы купили мимоходом в одном из американских магазинов, забывая свою старость, вспомнит и расскажет про подвиги свои в незабвенный ему день 24 августа.

Только поздно ночью мы возвратились на клипер, освежив в памяти в один день имена и подвиги стольких знаменитых моряков. Да, с Петропавловском навсегда соединены имена Беринга, Кука, Клерка, Лаперуза, Биллингса, Крузенштерна, Коцебу, Литке, Бэли, Бичи, Врангеля и Келлета.

25-го числа рано утром мы оставили гостеприимный Петропавловск и взяли курс к Анадырскому заливу...

...24 августа в три часа пополудни мы отдали якорь в знакомой нам Петропавловской бухте. Город был разукрашен флагами, произвёл салют в память храбрых защитников Петропавловска, павших в этот день двадцать один год тому назад. В этот день бывает крестный ход вокруг всей Никольской горы, отвесные утёсы которой сделались могилой неприятельского десанта.

30 августа был обед у исправника, г. Попова (Н. С. Попов руководил Петропавловским округом в 1875—1880 гг. — *Ред.*), и вечер у представителя Американской компании. Все американцы днём разукрасили свои дома русскими и своими национальными флагами, а вечером все дома были иллюминованы, а на клипере играла музыка. Торжественно раздавались звуки зори по тёмным водам Петропавловской бухты, и величественно поднялся к звёздному небу букет из разноцветных ракет.

На другой день рано утром был сделан сигнал «Судно в виду». Скоро можно было различить, что это военное судно, а именно большой корвет под белым флагом с красным солнцем юной Японии.

Чрез два дня пришёл на рейд японский транспорт с углём для корвета, а 6 сентября мы оставили Петропавловск.

Пред уходом из Петропавловска мы условились с г. Матюниным и командиром японского корвета идти вместе на Курильские острова, чтобы при сдаче таковых (по условиям договора 1875 г. — *Б. П.*)

присутствовало русское военное судно для большей торжественности исполнения акта передачи.

Капитан-лейтенант Тыртов тем охотнее согласился на просьбу г. Матюнина сопровождать его по Курилам, так как мы узнали от японцев, что их правительство для сопровождения русского клипера «Всадник», на котором находились для принятия Сахалина полковник Барабаш и русский консул из Нагасаки, отправило два военных судна со своими комиссарами. По условию, через час после нас должен был выйти из Петропавловска японский корвет, что и было исполнено.

Погода в этот день стояла великолепная, и камчатские сопки прощались с нами в полном величии, но сильно и обрывисто падавший барометр не предвещал ничего доброго. Когда мы, поравнявшись с южною оконечностью Камчатки, так называемою Лопаткой, взяли курс к острову Шумшу, из Охотского моря задул такой шторм, что немыслимо было пуститься к опасным берегам Курильских островов. Шторм усилился до ужасающих размеров, руль у нас испортился, паруса разорвались, как паутина, и четыре дня мы качались в море при очевидной опасности. Горячего ничего нельзя было получить. Огня нельзя развести, а со стола всё летело. Не привязавшись, нельзя было лежать на кровати, до таких размеров дошла качка. Одну треть офицеров, с доктором во главе, укачало, а остальные должны были стоять усиленные вахты, что при проливном дожде не составляет особенного удовольствия.

Наконец 11-го числа буря немножко стихла, но по морю волны всё ещё поднимались выше мачт, и смертоноснейшая качка продолжалась до 16-го. В этот день, наконец, удались наблюдения, из которых мы узнали, что мы находимся гораздо южнее и западнее, чем считали себя, так что уже не стоило обратно идти к острову Парамушир, назначенному местом второй нашей встречи с японцами и, кроме того, мы не имели никакого сведения, где они могли бы находиться, и опасались даже, не случилось ли чего-нибудь с ними, так как на корвете все офицеры были очень молодые и, следовательно, неопытные моряки. Старшему офицеру было двадцать два года, а перенесённый только что шторм был из ряду вон, так утверждали все наши моряки, из которых некоторые совершали второе кругосветное плавание, а командир даже третье...

Нейман К. К. Плавание по Восточному океану // Известия Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. № 1—2. — С. 46—47; № 5—6. — С. 154—155.

Докладная записка министру внутренних дел петропавловского купца первой гильдии, надворного советника А. Ф. Филиппеуса, 26 марта 1876 г.

...Как верноподданный и русский дворянин, глубоко любящий своё отечество, я позволю себе обратить внимание вашего высокопревосходительства на одно обстоятельство, которое ежегодно производит на меня самое болезненное впечатление при посещении северных портов.

Со времени Крымской войны Петропавловский порт был, так сказать, брошен на произвол судьбы. Губернатор с морским, военным и гражданским управлениями перешёл в Николаевск, и начальником Петропавловского порта и вместе с тем и всего Камчатского полуострова остался и ныне остаётся полицейский исправник, получающий около 1 200 руб. годового содержания.

Большая часть казённых домов была сожжена неприятелем в 1855 г. Уцелевшие мелкие строения приняли вид развалившихся избушек и для жилья сделались невозможными. Несмотря на неоднократные представления нескольких исправников, им постоянно было отказываемо в средствах не только для постройки нового приличного помещения, но даже и для ремонтов старых зданий. И теперь, наконец, дело дошло до того, что настоящий исправник увидел себя вынужденным принять моё предложение и поместиться с семейством в небольшом надворном флигеле, принадлежащем к моему дому.

Подобная обстановка при скудости содержания и дороговизне многих жизненных потребностей, конечно, ставит представителей правительственной власти в полную зависимость от частных лиц. И, приехавши в Камчатку вполне честным и благонамеренным человеком, исправник тщетно борется первое время с безвыходным своим положением и, наконец, поневоле приискивает какие-либо незаконные доходы в ущерб казне или тому или другому из торгующих лиц.

Между тем именно со времени Крымской войны Петропавловск сделался историческим пунктом в наших восточных владениях. Тут вследствие сражения 1854 г. похоронен английский адмирал Прайс, тут были убиты более пятнадцати человек английских и французских офицеров и несколько сот человек неприятельских и наших рядовых.

Английские и французские военные суда от времени до времени приходят навещать могилы и возобновлять памятники своим

убитым соотечественникам. Таким образом, не далее как в июле прошедшего года в Петропавловск пришёл французский корвет «Вольта», на котором герцог Пентьевр был одним из офицеров, чтобы поставить новый надгробный камень на могилу убитых французских офицеров.

Конечно, придя после долгого плавания в одну из лучших гаваней земного шара, офицеры военных судов ожидают встретить от береговых жителей, в особенности же от представителя местной власти, некоторое гостеприимство, которым отечество наше совершенно справедливо всюду славится. Но какое гостеприимство может оказать исправник, получающий 1 200 руб. содержания и помещающийся с семейством чуть не в лачуге?

Когда иностранцы эти, расспросивши о месте жительства губернатора, являются к нему в полной форме с визитом, то бедный исправник готов был бы сквозь землю провалиться, а с ним вместе и многие из нас, посторонних зрителей прискорбного положения местного начальника. Положение это тем грустнее, что оно усугубляется в прямой пропорции с честностью исправника.

В прошлом же лете Петропавловск был навещён двумя японскими военными судами, на одном из них находился министр колоний господин Корода. С передачею во владение японцев Курильской гряды посещения их будут ежегодны, и они полагают устроить в Петропавловске склад угля. Вообще Петропавловск ежегодно посещается несколькими иностранными судами, и потому обстановку местной власти там нельзя было бы поставить на один уровень с Гижигой или Охотском, к которым раз в десятилетие какой-нибудь подойдёт заблудившийся китобой.

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 510. Л. 434об.—435об.

Отрывок из официального отчёта о положении в Петропавловске аборигенов Курильских островов в 1878—1879 гг.

...После уступки Курильских островов Японии в Петропавловск временно поселены алеуты, до того жившие на этих островах, всего 107 душ обоего пола. Они пожелали остаться русскими подданными, перевезены в Петропавловск и там брошены на произвол судьбы. Неустрашимые на море, где они в своих лёгких, как щепка, сивучьих байдарках и рыбьих камлейках смело пускались далеко в море за поиском бобров и били их стрелами из луков. В дорогом звере они находили ценность, обеспечивающую их нужды, с переселением же на материк, у берегов которого нет бобров, они, не умею-

щие добывать соболя, остались без всяких средств к жизни и находятся в самом крайнем положении.

Вот как описывает это положение в 1879 г. корреспондент газеты «Сибирь» (1880, № 3): «Всю зиму приходилось им бедствовать от недостатка пищи, и чистая только случайность не дала им вымереть всем. Всё-таки из 107 вымерло 31. Молча, терпеливо алеут переносит голод и умрёт, не попросив ничего. Весною, с ходом рыбы, они ожили, но зимою, если не помочь им выдачею казённого продовольствия или не обустроить их, заведя два-три невода да выдав соли, они снова будут бедствовать и умирать. Горько пришлось им расплачиваться за своё желание остаться русскими подданными».

Алеуты по характеру, наружности и образу жизни очень похожи на камчадалов. Все они, как и камчадалы, православные и говорят по-русски.

Записка о полуострове Камчатка... / Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 3. Вып. 1. — Иркутск, 1882. — С. 27—28.

Рапорт охотского окружного исправника военному губернатору Приморской области от 17 июля 1879 г. из Петропавловского порта

Предписанием от 8 мая за № 358 ваше превосходительство поручили мне по прибытии в Петропавловский порт собрать здесь при содействии здешнего исправника точные сведения о положении переселившихся к нам курильцев, об их помещениях и занятиях и куда они желают переселиться вновь, почему изволили приказать лично войти с ними в соглашение об их водворении и собранные сведения представить вашему превосходительству.

Из предварительно собранных сведений о переселении курильцев на русскую территорию видно, что доставленных в 1878 г. в Петропавловский порт на клипере «Абрек» с островов Курильской гряды — Урупа, Симушира и Шумшу алеутов и курильцев в числе 83 душ обоего пола для поселения их в пределах Камчатского полуострова, сообразуясь притом с их образом жизни, наклонностями, занятиями и климатическими условиями, действия которых были бы благоприятны для их организации, местный окружной исправник предполагал поселить в Асачинской бухте, находящейся в шестидесяти милях от Петропавловска по направлению к мысу Лопатка, как местности, по мнению исправника, отвечающей всем

вышеназванным условиям, равно обильную рыбным и звериными промыслами.

Но вследствие заявления командира клипера «Абрек» о затруднительности и опасности высадки курильцев на берег Асачинской бухты, открытой действию весьма свежих в осеннее время восточных ветров, по необходимости пришлось оставить их в Петропавловске и временно поселить в Авачинской губе в полуверсте от казачьего поселения Сероглазки, где они и живут по настоящее время, так как средств доставить их водою в Асачинскую бухту нет в распоряжении исправника, как равно и сухим путём отправить за неимением дорог не представлялось и не представляется возможным.

При водворении названных инородцев в Авачинской губе большинство из них оказалось весьма бедными в материальных средствах для приобретения на первое время необходимого для пропитания. Близость же зимы требовала постройки жилища и заготовления рыбы и прочего готовыми средствами, поэтому в видах такового исключительного положения переселенцев, окружной исправник вынужден был выдать им на счёт инородческого капитала муки, соли, пороху и свинцу на 189 руб. 90 коп., а в следующем 1878 г. выдано им ещё продуктов и припасов на 60 руб. 61 $^{1}/_{4}$ коп. и наличных денег на перевозку рыбы 49 руб. 67 коп.

В 1878 г. на пароходе «Курьер» доставлены надворным советником Филиппеусом ещё 15 душ алеутов обоего пола с острова Симушира, которые поселены вместе с первоначально прибывшими на «Абреке». Таким образом, число всех курильцев и алеутов, доставленных в Петропавловский порт, составляет 98 душ. За исключением из этого числа одного алеута, отправленного на «Абреке» во Владивосток, и умерших со дня переселения в Петропавловск и по сие время от разных болезней и бедствий, причинённых, по их словам, недостатком пищи, шести курильцев и 21 алеута обоего пола, остаются в наличии шесть курильцев и 65 алеутов, кроме народившихся здесь.

При осмотре места их поселения оказалось, что юрты, в которых они помещаются, сделаны по форме и величине палаток из тонкого леса, покрытого сначала травой, затем дёрном, и чтобы не было щелей дёрн засыпан ещё землёй с песком. Сбоку юрты для входа людей сделано отверстие и вверху небольшое для выхода дыма. Нагревание их делается посредством накаливания каменок, устроенных из дикого камня. Занятие, главным образом, заключается в добывании рыб и нерп, но последних в Авачинской губе и в ближай-

ших заливах очень немного, хотя первых изобилие. Но по неимению сбыта их добывается такое количество, какое необходимо для собственного их употребления.

Из ответов их при сравнении здешнего положения с жизнью на островах видно, что там был у них во всём достаток, потому что имелся хороший промысел, которому всегда был сбыт. Здесь же во всём терпятся лишения и в особенности в одежде, ибо промысла морских зверей нет, а рыбу некому сбывать. И действительно, если обратить внимание на виденное мною у них отсутствие даже признаков достатка и прибавить к этому сырость внутри юрт, зловонный [запах] рыбы, коптящейся в юртах, и едкий [воздух] от дыма, то положение их здесь является самым безотрадным.

По объявлении о возложенном на меня вашим превосходительством поручении, алеуты заявили, что главной причиной, вследствие которой они желали бы переселиться из Авачинской губы, как я уже изложил выше, есть скудность промысла, а также трудность приобретения денежных средств и неимение возможности сбыть промысел посредством мены, так как местное население не нуждается ни в их услугах, ни в ихнем промысле, вследствие чего они лишены возможности приобретения всего необходимого в их жизни, и что поселиться в Асачинской и вообще в Камчатке они поэтому не намерены, а высказывали желание быть поселёнными на одном из Командорских островов — Медном или Беринга, где они могли бы заняться исключительно промыслом морских котов и сбытом их компании Гутчинсон обеспечивать своё существование.

Но если почему-либо правительством будет признано невозможным переселить их на Командорские острова, то указать какую-либо другую местность, удобную для их поселения, по неимению понятия они затрудняются. Говорят, впрочем, что слышали частно, будто остров Сахалин мог бы соответствовать их жизни, но насколько это справедливо, они не знают, но по той же причине, что не имеют никакого понятия о Сахалине. Поэтому во всём, что касается выбора местности для их поселения и самого переселения своего, они вполне полагаются на благоусмотрение правительства и от личного указания положительно отказываются.

Курильцы же хотят и заявили желание быть поселёнными вместе с алеутами на одном из Командорских островов, но высказали при этом, что если этого сделать нельзя, то они желали бы соединиться с теми курильцами, которые не были переселены с их островов, но прибытия которых они ожидают в Камчатку, и сделать свою оседлость в том месте, где живут или будут жить их одноплеменники.

В противном случае, то есть, если им не удастся соединиться со своими островитянами, то намерены поселиться навсегда в Явинском камчадальском селении, находящемся близь мыса Лопатки.

Таким образом, приняв в соображение вышеизложенные факты, оказывается, что если бы поселение инородцев Курильской гряды на Командорских островах не имело препятствий, то вопрос о том, где их расселить разрешается сам собой.

Но из отзыва ко мне управляющего островами г. Гребницкого усматривается, что острова эти, по незначительности на них котикового промысла, не обеспечивающего даже местного населения так, что правительство со своей стороны отпускает для воспомоществования жителям ежегодно 7 500 руб., не могут служить местом поселения курильцев и поэтому исключаются из этого района.

Следовательно, вопрос этот не только не разрешается, но и, напротив, принимает усложнённый вид, потому что, если группировать все обстоятельства, то получаются следующие выводы:

1. Сами алеуты отказываются, да и не могут по незнанию указать удобную для своего поселения местность.

2. Камчатский полуостров, а следовательно, и всё прибрежье Охотского моря, непригодно для поселения и

3. Командорские острова по известной причине исключены.

Следовательно, остаётся только, пользуясь их намёком на Сахалин, указать на этот остров. Южная часть его в местах расположения Корсаковского и Муравьёвского постов в отношении климата, рыбного, соболиного и нерпового промысла, по-моему, может отвечать условиям жизни алеутов. И если в остальном подходит к требованию их быта, то это единственное место, которое может быть избрано для окончательного водворения их.

Что же касается выбора места поселения курильцев, то вопрос об этом можно признать решённым окончательно, так как они изъявили желание поселиться в Явинском поселении. Остаётся только дать им средства переехать туда, если сами не найдут возможности перекочевать сухим путём.

Донося о вышеизложенном вашему превосходительству в исполнение возложенного на меня поручения, честь имею представить при сем письменное заявление курильцев и алеутов по этому вопросу.

Окружной исправник
(*подпись неразборчива*)

РГИА ДВ. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 1062. Л. 67—75.

Из «Ведомости о пришедших к городу Петропавловску и отходивших от него в навигацию 1879 г. судов, а также о привезённых и вывезенных на этих судах товарах»

1. 15 мая, из Сан-Франциско в Калифорнии, шхуна «Леон», капитан Джон Блеер, гражданин США. Русское, принадлежит торговому дому «Готчинсон, Кооль, Филиппеус и Ко», 674 тонны, команды 6 чел. С разными иностранными колониальными товарами, припасами и пилёным лесом на 2 888,46 руб. Отправилось 7 октября, после плавания к острову Тюленьему, в Сан-Франциско в Калифорнии.

2. 20 мая, из Сан-Франциско в Калифорнии, барк «Монтана», капитан Г. А. Петерсон, гражданин САСШ. Американское, принадлежит американскому гражданину Чараку Нотсену в Сан-Франциско, 656 тонн, команды 10 чел. С разными колониальными товарами, пилёным лесом на 17 758,4 руб. Отправилось 14 июня в Америку.

3. 22 мая, из Сан-Франциско в Калифорнии с заходом на Командорские острова, пароход «Александр», капитан Иван Зандман, гражданин САСШ. Русское, принадлежит американскому торговому дому «Готчинсон, Кооль, Филиппеус и Ко», 295 тонн, команда 16 чел. С разными иностранными мануфактурными и колониальными товарами на 68 926,38 руб. Отправилось 26 сентября, после троекратного плавания к Командорским островам и одного раза к острову Тюленьему, в Сан-Франциско в Калифорнии. Вывезено котов морских — 42 750, бобров морских — 2, песцов голубых — 1 390, соболей — 448 на 47 202,08 руб.

4. 23 июня, из Корсаковского порта, пароход «Курьер», капитан Самуил Кларк, гражданин САСШ. Американское, принадлежит гражданину САСШ Томасу Волшу, 498 тонн, команда 31 чел. С русскими и иностранными мануфактурными и колониальными товарами на 15 494,05 руб. Отправилось 13 сентября, после плавания к устью реки Камчатки и в Охотском море, в пост Корсаковский. Вывезено соболей — 1 240, лисиц красных — 356, лисиц-сиводушек — 14, выдр — 365, росомах — 3 на 21 491 руб.

5. 28 июня, из Кронштадта с заходом в Иокогаму в Японии, барк «Батавия», капитан С. Хаслоп, немецкий шкипер. Немецкое, принадлежит гражданам Гамбурга Мецендорфу и Вильману, 368 тонн, команда 13 чел. С русскими и иностранными колониальными товарами и припасами на 137 506,51 руб. Отправилось 21 сентября, после плавания в Охотском море, в Хакодате в Японии.

Примечание:

1. В товарах, показанных привезёнными на пароходе «Курьер», заключается товаров, вывезенных с Аяна из прежних привозов туда, на 2 893 р. 80 коп. Товары, привезённые на барке «Батавия», большей частью состоят из контрактной ржаной муки 1-й гильдии купца надворного советника Филиппеуса.

2. Товары, привезённые на пароходе «Александр», большей частью предназначены для потребностей на Командорских островах.

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 560. Л. 1—3об.

Донесение петропавловского городового старосты в Петропавловское окружное полицейское управление от 29 апреля 1880 г.

При сем честь имею представить в Петропавловское окружное управление за минувший 1879 г. балансовый отчёт о приходе, расходе и остатке городских сумм, а также ведомости о статистических сведениях по г. Петропавловску за тот же 1879 г.

Ведомость о количестве рыбы, заготовленной в лето 1879 г.: в городе Петропавловске свежей 3 360, солёной 17 530, сушёной 15 580, кислой 23 700. Всего 60 170 штук.

Число жителей по сословиям. Городских сословий [мужского/женского пола]: мещан местных 71/66. Сельских сословий: крестьян государственных 5/2. Регулярных войск: бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов (матрос и казаков) 14/—; солдатских жён и дочерей —/83; солдатских детей и кантонистов 39/—. Сибирских инородцев: камчадал, якутов и алеутов 2/11. Иностранных подданных: 21/—. Лиц, не принадлежащих к вышеназванным разрядам, разночинцев: 6/4. Итого: 158/166.

О числе зданий (жилых/нежилых): домов общественных (школ городских) 1/—; домов частных 51/—; частных баней, скотских и амбаров —/26; купеческих лавок —/4; купеческих магазинов —/16.

О посеве и сборе картофеля в Петропавловске (посеяно/снято): у местных мещан 123/1 118; у бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов 68/680, у солдатских жён и дочерей 57/515, у иностранных подданных 18/205, у разночинцев 5/60. Всего 271/2 578 [пудов].

О числе скота в Петропавловске: лошадей 4, рогатого скота 115, собак 340.

О числе ремесленников в городе Петропавловске (мастеровых/работников): поваров 2/1; сапожников —/1; печников 2/2; столяров 1/—; плотников 3/1; кузнецов 1/—.

Городской староста
Эдмунд Сандалин

РГИА ДВ. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 15. Л. 63—65.

Сообщение петропавловскому окружному исправнику от 1 января 1882 г.

Генерал-губернатор Восточной Сибири письмом от 28 сентября 1881 г. № 308 сообщил мне, что по предложению доктора Бенедикта Ивановича Дыбовского известный капиталист Михаил Дмитриевич Бутин изготовил безвозмездно на собственном заводе чугунный памятник академику Штеллеру, знаменитому исследователю Камчатки, для постановки его в Петропавловске на одной из городских площадей.

Памятник этот уже находится во Владивостоке, и со стороны его высокопревосходительства сделано сношение с главным командиром портов Восточного океана о доставке означенного памятника к месту назначения в Петропавловск на одном из казённых судов.

Сообщая о вышеизложенном, прошу ваше высокородие по доставке памятника академику распорядиться постановкою такового на одном из видных мест в Петропавловске, но с тем, однако, чтобы не было придано этому особой публичной торжественности.

О последующем же донести.

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 2—3.

Из записок В. Ф. Руднева о его посещении Петропавловска на крейсере «Африка» в 1881 и 1882 гг.

1881 г., 22 июля. Туман заставил бросить лот. Достали глубину пятнадцать сажен, рассчитывая вместе с тем на близость берега, отдали якорь. К вечеру туман рассеялся, и мы действительно увидели входной маяк в расстоянии полутора миль. Конечно, сейчас же перешли на рейд Петропавловска к Сигнальной горе.

Главную красоту величественной Авачинской губы составляют четыре снежных пика, из которых Коряцкий пик или, как здесь называют, сопка, достигает одиннадцати с половиной тысячи футов.

В хорошую погоду глаз не оторвать от чудного вида на сопки и окружающую кругом зелень.

Брошенный Петропавловский порт представлял из себя жалкую деревушку, вся администрация которой состояла из исправника, старосты и казачьего офицера с десятью казаками. Жителей тогда было четыреста тридцать человек, школа на сорок детей.

Из так называемой интеллигенции жили: агент Русско-Американской компании Люгебиль с семейством, купец Малованский, местный кулак, обиравший местных алеутов, капитан Хунтер, обрусевший англичанин, агент пароходства Филиппеуса, проживавший двадцать четыре года в Петропавловске безвыездно.

Обыкновенно алеут привозит тысячную шкуру бобра Малованскому, тот покупает её за сто рублей и платит не деньгами, а товарами, причём, сколько бы алеут ни взял провизии, всё равно останется в долгу и должен платить из будущей шкуры. Если алеут продаёт шкуру кому-нибудь другому, то ему провизии не дадут и купить на деньги он не может. Мы давали высокую цену за шкуру, но алеут нам не отдал из боязни Малованского, который получает за шкуры тысячи в Сан-Франциско.

В городе три церкви, в одной из них, старой, выстроенной на месте ещё более древнейшей, имеются два исторических образа: святого апостола Петра, образ, бывший в плавании с капитаном Берингом. Офицеры Беринга обделали этот образ в серебряную ризу. Другой образ святых апостолов Петра и Павла сооружён на пожертвования участников Петропавловского боя в память этого славного дня.

Вторая церковь построена Русско-Американской компанией, в ней находится образ святого Николая Чудотворца в память защиты города в 1854 г. и святой Анны от экспедиции Беринга с надписью: «Дмитрия Овцына и всех служителей, спасшихся с пустынного острова Клота».

Около новой церкви стоит чугунный крест в память Беринга, похороненного на острове его имени.

У подножья горы, на которой происходил бой, расположено братское кладбище, окружённое деревянной оградой. Здесь стоят три креста:

1) гранитный крест — на русской могиле;

2) деревянный и белая мраморная плита с именами французского лейтенанта и мичмана, павших в бою;

3) деревянный на английской могиле с обозначением дней сражения (In memory...).

Окончив перечисление достопримечательностей Петропавловска, нельзя пропустить его особенность — почта получается два раза в год, первая — в марте через Охотск, когда отправляют ясак (подать), и вторая — в зависимости от прихода парохода Филиппеуса.

В эту кратковременную стоянку мы не теряли времени, делали много прогулок по окрестностям, а свободное время проводили в милейшем семействе Люгебиль, в котором три дочери служили предметом ухаживания офицеров. Впоследствии старшая дочь вышла замуж за нашего старшего штурмана, а младшая — за лейтенанта Г-за (с другого корабля).

В воскресенье команду свезли в церковь, после обедни адмирал принял церковный парад. Не забыли мы также и жителей — в доме исправника устроили вечер, посуду и ужин перевезли с крейсера, комнаты убрали флагами, лампы и добавочную мебель взяли в других домах.

С восьми часов вечера до двух часов ночи танцевали без устали все танцы и особенно любимую здесь «восьмёрку», что-то вроде кадрили. Её можно танцевать под любую музыку, только бы мотив был повеселее. Из дам были: жена исправника, жена командира парохода «Александр» Зандмана, три дочери Люгебиль и другие местные жительницы.

Угостили на славу, ужин был из шести блюд с соответствующим выбором и количеством вина, которое способствовало развитию веселья, особенно после отъезда адмирала. Наши старшие чины посмеивались, когда барышни говорили: «Цево это?» или «Ась», а молодёжь на это не обращала внимания и ценила отсутствие жеманства и фокусов.

Мичману Р[удневу] досталось больше всех, как распорядителю вечера: надо было всё приготовить, руководить вечером и по отъезде публики пересчитать посуду, серебро и вино, чтобы свезти обратно на крейсер. Этот вечер петропавловцы надолго сохранили у себя в памяти.

Пока команда, пользуясь удобным случаем, производила стрельбу из ружей и револьверов на берегу, адмирал с частью свободных офицеров поехал на Паратунские ключи. Сначала шли девять миль на паровом катере, далее верхом через перешеек три версты до ближнего Паратунского озера, через которое перебрались (четыре с половиной версты) на ботах особого устройства.

Названием ботов окрестили своеобразное средство переправы, а именно взяли три долблёные душегубки (челноки), поперёк положили доску, всё снайтовили и сели на доску, хотя с некоторым

предупреждением против безопасности, особенно адмирал, обладавший большим весом.

Озеро имеет прелестный вид, на нём маленькие острова, обильно покрытые деревьями и травой. Берега озера состоят из гор в два уступа, ближний увенчан густым лесом, а дальний — гранитные скалы.

Напившись чая в селении, мы сели на нарты, запряжённые 10–12 собаками, и покатили по траве.

У речки ожидал перевоз, а на другой стороне такое же количество саней с собаками, доставившими уже до самых ключей.

Вся поездка совершена в пять часов. В хате Гавриила Подпругина, организовавшего поездку, нас ожидал завтрак. Подпругин — местный охотник, он убивает ежегодно до сорока медведей и большое количество других зверей, не исключая соболей.

Часть озера, где бьют ключи, не замерзает, и вода остаётся горячей, она считается целебной против золотухи.

1882 г., 3 августа. Ушли эскадрой по неизвестному назначению, адмирал никому не сказал, а спросить побоялись, только дорогой само собою выяснилось, так как 6-го числа прибыли в Хакодате. Здесь эскадра разделилась: адмирал ушёл в Чифу, а нас послали на север.

15 августа прибыли в наш милый Петропавловск сменить клипер «Вестник», стоявший там летом. Уже со времени прихода в Хакодате начались тяжёлые дни в отношении погоды. Мы отвыкли от холода, плавая в тропических странах, почему туман и дальнейшие морозы сильно давали о себе знать.

24 августа, в годовщину Петропавловского боя, состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г. Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе даёт возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золочёной верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р[уднева], к этому времени прибыло духовенство. Когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперёд на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашёва.

К сожалению, начало празднества было омрачено неприятным случаем: на рейде одновременно с нами стояла английская яхта «Энчантрес», владелица которой вместе с другими пассажирами

яхты была на панихиде и возложила три венка: на русскую, английскую и французскую могилы. По окончании общей панихиды обратились к священнику отслужить отдельную панихиду на английской могиле. Каково же было неудовольствие, когда священник отказался служить и даже повернулся спиной!

С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню, и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба суда салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем.

26 августа ушёл «Вестник». Мы повезли наших знакомых барышень на шлюпках провожать клипер, стараясь держаться как можно ближе, чтобы барышни могли поймать платки, которые им бросали с кормы клипера. Метка поднятого из воды тщательно рассматривалась, платок переходил в собственность одной из барышень. У них не было споров, так как офицеры были строго распределены между ними по симпатиям.

С уходом «Вестника» жизнь пошла правильная. Главное внимание было обращено на занятия по всем частям и, особенно, на прохождение курса стрельбы из ружей и пушек. Для производства последней обыкновенно уходили в Тарьинскую бухту.

По вечерам большинство съезжало в гостеприимный дом Люгебиль, где старшие чины играли в карты, а молодёжь танцевала с тремя барышнями.

По праздникам гуляли по горам, охотились, кто мог. Во время прогулок случалось видеть очень близко медведей, они мало обращают внимания на людей, увлекаясь рыбной ловлей.

В сентябре месяце крейсер ушёл в обход по северным берегам Камчатки и островам. Этот раз плавание крайне тяжёлое вследствие частых туманов, свежих ветров и громадной волны...

...20 сентября мы посетили остров Медный, то есть, собственно, только подошли к обычному месту стоянки и прошли дальше вследствие сильнейшего шторма. Не стоило становиться на якорь, всё равно нам бы не удержаться на месте.

Обошли кругом Медный, пошли к Берингу, там ходили вдоль берегов и, потеряв надежду на улучшение погоды, ушли к всеобщему удовольствию назад в Петропавловск.

Опять всё пошло по-старому, только 4 октября картина берегов изменилась: снег покрыл густой пеленой всё решительно, и мы с восторгом, как малые дети, бегали с санями и катались с гор.

Вскоре стало известно о близком уходе нашем в Японию. Местный исправник Серебренников, не желая ударить лицом в грязь, решил устроить танцевальный вечер и прощальный ужин. Без нашего

содействия не обошлось — и посуда, и серебро, и прочее было перевезено с крейсера на квартиру, а главное, прибыло много кавалеров.

Перед танцами командир обратился к лейтенанту Р[удневу]: «Конечно, В. Ф., вы будете танцевать, дирижировать и вообще всем распоряжаться». — «К сожалению, Е. И., я этого не могу выполнить, мне предстоит вахта с двенадцати до четырёх часов ночи». — «Ну, эта беда невелика, мы её сейчас поправим».

Затем командир, приказав поставить мичмана на вахту, сказал исправнику: «Вы предоставьте всё В. Ф., лучше его хозяина не найдёте, он вам всё устроит».

Танцевали до изнеможения, особенно нравился местный танец «восьмёрка», который местные дамы лихо отколачивали. Но всему есть конец, и танцевать кончили, и стоянке конец.

Перед уходом трогательно прощались с милым семейством Люгебиль и другими, простились с любимыми местами, со скамеечками, сделанными своими руками в разных местах по горам, ничего и никого не забыли.

5 октября [1882 г.] по выходе в море попали в жестокий шторм с морозом и снегом. С большим трудом доставили на остров Беринга доктора Калиновского, его коров, собак и лошадей, желавшего зимовать на Беринге.

Нельзя было без смеха смотреть на изумление и испуг жителей, увидевших первый раз матросов, сидящих верхом на лошадях. Они приняли всадников за богов и падали ниц при проезде лошадей.

Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 гг. — СПб., 1909. — С. 60—62, 139—142.

Выписка из книги записи прихода и расхода городских средств за июль и август 1882 г.

Приход:

5 июля внесено городовым старостою к протесту векселя мещанина Михаила Коршунова за неплатёж по оному долга с переходящей суммы 25 руб. С оных на $^1/_2$ % с рубля, всего 12 $^1/_2$ коп.

5 июля внесено почётными гражданами Егором Черных и Александром Костромитиновым к засвидетельствованию контрактов, данных ими торговому дому «Готчинсон, Коль, Филиппеус и Ко» за производство торговли, первым на острове Беринга, а вторым на острове Медном, за пожалованные каждому 1 800 руб. в год, с оных по $^1/_2$ % в рублях по др., а всего 18 руб.

9 июля внесено потомственным почётным гражданином Иваном Колесовым к засвидетельствованию контракта, данного им 1-й гильдии петропавловскому купцу Филиппеусу на служение в течение одного года приказчиком за жалование 600 руб. в год по $^1/_2$ % с оных, всего 3 руб.

13 июля внесено агентом торгового дома «Готчинсон, Коль, Филиппеус и Ко» гражданином Америки г. Люгебилем за якорное стояние в губе американского барка «Генри Бок», всего 15 руб.

Расход:

31 июля уплачено в лавку купца Сандалина за купленную у него для городского управления одну стопку писчей бумаги 8 руб. и одну коробку стальных перьев 3 руб. — 11 руб.

Выдано учителю городской школы надворному советнику Фёдорову за июль месяц добавочного жалования 15 руб.

Выдано преподавателю дьякону А. Черных за июль месяц жалования 25 руб.

...К 1 июля остатка состояло: наличных денег 750 руб. 24 $^1/_4$ коп., один вексель в 8 000 руб. и долгу 900 руб. В течение месяца на приход поступило 217 руб. 85 $^1/_2$ коп, а в расход употреблено 51 руб.

Затем к 1 августа в остатке действительно та сумма, какая по книге и документам быть должна, и находится налицо, а именно: наличных денег 917 руб. 10 $^3/_4$ коп., один вексель в 8 000 руб. и долгу за городским обществом 900 руб., а всего девять тысяч восемьсот семнадцать руб., десять и три четверти коп., причём никаких упущений и неисправностей не оказалось. Подписал исправник *Н. Серебренников.*

Приход:

26 июля при предписании петропавловского исправника от 23 сего июля за № 367 и 268 получено поступивших в доход города от аукционной продажи соболей 134 руб. 75 коп. и котовых морских шкур 37 руб. 98 коп., а всего 172 руб. 03 коп.

28 июля внесено гражданином Америки Хунтером к засвидетельствованию контракта, данного им петропавловскому 1-й гильдии купцу Филиппеусу на служение в течение одного года в качестве доверенного приказчика, за жалование в год 1 800 руб., по $^1/_2$ % с оных, 9 руб.

18 августа внесено к засвидетельствованию контрактов, данных купцу Филиппеусу на служение приказчиков в течение одного года, именно: отставным старшим лекарским учеником Топольским за жалование 600 руб. в год, с оных 1/2 % с рубля — 3 руб.,

и отставным казаком Толстихиным, с жалования 300 руб. в год, по $^1/_2$ % с рубля — 1 руб. 50 коп., а всего 4 руб. 50 коп.

Расход:

1 августа выдано учителю городской школы надворному советнику Фёдорову за август месяц добавочного жалования 15 руб.

5 августа уплачено мещанину Мутовину за стрельбу по городу собак за 5 штук 1 руб. 25 коп и отставному баталеру Ипатьеву за уборку их 2 руб. 50 коп, а всего 3 руб. 75 коп.

14 августа при отношении за № 111 препровождено в кассу петропавловского специального сборщика для зачисления в государственный доход за полученные сенатские подания за 1881 г. с пересылкою их, всего 14 руб. 94 коп.

18 августа при отношениях от 13 июля за № 87 и 89 препровождено в Хабаровское окружное казначейство: а) на удовлетворение расходов по Министерству внутренних дел с города Петропавловска за 1882 г. 1 руб., за сенатские подания за 1882 г. с пересылкою их 16 руб. 44 коп. и b) употреблено в почтовый доход за пересылку их 16 коп., а всего 17 руб. 60 коп.

31 августа употреблено на исправление канав и устройство моста на кошке по дороге к памятнику, исполнено: уплачено купцу Сандалину за плахи и гвозди 5 руб. 25 коп., за работу мещанину Н. Ворошилову 5 руб. 75 коп и казаку Ордину 1 руб. 75 коп., а всего 12 руб. 75 коп.

31 августа выдано преподавателю диакону А. Черных жалование за август 25 руб.

Приход:

21 августа внесено за якорное стояние в губе Авачинской яхты «Маркиза», командиром оной, по приходе яхты из Владивостока, всего 15 руб.

31 августа внесено мещанином Николаем Ег. Машихиным для выдачи ему шестимесячного паспорта 85 коп.

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 635. Л. 75—78.

Посещение Петропавловска английской яхтой «Марчеза», 1882 г. Из книги Ф. Х. Х. Гюйллемарда (Ф. Гиллмарда)

...Мы позже подошли к узкому входу Авачинской губы и проложили свой курс по спокойному морю к маленькой гавани Петропавловск.

Авачинская губа — одна из прекраснейших гаваней мира, если она действительно не является самой наилучшей. Рио-де-Жанейро

и Сидней не могут претендовать на подобную честь, и те, кто из нас видели эти гавани, единодушно отдают пальму первенства их камчатской сопернице. Это почти круглый бассейн около девяти миль в диаметре, но с узким входом, направленным на *SSE,* и достаточно вместительный, чтобы в него могли войти флота всего мира. Она полностью свободна от опасностей, имеет глубину около 9–12 саженей. Благодаря высоким горам хорошо защищается от всех ветров, и это обеспечивает совершенную безопасность в любую погоду.

Но обычно путешественник не столько восхищается её отличными качествами для навигаторов, сколько превосходным пейзажем, который он видит вокруг. На юге возвышается Вилючинский вулкан, теперь совершенно спокойный, имеющий кратер примерно на высоте семи тысяч футов, немножко далее на восток имеется высокое на высоте тысячи и более футов огромное плоскогорье с редкими вулканическими конусами, которые, кажется, охватили всю страну, но на карте ещё не имеют своих названий, и некоторые из них до восьми тысяч футов высотой! По другую сторону имеются второстепенные гавани — Раковая и Тареинская, последняя около пяти миль длиной, и далее некоторые другие бухты меньшего размера.

Природа здесь подарила моряку поистине королевские условия! Берега, словно железные, обеспечивают здесь с подветренной стороны желанное укрытие для моряков, особенно плавающих в Тихом океане, имеющем столь обманчивое название. Но здесь моряк может спать спокойно, закрыв свои два уха, пока ему не потребуется поднимать свои якоря для своего обратного плавания.

Но если южная часть губы такова, что трудно найти слова, чтобы описать красоту её вершин. Мы поворачиваемся к северу, и сцена, к которой мы повернулись боком, тотчас забывается, ибо там плечом к плечу стоят покрытые снегом широкие поля, сверкающие на солнце три вулкана, какие редко увидишь. С вершины Авачинской, центрального пика, тонкая узкая лента белого пара плывёт по горизонту, чётко вырисовываясь на синеве ясно северного неба. Так тесно расположены эти горы, что, кажется, что они образуют изгородь вокруг бухты, и даже трудно себе представить, что они расположены на расстоянии двадцати миль. Но на Камчатке всё дано в больших масштабах, и карта это всё объясняет (примечание автора: высота Коряцкой сопки 11 554 фута)...

Берега Авачинской губы производят на путешественника более приветливое впечатление... Здесь мелкие холмы мягко опускаются

к пляжам, покрыты наносным плавником, кустами, вереском и берёзами, лениво нависшими над морем. Выше них растут более крупные деревья высотою пятнадцать футов и более. Только к северо-западу бассейн как бы обрывается, где Паратунка и Авача образуют дельту с многочисленными устьями. Низовья также вторгаются между тремя великими вулканами и бухтой, но высота гор не позволяет определить расстояния.

Признаки человеческого существования трудно заметить, но спокойствие вод нарушается огромным количеством плавающих птиц, чьи гнездовья расположены на скалах входа в губу. Наиболее распространены среди них бородатые топорки, странно выглядящие хохлатые гагарки.

Маленький посёлок Петропавловск невидим. Он скрыт за горой, образующей западную границу гавани. Эта гавань восхитительна с точки зрения моряка... От конца горы простирается длинная коса, тянущаяся до другой стороны, но оставляющая канал, через который могут пройти суда величайшего водоизмещения. Эта песчаная коса — такая прямая и узкая и столь правильной формы, что трудно поверить, что она не создана рукой человека...

Мы так медленно плыли в сторону земли, что казалось, что мы умышленно стремимся посадить судно на мель. «Смотреть внимательно по борту! Строго по борту!» — пришёл приказ. «Строго по борту!» — как эхо ответил рулевой. «Прямо на порт!» — «Прямо на порт», — пропел поворачивающий колесо руля руками и ногами.

«Хорош! Я буду благословенен, если я увижу такое же в этом месте», — услышал я, как пробормотал парень, и я склонен был с ним согласиться.

Наше прибытие не произвело никакого возбуждения среди жителей столь отдалённого места. Возможно, это произошло потому, что в этот самый момент отплывал ежегодный пароход на Японию через Охотск. Все петропавловцы собрались с ним проститься, желая в последний раз увидеть друзей, и одновременно разрывались, чтобы увидеть вновь прибывших. Пароход ещё подходил, когда на нём уже появились первые посетители. Правда, их число было небольшим.

Петропавловск, несмотря на его импозантное изображение в литературе и на картах, на самом деле просто деревня с не растущим, а, скорее, сокращающимся населением. Клерк в 1779 г. нашёл это селение состоящим из тридцати хижин на косе, о которой я уже упоминал, и состоявших преимущественно из юрт и балаганов. Капитан Кохрейн, который предпринял своё беспрецедентное

пешее путешествие в 1821 г. из России через Сибирь, описывал пятьдесят семь домов, некоторые из которых были уже на берегу. В годы Крымской войны он был больше, чем в настоящее время.

Город был распространён в конец маленькой гавани, где стоит и теперь, имея там не менее двухсот различных строений. Но на Камчатке, как и в других северных странах, зимние склады, рыбные сараи и другие хранилища так многочисленны, что подлинные жилища могут составить лишь треть всех строений. Китлиц в 1829 г. насчитал здесь всего двести жителей, а во время нашего посещения, как нам сообщили, их было около трёхсот, число, которое, как мне кажется, преувеличено.

Стоя рядом у теперь уже покинутой кошки, предел маленькой бухты, мы видели маленький городок, расположенный весьма картинно. Налево была заросшая лесом гора, район несчастья, произошедшего с силами союзного флота в 1854 г. Направо — гора высотой полторы тысячи футов, господствующая над городом, чьи хибарки теснятся у берегов маленькой бухты. Здесь и там бросаются в глаза белые постройки с некоторой претензией, окружённая чахлой рощицей церковь и кладбище с многочисленными крестами. За городом артистически заполняет разрыв между гор снежный конус Коряцкой и склад Аляскинской коммерческой компании с изображением краснокожего индейца, столь приятного для шведов и который образует цветное пятно на переднем плане городка.

Не потребовалось много времени, чтобы ознакомиться со всем Петропавловским портом, несмотря на его импозантное название. Жители его, правда, называли просто Петропавловском и охотно старались помочь его посетителям. Лососи и черника доставлялись нам, и когда мы заметили коров, нас вскоре снабдили сливками и маслом.

Общество здесь весьма небольшое, европейцев всего восемь или десять человек. Господин Люгебиль, местный руководитель Аляскинской коммерческой компании, живёт здесь и контролирует доставку сюда шкур котиков с островов Беринга и Медного. Капитан Хунтер, агент компании Филиппеуса, другие — мехоторговцы. Здесь два склада, но их по-американски называют здесь «стор». Одним владеет старый швед, который также выполняет здесь обязанности старосты. Он уже не посещал свою родину тридцать лет, и очевидно, что для него высшим удовольствием была беседа с одним нашим спутником, который знал Швецию и любил её.

Город теперь не больше военного поста, но бараки и фортификация, разрушенные в 1855 г., так никогда и не были восстановлены.

Вся власть принадлежит исправнику, у которого, вопреки соблазнам его профессии, мы не встретили противодействия торговле. Русско-американский еврей, больше известный как король Камчатки, от которого русское правительство стремилось отделаться, вместе с доктором Дыбовским завершал список европейцев сильного пода. Леди здесь было всего четыре.

С Дыбовским, который обрёл европейскую славу как натуралист, мы имели удовольствие познакомиться лично. Его жизнь была полна приключений. Сосланный в Сибирь за участие в польском восстании, он был прощён и сделан правительственным врачом Камчатки, в качестве какового он и посетил многие части полуострова. Благодаря трудностям связи, за исключением зимнего периода, у него было много времени, которые он посвящал неутомимо любимым занятиям. Геология, геодезия, палеонтология, фотография и орнитология занимали у него все часы его досуга. В результате он смог собрать богатейшие коллекции. Никто из европейцев так хорошо не знал страну за пределами Петропавловска, и только ему одному мы были обязаны получением тех сведений, которые смогли определить наш путь, и множеству полезных советов для такого путешествия.

Нашим намерением было, если этот план был бы осуществим, отправиться к северу от Авачинской губы с тем, чтобы достичь верховья рек, текущих в великую реку Камчатку, где мы хотели проплыть на каноэ, если это было бы возможным, или построить плоты и таким способом спуститься до моря. Тем временем яхта должна была оставаться в Петропавловской гавани в течение месяца или шести недель и после отправиться к устью Камчатки и ждать там нашего прибытия.

Мы узнали, что доктор Дыбовский, несмотря на свой опыт различных путешествий по полуострову, не мог сам отправиться в путешествие и не знал никого, кто бы мог поехать с нами. Зимой частая связь поддерживается с Нижнекамчатском, острогом вблизи устья реки, но не на санях, как в Лапландии, по рекам, и хотя там имеется несколько одиноких селений на их берегах, путь лежит большей частью по земле для сокращения расстояний, а мы не имели ясного представления, как долго будет продолжаться наше путешествие.

От Дыбовского, однако, мы были способны получить все сведения по этому предмету и поняли, что среди трудностей, с которыми мы должны были бы столкнуться, главным был недостаток продовольствия. Его рассказы о чудесном изобилии рыбы, которые вре-

менами казались неправдоподобными, но которые, как мы сами потом убедились, были правильными. Связана ли почти исключительная рыбная диета жителей с проказой, распространённой среди них, нам сказать трудно. Наш советчик описывал её как обычную болезнь, и он имел широкую возможность судить об этом, но характерно, что во время нашего путешествия по стране мы только раз столкнулись с ней.

Цинга, как нам рассказывали, не распространена только благодаря обилию дикого чеснока и сараны — растения, чьи луковицы сохраняются зимой, и снабжению картофелем. Последний, однако, всё больше и больше культивировался в последние годы.

К великому сожалению для нас, наше знакомство с Дыбовским оказалось ограниченным. Он готовился к длинному путешествию к Курильскому озеру в поисках ископаемых, в неизвестный район, простирающийся к южной оконечности полуострова. Он должен был отправиться в одиночку, словно в ссылку. В течение зимы он путешествовал по стране по отдалённым населённым пунктам и осматривал своих пациентов. Теперь он предполагал их снабдить такими лекарствами, которые могли бы их вылечить, и они должны были сами лечиться до его следующего посещения через год. Немного существует докторов, у которых район их деятельности простирался на сотни тысяч квадратных миль!

В течение недели, которая необходима была для наших сборов, мы имели много времени для того, чтобы исследовать Петропавловск и его окрестности. Многочисленные бухты и прекрасные виды Авачинской губы требуют по крайней мере целого месяца для ознакомления с ними, и трудно вообразить более очаровательное место для натуралиста и спортсмена. Возможно, когда лососёвые реки Норвегии истощатся и прекратятся игры в Индии и Южной Африке, некоторые авантюристически настроенные индивидуалисты порекомендуют Камчатку как новое поле для спорта. В настоящее время, нужно признаться, до неё нелегко добраться.

Каждый год Петропавловский порт посещается русским крейсером. Если его офицеры будут отличными спутниками, как я в этом убедился на личном опыте при контакте с ними, путешественник может согласиться на предложение совершить с ними переход. При знании французского языка, крепкой головы и неограниченной способности поглощать шампанское он совершит достаточно приятное путешествие. Пароход или пароходы, принадлежащие Аляскинской коммерческой компании, совершают ежегодно два рейса в порт, чтобы вывозить оттуда пушнину, добытую там и на

острове Беринга. Они отплывают из Иокогамы и, несомненно, на них можно совершить переход. Оставляя Камчатку, вторично они уже не идут на юг, а отправляются прямо в Сан-Франциско.

Погода во время нашего прибытия была прекрасной и приятной: дни были горячими, солнечными и с удивительно ясной атмосферой, но ночи были холодными и светлыми. Но из-за комаров этим наслаждаться было невозможно. Это бичи, которые в северных климатах летом нетерпимы, но в Петропавловске их не так уж много, как в других частях Авачинской губы, где комары особенно обильны. Каждому известно, что наличие этих насекомых всегда зависит от присутствия болот, низин, зарослей берёз или других деревьев по соседству, но здесь, и это странно, нет таких источников для их распространения.

Маленькие сады в селениях с яркими цветами, хотя и произрастающими среди травы и сорняков. Но культивируемых участков здесь мало — немногие клочки картофельных полей, капустных посадок и подобные продукты огородов, но не зерновых. Рожь имеется в некоторых частях долины Камчатки, но здесь, по сведениям Дыбовского, выращивать не пытались. Для камчадалов добыча речная и морская столь важна и требует так много времени, что у них не остаётся свободного времени на аграрные опыты, даже если это им и по душе.

Нет никаких дорог даже между маленькими постройками и из-за разбросанности домов, а также равно самих земель, на которых они могли быть построены. Путешественник сам себе выбирает путь, который ему кажется лучшим. Поэтому нет необходимости объяснять, что в этих условиях колёсный транспорт здесь вообще неизвестен.

Церковь — здание малоинтересное, является единственным общественным местом. Вблизи неё у сада, принадлежащего Люгебилю, стоит небольшой памятник, созданный в честь Беринга. Это железная колонна невеликого размера, которая была прислана сюда несколько лет тому назад из Петербурга, полускрытая буйной травой, которая в этом году росла особенно обильно, выглядит достаточно меланхолично. Это кенотаф, то есть пустая гробница для костей знаменитого навигатора, которые пока ещё находятся вдали отсюда на острове, названном его именем. Памятник Клерку, преемнику Кука, как я полагаю, находится недалеко отсюда, но его не видел.

Город действительно богат объектами меланхолического интереса. Так, в ущелье западной горы — место старой батареи, разбитые остатки памятной колонны де Лаперузу всё ещё видны. В то же

время на песчаной косе у входа в гавань сооружение менее приятное глазу англичан — памятник в честь победы русских над силами союзного флота в 1854 г.

Я должен признаться, что до посещения Камчатки я ничего не знал об этом деле, столь несчастном для наших сил...

Далее автор подробно рассказывает историю обороны Петропавловска с одной стороны, по словам очевидца событий капитана Хунтера и по книге Уимпера «Путешествия и приключения на территории Аляски», которую цитирует и затем указывает, что эта же история излагается в английском журнале «Наутикэл Мэгезин» за октябрь 1855 г. В заключение (с. 81) Гиллмард отмечает: «Ныне маленький несчастный Петропавловск упокоился в мире после времён своей славы в 1854 г. Он так и не был вновь укреплён и теперь уже не является военным постом».

...Для команды нашего судна Петропавловск казался почти раем. Погожие солнечные дни и ясные холодные ночи были приятным разнообразием после утомительного пекла тропиков, и обеды на полубаке украшались необыкновенными деликатесами. Гавань и реки кишели рыбой, можно было собирать моллюсков — сколько душе угодно, молоко и ягоды также имелись в избытке. Мерланги и селёдка были на время оставлены в относительном покое благодаря той лёгкости, с которой можно было добыть лососей в устьях Авачи и Паратунки. Мы добывали не менее трёхсот штук за один заброс сети, и команда была занята солением и копчением рыбы и другими способами её консервации. Матрос был в своей стихии, но, несомненно, он никогда бы не согласился провести всю оставшуюся жизнь в таком восхитительном месте.

Наши охотничьи экскурсии в различные части бухты так радовали команду, и вскоре судно было украшено медвежьими шкурами, которые были приобретены у местных жителей. Между тем, по соглашению с исправником, которого здесь считают королём Камчатки, была достигнута договоренность о предоставлении нам лошадей, столь необходимых для нашего путешествия. Заминка с его началом позволила нам посетить горячие источники, которые находились в нескольких милях от другой стороны губы. За исключением того момента, когда дуют сильные юго-восточные ветра, при которых образуются сильные волны, проход сюда на малых лодках весьма приятен. Хотя губа зимой блокирована льдом, она сравнительно редко замерзает вся. Тем не менее, гавань Петропавловская на несколько месяцев, конечно, закрывается.

Высадившись северо-западнее Тарьинской бухты, мы прошли через довольно густой кустарниковый лес и вышли на берега живописного озера, которое пересекли на маленьких лодках, к селению, расположенному на другом берегу. Отсюда даже летом можно было ехать по тундре на санях.

Ключи, маленькая деревня, состоящая из хижин и балаганов и расположенная под Вилючинским вулканом. Здесь открытая долина, на которой не раз производились опытные посадки. Горячие источники, пары которых видны издалека, имеют температуру около ста восьми градусов по Фаренгейту и, кажется, свободны от серы. Они часто посещаются аборигенами для ритуальных целей и имеют купальни, которые были построены по распоряжению исправника. Вблизи деревни течёт приток Авачи, по которому наша группа спустилась в Авачу, а потом к морю. По прибытии на яхту мы узнали, что нам предоставлены лошади, взятые в местном селении, и через пару дней мы отправились в нами запланированное путешествие...

...Вечером 23 сентября мы снова прибыли в Петропавловскую гавань. В порту находились военное судно «Африка», оберегавшее от хищников лежбища на Командорах и проводившее опись берегов, пароход «Александрия» из Сан-Франциско, ежегодно вывозивший меха из Петропавловска. Пока мы путешествовали по Камчатке, команды «Африки» и «Вестника» создали монумент в честь победы в августе 1854 г. Это — обелиск высотой в двадцать пять футов. Он был поставлен в прошлом году командой «Вестника» на конце кошки у входа в гавань из материалов, доставленных из России. Он чугунный, чёрный и увенчан позолоченной «утренней звездой» и крестом.

На восточной стороне следующая надпись по-русски (даётся в обратном переводе с английского): «В память павших при отражении атаки англо-французского флота 20 и 24 августа 1854 г.» и на противоположной стороне: «Сооружён в 1881 г.».

Перед освящением памятника «голубые жакеты» прошли за палисад, где находились русские могилы и имеются три креста: русский, французский и английский, так как все они захоронены рядом. Панихида состоялась у русских могил. Но когда командир «Вестника» пожелал, чтобы служба состоялась и у французских и английских могил, местный поп грубо отказался. (Примечание: я должен заметить, что русские офицеры были шокированы таким неприличным актом и явились к нам на борт яхты прине-

сти свои извинения за случившееся, и объяснили это «только невежеством местного крестьянина»). На следующий день с монумента было снято покрывало при построенной во фронт команде русского судна и был произведён ружейный салют. Церемония завершилась завтраком на борту «Вестника», во время которого петропавловцы так сильно перепились, что на следующий день один казак умер...

Guillemard Francis Henry Hill. The Cruise of the Marchesa to Kamchatka and New Guinea, with notices of Formosa, Liu-Kiu, and various islands of the Malay Archipelago. — London, 1886. — P. 75—95.

Мнение контрагента казны надворного советника А. Ф. Филиппеуса о снабжении Камчатки, до 1884 г.

После благополучного отражения англо-французской эскадры в 1854 г. военный губернатор Камчатской области получил распоряжение: ранней весной 1855 г. со всеми бывшими в его распоряжении судами, войсками и чиновниками, а также, по возможности, и с казённым имуществом покинуть Петропавловский порт и перейти в Николаевский пост при устье реки Амура. Жители Камчатки сначала полагали, что это временная мера и что по заключении мира всё придёт опять в прежний порядок.

Но ожидания и надежды их не оправдались. В. С. Завойко вышел из Авачинской губы в апреле 1855 г., уже почти тридцать лет тому назад, и с тех пор из пяти утверждённых губернаторов и нескольких временно управляющих Приморской области, к которой зачислена Камчатка, ни единый не заглянул в этот заброшенный, как бы забытый край. В первое время командировались из Николаевска иногда чиновники для ревизии так называемых северных округов Приморской области, к которым принадлежали Петропавловский, Гижигинский, Охотский и Удской.

Чиновники эти доставлялись на военном судне в Петропавловск и потом берегом, уже зимним путём, объезжали селения в названных округах, осведомляясь о положении и судьбах жителей, о действиях начальствующих над ними лиц, ревизовали делопроизводство и счётную часть в управлениях окружных исправников. Обо всём, ими усмотренном и дознанном, доводили до сведения губернатора подробными отчётами по своей ревизии.

Но и эта мера давно прекращена. Последняя подобная командировка чиновника состоялась ещё во время генерал-губернатора графа Амурского при военном губернаторе Казакевиче в 1859 г.

С тех пор о Камчатке и прибрежьях Охотского моря как будто совсем перестали заботиться. Губернаторы знакомились с управляемою ими областью из официальных донесений исправников и, вполне довольствуясь подобными сведениями, они по заведённому порядку делились ими с генерал-губернатором. Исправники, конечно, преимущественно доносили, что всё обстоит благополучно и что жители блаженствуют благодаря заботливости о них областного начальства.

В последние годы доходность котикового промысла на Командорских островах и обязательство, принятое правительством защищать интересы иностранцев, пользующихся этой доходностью, были причиной посещения Петропавловского порта на пути к островам несколькими разного сорта чиновниками и военными судами. Генерал-губернатор Анучин обратил особенное внимание на Командорские острова и с целью обеспечения благосостояния жителей склонялся сдать промыслы на таковых на вечные времена в аренду иностранцам. Относительно же Камчатки его заботливость ограничилась лишь поручением командированному на острова чиновнику собрать некоторые сведения от петропавловского исправника, из которых впоследствии была составлена опубликованная генерал-губернатором записка о состоянии Камчатки.

Так же точно и моряки наши посещают Петропавловск, направляясь к островам и возвращаясь с них, расспрашивают кого попало, как попало и о чём попало, довольствуются какими бы то ни было сведениями и, при случае, по возвращении в Россию, иногда без всякой особой цели, а иногда также с целью обеспечения благосостояния жителей, печатают статейку, в которой рядом с правдой появляется совершенная небылица.

Все собранные, как чиновниками, так и моряками, сведения приводят к одному неоспоримому заключению, а именно: жители Камчатки бедствуют, тогда как жители Командорских островов блаженствуют. Причины такого различия в положении столь близких соседей приписываются: относительно камчадалов — недобросовестности и алчности местного купечества, а в отношении жителей островов — добросовестности и щедрости арендаторов. В вознаграждение за хорошие качества сих последних генерал-губернатор не только, как сказано выше, склонялся навсегда предоставить им котиковый промысел на Командорских островах, но находил полезным обещать им все будущие лежбища котиков в русских владениях Тихого океана, ныне же сдать им в аренду промыслы морских бобров и голубых песцов и, наконец, ввиду недостаточности

всего этого для должного вознаграждения заслуг, предполагал уменьшить в пользу арендаторов на несколько тысяч рублей плату, ныне получаемую чересчур блаженствующим жителями: вместо 1 руб. за первые 30 тыс. котов и 50 коп. за остальное количество генерал Анучин предлагал назначить им цену кругом по 75 коп.

Средним числом за четырнадцать лет аренды вывезено не менее 36 тыс. котиков в год, но, допустив, что ежегодный вывоз будет не менее 40 тыс., жители при настоящей оплате получат от арендаторов 35 тыс. руб., а по предложению г. Анучина получили бы всего 30 тыс. Надо, чтобы годовой промысел превышал 60 тыс. штук для того, чтобы жители от новой оплаты имели выгоду. До этого количества промысел едва ли будет доведён, так как переполнение рынка неминуемо вредно повлияет на ценность шкур.

Для наказания камчатских купцов и улучшения быта камчадалов не указывается пока ни на какие положительные меры, но все намёки клонятся к одному: русских купцов, по возможности, стеснить и выжить, а камчадалов поручить божьей помощи. В России, как и во всём свете, давно пришли к убеждению, что без купцов народу существовать нельзя, и что поэтому торговля требует поощрения, а не стеснения. Но посещающие Петропавловск чиновники противоположного мнения.

Между тем в Камчатке более чем где-либо торговля нуждается в поощрении. Отдалённость и малопроизводительность края, затруднительность плавания в туманных водах, отсутствие безопасных мест для выгрузки (за исключением одного лишь Петропавловска), риск, происходящий от невозможности страховать сгруженные на берег товары, медленность и неверность обращения капитала, огромные, сравнительно с оборотом, накладные расходы и окончательная невозможность в данный момент, хотя бы и с большими жертвами, реализовать наличное имущество — всё это пугает предпринимателей.

Временно появлявшиеся русские и иностранные купцы, после годового дли двухгодового опыта, почти все со значительным убытком прекращали свои дела. Дошло, наконец, до того, что я остался единственным доставщиком потребностей не только Камчатки, но и всех вообще портов Охотского моря.

В последнее время усилия направлены были к тому, чтобы выжить и меня. В этом отношении я с великой радостью готов содействовать сему, ежели помогут мне выручить хотя бы сорок копеек за каждый рубль действительной стоимости имеющегося у меня в тех местах наличного имущества, не считая долгов ни за служащими,

ни за инородцами. О причинах, побудивших меня начать и распространить торговое дело, так же как и о невозможности прекратить его, когда с отдачею котикового промысла на Командорских островах и с уступкою Японии Курильских островов все надежды на успех предприятия моего рушились, мною было неоднократно заявляемо Министерству внутренних дел.

Теперь же, ввиду окончания контрактов моих дел вообще, я считаю нужным представить точное описание настоящего положения дел во всех посещаемых мною местностях. Я считаю обязанностью сделать это для того, во-первых, чтобы ознакомить начальствующих лиц с действительным положением этих местностей, а во-вторых, для того, чтобы сложить с себя всякую ответственность за будущие бедствия, которым может подвергнуться местное население, ежели система выживания и неприязни ко всякой частной предприимчивости будет продолжаться.

Петропавловск, в последнее время ежегодно посещаемый военными судами и чиновниками, описанный в официальных донесениях, в газетных статьях, не требует здесь особых подробностей. Издали, благодаря великолепному местоположению, он представляет прелестную картину, вблизи — бедность и неправильность большей части строений производит удручающее впечатление на тех, которые видели его ещё до Крымской войны, в лучшие его годы. Контраст между величественной окружающей природою, чудною, единственною в мире гаванью и нищенством самого селения наводит невыносимую грусть.

Между тем помочь этому очень трудно. Хороших строевых материалов в окрестностях нет, из коротких и кривых берёзовых и тополёвых брёвен, с трудом добываемых жителями в значительном отдалении от порта, красивых строений сделать нельзя. Материалы, привозимые из других русских портов или из Америки, по цене для большей части жителей недоступны, и потому они строят себе двух с половиной или трёхсаженные срубики, для крыши употребляют длинную траву и, заняв почти пол-избы огромной мазаною печью, живут себе тепло, хотя и чересчур тесно, в особенности при больших семействах.

Два дома, построенных мною для казны преимущественно из привезённых материалов, обошлись с лишком в 15 тыс. руб. В прежние времена брёвна для построек привозились на казённых транспортах из Охотска и Нижнекамчатска и нужные здания строились экипажными мастерами. Но в 1855 г. англо-французы сожгли

все лучшие дома, и с тех пор Петропавловск уже не поправился. Между тем это центр управления всего Камчатского полуострова. Управление состоит из окружного исправника, окружного врача, благочинного камчатских церквей и хорунжего, управляющего Камчатскою казачьею командою. С прошедшего года открыта новая должность письмоводителя почтового отделения. Полагается по штату помощник окружного исправника, но по воле областного начальства он находится в постоянном прикомандировании к Приморскому областному правлению. Это и лучше, на положенное по штату содержание он был бы не в состоянии прожить в Петропавловске.

Округ, над которым начальствует петропавловский исправник, по числу квадратных вёрст больше всей Франции. Он в длину растянулся тысячи на две вёрст, и на всём этом пространстве в шестидесяти пяти постоянных деревушках и по бесконечным тундрам и лесам раскинуто оседлое и бродячее население, всего в 6 400 душ обоего пола и всех возрастов. Главным продовольствием всего населения служит морская рыба, в таком изобилии обыкновенно входящая для метания икры в камчатские речки, что месячной работы при самых примитивных снарядах достаточно, чтобы обеспечить пищей на весь год не только самих жителей, но и десятки тысяч употребляемых ими для разъездов собак.

Но бывают годы, когда по каким-либо причинам рыба в некоторые речки не является, и тогда население терпит страшную нужду. Люди кое-как пропитываются подаяниями от ближних, более счастливых соседей, но положительно иногда сами, собаки же очень часто умирают с голода. Несмотря на то что подобные явления то в той, то в другой местности повторяются довольно часто, камчадалы без принуждения и надзора не заботятся ни о скотоводстве, ни об огородничестве. Даже запасы рыбы в год изобилия они никогда не делают, зато и нужду они переносят с величайшим смирением и терпением и в весьма редких случаях обращаются за помощью к далёкому начальству и к контрактным провиантским складам.

Вероятно, лёгкость, с которой они в обыкновенные годы кратковременной работой добывают годовые запасы, делает камчадал самым беспечным, апатичным и ленивым племенем всего земного шара. Эти свойства их, в соединении с вредными качествами общеупотребительной пищи, преимущественно помогают распространению страшных болезней, которыми они страдают и которые до сих пор не поддаются медицине. Эти же свойства их составляют

главное противодействие всем усилиям начальства об увеличении огородничества и скотоводства.

Чтобы отделаться от настоятельных требований начальства, они прибегают ко всяким отговоркам и уловкам. Они говорят, что копать огород приходится как раз во время хода рыбы и что для них лучше быть без картофеля, чем без рыбы.

Картофелем ни они сами, ни собаки прокормиться не могут. Без рыбного корма для собак они не могут ездить в лес за промыслом соболей, не могут добывать ясак, не могут приобретать от купцов ни чая, ни табаку, ни других потребностей, не могут возить исправника, доктора, священника и т. д. Одним словом, без рыбы они должны пропасть, а без картофеля они легко могут прожить. Иметь и то и другое для них излишняя роскошь, тем более что существуют дикие растения, которые не требуют большого труда для них и вполне заменяют картофель.

(Так, например, корень в изобилии растущей камчатской лилии, так называемая сарана; земляные мышки всё лето трудятся собиранием его в ямы для зимнего запаса, а осенью после первых заморозков камчадалы отправляются на окрестные тундры, постукивают по мёрзлой земле палочкой и по звуку узнают место мышиной кладовой. Затем, сняв верхний слой земли, преспокойно целыми мешками уносят наготовленный запас.)

Относительно скотоводства многие у них уверяют, что стоки от навоза и вообще дух скота, который от комаров часто спасается в воде, отгоняют рыбу, а потому опять-таки при большом количестве скота могут последовать все вышеупомянутые бедствия. В действительности же копание гряд, кошение сена и уход за огородом и скотом они считают чересчур тягостными работами и нисколько не стесняются на расспросы исправника заявлять не существующее число рогатого скота и небывалое количество посаженного и снятого картофеля.

Часто бывает, что они от лени и беспечности остаются даже без рыбы. Когда таковая покажется в реке, они выжидают, чтобы она пошла гуще. Иногда они так и прозевают, иногда же она действительно наполняет реку, её вымывает на берег, собаки сами ловят её в воде. Камчадалы наготовят некоторое, далеко не достаточное количество, затем отдыхают в уповании, что осенью будет ещё больше рыбы, а осенняя, по их мнению, вкуснее. Но нередко случается, что упование их не сбывается, осенней рыбы нет, и они терпят крайнюю нужду, которая, впрочем, нисколько не исправляет их.

Способ приготовления рыбы для пищи двоякий. Самый лёгкий, а потому излюбленный камчадалами, это просто выкопать на берегу реки яму, наполнить её цельной неочищенной рыбой, закрыть сучьями и хворостом и завалить дёрном. Рыба гниёт в яме, обращается в тёмного цвета вонючую кашу, и когда впоследствии ямы эти раскрываются, то запах от них донельзя отвратительный, но камчадальские носы, по-видимому, привыкли к нему. Желудки их принимают эту пищу, но не может подлежать сомнению, что в ней скрывается главная причина огромного процента смертности.

Другой способ приготовления рыбы: сняв голову, вырезать среднюю кость до самого хвоста, не разрезав таковой. Добытые таким образом два пласта рыбьего мяса, связанные между собой хвостом, перекидываются через горизонтальные жерди для просушки. В сухую погоду такая рыба провяливается хорошо и довольно сносна для пищи, но в сырое мокрое лето она горкнет и в ней заводятся черви. Это так называемая юкола составляет главный предмет пищи людей. Ею во время зимних разъездов исключительно питаются как ездоки, так и ездовые собаки.

Солёной рыбы камчадалы употребляют весьма мало. Соль стоит в складах 1 руб. 20 коп. пуд, но доставка из Петропавловска, Тигильска или Нижнекамчатска в отдалённые селения и тягостна, и дорога. За чаем, сахаром, табаком камчадал иногда решится за несколько сот вёрст ехать в место складов, и тогда по пути он возьмёт и соли, но особой потребности он в ней не чувствует и обыкновенно выпрашивает её в долг. Если бы соль действительно составляла для них необходимость, то они легко могли бы добывать нужное количество из морской воды и, вероятно, им это было бы официально разрешено, так как надёжных складов в селениях нет и иметь невозможно.

Для приобретения всех вообще потребностей, за исключением рыбы, камчатские жители находятся в зависимости от зимних промыслов пушных зверей, состоящих из соболей, лисиц и выдр. Удача промысла зависит от разных случайных условий. Извержение какого-нибудь вулкана, которых в Камчатке много, сильный удар землетрясения, отсутствие земляных мышей, которыми соболь преимущественно питается, весьма часто выживают соболей из одной местности в другую, и таким образом иногда целые селения остаются почти без всякого промысла и, значит, без всяких средств.

Иногда в количестве и качестве промысла западный берег имеет преимущество над восточным, иногда наоборот. Бывают зимы, когда

при самом начале выпадает сразу весьма глубокий снег, потом от оттепели, предшествующей лёгкому морозу, образуется сверх этого снега наст (тонкая кора), поверх которого соболь бежит, не оставляя никакого следа, тогда как люди и собаки проваливаются. Такое состояние иногда продолжается месяцами, и тогда промыслов весьма мало. Иногда зима стоит ненастная и бурная со страшными и продолжительными снежными метелями, так что промышленники при всём желании не могут выехать в леса и, несмотря на горькую нужду, сидят в своих жалких жилищах.

Вообще положение камчадалов никогда не было блестящее, но их потребности были весьма скромные, а в настоящее время при значительном увеличении потребностей средства к удовлетворению их не увеличились. К тому же сильно уменьшилось число здоровых работников, на попечении которых имеется множество больных, беспомощных, которых не только приходится кормить, но за которых и ясак вносится остающимися ещё здоровыми. Царский ясак для камчадалов — вещь священная, и неоднократно случалось, что, не добыв после тщательных усилий следующего с него соболя, он ко времени проезда сборщика во что бы то ни стало купит или займёт таковой у более счастливого соседа или у ближайшего приказчика.

Между тем сколько разных злоупотреблений и обременений для жителей происходит от совершенно произвольного сбора ясака! Давно уже состоялось разрешение — взамен соболей получать от камчадалов подати деньгами, но разрешение это почему-то официально не объявляется, и каждый исправник придумывает новые порядки. При подобострастии камчадалов к начальству, они никогда гласно не оспаривают какие бы то ни было распоряжения, а повинуются слепо и безропотно, даже когда знают, что требования несправедливы и стеснительны.

Уже одно то, что исправник, вместе с тем и оценщик принимаемых им в ясак соболей делает количество сбора совершенно произвольным, не зная, во что его высокоблагородию угодно будет оценить соболя, камчадалы к его приезду в каждом селении стараются иметь соболей десять или пятнадцать лишних и всегда уже в ясак откладывают лучших соболей. Один из исправников, в недавнее ещё время, получив, что следует, в ясак по весьма низкой оценке, предлагал камчадалам продать ему на деньги по несколько увеличенной цене излишних соболей. Конечно, предложение начальства было принимаемо как приказание, и таким образом исправник одно время получал более барыша от соболиной тор-

говли, чем местные купцы. Другому затем исправнику и этого уже было мало, он под предлогом выбора лучших соболей в ясак потребовал, чтобы с самого начала годового промысла ни одна из добываемых шкур не была продаваема никому из купцов, а чтобы все без исключения сохранились у сельских старост до его приезда.

Между тем выезжают исправники за сбором ясака обыкновенно в январе, и потому с ноября до конца января уже и без того кругом задолжавшие камчадалы неотступно выпрашивали у торгующих в долг разные потребности, без которых им обойтись было решительно невозможно, и обязывались рассчитаться излишними после сбора ясака соболями. Вместо соболей у них оказывалась небольшая сумма денег и наставление исправника, что платить долги купцам они не обязаны.

О подобном безобразии я видел себя вынужденным довести до сведения генерал-губернатора письменно, но было ли оно официально отменено, мне неизвестно. Во всяком случае, при положительном отказе торгующих продолжать разорять долговыми выдачами, камчадалы нашлись вынужденными по прошествии нескольких лет нарушить распоряжение местного начальника.

При таком положении вещей, собственно в торговлю в Камчатке поступают средним числом ежегодно около трёх соболей, которые кругом принимаются купцами по 16 руб. и в соединении с небольшим количеством лисиц и выдр дают на каждого жителя Камчатки по 8 руб. в год. Между тем для промыслов камчадалу необходимы: прядево, порох и свинец; при неулове рыбы ему нужна мука; как мужчинам, так и женщинам нужны некоторые предметы одеяния; без табаку они жить не могут; чай они пьют чёрный, как чернила, пока он есть — с утра до вечера. К чаю им нужны сахар, медная и фарфоровая посуда. Им нужны ружья с пистонами или кремнями, топоры, ножи, гребни, мыло, иголки, нитки и множество разных мелочей, и для покупки всего этого человек владеет восемью рублями в год. И от сбора этих восьми рублей происходит, как уверяют некоторые чиновники, фантастическое обогащение коммерсантов.

Конечно, камчадалы за все свои потребности заплатить никак не могут, по какой бы цене таковые ни выставлялись местными торговцами, а так как потребности эти существуют каждый год и притом в течение всего года, и долги никогда не уплачиваются, да и не могут уже быть выплачены, то собственно розничная цена на товары в Камчатке не играет никакой роли. Надо сопоставить прямо стоимость ежегодно привозимых для Камчатки припасов

и товаров и сумму, выручаемую от продажи камчатских соболей. Такое сопоставление даёт далеко неутешительные выводы для купцов. На двухтысячном расстоянии полуострова существует всего три оптовых товарных и контрактных склада, именно, кроме Петропавловска, ещё в Тигильске и на устье реки Камчатки. Но к складам этим камчадалы обращаются редко, а предпочитают, да отчасти и вынуждены обстоятельствами, ждать приезда к ним в селение розничных торговцев, у которых они преимущественно и кредитуются.

Розничным торговцам развоз товаров обходится весьма дорого. Они нанимают возчиков от селения к селению, с платой за каждый перевоз по 50 коп. с пуда. Сверх того, они обязательно угощают чаем, сахаром, хлебом и вообще чем бог послал не только возчиков, но и всех посетителей по приезде в селение. Таким образом, трудно рассчитывать, в особенности при сомнительном получении долгов, с каких именно цен на товары в округе начинаются барыши торгующих. И если весьма немногие из них в десять и более лет торговли нажили по нескольку тысяч рублей, то целые десятки в то же время доторговались до положительной нищеты.

Камчадалы могли бы, конечно, сложившись, посылать доверенного за покупками по дешёвым ценам прямо из складов. Но в Петропавловск, куда доверенные охотно ездили бы по случаю открытой продажи напитков, именно по этой причине и боятся посылать, а в Нижнекамчатск и Тигильск, где продажа напитков совсем не существует, никто доверенным ехать не желает.

Каждому вроде ехать немыслимо, с открытием промыслов какой-нибудь месяц ездят в лес для добычи соболей, а затем более месяца ожидают проезда разных начальников, то есть исправника, окружного врача, благочинного протоиерея, казачьего хорунжего... и двух почт.

Всё это ездит без прогонов, не стесняясь занимаемым числом людей и собак и, можно сказать, без малейшей пользы для края. Эта беспощадная натуральная повинность, в особенности в год неулова рыбы, тяжелее всех возможных податей и сокрушительно действует на здоровье и благосостояние жителей.

Отделавшись в конце января или в начале февраля от этой муки, камчадалы до марта ещё стараются промыслить несколько соболей, потом шкурки начинают портиться и делаются бесценными, и промышленники в безысходной нужде проводят несколько весенних месяцев в своих жилищах в ожидании появления свежей рыбы. Так идёт дело из года в год, с той лишь разницей,

что недостаток рыбы повторяется чаще, число больных увеличивается, число работников-кормильцев и соболей уменьшается, и количество долгов возрастает.

Кроме камчадалов, по полуострову кочуют бродячие инородцы: тунгусы, ламуты и коряки. Их положение несравненно лучше оседлых инородцев, главным образом тем, что они не относят тяжёлую развозную натуральную повинность, перекочёвывая круглый год с места на место в верховьях рек и в хребтах. Они высылают доверенных для уплаты ясака во время проезда исправника. Сколько в действительности между ними ясачных душ и все ли они переписаны, проверить трудно. Наравне с камчадалами, они запасают рыбу для пищи, но они все более или менее богаты оленьими табунами и кочуют на оленях, поэтому им нет нужды запасать корм для ездовых собак — олени круглый год сами прокармливаются, доставая из-под снега известного рода мох. Богатые из этих инородцев почти ежедневно едят оленье мясо, между ними мало существует так называемая проказа, губящая оседлых жителей.

Эти бродячие жители Камчатки во многом виноваты постепенному уменьшению соболиных промыслов: они живут в местах, куда соболи скрываются с весны, когда наступает время щениться. Они преследуют его верхом на оленях рано осенью, когда в горах выпадают уже снега, а камчадалы на собаках выехать ещё не могут. Соболиные матки и щенки никуда не могут скрыться от охотничьих собак, постоянно сопровождающих тунгусов. Они раскладывают в лесах огни и нередко причиняют лесные пожары. Вообще уже дознано, что этими промышленниками окончательно уничтожены соболиные промысла на большей части сибирского материка.

Затем, собственно в Петропавловске проживает около трёхсот душ обоего пола, принадлежащих к мещанскому сословию, и как в Петропавловске, так и в некоторых пунктах округа насчитывается до тысячи ста обоего пола душ государственных крестьян и пятидесяти человек состоящих на службе казаков с семействами. Крестьяне переселены в Камчатку в разные времена до 1852 г., преимущественно из Иркутской губернии, с целью разведения хлебопашества, огородничества и скотоводства и приучения камчадалов к сельскому хозяйству.

Хлебопашество, несмотря на все поощрения, предлагаемые начальством, и многолетние усилия самих крестьян, никогда и нигде не давало вполне надёжных результатов. И хотя на отдельных небольших пространствах, преимущественно по долинам рек

Камчатки и Еловки, в некоторые годы и поспевает ячмень, и даёт четыре пуда на один посев, но ещё не было примера, чтобы какое-либо селение или хоть одно семейство из селения прокормилось своим зерном. Всё-таки понемногу крестьяне продолжают сеять и иногда в виде лакомства едят кашу из собственного ячменя.

Огородничество и скотоводство идёт лучше, но все вообще жители Камчатки — мещане, крестьяне и казаки, так же как и инородцы, главным предметом продовольствия считают рыбу, а для приобретения всех других потребностей зависят от промысла соболей. Находящиеся на службе казаки имеют то преимущество пред всеми другими, что ежемесячно получают казённую пайковую дачу муки и крупы. Остальные же все покупают из контрактных складов муку и крупу, так же как и соль, порох и свинец по определённым ценам, и потому контрактные склады для всех вообще имеют большое значение. Таких складов, как уже упомянуто выше, для всего полуострова три, именно в Петропавловске, при устье реки Камчатки и при устье реки Тигиль.

Северные селения округа поставлены в самое невыгодное положение относительно приобретения припасов: расстояние от некоторых из них до ближайшего склада восемьсот и более вёрст. И во времена начальников и губернаторов припасы доставлялись только в эти три пункта, а впоследствии, до заключения со мной контракта, весьма часто только в один Петропавловск. Оттуда для удовлетворения казаков пайками перевозились берегом камчадалами в виде натуральной повинности за тысячу вёрст в Тигильск и в Усть-Камчатский пост. С 1870 г. эти три пункта правильно ежегодно снабжались мною морем...

Из «Записки надворного советника А. Ф. Филиппеуса о Камчатке и портах Охотского моря». — СПб., 1885. — С. 1—10.

Посещение Петропавловска штабс-капитаном А. А. Ресиным, отправленным для обследования северных районов Дальнего Востока, 1885 г.

...Вот, мы вступаем в Авачинскую губу, а за нею в бухту того же имени, в глубине которой на берегу гавани, отделённой низкой кошкой, и расположен город Петропавловск.

Судну, приходящему с моря, прежде всего открываются три пакгауза, вынесенные вперёд за кошку, отделяющую гавань Петропавловскую от бухты Авачинской. Пакгаузы эти принадлежат русско-американской компании, в руках которой котиковый промысел на

Командорских островах. За пакгаузами выступает куча маленьких лачужек, желтеющих своими соломенными крышами, две церкви и часовня на братских могилах как бы набросаны на этом общем фоне.

Высокие горы подковкою с трёх сторон обхватывают город. Таков общий вид его. Когда мы входили в гавань, на рейде стояли пароход русско-американской компании «Александр» и трёхмачтовый американский барк «Генри Бёк».

Навстречу нам вышел вельбот с гребцами в шапках с красивым околышем: то был местный исправник с командой камчатских казаков, с ним вместе прибыли на судно агент американской компании г. Люгебиль и представитель местного купечества г. Сандалин. После обычных приветствий наши гости, конечно, прежде всего поинтересовались осведомиться о текущих событиях, о которых они имеют возможность знать только из одной зимней почты, приходящей в Камчатку сухим путём, одной летней — на пароходе Филиппеуса и, кроме того, следить за ходом жизни на родине по новостям, привозимым изредка заходящими сюда нашими военными судами или судами американскими.

В Петропавловске мы предполагали провести несколько дней. Исправник Сергей Афанасьевич Херсонский весьма любезно предложил мне у себя помещение. Предложение это было, конечно, более чем приятно, и в тот же день я переселился к нему, встретил самый радушный приём и вошёл в жизнь города.

Общество, состоящее, впрочем, только из трёх семейств, доктора Фёдорова и г. Сандалина, но увеличившееся с приходом трёх судов, теперь стоявших на рейде, собиралось нередко вместе, и десять дней, проведённые в Петропавловске, прошли незаметно.

В то время как шхуна нагружалась дровами в Тарьинской бухте, мы осмотрели город и познакомились с окрестностями его. Посетили остатки так называемых солеваренных заводов и населённую казаками деревню Сероглазку. Казаки эти, по-видимому, живут довольно зажиточно. Маленькая, правда, избушка, в которую мы зашли, разделена перегородкою пополам, стены оклеены обоями, украшены картинками и фотографическими карточками.

Хозяйка предложила нам чай, молоко и белый хлеб. Конечно, это более зажиточные, но, во всяком случае, пригородные казаки не бедствуют так, как камчадалы и русские крестьяне, живущие внутри страны. Казаки получают казённый паёк и занимаются промыслами, как и остальная часть населения, а чтобы служба не отвлекала их от хозяйственных занятий, даже такой пост, как часовой

у порохового погреба, ставится на целые сутки. Конечно, это не более как сторож, однако, когда мы в первый раз проходили мимо этого погреба, часовой был одет в форму, которую казаки обыкновенно не носят и, отдавая честь, весьма отчётливо проделал ружейные приёмы.

Камчатские казаки находятся в ведении Министерства внутренних дел и подчинены исправнику, командует ими офицер, производимый из тех же казаков. Всего в Камчатке пятьдесят человек казаков, и они разделены на три отряда: в Петропавловске, Тигиле и Усть-Камчатске. Вооружены они шестилинейными, с дула заряжающимися винтовками. Форма одежды имеет казачий покрой с вырезанными красными клапанами на воротнике и шароварах из серого сукна. Через плечо на широкой ременной портупее они носят кривую полусаблю.

При виде в первый раз камчатского казака с его несколько камчадальскою физиономией и чёрными короткими бакенбардами мы невольно перенеслись в старые времена. Впечатление это ещё более усилилось, когда в первый же день по прибытии в Петропавловск нам случилось познакомиться с заведующим камчатскими казаками хорунжим Савинским, симпатичным шестидесятилетним стариком, живою летописью города Петропавловска.

Вечером 5 июня шхуна была готова отправиться далее, а утром 6-го числа мы снялись с якоря и вышли в море...

[Возвращение на китобойной шхуне «Сибирь» в Петропавловск.]

...Уже солнце скрывается под горизонт, зажигается Петропавловский маяк и посылает нам свой свет. С какою радостью, с каким чувством, полным восторга, встречаешь этот первый луч, этот первый вестник близости цивилизованного мира!

К общему удовольствию капитан, несмотря на тёмную ночь, сегодня же решил войти в Петропавловск, и в первом часу ночи на 29 сентября мы вступили в гавань, стали на якорь и, дав свисток, подняли на ноги всю массу городских собак, возвестили городу о своём прибытии.

Наши старые знакомые нас давно ожидали, а последнее время и ждать перестали: до них дошли слухи, что на севере погибли две шхуны. Это была правда, но, как часто бывает, слух уклонился от истины, и одна из шхун была названа именем нашей.

В Петропавловске мы пробыли до 5 октября, когда утром снялись с якоря и под парами вышли из Авачинской губы в Великий океан...

Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / Известия ИРГО. Т. XXIV, 1888. — Вып. III. — С. 124—126, 197—198.

В начале 80-х гг. XIX в. стало очевидно, что старая система административного управления гигантской Восточной Сибирью себя изжила. Необходимо было Приморскую область выделить в самостоятельную административную единицу, вывести её из-под подчинения Иркутска. Вместе с тем стало очевидным, что в северных районах Дальнего Востока заметно усилилось влияние иностранцев, особенно американцев, и стало слабеть так называемое «русское начало». В этих условиях многие стали с сожалением вспоминать о «временах Завойко», когда Камчатка, и особенно Петропавловск, жили весьма активно. Многие считали, что указ 1856 г. о превращении Камчатки в уезд был губительным для Петропавловска. Вновь возникли планы выделения Камчатки в особую область. За это активно ратовал сам руководитель Приморской области барон А. Н. Корф.

Приводимый ниже документ позволяет ясно представить, каковы были в 1886 г. его идеи по этому вопросу. Однако Министерство внутренних дел решило по финансовым соображениям выделение Камчатки в особую область «преждевременным». 14 марта 1888 г. было дано согласие лишь на создание на Камчатке «отдельного управления».

Из проекта преобразования управления Приамурским краем от 3 сентября 1886 г.

...С присоединением в 1856 г. Амура, отвлекшего всё внимание и заботы правительства, и переводом управления и порта из Петропавловска в Николаевск, с включением Камчатки в состав Приморской области, она становится только отдалённой, забытой округой этой области. Авторитетный губернатор заменяется лишённым всякого значения исправником. Российско-Американская компания ликвидирует свои дела. И до того довольно бойкая русская жизнь прекращается.

В крае начинают селиться довольно ловкие иностранцы, захватившие всю торговлю, находившуюся до того времени в руках русских купцов и названной компании, крепко закабаляют безответный народ.

Население, имея постоянные сношения с иностранцами и завися от них материально, невольно поддаётся их влиянию, и русское национальное сознание в народе сильно ослабевает. Всё, напоминающее населению о принадлежности его к отдалённой России, принимает вид крайне мизерный.

Представители власти — исправники, которых многие ино-странцы принимают за губернаторов, и их помощники — люди с невысоким образованием и слабо развитым чувством патриотизма — они не имеют ни авторитета, ни голоса и стушёвываются перед гордыми своей национальностью англичанами, американцами и другими иностранцами, живущими или посещающими Камчатку. В Камчатке до того принижено всё русское, что в русском городе и порте, где живёт начальник целого полуострова, нет даже русского флага.

По свидетельству лиц, командированных в Камчатку, как бывшим генерал-губернатором Восточной Сибири, так и генерал-адъютантом бароном Корфом, жизнь в административном центре края — в Петропавловске приобретает склад чисто американский. Инородческое население (чукчи, камчадалы, алеуты, чукмари, ламуты и коряки), не видя сильной русской власти и имея дело лишь с американскими промышленниками, приходящими туда для китового и моржового промысла, утрачивают мало-помалу сознание принадлежности своей к России. Дошло даже до того, что в самой северной части Берингова пролива адъютант генерал-губернатора капитан Ресин не встретил ни одного инородца, понимающего по-русски, между тем как многие из них порядочно знакомы с языком американцев.

Скотоводство и земледелие упало, отчасти вследствие большей выгодности промыслов пушного зверя, но главным образом по причине отсутствия на месте более авторитетных начальников, усилиями и благодаря поощрительным мероприятиям которых эти отрасли народного хозяйства получили некоторое развитие.

Самые насущные занятия населения — промыслы пушного зверя не приносят желаемых результатов и не дают населению даже возможности выйти из нищеты. Несколько промышленников, преимущественно из иностранцев, прибывающих на китовые и моржовые промыслы, по отзывам командированных в Камчатку чиновников, скупают пушнину по крайне низким ценам, и то преимущественно выменивая её на разные предметы обихода, оцениваемые чрезвычайно высоко, и на ром и водку, до которых туземцы большие охотники.

Моржовые и китовые промыслы, в которых местное население и русские промышленники могли бы найти источник к обогащению, хищнически эксплуатируются американцами, зарабатывающими на нём до одного миллиона рублей ежегодно. Вследствие этого количество китов в Охотском море чрезвычайно уменьши-

лось. Моржи же истреблены до того, что у чукчей, у которых основную пищу составляет моржовое мясо, в последнее время стал нередко появляться голод.

Из приведённого краткого очерка развития Камчатки видно, что при существовании в Петропавловске особой областной администрации в лице камчатского губернатора были положены там зачатки гражданского устройства и сделаны опыты культуры края. С перенесением же тридцать лет тому назад правительственных учреждений на Амур всё внимание и все заботы правительства обращаются на утверждение и развитие русского господства в новых местах, русская жизнь в Камчатке начинает угасать, и начавшееся развитие этой обширной по пространству и богатой естественными дарами окраины начинает клониться к упадку.

Насколько забыт был этот уголок, свидетельствует по отзыву приамурского генерал-губернатора уже тот факт, что военные губернаторы Приморской области, несмотря на имеющиеся в их распоряжении по званию главных командиров портов Восточного океана достаточные средства сообщения, ни разу не посетили этой страны, оборона которой в 1854 г. составляет одну из блестящих страниц военной истории.

Такое невнимание к нашим обитателям северного побережья и к стране, имевшей прежде своё управление и доказавшей в 1854 г. крепкую связь свою с великой русской отчизной, если и могло быть терпимо до сих пор, то ныне, когда мы решили занять подобающее нам положение на побережье Великого океана, представляется, как полагает генерал-адъютант барон Корф, не согласным ни с политическими интересами, ни с могуществом и достоинством государства.

Хотя с целью улучшения положения населения Камчатки и северных округ Приморской области и приняты уже некоторые меры, как, например, учреждено при содействии управляющего Морским министерством по побережью Берингова моря строгое крейсерство военных судов для прекращения незаконной торговли и охоты американцев, направлена для торговли с инородцами русская купеческая шхуна, упорядочен сбор ясака, передано снабжение северных округ продовольствием вместо купца Филиппеуса, пользующегося там монополией торговли, Добровольному флоту, который будет возить туда и других русских купцов с их товарами. Но эти меры по отдалённости и изолированности Камчатки, имеющей сообщение с остальными частями Сибири лишь один раз в год, и то лишь с 1886 г. по два раза, при постоянных сношениях её населения

с иностранцами, а равно торговой и промышленной деятельности его, едва ли принесут желаемую пользу краю вследствие отсутствия на месте сильной, авторитетной и полномочной власти и соответствующего подбора исполнительных чиновников.

Поэтому, а также в видах поднятия нашего значения в этой отдалённой окраине, улучшения положения местного населения, приамурский генерал-губернатор признаёт необходимым ныне же учредить для Камчатки особое управление с губернатором во главе.

Обращаясь вследствие сего к обсуждению организации этого управления, генерал-адъютант барон Корф замечает, что северные округа Приморской области и Командорские острова, по отдалённости от областного центра в отношении упадка в них русского влияния и отсутствия власти, находятся в одинаковых с Камчаткой условиях. Сопредельная с Камчаткой Гижигинская округа огибает Петропавловскую округу (Камчатка), занимает всё пространство к северу до Берингова пролива и Ледовитого океана.

Окружное управление, состоящее, как и в Камчатке, только из исправника и помощника, находится в Гижиге, расположенной в южном углу округи. С областным центром (Хабаровкою) Гижига имеет сообщение при посредстве парохода, доставляющего продовольственные припасы и почту и забирающего ясак лишь раз в год. От Якутской области округа отрезана высоким хребтом Становых, или Яблоновых гор, и хотя сбывают часть добываемой пушнины якутским купцам, приезжающим зимой на собаках, но постоянных сношений с Якутском не имеет. Таким образом, единственное более или менее возможное сообщение Гижигинское окружное управление может поддерживать с Петропавловском морем.

Охотская округа с Аяном в прежнее время имела постоянное, хотя далеко не безопасное и крайне затруднительное вьючное сообщение с Якутском через Нелькан. Но с установлением пароходных рейсов по так называемой северной линии (северные округа Приморской области) почтовый тракт в Якутск закрыт, и охотский исправник затрудняется даже в доставке в Нелькан сдаваемых в Аянском порте продовольственных припасов. Зимой лишь устанавливается ненадолго крайне редкое сообщение с Якутском на собаках. Будучи отрезанной от Якутской области тем же Становым хребтом и не имея сухопутного сообщения с Приморской областью, Охотская округа, как и Гижигинская, получает все предметы, не исключая казённого продовольствия, пороха, свинца и соли

(по контракту с Добровольным флотом), морем и морем же отправляет добываемую в округе пушнину.

С развитием и улучшением морских сообщений, развитием русской торговли связь этой округи с Якутской областью, по отзывам генерал-губернатора Приамурского края, будет совсем порвана, а потому присоединение её к этой области представляется неудобным. Равным образом при отсутствии сухопутных сообщений с Приморской областью и невозможностью для губернатора, не состоящего командиром флота и портов, иметь необходимое правильное сообщение с Охотском и Аянском морем, не принесёт существенных результатов и оставление её в составе последней области.

Командорские острова, управляющиеся некогда петропавловским окружным исправником, ныне состоят в заведовании особого чиновника, командированного туда бывшим генерал-губернатором Восточной Сибири. Опыт управления этими островами, приносящими ныне государству свыше 80 000 руб. в год дохода от котиковых промыслов, сданных в аренду американскому торговому дому «Гутчинсон, Кооль и Ко» и дающих хороший заработок и местному населению, указал на полное бессилие приморского областного начальства следить за эксплуатацией производящихся на островах промыслов. Хотя ввиду этого и возбуждено было ходатайство об учреждении для управления Командорскими островами особого управления, согласно предположениям генерал-лейтенанта Анучина, но ныне приамурский генерал-губернатор признаёт необходимым в связи с предполагаемым изменением управления в Камчатке и северных округах Приморской области подчинить Командорские острова этому новому управлению, которое будет иметь полную возможность ближайшего надзора над островами, лежащими в виду Камчатки.

Изложенные соображения, по мнению генерал-адъютанта барона Корфа, убеждают в том, что округи Петропавловская, Гижигинская и Охотская с Аяном в нынешнем их составе, а также Командорские острова должны быть выделены из состава Приморской области с образованием из них особой административной единицы, которую по первенствующему значению Камчатского полуострова следовало бы наименовать Камчатской областью.

Область же эта в указанных пределах будет иметь пространство 1 141 000 квадратных вёрст с населением 19 500 душ.

Подробное описание границ новой области в настоящее время составлено быть не может, так как границы нынешних округ

проходят по горным хребтам или лесным дебрям, где не ступала нога человека. Но в общих чертах они могут быть указаны в направлениях существующих границ Якутской области с Приморскою от Северного океана по Становому хребту, к югу от нынешней границы округ Охотской и Удской, а далее по этой границе до Охотского моря.

Переходя затем к обсуждению оснований будущего управления Камчатской областью, генерал-адъютант барон Корф полагает, что во главе этого управления по приведённым выше основаниям необходимо поставить губернатора, местом пребывания которого назначить город Петропавловск, по своему торговому значению и положению при одной из самых лучших бухт на всём северном прибрежье Великого океана, имеющий неоспоримое в этом отношении преимущество пред прочими городами проектируемой области.

При малочисленности населения округ, недостаточном развитии в них гражданственности, при незначительных, как свидетельствуют командированные туда лица, уголовных преступлениях генерал-губернатор находит преждевременным вводить в этой области все существующие учреждения частного губернского управления и предполагает вполне достаточным, применяясь к существующим положениям в управлении Амурской области и острова Сахалина, соединить в лице генерал-губернатора все сибирские учреждения, права и обязанности сибирских губернаторов, губернских советов и всех прочих губернских учреждений с некоторыми лишь изменениями и дополнениями.

Кроме того, по характеру предстоящей губернатору организаторской деятельности и отдалённости Камчатки, имеющей только два раза в год сообщения с местопребыванием приамурского генерал-губернатора, генерал-адъютант барон Корф признаёт вполне необходимым предоставить губернатору такого рода полномочия, которые дали бы ему право принимать в случае нужды под своею личною ответственностью все неотложно необходимые меры.

Такие полномочия в настоящее время не могут быть предусмотрены, а потому и не подлежат, по мнению генерал-губернатора, точной регламентации. Вследствие этого было бы вполне целесообразно предоставить приамурскому генерал-губернатору, по указанию опыта, снабдить камчатского губернатора в этом отношении особою инструкцией, в которой и определить предметы особой заботливости и попечения губернатора.

Учреждение в Камчатке особого управления вызывается, как объяснено уже выше, необходимостью поднятия благосостояния обитателей как этого полуострова, так и северных округ Приморской области и Командорских островов, и развития в этих местностях гражданственности. Принятию каких бы то ни было мер в этом отношении должно предшествовать ближайшее всестороннее ознакомление с местными особенностями и условиями, достижимые только при личном объезде и осмотре края губернатором. Такой объезд края, не имеющего сообщения и громадного по пространству, займёт весьма много времени, в течение которого Петропавловский порт будет лишён представителя русской власти, особенно необходимого в этом городе, посещаемом, главным образом, иностранцами.

Последствиями отлучек губернатора, а равно и болезни его, о которой генерал-губернатор может получать известие не ранее, чем через полгода, при отсутствии в Петропавловске должностного лица, по своему служебному положению могущему заменить губернатора, может явиться застой в делах управления.

Независимо от того разработка собранных материалов и составление проектов мероприятий, необходимых для развития области, по важности своего значения и той серьёзной служебной и нравственной ответственности, которая сопровождается приведением в исполнение законодательных мер, будет, конечно, подробнее и всестороннее при существовании при губернаторе если не совещательного учреждения, то хотя бы ближайшего и при том самостоятельного советника и сотрудника.

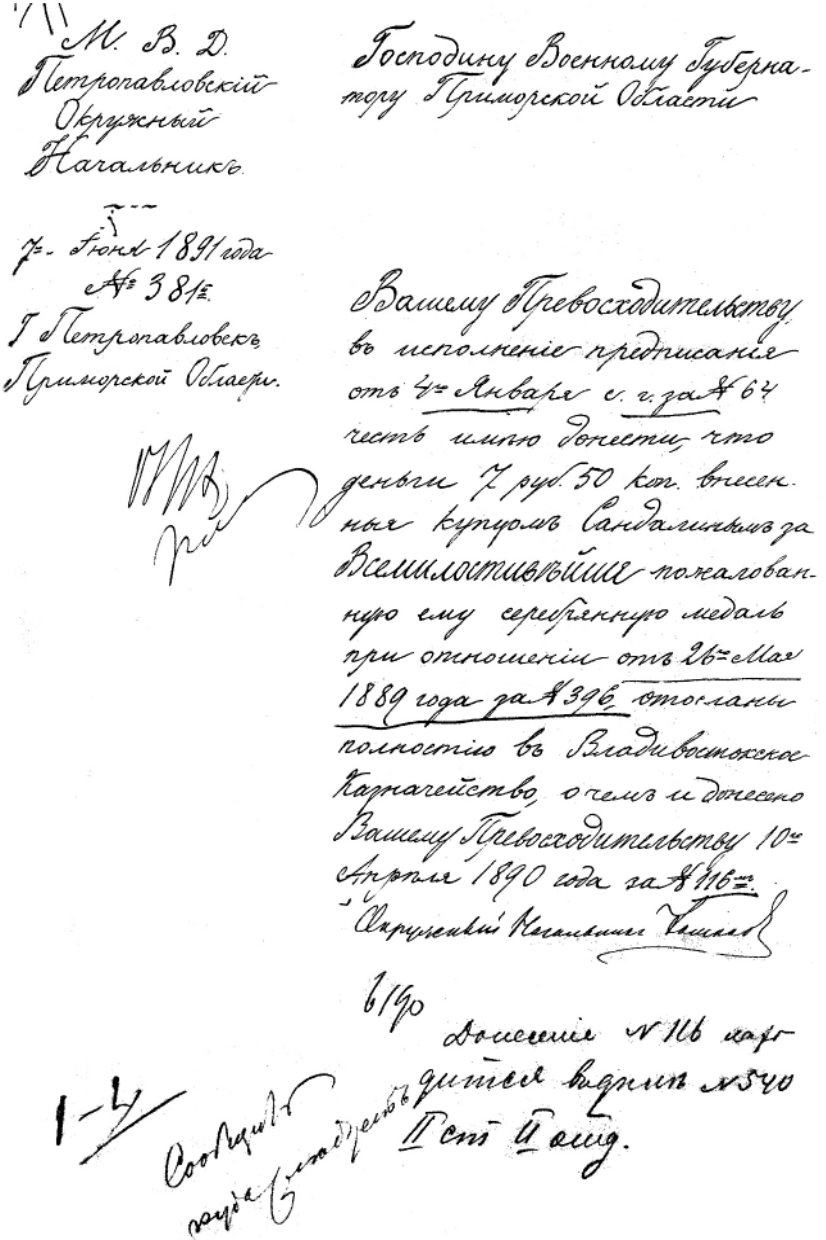
Всё это, по мнению приморского генерал-губернатора, убеждает в необходимости иметь на месте должностное лицо, которое могло бы в указанных случаях заменить губернатора, в обыкновенное же время служило бы непосредственным помощником и советником ему в делах управления, главным образом, подлежащих по общему закону коллегиальному разрешению и требующих новых мероприятий или изменения действующих постановлений.

Для исполнения этих обязанностей генерал-адъютант барон Корф полагал бы учредить должность вице-губернатора. По части общего управления при губернаторе приамурский генерал-губернатор предполагает учредить канцелярию...

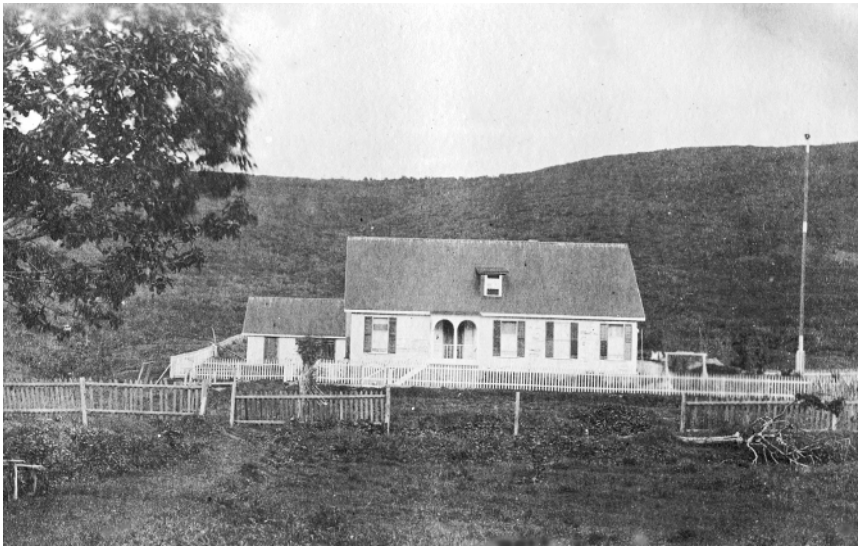
РГИА. Ф. 1284. Оп. 60, 1886 г. Д. 70. Л. 1, 4—10.
Извлечение из записки департамента общих дел Министерства внутренних дел об изменении в устройстве управления Приморской, Амурской и Забайкальской областях, представленной в Государственный Совет 14 марта 1888 г.

Городской староста Э. Сандалин, 1880-е гг. (из фондов ККОМ)

Сообщение о внесении Э. Сандалиным денег за вручённую ему медаль
[ККОМ, НВФ 2455/23]

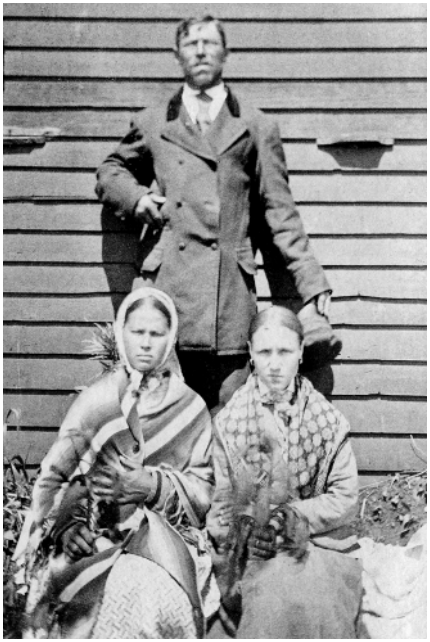
Дом компании «Гутчинсон, Кооль и Ко», 1880-е гг.

Доктор Фёдоров

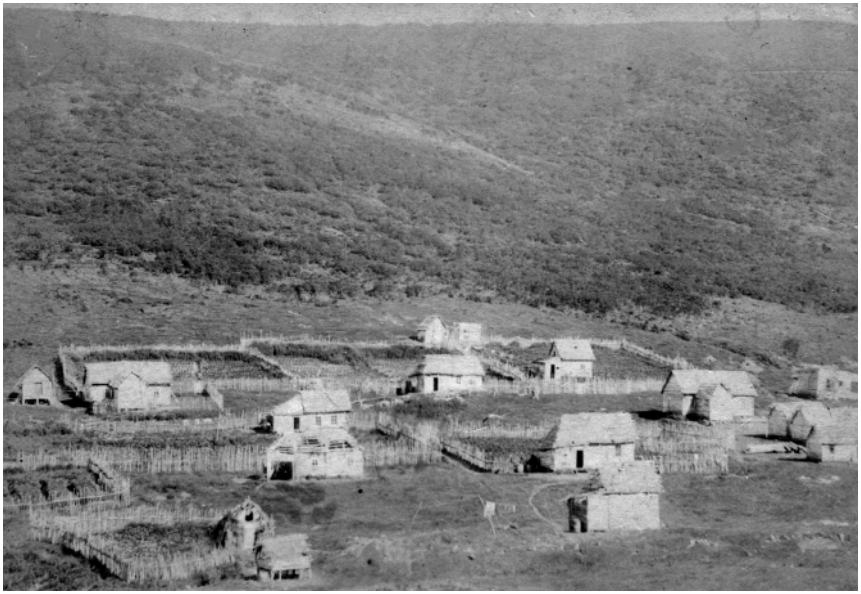
Горожанки Малованская и Хунтер

Семейство Подпругиных

Петропавловская девица

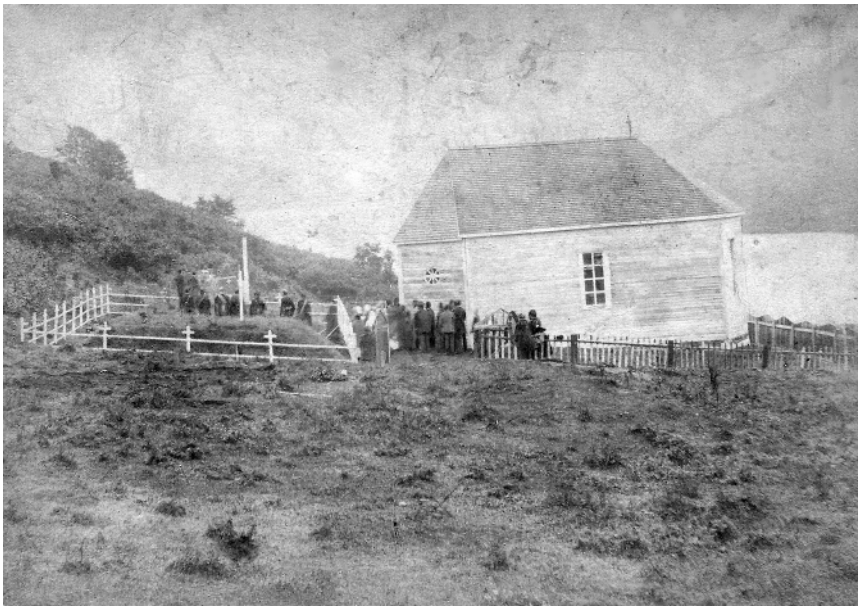
Панорама Петропавловска, 1880-е гг. [КОКМ, ККМГИ 23077]

Петропавловские дети

Памятник Лаперузу

Братская могила и часовня, 1880-е гг. [ККОМ, ККМГИ 23091]

Дом казака Крупенина в Сероглазке

Чаепитие в городском саду, 1880-е гг.
(из фондов ККОМ)

Решение департамента общих дел Министерства внутренних дел «Об изменении в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях» от 18 июля 1888 г.

Особое совещание по делам Приамурского края, обсудив в заседании 18 июля 1888 г. меры к упрочнению нашего положения на Амуре и признав необходимым выделить весь Приамурский край и Забайкальскую область из состава Восточной Сибири в особое генерал-губернаторство, в то же время нашло, между прочим, соответственным:

а) выделить из состава Приморской области полуостров Камчатку с Командорскими островами, а также остров Сахалин, образовав для них отдельные управления, соответственно административным потребностям и местным условиям...

О пребывании С. О. Макарова в Петропавловске летом 1888 г.

Выдающийся русский моряк Степан Осипович Макаров смог пробыть в Петропавловске в 1888 г. весьма недолго: в первый раз — с 6 по 17 и второй — с 21 по 23 июля. Это была его давняя мечта. Когда он ещё учился в морском училище в Николаевске-на-Амуре, имел немало товарищей, сверстников, которые туда попали из Петропавловска и подробно рассказывали о событиях 1854 г. В его дневнике, который он вёл в 1866 г. во время плавания на корвете «Варяг», имеется такая запись: «Адмирал дал нам предписание идти в Петропавловск для содействия компании, прокладывающей телеграф из Америки в Азию, почему мы теперь идём во Владивосток, где возьмём нужный нам трос, потом пойдём в Хакодате за углём... Я очень доволен, что мне предоставляется случай побывать в Петропавловске. Интересно посмотреть развалины города и сравнить рассказы товарищей, живших там, с истиной». Однако тогда Макарова перевели на другой корабль.

В 1887 г. предполагалось, что Макаров отправится в Петропавловск на поиски пропавшей шхуны «Алеут», но шхуна нашлась и плавание было отменено. И вот в 1888 г. «Витязь», на котором он тогда служил, получил задание идти на охрану котиковых промыслов на Командорских островах, и С. О. Макарову, наконец, удалось попасть в Петропавловск.

Своё пребывание в городе он использовал для изучения на месте истории славной обороны. Позже, во время своих лекций, не раз говорил о важности изучения этого подвига. Так, в одном из выс-

туплений в 1892 г. он с пафосом произнёс: «Флот наш блестящим образом отразил атаку соединённого флота на Петропавловск, и дела его за это время могли бы составить предмет не только отдельной лекции, но и целой книги». Это пожелание С. О. Макарова смогло осуществиться лишь в середине XX в., когда вышли первые специальные книги о подвиге Петропавловска — А. А. Степанова, М. А. Сергеева, Г. И. Щедрина, а позже и специальные сборники документов (1979 и 1989 гг.).

Выйдя 14 июля из Владивостока на частном судне, мы пришли в Петропавловск 19 июля на рассвете. Здесь высадили пассажиров, в числе которых был местный, как его величают, городской голова г. Сандалин. Нас, разумеется, встретил почти весь город, обыватели которого высыпали на берег. Когда шлюпка, перевозившая на берег пассажиров, пристала к берегу, то к Сандалину подошла депутация от города приветствовать его с благополучным возвращением и объявила, что всё обстоит благополучно, только одна шестидесятая часть населения вымерла за полтора месяца. Тут же случившийся местный врач нам передавал, что смертность была вследствие появившейся какой-то болезни, выражавшейся ангиной и последовательным воспалением почек, водянкой, а затем смерть от общей водянки.

Сам Петропавловск на нового посетителя производит довольно приятное впечатление небольшой деревни. Домики напоминают собой постройки ссыльных на Первой речке во Владивостоке, но несколько опрятнее. Дома исправника, г-на Филиппеуса и компании Гутчинсона несколько отличаются от остальных своею чопорностью, церковь по своей архитектуре несколько напоминает стиль немецкий. В самом городе ничего нет, что обращало бы на себя внимание. Жители маленького Петропавловска почти все торговцы, в том числе и смотритель маяка. С кем они торгуют, не знаю, но говорят, что торговля, главным образом, ведётся с окрестными камчадалами, которые необходимое получают в Петропавловске в кредит и выплачивают убитыми соболями. Часто случается, что камчадал, получивший товар, не в состоянии в назначенную зиму уплатить соболями, и это ему помешает в дальнейшем кредите, пока он не разбогатеет за счёт охоты. Таким образом, вся округа камчадалов на несколько сот вёрст в кабале у петропавловских жителей.

Макаров С. О. Несколько дней в Петропавловске // Владивосток, 14 авг. 1888 г., № 33. — С. 5.

Извещение канцелярии приамурского генерал-губернатора исправляющему должность губернатора Приморской области, 3 сентября 1888 г.

Государь император, согласно положению Комитета министров, всемилостивейше соизволил в 15 день апреля с. г. пожаловать петропавловского городского старосту, местного 2-й гильдии купца Эдмунда Сандалина за оказанные им отличия не служебные серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

О таковом монаршем соизволении, сообщённом за министра внутренних дел товарищем министра сенатором Плеве в отзыве за 21 апреля с. г. за № 7725, канцелярия приамурского генерал-губернатора по приказанию его высокопревосходительства имеет честь уведомить ваше превосходительство в дополнение к отношению от 7 мая с. г. за № 1357.

За правителя канцелярии (*подпись*)

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 820. Л. 24—25.

Сообщение Петропавловского окружного начальника военному губернатору Приморской области от 7 июня 1891 г.

Вашему превосходительству во исполнение предписания от 4 января с. г. за № 64 честь имею донести, что деньги 7 руб. 50 коп., внесённые купцом Сандалиным за всемилостивейше пожалованную ему серебряную медаль, при отношении от 26 мая 1889 г. за № 396 отосланы полностью во Владивостокское казначейство, о чём и донесено вашему превосходительству 10 апреля 1890 г. за № 116.

РГИА ДВ. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 820. Л. 27.

Постановление общего собрания Петропавловского городского общества, 8 ноября 1891 г.

...Прочитано предложение господина военного губернатора Приморской области от 9 июня 1890 г. за № 6846 относительно изыскания неизменных и вполне достаточных средств для содержания в городе Петропавловске одноклассного городского училища, об открытии которого общество хлопотало уже в 1889 г.

Так как, согласно постановлению городского общества, состоявшегося 22 октября 1889 г., на предположенное классное училище

в течение двух лет собрано капитала 1 641 руб., по 820 руб. 50 коп. в год, каковых средств по штатам, высочайше утверждённым 31 мая 1872 г. о содержании городских училищ, весьма недостаточно. Других же средств общество не находит никаких источников, из коих можно было бы извлекать таковые, а потому постановило: поручить городскому старосте войти куда следует с ходатайством об учреждении в Петропавловске одноклассного училища и назначении учителя на средства от правительства.

Общество обязывается из собранного капитала 1 614 руб. и из имеющихся поступать ежегодно взносов до 800 руб. выдавать дополнительное жалование учителю сверх штатного до 500 руб. в год, употреблять на ремонтирование помещений училища, отопление его, на приобретение учебных пособий, на наём квартиры для учителя, отопления и освещения её.

Утвердить сие постановление общим нашим подписанием, передать его г. городскому старосте.

Подписали: мещане *Н. Григорьев*, *Н. Иванов*, *Н. Косыгин*, *Ин. Ворошилов*, *Ал. Козленко*, *Аф. Варрен*, *Н. Калинда*, *Алексей Расторгуев*, *Конд. Оглобленов*, *Н. Козленко*, *В. Козленко*, *П. Попов*, *Николай Гарднер*, *Яков Иванов*, *Н. Белокопытов*, *Ив. Белокопытов*, *Инн. Машихин*, *Николай Коршунов*, *Аф. Ворошилов*, *П. Иванов*, *Еф. Попов*, *Николай П. Черных*, *Н. О. Черных*, за их расписался П. Иванов; *Василий Варрен*, *Ал. Воробьёв*, *Е. Нератов*, *Пав. Ворошилов*, *Илья Тюруков*, за Аф. Ворошилова и за себя *Иван Иванов*, за Кузьму Сметанина и за себя *Н. Коршунов*.

Присутствовал и подпись руки удостоверяю:
петропавловский городской староста
Эдмунд Сандалин

РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 143. Л. 26—26об.

Проект устава «Общества изучения полуострова Камчатка», 1892 г.

Раздел первый.

Глава первая. Цель общества, его права и средства.

§ 1. Общество имеет целью всестороннее изучение полуострова Камчатки, близь него находящихся островов и сопредельных местностей и ознакомление с ними посредством собрания коллекций и разных сведений по всем отраслям естествознания, географии, этнографии и археологии и научной разработки собранных материалов, равно посредством составления библиотеки из

сочинений об указанных местностях, не ограничиваясь какой-либо специальностью.

§ 2. Для выполнения означенной в §1 цели служит: личный труд членов общества и лиц, ему сочувствующих, и содействие общества научным работам, предпринятым с той же целью другими учреждениями и лицами.

§ 3. Обществу предоставляется с соблюдением установленных правил издавать: программы для научных работ и сбора коллекций, сделанные в заседаниях общества сообщения и другие сочинения, соответствующие его целям, равно протоколы заседаний общества.

§ 4. Общество учредит в г. Петропавловске музей, цель которого дать возможно полное понятие об естественных условиях и богатствах названных местностей, быте, производительности и истории населения.

Примечание: музей открыть для публики в особо назначенные дни бесплатно.

§ 5. Общество имеет право владеть и приобретать недвижимую собственность; отчуждение таковой обществом производится не иначе как с разрешения главного начальника Приамурского края.

§ 6. Средства общества слагаются из членских взносов, пожертвований и сумм, вырученных от продажи изданий общества и дублетов, равно сборов за вход на публичные чтения, литературно-вокальные и концертные вечера, спектакли, также от продажи билетов на лотереи-аллегри. На устройство публичных чтений, упомянутых вечеров, спектаклей, лотерей-аллегри должно быть испрошено разрешение надлежащего начальства.

§ 7. Капитал общества делится на неприкосновенный, запасный и специальный: а) неприкосновенный капитал составляется из единовременных взносов действительных членов (50 руб.) и добровольных пожертвований специально в этот капитал, б) запасный капитал составляется отчислением в него 25 % со всех поступлений общества, кроме сумм, зачисленных в неприкосновенный и специальный капиталы; запасный капитал расходуется не иначе как по постановлению общего собрания на экстренные нужды общества, в) специальный капитал составляется из пожертвований с определённой целью, входящею в круг деятельности общества, и расходуется лишь согласно указанным жертвователями назначениям.

§ 8. Все составленные доходы общества и проценты с неприкосновенного и запасного капиталов употребляются на текущие расходы.

§ 9. Капиталы общества хранятся в правительственных кредитных учреждениях и сберегательной кассе Государственного банка.

§ 10. Общество имеет свою печать с надписью «Общество изучения полуострова Камчатка».

Глава вторая. Состав общества.

§ 11. Общество состоит из членов: почётных, соревнователей и действительных: а) в почётные члены общества избираются лица, оказавшие обществу какие-либо особые услуги или сделавшие в пользу его значительные пожертвования, б) в члены-соревнователи избираются баллотировкой лица (исключая действительных членов общества), способствовавшие целям общества личной работой или пожертвованием значительных коллекций, в) действительными членами считаются лица, вносящие ежегодно 5 руб. или единовременно не менее 15 руб.

§ 12. Лица, оказавшие содействие целям общества, не считая членов онаго, признаются его сотрудниками.

§ 13. Почётные члены, члены-соревнователи и действительные члены принимают участие в баллотировке почётных членов и членов-соревнователей. Действительные члены принимаются без баллотировки по предложению трёх членов общества.

Примечание: учредители, подписавшие сей устав, признаются действительными членами.

§ 14. В постановлении решений всех общих собраний могут принимать участие все члены общества.

§ 15. Каждый член общества может быть выбран в распорядительный комитет.

Раздел второй.

Глава первая. Распорядительный комитет. Состав его.

§ 16. Распорядительный комитет, находящийся в г. Петропавловске, состоит из председателя и секретаря и шести членов, избираемых общим собранием.

§ 17. Члены комитета из среды своей выбирают товарища председателя (заместителя. — *Ред.*), казначея, заведующего музеем и заведующего библиотекой и архивом.

§ 18. Председатель и секретарь общества выбираются общим собранием на три года и по истечении сего срока могут быть выбраны вновь.

§ 19. Члены комитета выбираются на три года, причём ежегодно из состава их выбывают два человека и заменяются новыми по выбору.

Примечание 1: выбывшие члены комитета могут быть выбраны вновь.

Примечание 2: порядок выбытия первоначально избранных членов комитета определяется жребием.

§ 20. Решения комитета действительны при участии в заседании его не менее трёх членов, включая в то число и секретаря, пользующегося правом голоса.

Глава вторая. Права и обязанности комитета.

§ 21. Распорядительный комитет: а) по всем делам общества входит в сношения от лица общества с правительственными и частными учреждениями и лицами, б) расходует суммы в пределах сметы, утверждённой общим собранием, в) созывает экстренные общие собрания для разрешения вопросов, выходящих из пределов данной ему инструкции (§23), г) заведует музеем, озабочивается собиранием, приобретением, приёмом, пожертвованием и собиранием коллекций.

§ 22. О деятельности своей распорядительный комитет представляет общему собранию ежегодные подробные отчёты к установленному сроку годового собрания. Экземпляры означенного отчёта по утверждению его общим собранием представляются главному начальнику края и чрез него и в министерства внутренних дел и народного просвещения.

§ 23. Подробное указание деятельности комитета и его членов определяется инструкцией, утверждаемой общим собранием.

§ 24. Исполнение постановлений общего собрания лежит на обязанности распорядительного комитета.

Глава третья. Права и обязанности членов комитета.

§ 25. Председатель и его товарищи имеют следующие права: собирают и назначают заседания комитета, руководят прениями комитета, подписывают бумаги от лица общества на имя правительственных учреждений и лиц.

§ 26. Секретарь заведует всей перепиской общества и комитета и имеет право сноситься с частными лицами и учреждениями от имени общества.

§ 27. Казначей принимает все вещественные и денежные поступления, производит расходы, согласно с определениями комитета по сметам общества, ведёт приходно-расходные книги, которые, равно как и наличные деньги, представляет ежемесячно в комитет для ревизии, составляет годовой отчёт о движении сумм для включения в общий отчёт общества и наблюдает за своевременным поступлением членских взносов.

§ 28. На заведующем музеем лежит обязанность ближайшего надзора за порядком в музее; собирание, приём коллекций и наблюдение за их сохранением и сношение с частными лицами по делам музея.

§ 29. Заведующий библиотекой и архивом имеет те же обязанности, что и заведующий музеем, но только в отношении библиотеки и архива.

Раздел третий. Общее собрание.

Глава первая. Порядок созвания общего собрания.

§ 30 Общее собрание созывается: а) в установленный срок для выслушания годового отчёта и выбора личного состава комитета, б) для разрешения экстренных вопросов, касающихся дел общества.

§ 31. Общее собрание созывается председателем: а) по назначению общества; б) по усмотрению распорядительного комитета и в) по письменному требованию не менее десяти членов.

§ 32. Приглашение в общее собрание, объявленное заблаговременно, сопровождается обозначением предмета занятий. О времени, месте и предметах собрания сообщается заблаговременно начальнику местной полиции.

§ 33. Общее собрание, созванное для решения вопросов хозяйственных и выборов, действительно при наличности десяти членов, не считая членов комитета. В случае если первое собрание не состоится, второе действительно при наличности всякого числа членов.

§ 34. Председательствование в общем собрании и руководство прениями возлагается на председателя общества.

§ 35. Текущие дела общества и выборы членов решаются простым большинством голосов.

Глава вторая. Права общего собрания.

§ 36. Общее собрание: а) рассматривает годовой отчёт, б) выбирает ревизионную комиссию и устанавливает порядок выбора членов. Выбор ревизионной комиссии производится заблаговременно перед окончанием отчётного года. Примечание: в состав ревизионной комиссии могут быть избираемы члены распределительного комитета и вообще лица, занимающие какую-либо должность по управлению общества, в) баллотирует членов общества, г) выбирает членов комитета, выбывающих по очереди, председателя и секретаря общества, д) вырабатывает и утверждает инструкцию распорядительному комитету, е) утверждает смету, предлагаемую комитетом, ж) разрешает вопросы о приобретении, получении, устройстве и отчуждении недвижимых имуществ. При возбуждении, рассмотрении и решении сих вопросов соблюдается порядок, указанный

ниже в §§ 38 и 39, з) решает вопросы, выходящие из пределов инструкции и смет, і) разрешает комитету ходатайствовать об изменении и дополнении устава, и) решает вопрос о ликвидации дел общества с соблюдением порядка, указанного в §§ 38—42.

§ 37. Все выборы производятся закрытой баллотировкой.

Глава третья. Об изменении и дополнении устава.

§ 38. Изменения и дополнения устава предлагаются общим собранием вследствие единогласного решения комитета или же вследствие предложения не менее одной трети числа членов общества.

§ 39. Обсуждение изменений и дополнений устава производится следующим порядком: а) заявления о желаемых изменениях и дополнениях устава, подписанные не менее одной третью числа членов общества, вносятся в комитет, который рассылает повестки с приложением предложения и назначает общее собрание для обсуждения не ранее трёх месяцев со дня рассылки повесток, б) созванное для обсуждения изменений устава собрание действительно при наличности не менее двух третей членов, пребывающих в Петропавловске, причём иногородние и городские члены входят в этот же счёт, и в том случае, если ими будет сделано только письменное заявление по предмету заседания. Если общее собрание не состоится, то на вновь созванном по тем же вопросам об изменении устава решение постановляется при наличии всякого числа членов, в) письменные заявления иногородних членов прочитываются при начале заседания и мнения их входят в счёт голосов при решении вопроса, г) решение вопроса об изменениях и дополнениях устава действительно при большинстве трёх четвертей голосов, входивших в счёт, д) предположения общего собрания об изменении и дополнении устава представляют на утверждение правительства установленным порядком.

Глава четвёртая. О ликвидации дел общества.

§ 40. При ликвидации дел общества коллекции, библиотека, архив, равно и прочее движимое имущество общества поступает: а) в ведение Общества изучения Амурского края в г. Владивостоке, если оно изъявит на то желание, б) за отказом же такового от принятия коллекций — в Сибирский университет в г. Томске.

§ 41. а) капиталы общества, независимо от их первоначального назначения (§7) передаются туда, куда поступят коллекции музея, библиотеки и архива, для поддержания таковых из процентов на капитал, который признаётся неприкосновенным, б) при передаче коллекций в Общество изучения Амурского края, капиталы передаются с имуществом общества, причём сохраняют своё первона-

чальное подразделение и назначение согласно §§7—8, в) в случае поступления коллекций музея и библиотеки в Сибирский университет, ему же передаются капиталы всех категорий, причём в общей сумме они признаются неприкосновенными, а проценты с них назначаются на учёные изыскания на полуострове Камчатке и сопредельных местностях.

§ 42. Недвижимое имущество общества поступает во всяком случае туда, куда поступят капиталы и движимое имущество, и при том в полное и безусловное распоряжение.

§ 43. Решение общего собрания о ликвидации дел общества исполняется с разрешения правительства.

Петропавловск Приморской области,
августа 1 дня 1892 г.

Доктор медицины *Башинский, Е. Фёдоров,*
П. Донской, Г. Гурьев, Гр. Карюкин,
П. Косыгин, Константин Русанов

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1286. Л. 15—20об.

Совершенно очевидно, что инициаторы создания «Общества изучения Камчатки» положили в основу своего устава уже готовый текст устава «Общества изучения Амурского края», внеся свои поправки. Это ясно видно при сравнении текстов уставов. Первый параграф почти дословно повторяет текст первого параграфа владивостокского общества.

Реакционеры губят идею создания общества. Ниже приведены обличающие документы, в том числе обращение председателя несостоявшегося общества доктора Н. Башинского к начальнику полиции Приморской области П. П. Хомякову, полученное из Петропавловска в час дня 28 сентября 1892 г.

Милостивый государь Пётр Прокопьевич!

Общество изучения полуострова Камчатки предоставило мне на основании § 31-го нашего устава созвать сего числа в три часа пополудни первое общее собрание всех членов, а потому на основании § 32-го того же устава имею честь сообщить вам, милостивый государь, как начальнику местной полиции, что упомянутое общее собрание созывается мною сего числа в три часа пополудни в моей квартире в доме г. Уольш и Ко, против летнего собора.

Предмет занятий:

1. Подробное сообщение о распорядительном комитете.

2. Избрание почётных членов и составление ходатайства главному начальнику Приамурского края о покровительстве обществу.

3. Составление ходатайства об утверждении действующего ныне устава нашего общества.

4. Предложение, приём и баллотирование новых членов.

5. Приём взносов денег во все капиталы общества и вещей.

6. Составление ходатайства надлежащему начальству о разрешении на устройство публичных лекций, чтений и бесед, спектаклей, лотерей-аллегри, концертов, литературных, вокальных и музыкальных вечеров и туманных картин.

7. Составление инструкции распорядительному комитету.

8. Составление выписки книг, газет, журналов, монографий и т. д. для библиотеки, музея и распорядительного комитета общества.

9. Приготовление и выдача шнуровых книг должностным лицам распорядительного комитета и нешнуровых книг членам общества.

10. Доктор медицины Н. Н. Башинский сделал предварительное сообщение об истории монументов и памятников в г. Петропавловске Приморской области.

С совершенным уважением имею честь быть вашим, милостивый государь, покорный слуга доктор

Н. Башинский

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1286. Л. 6—6об.

Отказ в учреждении «Общества изучения полуострова Камчатки» от 11 февраля 1893 г.

Крепость Владивосток
В канцелярию приамурского генерал-губернатора

Вследствие отношения канцелярии приамурского генерал-губернатора от 22 ноября минувшего года за № 4254 об имеющем образоваться в г. Петропавловске Обществе для изучения полуострова Камчатки, препровождая обратно четыре письма доктора медицины Башинского с двумя приложениями к ним, имею честь сообщить канцелярии, что, ничего не подозревая о сосуществовании в г. Петропавловске стремления к образованию учёных обществ, в октябре месяце минувшего года было получено письмо 16-го числа за № 14 председателя Общества для изучения полуострова Камчатки, который, препровождая копию с устава общества, на основании § 6 сего устава просил распоряжения о разрешении названному обществу для увеличения капитала устраивать публичные лекции, чтения, беседы, литературно-вокальные и музы-

кальные вечера, спектакли, лотереи и сообщил, что подлинный устав препровождён от 15 октября за № 8 его высокопревосходительству г. приамурскому генерал-губернатору при ходатайстве о предоставлении его на высочайшее утверждение.

Между тем эти действия после первого собрания уже приостановлены полициею, как видно из второго письма представителя общества доктора Башинского ко мне от 31 октября минувшего года за № 26, в котором он, препровождая переписку с петропавловским окружным начальником, просил сделать распоряжение о том, чтобы начальник местной полиции и Петропавловское окружное полицейское управление по отношению к новому учёному обществу в Камчатке действовали бы согласно существующим инструкциям полицейским чинам и не тормозили бы развитие учёного общества, зародившегося в полуденной стране, большую часть года отрезанной от образованных людей. На что телеграммой от 2 ноября минувшего года за № 1195 предложено полиции объявить доктору медицины Башинскому, что впредь до получения законного распоряжения на открытие общества изучения Камчатки, оно ни в каком случае функционировать не может.

Из прилагаемой переписки усматривается, что общество 28 сентября минувшего года собралось на первое заседание для решения разных вопросов, как то: для выбора почётных членов, предложения, приёма и баллотирования новых членов, приёмов взносов денег во все капиталы общества и вещей, для приготовления шнуровых книг должностным лицам распорядительного комитета и нешнуровых книг членам общества и прочее и прочее.

Уведомлённое об этом полицейское управление, зная, что устав общества не утверждён, не имея сведений о целях общества, «видя только в названии “Общество для изучения полуострова Камчатки”, несомненно, прекрасную, заслуживающую всевозможного поощрения цель, если под благовидными действиями составившегося общества не прикрывается направление, вредное для государственного благоустройства, просило председателя на основании 116, 117 и 118 ст. устава о предупреждении и пресечении преступлений издания 1890 г. впредь до утверждения устава предполагаемого общества высшею властию не делать и не заводить никаких собраний».

По случаю закрытия навигации в этих сведениях и заключаются все данные, имеющиеся о зародившемся и заторможенном в октябре месяце минувшего года в г. Петропавловске Общества для изучения полуострова Камчатки. Что касается моего мнения по этому

вопросу, то я полагал бы учреждение этого общества не разрешить, так как по ничтожному числу в Камчатке лиц, могущих содействовать его преуспеванию, нет никаких данных предполагать, что оно не останется мертворождённым.

Есть уже Общество изучения Амурского края, и ближе всего войти в него членами лицам, предполагающим образовать в г. Петропавловске новое учёное общество.

Вице-губернатор *Павленко*

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1286. Л. 26—27.

Отказ камчатского окружного начальника

Г-ну статскому советнику Башинскому

Из сообщения вашего высокородия от 28 сентября с. г. за № 1 оказывается, что в гор. Петропавловске составлено неизвестное нам общество, как бы для изучения полуострова Камчатки. Которое, как вы сообщаете, предоставило вашему высокородию на основании § 31 вашего устава созвать общее собрание всех членов, таковое и созвано вами сего числа.

Усматривая из сообщения вашего за № 1, что предполагаемое общество в лице вашем открыло уже свои действия: 1) принятием вами на себя звания председателя пока ещё не существующего и не утверждённого никем общества, 2) распределением должностей в этом обществе, 3) созывом нелегальных членов общества на собрание, 4) сбором денег, как в членские взносы и 5) выдачею на 1893 г. абонементных книжек о получении членских взносов как бы за право пользования журналами и изданиями несуществующей библиотеки этого общества, и, не имея никаких положительных данных об утверждении этого общества, а также сведений о целях предполагаемого общества и видя только в названии «Общество изучения полуострова Камчатка», несомненно, прекрасную, заслуживающую всевозможного поощрения цель, если под благовидными действиями составившегося общества не прикрывается направление, вредное для государственного благоустройства, находим нужным уведомить ваше высокородие, что вашему высокородию, как лицу, состоящему на государственной службе, должно быть хорошо известны существующие на этот предмет законоположения 116, 117 и 118 статей устава по предупреждению и предотвращению преступлений издания 1890 г., требующие от всех соблюдения, а не нарушения установленных правил, как это допущено вашим высокородием.

Вследствие сего окружное управление честь имеет покорнейше просить ваше высокородие сообщить управлению утверждённый правительством устав общества изучения полуострова Камчатки. Если же такового нет и ваше высокородие не имеете на это никакого разрешения областной администрации, то ввиду вышеприведенных статей устава о предупреждении и предотвращении преступлений издания 1890 г., управление, находя действия ваши преждевременными, покорнейше просит впредь до утверждения устава предполагаемого общества высшею властию не делать и не заводить никаких собраний.

При этом нельзя не заметить того странного и неприязненного отношения и действия вашего высокородия вообще к членам окружного управления, замеченных уже господином военным губернатором Приморской области в известном вам предписании за № 10664, а также и того, что при составлении предполагаемого общества ваше высокородие пригласило в состав общества, за исключением временно приезжающих на военных судах лиц, преимущественно всех тех лиц, кои своими неприязненными к местной администрации действиями известны уже господину военному губернатору Приморской области, придавая этим предполагаемому обществу то направление, которое, по возможности, избегается при составлении какого бы то ни было общества.

Подлинное подписали:
окружной начальник *Хомяков,*
помощник окружного начальника *Авдеенко*

РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1286. Л. 7—8.

Приказ об открытии в Петропавловске одноклассного училища от 19 апреля 1893 г.

Крепость Владивосток

Государственный Совет в департаменте государственной экономии, рассмотрев представления г. министра народного просвещения об открытии в г. Петропавловске городского одноклассного училища, мнением положил:

1. Открыть в г. Петропавловске городское училище, одноклассное, на основании высочайше утвержденного 31 мая 1872 г. положения о сих училищах.

2. Отпускать, начиная с 1894 г., на содержание означенного в ст. 1-й училища по 1 590 руб. ежегодно, с внесением сей суммы

в подлежащее подразделение сметы Министерства народного просвещения.

Потребный же для сего в текущем году расход в размере 795 руб. внести на счёт кредитов, назначенных на этот предмет к условному отпуску ст. 1-й и 2-й 558 действующей сметы названного министерства.

Государь император в 8-й день февраля сего года означенное мнение Государственного Совета высочайше утвердить соизволил и повелевал исполнить. О таковом высочайшем повелении объявляю по гражданскому ведомству.

Приморский областной военный губернатор
генерал-майор *Унтербергер,*
управляющий отделением *Созонов*

РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 153. Л. 35—35об.

Описание Петропавловска, данное кандидатом естественных наук В. П. Маргаритовым, 1899 г.

...Петропавловск... состоит из восьмидесяти пяти небольших убогих домиков, расположенных на берегу Петропавловской бухты по склонам двух сходящихся здесь гор: с правой стороны — Петровской, или Берёзовой, а с левой — Никольской, составляющей начало Сигнального мыса.

Раньше, говорят, окружающие горы были сплошь покрыты лесом, и город представлялся утопающим в зелени, теперь же все береговые возвышенности покрыты только травою и жалким низкорослым кустарником — ольховником, кедровником и прочим. Исключение составляют возвышенности Сигнального мыса, где столетний берёзовый лес представляет из себя заповедную рощу, тщательно сберегаемую жителями и начальством в память героев, обагривших эти места своей кровью во время обороны Петропавловска в 1854 г.

За отсутствием поблизости строевого леса жители для постройки своих хижин пользуются первым попавшимся лесом, преимущественно тополёвым, вывозимым зимою на собаках за двадцать — тридцать вёрст из долины реки Авачи.

Лучшими постройками являются: казённый дом начальника округи, полицейское управление и два-три дома, принадлежащих купцам и Товариществу котиковых промыслов, которое для своих построек, как жилых, так и пакгаузных, вывезло лес из Америки.

Как ни странно и как ни обидно, а приходится констатировать факт, что для зажиточных жителей Петропавловска выгоднее для своих нужд выписывать лес из Америки, нежели по горам и бездорожью вывозить его за каких-нибудь сотню-две вёрст из долины реки Камчатки, изобилующей лесом.

Под влиянием более частого пароходного сообщения с внешним миром, жизнь петропавловцев сложилась несколько иначе, чем внутри полуострова. Это влияние проникло даже и в окрестные селения — Сероглазку, Паратунку, Авачу и даже Старый Острог.

Жителей этих мест хотя и нельзя назвать достаточно обеспеченными в их существовании, но, тем не менее, в жизни их проглядывает чистота, опрятность и даже щегольство.

В городе следующие достопримечательности:

1) на кошке, разделяющей Петропавловскую бухту на два рейда, поставлен по повелению императора Александра III памятник «Слава» в честь геройской защиты города от неприятеля в 1854 г.,

2) об этом же доблестном деле свидетельствует и так называемая братская могила, где погребены как русские, так и неприятельские воины, павшие при той же защите. На могиле поставлены три чугунных креста с надписями на русском, французском и английском языках: «Здесь лежат воины, верные своему долгу» и часовня, где ежегодно 24 августа с особой торжественностью служится панихида по воинам, на брани убиенным,

3) памятник Берингу, основателю г. Петропавловска, поставленный в церковной ограде и 4) памятник Лаперузу, погибшему в камчатских водах. Этот памятник поставлен на узком и седлообразном перешейке, отделяющем Никольскую гору от Сигнальной, и представляет из себя гранитную глыбу неправильной формы с надписью «Памяти Лаперуза 1787 года».

Помимо этих достопримечательностей, нельзя не указать на некоторые остатки «дел рук человеческих», которые с грустью напоминают о более счастливых днях Петропавловска. К числу таких остатков относятся чудный, хотя и небольшой, берёзовый парк, сохранный и устроенный бывшим правителем Камчатки; признаки бывшей когда-то набережной, вымощенной камнем; валы и углубления бывших здесь батарей и укреплений; груды камней и сгнивших обрубков на месте бывших казарм, больниц и прочего.

Маргаритов В. Камчатка и её обитатели / Записки Приамурского отдела ИРГО. — Хабаровск, 1899. Т. V. Вып. I. — С. 119—120.

Характеристика Петропавловска, данная генералом П. Ф. Унтербергером, 1900 г.

Административным и торговым центром округи служит г. Петропавловск, составивший себе во время Крымской кампании славу по случаю отбития англо-французского десанта. Чугунный памятник, напоминающий об этом событии, воздвигнут на песчаной косе, отделяющей наружный рейд от внутренней бухты. После перевода оттуда военного порта в г. Николаевск на устье Амура, Петропавловск сделался глухим местом и воскрес лишь несколько по открытии пароходного сообщения с г. Владивостоком, поддерживаемого правильными рейсами Добровольного флота.

До того времени его ежегодно, лишь раз, посещал частный пароход, зафрахтованный для снабжения припасами казённых магазинов северных округ, и затем в неопределённые сроки иностранные китобойные суда и наши военные крейсера, отправлявшиеся в Берингово море для охраны морских промыслов и для воспрепятствования иностранным шхунам торговли с прибрежным населением Чукотского полуострова, в особенности спиртными напитками.

Торговля в Петропавловске преимущественно меновая на пушнину для потребностей оседлого населения полуострова. Жители города и окрестных селений зарабатывают средства продажею скота на приходящие в порт суда, как наши, так и иностранные.

Обыкновенно торговля петропавловских купцов и вообще купцов в северных округах ведётся с населением следующим образом: купцы дают своим покупателям необходимые предметы, как для жизни, так и для охоты в долг и получают за них уплату в будущем году пушниной, по более или менее установившимся на неё ценам. Если охота была неудачная, то покупатели, не имея возможности уплатить полностью свой долг за забранный в прошлом году товар, тем не менее, задолживаются у купцов вновь, и таким образом долг их постепенно растёт. Купцы обыкновенно в накладе не бывают, так как если они иногда и имеют потери от несостоятельных плательщиков, то это сторицей окупается тем, что весь товар, ими привозимый, расценивается по весьма высоким ценам, причём уплата деньгами, а не товаром за пушнину производится только в исключительных случаях.

В прежнее время, когда припасы в казённые магазины Охотского моря доставлялись на частных судах, то контрагент по доставке пользовался там почти монопольной пушной торговлей, так как меновой товар мог доставляться преимущественно на его судне,

и от него зависело брать или не брать товар других купцов. Когда же туда были установлены правильные рейсы Добровольного флота и к нему перешла как доставка казённого груза, так и частного, то монополия прекратилась, и цены на товар в портах Охотского моря, ради явившейся конкуренции, понизились, хотя всё-таки оставались высокими. Только благодаря мерам администрации, которая выписывала предметы первой необходимости для продовольствия, охоты и промыслов, как то муку, соль, порох, свинец и пряжу для сетей, эксплоатация населения купцами несколько сдерживалась, но далеко не в той мере, как это было бы желательно. В этом отношении поощрение и поддержка отдельных сельских обществ, как сказано выше, в деле приобретения ими товара из первых рук, без лишних посредников, должна оказать благотворные результаты на благосостояние жителей...

Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856—1898 гг. Очерк. — СПб., 1900. — С. 9—11.

Статистические сведения по Петропавловску на 1 января 1898 г. по данным П. Ф. Унтербергера.

В Петропавловске жителей: русских — 196 мужчин, 180 женщин; ительменов — пять мужчин, две женщины; корейцев — семеро мужчин; китайцев — три мужчины, одна женщина; прочих иностранцев — два мужчины и две женщины.

Родившихся в Петропавловске: в 1895 г. — 192 мужчины, 160 женщин; в 1895 г. — 192 мужчины, 160 женщин; в 1897 г. — 116 мужчин и 117 женщин.

Судовая декларация от 11 мая 1901 г.

Я, нижеподписавшийся, капитан баркантины «Беринг», принадлежащей Русскому товариществу котиковых промыслов, прибыл в Петропавловск из Сан-Франциско (Америка) на сороковой день.

На баркантине прибыли следующие товары: 1 500 кульков муки, 19 мест мануфактуры, 2 места фотографических принадлежностей, 70 мест железных изделий, 20 мест плотничных принадлежностей, 700 мест съестных припасов, 150 мест машинных частей, 50 мест товаров. Итого 2 511 мест.

На судне имеются следующие пассажиры: один американец и двенадцать китайцев.

Команда судна состоит следующая: капитана Мартин Битте, русский, 1-й штурман Сергей Леонтьев, 2-й штурман Степан Антуфьев,

повар американец, четыре матроса русских, два американцы, один матрос норвежец.

Судно снабжено провизией на шесть месяцев. Спиртные напитки имеются для каютного употребления и на берег свозиться не будут, а также обязуюсь, ни я, никто из команды продавать что-либо не будут.

Шкипер *Мартин Петрович Битте*

РГИА ДВ. Ф. 1536. Оп. 1. Д. 155. Л. 3—3об.

Представление военного губернатора Приморской области в канцелярию Приамурского генерал-губернатора от 28 июня 1902 г.

Крепость Владивосток

Вследствие отношения от 12 мая с. г. за № 3017, препровождая обратно выписки из отчёта по командировке в Камчатку коллежского асессора Сильницкого, имею честь уведомить канцелярию приамурского генерал-губернатора, что я со своей стороны признаю вдову урядника Камчатской казачьей команды Агафью Карандаш заслуживающей высочайшей награды в непосредственном принятии участия в блистательной обороне Петропавловска от покушения на него в 1854 г. англо-французской эскадры, а потому прилагаю при этом наградной на неё список, покорнейше прошу канцелярию не отказать в исходатайствовании ей упомянутой в списке высочайшей награды.

И. д. губернатора
(*подпись неразборчива*).
Управляющий отделением
(*подпись неразборчива*)

Список наградам, испрашиваемым за отличия неслужебные по Приморской области

Звание, имя и фамилия представляемых к награде: вдова урядника Камчатской казачьей команды Агафья Карандаш. Вероисповедания православного.

В чём состоят совершённые подвиги: в непосредственном принятии участия в блистательной обороне Петропавловска от покушения на него в 1854 г. англо-французской эскадры при следующих обстоятельствах. Когда на Петропавловск внезапно напали враги, Завойко, как известно, всех призвал к оружию, причём пра-

витель канцелярии камчатского губернатора коллежский асессор Лохвицкий был командиром орудия, расположенного на кошке. На эту батарею, наиболее опасную, был назначен муж Карандашихи урядник Василий Карандаш, и Агафья Ивановна не пожелала вместе с прочими женщинами спасаться в горы, но пошла на батарею и во время горячего артиллерийского боя 17, 20 и 24 августа была на батарее, подавая заряды, поправляя лопатой подстрелянные земляные закрытия батареи.

Ея муж, раненный 20 августа осколком снаряда, за неимением перевязочного пункта, лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Ивановна, помимо активного участия, собственно, в обороне, исполняла роль сестры милосердия и в отношении к своему мужу, уряднику Карандашу, и в отношении к другим героям бессмертной обороны Петропавловска.

В то время, когда Агафья Карандаш доблестно несла на Петропавловской батарее артиллерийскую службу, у неё тут же, на батарее, за земляным закрытием, лежал грудной младенец Иван. Грохот артиллерийского боя не остался бесследным для Ивана Карандаша. Он, как говорят в Камчатке, «мерячит», то есть с ним бывают припадки, которые делают его плохим работником и обузою для матери. Это меряченье есть следствие испуга грудного младенца пушечной пальбой, отразившегося на его психике и сделавшего инвалидом.

И. д. (*подпись неясная*),
управляющий отделением (*подпись неясная*)

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2001. Л. 1—4.

В документе есть указание, что Агафья Карандаш была представлена «к серебряной медали на Анненской ленте для ношения на груди с подписью “За усердие”».

В. Г. Тан-Богораз в Петропавловске

Владимир Германович (он же Натан Менделевич) Тан-Богораз — видный революционер-народоволец, писатель-романтик и замечательный учёный-этнограф, автор лучшей двухтомной монографии о чукчах.

В 1898 г. американский этнограф Ф. Боас пригласил группу русских этнографов принять участие в большой этнографической экспедиции для изучения этнических проблем Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки. Финансирование этой экспедиции

организовал директор американского музея естественной истории М. Джузеп, почему в литературе эта экспедиция стала называться Джузеповской.

Среди наиболее активно работавших в этой экспедиции и был В. Г. Богораз. Проехав из США, Гонолулу и Нагасаки во Владивосток, он по пути в арктические районы смог посетить и Петропавловск. Более подробно он с ним ознакомился уже при обратном плавании и своими впечатлениями поделился в журнале «Мир Божий» (январский номер 1902 г., с. 89—91).

...Берега Петропавловской бухты с их живописными сопками, утопающими в зелени, развернулись вокруг нас в своей грациозной и свежей красоте. Маленький город лепился по крутому склону, сверкая множеством ручьёв, сбегавших вниз к уютному заливчику-ковшу, в котором едва может обернуться один небольшой пароход.

Впереди ковша на ровной белой песчаной стрелке сверкала бронзовая верхушка памятника Петропавловской славы 1854 г. На заднем плане, но совсем близко, курилась неугасающая Авачинская сопка, обещая к ночи разгореться обычным тусклобагровым заревом. Рядом поднималась другая сопка, Корякская, ещё выше и обрывистее, с боками, изъеденными со всех сторон туманом, где в каждой морщине мелькнула тонкая и долгая струя оледенелого снега...

Петропавловск — это город, построенный и наполненный чиновниками из Владивостока. Чиновники существуют для казённых дел, казаки — для помощи чиновникам, мещане добывают для них рыбу, мещане утешают чиновников, и казаков, и матросов. Чиновники делятся на партии, которые враждуют между собой. Каждый дом наполнен сплетнями, как улей мёдом. Страдательным объектом являются камчадалы, рассеянные по небольшим посёлкам, которых и чиновники, и казаки усмиряют с момента последнего камчатского бунта в 1731 г. и заусмиряли до пожизненного трепета и безмолвия.

Зимою, путешествуя по Северной Камчатке, я был поражён укладом туземной жизни и никак не мог примириться с её противоречиями. Еды много: рыба, бараны, медведи. Губернатор Завойко велел построить вместо юрт избы, и жители построили и даже научились натапливать каменку до одурения, благо густой лес шумит у самых дверей. Завойко велел завести молоко, едят молочную кашу, смешанную с прогорклым тюленьим жиром. Завойко

велел развести огороды, и камчадалы едят картошку, перетёртую с кипрейными стеблями, шеломайными корнями.

Природа богата, и всё терпит, и всё даёт. Соболи вздорожали до 30 руб., и в год промышляют две-три тысячи штук. Крапива для выделки сетей дико растёт выше человеческого роста. Но среди всего этого изобилия, в просторных избах и амбарах, наполненных пищей, живёт население, забитое до потери человеческого образа и вечно умирающее со страху то перед начальством, то перед заразой, то даже перед проезжим казаком, везущим почту...

Из книги А. А. Прозорова «Экономический обзор Охотско-Камчатского края», 1902 г.

...Петропавловский рейд справедливо пользуется известностью одного из лучших в мире. Самый же город, очень живописный с моря, на самом деле есть ни что иное, как село с одной продольной улицей, по обеим сторонам которой понастроены крытые тёсом избушки, разбросанные по склону горы. Особенно отчётливо на общем фоне выделяются две церкви — зимняя и летняя, дом окружного начальника (прежде губернатора), окружённый большим тенистым садом (дом и сад служат памятью о деятельности Завойко), окружное управление, окрашенное в какой-то неопределённый цвет, дом местного купца К. Русакова и несколько домов, принадлежащих Русскому товариществу котиковых промыслов.

После событий 1854 г., нанёсших Петропавловску такой ущерб, а главное, после уничтожения должности камчатского губернатора, край, предоставленный самому себе, стал падать, не успев развиться в том направлении и согласно тем начинаниям, в которых энергично работал последний губернатор Камчатки Завойко. Войска была выведены из Петропавловска, все казённые здания и учреждения — тоже, и это нанесло последний удар развитию молодого города.

После прекращения деятельности Российско-Американской компании Петропавловск подпал под полное влияние американцев, усилившееся в 1871 г. отдачею в аренду американской же компании промыслов на Командорских островах. Такое, по крайней мере, впечатление произвёл этот порт в 1884 г. на подполковника Волошинова.

Вследствие того, что Петропавловский порт был за последние пятьдесят лет главным пунктом камчатской торговли, не лишено

будет интереса упомянуть лица и фирмы, принимавшие главное участие на этом поприще за несколько последних десятилетий.

На первом плане нужно поставить фирму «Бордман и Ко». Составлявшие её несколько бостонских купцов первоначально начали торговлю в Британской Колумбии и вскоре после занятия графом Муравьёвым устья Амура перенесли туда свою деятельность. Уже около 1860 г. фирма появилась в Камчатке, где быстро утвердилась под главным руководством американского гражданина Генри Э. Пирса и его помощника Хунтера. Этой компании принадлежали две шхуны — «Беринг» и «Сивер», поддерживавшие сношения не только с Николаевском и Сан-Франциско, но и с европейскими портами, откуда привозились товары русского происхождения.

Но этих судов не было достаточно компании, и она бывала вынуждена фрахтовать ещё чужие корабли, например бриг «Колли Джексон» в 1866 г., так как, судя по данным последнего года её деятельности, обороты фирмы были весьма значительны. Имеются сведения, что в этом году (1872) на имя Пирса, агента «Бордман и Ко», было привезено в Петропавловск: 1) на барке «Беринг» из Гамбурга русских товаров 13 933 руб. 60 коп. и иностранных на 82 484 руб. 45 коп. (барк привёз по стольку же в Николаевск и Владивосток) и 2) на барке «Сивер» из Сан-Франциско товаров на 33 986 руб. Таким образом, для Камчатки было привезено товаров немного более чем на 130 000 руб., не считая вторичного в том же году прихода барка «Сивер», когда он привёз из Николаевска после захода на Шантарские острова 270 мест разного товара и 300 кулей муки 3-го сорта.

Что же касается вывоза, то ушедшим из Петропавловского порта в этом году записаны: в Сан-Франциско — барк «Сивер» с грузом в 200 соболей на сумму 4 000 руб. и в Николаевск — барк «Беринг» с 600 соболями, оценёнными в 38 000 руб. (?), и 620 лисицами на сумму 1 760 руб.

В конце 1872 г. Пирс скончался, после чего дело «Бордман и Ко» было приобретено фирмою «Кушин и Ко»...

По делам Петропавловского окружного управления можно проследить о деятельности этой фирмы в 1875 г. Американская шхуна «Отсиго» привезла из Сан-Франциско 800 четвёрок муки 3-го сорта, 1 600 восьмушек муки 2-го сорта, 20 тыс. черепиц, 50 012 футов досок и 40 мест разного товара, всего на сумму 7 421 руб.

Затем на шхунах «Отсиго» и «Авача» (так был переименован принадлежащий Бордману «Сивер») было отправлено из Петро-

павловска для торговли на полуострове: на «Отсиго» приказчику К. Н. Косыгину на устье реки Камчатки разных товаров на 10 477 руб. 92 коп., а на «Аваче» купцу П. К. Косыгину на устье реки Облуковины разных товаров на 7 838 руб. и доверенному компании Ф. Поуэрсу в Тигиль — на 8 490 руб. 67 коп. Вернувшись из Тигиля в Петропавловск, «Авача» привезла 170 лисиц красных, две сиводушки, пять выдр и 30 соболей.

Собрав всю пушнину, 13—25 июля «Кушин и Ко» отправила на этом судне в Николаевск-на-Амуре следующий груз: 13 мешков, 1 367 лисиц красных на 3 417 руб. 50 коп.; один мешок, 132 сиводушки на 660 руб.; один тюк, 97 шкурок котиковых сухих на 194 руб.; 15 тюков, 3 460 соболей на 57 090 руб.; один мешок горностаев на 144 руб. 75 коп.; один ящик, 12 бобровых морских на 720 руб., 106 выдр на 530 руб. Всего на 62 756 руб. 25 коп.

Осенью того же года шхуна «Авача» успела вернуться в Петропавловск. Придя 1 октября, она привезла из Владивостока и Николаевска 377 мест товара на сумму 24 320 руб., в том числе 250 ящиков байхового чая, 11 ситца и прочее.

Эти весьма подробные сведения дают возможность судить об оборотах фирмы «Кушин и Ко» в 1875 г.: вывоз пушнины из одной Камчатки (в Охотских портах, насколько известно, у них не было торговли) достиг высокой цифры — почти 63 000 руб., чего нельзя не назвать весьма удачной торговлей, тем более, что в том году в Камчатке производил уже торговлю и контрагент казны Филиппеус.

Кроме того, следует обратить внимание на цены, по которым определён вывоз: красные лисицы по 2 руб. 50 коп., сиводушки по 5 руб., соболя по 16 руб. 50 коп., бобры морские по 60 руб., выдры по 5 руб. и т. д. Если оценить пушнину по существующим ценам, то её оказалось бы тысяч на девяносто. Столь крупный оборот фирмы есть следствие того, что промысел этого года был весьма благоприятный: 3 400 соболей собрать одной фирме — очень много. Следующие за сим цифры показывают общий «оборот купеческого капитала» в 1875 г.

Привезено в Петропавловск разных товаров: на 80 159 руб. 80 коп.; отправлено в округу 71 878 руб. 56 коп.; продано в порте и округе 120 217 руб. 59 коп.; вывезено пушнины на 104 941 руб. 68 коп.

Приобретено пушнины: котов морских солёных 36 274 шт. на 18 138 руб.; котов морских сухих 1 577 шт. на 6 161 руб. 50 коп.; бобров морских 48 шт. на 71 482 руб.; лисиц красных 1 863 шт.

на 4 789 руб. 50 коп.; сиводушек 117 шт. на 810 руб. 50 коп.; выдр 245 шт. на 1 293 руб. Всего на 104 941 руб. 68 коп.

Выше было сказано, что фирма «Кушин и Ко» вывезла в 1875 г. пушнины на 62 756 руб. 25 коп., так что из сравнения этой цифры с итогом всего вывоза, в который входят также промыслы Командорских островов в сумме около 26 тыс. руб., выясняется место, которое занимала в Камчатке эта фирма. Успехи её объясняются тем, что дело Филиппеуса не было ещё поставлено как следует и конкуренция его мало достигала цели. Зато в последующие годы, заключив контракт с казной, он быстро встал во главе торговли, так что уже в 1880 г. фирма «Кушин и Ко» продала ему всё дело.

Начав свою деятельность на севере в качестве административного лица, Александр Фёдорович Филиппеус предпочёл заняться с 1864 г. торговлей с туземным населением...

При заключении в 1876 г. с казной контракта на поставку провианта в северные округи Филиппеус обязался торговать припасами, имевшимися в казённых складах, по старым ценам, впредь до их распродажи, после чего должны были вступить новые контрактные цены. Получив привилегию продавать такие предметы, как порох, соль и прочее, Филиппеус оказался перед всеми другими в более благоприятном положении. Так, например, продажа пороха была разрешена только в трёх пунктах: в Петропавловске, Нижнекамчатске и Тигиле. Остальные торговцы должны были приобретать порох в этих местах у Филиппеуса с правом продавать его тут же. Вследствие таких неравных условий торговли, недоразумения возникали ещё и потому, что приказчики Филиппеуса, во избежание переторжки, отпускали другим торговцам порох только в размере их собственной потребности, что заставило тех даже обратиться к местному начальству с жалобой.

Вся Камчатка была покрыта сетью доверенных и приказчиков Филиппеуса. В 1874 г., до начала выполнения контракта, он выбирал через своего доверенного Люгебиля следующие торговые документы: одно свидетельство 1-й гильдии и 11 приказчьих свидетельств 1-го класса, один билет на мелочной торг и один патент на продажу нитей, 14 билетов на торговые заведения, одно акцизное свидетельство на оптовую продажу табаку приказчикам и восемь билетов на производство развозного торга.

В целях ли конкуренции или под влиянием других соображений, Филиппеус значительно понизил существовавшие до него цены, и эта заслуга перед краем останется за ним навсегда. Торговая

деятельность его не имела характера хищнической, и масса сделанного им добра заставит население ещё долго его вспоминать.

Все торгующие в Петропавловске купцы обязаны ежегодно представлять в городское управление статистические сведения о своём торговом обороте. Приводимые ниже цифры заимствованы из черновика подобной ведомости, случайно найденного в Петропавловске между старыми делами и книгами.

Из этой ведомости оказывается, что в 1887 г. доставлено было товаров для Филиппеуса всего на 43 502 руб. 71 коп., распределявшихся следующим образом: на японском пароходе «Гембамару» — на 19 157 руб. 52 коп.; из Сан-Франциско на трёх судах — на 23 101 руб.; и ещё 400 кульков муки — на 1 244 руб. 19 коп.

Так как в 1886 г., когда кончился контракт на содержание срочного пароходства, Филиппеус продал свой пароход и стал заменять его фрахтованным, то, следовательно, на пароходе «Гембамару» им привезены были из Японии товары русского происхождения, прибывавшие для него туда из России, а также китайские и японские.

Статья товаров, отправленных в течение года в разные места округи, в итоге даёт 38 402 руб. 73 коп. В Петропавловске было продано на 59 032 руб. 94 коп., в округе — на 24 113 руб. 90 коп. В счёт проданных товаров приобретено в том же году пушнины... всего на 46 304 руб. 38 коп.

В 1887 г. оборот Филиппеуса выразился в привозе товаров на 43 502 руб. 71 коп. и вывозе пушнины на 46 304 руб. 38 коп.

Для сравнения с этим годом, одним из последних его деятельности, приведём сведения о количестве привезённых им товаров в 1875 г.

На германском барке «Вега» прибыло из Кронштадта разных товаров (сахар, мука и прочее) на 95 000 руб. и на пароходе «Курьер» из Иокогамы разного груза на 30 000 руб. (чай, мука, сахар, мануфактура и прочее). Всего, следовательно, на 125 000 руб. Эта цифра по сравнению с привозом 1887 г. показывает, насколько дела Филиппеуса во время контрагентства были значительней и что они уменьшились потом на сумму, гораздо большую, чем было количество контрактных товаров. Не возобновив контракта с казной, Филиппеус причинил себе большой ущерб, сведя всё дело к обмену на пушнину.

Выше, в связи с историей торговли в портах Охотского моря, было уже сказано, как после смерти А. Ф. Филиппеуса, последовавшей в 1889 г., дело, считавшееся принадлежащим ему, перешло к братьям Уольш.

Те шесть лет, что охотское дело находилось в руках Уольш, оно было всего выгоднее для его хозяев. Во главе управления ими был поставлен бывший штурман Ф. Ф. Поуэрс, хотя американец по происхождению, но совершенно освоившийся с делом в Камчатке, проведя там более двадцати лет. Поуэрс, в последние годы сопутствовавший Филиппеусу во время охотского рейса, повёл себя скромно, без всяких лишних затей и затрат, а для того, чтобы ещё упростить дело, Уольш вошли в соглашение с И. М. Малованским, который тогда состоял представителем Русского товарищества котиковых промыслов, только что заарендовавшего Командорские острова. Соглашение это заключалось в том, что, приезжая весной каждого года из Сан-Франциско в Петропавловск, Малованский должен был привозить все американские товары; Поуэрс же, приезжая после зимовки из Японии (Томас Уольш жил всегда в Кобе и лично проверял зимой отчёты летнего сезона), привозил в Петропавловск японские, русские и другие товары для Камчатки и Охотского моря, получая в уплату за привезённый им груз часть собранной зимой пушнины. Малованский в силу того же договора отказывался от всякой собственной торговли в Петропавловске.

Таким путём Уольш избегал необходимость иметь представителя или доверенного в Сан-Франциско для закупки товаров, Малованский же, получая в уплату не деньги, а меха, был также в выгоде, так как при продаже их ему всегда удавалось что-либо перевыручить. Каждую весну, в мае, Поуэрс приезжал на фрахтованном пароходе в Петропавловск и в половине июля, после устройства там всех дел, отправлялся в охотский рейс. Обойдя все порты и распределив товары, он увозил всю собранную пушнину в Японию, откуда её переотправляли в Лондон. Всю работу делал Поуэрс сам с сыном Александром, что сокращало Уольшу много расходов, в особенности после «барских», так сказать, поездок Филиппеуса.

Дело шло великолепно, когда в 1895 г. оно было приобретено Русским товариществом котиковых промыслов. Товарищество купило затем дело Гурьевых, Малованских и других и теперь осталось единственным крупным коммерческим предприятием к северу от Владивостока...

Недавно, в 1896 г., скончался гражданин Северо-Американских Соединённых Штатов Эдмунд Сандалин, много лет исполнявший обязанность городского старосты города Петропавловска.

В купцы Петропавловского порта по 1-й гильдии он записался в первый раз во второй половине 1869 г., когда одновременно он начал торговлю в порте, на острове Беринга и на острове Атту из

Алеутской гряды. Он был одним из многих, устремившихся на Командорские острова после окончания концессии Российско-Американской компании. Тогда богатства этих островов, оставленные без всякого присмотра, подверглись расхищению, и ценные животные стали беспощадно истребляться алеутами, усиленно спаиваемыми разными промышленниками. Но когда эти промыслы были отданы в аренду «Гутчинсон, Кооль и Ко», Сандалин был вынужден выехать оттуда и заняться торговлей исключительно на материке. Первоначально он занимал в порте помещение, но в 1872 г. построил себе дом, который обошёлся ему всего около тысячи рублей.

Торговлю Сандалин вёл мелочную, а товары — частью покупал, частью брал в кредит у крупных фирм. Так как торговля его в самом порте была незначительная, он начал хлопотать в 1873 г. о разрешении торговать в округе, но не получил этого разрешения (главным образом вследствие происков Пирса), он стал даже платить с 1874 г. по скудости средств 2-ю гильдию вместо 1-й. После смерти Пирса Сандалин возобновил ходатайство и в 1876 г. получил, наконец, желаемое разрешение, дававшееся в те времена почему-то весьма осторожно. В округ он ездил сам и, кроме того, держал двух-трёх приказчиков. Дела его шли некоторое время хорошо, и ему удавалось скупать пушнины в год тысяч на двадцать, например в 1889 г., но потом, когда он стал стареть, дело пошло всё хуже и хуже и скоро оборот сократился до нескольких тысяч рублей. Умер он в преклонном возрасте, ничего не имея, и вдову оставил ни с чем. Осенью 1897 г. домик его в Петропавловске всё ещё стоял опечатанным.

Больших результатов достиг Иван Мартынович Малованский, начавший торговлю так же, как и Сандалин, на островах и затем переселившийся в Камчатку. Таким образом, начало его деятельности совпадает с теми годами, когда Командорские острова были ареной энергичного спаивания населения и усиленного избиения зверя. В Петропавловске же Малованский торговал до 1874 г. по 2-й гильдии, на сумму не менее пятнадцати тысяч рублей, имея в порте лишь мелочную торговлю. В 1875 г. на основании удостоверения Петропавловского полицейского управления и тамошнего городского общества о честности и добросовестности Малованского, ему было разрешено производить торговлю во всей округе. Подобное разрешение, очевидно, имело для него огромное значение, так как после этого он получил возможность покупать пушнину по всему полуострову. В порте же, однако, он продолжал свою мелочную торговлю и держал питейное заведение.

Товары он брал, по всей вероятности, от других, более крупных фирм, и им же сдавал пушнину, так как в делах Петропавловского окружного управления нельзя найти указания на то, чтобы приходили суда с грузом на его имя или чтобы он вывозил пушнину, кроме двух случаев. В 1873 г. приходила шхуна «Джон Брайт» (не привезла ли она его самого?), да ещё есть указания на то, что весной 1881 г. на пароходе «Александр II», принадлежавшем торговому дому «Филиппеус, Гутчинсон, Кооль и Ко», было привезено 52 места товаров, без указания каких, для Малованского.

Около 1889 г. он прекратил торговлю и поступил на службу к компании, арендовавшей Командорские острова, а потом, после перехода этой аренды к Русскому товариществу котиковых промыслов, Малованский исполнял у сего последнего в течение трёх лет обязанность главного доверенного, состоя одновременно участником дела братьев Уольш в Камчатке. Когда Товарищество купило у Уольш всё предприятие, оно выплатило Малованскому за его долю в деле и за приобретённое у него недвижимое имущество в Петропавловске. Покончив с Камчаткой, Малованский поселился в собственном доме в Сан-Франциско, а обязанности главного доверенного Товарищества перешли к К. М. Гринвальдту.

За Малованским сохранилась репутация человека очень энергичного, ловкого и замечательного торговца. По сей час ещё в Петропавловске ходит про него много рассказов, из которых видно, до какой степени он умел употреблять в свою пользу слабость населения Камчатки, и особенно алеутов Командорских островов, падких на покупку вещей, которые они видят на ком-нибудь из приезжих и не предназначенных для торговли.

Весной 1888 г. приехал в Петропавловск из Николаевска-на-Амуре (см. газету «Восточное Приморье» за 1865 г.) Константин Павлович Русанов. Насколько известно, его отец, иркутский купец, торговал с 1864 г. в Николаевске-на-Амуре и благодаря некоторой удаче в течение двадцати лет с лишним скопил небольшое состояние. После его смерти один из сыновей, Константин, выехал в Камчатку с небольшими средствами и начал торговлю. Однако торговля Русанова в Камчатке никогда не была особенно значительной, в последние же годы стала вовсе ничтожной, доходя, самое большое, до десяти тысяч оборота. Сперва он торговал под фирмой жены, но теперь ведёт дело от своего имени и поставляет в течение лета на военные суда провиант, главным образом хлеб, мясо, картофель и прочее. Постоянное присутствие в летнее время судов на рейде сильно способствует оборотам его питейного заведе-

ния. В округе торговли у него нет, и всё дело сосредоточено в порте и его окрестностях.

Товары Русанов выписывает из Владивостока, но чаще покупает их у Русского товарищества котиковых промыслов, так как это оказывается более выгодным. То же самое и с мехами; обыкновенно он сдаёт их Товариществу, а иногда отправляет на продажу во Владивосток. В настоящее время Русанов уже весьма пожилой человек и со смерти Сандалина исполняет обязанности городского старосты.

В 1889 г. появились в Петропавловске супруги Гурьевы — Григорий Спиридонович и Юлия Дмитриевна и приобрели на краю города дом. Начав с незначительного оборота, они скоро его увеличили, широко раздавая промышленникам в долг в счёт будущего промысла. Их главные старания направлялись на то, чтобы собрать как можно больше соболя: в 1894 г. они сдали Русскому товариществу котиковых промыслов 400 штук соболей. Собрать такое количество для начинающей фирмы, не имеющей, тем более, торговли в округе, очень трудно. Торговали они недолго, всего каких-нибудь семь лет, в течение которых их дело успело значительно окрепнуть, благодаря, главным образом, энергии самой госпожи Гурьевой. Тем не менее, они охотно согласились на предложение Товарищества котиковых промыслов продать всё дело и, уступив всё своё петропавловское имущество, выехали из Камчатки навсегда.

Не обошлось в Петропавловске без китайской лавки. В самое последнее время (в 1895 г.) появился в городе китаец Му-ин-дан, купец 2-й гильдии, приехавший из Владивостока, где торговля его не ладилась вследствие огромного количества китайских купцов, заполонивших этот город. Торговля его незначительная, чисто мелочная. Не имея оборотного капитала и не зная местного населения, он лишён возможности вступать в дело с торговцами и давать промышленникам обычные авансы. Торгуя на наличные деньги, которых в Петропавловске, кстати сказать, очень немного летом и совсем мало зимой, он неохотно меняет на пушнину, разве на соболя.

Лавка Му-ин-дана есть в миниатюре копия китайских лавок во Владивостоке. Помещается она в небольшой избе, на боковой улице, торгует всегда сам, без помощников. Кроме шёлковых китайских шалей, которых он продает штук 15–20 в год, к нему обращаются за разного рода мелочами, которые ему удаётся продавать дешевле Товарищества благодаря незначительности торговых

расходов. Товары он получает все из Владивостока от китайцев же, не обращаясь никогда к другим.

В прежние годы было много лиц, производивших в Петропавловском округе самостоятельную торговлю. Несмотря на то что они брали товары от крупных фирм и сдавали им же пушнину, они всё-таки не были приказчиками, а записывались купцами 2-й гильдии. Так, в списке купцов за 1875 г. значатся следующие лица, торговавшие по 2-й гильдии: Е. Ф. Колесов (имел двух приказчиков), Н. П. Красавцев, Н. Косыгин (выбирал шесть свидетельств), Пётр Косыгин (выбирал два свидетельства), Илья Брагин (два свидетельства), З. О. Топольский (доверенный его — Г. Р. Карякин), Михаил Гарднер, Калмыков, Воробьёв (в Тигиле), Бушуевы и другие. Ряды их быстро редели, так что в 1893 г. в Петропавловском округе торговали самостоятельно лишь Н. П. Косыгин с оборотом в 12–13 тыс. руб. и И. П. Брагин — 15–20 тыс. руб., И. М. Колесов — 8–12 тыс. руб. и Н. М. Селиванов — 4–6 тыс. руб. Мало кто из них остался теперь. Селиванов состоит приказчиком Товарищества, И. М. Колесов торгует в селении Мильково, Брагин умер, оставив много сыновей, которые разошлись с торговыми целями по Петропавловской, Гижигинской и Анадырской округам, причём старший из них, Пётр, имеет в окрестностях порта небольшую торговлю, младший брат торгует на Анадыре, а остальные приказчики Товарищества котиковых промыслов. Лишь в Тигиле появилось несколько новых лиц.

В заключение для более полного освещения былой торговли Камчатки остаётся привести ещё сведения о размере торговли фирм и лиц, принимавших в ней участие, о чём можно судить по количеству привезённых товаров и вывезенной пушнины...

При рассмотрении цифр... приходится прийти к заключению, проследив каждую статью из года в год, что сделать на основании их какой-либо вывод не представляется возможным, до такой степени разнятся цифры двух последующих годов. Это должно быть приписано неточностям данных. Во всяком случае, общая сумма привезённых в Петропавловский порт за семилетний период (1889—1895 гг.) товаров достигла 637 920 руб. 37 коп. или в среднем 91 131 руб. 53 коп. в год. Пушнины вывезено всего на 486 929 руб. 53 коп. (в среднем по 69 561 руб. 36 коп. в год), а продано товаров за тот же период времени на 561 241 руб. 20 коп. (в среднем на 80 177 руб. 30 коп. в год).

Петропавловский порт — единственный пункт всего Охотско-Камчатского края, где наблюдается столь крупная разница (10 тыс.

руб. в год) между общей суммой проданных товаров и стоимостью вывезенной пушнины. Приход военных судов, русских и иностранных, большое движение коммерческих судов, присутствие администрации и служащих торговых фирм — все эти явления дают возможность обращаться среди городского и окрестного населения некоторому количеству денежных знаков, благодаря чему торговля, в особенности летом, лишена характера исключительно меновой, какой мы видели её в остальных пунктах этого обширного края...

Вся приобретённая приказчиками пушнина свозится к весне в Петропавловск. В течение лета её увозят в Европу на центральные меховые рынки (Лондон, Лейпциг), откуда меха развозятся оптовыми покупателями по всему свету. Можно с уверенностью сказать, что много сибирских мехов покупается в здешних магазинах после того, как они побывали в Лондоне или Лейпциге, а то и в обоих местах.

...По сравнению с Владивостоком цены на большинство товаров держатся в Петропавловске в настоящее время до такой степени низкие, что выписывание чего-либо в Камчатку из этого порта не оправдывается.

В 1897 г., например, один из петропавловских торговцев выписал посреди лета некоторые товары из Владивостока. Потом оказалось, что кулёк муки 3-го сорта, привезённый на пароходе Добровольного флота в Петропавловск, обошёлся ему в 2 руб. 80 коп., тогда как в лавке Русского товарищества котиковых промыслов то же самое продавалось в розницу по 2 руб. 70 коп. Объясняется это тем, что Товарищество получает товары непосредственно с мест производства, а потому имеет возможность поддерживать в Петропавловске цены, очень близкие к владивостокским, несмотря на большую отдалённость места сбыта, медленность оборота капитала, пропажи за охотниками и другие неблагоприятные условия торговли в самой отдалённой нашей окраине.

Кроме того, вследствие быстрого и правильного сообщения Владивостока с японскими, европейскими и американскими портами, не говоря уже о телеграфе, всякое колебание цен на этих рынках становится здесь известным немедленно. Так, в 1897 г., когда началась усиленная отправка провианта в суливший небывалые барыши Клондайк, цены в Сан-Франциско быстро выросли до небывалой высоты. Например, цена муки по сравнению с 1895 г. поднялась с 3 долларов 10 центов до 4 долларов 35 центов (то есть с 6 руб. 20 коп. до 8 руб. 70 коп.)...

Во Владивостоке, в зависимости от этого, цены немедленно приняли соответствующие размеры, тогда как в Петропавловске Товарищество всё-таки продолжало начатое им в 1895 г. понижение цен на все товары. Цены в Петропавловском порте... не подвергались до тех пор большим изменениям, пока там же утвердилось Русское товарищество котиковых промыслов, купив дела братьев Уольш и Гурьевых. С 1895 г. цены были ежегодно понижаемы до существующего уровня по распоряжениям главного доверенного Товарищества К. М. Гринвальдта, который стремился к установлению продажных цен в строгом соответствии с покупными, с расходами по доставке товара и т. д., а не просто в максимальном, ни с чем не сообразном размере, как это делалось раньше.

Имея управление в Санкт-Петербурге, Товарищество значительно увеличило привоз в край товаров русского происхождения, придерживаясь правил выписывать из Америки лишь то, чего нельзя купить в России, или те, которые в значительной степени превосходят отечественные изделия своим качеством и дешевизной.

Что касается служащих, то состав их пополняется, насколько возможно, из местных жителей. Число их на постоянной службе у Товарищества в самом Петропавловске доходит до шести-семи человек, остальные же люди чисто русского происхождения. В настоящее время в городе слышится исключительно русская речь, обратно тому, что было ещё так недавно в Петропавловске, когда хозяева дела и доверенные были всегда американцы, вследствие чего все торговые книги и все дела велись по-английски.

Нельзя не сказать, что деятельность Товарищества имеет большое экономическое влияние на население Петропавловска. Мужское население может всегда иметь в летнее время хороший заработок, исполняя для Товарищества разные работы в порте. В свою очередь и Товарищество, имея надобность в работниках, вынуждено обращаться к местному населению. Частые выгрузки и погрузки товаров, сортировка пушнины, развоз товаров по амбарам и т. д. — всё это постоянно требует рабочих, не говоря о том, что до двадцати человек молодых петропавловцев плавают ежегодно на судах Товарищества, помогая матросам во время трудного плавания по Охотскому морю и около Командорских островов.

Народ в Петропавловске крайне ленив: большинство предпочитают ничего не делать, чем работать подённо и получать не меньше 1 руб. 50 коп., а то и по 2 руб. в день за исполнение самой простой работы. Такую заработную плату, несмотря на дороговизну всех привозимых предметов, нельзя не назвать высо-

кой, ввиду полного отсутствия иных заработков и принимая во внимание полную неподготовленность народа к какой бы то ни было работе.

На обещание рабочего прийти на следующий день на работу никогда нельзя положиться, а тем более после праздника. Можно с уверенностью сказать, что всякий свободный рубль, у кого найдётся, будет пропит. Пришлось лично наблюдать одного молодого петропавловца, проплававшего два месяца на пароходе Товарищества и заработавшего около 75 руб., нетрезвым в течение сорока пяти дней сряду...

Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1902. — С. 187—204, 217—220.

Рапорт прапорщика флота В. Потапова начальнику Петропавловского уезда, 31 июля 1905 г.

На предписание вашего высокоблагородия от 13 августа сего года доношу, что мною закончены работы по удалению мин, которые были расставлены японцами по Авачинской бухте. В течение времени с 16 по 23 августа включительно мною был протрален фарватер Авачинской бухты от городского ковша до Петропавловского маяка и мыса Ягодного. Кроме того, я протралил также заливы Тарьинский и Раковый. Мин нигде не оказалось, а потому довожу до сведения вашего высокоблагородия, что входы и стоянки вышеупомянутых мною мест совершенно безопасны для всяких судов.

В 200 саженях от бакена на *West* мною вытащен буёк, поставленный японцами. Может быть, что у японцев этот буёк служил мёртвым якорем катеров и шлюпок, но другие суда, русские и иностранные, могли принять этот буёк за поворотный бакен и иметь аварию.

Трал был изготовлен мною из находившихся в казённом складе концов и свинцу. Для этого же трала я употребил конец от вытащенного японского буйка, так как подходящего троса в Петропавловске не было.

Работы по тралению, вообще трудные, в данном случае при отсутствии паровой силы были особенно тяжелы. Людям приходилось работать до девяти часов в сутки без отдыха и, кроме того, без пищи. Считаю своим долгом отметить усердное и добросовестное отношение к делу работавших со мною матросов и казаков. Прошу ходатайства вашего высокоблагородия перед начальством о поощрении этих людей за усердие.

Имена и фамилии их следующие: матрос 1-й степени Иван Ромашев, матрос 1-й степени Яков Якуб, матросы 2-й степени Иван Кузьмин, Прокофий Богданчиков, Ефим Нестеркин, казаки Камчатской команды Прохор Копылов, Аполлон Львов, Иван Селиванов, Алексей Корюкин, Пётр Черных, Иван Черных.

Прапорщик флота *В. Потапов*

РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 113. Л. 52—53.

Объявление Петропавловского городского управления, 18 апреля 1906 г.

Городское управление просит пожаловать нижепоименованных лиц на общее городское собрание, имеющее быть 25-го сего апреля в доме П. Н. Косыгина, на коем будут предложены для обсуждения следующие вопросы:

1. О выборе на 1907 г. другого городского и мещанского старосты по болезненному состоянию старосты П. Н. Косыгина.

2. Об огородке кладбища по предложению начальника Петропавловского уезда и

3. О положении городскому трубочисту вознаграждения за очищаемые им в городе трубы.

Начало собрания имеет быть в девять часов утра.

Городской староста *П. Н. Косыгин*

[Приглашены:]

1. Комаров Н. Н., благочинный Камчатских церквей и Гижигинских церквей.

2. Тюшов В. Н., петропавловский уездный врач.

3. Роберт Л. Л., заведующий Петропавловским городским училищем.

4. Сотников М. И.

5. Вильдеман Г. К., доверенный КТПО.

6. Русанов И. П.

7. Чупятов Г. М.

8. Плюшивцев П. Н., доверенный торгового дома «И. Я. Чурин и Ко».

Мещане-домовладельцы:

Н. Н. Гарднер, Н. Г. Григорьев, Н. И. Горбунов, Т. Г. Вичиркин, Я. И. Косыгин, В. Ф. Козленко, М. П. Карякин, Н. О. Калинда, Н. М. Коршунов, Е. Н. Мутовин, Н. Н. Мутовин, Г. Л. Машихин, В. А. Калмыков, П. А. Калмыков.

РГИА ДВ. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 173. Л. 14—15.

Приглашение Петропавловского городского управления от 26 апреля 1906 г.

Господам Т. И. Новограбленову,
Г. Л. Машихину, П. А. Калмакову

Городское управление, свидетельствуя своё почтение, вместе с тем просит вас, милостивые государи, присутствовать в комиссии под предводительством кандидата М. П. Карякина по ревизии мостов по Главной улице г. Петропавловска для права ассигнования особой суммы для исправления таковых.

Городской староста *П. А. Калмаков*

РГИА ДВ. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 174. Л. 27.

Объявление Петропавловского городского управления от 30 мая 1906 г.

...Сим объявляет гг. домовладельцам, что городским управлением завтра будет нанят на городские средства человек, который очистит ручьи, протекающие с Петровской горы от ольховника и до жилых домов, а домовладельцам Верхней улицы ставится в обязанность очистить и впредь наблюдать тот участок ключа, которым домовладельцы пользуются, чтобы ширина ключа была, во всяком случае, не менее половины аршина.

2. Домовладельцы, пользующиеся ключевой водой совокупно с соседними домами, должны ключ свой иметь в чистоте и порядке и около ключей не ставить порожней посуды для того, чтобы размочить, а потом выливать грязную воду в ключ. Размочить посуду домовладелец может у себя во дворе, но чтобы грязь не вытекала на улицу.

3. В городе по ключам вязать собак строго воспрещается, а домовладельцы и вообще лица, имеющие собак, должны иметь на привязи около озера или за кладбищенской речкой.

4. Домовладельцам, кои имеют рогатый скот, ставится в обязанность, согласно протоколу заседания от 25 апреля сего 1906 г., отгонять свой скот за город после доения, до озера или до косы большой губы. Городским управлением будет нанят человек, который будет ежедневно с девяти часов утра очищать улицы и площади от скотского навоза. Свой же участок улицы домовладелец должен иметь в безукоризненной чистоте, не ожидая особого предложения об очистке улиц и ключей от городского управления.

РГИА ДВ. Ф. 1530. Оп. 1. Д 173. Л. 30—30об.

Известия Г. А. Крамаренко о Петропавловске в 1907 г.

3 июля, в полдень, «Уссури» отдал якорь у Петропавловска, ошвартовавшись к вновь устроенной удобной пристани Товарищества котиковых промыслов.

Тёплый и ясный день придавал ещё более красоты этому историческому маленькому местечку, расположенному по склону высокой горы, покрытой густым, но некрупным лиственным лесом, преимущественно ольхой и берёзою.

На берегу, прежде всего, бросается в глаза красивое деревянное здание городского училища, затем виднеется на горке симпатичный домик бывшего промыслового объездчика Сотникова, убитого в 1906 г. японцами-рыбаками на реке Воровской. Далее вы видите двухэтажный деревянный большой дом больницы. И всё это — работа тех же японских плотников.

Захожу в магазин Товарищества котиковой компании. Прислуга — китайцы и корейцы. У других торговцев и более зажиточных жителей — тоже. Одним словом, Петропавловск, имеющий население около четырёхсот душ, пестрит пришлым иностранным элементом.

«Почему же это так?» — невольно задаёшься вопросом. А вот картина, разрешающая этот несложный вопрос. У пристани под опрокинутой баржею приютилось человек двадцать русских людей, прибывших ранее меня в Петропавловск с целью получения заработков. Обрадованные таким появлением местные купцы и население немедленно же обратились было к последним с предложением труда. Одни предлагали насыпать уголь в мешки, другие работать на рыбалке, третьи заготовлять дрова. Предлагают 1 руб. 50 коп. в день на готовых харчах. И что же? «Меньше трёх рублей не пойдём», — отвечают работоискатели.

Конечно, такая плата оказалась непосильной петропавловцам, почему последние и предпочли обратиться к пришлому труду иностранцев, некоторые решили обойтись своими силами. Наши же соотечественники, пролежав целый месяц под баржею, благо рыба для питания не купленная, со следующим рейсом отправились кто обратно в Владивосток, а кто на том же «Уссури» — в г. Ном.

О гавани Петропавловска я распространяться не буду, она известна. Скажу одно: чудная, глубокая и удобная стоянка во всей Авачинской бухте может вместить не один десяток крупных судов. Она открыта с апреля до декабря.

Вся Авачинская бухта со своими небольшими бухточками, Тарьинской и ковшом окаймлена также высокими горами, поросшими березняком и ольхою. Строевой же лес здесь отсутствует.

Петропавловск для населения Камчатки служит портовым городом. Здесь, несмотря на малочисленность населения, имеется пять магазинов, из которых два принадлежат крупным фирмам. Тут же имеется и четыре ренсковых погреба (лавки, торгующие спиртным. — *Ред.*). Торговцы Петропавловска снабжают своими товарами не только окрестные селения, но и отправляют их вглубь Камчатки.

Жители Петропавловска, несмотря на внешний вид их жалких домишек, нужды не испытывают, так как почти все занимаются скупом пушнины и обменом её на товары, с которыми по первопутку отправляются по разным направлениям полуострова в места жительства охотников. А так как главный продукт питания их составляет рыба, которой Камчатка богата, то с этой стороны население всегда может считать себя обеспеченным. Впрочем, при их первобытном способе лова и при присущей им лени, бывает, что они и у рыбы, да без рыбы. Но это касается лишь заготовки корма для собак, которые служат у камчадалов средствами передвижения зимою.

Нельзя было не обратить внимания, живя несколько дней в Петропавловске, на полуфутовый слой особого песку, покрывшего не только улицы его, но и окрестности на далекие расстояния. Это было следствием извержения одного из вулканов ночью с 16 на 17 марта 1907 г., который при страшных громовых раскатах работал в течение четырёх часов, но которым именно из вулканов, до сих пор никто из местных жителей не определил, хотя предполагают, что Асачинская сопка. Известный знаток Камчатки, доктор Тюшов, занялся теперь исследованием этого вопроса на месте...

Крамаренко Г. А. Путешествие на Камчатку и обследование её в рыбном отношении. — СПб., 1908. — С. 3—4.

Секретное донесение начальника Петропавловского уезда военному губернатору Приморской области от 5 июня 1907 г.

Представляя при сем прошение политического ссыльного Николая Перлашкевича, ходатайствующего о переводе его на жительство в Охотск, имею честь доложить вашему превосходительству, что к удовлетворению означенного ходатайства с моей стороны препятствий не встречается ввиду того, что мотивы, приведённые Перлашкевичем в подкрепление своего ходатайства, действительно заслуживают уважения.

Вместе с тем, я вообще почтительнейше просил бы ваше превосходительство не делать Петропавловск местом ссылки политических во избежание агитации их среди матросов военных судов и могущих быть нежелательных последствий.

Начальник уезда *Лех*

Политического ссыльного Николая Перлашкевича прошение его превосходительству господину военному губернатору Приморской области

Ввиду невозможности при существующей в гор. Петропавловске-на-Камчатке дороговизны квартиры (10 руб. в месяц за комнату в одну квадратную сажень), а также на все пищевые продукты, кроме солёной рыбы, я не могу просуществовать в этом городе не только безбедно, но даже кое-как, а потому прошу распоряжения вашего превосходительства о переводе меня в г. Охотск, где всё, без исключения, дешевле: и квартиры, и предметы первой необходимости (квартиры от 3 руб. в месяц и ниже).

Если моя просьба уважена вашим превосходительством будет, то покорно просил бы сделать распоряжение о моём переводе с таким расчётом, чтобы мне можно было с 4-м круговым рейсом переехать в Охотск, чем избавите меня от холода и голода (в буквальном смысле) в течение долгой зимы. Если бы явилось какое-либо затруднение в оплате из казённых средств моего переезда, то я просил бы отнести его на мой счёт. Бывали случаи, что капитаны судов перевозили пассажиров бесплатно при условии помощи при нагрузке и разгрузке судов.

Надеюсь, что ваше превосходительство обратит должное внимание на мою просьбу, тем более что в г. Петропавловске никаких для меня заработков нет, а к тяжёлому подённому труду я после долгих лет каторжных работ и ссылки более не способен.

Николай Перлашкевич

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2235. Л. 30—31об.

Сообщение начальника Петропавловского уезда С. М. Леха о бедственном положении больницы от 31 октября 1907 г.

Господину военному губернатору Приморской области

Всего на Камчатке во вверенном мне уезде числится населения 6 950 душ обоего пола, в том числе в г. Петропавловске 384 души обоего пола при 67 дворах. По долине реки Камчатки и Быстрой —

1 760 душ в 17 поселениях. Остальное население разбросано по восточному и западному берегам полуострова. На всё означенное население имеются два фельдшера в сёлах по реке Камчатке, в селе Тигиле и один фельдшер при враче в г. Петропавловске.

Принимая во внимание ограниченность в медицинских познаниях фельдшеров и крайне жалкую организацию сельских аптек, приходится прийти к заключению, что сельское население на Камчатке вовсе лишено медицинской помощи и обречено на грубую эксплуатацию разными знахарями.

Вести борьбу с этим злом и оказать существенную пользу населению одному врачу на весь уезд непосильно...

Ходатайствуя о необходимости устройства сельской лечебницы с врачом и постоянными кроватями для сельского населения в центре Камчатки, я также ходатайствую об улучшении медицинской части в г. Петропавловске.

В настоящее время в г. Петропавловске официально, как значится из переписки, числится лечебница, на содержание каковой отпускается 1 260 руб. ежегодно от правительства. В действительности же таковой лечебницы не существует, как о том и доносит мне уездный врач... на моё отношение от 1 июля с. г. за № 415 о принятии больного с парохода «Днепр», в коем он со своей стороны ходатайствовал о необходимости устройства настоящей лечебницы в г. Петропавловске. Прежде жалкая аптека помещалась в частном доме. Казённой квартиры врач, фельдшер и аптекарь не имели.

В 1902 г. Камчатское торгово-промышленное общество выстроило двухэтажное здание для больницы. Причём названное общество, насколько мне известно, частно предполагало производить ежегодно отпуск по 2 000 руб. на содержание больницы, конечно при условии существовании таковой. Отпуск означенных денег был сделан в 1904 и 1907 гг. Всего отпущено 3 996 руб. 90 коп. За 1905 и 1906 гг. поступлений не было. Не идя вразрез с волей жертвователей здания и в интересах получения ежегодного взноса в 2 000 руб. на содержание больных, желательно открыть лечебницу в означенных жертвованных зданиях.

В лечебнице Петропавловск нуждается как для самого населения, так и для постороннего элемента, каковыми являются приезжие на пароходах, матросы с военных судов и служащие коммерческих пароходов. Допуская же наплыв переселенцев на Камчатку, необходимость в Петропавловске лечебницы является и в интересах Переселенческого управления. Посему, не соглашаясь вполне

с последним мнением уездного врача Тюшова, высказанном в прилагаемом при сем отношении, я ходатайствую об открытии лечебницы в г. Петропавловске с постоянными кроватями, что согласуется и со взглядами, высказанными врачом Тюшовым в предыдущем его отношении. Причём докладываю, что, по моему соображению, настоящее здание, пожертвованное Камчатским обществом, не требует таких переделок, как это преувеличено в прилагаемом отношении врача. Оно, по-моему, вполне будет пригодно для лечебницы на 8–10 кроватей с амбулаторией и аптекой, оставляя в нём квартиру для врача и акушерки, при небольшой сравнительно переделке и приобщении помещения, занимаемого ныне фельдшером. Квартира для последнего может быть устроена в здании, предназначавшемся для бани. В нём три больших комнаты — две жилых, изолированных друг от друга, а третья может быть превращена в кухню. В квартире, ныне занимаемой фельдшером, свободно может быть помещена аптека, амбулатория, комната для прислуги и кухня для больных.

Та же половина, где ныне помещается аптека, состоит из трёх комнат, в коих свободно разместятся десять кроватей, две же кладовые, где в настоящее время склад аптечного материала, могут быть превращены в ватерклозет, ванную и умывальную комнату для больных.

Шкафы для белья могут быть размещены в больших коридорах. Для склада же, как запасных аптечных вещей, так и прочих хозяйственных принадлежностей, может быть приспособлен имеющийся сарай.

Кроме того, для той же цели может быть приспособлено и помещение, соединяющее два павильона всего здания, которое ныне занято несуразным устройством лестницы.

Не делая здесь сметного исчисления на означенные переделки, я, тем не менее, полагаю, что на переустройство и приспособление здания для лечебницы и на заведение необходимой мебели хватит имеющихся в моём распоряжении остатков от сумм на содержание лечебницы в Петропавловске 1904, 1906, 1907 г. и от сумм, внесённых Камчатским торгово-промышленным обществом за 1904 и 1907 гг. Из всех этих денег за выдачей на хозяйственные расходы врачу в текущем году, я полагаю, останется к 1 январю 1908 г. около 5 500 руб.

Что же касается оборудования лечебницы бельём и кроватями, то таковых вполне будет достаточно тех, которые уже получены врачом из числа пожертвованных Красным Крестом.

В дальнейшем же в снабжении таковыми вещами могли бы оказать содействие морское ведомство и Переселенческое управление. Будущая Петропавловская лечебница, я полагаю, имеет право рассчитывать на постоянное ассигнование обоих этих ведомств по содержанию хотя бы пяти кроватей (три кровати для Переселенческого управления и два военно-морского ведомства). В таком случае для местного населения достаточно будет четырёх постоянных кроватей.

Рассчитывая содержание больного ежедневно в 50 коп., то содержание четверых больных обойдётся в 720 руб., на белье и прочие вещи, считая на человека 50 руб., всего 200 руб.

Жалованье трёх прислуг по 25 руб., всего 900 руб., стол трёх прислуг 540 руб., освещение и отопление только лечебницы — 1 000 руб. Значит, весь расход выражается в 3 360 руб.

Принимая в расчёт приходной статьи 1 260 руб., ассигнуемых вашим превосходительством ежегодно на содержание несуществующей лечебницы, и отпуск Камчатским торгово-промышленным обществом в 2 000 руб., если только таковой будет продолжаться, всего 3 260 руб., недостаток в 100 руб. может быть покрываем частью той экономией, которая получается от свободных кроватей, частью от установленной платы за лечение посторонних лиц, каковою я считаю для бедных по 1 руб., а для состоятельных — по 2 руб. в сутки.

Если же военно-морское ведомство и Переселенческое управление изъявили бы желание на содержание кроватей для своих больных, то они, конечно, приняли бы и часть расхода по содержанию прислуги, отопления и освещения. Кроме того, надо полагать, что по ходатайству вашего превосходительства морское ведомство не откажет на время навигации командировать в Петропавловскую лечебницу одного из морских фельдшеров и одного санитара, как это оно делает и в другие пункты, принимая во внимание, что низшего медицинского персонала во Владивостокском порту всегда достаточно. Означенные лица могли бы оставаться при Петропавловской лечебнице круглый год, ввиду имеющейся морской команды на Петропавловском маяке. На основании вышеизложенного расчёта, при строго определённых расходах, я полагаю возможным устройство и открытие лечебницы в Петропавловске на четыре кровати и в том случае, если бы и не пришли на помощь военно-морское ведомство и Переселенческое управление.

Донося о вышеизложенном на усмотрение вашего превосходительства, я, не желая стать в ложное положение по отношению

производимого расхода сумм, отпускаемых на содержание несуществующей лечебницы, но расходуемых без особого на то разрешения на отопление и освещение казённых квартир медицинского персонала и часть аптеки, — в дополнение своего рапорта от 12/15 сентября с. г. за № 702/902 вновь прошу распоряжения вашего превосходительства о высылке этих денег непосредственно уездному врачу, каковой фактически и расходует, и отчитывается в них.

Начальник уезда *Лех*

РГИА ДВ, Ф. 3. Оп. 1. Д. 663. Л. 14—16.

На первой странице на полях резолюция: «Совершенно согласен с заключением начальника уезда и требую, чтобы лечебница начала теперь же функционировать, относительно чего врачебному отделению сделать все необходимые распоряжения, а также снестись с морским ведомством и Переселенческим управлением по затронутым вопросам. Генерал-майор Флуг. 16 IV/1908 г.».

Из доклада П. Ф. Унтербергера «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края», 24 марта 1908 г.

Возрастающее от естественного прироста население России, которое по приблизительным подсчётам может через пятьдесят лет достигнуть внушительной цифры 300 миллионов, заставляет с особым вниманием отнестись к вопросу о заблаговременной подготовке земельных запасов для той части будущих поколений, которые не найдут возможности приложить свой труд в пределах Европейской России. В этом отношении для Российской Империи, не имеющей заокеанских колоний, является единственная возможность пользоваться для избытка населения земельным фондом Сибири и Дальнего Востока.

Из этого вытекает, что сохранение Сибири и Приамурья составляет для нас жизненный вопрос, так как в противном случае весь избыток населения будет уходить в иностранные пределы в ущерб нашему собственному государству.

Обладая прибрежьем Тихого океана и расположенными на нём портами, мы имеем возможность предметы нашего вывоза, преимущественно сырьё, направлять наиболее дешёвым путём на тихоокеанские рынки. Если же порты вывоза будут в чужих руках, то мы всецело будем в экономической зависимости от того государства, которое ими будет владеть, так как вывоз сырья на запад по

тысячевёрстным железнодорожным сообщениям не может выдержать никакой конкуренции, и население наше на сибирском материке будет прозябать.

Опасения за потерю нашего побережья Тихого океана кроются в мотивах минувшей войны. Япония, готовясь к ней с лишком двадцать пять лет, преследовала мысль отодвинуть Россию от моря, дабы занять доминирующее положение на Азиатском материке Тихого океана и в то же время взять с нас после удачной войны крупную контрибуцию. Она отлично сознавала, что никакая другая держава, имеющая свои коренные базы за десяток тысяч миль, ей опасным противником быть не может.

Цель эта Японией не достигнута, а между тем государственный долг достиг суммы около двух с половиною миллиардов иен при приблизительно 500-миллионном нормальном бюджете.

Признаки, что Япония не оставила свою мысль, а готовится к новым агрессивным действиям, проявляются в том, что она, тотчас по окончании войны, начала лихорадочно не только приводить в порядок расстроенные части армии и флота и их материальную часть, но ещё увеличивать как численный состав армии формированием новых частей, так и флота сооружением новых судов, с перевооружением пехоты и артиллерии. Кроме того, она усиленно занялась подготовкой баз как в Северной Корее, так и в Южной Маньчжурии, приступив в последней в то же время к сооружению стратегических железных дорог. Вся эта напряжённая деятельность продолжается и ныне, несмотря на заключение нами с ней рыболовной конвенции, торговый трактат и политическое соглашение.

Если при этом принять во внимание, что финансовое положение страны, несомненно, тяжёлое, то трудно допустить, что раз будут Японией затрачены громадные суммы на вооружение, она не постарается извлечь из этого реальную пользу, как только будет к этому готова. Нельзя с достоверностью вперёд указать, в какую сторону будут направлены агрессивные действия Японии, но нам нужно быть к тому времени готовыми, дабы события не застали нас врасплох, тем более что наши интересы будут неминуемо, прямо или косвенно, затронуты при всякой новой буре на Дальнем Востоке.

Спокойно ожидать грядущие события мы можем лишь тогда, когда нами будут проведены в жизнь все меры, необходимые для надёжного закрепления за нами Дальнего Востока. В числе этих мер первенствующее значение имеет широкая и целесообразная постановка колонизации этого края коренным русским народонаселением.

В этом отношении должно быть обращено главное внимание на заблаговременную подготовку переселенческих участков и на воспрепятствование оседанию у нас на земле корейских выходцев.

В связи с этим особо важное значение имеет также вопрос о скорейшем окончательном наделении землёй Амурского и Уссурийского казачьих войск, как только тогда можно провести грань между казачьей и крестьянской колонизацией. Расширение этого дела находится в полной зависимости от организации съёмочных работ.

По разграничению казачьих и крестьянских земель нужно будет приложить все старания, чтобы казачьи земли, расположенные вдоль границы, были бы как можно скорее заполнены переселенцами, а для этого необходимо утвердить те материальные льготы, о которых уже возбуждено соответственное ходатайство.

При отсутствии обширных подготовленных площадей для колонизации правильнее допускать сюда переселение, как на казачьи, так и на крестьянские земли, только с предварительной посылкой ходоков. При такой постановке дела в значительной степени сократится контингент разочарованных переселенцев.

В интересах края важно, чтобы сюда шли состоятельные семьи с большим числом работников в каждой из них. Чем дальше идёт заселение края, тем труднее становятся условия для водворения, и поэтому могучие семьи, как в отношении материального обеспечения, так и в отношении рабочей силы, более здесь желательны.

Если же на это рассчитывать нельзя, то вопрос о ссудной помощи должен быть разрешён в зависимости от средств, потребных для прочного водворения. С этой точки зрения, ныне выдаваемые ссуды 150 руб. при громадном проценте бедных переселенцев нужно признать, безусловно, недостаточными.

В зависимости от интенсивности переселенческого движения нужно поставить и развитие вспомогательных предприятий переселенческой организации, как то устройство дорог, этапов, складов, медицинской помощи и т. п.

Проведение Амурской железной дороги, бесспорно, произведёт громадный переворот к лучшему в деле заселения, особенно Амурской области, куда до сих пор, несмотря на лучшие почвенные условия по сравнению с Приморской областью, переселенцы идут неохотно, главным образом за отсутствием железнодорожного пути.

Если при новом столкновении на прибрежье Тихого океана наступательные действия Японии коснутся нас, то первым объектом войны будет, бесспорно, Приморская область, которую японцы постараются захватить.

Вероятно, их план действий будет: 1) занятие Южно-Уссурийского края и Владивостока с перерывом сообщения по Восточно-Китайской железной дороге, 2) занятие устья реки Амура, затем Хабаровска и 3) занятие Камчатки и вообще наших северных владений...

Далее в тексте даются сведения о возможном соотношении военных сил, возможных захватнических операциях противника, их этапах и необходимых мерах противодействия.

...Для ограждения северных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими, чему должно предшествовать подробное изучение местных условий заселяемых мест, с соблюдением со стороны новосёлов интересов старожителей.

Организация этого сложного и в высшей степени серьёзного дела требует вместе с тем водворения там местного надзора во главе с губернаторскою властью. Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников, которые, не довольствуясь предоставленными им и без того большими правами рыболовной конвенции, стремятся распространить хищническую деятельность на места, конвенцией не предоставленные. Кроме того, они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей.

При таких условиях оставлять эту окраину в зависимость от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами в отдельную область с губернатором во главе...

Из речи министра внутренних дел П. А. Столыпина в Государственной Думе от 31 марта 1908 г.

...Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснёмся, может быть, он окажется русским только по названию. Я не только говорю об Амурской области. Надо ставить вопрос шире, господа. На нашей далёкой окраине — и на Камчатке, и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того

чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её...

Столыпин П. А. Речи в Государственной Думе. 1906—1911 гг. — СПб., 1912. — С. 132—133.

В. Л. Комаров о пребывании в Петропавловске в 1908 г.

...Утром 27 мая мы проснулись перед Воротами (так называется узкий проход, ведущий в Авачинскую губу). Направо на высокой скале возвышались маячные постройки, внизу под ними уходила вдаль белая цепь бурунов, и среди её чернели, как спины каких-то животных, вершины рифов, идущих вдоль подножия стены береговых скал вплоть до Калахтырки.

На волнах качались массами птицы — топорки, урилы и кайры. Особенно красивы первые, с пёстро окрашенными перьями головы и косичкою на затылке, слегка напоминающие попугаев. Кроме того, поражает и масса чаек. Всё это пернатое царство гнездится, по-видимому, на вершинах отвесных береговых скал.

Медленно вошел «Эйтин» в Ворота, и перед нами раскинулась знакомая по описаниям Дитмара панорама: справа — скалы Три Брата, затем Лагерная и Солеварная бухты (в последней есть теперь постоянное поселение), слева — огромный утёс Бабушкин Камень и одноимённый ему мыс, за котором уже раскинулась просторная гладь Авачинской губы. Вскоре показалась вправо Сигнальная гора, а за ней — Петропавловск с его уютной небольшой бухточкой.

«Эйтин» бросил якорь не входя в гавань, так как капитан не поверил в возможность пройти благополучно через узкий, около шестидесяти сажен, ведущий в неё проход. Теперь мы стояли против створных знаков и маячного домика у устья горной речки Поганки. Здесь мы имели достаточно времени осмотреть и вынести первое впечатление.

Справа на *NO* тянулся длинный и ровный с мягкими очертаниями горный кряж с кустарными зарослями и группами деревьев, с длинными полосами и пятнами снега, особенно по руслам ручьёв, слева невысокий, но сильно скалистый Сигнальный мыс. Прямо впереди — узкая песчаная коса (кошка) с памятником «Слава» в память отражения в 1854 г. англо-французской эскадры и прислонёнными к ней лежащими на боку двумя японскими рыболов-

ными шхунами, конфискованными нашими крейсерами за неправильный лов. За кошкой самый городок и деревянная пристань Камчатского торгово-промышленного общества.

У Сигнального мыса с внутренней его стороны — угольная площадка с сараем («угольная станция» морского ведомства) и стоящим около неё почтовым пароходом «Тунгус» (так же как и наш «Эйтин», норвежский пароход, зафрахтованный Добровольным флотом для почтово-пассажирских рейсов на Камчатку). «Тунгус» пришёл ранее нас и теперь готовился к рейсу по портам Охотского моря.

На Сигнальной и идущей далее, как её продолжение, Никольской горах, отделяющих Петропавловск от простора Авачинской губы, редкий берёзовый лес, ещё без признаков зелени, и у самого мыса по берегу — зелёные кусты кедровника. Далее за Авачинской губой и ближайшими к ней горами ярко блестит на солнце своими снегами стройный конус Вилючинской сопки, а впереди из-за низкой седловины между ближайшими к Петропавловску Меженной и Петровской горами выглядывает, довершая картину, снеговая громада Коряцкой сопки.

По волновавшему меня вопросу, не опоздал ли я к весеннему расцвету растительности, видно было, что опасение это напрасно. На зеленевших кое-где среди снега и чёрной земли лужайках видны были крупные кочанообразные почки чемерицы, только что вышедшие из земли. Очевидно, налицо могли быть лишь только первые весенние цветы.

Вскоре прибыли лодки с берега. Приехали начальник уезда С. М. Лех, помощник его К. Д. Логиновский и доктор В. Н. Тюшов, автор книги «По западному берегу Камчатки». После обычных формальностей мы получили разрешение съехать на берег.

Первые впечатления от Петропавловска, как отправного пункта для экспедиции, были совершенно безотрадны. В городе не оказалось свободных помещений, которые можно было бы нанять. Маленькие домики обывателей очень тесны. Те из них, которые более или менее свободны, все наперечёт, и теперь они были заняты приехавшими ранее нас членами переселенческой экспедиции и другими лицами. Камчатское торгово-промышленное общество (кратко именуемое по всей Камчатке «Компания») относится вообще с большой предупредительностью и гостеприимством к путешественникам, но теперь большой свободный дом его был предоставлен военному губернатору Приморской области В. Е. Флугу с его спутниками. Губернатор пожелал лично ознакомиться с Камчаткой,

но так как никаких правильных сообщений в этой стране нет, то он, съездивши на «Тунгусе» в Тигиль, теперь ожидал новой оказии для какого-либо нового рейса, и предполагалось, что дом останется за ним до конца июня.

Оставался ещё временно свободный небольшой дом у западных приказчиков «Компании». Его предложили зоологическому отделу экспедиции, и П. Ю. Шмидт уже от себя любовно разрешил мне занять в нём две комнатки, если я не найду ничего лучшего. В. Н. Тюшов приютил у себя В. В. Круга и С. А. Конради. Наконец в здании городского училища нам уступили помещение, но только с 10 июня.

Я воспользовался предложением П. Ю. Шмидта для своих помощников, а для работы при помощи К. Д. Логиновского нанял подённо домик, предназначенный для помещения упрощённого городского управления Петропавловска и ещё не вполне достроенный, без печи. Это был очень небольшой и совершенно пустой внутри домик в одну комнату, без сеней. Около него было пустое место, где можно было поставить палатки. Теперь я мог вернуться на пароход и приступить к выгрузке.

По другому животрепещущему вопросу, можно ли достать лошадей и проводников, оказалось ещё хуже. Общий отзыв был тот, что лошадей крайне мало и цена на них невероятно высока (100–300 руб.). Что же касается до местных жителей, то в рабочие они совсем не идут, а в проводники, пожалуй, пойдёт Пётр Карякин, так как он уже хаживал, а теперь у него умерла чахоткой жена, и дома ему делать нечего, но платить ему надо по 10 руб. в день.

Ночь на 28 мая мы провели на пароходе, утром продолжали подыскивать помещение, а днём выгружались. Груз наш был подвезён на кунгасе к пристани, где нам удалось найти несколько человек, согласившихся перенести его к городскому домику. Это были рабочие, ушедшие от одного рыбопромышленника и временно бивуакировавшие прямо на берегу.

У домика мы разбили три палатки и стали разбирать наш груз. Прежде всего, я поторопился выдать участникам ботанического отдела их научное снаряжение, чтобы не было остановки с началом экскурсий в окрестностях Петропавловска. Затем выдал И. Кайдалову всё необходимое для кухни и поручил ему купить дров и провизии и приняться за варку пищи, так как с этого дня мы должны были столоваться уже по-походному. Товарищи мои, Безайс, Савич и Раменский, поместились в доме компании, а я и Поршняков устроились в палатках.

К вечеру были установлены важнейшие метеорологические инструменты, а в девять часов записаны первые наблюдения.

К. Д. Логиновский, желая познакомить меня с условиями предстоящей работы, пригласил в управление, где мы с ним беседовали, проходившего мимо В. П. Карякина, уроженца Петропавловска, живущего теперь в Милькове в качестве приказчика торгового дома «Чурин и Ко». Карякин сообщил, что свободные лошади есть только в самой глубине Камчатки, а именно в Толбачике и Козыревске, и нанять их можно только на месте. Мильковские лошади заняты всё лето перевозкой товаров из Петропавловска в Милькове; берут за это от 5 до 8 руб. с пуда, что составляет при шести пудах груза (преимущественно муки) и двухнедельном рейсе более 200 руб. заработка в лето на каждую лошадь, причём лошади всё время поездки идут на подножном корме. Во всех же остальных местах лошадей ничтожное количество, и нанимать их можно только от деревни до деревни по тракту.

Мильково, по его словам, богаче и лучше обставлено, чем Петропавловск. Кругом хороший строевой лес, обширные сенокосы и выпасы, обилие рыбы, дичи и пушнины. Посевы ячменя, единственного хлебного злака, несколько привившегося в Камчатке, теперь брошены. Сохранились они только в Ключевском селении, где условия им более благоприятствуют. Вообще посевы эти явно невыгодны для населения и, отрывая его от заготовки на зиму рыбы, нередко бывали причиной голодовок. Континентальный климат в долине Камчатки сравнительно с Петропавловском, ранняя весна и более жаркое и сухое лето, а также бесснежная зима с сильными сухими морозами были хорошо подмечены Карякиным.

В ближайшие дни я окончательно выяснил наше положение, совершенно исключавшее возможность правильного караванного движения вглубь страны.

С помощью В. Н. Тюшова удалось наметить следующий план работ на первое лето, исходя, прежде всего, из их исполнимости. Экскурсия вокруг Петропавловска до первой возможности переехать через Авачинскую губу в Тарьинскую бухту. Затем перебраться в долину реки Паратунки, столь заманчиво описанную Дитмаром, и насколько удастся далеко, на запад, в сторону Большерецка, и везде, где только представится малейшая возможность, делать боковые экскурсии, особенно в южном направлении.

29 мая после утренних метеорологических наблюдений я отправился осматривать ближайшую к нам Никольскую гору. Гора эта заповедная. На ней в память событий 1854 г. (нападение

англо-французской эскадры в Крымскую войну) запрещено рубить деревья. Она невелика, к морю обрывается почти отвесно, к городу более полого, и с этой стороны сплошь поросла эрмановской берёзой и местами ольховником. Почва её с поверхности (в лесу) одета глубоким слоем вулканического песка, на котором лежит слой берёзовых листьев от последнего осеннего листопада, слой песка легко осыпается.

Травяная растительность состоит из многолетников, побеги которых пробиваются сквозь слой песка, а корневища спрятаны глубоко в коренной почве, дёрна почти нет...

Часть склона, обращённая к внутренней гавани Петропавловска, лишена деревьев и задернована, но также пересыпана вулканическим песком, который здесь называют «дресвой».

Осмотрев лесистый склон Никольской горы, я спустился на перешеек, отделяющий её от Сигнальной горы, к пороховому погребу, мимо памятника Лаперузу, и оттуда к морскому берегу. Невысокий обрыв перешейка к морю сложен толщей наноса, который внутри страны я без колебаний назвал бы речным, так как он состоит из иловато-глинистых песков и гальки (В. Н. Тюшов ещё раньше обратил внимание на это оригинальное явление и предлагает объяснить его, исходя из того предположения, что Авачинская губа образовалась через затопление большой кальдеры, то есть размытого кратера опускания, и что когда-то река Авача могла протекать здесь.)

Со стороны моря обе горы очень богаты утёсами и оползнями больших размеров, причём оползание уничтожает дёрн нацело. Скалы эти зеленоватого цвета, образованы породой, похожей на хлоритовый сланец...

У берега под скалами узкая полоса песка, затопляемого приливом, с массою известковых скорлупок морских ежей, морскими звёздами и раковинами. Во время прилива здесь пройти нельзя, так как основания скал в воде, а карабкаться по ним очень трудно.

За Никольской горой, по направлению к мысу Меженной горы тянется выровненная по прямой линии низкая песчаная коса, отделяющая от моря глубокую часть бухточки, превращённой, таким образом, в озеро. Коса прикрыта снаружи валом из гравия, середина же её, совершенно ровная и плоская, задернована; на ней местами небольшие заросли шиповника с примесью жимолости и других растений. Ближе к Никольской горе, вдоль озёрного берега, устроено летнее становище для части собак Петропавловска, привязанных здесь к кольям, и амбарчики для сушки и хранения

рыбы. Здесь же, на берегу, сохнут сети, так как отсюда ездят на ботах в море ловить рыбу.

Коса прорезана небольшой речкой, по которой стекает излишек вод из озера (впадают в него два ручья). В отлив она имеет быстрое течение, но во время прилива морские волны идут вверх по ней и проникают в озеро. Последнее очень мелко, солёное, сильно заросшее водяными травами, в протоке валяется по берегам много выброшенных приливом водорослей, указывающих границу отдельных приливных волн. Вдоль по косе проложена тропа, ведущая на Сероглазку и Авачу, и через протоку перекинут утлый мостик для пешеходов и собак с нартами.

Горы за озером, массивная сланцевая с лавовыми (андезит) покровами вверху Меженная и сланцевые Зеркало и Петровская, ещё с большими пятнами и полосами снега и чёрными пятнами зарослей кедровника, коё-где сохранили остатки берёзового леса, густо покрывавшего их во времена Эрмана, и большие рощи безлистного ещё ольховника. По склону Меженной горы среди кустарника уже цвели «кукушкины тамарки», легко было отличить обе саранки, игравшие ещё так недавно видные роли в камчатском хозяйстве.

29 мая — начало циклона. С утра туман заволок всё. Поднявшись, он перешёл в сплошной полог низких туч. Заморосило, и вскоре пошёл обильный дождь, затянувшийся на весь день. Безветрие полное, барометр ещё высок (759 мм). 30 мая утром идёт снег, хотя минимальный термометр показывает всего ноль, и вода нигде не замёрзла. Снег ложится тонким слоем, частью тут же тает, а на склонах, обращённых на юг и более прогретых, его вовсе незаметно. Около девяти часов утра ветер, сопутствуемый крупным дождём, превращается в ураган. Температура за весь этот день не поднималась выше четырёх градусов. Ветер очень сильный, шквалистый. Отдельные порывы, особенно сильные, срывают крыши. Дождь мелкий до четырёх часов дня.

Часов в одиннадцать, когда я был у В. Н. Тюшова, совещаясь с ним относительно плана работ, пришёл Э. К. Безайс и сообщил, что ветер приподнял крышу нашего домика, сместил на сторону верхний венец сруба, а дощатый потолок обрушился на наши пожитки. Того и гляди, весь дом рухнет. Пришлось, с согласия П. Ю. Шмидта, спешно перебираться в занимаемый им дом Компании, причём для переноски вещей Кайдалов удачно нанял японцев, бивуакировавших на берегу и снятых перед тем нашим охранным судном «Шилкою» с рыболовной шхуны, производившей незаконный лов.

С большим трудом разместились мы теперь в небольшой комнате, а частью в кухне, так как около этого дома палатки поставить было негде. В работе я здесь испытывал совершенно невыносимое стеснение, имея в своём распоряжении лишь один угол комнаты.

Метеорологическую станцию мы также перенесли, разместив инструменты в палисаднике при доме...

Общее впечатление от Петропавловска — прежде всего его миниатюрность. И занятая им территория, сжатая между двумя горами, бухтой и озером, и гавань, или ковш, где три современных судна помещаются уже с трудом, и постройки — всё это крайне невелико. Если бы в стране возникли источники благосостояния для значительного населения, явилась бы отпускная торговля и город стал развиваться, то на теперешнем месте это было бы возможно лишь в крайне ограниченных пределах. Кроме того, и запас имеющейся в городе пресной воды из ручьёв крайне ничтожен, хотя вода эта и хорошего качества.

Самый город состоит из главной улицы, тянущейся вдоль подножия кряжа, составляющего продолжение Петровской горы мимо ковша, и из перпендикулярных к ней переулков, поднимающихся на незначительное расстояние в гору. Вверху намечена вторая улица, параллельная первой, но домов на ней очень мало.

Сад в городе только один (из тополей) — при доме начальника, построенном при восстановлении Петропавловска после разорения его в 1855 г. англо-французской эскадрой на месте дома губернатора В. С. Завойко. Есть ещё палисадник при новом соборе, также небольшом, деревянном, в стиле деревенских церквей. Из домов выделяются только два дома компании: «нижний» и «верхний» (то есть находящиеся на Главной и Верхней улицах), училище и дом, где помещаются казённая аптека, амбулатория и квартира медицинского персонала.

В палисадниках, которые имеются лишь у немногих домов, кое-где тополя, берёза, черёмуха, бузина, смородина и крыжовник. Огороды ещё не засеяны и лишь частью вскопаны; ожидают конца заморозков, которые совпадают обычно с 10 июня.

Солёное озеро, находящееся у северного конца города, которое Дитмар называет в своей книге Верхним, а жители зовут теперь Култучным, как я уже упоминал, мелко и является плодом многолетней работы зимних прибоев и штормов, насыпавших кошку между мысами Никольской и Меженной гор и отрезавших от моря узкую и глубокую бухточку. Оно имеет форму, близкую к форме треугольника, образованного подножиями гор Меженной и Петров-

ской и кошкою. Наиболее неправильной, сильно вогнутой является линия, соответствующая подножию Петровской горы. Противоположная морю вершина треугольника вытянута в узкий залив Култук.

Озеро довольно засорено, дно его покрыто густым слоем ила. По берегам, особенно у подошвы Петровской горы, у самой воды всё ещё (31 мая) лежали большие, мощные сугробы снега, завалившие, между прочим, и проложенную здесь тропу, ведущую далее как на Калахтырку, так и на Завойко (в современное Елизово. — *Ред.*), то есть представляющую собою начало главного Камчатского тракта.

Склоны Петровской горы, да и всех других, кроме заповедной Никольской, уже совершенно очищены жителями от леса и одеты преимущественно густыми зарослями ольховника или столь же густыми, не менее обширными зарослями рябинника. Повыше есть и тёмно-зеленые пятна кедровника. Среди кустарника немало полянок, часто пересыпанных вулканическим песком и поросших где княженикой, где злаками, особенно вейником. Нередки выходы глинистого сланца, украшенные папоротником.

В култук озера впадает небольшой ручей, протекающий среди болотистого тальвега (линия, соединяющая самые глубокие части дна долины, оврага, балки. — *Ред.*). Склоны, сходящиеся к нему со стороны Петровской и Меженной гор, пологи и одеты или редким кустарником с молодыми берёзками, или луговою порослью. Кустарниковые заросли из видов ивы и редкий луговой покров сильно пересыпаны вулканическим песком, или, по-местному, дресвой, выпавшей почти по всей южной Камчатке 17 марта 1907 г. Глубже эта долина замыкается как раз против моря пирамидальной, очень правильной горой, называемой Зеркалом. Это название придаётся в Камчатке многим горам подобной формы, но близ каждого селения только одна гора называется Зеркалом.

На середине описываемой долины переселенческая экспедиция заложила опытное поле, и, действительно, здесь хорошая защита от ветра и долина открыта на *SW*. Сверх того, на этом месте многие десятки лет проходила проезжая дорога, и почва была сравнительно сильно удобрена.

Пологий перевал между Зеркалом и Меженной горой, по которому идёт тропа на Завойку и далее вглубь страны, открывает вид на Коряцкую и часть Авачинской сопки. Между Зеркалом и Петровской горой другой пологий перевал приютил тропу, идущую на Калахтырку и к летнему поселению на реке Налачевой. За первым перевалом — небольшой пологий спуск к ручью, текущему

среди луга канавой, но довольно многоводному. Это — Малая речка петропавловцев, составляющая западный исток Калахтырки. От неё подъём с ещё более толстым и свежим слоем дресвы ведёт на гору, отделяющую долину второго истока Калахтырки. Вправо видна низменная широкая (более версты) Калахтырская долина, обрамлённая кустарными зарослями и занятая частью осоковой, частью моховой тундрой. Вдали она замыкается водами Калахтырского озера. Гребень горы далее уже одет рощами эрмановой берёзы, которых чем далее, тем больше, и открывает великолепный вид на кажущиеся очень близкими вулканические вершины Коряцкую, Авачинскую и Козельскую и седловины между ними.

Сзади открывается вид на Авачинскую губу и Вилючинскую сопку. Правее белого конуса последней виден также и плоский купол Мутновской сопки. Асачи, о которой говорит Дитмар, совершенно не видно, и я думаю, что он под именем последней подразумевал именно Мутновскую, когда говорил, что видел из Петропавловска Асачу и её извержения.

Все дальние хребты, более высокие, сплошь одеты ещё снегом, на ближних сохранились только отдельные снеговые пятна. По направлению к вулканам заметны ещё четыре хребтика, разделённых долинами и одетых березняком и зарослями ольховника. Значительных болот нигде не видно.

В хорошую погоду Коряцкая сопка видна и из Петропавловска, но по большей части или вся она, или хоть вершина её закрыта облаками. Зато с вершины Петровской горы, прямо над северной окраиной города, все три сопки видны прекрасно, так же как и Калахтырская долина и все хребтики, отделяющие её от подножия Авачинской сопки, оттуда же хорошо видна и вся гладь Авачинской губы с низменностью у устьев рек Авачи и Паратунки, Тарьинской бухтой и выходом в океан.

Окрестный пейзаж сильно отличается от того, который можно себе представить по литературным данным (Китлиц, Дитмар): рощи берёзы мелки, зонтичных мало и они не высоки, главное же то, что вместо роскошного травяного покрова всюду земля покрыта плотным слоем дресвы, сквозь который пробиваются редкие, как на дюне или на сухой степи, стебли трав и одинокие дерновины. Местами дёрн гуще, но всё же дресва есть и тут. Корневища и клубни сидят необычно глубоко, и выкапывать их трудно.

1 июня мы с Э. К. Безайсом и Л. Г. Раменским произвели пробную нивелировку, избрав для этого кошку Култучного озера. Уровень воды в озере оказался всего на 0,22 сажени выше средне-

го уровня воды в море, а самый верхний уровень, на котором лежат валики выкинутого прибоем мусора, даже на 0,22 сажени выше озёрного. Наивысшая точка профиля на 0,6 сажени выше уровня вод в озере. Это — галечный гребень, удалённый всего на 4,47 сажени от моря, так как ширина всей кошки только 26,13 сажени. Ясно, что в сильные штормы валы перекатываются в озеро, и оно становится снова частью залива. Теперь кошка растёт вширь со стороны озера, где во многих местах к ней прилегают полузалитые водой отмели, покрытые уже водой, особенно у стока и от него к Меженной горе.

Вода в море у берега и на поверхности в двенадцать часов дня 2 июня имела 9,5 градуса, тогда как в озере она нагрелась уже до 13,5 градуса.

По мягкому низовому склону Меженной горы рассеяны жалкие остатки березняка. К морю этот склон обрывается стеною сланцевых скал и глинистых оползней. Последние деятельны, и часто деревья валятся с камнями и глыбами глинистой почвы и падают в море. У подножия стены пробиваются несколько ключей, водой которых запасаются проезжающие мимо на батах люди, идущие из Авачи в Петропавловск или обратно.

На камнях в черте отлива массами залегают у подножия Меженного мыса заросли *Fucus evanescens* и морские жёлуди (животное *Baianus*). Пузыри *Fucus* с шумом лопаются под ногами. За мысом открывается красивым правильным полукругом бухта, на берегу которой, ближе к мысу, расположена Сероглазка, заселённая в 1853 г. казаками, выписанными губернатором В. С. Завойко из Гижиги. Здесь бросается в глаза благоустроенное, сравнительно с Петропавловском, собачье хозяйство, частью на земляном мыске за деревней, который весь изрыт норами, частью на небольшой кошке внизу у маленькой речки, рядом с балаганами и вешалами для хранения и сушки рыбы.

За Сероглазкинской бухтой тропа, ведущая на Авачу, пересекает ещё широкий мыс, поросший довольно старым, хотя и разреженным вырубкой, берёзовым лесом. Здесь эрмановская берёза крупных размеров, с кустами ольховника и кедровника у подножия их. Далее уже типичный пейзаж паркового ландшафта. С самого мыса хорошо видна низкая и плоская дельта реки Авачи, за которой поднимается зубчатый хребет, весь в снегу. Хребет этот я далее буду называть Быстринским, по реке Быстрой, притоку реки Паратунки, так как река эта отделяет его от других хребтов, идущих на юг, к Мутновской сопке.

В противоположную Сероглазке сторону от Петропавловска — продолжение главной его улицы, идя по склону горы вдоль морского берега, упирается в кладбище, за которым сейчас же спуск в долину реки Поганки, к зданию маяка. Верхняя часть долины Поганки раскинулась амфитеатром склонов, густо поросшим молодым березняком и ольховником с пятнами кедровника и таволожника. Везде масса дресвы. Очень нередки полянки со сплошной зарослью черемши, которую здесь, как и на всём почти пространстве Сибири, солят впрок.

Сама Поганка, составляющаяся из нескольких ручьёв, маловодная и очень быстрая речка, повыше тесно обрамлена ольховником, пониже — ивами. В тальвеге её близь устья — глубокие ямы шурфов, выбитых инженером Симоновым на золото лет пять-шесть тому назад. У моря опять песчаная коса (кошка), далее стены скал с яркобелыми кварцевыми прожилками и в одном месте тёмно-синее пятно смоляной медной руды. Среди крутого, местами даже отвесного берегового склона, между скалами и повыше их часты оползни.

Далее маленькая речка Гремучка, опять-таки обросшая ольховниками и кедровниками, и за ней высокий мыс, с которого хорошо виден густо покрытый снегом Быстринский хребет. Одна из вершин его хорошо выделяется, достигая, на глаз, приблизительно пяти тысяч футов. Это, по-видимому, гора Вачкажац, хорошо видная из Начики.

Горы южнее Тарьинской бухты также в снегу, и местами отчётливо выделяются слоистые толщи последнего. Вилючик с видимого основания своего весь в снегу. Он кажется раза в два выше, чем стоящая за ним вправо и более удалённая Мутновская сопка.

Единственный пароход на рейде (1 июня) — японский крейсер «Конго», наблюдающий за рыбными промыслами; теперь он медленно движется на середине Авачинской губы, делая промеры. В чужих водах этого не полагается, но помешать некому, так как наших судов нет, «Шилка» ушла на север, а «Маньчжур» ещё не пришёл из Владивостока. «Конго» — небольшой старый крейсер, с большой парусностью и слабо вооружён. Это скорее учебное судно, чем крейсер.

За мысом открывается вход в узкую и длинную Раковую бухту, узким языком вдающуюся в материк. На дальнем конце её колония для прокажённых, недавно перенесённая сюда из находившегося в долине реки Паратунки и затем упразднённого селения Николаевского (во время Дитмара колония эта находилась у Дальнего озера, где теперь рыбалка паратунских жителей).

4 июня наши зоологи сели на транспорт «Лицун», который должен высадить их 6-го в Усть-Камчатске. С ними уехал и Э. К. Безайс, которому я поручил тщательно обследовать остатки земледелия, сохранившиеся, как уже было сказано, только в Ключевском селении. Кроме того, он должен был осмотреть и всю прилегающую местность, чтобы вывести условия, необходимые для восстановления и развития земледелия в будущем. Я просил его вернуться обратно осенью через долину Камчатки и собрать возможно более сведений как о её природе, так и об огородной и вообще хозяйственной деятельности населения. Вместе с тем Э. К. Безайс должен был всюду, как он уже начал в Петропавловске, раздавать жителям огородные семена с обязательством сообщить затем о результатах посева. Могу теперь же сказать, что семена эти разбирались нарасхват.

5 июня и мы оставили Петропавловск.

Комаров В. Л. Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. Камчатская экспедиция Фёдора Павловича Рябушинского, снаряжённая при содействии ИРГО. Ботанический отдел. Вып. I. — М., 1912. — С. 6—22.

Представление военного губернатора Приморской области В. Е. Флуга приамурскому генерал-губернатору от 3 августа 1908 г.

Вследствие предложения от 28 июня с. г. за № 5404, доношу вашему высокопревосходительству, что, как я в том лично убедился в бытность в Петропавловске, в этом городе частных квартир нет. Казённых зданий два: уездное полицейское управление и дом, занимаемый уездным начальником. Последнее здание старо и требует капитального ремонта. Таким образом, лица будущей камчатской администрации должны будут временно разместиться в палатках, пока для них будет выстроено здание для временного их размещения. Две-три комнаты в разных домах нанять будет возможно, но маленьких, с низкими потолками, так что размещение в хорошей палатке будет удобнее, чем в таких комнатах.

Что касается резиденции камчатского губернатора в Тарьинской бухте, за которую высказалось совещание 27 ноября 1907 г., то при детальном осмотре как этой бухты, так и Петропавловска, я пришёл к заключению, что Тарьинская бухта по своим качествам представляется удобной стоянкой для военного флота, и ввиду сего, а равно и неудобств, проистекающих от близкого соседства военной гавани с городским населением, эту бухту, хотя она и представляется

удобной для города, следует сохранить для военной гавани, которая в недалёком будущем должна быть оборудована.

В г. Петропавловске действительно мало места для постройки казённых зданий будущей камчатской администрации, но посредством спланирования возвышенности разместить их будет возможно. Для расширения же города, независимо спланирования, очистится значительная площадь от засыпки находящегося близь города озера, очень мелкого, вследствие чего засыпка его не представит особых трудностей.

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 625. Л. 39—39об.

Из доклада Министерства внутренних дел «Об административном переустройстве Приморской области» от 29 октября 1908 г.

...Ввиду настоятельной необходимости в создании на Камчатке авторитарной власти для надзора за деятельностью иностранцев и ограждения от их влияния и злоупотреблений местного населения, а также для поднятия благосостояния этого населения и содействия русской колонизации, министр внутренних дел приходит к тому заключению, что областное управление в Камчатской области должно быть устроено в настоящее время на тех же, в общем, началах, которые положены в основание областной организации прочих областей Приамурского генерал-губернаторства, с некоторыми лишь отступлениями, обусловливаемыми местными особенностями.

Камчатскому губернатору, кроме полномочий, которыми пользуются губернаторы Амурской и Приморской областей, признавалось бы необходимым предоставить ещё права начальника почтово-телеграфного округа, а также право определять местожительство и районы ведения становых приставов. Прочие отрасли управления и судебную часть министр внутренних дел признаёт соответственным оставить временно на существующих основаниях, в ведении подлежащих установлений, находящихся во Владивостоке, Хабаровске и Иркутске.

Такое заключение министра обуславливается, с одной стороны, соображениями о необходимости сохранения связи и единства в заведовании лесами Приамурского края и в деятельности существующего надзора за рыбными промыслами на всём пространстве принадлежащих нам тихоокеанских вод, а с другой — имеющимися сведениями о слабом в настоящее время развитии горнопромышленности в Охотско-Камчатском крае, размеры которой не

оправдали затрат, связанных с устройством в этом крае отдельного управления горною частью.

Относительно же учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, надзор инспекции, учреждённой в Приморской области, и права, принадлежащие губернатору по общему положению о губернаторской власти, совершенно достаточны не только для настоящего времени, но и для ближайшего будущего.

Ежегодный расход на содержание управления Камчатской областью, подлежащий отнесению на смету Министерства внутренних дел, определяется в сумме 53 000 руб., причём состав должностных лиц, оклады содержания и денежный отпуск на канцелярские расходы проектируются следующие: губернатор — 14 000 руб., вице-губернатор — 6 000 руб., правитель канцелярии губернатора — 4 100 руб., заведывающий медицинской частью — 3 000 руб., заведывающий ветеринарной частью — 3 000 руб., инженер-архитектор — 2 500 руб., два чиновника особых поручений с содержанием: старший — 2 500 и младший — 2 000 руб. и два без содержания, старший делопроизводитель — 2 500 руб., два младших делопроизводителя — по 1 800 руб., переводчик японского языка — 1 800 руб., журналист (он же архивариус и экзекутор) — 1 500 руб., ветеринарный фельдшер — 1 200 руб., на канцелярские и хозяйственные расходы — 7 000 руб.

Вице-губернатор должен быть ближайшим помощником и сотрудником губернатора по всем отраслям управления. Он же будет заступать место губернатора в случае болезни или увольнения последнего, а также будет заведовать текущими делами во время поездок губернатора по области, которые, по необходимости, должны быть часты и продолжительны. На правителя канцелярии, кроме прямого его назначения заведывания канцелярией губернатора, имеется в виду возлагать исполнение обязанностей вице-губернатора в случае болезни последнего, его отсутствия или вступления в исполнение должности губернатора. Ему же предназначается роль докладчика и советника губернатора по делам общей администрации, а также по тем вопросам, для разумения которых требуется знакомство с международными договорами и обычаями.

Заведывающий медицинской частью необходим как для ближайшего надзора за врачебным персоналом, состоящим в каждом уезде области, так и для выполнения особых обязанностей, лежащих по общему губернскому учреждению и по уставу врачебному на врачебном инспекторе; он же будет заведовать в качестве старшего врача Петропавловской лечебницей. Одною из важных задач,

предстоящих названному должностному лицу, явится, между прочим, правильная постановка дела борьбы с теми болезнями, которые занимают видное место в ряду причин вырождения населения Охотско-Камчатского края, именно с сифилисом, проказою и оспою.

Заведывающему ветеринарною частью предстоит организация изучения условий и разработка плана борьбы с разорительными для инородцев эпизоотиями, истребляющими в огромном количестве езжалых собак и домашних оленей.

Сохранение этих животных является жизненным условием для инородцев, так как это их единственное средство передвижения, а олени, сверх того, дают материал для одежды и обуви. Нередки случаи, когда следствием эпизоотий бывало обнищание многих инородческих семей, слывших ранее зажиточными. Кроме того, на заведывающем ветеринарной частью будет лежать изучение условий скотоводства и вообще животноводства в Охотско-Камчатском крае для того, чтобы найти прочные научные основания для мероприятий по развитию этих отраслей хозяйства, для которых некоторые местности этого края, как, например, Камчатка, представляют благоприятные данные ввиду сравнительно мягкого климата и обилия травяной растительности.

Временные командировки специалистов для указанных целей, как показывает опыт, представляются недостаточными, так как для получения надлежащих результатов требуются непрерывные в течение ряда лет наблюдения по определённому плану. Поэтому проектируемая должность должна быть замещена лицом с солидной научной подготовкой и обладающим притом необходимыми качествами для организации нового дела. Когда этим лицом будет собран нужный материал, на основании которого окажется возможным составить более широкий план мероприятий по ветеринарной части, в помощь ему может быть командирован соответственный персонал.

В настоящее время признаётся возможным ограничиться назначением в распоряжение заведывающего ветеринарной частью одного ветеринарного фельдшера. Расход на содержание этих должностных лиц признавалось бы правильным отнести за счёт процентного сбора с гуртового скота.

Инженер-архитектор необходим как ввиду предстоящих работ по постройке казённых зданий для учреждений и служебного персонала управления областью, так и для надзора за имеющимися в северных уездах казёнными зданиями, в которых помещаются уездные управления и склады заготовленных попечением казны

припасов (соли, пороха, свинца), а также для производства дорожных изысканий и работ.

Чиновники особых поручений явятся исполнителями поручений губернатора по надзору за подведомственными ему установлениями и должностными лицами, производству ревизий и расследований, а также по сбору разного рода сведений. Число чиновников с содержанием не может быть менее двух ввиду того, что при обширности территории Камчатской области и крайней затруднительности сообщений с населёнными её пунктами, командировки этих чиновников, особенно в отдалённые уезды, по необходимости будут весьма продолжительными. Кроме того, на них предполагается возлагать, в случае надобности, исполнение обязанностей правителя канцелярии, уездных начальников и других должностных лиц.

Ввиду предстоящих камчатской администрации частных сношений с японцами и важности связанных с этими сношениями интересов, представляется необходимым иметь в составе областного управления вполне компетентного переводчика японского языка, по возможности с высшим специальным образованием.

Численный состав чинов канцелярии губернатора (три делопроизводителя и один журналист, он же экзекутор и архивариус) представляется умеренным, имея в виду, что в этой канцелярии будет сосредоточено делопроизводство по всем отраслям управления в области. По той же причине нельзя считать преувеличенным и проектируемый размер кредита на канцелярские и хозяйственные расходы, тем более что ввиду отсутствия в Охотско-Камчатском крае лиц, которые могли бы быть приглашены в канцелярию в качестве писцов, придётся выписывать таких лиц из других областей.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 497. Л. 6об.—9об.

Петропавловск — вновь областной центр
(1909—1917 гг.)
(с. 261—284)

В 1907—1908 гг. с Камчатки стали поступать тревожные сообщения: допущенные на полуостров японские концессионеры, получившие право на отлов рыбы, стали хищнически уничтожать естественные богатства Камчатки. Вместе с тем, в самой Японии начались весьма подозрительные военные приготовления: увеличивался флот, росла численность армии и усилилась пропаганда воинственных сторонников создания «Великой Японии» за счёт территорий, принадлежащих России.

В 1908 г. в Японии явно преднамеренно необычайно пышно было отмечено столетие путешествия японского разведчика Мамия Ринзо, который в 1808—1809 гг. смог не только совершить поездку вдоль западного берега Сахалина, но и побывать на азиатском материке в низовьях Амура. Уже это дало основание японским экспансионистам утверждать, что Япония будто бы имеет «исторические права» на захват Приморья! Не раз в Японии повторялись призывы о включении в «Великую Японию» и всего полуострова Камчатка!

Естественно, это не могло не встревожить многих русских патриотов — от выдающегося востоковеда Д. М. Позднеева, погибшего в сталинских застенках в 1937 г., до П. Ф. Унтербергера, автора известной монографии «Приморская область. 1856—1898».

П. Ф. Унтербергер, имя которого недавно было занесено на Почётную доску Приморского филиала Географического общества во Владивостоке, в 1908 г. написал доклад «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края», который до сих пор никогда не публиковался. Пятая часть нашего сборника включает наиболее важные отрывки из этого любопытного доклада. В нём он прямо говорит о внешней опасности, нависшей над Камчаткой, и о необходимости её быстрого заселения русскими крестьянами.

Идеи П. Ф. Унтербергера встретили двойственное отношение со стороны министра внутренних дел П. А. Столыпина, который, с одной стороны, не верил в способность Японии совершить нападение на русские дальневосточные владения, а с другой — ратовал за дальнейшее наращивание русских сил на Дальнем Востоке. П. А. Столыпин говорил: «Несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикры-

тия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией». И добавлял: «...русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света... и что ему дорог и люб восток». Он горячо ратовал за строительство Амурской железной дороги и скорейшее заселение дальневосточных земель русскими поселенцами. Он был убеждён, что таким способом он сможет ослабить опасность новой революции. Про революционеров он так и говорил: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

И неудивительно, что многие капиталисты активно поддерживали его планы. Именно поэтому известный российский капиталист П. Ф. Рябушинский решил пожертвовать немалую сумму личных денег для организации большой исследовательской экспедиции на Камчатку, которая по его надеждам смогла бы позже ускорить заселение полуострова русскими. В этой экспедиции приняли участие многие видные учёные и среди них известный ботаник Владимир Леонтьевич Комаров, впоследствии президент Академии наук СССР (1936—1945 гг.). Поэтому в нашем сборнике даются воспоминания В. Л. Комарова о его пребывании в Петропавловске в 1908 г.

Правительство пришло к выводу о необходимости больших административных перемен на Камчатке, в том числе и в Петропавловске. Поэтому сборник включает отрывок из впервые публикуемого доклада отдела общих дел Министерства внутренних дел «Об административном переустройстве Приморской области» от 29 октября 1908 г. и окончательно утверждённое Николаем II «Временное положение об управлении Камчатской областью» 17 июня 1909 г., введённое в действие в Петропавловске осенью 1909 г. (приказ от 8 августа).

На должность камчатского губернатора потребовалось найти достаточно энергичного и опытного человека. Тогда-то выбор и пал на врача-разночинца (не дворянина!) Василия Власьевича Перфильева. Правда, он был назначен временно «исполняющим должность губернатора». Был он прямым потомком знаменитого русского землепроходца XVII в. Максима Перфильева, основателя Братского острога. Но вошёл в историю Петропавловска как один из самых энергичных его администраторов. Поэтому в нашем сборнике его деятельности уделено особое внимание. В начале приводится небольшой отрывок из воспоминаний врача Фёдорова, в которых рассказывается, как В. В. Перфильев прибыл в Петропавловск осенью 1909 г. Затем следует никогда

не публиковавшийся отчёт самого Перфильева председателю комитета по заселению Дальнего Востока от 14 ноября 1910 г., достаточно ярко характеризующий его кипучую деятельность уже за первый год его службы в Петропавловске.

Далее следуют документы об установлении при нём впервые радиосвязи с Николаевском и Владивостоком, документы о создании в Петропавловске первой сейсмической станции, о начале строительства дороги из Петропавловска в Завойко (Елизово) и Большерецк, о преобразовании петропавловской школы в высшее начальное училище и другие. Заслуживает внимания записка В. Ю. Медзыховского о современном экономическом положении Камчатки и Добровольного флота как посредника в сообщениях Камчатки и записка заведующего портовыми изысканиями в Тихом океане, содержащая сведения о происходивших тогда существенных переменах в Петропавловском порте. Тут же даются впечатления Л. Н. Тамма о Петропавловске 1910 г. и заметка священника В. Мудролюбова о сложном положении на Камчатке в первом десятилетии XX в.

В 1914 г. впервые в Петропавловске была открыта типография. Она принадлежала М. М. Пономарёву. Первой книгой, изданной в ней, был подробный отчёт камчатского губернатора за 1912 г. Он сохранился во многих библиотеках нашей страны, содержит ряд любопытных сведений о жизни в Петропавловске, различные статистические сведения.

Открытие первой типографии в Петропавловске позволило начать издавать здесь с мая 1914 г. самую первую газету — «Камчатский листок». Она содержала множество любопытных сведений о жизни в Петропавловске. Некоторые выписки из неё воспроизводятся в нашем сборнике.

Первоначально предполагалось, что в сборнике будет воспроизведена первая страница самого первого номера этой газеты и ещё ряд статей из неё. Дело в том, что в ленинградской библиотеке Академии наук СССР сохранились неполные комплекты этой газеты за 1914—1917 гг. Наш заказ спас эти комплекты газеты от гибели во время пожара в библиотеке в 1987 г., но пока библиотека ещё не в состоянии исполнить наш заказ. Пришлось довольствоваться ранее сделанными выписками. Так, нами использованы сообщения о самом первом детском киносеансе в Петропавловске, о борьбе с алкоголизмом, о первом опыте пчеловодства, о показе первого видового кинофильма с изображением Петропавловска и прочее.

Часто печатались в газете стихи дочери губернатора Мономахова. Позже они были собраны в отдельную книгу. Так в Петропавловске вышло самое первое литературное издание на Камчатке.

Встречались в газете и краткие сведения о проводимых тогда научных экспедициях на Северо-Восток. Особенно активны были в эти годы горный инженер Камчатки С. Д. Оводенко, геологи И. М. Корзухин и П. И. Полевой, направленный Геологическим комитетом на Анадырь в 1912 г.

Особо значительный след в жизни Петропавловска оставило пребывание в нём участников полярной экспедиции на судах «Вайгач» и «Таймыр», которые поставили своей задачей впервые пройти Северным морским путём с востока к Европейскому Северу. В нашем сборнике рассказ о пребывании этих судов в Петропавловске даётся по воспоминаниям советского полярника Л. М. Старокадомского. Только теперь в СССР резко возрос интерес к этой замечательной экспедиции. Ещё недавно ей уделяли мало внимания лишь потому, что какое-то время в 1911 г. командиром одного из этих судов был будущий незадачливый «правитель омский» А. В. Колчак.

Завершая пятую часть сборника, необходимо кратко остановиться на предреволюционных настроениях жителей Петропавловска. Бесспорно, жажда прогрессивных перемен была свойственна петропавловцам. Среди них были и мечтавшие о революции. Но, скажем честно, подлинное революционное движение города не затронуло. Почему? Прежде всего, потому, что здесь никогда не было сознательного рабочего класса. Немногочисленные рыбоконсервные заводы были вне города. Рабочие-подёнщики же из-за острой нехватки подсобных рабочих рук были развращены относительно лёгкими высокими заработками.

В Петропавловске крайне редко появлялись, и притом на очень короткий срок, революционно настроенные матросы. До 1906 г. в Петропавловске вообще не было политических ссыльных: царские власти опасались побега политических на иностранных судах за границу. Единственным ссыльным, появившимся здесь, был бывший народоволец Николай Перлашкевич, от которого местные власти поспешили быстро избавиться, как видно из приводимых документов.

Петропавловцы хорошо знали многие тогда популярные революционные песни. Но они зазвучали в полный голос лишь после февральской революции 1917 г. Правда, мы воспроизводим один из доносов, из которых ясно видно, что в Петропавловске хорошо

знали известную песню конца 1905 г.: «Царь испугался — издал манифест, мёртвым свободу, живых под арест». Но в какой-то мере В. В. Перфильев был прав, когда он докладывал в 1912 г. правительству, что в Петропавловске фактически нет «политической жизни».

Обстановка в городе коренным образом изменилась уже в 1917 г.

Временное положение об управлении Камчатской областью (из указа от 17 июня 1909 г.)

1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов.

2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства. На неё распространяется действие Учреждения Сибирского, с изменениями и дополнениями, изложенными в нижеследующих статьях.

3. Главное управление областью принадлежит Приамурскому генерал-губернатору, а местное — губернатору.

4. Местопребывание губернатора есть город Петропавловск.

5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, врачебный инспектор (он же старший врач Петропавловской лечебницы), ветеринарный инспектор, областной инженер, чиновник особых поручений и канцелярия по штату.

Примечание: губернатору предоставляется, в случае надобности, причислять к своей канцелярии чиновников сверх штата, не более двух, с тем, чтобы к этим чиновникам при определении их были применяемы те же правила относительно пособий, кои установлены вообще для гражданских чинов, переводимых на службу в Камчатскую область, и чтобы им зачитывалось в действительную службу не более двух лет пребывания сверх штата при канцелярии камчатского губернатора.

6. Заведование врачебною, ветеринарною и строительною частями в области возлагается на врачебного и ветеринарного инспекторов и областного инженера по принадлежности. Означенные лица действуют на общих, установленных для сих должностей, основаниях. Врачебному инспектору и областному инженеру присваиваются также права врачебного и строительного отделения губернских правлений внутренних губерний, причём дела, подлежащие рассмотрению общих присутствий, означенных правлений, вносятся на разрешение губернатора.

7. Заведывание государственными имуществами в Камчатской области возлагается на камчатского губернатора, действующего на основании общих узаконений о местном заведывании государственными имуществами и казёнными оброчными статьями и об управлении казёнными лесами в империи. Подробные указания относительно условий и порядка деятельности губернатора по заведыванию государственными имуществами в области излагаются в инструкции, издаваемой главноуправляющим землеустройством и земледелием по соглашению с Приамурским генерал-губернатором.

8. Учебные заведения Камчатской области состоят в ведении губернатора, пользующегося в отношении их правами попечителя учебного округа.

9. Заведывание почтово-телеграфной частью в Камчатской области вверяется камчатскому губернатору на правах начальника почтово-телеграфного округа.

10. Учреждения и должностные лица Главного управления землеустройства и земледелия и министерств юстиции, народного просвещения и торговли и промышленности действуют в Камчатской области на существующих основаниях, причём учреждения и лица министерств юстиции и торговли и промышленности остаются в ведении подлежащих установлений.

11. Камчатскому губернатору присваиваются права военных губернаторов Амурской и Приморской областей, указанные в статьях 382, 404, 405 и 406 Учреждения Сибирского.

12. Приамурский генерал-губернатор снабжает губернатора особою инструкциею, определив в ней предметы, кои должны подлежать особой заботливости и попечению губернатора, а также круг его действий по охранению интересов империи на прибрежьях и островах.

13. В обстоятельствах чрезвычайных камчатский губернатор уполномочивается действовать всеми вверенными ему средствами, не ожидая разрешения высшего начальства, если разрешение сие не может быть отлагаемо без важного вреда или ущерба; но он обязан в то же время о принятых им мерах и о причинах их настоятельности доносить приамурскому генерал-губернатору,

14. Камчатскому губернатору предоставляется также: 1) утверждать кондиции (условия. — *Ред.*), торги, подряды и договоры между частными лицами и казною на сумму свыше десяти тысяч рублей; 2) возлагать в случае необходимости на подведомственных ему чиновников области поручения и по таким делам, которые не относятся до прямой их обязанности и 3) разрешать отпуска всем

служащим: на шесть месяцев с сохранением содержания и на год — с сохранением должности без содержания, если чиновник увольняется в отпуск в местности, отстоящие далее 1 500 вёрст от места его службы.

15. Вице-губернатор в Камчатской области состоит непосредственным помощником и сотрудником губернатора по всем частям гражданского управления и заступает по означенному управлению место губернатора в случае его болезни, увольнения или отсутствия из области.

16. В уездах Камчатской области состоят уездные полицейские управления.

17. Уездные полицейские управления образуются из уездных начальников, их помощников (где таковые положены), становых приставов и других чинов по штатам.

18. Участки для становых приставов, а равно местожительство их определяется камчатским губернатором.

19. Уездные полицейские управления в Камчатской области руководствуются при исполнении своих обязанностей общими правилами Учреждения Сибирского (ст. 45 и след.). Сыск людей и имущества в уездах Камчатской области производится порядком, установленным в примечании 1 к статье 339 Учреждения Сибирского для округ Вилюйской, Верхоянской и Колымской Якутской области.

20. Городскою полициею в Петропавловске, Охотске и Гижиге заведывают подлежащие уездные полицейские управления. Сверх того, на уездные управления возлагается впредь до введения в Камчатской области городового положения заведование городским хозяйством означенных городских поселений.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 497. Л. 216—217об.
РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 393. Л. 2об.

Телеграмма приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел от 10 августа 1909 г.

Докладываю вашему высокопревосходительству, что 9 августа на пароходе Добровольного флота «Тамбов» отправился из Владивостока в Петропавловск камчатский губернатор. На том же пароходе следуют архитектор, артели рабочих и строительные материалы для административных построек, из коих три дома предположено закончить к 1 октября, чтобы дать чинам областной администрации возможность провести зиму при сносных условиях.

Часть этих чинов отправится на Камчатку на почтовом пароходе, отходящем из Николаевска 20 августа, а другая часть в конце октября или начале ноября на военном транспорте.

Подписал генерал *Унтербергер*

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 625. Л. 205—206.

Протокол с места происшествия от 22 сентября 1909 г., г. Петропавловск-на-Камчатке

Я, ниже подписавший, казак Камчатской казачьей команды Василий Крупенин, составил настоящий протокол в следующем. В восемь часов вечера вчерашнего числа я отнёс господину начальнику уезда бумагу. Когда же я шёл обратно в управление, то увидел несколько стоящих пьяных матросов около церковного сарая, которые после моего прохода ушли на Никольскую гору.

Не прошло полчаса после того, как я зашёл в управление, я вышел на крыльцо и увидел разложенный на Никольской горе вблизи ограды училища костёр. Вокруг него сидели матросы, пели песни и играли на гармошке, а потом запели: «Царь испугался и издал манифест...», больше слов я не слыхал. Было слышно, как стучали бутылками. Проходящим двум матросам я сказал, чтобы они перестали петь и потушили огонь. Матросы ушли, но костёр не потушили, а потому я распорядился костёр потушить обходным.

Пробило двенадцать часов. Я пошёл по городу в озёрную сторону, а в это время приходил в управление благовещенский мещанин Семён Ворсин и заявил казаку Пиназину, что манджурские матросы (с канонерской лодки «Манджур». — *Ред.*) насилуют алеутку — жену Сергея Иванова.

Вернувшись обратно, часовой об этом мне доложил, и я только что хотел идти туда, как Ворсин опять заходит в управление и просит забрать матросов и говорит, что матросы его побили и изнасиловали алеутку. Я Ворсину велел вести себя туда, где матросы, но он почему-то не послушал моего распоряжения и просил только одно, чтобы я забрал матросов, а сам ушёл.

Когда я отправился, где живёт алеутка, матросов уже не было: они шли с песнями по берегу, приблизительно дальше перешейка, направляясь к судну. Я взял казака Варнавия Косыгина и обходных, посмотреть, что делается в палатке, но там никого не нашёл, а всё было разбросано.

Сего числа алеутка Иванова заявила, что вчера ночью, часов около двенадцати пришли пьяные матросы с водкой и подняли ей

юбку на голову, но она вырвалась и убежала в дом уездного начальника, где и ночевала.

Сегодня утром, придя в свою палатку, она нашла вещи в ней разбросанными и не нашла серебряных дамских часов и двух медалей мужа. Медали были: одна серебряная на Станиславской ленте, а другая в память русско-японской войны. Одного матроса, она заявила, что знает в лицо.

Настоящий протокол представляю господину петропавловскому уездному начальнику.

Казак *В. Крупенин*

Приписка: «Конфиденциально. Копия препровождена сего 22 сентября за № 1885 командиру канонерской лодки "Манджур". *Лех*».

РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 215. Л.72—72об.

Краткая история Петропавловской больницы из её отчёта за 1909 г.

Петропавловская больница открыта на пять кроватей 26 декабря 1908 г. В 1899 г. было выражено желание построить больницу на десять кроватей Русским товариществом котиковых промыслов с тем, чтобы рабочие с Тарьинского консервного завода этого общества принимались бы и лечились бы петропавловским уездным врачом, причём общество обещалось ежегодно отпускать на содержание больницы по 2 000 руб. По изъявлению на это согласия господина губернатора Приморской области, означенное Товарищество выстроило двухэтажное здание для больницы, баню, сарай и анатомический покой.

Вновь названное здание названным товариществом в 1902 г. было занято квартирами врача, фельдшера, акушерки и аптекой. 30 октября 1907 г. за № 1316 начальником уезда совместно со своим помощником было возбуждено ходатайство о необходимости открыть больницу в Петропавловске, для чего указывались нужные переделки в имеющемся здании.

На это последовало приказание приморского губернатора весной 1908 г., чтобы открыть больницу на десять кроватей в том же здании с некоторыми переделками и с переводом квартиры фельдшера во флигель, но с приездом в Петропавловск летом господина губернатора Приморской области это распоряжение им снова было отменено. При чём была возбуждена переписка о высылке обе-

щанных РТКП ежегодных взносов по 2 000 руб., каковых за ними считалось невнесёнными за 1903, 1905, 1906, 1908 гг. 8 000 руб.

Но так как названное общество считало бы своим долгом делать обещанные взносы только при функционировании больницы, то понятно, что расчёт на получение 8 000 руб., не имея больницы, был неосновательным...

Камчатским торгово-промышленным обществом, как преемником дел РТКП, было отпущено всего 4 000 руб. в 1904 и 1907 годах...

РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 2. Д. 52. л. 2—2об.

Доклад канцелярии приамурского генерал-губернатора от 14 мая 1910 г.

В представлении от 14-го минувшего апреля за № 667 камчатский губернатор возбудил ходатайство о введении в г. Петропавловске Камчатской области упрощённого общественного управления с присоединением к нему селения Калахтырки и наделения города выгонной землей в размере около 250 квадратных вёрст по обеим сторонам Авачинской губы и рыболовными угодьями — всей Авачинской губы с принадлежащими к ней бухтами и заливами.

Из рассмотрения этого представления с приложенными к нему документами усматривается, что при введении упрощённого общественного управления для выбора установленных... 12–15 городских уполномоченных имеется свыше семидесяти лиц, имеющих право голоса на сходе местных домохозяев, то есть количество, достаточное для выбора этого числа уполномоченных.

Принимая же во внимание право участия в выборах представителей тех ведомств, которые будут собственниками казённых построек в Петропавловске (внутренних дел, народного просвещения, юстиции, земледелия и землеустройства), можно надеяться, что в уполномоченные будут выбраны и представители интеллигенции, которые будут руководителями городского хозяйства.

Обширность намеченного к отводу участка выгонной земли, по объяснению губернатора, вызывается, во-первых, вблизи Петропавловска вырубленным и имеющимся ныне только на противоположной городу стороне Авачинской губы лесом, во-вторых, значительностью в запроектированных участках непригодных к использованию в ближайшем будущем болот, кочковатых, мокрых низин, оголённых возвышенностей и, в-третьих, желательностью наделения

города соответствующими настоящей и будущей потребности количеством сенокосов.

Отвод городу рыболовных угодий Авачинской губы, в которой Управлением государственных имуществ было в минувшем году образовано восемь рыболовных участков и три засольных, а использованы арендаторами первых пять и вторых два (причём за добытую рыбу в доход казны поступило 1 382 руб. 75 коп.), мотивируется необходимостью дать городу средства на удовлетворение обширных нужд благоустройства, которое ныне в Петропавловске совершенно отсутствует.

Отвод рыболовных угодий обуславливается безусловным подчинением города в деле эксплоатации их всем требованиям рыболовного надзора, имеющим целью охрану рыболовных богатств, и предоставлением жителям расположенных по берегу Авачинской губы селений права беспрепятственного лова рыбы в прилегающих к их селениям прибрежных водах исключительно для собственного потребления.

Соглашаясь в общем с приведёнными камчатским губернатором доводами относительно необходимости введения в г. Петропавловске упрощённого общественного управления на изложенных в представлении за № 667 основаниях, канцелярия, со своей стороны, полагала бы:

1. Отвести городу выгонные земли и рыболовные угодья, согласно проекту губернатора, не в постоянное владение, а пока лишь во временное пользование с тем, чтобы вопрос о земле и рыболовных угодьях, подлежащих окончательному закреплению за городом, был пересмотрен примерно через пять лет.

2. Предоставить областной администрации право в течение пяти лет безвозмездно занимать и намечать для будущих нужд казны свободные участки селитебной и выгонной земли для надобностей ведомств и

3. Предоставить жителям расположенных на берегу Авачинской губы селений право в местах, указанных городом, независимого лова рыбы для собственного потребления, также и для продажи, при условии производства лова исключительно членами собственной семьи или с помощью одного наемного рабочего в тех семьях, в которых нет полносильного работника.

Об изложенном канцелярия представляет на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Правитель канцелярии

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 677. Л. 24—25.

Первый год деятельности губернатора Камчатской области В. В. Перфильева по отчёту председателю комитета по заселению Дальнего Востока Министерства внутренних дел от 14 ноября 1910 г.

Вследствие предложения от 11 декабря минувшего года за № 20, полученного мною 20 марта с. г., прежде всего имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что ответ на указанное предложение был замедлен мной по следующим соображениям: предложением требуется подробное освещение всех вопросов и дел, касающихся заселения Камчатской области, или иных мер укрепления в ней русского дела.

Прежде чем возбуждать такие вопросы, мне необходимо было ознакомиться с Камчаткой личным осмотром и уяснить себе некоторые вопросы, до сих пор остающиеся спорными относительно её колонизационного значения. Само собой понятно, что подобное ознакомление возможно только в летнее время. Я назначен исправляющим должность губернатора Камчатской области 22 июля минувшего года. Прибыл в г. Петропавловск, привезя с собой строительные материалы для первых домов, 16 августа, то есть в конце лета. Первое время прошло в организации строительного дела, так как нужно было спешить построить до зимы хотя два-три дома. Иначе негде было бы зимою жить.

Разъезжать было некогда. Я мог отлучиться из г. Петропавловска только на короткое время, на один-пять дней, в каковые поездки и ознакомился с ближайшими к г. Петропавловску районами, а также и с Командорскими островами. Большую же поездку вовнутрь полуострова пришлось отложить до следующего года.

Истекшим летом я провёл один месяц на западном берегу Камчатки, детально знакомясь с местным рыбным промыслом (отчёт по этой поездке представлен генерал-губернатору 17 августа за № 2143, а теперь представляется за № 3178 полный отчёт по всему рыбному промыслу в водах Камчатской области за истекший рыболовный сезон). Затем с 22 августа по 22 сентября я совершил частью верхом, частью на батах (выдолбленных из бревна лодках) поездку внутрь Камчатки от Петропавловска до Усть-Камчатска для ознакомления с бытом местного населения и выяснения пригодности долины реки Камчатки для земледельческой культуры (только здесь сохранились некоторые зачатки земледелия, которые там усердно насаждал в своё время адмирал Завойко), также заселения её русскими переселенцами.

Только совершив эти поездки, на основании личного ознакомления я могу высказать своё мнение по вопросу колонизации Камчатки и вообще об укреплении в ней русского дела.

Тем не менее, в октябре месяце минувшего года, воспользовавшись пребыванием в г. Хабаровске министра финансов, я, находясь также в г. Хабаровске, представил государственному секретарю Коковцеву на основании своего предварительного ознакомления с Камчаткой краткую записку о положении полуострова. Копию этой записки (от 17 октября 1909 г. за № 50) долгом считаю при сем представить вашему высокопревосходительству.

Главнейшие нужды камчатского населения, стоящие в тесной связи с вопросом о заселении Камчатки, касаются, прежде всего, поднятия народного образования и народного здравия, борьбы с алкоголизмом, уяснения сельскохозяйственных условий Камчатки (устройство ферм) и постройки дорог. По всем этим вопросам мною уже были сделаны своевременно представления.

Министра народного просвещения (25 февраля с. г. за № 529) я просил об отпуске средств на постройку для начала двух сельских школ, а также и на содержание их. На постройку 10 000 руб. уже отпущены, а вопрос о средствах на содержание, по уведомлению департамента Министерства народного просвещения (от 17 июня за № 17/247), задерживается сношениями с Министерством финансов. Отпущено также 11 500 руб. на постройку дома для учительских квартир при городском училище, и дом уже строится. Кроме того, согласно моему ходатайству отпущен добавочный кредит на увеличение содержания учителям в текущем году, но не выяснено, будет ли этот отпуск ежегодным. Посему сделан запрос в департамент Министерства народного просвещения 7 октября с. г. за № 1931, но ответ пока не получен.

Относительно реорганизации врачебной деятельности в Камчатской области я сделал представление главному начальнику края 24 февраля с. г. за № 479. Кроме того, по вопросу земского отдела, вызванному газетной корреспонденцией о безотрадном положении северных инородцев, и в частности врачебного дела в области, я донёс министру внутренних дел 28 октября за № 2910.

Законом 21 июня с. г. внесены небольшие изменения в медицинскую часть области: отпущено 1 500 руб. на содержание лечебницы в г. Охотске. Увеличен отпуск для Петропавловской лечебницы (доведён также до 1 500 руб.) и учреждена одна должность фельдшера с окладом 760 руб. Но при том печальном положении,

в каком находится медицинская часть (из всех вакантных [ставок] врачей занята только одна, да и этот врач сейчас находится в отпуску и собирается перевестись), конечно, эти изменения не могут иметь никакого существенного значения.

Точно так же не поможет делу и присылка минувшим летом командированных сюда семи сестёр милосердия. Как врач по образованию, имевший много дела с сёстрами милосердия, я высоко ценю их скромную работу по уходу за больными, как низшего медицинского персонала, назначаемого в помощь врачам. В местных камчатских условиях, где трудно иметь какую-нибудь прислугу для ухода за больными, сёстры действительно являются незаменимыми, и я с глубокой благодарностью отношусь к самоотверженной работе сестёр Кашиной и Волковой, командированных в 1908 г., работающих — одна в Петропавловской лечебнице, другая — в колонии прокажённых.

Но посылка сестёр милосердия в уезды для самостоятельной практики, как пришлось сделать с вновь командированными сёстрами, является только паллиативом, дорого сравнительно стоящим, но не достигающим цели. Только две из командированных сестёр работают более или менее долго в лечебных заведениях и могут подавать самостоятельно какую-либо помощь. Одна из них может даже заменить акушерку, остальные же откровенно заявили, что лечить население не могут, так как не имеют для этого нужных знаний. К этому нужно прибавить, что на снабжение сестёр медикаментами не было отпущено ни копейки, как и на разъезды их.

Не могу также умолчать относительно отпуска средств на лечебницы. Содержать лечебницу на 1 500 руб. по местным условиям совершенно невозможно. Если Петропавловская лечебница до сих пор существует, то только потому, что до 1909 г. она, в сущности, не была открыта, и врач ограничивался амбулаторией. За это время скопились кое-какие сбережения, которые сейчас и проживают. К тому же давало ещё Камчатское торгово-промышленное общество 2 000 руб. Теперь оно денег не даёт. Если отпуск не будет увеличен, единственную в области лечебницу придётся закрыть.

Стоимость содержания лечебницы в представлении моём генерал-губернатору исчислено по самому скромному расчёту. Кроме того, я вошёл с представлением к генерал-губернатору о командировании на Камчатку в будущем году глазного отряда, в котором здесь крайняя нужда. Благодаря антисанитарной обстановке камчадальского жилья, болезни глаз широко распространены среди местного населения. По данным Переселенческой экспедиции,

собранным в минувшем году по западному берегу, в двадцати шести селениях с населением в 2 482 души оказалось 312 всевозможных калек, в том числе совершенно слепых 24 чел. То есть, из ста человек жителей один обязательно слепой. При летней поездке моей вовнутрь Камчатки собраны сведения по восемнадцати селениям с населением 1 178 душ, из которых оказалось больных глазами 559 чел., а слепых 10 чел.

Ввиду изложенного, осуществление в возможно полном объёме моего представления за № 479 об улучшении медицинской части в области является крайне важным и необходимым.

По вопросу о борьбе с пристрастием населения к спиртным напиткам мною представлено приамурскому генерал-губернатору 23 марта с. г. за № 565.

Относительно устройства на Камчатке сельскохозяйственных ферм и постройки дорог было сделано представление ему уже 17 апреля минувшего года за № 2787.

На устройство ферм в текущем году было отпущено 10 000 руб. (испрашивалось 15 000 руб.). Ферма в настоящее время уже устроена в четырёх верстах от г. Петропавловска. За поздним временем вследствие позднего отпуска кредитов в текущем году сделаны лишь небольшие распашки целины: в самом г. Петропавловске при городском училище, на ферме и в селении Завойко (в двадцати шести верстах от г. Петропавловска). Кроме того, в половине августа сделаны пробные озимые посевы около г. Петропавловска на старой пашне Переселенческой экспедиции и в селении Завойко на огороде одного из жителей. Смета на содержание фермы представлена генерал-губернатору 18 августа с. г. за № 2077.

После объезда Камчатки я пришёл к заключению о необходимости устройства ещё одной фермы в долине реки Камчатки в селении Ключевском. Ходатайство мною возбуждено 17 минувшего октября за № 2787. Если две такие фермы проработают систематически, а не урывками, три-четыре года, полагаю вопрос о возможности в Камчатке земледельческой культуры получит достаточное количество материалов для того или иного решения.

На устройство дорог приамурским генерал-губернатором из имеющихся в его распоряжении кредитов было отпущено мне 1 500 руб. Цифра эта слишком мала, и я уже вошёл с представлением об отпуске в будущем году ещё 10 000 руб.

Затем 14 апреля с. г. за № 667 я возбудил ходатайство о введении в г. Петропавловске упрощённого городского общественного

управления и о наделении города землёй и рыболовными угодьями. Скорейшее разрешение этого вопроса настоятельно необходимо, так как без общественного управления и без земельной собственности город не может правильно и успешно развиваться, что не может не отразиться отрицательно и на общем росте и укреплении русского дела в области.

Кроме того, мною сделано представление генерал-губернатору от 31 минувшего октября за № 2978 о снаряжении экспедиции и отпуске средств на исследование ископаемых богатств Камчатской области, в частности реки Анадырь и Чукотского полуострова, а также и полуострова Камчатки.

В минувшем октябре (13-го числа за № 2057) я возбудил перед генерал-губернатором ходатайство об отпуске средств на прорытие косы, образовавшейся при устье реки Камчатки, с образованием, таким образом, нового устья. Вопрос этот имеет жизненное значение для населения реки Камчатки и давно уже назрел. Удовлетворение этого ходатайства без замедления крайне необходимо.

Что касается вопроса привлечения русских переселенцев на Камчатку, то дело это требует чрезвычайной осторожности и осмотрительности. Камчатка, несомненно, дивная страна по красотам природы, но насколько велики её естественные богатства, едва ли можно сейчас дать сколько-нибудь положительный ответ. Пока эти богатства выражаются в безусловном обилии рыбы в охотско-камчатских водах и в относительном избытке пушного зверя. Рыбные богатства в настоящее время уже широко эксплуатируются массой морских и речных промыслов на всех берегах камчатских вод. Ежегодно вылавливается до 15 миллионов штук лососёвых. Такой лососёвый промысел начался с 1907 г., и нельзя сказать, что он не отразился на количестве рыбы в камчатских реках.

При упомянутой поездке в Усть-Камчатск я наблюдал лично следующее явление. Путь лежал вверх по реке Аваче, реке Корякской, а затем по реке Быстрой (начала реки Большой), а далее, после перевала через Восточный хребет, по реке Камчатке. При проезде вверх по реке Быстрой меня поражало обилие рыбы, которая целыми стаями беспрепятственно перед нерестом ходила по заводям реки или, окончив икрометание, истощённая и уснувшая, неподвижно стояла на поверхности реки в тихих местах её.

По перевале на реку Камчатку картина резко изменялась: рыбу удавалось видеть свободно гуляющей только небольшими группами,

а иногда и прямо единицами, а население во всех расположенных по реке Камчатке селениях, хотя и запаслось нужным количеством рыбы, но жаловалось на оскудение её, на то, что она уже ловится с трудом и большими усилиями, а о прежнем избытке её нет и помина.

Объяснение, по-видимому, заключается в следующем. На реке Большой ещё не было в текущем году ни одного промысла, а в реке Камчатке их два в самой реке (Крамаренко и Бирича) и три у самого устья реки со стороны моря. Рыбы ими в текущем году выловлено до полумиллиона штук. То же замечается, хотя и не так резко, и в других реках.

Так как количество промыслов с каждым годом увеличивается, то исследование их и вообще изучение рыбных богатств камчатских вод за недостатком рыболовного надзора, можно сказать, не производится, то мы, несомненно, рискуем оставить Камчатку рано или поздно без рыбы. Об усилении промыслового надзора, одновременно с отчётом по рыбному промыслу текущего года, я теперь вновь представляю главному начальнику края (16-го сего ноября за № 2188).

Что касается пушного зверя, главным образом соболя и лисицы, которыми славилась Камчатка, то уменьшение этих ценных животных замечается уже давно и отмечается местным населением. А теперь, когда, с одной стороны, увеличивается количество населения, а с другой — начинается вырубка лесов в силу необходимости, количество зверя, очевидно, будет всё менее и менее.

Между тем на рыбе и пушнине пока держится весь жизненный уклад Камчатки. На них она строит и создаёт всё своё благосостояние. Вялый и инертный, трудновосприимчивый, невежественный и безграмотный, сотни лет живший в беспросветной темноте камчадал только в следующем, теперь подрастающем поколении, быть может, приспособится к новым условиям жизни и найдёт новые источники существования. Теперь же лишить его рыбы и соболя — значит обречь его на верную гибель от систематического голодания.

На Камчатке, несомненно, возможно ещё скотоводство, отчасти крайне неумело оно поддерживается местным населением, поддерживается настолько, чтобы удовлетворять собственную незначительную потребность. Для того чтобы скотоводство развилось бы до значительных размеров, необходимо иметь рынок сбыта, чтобы оно было бы выгодным. При малолюдстве Камчатки и бездорожье

её, рынком её сбыта может быть только г. Петропавловск, в окрестностях которого скотоводство, вероятно, и разовьётся в ближайшем будущем.

Вопрос о земледелии на Камчатке — это ещё вопрос будущего. Полагаю, что и теперь с уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем земледелие на Камчатке ни в коем случае не будет играть значительной роли и в лучшем случае явится лишь некоторым подспорьем для остальных отраслей хозяйства, и притом далеко не во всех районах её.

При таких условиях принимать особые меры к привлечению на Камчатку переселенцев, казалось, представляется преждевременным. Элемент положительный, трудоспособный найдёт много лучшего для себя и вне Камчатки и сюда не поедет. Разные же неудачники, лентяи, неврастеники и вообще люди, выбитые из колеи, которые нигде не могут пристроиться, едут сюда и теперь в большом количестве, и пока что, на первых порах, приходится принимать меры, чтобы оградить Камчатку от наплыва подобного элемента, который делу её колонизации принесёт только вред, а не пользу. О принятии энергичных мер против этих непрошеных «колонизаторов» я вынужден был войти с особым представлением к генерал-губернатору (31 октября с. г. за № 2979).

Нет слов, среди массы устремившегося на Камчатку всякого люда попадаются более или менее благонадёжные, которым мною оказывается содействие. Часть его зачисляется в петропавловские мещане (преимущественно мастеровые). Затем на устьях более или менее крупных рек мною сажается такой народ (преимущественно из рабочих с рыбалок), который обещает быть промысловым и создать на месте промысловых рабочих для капиталистического рыболовства.

Так пока основалась колония при устье реки Озерной (начало её было положено ещё в 1907—1908 гг.). Эти новосёлы работали в текущем году на промысле Грушецкого там же, в Озерной, и в общем заработали до шести тысяч рублей. Осядут ли они здесь прочно или уедут — поручиться нельзя. Кроме того, в текущем году я разрешил осесть колонистам и при устье реки Жупановой, где также имеется промысловая рыбалка.

Наконец, в текущем году приезжали две партии ходоков от сектантов Амурской области, по преимуществу молокане. Это народ положительный, трудоспособный, непьющий и более или менее состоятельный. Такие «колонизаторы», несомненно, для Камчатки желанны. Поэтому названным ходокам было оказано полное

содействие с тем, чтобы они более или менее подробно ознакомились с местными условиями. При этом во избежание разочарования и недоразумения они предупреждены, что разрешено будет селиться только тем, кто лично осмотрит выбранные места. Были разъяснены им также условия местной жизни и хозяйства. Указано, что на развитие земледелия на Камчатке [надеяться] пока нельзя.

После осмотра до двадцати человек (из богатых амурских сёл Толстовки, Тамбовки, Андреевки и других) изъявили желание в будущем году селиться. Место избрали за Тарьинской бухтой, по дороге в селение Паратунку. Намерены заняться, главным образом, скотоводством, продукты которого сбывать в г. Петропавловске. Из осторожности предупредил всех ходоков, чтоб не соблазняли переселением своих односельчан, пока сами не осмотрятся и не приживутся на новом месте.

А как трудно прижиться в Камчатке, можно привести следующий пример. Запасной матрос после службы на Петропавловском маяке остался в Петропавловске на постоянное жительство, женился на местной уроженке, поселился в хуторе Завойко, в двадцати верстах от г. Петропавловска. Как человек обстоятельный, скоро обзавёлся хозяйством, выстроил хороший дом под железной крышей, завёл достаточно скота. Одним словом, сделался для Камчатки образцовым хозяином, которого я ставил местным жителям в пример при посещении Завойко в сентябре минувшего года.

А весной этого года этот «образцовый хозяин» всё распродал и с женой и четырьмя детьми после восьми лет жизни на Камчатке выехал на родину в Томскую губернию. На мой вопрос о причинах ответил: «Тянет домой. Слава богу, поработал, надо отдохнуть». И так, вероятно, многие будут делать, особенно на первых порах, пока много ещё рыбы на Камчатке, да и соболя достаточно, а следовательно, разжиться при некотором старании нетрудно. Конечно, Камчатка от таких переселенцев мало получит пользы.

Ввиду изложенного, привлечение на Камчатку переселенцев требует большой осторожности. И таких же опытов, как посевы злаков, дабы предварительно выяснить, действительно ли переселенцы на Камчатке могут прочно и навсегда устроиться, и в каком количестве.

Исполняющий должность губернатора *Перфильев,*
скрепил правитель канцелярии *Щербаков*

РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 393. Л. 12—15об.

Врач военного транспорта «Колыма» Л. Н. Тамм о Петропавловске в 1910 г.

18 июня мы вошли в Авачинскую губу и отшвартовались в Петропавловске у пристани. Город за последний год сильно изменился. Появилось много главным образом казённых зданий около речки Поганки. Выстроен радиотелеграф. Понаехало много чиновников и, к сожалению, изрядное количество разных тёмных личностей, искателей лёгкой наживы, то и дело слышишь о кражах и даже убийствах, чего раньше совершенно не было.

Словом, Петропавловск с введением губернаторства резко изменился. Лишь остались возвышающиеся над Авачинской губой четыре сопки — Коряцкая, Авачинская, Козельская и Вилючинская, из которых на второй виден ясно след прошлогоднего сильного извержения в виде застывшей в форме подковы огромного потока лавы.

В Петропавловске пробыли семь дней, выгрузили весь груз, назначенный сюда, и вышли к следующему месту назначения — на Уналашку — один из Алеутских островов (из группы Лисьих), чтобы доставить оттуда в Петропавловск этнографа Императорской Академии наук г. Иохельсона с супругой, находившихся на Алеутских островах с научной целью около двух лет.

Тамм Л. Воспоминания о плавании военного транспорта «Колыма» в 1910 г. // Морской врач, 1911. № 11. — С. 323.

Извлечение из статьи П. Мудролюбова «На Камчатке», 1911 г.

...К глубокому сожалению, в настоящее время в эти отдалённые для нас края, в эти заброшенные места начинают проникать иные люди, жители иной, чуждой нам культуры и с совершенно иными целями.

Японские и американские торговцы — культуртрегеры, пользуясь младенческой доверчивостью и простотой камчатских туземцев, находят для себя выгодным, несмотря на предстоящие трудности, проникнуть в юрты этих детей природы и сделать там себе прибыльный коммерческий оборот. За самое ничтожное вознаграждение иногда в виде простых побрякушек или даже за «огненную воду» они отбирают от несчастных камчадалов плоды целого года промысловых трудов их — пушнину, преимущественно соболь и бобровые шкурки.

Отцу-миссионеру самому пришлось видеть совсем невероятные торговые сделки между этими доверчивыми, не знающими обмана детьми природы, с одной стороны, и приезжими скупщиками-торговцами — с другой. Вот один резкий пример. Какой-то лишённый совести приезжий торговец объявил по юртам, что завод, выделывающий иголки (обыкновенные, для шитья), сгорел, сгорел и мастер, один только и умеющий во всём мире выделывать иголки, и больше уж игл никогда не будет, кроме оставшихся у него, торговца. На этом основании торговец за каждую иглу получал не менее как... по собольей шкурке, стоящей и на месте, в Камчатке, 100–150 руб.

Вместе с тем население развращается и спаивается услужливыми «носителями культуры» — японцами и американцами, а также теми нашими соотечественниками, которые отправляются в качестве «искателей приключений» на далёкие окраины.

Тяжёлые дни пережила Камчатская область в недавнюю японскую войну. Японцы с особенным старанием разорили в Петропавловске кладбищенский православный храм и невообразимо осквернили святые образа и престол...

Церковные ведомости, 1911, № 42. — С. 1778—1779.
РГИА. Ф. 753. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

Из «Записки о современном экономическом положении Камчатки и роль Добровольного флота как посредника в сообщениях Камчатки с Россией» В. Ю. Медзыховского, 1911 г.

...Трудно представить себе более удобную и спокойную бухту для стоянки судов, как упомянутая Авачинская. Необычайно глубокая, с весьма удобным входом в неё, имеющая несколько больших, глубоких заливов, из коих главные Тарьинский и Раковый, бухта эта могла бы свободно вместить в себя весь мировой флот.

Основанный в 1740 г. командором Берингом и названный в честь его судов, на которых он сюда прибыл, — Пётр и Павел, Петропавловск представлял собой маленькое жалкое селение, приютившееся на склоне горы у глубокого небольшого залива, отделённого от Авачинской губы длинной узкой отмелью. Бухта эта, напоминающая собою ковш, имеет глубокий, удобный вход, казалось бы, созданный причудливой игрой природы исключительно для стоянки нескольких кораблей, могущих найти здесь безопасный приют в бурную погоду. По-видимому, это обстоятельство и было причиной основания здесь Петропавловска.

Лучшего места для его основания нельзя было найти. К сожалению, когда Камчатка была объявлена самостоятельною областью и предположено было превратить селение в административный центр, администрация, не считаясь с будущностью закладывавшегося нового города, обратив внимание на село Петропавловск, остановило своё внимание на нём. Однако место, весьма пригодное по своему положению для села, сказывается уже теперь совершенно непригодным, тесным для города. С назначением резиденции губернатора, постройкой целого ряда казённых зданий для администрации на сумму свыше 500 тыс. руб., увеличением населения маленькая площадь у бухты, названная ковшом, совершенно застроилась домами и для дальнейшего роста города места уже нет.

Вопрос о водоснабжении города весьма существенен, также даёт себя чувствовать. Местные родники, достаточные для селения, не будут в состоянии удовлетворить город водой. Наконец, ковш, так сказать, природный порт, вмещающий в себя несколько небольших судов, тесен для трёх-четырёх пароходов, имеющих надобность иногда одновременно находиться в Петропавловске.

Теперь уже трудно исправить ошибку, но ранее следовало обратить внимание на Тарьинскую бухту — часть Авачинской губы, лежащую на *SW* от Петропавловска. Громадная, глубокая, прекрасно защищённая от ветров, с избытком пресной воды и обширной ровной площадью земли у берега, Тарьинская бухта имела все преимущества на закладку здесь города...

Добровольный флот. Когда пароходы Добровольного флота ещё до русско-японской войны начали совершать рейсы в Камчатку, тогда уже возник интерес к этому далёкому краю, заведомо богатому рыбой и пушниной...

Вспыхнувшая война отрезала Камчатку вновь на два года от сношений с Россией, но затем, когда притязания Японии на Сахалин и Камчатку, как на доходные статьи, выяснились при Портсмутском договоре, Камчатка вызвала к себе всеобщий живой интерес, и правительство вновь усилило меры к экономическому развитию нашей далёкой окраины.

Самой существенной и ценной мерой явилось установление определённых постоянных сношений Камчатки с Владивостоком при помощи пароходов Добровольного флота, которым при материальной правительственной помощи вменено в обязанность совершать ежегодно определённое число товаро-пассажирских рейсов для обслуживания всего камчатского побережья с восточной и западной его стороны, а на пути в последний — и восточных берегов

Охотского моря, входящих частью в административные границы Камчатской области.

Кроме того, в последнее время для ввозки значительного числа казённых грузов, большая часть которых состояла из строительных материалов: леса, цемента, кирпича, железа, извести и труб для постройки целого ряда казённых зданий, радиотелеграфа и т. д., а также партий муки и других продуктов продовольствия, морское ведомство предоставило несколько военных транспортов, которые были заняты перевозкой этих предметов в Петропавловск и другие порты Камчатки.

Эти транспорты большой вместимости (некоторые до шести тысяч тонн), перевозя бесплатно казённые грузы и партии рабочих, имели возможность принимать ещё к бесплатной перевозке и переселенцев, частных пассажиров, лошадей и рогатый скот, и значительное количество частных грузов и товаров. Одних лесных материалов, казённых и частных, перевезено на сотни тысяч рублей.

Из статистических данных о деятельности пароходов Добровольного флота в последние два года видно, насколько сообщения неотложны и важны для экономического развития страны...

Напрашивается невольно вопрос: почему же до сих пор не развивалось само собой правильное сообщение с Камчаткой и какие причины могут помешать ещё большему развитию этой деятельности, если данные говорят за неотложную необходимость правильных сообщений и на выгодность их развития? Ибо при существовании спроса является предложение, и увеличение спроса повышает число предложений и вызывает конкуренцию.

Есть главные основания, служащие ответом на этот вопрос.

1. Южные ближайшие берега Камчатки находятся на громадном расстоянии, свыше 1 000 миль, от ближайшей нашей русской базы на Дальнем Востоке — Владивостока. Крайние же пункты, как мыс Дежнёв на восточном побережье, находятся на расстоянии свыше 2 500 миль и по западному берегу до Гижиги — 2 200 миль. Пароходы, совершающие рейсы на Камчатку, при заходе в промежуточные пункты тратят приблизительно до 2–2,5 месяцев на такой рейс, пройдя в оба конца от Владивостока и обратно по восточному берегу до 7 000 миль и западному — свыше 6 000 миль...

Частные суда. Здесь уместно упомянуть ещё о значительном количестве частных пароходов и парусников, обслуживающих Камчатку, кроме пароходов Добровольного флота.

Крупные промышленники, требующие перевозки значительных партий грузов, людей и рыбных товаров, пользуются собственными пароходами либо фрахтуют таковые для собственных нужд. Преимущество таких рейсов ясно и заключается в том, что пароход, нагруженный в полной мере, совершает прямой рейс к месту назначения и, нагрузившись там новым грузом, возвращается обратно, потратив на эту операцию минимальное время.

Из числа таких рыбопромышленников можно назвать компанию Грушецкого, имеющего два парохода-рефрижератора, компанию «Дембри и Бирич» — два парохода, Эриксон — один пароход, Камчатское торгово-промышленное общество — один пароход и другие. В текущем году, осенью, для этой же цели прибыл специальный японский пароход с осадкой 13 футов и вошёл на две версты вглубь реки Воровской (западный берег) для приёма рыбного груза.

Кроме того, вокруг Камчатки работает свыше двухсот штук парусных японских шхун, часть которых снабжена моторными двигателями. Шхуны эти обслуживают японских рыбопромышленников, все грузы которых перевозятся на Камчатку и обратно исключительно при помощи японцев. Из предыдущего следует, что частные пароходовладельцы, если поддерживают и расширяют свою деятельность на Камчатке, то исключительно в строго определённых целях и интересах частных лиц, не соприкасаясь совершенно с общими интересами края и его жителей.

Единственным связующим звеном в Камчатке с внешним миром служит пока Добровольный флот, который при помощи правительственных субсидий едва покрывает убытки, вызванные этим предприятием. Конечно, при таких тяжёлых, невыгодных условиях, о которых выше упоминалось, Добровольный флот при самом настойчивом стремлении удовлетворить все требования, предъявляемые ему Камчаткой в лице населения, не может, ибо он, как предприятие всё же коммерческое, должен считаться, если с не доходностью, то, в крайнем случае, с возмещением расходов на своё предприятие без убытков.

Из всего вышеизложенного является вопрос: что ожидает Камчатку в будущем, если сношения её с внешним миром не будут из года в год улучшаться и совершенствоваться, так как не могут являться выгодными, а скорее убыточными, для предпринимателей этих сообщений. И как будут продолжаться эти сообщения, если правительство не только не изыщет мер развития сообщений, но по чаянию прекратит совершенно свою материальную помощь

предприятию, ибо всякая помощь имеет своей целью рано или поздно поддержать известную деятельность. Такая помощь, очевидно, бесполезна, если получаются отрицательные результаты, иначе говоря, безнадёжные...

Не касаясь целого ряда мер, могущих быть предложенными для решения этого важного вопроса, которые потребовали бы обстоятельного их расследования, изучения опытными экономистами и проведения их в жизнь на опыте, надлежало бы обратиться первоначально к основам данного вопроса.

Если бы Добровольный флот мог выполнять предназначенные ему функции с той же выгодой, с какой работают пароходы Грушецкого, Дембри, Эриксона, КТПО и других, то вопрос о развитии этого, как доходного, предприятия был бы решён удовлетворительно. Между тем существуют меры, при которых это было бы выполнимо.

Каботаж. Как выше упоминалось, японские рыбопромышленники камчатского побережья обходятся совершенно свободно без помощи пароходов, пользуясь для этой цели парусными и моторными шхунами. При их помощи весной выгружают на берегах Камчатки, а осенью увозят свои заводы, людей и весь улов их в Японию. При этом необходимо ещё принять во внимание, что большинство японцев применяют к товару своему японский засол, то есть солят рыбу примитивным способом, и рыночная цена такой рыбы колеблется около одного рубля за пуд, тогда как наши рыбопромышленники употребляют японской способ засола при избытке рыбы, предпочитая засол в бочках, с рыночной ценой, превышающей во много раз цену японского засола.

Следовательно, если японцы находят выгодным возить свои малоценные грузы на шхунах, наши ценные рыбные товары могли бы перевозиться таким же способом. Правда, Япония много ближе Владивостока, но кто мешает нашим рыбопромышленникам возить свои грузы хотя бы в Петропавловск, в идеальную и спокойную всегда бухту, откуда во всякое время пароходы Добровольного флота доставляли бы эти грузы далее прямым рейсом по назначению.

Насколько бы сократился непроизводительный развоз рыбопромышленников при собирании грузов по Камчатке Добровольным флотом при наличии какого-нибудь десятка таких шхун, заработок которых, по-видимому, обеспечен, если он обеспечен у японцев. Какой громадный толчок дало бы это развитию нашего каботажа на Камчатке, без которого экономическое развитие страны немыслимо!

Централизация Петропавловска. Если мы обратим внимание на современные приёмы мировой торговли, товарообмена, то заметим, что все продукты, материалы, товары, фабрикаты стекаются к одному центру, точно речная вода, собирающаяся со всего бассейна сперва в ручьи, потом притоки и, наконец, в реку. В центре этом они подвергаются то сортировке, то обработке, и здесь, приобретая биржевую рыночную цену, вновь расходятся по главным путям сообщения, откуда по ветвям, точно по артериям, развозятся во все стороны, где имеется на них спрос.

Географические и экономические условия Камчатки таковы, что рано или поздно в ней должен образоваться такой центр, который, по всей вероятности, возникнет в Петропавловске, как самом подходящем для этого пункте. (На пароходах Добровольного флота только из Владивостока в Петропавловск было перевезено грузов и пассажиров: в 1908 г. — 14 363 пуда и 223 пассажира, в 1909 г. — 59 701/436, в 1910 г. — 102 930/671.)

Тогда главной артерией, соединяющей Камчатку с Россией, будет путь Владивосток — Петропавловск, а от последнего будет идти широкий, затем разветвляющийся на притоки восточной и западной части области.

При этих условиях главная артерия потребует более интенсивных мер и больших средств для перевозки и сообщений, затем, последовательно, средства эти будут уменьшаться, в зависимости от спроса на них в крайних далёких уголках области. Так, например, Петропавловск сообщался бы с Владивостоком при помощи известного числа пароходов определённой вместимости, которые для своих рейсов имели бы всегда готовый груз. Петропавловск же развозил бы и собирал грузы, сообщаясь со своими второстепенными центрами, как Охотск, Гижига, Анадырь и т. д., при помощи соответствующих тому, приспособленных к местным условиям меньших судов, и лишь в те периоды, в которые появлялся бы спрос в перевозке.

Далее, скажем, Охотск, Гижига, Анадырь и т. д. концентрировали бы группы своего округа, бассейна при помощи тех соответствующих средств, крупных или слабых, частых или редких, до небольшой шхуны включительно, насколько бы являлась к тому надобность.

Конечно, при настоящих условиях организация таких сообщений потребовала бы значительных средств для её осуществления и немало времени для практического и прибыльного введения её в жизнь. Но, как выше упоминалось, это единственная пока мера

для решения рассматриваемого вопроса, и вместе с тем мера, которая рано или поздно должна будет явиться реальной формой для дальнейшего развития сообщений с Камчаткой. В данном случае Добровольный флот, как единственный орган, поддерживающий эти сообщения, казалось бы, должен в своих же интересах видоизменить порядки установленных сообщений с Камчаткой, избрав Петропавловск центром, и исходя из этого учредить особый свой порядок для обслуживания Камчатки из её центра.

При этом положении Добровольный флот имел бы в Петропавловске, скажем, два парохода соответствующего типа и вместимости, которые, независимо от постоянных срочных сообщений Петропавловска с Владивостоком, обслуживали бы, по мере надобности, берега Камчатки в той мере, в которой это потребовалось бы обстоятельствами. Но этот порядок освободил бы флот от бесполезного и убыточного рейсирования целого ряда своих больших пароходов по пустым берегам Камчатки.

Уже и теперь Добровольный флот, признавая за Петропавловском его роль будущего центра, решил учредить здесь свое агентство — построить пакгаузы и пристань для ускорения и урегулирования грузовых операций. Это обстоятельство само собой уже подтверждает всю основательность изложенного выше проекта. Вот главнейшие выгоды, которые вытекали бы от такой организации сообщений:

1. Срочные рейсы между Владивостоком и Петропавловском для каждого парохода не длились бы по два и более месяца, а сократились бы до 16–22 дней, так как при прямом рейсе Владивосток — Петропавловск требовалось бы на переезд туда и обратно по семь дней с двухдневной остановкой в Петропавловске, а при заходе в Хакодате — до десяти дней с тем же сроком стоянки в Петропавловске.

2. Расписание рейсов не нарушалось бы, так как не было бы причин в громадных опозданиях пароходов, приходящих с Камчатки.

3. Сократилось бы число пароходов, потребных для срочных грузов.

4. В зависимости от последнего условия, Добровольный флот мог бы увеличить число рейсов, что крайне важно в экономических целях Камчатки, которая ныне в промежутках между двумя рейсами бывала отрезанной от сношений до двух месяцев.

5. Добровольный флот освободился бы от бесполезной перевозки от Владивостока до Петропавловска и обратно на каждом пароходе громоздких, занимающих всю палубу плавучих средств, потребных для грузовых операций парохода, то есть кунгасов и паро-

вых катеров, а также содержания и перевозки по тем же направлениям пароходных артельных рабочих, которые, как и кунгасы и катера, необходимые лишь для грузовых операций в пунктах камчатского побережья, имелись бы для тех же надобностей в Петропавловске.

Такая организация сообщения не лишала бы Добровольный флот возможности направлять особые дополнительные суда и вне Петропавловска, если посылка таких пароходов вызывалась бы наличием соответствующих грузов в тех направлениях.

Меры для централизации. Для осуществления вышеизложенного проекта потребовались бы некоторые мероприятия, главнейшую часть которых можно разделить на три категории по степени их важности и необходимости:

1. Такие главные, без которых осуществление проекта централизации Петропавловска немыслимо.

2. Мероприятия, необходимые для совершенствования дела и его развития, но которые могли бы осуществляться впоследствии, так сказать, во вторую очередь, при первой на то возможности.

3. И, наконец, ценные, существенно облегчающие вообще всякие операции по развитию сообщений Камчатской области с внешним миром и имеющие особые культурные значения для всей области.

Первая категория. Пристань. Для быстрого выполнения всех грузовых операций приходящим в Петропавловск пароходам, независимо от времени их прихода, погоды и т. д., необходима удобная пристань, у которой прибывший пароход без всякой задержки мог бы возможно скорее выгрузить весь прибывший груз и так же быстро погрузить предъявленный к обратной или дальнейшей перевозке новый. Такая пристань должна соответствовать своими размерами величине прибывающих пароходов, дабы грузовые операции могли производиться одновременно со всех трюмов.

Сооружение пристани, соответствующей данной цели, является одним из самых существенных вопросов, требующих также затраты значительных материальных средств. Расходы эти с точки зрения коммерческой могут быть весьма производительны лишь при условии значительного срока эксплуатации такого сооружения. В последнем случае, если принять во внимание то обстоятельство, что каждый пароход, прибывающий в Петропавловск, вынужден затрачивать от трёх до шести дней на грузовые операции, каковой срок может быть уменьшен наличием соответственной пристани до двух-трёх дней.

Выигрыш трёх дней на каждый пароход, или 25 стоянок пароходов Добровольного флота в Петропавловске, считая, например, в сезон текущего года, цифра эта составит 75 дней. При стоимости содержания пароходов от двухсот до трёхсот рублей в день это составит уже экономию в 22 500 руб. в год. Этот расчёт в достаточной мере иллюстрирует выгоды такого сооружения...

Пакгаузы. Существенной помощью быстрому росту грузовых операций на пристани служат пакгаузы. Строительство их должно соответствовать тому грузообороту, который имеется ввиду (по строительному уставу длина этих сооружений не должна превышать 12 саженей по длине и 6 саженей по ширине, то есть 72 квадратные сажени). Они должны помещаться возможно ближе к месту выгрузки для экономии времени и работы при переносе в них грузов.

Агентство. Как выше уже упоминалось, Добровольный флот, независимо от проекта централизации Петропавловска, признал необходимым открыть в Петропавловске своё агентство и построить собственные пристани и пакгаузы. Несомненно, что такое агентство необходимо. Прибывающее на пароходах количество грузов в Петропавловск и вообще грузовые операции уже настолько значительны, что сама администрация парохода не может в короткий срок его стоянки закончить все необходимые формальности со сдачей и приёмкой грузов, регистрацией их, сдачей по назначению, производству расчётов; составление грузовых и других документов, сортировку, приём на хранение в случае отсутствия получателя и т. д.

Кроме того, агентство является необходимым посредником между пассажирами, фирмами и лицами в справках о рейсах, фрахте, расписании, приёме грузов, денежных расчётах, претензиях и т. д. Временное выполнение всех этих функций при наличии агентства, кроме целого ряда выгод, не требующих пояснений, ускоряющих грузовые операции, удовлетворяющих грузоотправителей и получателей, отыскивая и привлекая новые грузы к перевозкам и развивая деятельность пароходного предприятия, служит вместе с ценным местным органом для исполнения или проведения всяких распоряжений, указаний, предупреждений, справок и т. д., исходящих из управления делами Добровольного флота, снабжая его нужными сведениями о положении дел, о местонахождении судов и других вопросах данного района.

Плавучие средства Петропавловска. При установлении прямых рейсов между Владивостоком и Петропавловском дальней-

шая организация сообщения камчатского побережья с Петропавловском заключалась бы в снабжении этого порта, как выше указывалось, таким количеством соответствующих по вместимости и специальным качествам пароходов, которые могли бы выполнить предъявленные к ним требования при перевозке грузов и пассажиров без замедления.

В настоящее время установить точно потребное количество пароходов весьма затруднительно, ибо это находится в зависимости от целого ряда взаимных условий, выполнение которых в соответствующей степени решает вопрос, давая ему тот или другой итог.

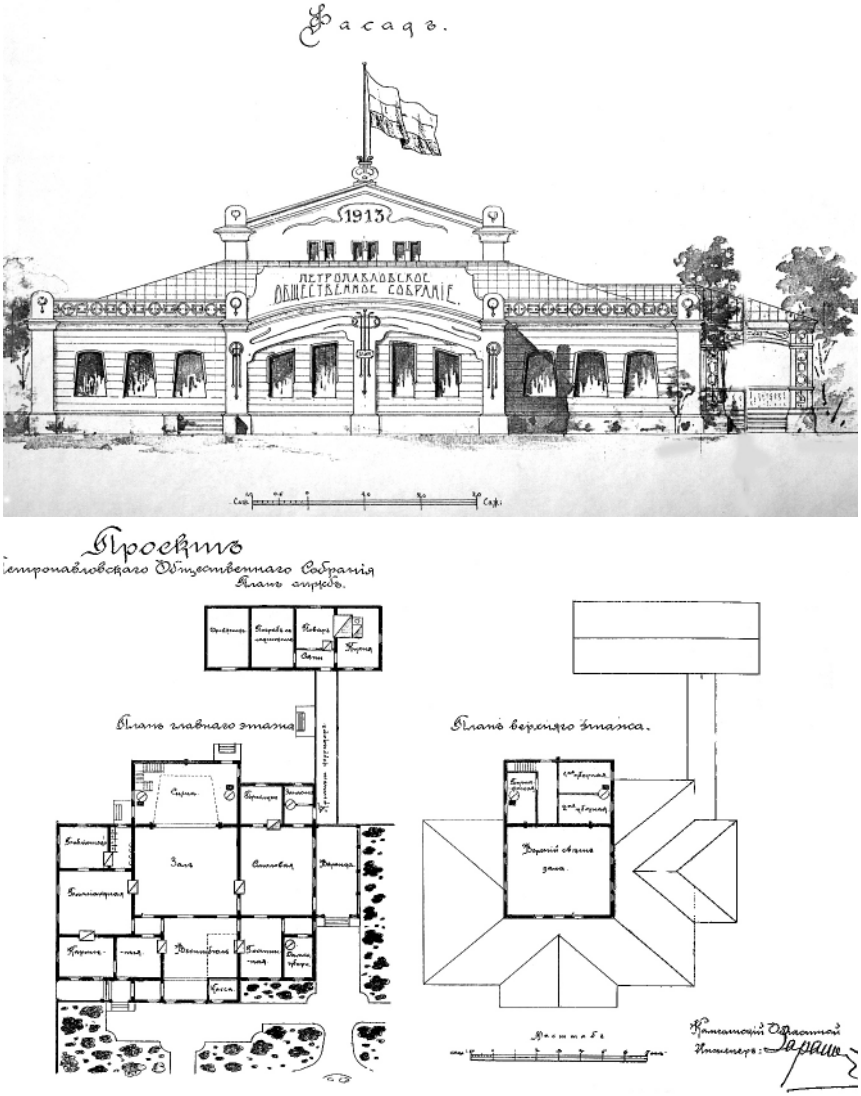
Большую роль в облегчении таковых операций будет иметь: 1) удобное оборудование пароходов для производства грузовых операций, 2) скорость хода и неглубокая осадка для возможности входа в устья рек и подхода ближе к берегу, 3) снабжение его удобными грузовыми лодками и мелкосидящими катерами для буксирования грузовых лодок, 4) снабжение парохода опытной достаточной рабочею артелью, так как существующие ныне на пароходах артели рабочих-корейцев, не видавших подчас ранее моря, совершенно непригодны для этой цели и вдобавок не знают русского языка и, наконец, 5) распределение пунктов камчатского побережья на группы, дабы каждая из них могла обслуживаться по очереди, независимо от нужд времен года, господствующих ветров, погоды и т. д., тем более что некоторые пункты требуют более частых сношений, чем другие.

При этих условиях, быть может, вспомогательные пароходы могли бы служить большой помощью и [быть] специально посылаемыми с большими партиями грузов в отдельные пункты Камчатки, ускоряя их операции, то есть содействуя подвозу и выгрузке грузов и снабжая их достаточными плавучими средствами и рабочей силой.

Трудно сказать вперёд, в какой форме и деталях выразилась бы такая организация дела, так как и теперь, при опыте нескольких лет, установившиеся с Камчаткой сношения далеко не удовлетворяют своей организацией ни само предприятие, ни область, которую они обслуживают.

Достаточно сказать, что новая проектируемая организация до очевидности должна быть обоюдно полезной, а затем количество и качество плавучих и других средств, необходимых для обслуживания Камчатки и её центра — Петропавловска, будет подлежать разработке, обсуждению и определению специалистов и руководителей предприятия...

РГИА. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2242. Л. 10—14.

Проект здания общественного собрания, 1913 г.
[ККОМ, НВФ 2459/29]

Петропавловское (на Камчатке)

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Членскій билетъ № 41

на 1914 годъ.

Выданъ Дѣйствительному Члену Общества

Я. С. Неймана

Предсѣдатель Отдѣла Комитета

Петропавловскъ, 19 II 1914 г. Секретарь

Билет члена Петропавловского литературно-музыкально-драматического общества Я. С. Неймана, 1914 г. [ККОМ, НВФ 2806]

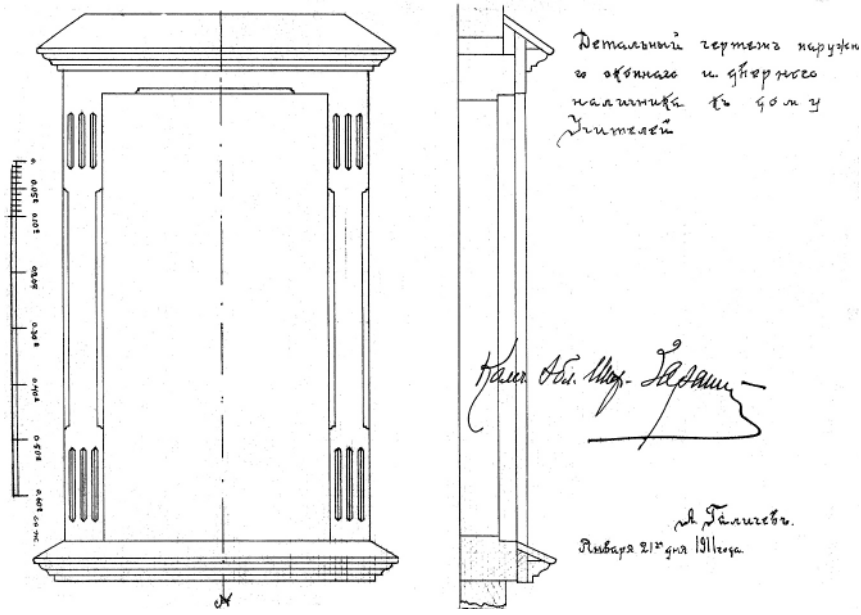
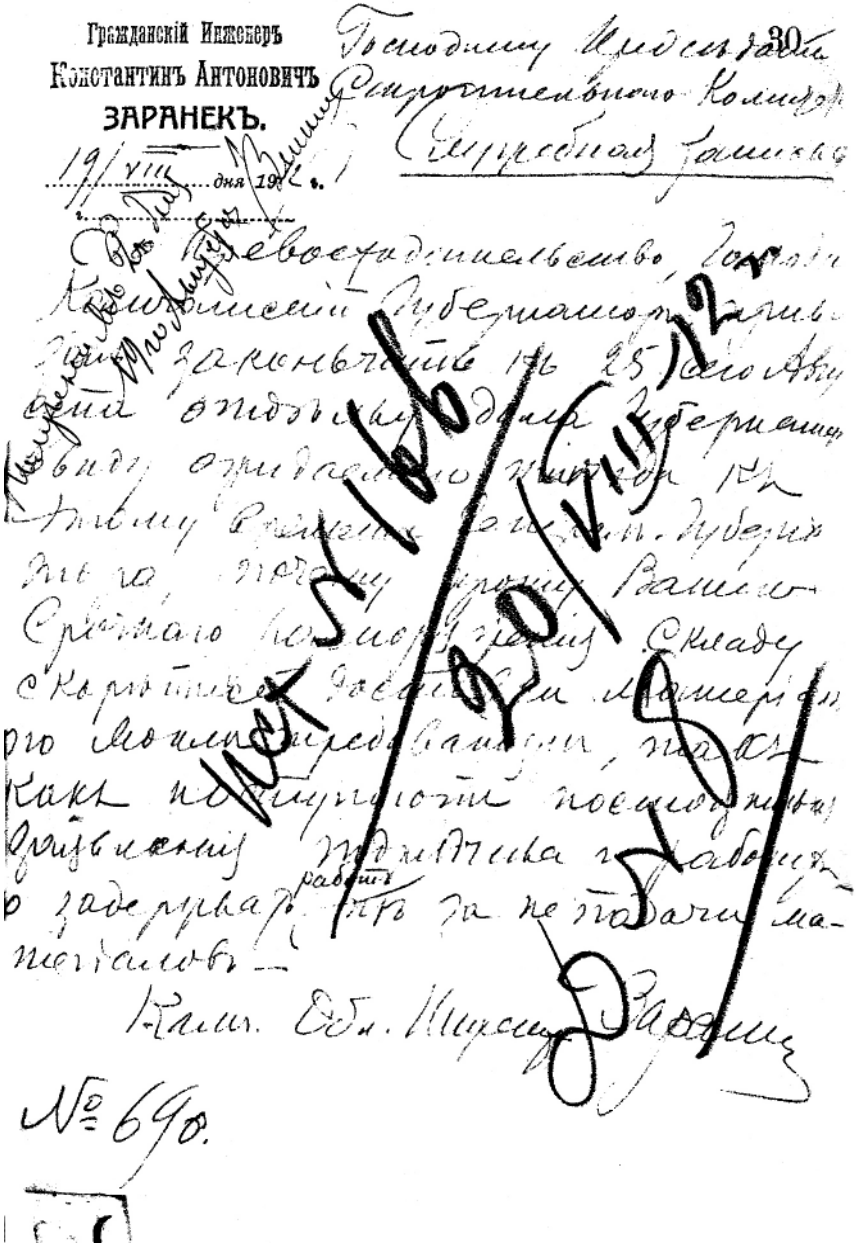

Чертёж оконного наличника для учительского дома, 1911 г. [ККОМ, НВФ 2455/2]

Служебная записка областного инженера К. А. Заранека, 19 августа 1912 г. [ККОМ, НВФ 2455/21]

31

Протоколъ

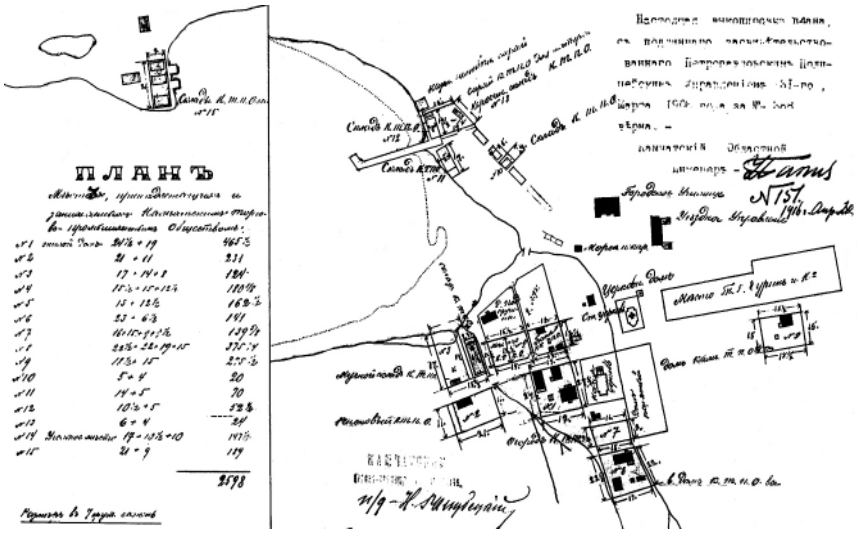
заседания членовъ Комитета Петропавловскаго Литературно-Драматическаго Об-ва 18 Декабря 1914 г.

Присутствовали:

А. Б. Чапчинскій
К. А. Новосильцевъ
К. И. Кодышевъ
И. С. Баглюковъ
С. М. Лелъ

Слушали	Постановили
Объ устройствѣ елки и уплатѣ увеселительнаго налога	27 Декабря устроить елку для дѣтей: съ 4 до 9 часовъ вечера съ пѣснями за елкой съ правомъ полученія подарковъ по 3 рубля съ ребенка, организацію этого дѣла просить принять членамъ Комитета Константину Ильичу Кодышеву 28 Декабря поставить пьесу Андреева „Изъ нашей жизни", послѣ спектакля танцовальный вечеръ, лотерея почта, конфетти, серпантинъ и проч 31 Декабря Иллюзіонъ до 11 часовъ вечера, встрѣча Новаго года, ужинъ по подпискѣ, танцы

Фрагмент протокола заседания Петропавловского литературно-музыкально-драматического общества от 18 декабря 1914 г. [ККОМ, НВФ 2455/18]

План части города, прилегающей к пристани КТПО, 1908 г.

Пароход у пристани КТПО, 1909 г.
(из фондов ККОМ)

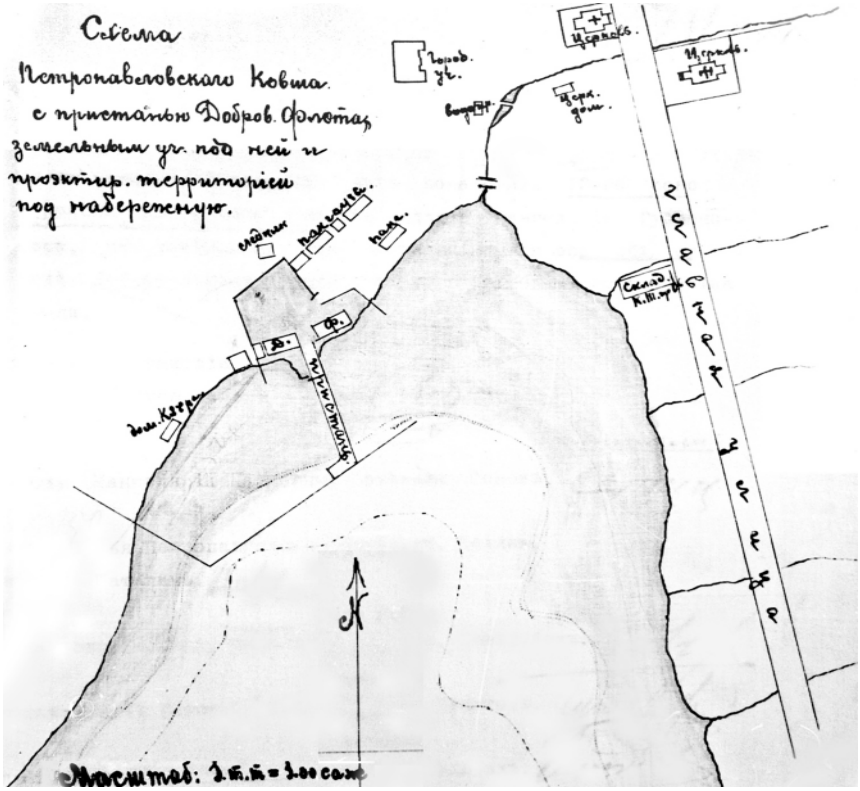

Схема Петропавловского ковша с пристанью Добровольного флота, 1912 г.

Пристань Добровольного флота, 1915 г. (из фондов ККОМ)

Устав общедоступной библиотеки-читальни, утверждённый исправляющим должность губернатора Камчатской области В. В. Перфильевым 7 апреля 1911 г.

Цель, средства и права общества

1. В городе Петропавловске-на-Камчатке организуется общество, поставившее себе целью учредить общедоступную библиотеку-читальню на средства, образующиеся: а) из членских взносов; б) из пособий сословных, общественных и других учреждений, в) из единовременных пожертвований недвижимым имуществом, деньгами, вещами, г) из процентов от принадлежащих обществу капиталов, д) из доходов от недвижимого имущества общества, е) из доходов от чтений, публичных лекций, концертов, спектаклей, танцевальных и музыкальных вечеров, базаров, выставок и т. п., ж) из кружечного сбора, з) из поступлений по сборным книжкам и и) из случайных и всяких иных поступлений.

Примечание: устройство чтений, лекций, концертов и т. п. (пункт *е*) допускается с соблюдением особых, установленных Министерством внутренних дел правил, на производство же всяких сборов, имеющих публичный характер, требуется специальное разрешение подлежащей власти.

2. Денежные средства общества подразделяются на капиталы: а) специальные (в том числе неприкосновенный), образуемые из пожертвований или отчислений с точно определённым назначением, б) запасный, на образование коего отчисляются из средств общества суммы по усмотрению общего собрания и в) расходный, составляемый из всех поступлений, не подлежащих перечислению в специальные или запасные капиталы.

3. Капиталы специальные и запасный обращаются в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги и хранятся в государственном местном казначействе.

4. Задача общества — дать возможность всем жителям г. Петропавловска и окрестных его селений (Коряки, Сероглазка, Калахтырка, Авача, Завойко, Микижа и Паратунка) пользоваться книгами и журналами и различными учебными руководствами.

5. Общество имеет право приобретать на основании общих законов на своё имя движимое и недвижимое имущество посредством покупки, дара и по духовным завещаниям и владеть им на правах полной собственности.

6. При составлении и дополнении библиотеки должны соблюдаться правила, изложенные в ст. 175 Устава цензуры и печати издания 1890 г. во всех дополнениях позднейшего времени.

7. Не разрешённые цензурою при Главном управлении по делам печати и задерживаемые экземпляры газет и журналов, случайно попавшие в библиотеку, должны комитетом библиотеки немедленно представляться г. губернатору Камчатской области.

8. Библиотека имеет печать с надписью «Петропавловская-на-Камчатке общедоступная библиотека-читальня». Никакие гербы на печати общества не допускаются.

9. Пользоваться библиотекою могут все без исключения, причём учащимся в учебных заведениях должны быть выдаваемы лишь разрешенные и одобренные Учёным комитетом Министерства народного просвещения книги. Чтение газет и журналов разрешается ученикам лишь по предъявлении ими на то разрешения местного учебного начальства.

10. Пользоваться книгами, журналами и газетами разрешается состоящим на военной службе нижним воинским чинам и юнкерам, но с особого на то разрешения военного начальства.

11. Чтение книг, журналов и газет производится бесплатно в помещении библиотеки в часы, когда она открыта. Все посетители библиотеки-читальни и пользующиеся книгами из библиотеки обязаны исполнять правила, вывешенные в библиотеке-читальне. Желающие же пользоваться книгами на дому вносят залог в размере трёх рублей, а за пользование книгами ежемесячно по 50 коп., или за год 5 руб. Плата вносится вперёд.

12. Единовременно из библиотеки выдаётся не более двух книг или столько же номеров журналов одному и тому же лицу, каковые могут меняться на новые ежедневно.

13. Пользоваться книгами одному и тому же лицу более двух недель ни под каким видом не допускается. За каждый просроченный день сверх двух недель уплачивается пеня по 2 коп. с книги и журнала.

Примечание: для окрестных от Петропавловска местностей (см. п. 4) время пользования книгами увеличивается до одного месяца, за просроченное время применяются общие основания п. 13-го.

14. Деньги за пользование книгами вносятся вперёд за каждый месяц. В получении денег выдаётся квитанция.

15. Каждый пользующийся книгами из библиотеки вне читальни получает и сдаёт их по особо заведённой именной тетради, выданной библиотекарем.

16. Каждый пользующийся книгами библиотеки отвечает своим залогом за целость выданной ему книги.

17. Особенно ценные книги могут быть выдаваемы лишь под полную ответственность библиотекаря.

18. Вновь полученные журналы и газеты в течение полутора месяцев из библиотеки для пользования ими на дому не выдаются.

Примечание: по истечении полутора месяцев журналы и газеты выдаются в течение двух месяцев на семь дней, а позднее на общих основаниях.

19. Чтение книг и журналов в библиотеке разрешается в часы, установленные комитетом библиотеки.

20. Лица в нетрезвом виде в библиотеку не допускаются и книги на дом им не выдаются.

Состав общества

21. Число членов библиотеки не ограничено. В состав его входят лица обоего пола всех званий и состояний и разделяются на три категории: 1) действительные, 2) почётные и 3) пожизненные. Членами библиотеки не могут быть: а) несовершеннолетние, б) учащиеся в учебных заведениях, в) нижние чины, состоящие на военной службе и г) ограниченные в правах по суду.

22. Все годовые подписчики, внёсшие вперёд годовую плату в размере 5 руб. и вместе с тем представившие рекомендацию не менее как от трёх уже состоящих в обществе членов, считаются действительными членами онаго.

23. Почётные члены библиотеки избираются в общем собрании членов библиотеки, закрытою баллотировкою, большинством голосов, за особые услуги и труды на пользу библиотеки.

24. Члены библиотеки, уплатившее 100 руб. единовременно, считаются пожизненными и освобождаются от дальнейшей уплаты членских взносов.

25. Лица, не подчиняющиеся правилам библиотеки, могут быть по постановлению общего собрания в составе не менее двух третей всех членов, находящихся в данный момент в г. Петропавловске, исключаемы из состава общества. До дня же общего собрания комитету предоставляется право (при полном составе его членов) временно прекращать доступ в библиотеку указанному лицу.

26. Члены, не внёсшие положенного членского взноса в течение одного месяца, считаются выбывшими из общества, а также заявившие комитету о своём отказе от звания члена общества.

27. Все члены библиотеки обязуются в точности соблюдать правила настоящего устава и подчиняться распоряжениям комитета.

Управление делами библиотеки

28. Делами библиотеки заведуют: а) комитет общества и б) общее собрание его членов...

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 324. Л. 571—573.

Обращение академика князя Б. Б. Голицына к камчатскому губернатору о создании в Петропавловске первой сейсмической станции, 11 апреля 1911 г.

Стремясь к всестороннему изучению сейсмических явлений в империи, Центральная сейсмическая комиссия при Императорской Академии наук должна была, естественно, остановить своё внимание на Камчатке — единственной области в России, в которой и поныне не угасла ещё вулканическая деятельность, сопряжённая, как известно, с землетрясениями своеобразного характера и распространения. Предполагая одну из разрешённых законом 17 июля 1910 г. десяти сейсмических станций 2-го разряда учредить на Камчатке, скорее всего, в г. Петропавловске, как центре культурной жизни губернии, Центральная комиссия имеет честь обратиться к вашему превосходительству в надежде на ваше просвещённое содействие в предпринимаемом деле.

Сейсмическая станция 2-го разряда, снабжённая необходимым ассортиментом самопишущих приборов, должна иметь небольшое, уединённое помещение в тихой местности, вне людных улиц и базаров, вдали от усиленного движения и езды. Расходы по сооружению здания, согласно прилагаемому при сем проекту, будут приняты на счёт комиссии.

Для наблюдения за приборами, заводки их часовых механизмов, смены бумаги на барабанах и закрепления (фиксирования) следов записей на снятых листах интеллигентное лицо (наблюдатель) должен ежедневно в заранее выбранный час посещать помещение станции и проделывать необходимые несложные манипуляции, которые ни в коем случае не могут занять более часу времени ежедневно. На обязанности этого же лица, помимо ведения общего хозяйства станции, лежит ещё периодическая отсылка в Петербург в бюро Центральной сейсмической комиссии сейсмограмм и поверка местного времени с помощью простых приёмов несложным астрономическим (пассажным) прибором.

Содержание станции, согласно закону 17 июня 1910 г., оплачивается из сумм Центральной сейсмической комиссии следующим способом: жалование наблюдателю — 300 руб. в год; содержание

станции (бумага, фиксатор и прочее) — 150 руб. в год. Всего — 450 руб. в год.

Кроме того, разумеется, за свой счёт, Центральная сейсмическая комиссия обставляет станцию всеми необходимыми приборами и инструментами.

Центральное бюро комиссии позволяет себе обратиться к вашему превосходительству с просьбою: 1) о предоставлении бесплатно для нужд сейсмической станции в г. Петропавловске участка земли мерою до 100 квадратных сажен, удовлетворяющего изложенным выше условиям, 2) о поручении кому-либо из местных инженеров составления сметы расходов по сооружению здания, согласно прилагаемому проекту (не свыше 1 000 руб.), 3) об указании достаточно интеллигентного лица, которое согласилось бы принять на себя обязанности наблюдателя при станции на указанных условиях.

Со своей стороны Центральное бюро считает долгом довести до сведения вашего превосходительства, что к нему уже обращались с предложением своих услуг в качестве наблюдателя гг. Ненсберг (наблюдатель при станции искрового телеграфа) и Оводенко, горный инженер, заведующий горной частью на Камчатке.

Предоставляя выбор лица вашему превосходительству, бюро надеется, что вы не откажете почтить его ответом по возбуждённому делу, адресуя таковой в бюро Центральной сейсмической комиссии, Санкт-Петербург, Академия наук, физический кабинет.

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 1об.—2.

Протокол общего собрания Петропавловского литературно-музыкально-драматического общества от 4 декабря 1911 г.

Из числа 24 действительных членов общества присутствовало 13, почему на основании пар. 27 устава общества собрание считалось состоявшимся (прошло в зале канцелярии губернатора, то есть в помещении современного Камчатского краевого объединённого музея. — *Ред.*)

Председателем общего собрания был избран чиновник особых поручений камчатского губернатора Михаил Сергеевич Алексин, секретарём Александр Антонович Пурин.

Председателем был прочитан список лиц, записавшихся в число членов общества в числе 22 человек, причём представитель полиции, начальник Петропавловского уезда С. М. Лех доложил собранию, что к баллотировке в действительные члены общества не

может быть допущен китайский подданный Ф. И. Сун-ин-тун на основании распоряжения о том господина губернатора.

Член общества К. А. Заранек сообщил, что об этом распоряжении ему сперва было сообщено г. губернатором, но с указанием, что китайские подданные могут баллотироваться в число лишь постоянных гостей, со всеми правами действительных членов общества, за исключением лишь права голоса на общих собраниях.

Далее было приступлено на основании пар. 4 устава к закрытой баллотировке упомянутых выше 21 члена, причём единогласно избраны:

Назарова Евдокия Варфоломеевна
Сомова Мария Александровна
Воротникова Елена Ильинична
Щипчинская Елизавета Васильевна
Анкундинова Лилия Петровна
Сомов Фёдор Фёдорович
Проскуряков Иван Владимирович
Пустовалов Дмитрий Петрович
Апрелев Пётр Николаевич
Назаров Михаил Васильевич
Воротников Иннокентий Петрович
Щипчинский Чеслав Куприянович
Векентьев Вячеслав Ростиславович
Анкундинов Василий Евсеевич
Парушев Дмитрий Иванович
Воробьёв Спиридон Андреевич
Морозов Александр Яковлевич
Павлов Василий Алексеевич.

Большинством 11 голосов против 2: Кантор Адольф Петрович.

Затем приступили к обсуждению вопроса об устройстве при обществе отдела разумных развлечений, причём член общества К. А. Заранек кратко доложил собранию о назначении отдела и тех сведениях, кои им собраны по вопросу о приобретении бильярда, бокса и устройству при собрании буфета, сообщив, что господином губернатором обществу уступается в пользование помещение всего нижнего этажа здания канцелярии губернатора при условии принятием обществом на себя полной ответственности за благочиние и безопасность в пожарном отношении.

Устройство буфета господином губернатором также разрешено обществу, но без горячих блюд, то есть устройством кухни без водки и коньяку.

По всестороннем рассмотрении вопроса, предложенного на обсуждение общего собрания, была избрана особая временная комиссия из членов: Ф. Ф. Сомова, С. М. Леха, Д. И. Парушева, П. Н. Апрелева, В. М. Генералова и Ч. К. Щипчинского, каковую и постановлено просить высказаться по всем вопросам, связанным с порученным им делом, а равно и о средствах для проведения этого дела в жизнь, и доложить общему собранию членов общества, назначив таковое на воскресенье 11 декабря в три часа дня в помещении зала общества.

Засим приступили к баллотировке в число постоянных гостей Ф. И. Сун-ин-туна, причём в баллотировке принимали участие вновь избранные члены, всего в числе 26 человек. Результат баллотировки выяснился: 23 голоса избирательных, 2 неизбирательных и 1 воздержался.

Общее собрание завершилось в шесть с половиной часов вечера.

РГИА ДВ. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3.

Об отпуске 10 000 руб. на устройство колёсной дороги от Петропавловска до селения Большерецк, 2 апреля 1912 г.

Министерство внутренних дел
Главное управление по делам местного хозяйства
Отдел дорожный

Изложение дела: при обсуждении внесённого министром внутренних дел 29 октября 1908 г. законопроекта об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина, комиссия по направлению законодательных предположений Государственной Думы, исходя из соображений о необходимости всестороннего освещения неотложных нужд нашего Дальнего Востока и указания программы важнейших мероприятий, могущих улучшить экономическое состояние края, способствовать наилучшему использованию его природных богатств и укреплению связи его с империей, остановилась, между прочим, на пожелании об улучшении наиболее важных торговых трактов, ведущих к местным портам.

Препроводив выписку из доклада комиссии по означенному вопросу иркутскому и приамурскому генерал-губернаторам, Министерство внутренних дел просило их по сношению с подлежащими губернаторами выяснить, какие работы представлялось бы необ-

ходимым произвести, в первую очередь, в пределах Якутской, Приморской и Камчатской областей с целью улучшения сообщений с местными портами.

Вследствие сего приамурский генерал-губернатор представил Министерству внутренних дел, между прочим, поддерживаемое им ходатайство камчатского губернатора об ассигновании 10 000 руб. на продолжение предпринятых уже работ по обращению в постоянную колёсную дорогу времянки между Петропавловском и Большерецком, проложенной почтово-телеграфным ведомством во время проведения в 1910 г. телеграфной линии между названными пунктами.

Из приводимых в подкрепление означенного ходатайства данных видно, что до последнего времени на полуострове Камчатке колёсных дорог не было совершенно и всё внутреннее сообщение и перевозка грузов между населёнными пунктами производились, главным образом, зимой на собаках, летом же грузы перевозились только в исключительных случаях вьюком. Скорость перевозки на собаках или оленях, обуславливаемая характером местности, количеством снега, весом груза и прочим, определяется в среднем при грузе от 10 до 12 пудов на нарту и запряжке в 11–15 собак или двух оленей тремя-пятью верстами в час. Вьючная перевозка, как на олене, поднимающем до пяти пудов, так и на лошади, несущей пудов шесть, совершается обычно шагом и редко мелкой рысью.

Подобная затруднительность сообщений не может не отражаться неблагоприятно как на дороговизне жизненных припасов, так и вообще на экономическом благосостоянии местного населения. Все жизненные потребности населения удовлетворяются доставленными морским путём в обмен на пушнину товарами, среди которых первое по количеству место занимают чай, табак и галантерея.

Кроме Тигиля и Усть-Камчатска, не обладающих безопасной стоянкой для судов, Петропавловск с его пользующимся известностью рейдом служит единственным и главным торговым центром и складочным пунктом, где камчадалы обменивают добытую ими пушнину на привезённые морем товары и откуда последние доставляются в остальные селения почти исключительно зимой на собаках, что нередко вызывает летом недостаток в более отдалённых посёлках тех или других товаров или так называемые чайные, табачные и другие голодовки.

Две трети общей, колеблющейся между 150 000–180 000 руб. суммы торговых оборотов Камчатки приходятся на Петропавловск,

причём большая часть этой доли выручается за товары, отправляемые из названного порта вглубь области.

Между тем отсутствие дорог и обуславливаемая им медленность доставки товаров во внутренние селения с места их выгрузки в Петропавловске сильно повышают цены на все товары, даже в ближайших к Петропавловску посёлках. Так, например, кулёк муки в 1 пуд 15 фунтов, стоящий в Петропавловске 3 руб., в селении Начики, в 96 верстах от названного города стоит 5 руб., а в селении Мильково (300 вёрст от Петропавловска) цена его доходит уже до 9—10 руб.

При таких условиях камчатский губернатор, имея в виду, что поднятие экономического благосостояния местного населения — одна из главнейших задач, поставленных областной администрации при учреждении, уже в 1909 г. возбудил ходатайство об отпуске средств на постройку дорог, причём в первую очередь поставил дорогу от Петропавловска до селения Большерецка на западном берегу Камчатки длиною около 200 вёрст. Соединяя с портом селения Завойко, Коряки, Начики, Апачи и Большерецк, означенная дорога от Начиков в будущем может быть направлена на север в долину реки Камчатки в наиболее населённую часть полуострова, от Большерецка же может быть продолжена к западному побережью полуострова, где она также соединит значительное количество расположенных здесь селений.

Вполне разделяя соображения о необходимости проведения колёсных дорог на Камчатке, бывший приамурский генерал-губернатор отпустил на означенную надобность в 1910 г. 9 000 руб. из ассигнованных в его распоряжение по ст. 2 § 17 сметы Министерства внутренних дел 10 000 руб. в пособие земским сборам Приамурского края на потребности, имеющие характер земских.

Между тем почтово-телеграфное ведомство, приступив в 1910 г. к постройке телеграфной линии от Петропавловска через Большерецк до Тигиля на западном берегу Камчатки, оказалось вынужденным для развозки по линии материалов проложить наскоро временную, которую камчатский губернатор и решил засим, путём возведения более прочных мостов и устройства водоотводов, обратить в постоянную колёсную дорогу.

Таким образом, на ассигнованные 9 000 руб. было положено в 1911 г. начало первой колёсной дороге на Камчатке, которая была оборудована до селения Завойко, на расстояние 30 вёрст от Петропавловска. Работы производились хозяйственным способом под наблюдением областного инженера и при участии старшего

чиновника особых поручений при камчатском губернаторе, бывшего сапёрного офицера. На означенном протяжении пришлось вести дорогу около четырёх вёрст по сплошной тундре, где устроена гать, большая насыпь и ряд водоотводных канав.

Для дальнейшего продолжения работ в 1912 г. испрашиваются 10 000 руб., за счёт коих предполагается оборудовать дорогу до селения Начики. Здесь предполагается устроить казённый склад предметов продовольствия и первой необходимости, что будет уже значительным облегчением для населения.

Представляя Министерству внутренних дел ходатайство камчатского губернатора об ассигновании 10 000 руб., приамурский генерал-губернатор объяснил, что отпущенный в его распоряжение по § 17 ст. 2-й сметы Министерства внутренних дел 1911 г. кредит в 10 000 руб. использован без остатка по прямому назначению и нужда в расходах по дорожным надобностям в крае так велика, что обратить сметное ассигнование 1912 г. на устройство дорог Петропавловск — Большерецк не представляется возможным.

Заключение министра внутренних дел. Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, министр внутренних дел не может не остановиться на том, что предположения камчатского губернатора об устройстве колёсной грунтовой дороги между Петропавловском и Большерецком не исходят из какого-либо заранее разработанного плана оборудования путями сообщения Камчатки и обусловливаются лишь желанием использовать проложенную в 1910 г. почтово-телеграфным ведомством для целей проведения телеграфной линии от Петропавловска через Большерецк до Тигиля времянку.

Однако оборудование означенной дороги, имеющей соединить расположенный на юго-восточном берегу Камчатского полуострова Петропавловский порт с находящимся в юго-западной части полуострова селением Большерецком, а равно промежуточные селения Завойко, Коряки, Начики и Апачи, будет вполне отвечать выраженному комиссией по направлению законодательных предположений Государственной Думы пожеланию об улучшению торговых трактов к портам нашего Дальнего Востока, тем более что означенная дорога в будущем может быть продолжена от Начиков на север в долину реки Камчатки, то есть в наиболее населённую часть полуострова, а от Большерецка — по западному побережью Камчатки до Тигиля и далее на север, то есть в направлении, по коему расположена также значительная часть населённых пунктов полуострова...

Ввиду сего и принимая во внимание, что за ограниченностью местных источников обложения, по сметам земских повинностей приамурского генерал-губернаторства никаких кредитов на дорожные нужды Камчатки вообще не отпускается и что испрашиваемое ныне из средств казны особое ассигнование, которое предположено обратить собственно на оборудование 66-вёрстной дороги от селения Завойко до Начиков, что составляет около 150 руб. на версту, является вообще крайне незначительным, министр внутренних дел, согласно положению Совета Министров, полагал бы: отпустить в распоряжение камчатского губернатора на устройство колёсной дороги от Петропавловска до села Большерецка на Камчатке 10 000 руб. с обращением этого расхода на предвидимые остатки от кредитов по смете в 1911 г.

Об изложенном с одобрения Совета Министров министр внутренних дел имеет честь представить на благоусмотрение Государственной Думы.

РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2055. Л. 3—4.

Справочные цены на рабочую силу по г. Петропавловску за август и сентябрь 1912 г. (руб. в день)

Землекопу — 2, каменщику — 4, дерновщику — 2, маляру — 2,5, плотнику — 3,5, столяру — 4, печнику — 4, конопатчику — 2,5, стекольщику — 2,5, кровельщику — 4, кузнецу — 3, слесарю — 3, обойщику — 2, штукатуру — 3, чернорабочему — 2.

Подвода с лошадью в день от 4 до 4 руб. 50 коп.

Гор. Петропавловск, 29 октября 1912 г.

Начальник Петропавловского уезда *Лех*,
камчатский областной инженер *Заранек*

РГИА ДВ. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

Врач Л. М. Старокадомский о посещении Петропавловска ледокольным пароходом «Таймыр» в 1910—1914 гг.

1910 г. Первая остановка на пути к Беринговому проливу была в Авачинской бухте на Камчатке.

Войдя в бухту, мы долго плыли вглубь её. Миновав затем узкий проход, образованный песчаной косою, очутились в маленькой внутренней гавани, похожей на ковш. Среди холмов в живописном беспорядке скучились деревянные постройки. Это и был Петропав-

ловск. Далеко за ним чётко вырисовывались на синем фоне неба три высокие горы с белоснежными вершинами: сопки Коряцкая (3 300 м), Авачинская (2 500 м) и Козельская (1 600 м).

Вершина Авачинской сопки дымилась — действовал вулкан, последнее извержение которого было за год до нашего приезда. Следы извержения виднелись повсюду: окрестности города тонули в мелком тёмно-сером вулканическом песке. Стройные очертания двух больших гор очень красиво выделялись и казались, как всегда горы, очень близкими, хотя подножья их отстояли не менее чем на тридцать километров.

Группа офицеров съехала на берег. Трудно даже назвать городом небольшое селение, каким в те времена являлся Петропавловск. Он насчитывал всего 600 жителей, включая военную охрану из уссурийских казаков.

Взяв с собой в качестве провожатого одного из местных старожилов, жизнерадостного и словоохотливого чиновника, мы отправились бродить по улицам, вернее сказать, по улице, так как весь город состоял из одной единственной улицы с двумя церквями да кучкой домов на побережье. Мы осмотрели достопримечательности Петропавловска — памятник знаменитому русскому мореплавателю Витусу Берингу и гранитную глыбу, оплетённую якорным канатом, — монумент мореплавателю Лаперузу, побывали на братской могиле русских моряков, погибших в 1854 г. при защите Петропавловска от набега англо-французских военных кораблей.

Бросалось в глаза обилие лавок, торговавших спиртными напитками. Помнится, была там даже площадка перед крыльцом одного торговца, вся вымощенная водочными бутылками донышками вверх.

Петропавловск всем нам показался сонным, безлюдным, почти вымершим. Унылыми своими впечатлениями мы поделились с нашим проводником. Поражённый нашим замечанием, он всплеснул руками: «Помилуйте, сейчас ведь лето, самый разгар навигации! Жизнь у нас бьёт ключом! К нам приходят русские, американские, японские пароходы. Меховой аукцион бывает, со всей Камчатки съезжаются сюда промышленники. Это у нас самое оживлённое время в году. А что бы вы сказали, если бы попали к нам зимой, когда снег заносит дома до самых крыш и люди неделями не показываются на улицу...»

Радиотелеграфа в Петропавловске тогда ещё не было, самолёты не летали. По окончании навигации город до следующего лета терял всякую связь с материком, со всем внешним миром. За всю

долгую зиму единственным развлечением бывало прибытие и отправление почты на собаках, один-два раза.

После короткой стоянки в Петропавловске ледоколы взяли курс на залив Провидения...

16 октября ледоколы вошли в Авачинскую бухту и до 23 октября оставались в Петропавловском порту...

1911 г. ...При ясной погоде утром 9 октября мы вошли в Авачинскую губу. «Вайгач» был уже здесь и дожидался нас.

В начале лета 1911 г. около Петропавловска была сооружена мачта радиотелеграфа для связи с Николаевском-на-Амуре, но осенью этого же года радиотелеграф сгорел. Город опять остался на зиму без телеграфной связи. За прошедший год Петропавловск несколько вырос, жизнь в нём немного оживилась...

Суда погрузили уголь, приняли воду, проведённую к пристани по трубопроводу с окружающих возвышенностей, и 18 октября покинули Авачинскую губу...

1912 г. ...На сей раз мы не заходили во внутреннюю гавань у Петропавловска, а, войдя в Авачинскую губу, остановились неподалёку от входа у мыса Изменного. На стоянке занялись рыбной ловлей. Улов превзошёл все ожидания. Часть его мы тут же с аппетитом уничтожили, остальную рыбу засолили...

...К Петропавловску-на-Камчатке суда плыли раздельно: «Вайгач» пошёл с гидрологическим разрезом к американскому острову Лаврентия, а оттуда в Петропавловск; «Таймыр» шёл прямо, никуда не заходя.

На пути к острову Лаврентия на «Вайгаче» сделали четыре гидробиологические станции. Траление дало богатые и разнообразные уловы, резко отличавшиеся от уловов, полученных в Северном Ледовитом океане.

В Петропавловск оба судна пришли 1 октября и оставались там до 12 октября.

Недалеко от Петропавловска находятся горячие ключи, которые нам давно советовали посмотреть. На этот раз мы устроили экскурсию и поехали в деревню Паратунка, в двенадцати милях от Петропавловска, где имеются одиннадцать ключей с горячей и тёплой водой. Вода из четырёх ключей с температурой от 39,8 до 51 градусов собиралась в открытый, специально вырытый для купания бассейн глубиной около семидесяти сантиметров с песчаным дном. Бассейн ограждён забором. У края бассейна, над ним, построены две раздевальни, из которых выходят в воду через люк в полу. Мы с удовольствием выкупались здесь.

По временам из воды выделялся в довольно значительном количестве бесцветный газ, без запаха и не горючий. Вода совершенно прозрачна, бесцветна, без запаха и вкуса... Вероятно, эти ключи — нейтральные термы.

Местные жители пользуются водой источника и для хозяйственных надобностей — стирают бельё, моют посуду. В одном из источников вода достигает температуры около 60 градусов. Гораздо дальше находились ключи с температурой воды, близкой к точке кипения, но мы не могли туда поехать.

12 октября «Таймыр» и «Вайгач» вышли из Авачинской губы. Во Владивосток мы прибыли только 23 октября, простоявши из-за шторма у японского острова Ребунто.

1913 г. ...Ночью море ярко фосфоресцировало. При подходе к берегам Камчатки нас неприятно поразило обилие снега на горах и в низовьях. Снега было гораздо больше, чем во время прежних наших посещений этих мест. Жители Петропавловска говорили, что давно у них не было такой жестокой зимы, как в этом году. Бухта у города вскрылась лишь в конце мая, весна была поздняя и холодная. Петропавловцы скептически отнеслись к нашему намерению добраться до Берингова пролива.

Опасения петропавловцев, к счастью, оказались преувеличенными. С встреченной по пути к Чукотскому полуострову яхты камчатского губернатора «Адмирал Завойко» по радиотелеграфу нам сообщили, что залив Провидения освобождён ото льда.

...26-го ветер стал стихать. В полночь 27 октября «Таймыр» стал на якорь на внешнем рейде Петропавловска. «Вайгач» уже стоял в Петропавловской гавани у косы; он пришёл на двенадцать часов раньше нас.

В Петропавловске опять вычистили котлы, перебрали механизмы, приняли уголь и чистую воду — на обоих ледоколах оставалось всего шестьдесят тонн угля, и 17 ноября вышли во Владивосток.

1914 г. ...По пути к берегам Камчатки нас застиг густой туман. Корабли две суток двигались, словно окутанные облаком, а когда утром 17 июля подошли к Авачинской губе, то не видели маяка и не могли найти входа. Стали на якорь и выстрелили из орудия. Ответный выстрел маячной пушки помог нам ориентироваться. В полдень суда вошли в бухту.

На рейде стояли военный транспорт «Якут» и уже знакомый нам английский крейсер «Нью-Кастл». На пристани, украшенной флагами, висело полотно с приветственной надписью на английском

языке. Это петропавловские власти торжественно встречали английский военный корабль, прибывший со специальным поручением: поставить памятник на могиле капитана Кларка, участника экспедиции Джеймса Кука.

Намерение англичан повергло местную администрацию в сильное смущение — никто не мог точно указать, где именно похоронен капитан Кларк.

История этого дела такова. 29 апреля 1779 г. в Петропавловск прибыли два английских военных судна «Резолюшен» и «Дискавери» под командой капитана Кларка. Эти корабли входили в состав экспедиции Джеймса Кука, незадолго до этого погибшего на Сандвичевых островах. 16 июня английская эскадра ушла из Авачинской губы на север. Кларк намеревался в апреле следующего года снова посетить Петропавловскую гавань, но неожиданно 24 августа оба корабля вернулись в Петропавловскую гавань — Кларк умер в пути.

На северной стороне гавани англичане похоронили его у берёзового дерева. Могилу обложили деревом и обнесли частоколом. Восемь лет спустя в Петропавловске побывал французский мореплаватель Лаперуз с кораблями «Буссоль» и «Астролябия». Французы поставили над могилой Клерка небольшую гробницу с медной доской, на которой перечислялись заслуги капитана Клерка.

Шли годы, десятилетия. Петропавловск рос, менялся вид города. В мае 1818 г. капитан Головнин писал: «По новому расположению города памятник, воздвигнутый офицерами корабля “Надежда” над могилой известного английского мореплавателя капитана Клерка, должен был стоять в самой худой части города, почему г. Рикорд решил перенести его на другое приличное место. Для сего надлежало и прах сего мужа перенести туда же, что он с согласия здешнего духовенства и сделал в нашу бытность. Остаток гроба и прах были положены в другой ящик... был перенесён к назначенному месту и спущен в могилу». Что случилось впоследствии с памятником, о котором писал Головнин, неизвестно. По-видимому, он исчез, а место могилы было забыто.

Как бы то ни было, сведений о месте погребения капитана Кларка теперь не было, и привезённый англичанами небольшой памятник — неширокую каменную пирамиду с надписью — установили возле церкви, неподалёку от памятника другому знаменитому мореплавателю — командору Витусу Берингу. Перед открытием памятника состоялся парад, в котором, кроме экипажа английского крейсера и отряда морской пехоты с этого корабля, приняли участие

также экипажи судов нашей экспедиции и транспорта «Якут». Небольшой оркестр английского крейсера исполнил национальные гимны — английский и русский; камчатский губернатор и командир английского крейсера произнесли краткие речи. Когда церемония была закончена, с памятника сняли парусину. На рассвете следующего дня английский крейсер ушёл в море.

20 июля команды ледоколов занялись рыбной ловлей в Раковой губе и на речке Гремучке; улов был удачный — около двухсот штук довольно крупной кеты и кижуча. Рыбу засолили.

Из Петропавловска корабли ушли в полдень 21 июля.

Старокадомский Л. М. Экспедиция Северного Ледовитого океана. — М. : Л.: Главсевморпуть, 1947. С. 41—43, 49, 79, 83, 116—117, 122, 201, 208—210.

Перемены в порту Петропавловска. Сообщение заведующего портовыми изысканиями в Тихом океане Г. Л. Фаермана, 21 августа 1913 г.

Предписанием от 11 июля 1913 г. за № 6593 отдел торговых портов указал мне представить более подробные данные о месторасположении и размерах прибрежной полосы Петропавловской гавани в связи с вопросом о передаче её Министерству торговли и промышленности.

Во исполнение означенного предложения честь имею... сообщить следующее: в восточной части Авачинской губы имеется вполне укрытая бухта, носящая название Петропавловской. Бухта эта образована Сигнальным полуостровом, который, начинаясь от горы Никольской, тянется с *N* на *S* почти параллельно берегу, образуя укрытую бухту. Узкая низменная песчаная полоса, идущая от восточного берега на *NWtW* на длину 220 сажен, разделяет гавань на внутреннюю и внешнюю. Вся длина Петропавловской гавани около одной версты. Глубины в ней меняются от 9,5 до 4 саженей.

Внешняя гавань с проходом в неё около 90 сажен между рифом, составляющим продолжение Сигнального полуострова, и берегом имеет по направлению *NNW* около 400 сажен и наибольшую ширину около 180 сажен. Глубины же в ней от 9 до 8 сажен постепенно уменьшаются к берегам. Грунт дна — ил и мелкий камень.

Внутренняя гавань, называемая иногда «Ковшом», имеет треугольную форму с длиной сторон около 8–7 сажен. Грунт дна песчаный и песчано-глинистый. Глубина постепенно уменьшается к береговым отмелям, выступающим на несколько саженей от берега,

и круто обрывается на глубину 4–5 сажен. Проход в ковш, идущий между косою и Сигнальным полуостровом, шириною около 50 сажен, сужен 24-футовою отмелью до 30 сажен, глубина на проходе посередине его около 6 сажен. Гавань эта очень хорошо защищена от ветров и очень удобна для производства исправления судов. Стоять в ней надо, отшвартовавшись к берегу, вследствие её незначительных размеров.

Распределение пристаней в настоящее время. Крайняя южная оконечность Сигнального полуострова обращена в настоящее время морским ведомством в угольную пристань и склад. Площадь, занимаемая угольным складом, равная около 5 000 кв. сажен, имеет длину около 100 сажен, ширину около 50 сажен. На этой площади расположены не только склады и пакгаузы морского ведомства, но нашлось даже место для хранения на берегу шхун, конфискованных охранными судами. Угольные склады морского ведомства сообщаются при помощи дороги, идущей по берегу бухты вдоль *О* берега Сигнального полуострова, с городом. На участке морского ведомства последним устроены две ряжевые пристани...

Следующим участком, удобным для причала, является участок, арендованный Добровольным флотом. На этом участке имеются два пакгауза Добровольного флота, и он оборудован свайной деревянной пристанью, допускающей причаливание к ней судов с осадкой около 22 футов. Пристанью этой пользуются не только суда Добровольного флота, но и другие частные и казённые пароходы, посещающие Петропавловск. На пристань с помощью водопровода проведена пресная вода. На территории около этой пристани имеется пять пакгаузов местных частных фирм. Пристань хорошей грунтовой дорогою соединена с городом.

Наконец, так называемая «Коса» служит местом выгрузки строительного материала (кирпича, леса, цемента, камня и т. п.). Длина её равна 220 саженям при средней ширине 10 сажен. От косы идёт дорога в город.

Таким образом, из имеющихся в настоящее время трёх участков для причала и складов, один у мыса Сигнального (размером 100 на 50 сажен) находится в распоряжении Морского министерства, а двумя пользуется торговое мореходство, причём из двух последних только один оборудован пристанью.

Несомненно, что в ближайшем будущем потребуется улучшить условия стоянки и производства грузовых операций, как в ковше, так и во внешней гавани, главным образом у косы. Поэтому для

нужд торгового мореплавания необходимо передать в ведение Министерства торговли и промышленности полосу внутренней гавани (ковша) около 700 пог. сажен, косу — 220 пог. сажен и часть восточного берега — около 550 пог. сажен. Средняя ширина береговой полосы назначена около 20 сажен.

Морскому же ведомству желательно предоставить западный берег внешней гавани, то есть береговую полосу длиной 250 сажен к северу от мыса Сигнального. При описанном распределении морское ведомство могло бы удвоить площадь своей портовой территории и угольных складов, расположенных так, что они могут быть ограждены от остальной части порта и посещения посторонних лиц. Министерство торговли и промышленности в будущем имело бы возможность устраивать нужные портовые сооружения на территории, уже сейчас служащей целям торгового мореплавания. Ширину береговой полосы пришлось ограничить 20 саженями вследствие близости частных построек к берегу и вследствие того, что береговая полоса, кроме участков морского ведомства, Добровольного флота и косы, представляет собой крутой косогор.

На основании изложенного казалось бы желательным передать Министерству торговли и промышленности участки: а) Добровольного флота, б) косу и в) береговую полосу средней шириной 20 сажен на длину около 700 сажен во внешней гавани. Оставить в распоряжении Морского министерства участок литера *1* (на прилагавшемся плане. — *Ред.*) и присоединить к нему 100 сажен береговой полосы к северу от теперешнего участка.

РГИА ДВ. Ф. 95. Оп. 11. Д. 2212. Л. 23—27.

Обращение губернатора Камчатской области к Петропавловскому уездному начальнику, 24 января 1914 г.

Председательница Петропавловского литературно-музыкально-драматического общества обратилась ко мне с просьбой об отпуске обществу из городских сумм, заимообразно, для постройки здания драматического общества в г. Петропавловске 2 500 руб. Не встречая препятствий к удовлетворению просьбы председательницы общества, прошу вас перечислить в её распоряжение указанную сумму установленным порядком.

Губернатор *Н. В. Мономахов*,
правитель канцелярии *Сомов*

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 292. Л. 1.

Объяснительная записка вице-губернатору Камчатской области инспектора Петропавловского высшего начального училища Е. И. Севастьянова от 20 апреля 1914 г.

Во исполнение предложения вашего превосходительства от 17 сего апреля за № 1815, честь имею представить... моё объяснение по содержанию телеграммы учителей вверенного мне училища Яременко и Оселедько на имя его высокопревосходительства господина генерал-губернатора Приамурского края от 21 марта сего года за № 569.

По содержанию телеграммы учителей Яременко и Оселедько честь имею доложить вашему превосходительству следующее: вся телеграмма представляет собою или сплошную ложь, или утрировку фактов, или делание из мухи слона...

В ней выдвигаются против меня три главных обвинения:

1) скупость в расходовании казённых денег с вытекающими из неё вредными последствиями для училища, 2) страсть к наживе, побудившая меня ходатайствовать об открытии педагогических курсов и принятии на них слушателей со слабой подготовкой; отсюда же, как следствие, поручение десяти уроков русского языка в училище учителю Мышкину во вред для учащихся и 3) штрафование учителя Мышкина за пропущенные им уроки из-за пьянства в свою пользу, то есть моя личная нажива.

1. Рассматривая первое из обвинений, видим, что всё сказанное в телеграмме об антисанитарном состоянии вверенного мне училища — ложь, ибо специально командированная комиссия, состоящая из врачебного инспектора Г. В. Фрида, участкового врача П. П. Рубецкого, почётного смотрителя А. П. Кантора, в моём присутствии подробно осмотрела училище со всех сторон, составила его план и нашла, что ничего антисанитарного в училище нет, что «оно, училище, производит благоприятное впечатление».

К сказанному могу добавить, что в текущем учебном году, то есть под моим управлением, совсем не было заболеваний эпидемического характера и что занятия в училище не прерывались из-за них ни на один день. Это обстоятельство служит лучшим доказательством здорового, нормального состояния училища, что учащиеся, о здоровье которых мнимо пекутся мои обвинители, здоровы, и пребывание их в стенах училища не отзывается вредно на их здоровье. Аккуратность посещения уроков прекрасная.

Для вентиляции в каждом классе училища имеются форточки, которые открываются во время перемен. Кроме форточек, громад-

ная вентиляция происходит и через двери (створчатые), устроенные с большим расчётом на тёплый климат Петропавловска, и через окна, вторые рамы которых заклеены бумагой, прорываемой учениками, и даже через потолок, на котором насыпан очень тонкий слой земли, дающий свободный выход тёплому воздуху училища наружу. Кроме того, над залом, в средине потолка, сверх подшивки устроено большое четырёхугольное окно, прикрытое дощатой покрышкою.

Через это окно, которого учителя Яременко и Оселедько, вероятно, никогда не видали, хотя и были оба временными инспекторами училища, выходит так много тепла, что приходится только удивляться, как ещё возможно поддерживать в училище нормальную температуру. Правда, ученики говорят, что при Циунчике бывало в училище холоднее, чем теперь, и... Яременко с Оселедько на это тогда не жаловались. Этот дефект в постройке ни Циунчик, ни мои обвинители до сих пор не устранили.

Относительно низкой температуры в училище, указанной в телеграмме, должен сказать следующее. В одну из бурных ночей, когда со вновь построенных в Петропавловске торговых рядов сорвало крышу, когда были сорваны двери в наружном клозете и на чердаке училища, в эту ночь той же бурею была отворена форточка в окне второго класса и вырвана внутренняя рама в первом классе. По этой причине во втором классе утром температура была ниже нормальной, и учитель Оселедько сейчас же внёс в класс термометр. Увидя, что температура ниже нормы, он не пожелал заниматься в этом классе и ушёл. В остальных классах уроки шли без остановки. Следовательно, стоило только учителю Оселедько растворить дверь второго класса, и температура этой комнаты сейчас же сравнялась бы с остальными, и урок бросать ему не пришлось бы. Да и в классе не было так холодно, чтобы прекращать занятие: ученики сами не пожелали надеть верхнее платье, несмотря на моё предложение одеться. Печи накануне были вытоплены, как и всегда.

Ученики этого класса поняли, что нужно учителям, и сами уже начали отворять форточку, чтобы температура в их классе не поднималась. Я несколько раз входил к ним и приказывал закрыть форточку; но после моего ухода они снова открывали её. Другие преподаватели, кроме Оселедько и Яременко, уроков в этом классе не прекращали, ибо температура после раскрытия дверей этого класса уравнялась с остальными. В тот же день учитель Оселедько без всякого предупреждения или объяснения не пожелал дать урока

гимнастики девочкам и ушёл домой, хотя температура в зале, где бывает гимнастика, была нормальной. Попутно приходится отметить, что учителя Оселедько и Яременко также отказались принять участие в чтениях для учащихся с картинами волшебного фонаря, мотивируя свой отказ недосугом.

Из этих случаев видно, что названные выше учителя не только не желают помогать учащимся в развитии, но даже умеют бастовать, придравшись к первому подходящему случаю, и своим поведением только развращают учащихся (умышленное открывание форточек, когда в этом нет надобности), приучая их к легкомысленному отношению к учебному делу.

Обвинение меня в скупости я принимаю за лучшую обо мне аттестацию, даже за похвалу себе.

Благодаря этой скупости я имел возможность в текущем учебном году: а) заготовить своевременно и в достаточном количестве уголь для отопления зданий училища, б) уплатить около 500 руб. долгов училища, произведённых моим предшественником инспектором Циунчиком, человеком, очевидно, не скупым, но плохим хозяином, долговые требования (счета) из магазинов всё продолжают предъявлять, в) выписать по телеграфу, за поздним временем, все необходимые учебники и пособия для училища и педагогических курсов, вследствие чего учебное дело шло правильно, без задержек, г) своевременно успел заготовить прямо из Владивостока достаточное количество лесного материала для ремесленного отделения при училище, чего Циунчик никогда не производил, покупая всё необходимое в Петропавловске и платя за него вдвое дороже.

Всё это — результат моей скупости, результат моего жизненного опыта: не жалеть денег там, где они необходимы, где они приносят надлежащую пользу, и беречь их, когда нет основания бросать их на ветер, на роскошь и вообще непроизводительно.

Переходя ко второму пункту обвинений, я принужден сказать, что и здесь учителя Яременко и Оселедько лгут, подтасовывают факты (передергивают).

Доказательством сказанного служит прилагаемое к этому объяснению удостоверение курсистов Крупенина и Черных, из которого видно, что заботу об открытии педагогических курсов, то есть о своей наживе, проявил учитель Яременко задолго до моего назначения в Петропавловск, когда меня и в Хабаровске не было. Дело было, по словам этих курсистов, ещё в июне месяце 1913 г.

Учитель Оселедько также прикосновенен к этой заботе: он принимал поданные ими прошения и давал им надлежащий ход. Курсы эти нельзя считать вновь открытыми, а только продолженными, ибо открыты были они в 1911 г.

Открыты они с разрешения его превосходительства господина губернатора Камчатской области, как попечителя учебного округа, в заботах иметь на Камчатке для вновь открываемых начальных училищ кадр специально подготовленных учителей и учительниц из местных жителей, которые не будут стремиться уехать с Камчатки, как поступают учителя из России, но будут постоянными, а не случайными работниками на ниве народной, принося большую пользу населению, как местные жители, знакомые со всеми особенностями своей родины, с духом и образом мыслей камчадалов.

Не видно моей наживы, то есть жадности к деньгам, и в самом распределении количества уроков между мною и другими учителями, то есть в делении вознаграждения (денег за уроки). У меня, у Яременко, Оселедько и Курилова по десять уроков на курсах в неделю. Это означает, что я не захватил себе больше других, чтобы получать за них побольше денег. При этом считаю необходимым добавить, что на мою долю остались более трудные уроки: 1) преподавание физики с ведением опытов, за что в средней школе выдаётся особое вознаграждение, чего у нас нет, 2) преподавание педагогики и дидактики, 3) методики русского языка и практических занятий по нему курсистов в приходском училище, с прочитыванием и поправкой их конспектов и разбором данных ими уроков (критика) на заседаниях особых конференций.

Из сказанного следует, что материальная сторона в моих действиях по курсам не доминирует над учебным делом, как утверждают мои обвинители.

Поручение десяти уроков русского языка в высшем начальном училище произошло также не ради корысти моей. Приехавши 27 сентября с. г. в десять часов утра в Петропавловск, я в четыре часа того же дня, чтобы ускорить правильное функционирование учебного дела, собрал своих новых сослуживцев на заседание педагогического совета, на котором каждый из них, как учитель, был для меня знаком вопроса. Поэтому при распределении уроков между собою я предложил каждому из них взять для себя те предметы, преподавание которых ему больше нравится, с целью получения лучших успехов от такой постановки учебного дела. В результате получилось — уроки русского языка в двух старших классах и на педагогических курсах взялся преподавать учитель Яременко, а в двух

младших классах училища — временно исполняющий обязанности сверхштатного учителя В. П. Мышкин, назначенный на эту должность до моего приезда.

На мою долю остались те уроки, которые никто из них взять не пожелал: уроки физики с ведением опытов (опять без дополнительного вознаграждения) и уроки географии с черчением и раскрашиванием географических карт, которых ученики исполнять не умели.

Если поручение уроков русского языка учителю Мышкину, по словам учителя Яременко, оказалось неудачным, вредным для учащихся, то я не могу назвать удачным поручение и преподавание этого же предмета учителем Яременко, ибо из наблюдений за ходом учебного дела у него в текущем учебном году я убедился, что Яременко страдает многими крупными недостатками как преподаватель русского языка:

1) он слишком ценит прохождение теории по этимологии и синтаксису, то есть развивает в учениках зубрёжку в ущерб практическому, как более лёгкому и более продуктивному письменному изучению языка;

2) урок Яременко ведёт сухо, вяло, монотонно;

3) на своих уроках он не захватывает внимания учеников всего класса, то есть преподавание его неоживлённо, неинтересно, шаблонно. Класс, значит, у него не работает, не увлекается работой, а пассивно только слушает изрекаемые учителем истины, что не даёт прочных знаний в русском языке, как и в других науках;

4) очень мало даёт ученикам сочинений, то есть не развивает у них письменной речи;

5) как ярый и упрямый малоросс, сам неправильно ставит ударения в словах;

6) не обладает сам умением читать выразительно и

7) да и знания русского языка у него невелики: сам делает ошибки при письме и грамматическом разборе.

Бывает сильно недоволен, когда присутствуешь у него на уроках. Малое количество даваемых ученикам письменных работ (сочинений) объясняется очень просто: ему лень сидеть дома за исправлением ученических сочинений, как в стилистическом, так в грамматическом и прочих отношениях. Эта работа самая неприятная!

Подметив этот последний недостаток, я обратил на него внимание Яременко, но толку вышло мало. Тогда я внёс этот вопрос на обсуждение педагогического совета, который большинством голосов постановил, чтобы ученикам еженедельно давалось по одной,

хотя бы и небольшой, письменной работе. Учитель Мышкин стал исполнять это постановление совета, а Яременко остаётся при прежнем положении, то есть очень мало даёт письменных работ. Результат налицо: обещание исправить недостаточную грамотность курсистов Крупенина и Черных осталось неисполненным.

На моё указание, что с ними необходимо пройти практически всю этимологию и синтаксис, Яременко ответил, что это не его дело, что они при самом поступлении на курсы должны быть уже грамотными, что он обязан, согласно программе, проходить теорию словесности, а грамматику только повторять. И вот на курсах ведёт он зубрёжку грамматики, а курсисты остаются малограмотными.

Видя такое ненормальное положение дела, я предложил курсистам, кто желает, оставаться после уроков, чтобы проходить с ними практически более трудные случаи правописания (а следовательно, и грамматики). Охотно начали оставаться, как более слабые, Черных и Крупенин. Таким оборотом дела Яременко остался сильно недоволен. По его мнению, своими приватными занятиями я стараюсь подрывать его авторитет как учителя, что я ищу популярности между учениками и проч.

Да виноваты ли курсисты Черных и Крупенин, если их выпустили из городского училища (при Циунчике) малограмотными, но дали в руки свидетельства об окончании курса, то есть документ, дающий им право без экзамена поступать на курсы? Виноваты ли эти два курсиста, если Яременко уговорил их поступить на курсы, обещая исправить их правописание, но слова своего не исполнил, то есть вовлёк их в невыгодную сделку? Если же они были приняты на курсы, то наша святая обязанность, наш долг службы, наконец, исправить грехи своих предшественников-учителей и сделать курсистов грамотными людьми!

Но Еременко держится других убеждений: они должны сами стать грамотными, по щучьему веленью, а не при помощи труда и руководительства учителя! Видя, что грамотность курсистов по такому рецепту не улучшается, он начинает укорять их этой безграмотностью открыто, в классе, при всех товарищах, оскорбляя и унижая чувство личного достоинства каждого из них. Не щадит, значит, ни самолюбия, ни чувства личной гордости, советует немедленно уходить с курсов и подыскивать работу в другой области труда, а не готовиться в учителя.

В этом поступке Яременко я усматриваю превышение предоставленной ему власти как учителю. Его дело только учить, давать знания и развитие ученикам, вырабатывать в них охоту к самодеятельности

и самоусовершенствованию. Давать же те или иные советы вправе только и обязан начальник учебного заведения, если признает их необходимыми после того, как будут испытаны все средства к исправлению ученика и если они окажутся безуспешными. Если же все учителя начнут давать советы, подобные советам Яременко, то учебное заведение совсем останется без учеников.

Долго ли внушить ученику, не окрепшему умственно, не умеющему к советам учителя относиться критически, долго ли убедить его, что он неспособен к тому или другому предмету? Точно так же легко, наоборот, убедить ученика, что он может отлично справляться с любою задачею, с изучением любого предмета, умело показывая в каждом отдельном случае его интересные стороны, ведя преподавание в строгой последовательности — от лёгкого к более трудному. Внушение и умение в учебном деле играют, безусловно, более решающую роль, чем в других областях человеческого труда.

Насколько сильно подействовали советы Яременко на молодые, впечатлительные души камчадалов-курсистов, видно из того факта, что слушатель Черных не выдержал и заболел острою нервной горячкой с сильным бредом в буйной форме с угрозами по адресу Яременко — застрелить, сжечь его в квартире, убить в классе. Днём, перед болезнью, он, находясь, вероятно, в начальном периоде её, заходил в магазин Чурина, прося дать ему боевых патронов. К больному в ту же ночь мною был приглашён врачебный инспектор г. Фрид, которому так и не удалось добиться каких-либо ответов от Черных.

Больной всё время был в бессознании и сильном бреду с порывами бежать, ловить и бить Яременко. Порывы эти были так сильны и стремительны, что два курсиста и сторож не могли удержать его на койке. Этот бред больного, его угрозы по своему адресу, вероятно, хорошо слышал, по смежности комнат, Яременко, ибо на бывшем вскоре же заседании педагогического совета он начал было говорить на эту тему в повышенном тоне, употребляя по моему адресу выражения, явно оскорбительные для меня, как его ближайшего начальника.

Мне ничего иного не остаётся делать, как привлечь Яременко к судебной ответственности за оскорбление при исполнении мною служебных обязанностей, чтобы научить его элементарным правилам служебной дисциплины.

Под воздействием прописанных г. Фридом лекарств болезнь постепенно ослабевала, но продолжалась целую неделю, соединившись с ангиной. Недостаточно окрепнув, больной пошёл на уроки,

по окончании которых — к родной сестре. В результате, благодаря холодной, ветреной погоде, Черных заболел снова простудою левого уха и пролежал с месяц. Таким образом, неуместные и неумелые внушения Яременко явились причиною громадных нравственных и физических страданий курсиста Черных, с пропуском большого количества уроков.

Изрядную долю нравственных страданий от этих внушений Яременко перенёс и второй курсист — Крупенин, с неделю автоматически ходивший на уроки, не готовя их совсем, находясь в крайне удручённом и печальном настроении.

Перехожу, наконец, к третьему пункту обвинений, то есть обвинению меня в штрафовании учителя Мышкина за пропущенные им уроки без уважительных причин в мою личную пользу, то есть с корыстной целью. Я с негодованием протестую и категорически утверждаю, что и в этом случае выяснилась наглая ложь моих обвинителей.

Деньги, удержанные из платы учителю Мышкину за уроки, пропущенные им без уважительных причин, сданы мною 21 марта с. г. в Петропавловское казначейство под квитанцию за № 422 на восстановление кредита, что видно из прилагаемой к сему подлинной квитанции казначейства.

Учитель Мышкин, назначенный по ходатайству бывшего инспектора Циунчика временно исполнять обязанности сверхштатного учителя Петропавловского высшего начального училища, получал содержание заимообразно из суммы, отпущенной на ремонт здания училища, впредь до ассигнования министерством на содержание сверхштатного учителя особого кредита, о чём своевременно было возбуждено ходатайство.

В ответ получена 17 октября телеграмма за подписью товарища министра барона Таубе, что деньги, израсходованные на содержание сверхштатного учителя, могут быть возмещены из остатков кредита 1914 г. Эта телеграмма показала, что средств на содержание сверхштатного учителя нет, и Мышкин среди учебного года, когда всюду вакансии заняты, остался за флагом.

По словесному предложению его превосходительства господина губернатора Камчатской области, я предложил сослуживцам своим уплачивать Мышкину некоторую сумму за те уроки, которые он давал уже в высшем начальном училище. В противном случае его уроки пришлось бы разделить между всеми учителями. Чтобы не выбрасывать товарища за борт, было решено платить Мышкину

по 15 руб. в месяц от каждого из четверых нас, в дополнение к получаемому им вознаграждению за уроки пения и на курсах, то есть не оставлять его без куска хлеба на далёкой Камчатке.

Вот эту-то нашу плату Яременко и Оселедько называют «содержанием из неофициальных источников». Ничего унизительного в этой плате ни для кого из нас я не усматриваю.

Давши оценку учителю Яременко, как преподавателю русского языка, я буду несправедлив, если не скажу нескольких слов про учителя Оселедько. В своей телеграмме они пишут, что на втором курсе из троих слушателей один, вернее, одна, имеет годовой балл два по арифметике. Это указание касается слушательницы курсов Монаковой, находящейся на курсах третий год. Она в своё время (1911 г.) окончила курс Петропавловского шестиклассного городского училища, тогда же поступила на педагогические курсы и весной 1912 г. была переведена на второй курс, то есть учебное дело шло у неё нормально.

Но вот появляется в качестве учителя арифметики г. Оселедько, и успехи Монаковой сразу идут под гору: весною 1913 г. она, имея уже годовой балл два, не оканчивает педагогических курсов, и осталась бы совсем за бортом, если бы не были открыты курсы снова. Только благодаря последнему обстоятельству, она и двое её однокурсников снова поступают на второй курс.

На первом же четвертном педагогическом совете учитель Оселедько, аттестуя успехи Монаковой по арифметике баллом два, пояснил, что она в арифметике совсем ничего не понимает, что её умственное развитие ниже учеников приходского училища, что она не может быть учительницей и т. д.

Усомнившись в такой аттестации Монаковой, я спросил её, почему она не успевает по арифметике? В ответ услышал следующее (приблизительно): «С самого приезда учитель Оселедько начал нападать на меня за то, что я не могла быстро и сразу отвечать на его вопросы, не могла идти в уровень со своими лучшими товарищами по классу, а потому он начал обзывать меня при всём классе тупой, бестолковой и прочими эпитетами. Все эти клички и ругань так на меня подействовали, что я в его присутствии теряю всякое соображение, ожидая какой-нибудь новой колкости и неприятности, я перестаю соображать самые элементарные вещи, у меня совсем язык не ворочается в его присутствии».

Чтобы проверить слова того и другого, я предложил Монаковой порешать при мне несколько задач по арифметике после уроков.

Она охотно согласилась. Задачи я давал Монаковой различного характера и из разных отделов арифметики. От этого опытного урока у меня составилось твёрдое убеждение, что Монакова обладает и умением решать задачи, и умением считать устно, и не забыла даже тройных и прочих правил из высшего курса арифметики, хотя в последнее время Оселедько из этого отдела перестал её и спрашивать.

Следовательно, Оселедько, не умея обращаться на уроках с учащимися-ученицами, задёвая и оскорбляя их самолюбие и гордость, достигает совсем не тех результатов, то есть не развивает их, а только притупляет их умственные способности, понижает их самодеятельность и прививает им апатию и отвращение к учению или к своему предмету преподавания.

Что Монакова не тупица и не идиотка, как её старается обрисовать г. Оселедько, видно из того обстоятельства, что она оказывает удовлетворительные успехи по алгебре и геометрии, которые в этом классе преподаёт не Оселедько, а учитель Курилов. А ведь алгебра и геометрия, как науки математические, требуют не меньше воображения, смекалки и настойчивости в занятиях, чем арифметика. Для характеристики успешности занятий по разным предметам прилагаю при сем же свидетельства об успехах как Монаковой, так равно Крупенина и Черных.

Учитель Яременко, как и товарищ его по квартире и духу учитель Оселедько, оба они — не педагоги в душе, не те деятели на ниве народной, которые ведут молодёжь к разумному, доброму, вечному, развивая и обогащая души детей знаниями, опытностью, сообразительностью, влечением ко всему высокому, светлому, вызывая из глубины их чистой души всё прекрасное, радостное, ценное. Нет. Это — чиновники-формалисты, это — педагоги в футляре, которые во всём соблюдают только внешность, формальность, а всё остальное, в том числе и души детей, их внутренний огонь, могущий развиться в пламя, наконец, будущность детей, как граждан нашего великого государства, — всё это наших педагогов, вроде Оселедько и Яременко, нисколько не интересует и не трогает. Пусть всё гибнет, лишь бы они были живы и сыты...

Если к этой характеристике учителей Яременко и Оселедько прибавить ещё и то обстоятельство, что живут они в Петропавловске так замкнуто, что мало кто их и знает в городе; что они, сидя всегда в своих четырёх стенах, до того одичали, что все жители Петропавловска им кажутся только пьяницами, развратниками,

плутами, чуть не грабителями; что ни об одном человеке не услышишь от них хорошего отзыва или мнения: что оба они плохие христиане, ибо в храм божий ходят только с учениками, в дни своих дежурств; что, наконец, оба они, в политическом отношении крайних левых убеждений, как я убедился из бесед с ними, то личность каждого из них будет совсем раскрытая: это волки в овечьей шкуре!

Суммируя всё вышесказанное, я прихожу к такому выводу, что учителя Яременко и Оселедько положительно вредны для Петропавловского высшего начального училища и педагогических при нём курсов, и служить совместно с ними, с пользою для учебного дела, совершенно невозможно. А потому я бы почтительнейше просил ваше превосходительство ходатайствовать пред его превосходительством господином губернатором Камчатской области, как попечителем учебного округа, об освобождении вверенного мне Петропавловского высшего начального училища от таких крайне вредных и нетерпимых педагогов.

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 295. Л. 16—23об.

Журнал комитета Петропавловского драматического общества от 20 мая 1914 г.

За председателя товарищ председателя А. Г. Чаплинский. Члены А. Н. Кровякова, К. И. Кодылев.

По открытии заседания комитету было доложено предложение членов общества о наименовании здания драматического общества театром С. М. и Н. В. Мономаховых, изъявивших на это своё согласие, заявление нескольких членов общества о приобретении для зала портретов С. Н. и Н. В. Мономаховых, о выбытии из состава комитета М. А. Сомовой и Я. С. Неймана, о пожертвованиях обществу: А. В. Косьяновым — 2 000 руб., Л. В. Даттаном — 1 000 руб. и И. Л. Хлоптуновым — 500 руб.

Постановлено: внести эти вопросы на рассмотрение общего собрания и предложить ему избрать А. В. Косьянова, Л. В. Даттана и И. Л. Хлоптунова почётными членами общества, избрать новых членов комитета взамен выбывших и приобрести для зала театра также портрет А. Г. Чаплинского, принимавшего непосредственное участие в постройке здания театра и разрешении находившихся в связи с этой постройкой вопросов.

В число вопросов, подлежащих рассмотрению общего собрания, включить также выбор новых членов и сценариуса-реквизитора.

На эту последнюю должность предложить избрать А. П. Журавского, наиболее, по мнению комитета, к ней подходящего по своему ревностному отношению к сценической деятельности.

Затем комитету было доложено о желании общественного собрания чинов Министерства внутренних дел в г. Петропавловске, открываемого на основании утверждённого министром внутренних дел устава, войти с драматическим обществом в соглашение относительно предоставления общественному собранию здания общества на те дни, в которые решено будет собираться, а также пользование бильярдом и буфетом.

Принимая во внимание сложность этого вопроса, находящегося в непосредственной связи с финансовым положением дел общества, комитет постановил: предложить общественному собранию избрать из числа членов общества специальную комиссию для всестороннего освещения этого вопроса и выработки проекта соглашения с общественным собранием, который должен быть рассмотрен комитетом и доложен на окончательное разрешение общему собранию.

После этого были прочитаны: 1) заявление И. П. Рыкова, предлагающего приобрести у него динамо-машину, двигатель и кинематографический аппарат вместе за 4 700 руб., номинальной по счетам их стоимости за 2 700 руб. и 2) телеграмма председательницы С. М. Мономаховой от 15 мая о приобретении нового, последней системы кинематографического аппарата за 400 руб. с просьбой перевести для этой цели и приобретения всей арматуры театра 1 000 руб.

Имея в виду устарелость машины и аппарата, предлагаемого И. П. Рыковым, и более выгодную покупку кинематографического аппарата председательницей комитета, комитет постановил предложение И. П. Рыкова отклонить.

Затем было доложено комитету нижеследующий результат устроенного комитетом базара: киоск Л. Н. Кровяковой, С. В. Огородниковой и А. С. Лех выручил 100 руб. 85 коп., киоск Е. В. Щипчинской и М. П. Апрелевой — 79 руб. 05 коп., киоск Е. П. Кодылевой — 72 руб. 95 коп., киоск Е. М. Клочковой — 116 руб. 85 коп.

Чайный буфет А. В. Шадриной — 53 руб. 70 коп. От продажи — 7 руб. 20 коп. Входных билетов — 84 руб. Всего 508 руб. 60 коп.

Постановлено: выразить благодарность всем принимавшим непосредственное участие в устройстве базара и тем содействовавшего его успеху и просить дам, членов общества, организовать

продажу шампанского, конфетти и беспроигрышную лотерею из оставшихся от базара вещей после имеющего быть устроенного в мае спектакля.

РГИА ДВ. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 1. Л. 25—26.

Список первых короткометражных кинокартин, показывавшихся в Петропавловске в 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны

Поскольку после демонстрации одной катушки делался перерыв, каждая программа состояла из нескольких лент. Сохранившиеся в РГИА ДВ накладные кинопрокатной конторы товарищества «Алексеев, дон Отелло и Ко» позволяют узнать название картин, которые были присланы в Петропавловск из Владивостока в 1914 г. Список этот любопытен и может заинтересовать не только краеведов Петропавловска, но и историков отечественного кино.

Вот один из таких списков:

Программа № 11. «Семирамида», драма; «Зиза», драма; Римские фонтаны, натур. (то есть видовая картина. — *Ред.*); Журнал «Гомон»; «Что значит стать богатым», комедия, «Злополучный мостик», комедия; «Агриппина», драма; «Неудавшийся шантаж», драма.

Программа № 12. «Жизнь арабов», натур.; журнал «Гомон»; «Так юность решила», комедия; «Глупышкин женится», комедия; «Кавказский пленник», драма.

Программа № 13. «Дочь клоуна», драма; «В дельтах Египта», натур.; журнал «Гомон»; «Фрико изучает трагическую роль», комедия; «Древний воин», комедия.

Программа № 14. «Две испанки», драма; «С сердцем не шутят», драма; «Юбилейные торжества»; журнал «Гомон»; «Удары судьбы», комедия; «Магическое воровство», комедия.

Программа № 15. «Разорённое гнездо», драма; «Сила любви», драма; «Смоленские торжества» (к 300-летию Дома Романовых. — *Ред.*); журнал «Гомон»; «Месть школьника», комедия; «Пренс решил умереть», комедия.

Программа № 16. «Обет», драма; «Ценой позора», драма; «Производство бамбуковых шляп».

Программа № 17. Журнал «Эклер»; «Торжество в Новгороде»; «Где много женщин, там мало толку», комедия; «Путь порока», драма; «Искусительница», драма; «Английский курорт»; «Жур-

нал Пате», французская фильма; «Проделки денщика», комедия; «Ну и дороговизна!», комедия.

Программа № 18. «Жизнь как она есть» (два отделения), драма; «Культ Наполеона», комедия; «Игра в прятки», комедия.

Программа № 19. «Монтемаранс», драма; «Севильская ведьма», драма; «Полтавские торжества», «Дели — город Индии», натур.; «Вулканы в Австралии», «Отчаянный мотоциклист», комедия.

Программа № 20. «Осада Сарагосы», драма; «Река Тарна»; «Железная маска», драма; «Парфорская охота»; «Акробаты-комики»; «Ну и тогда», комедия.

Программа № 31. «Пахита», драма; «За золото», драма; журнал; «Олимпийские игры»; «Месть старого холостяка», комедия.

Программа № 32. «Мадмуазель Скудери», драма; «Сильнее смерти», драма; журнал «Эклер»; «Остров Мальта»; «Контрамарку вы добились», комедия.

Программа № 33. «Жестокая расплата», драма; «Факел под спудом», драма; журнал «Эклер»; «Улитка», натур.; «Ночные воры», комедия.

Программа № 34. «Душевная буря», драма; «Умер для закона», драма; «Похороны Столыпина».

Программа № 35. «Торжества в Петербурге»; «Сказание о добром короле», «Под зонтиком», комедия; «Женщина-вампир» (два отделения), драма; «Итало-турецкая война»; «Торжества в Москве»; «Разгаданная хитрость», комедия.

Программа № 36. «Месть Лициния», драма; «Катерина», драма; «Гибель броненосца “Либерти”»; «Итало-турецкая война»; «Гибель парохода “Тохаса”»; «Скандалини крадёт ботинки».

Программа № 37. «Навстречу смерти», драма; журнал «Эклер»; «Мадрид и испанская армия; «Да здравствует Рим!», натур.; «Ночная тревога», комедия.

Программа № 38. «300-летие Дома Романовых» (три отделения); журнал «Эклер»; «Обворованный вор», комедия.

Программа № 39. «Вдохновительница» (два отделения), драма; «Железные зубы», драма; «Журнал Пате»; «Крыса карапуза», комедия; «Охота за наследством», комедия; «Глупышку перехитрил», комедия.

Программа № 40. «В глуши дремучих лесов» (два отделения), драма; «Журнал Пате»; «Крыса карапуза», комедия; «Охота на наследство», комедия.

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 280. Л. 15—17.

Обращение губернатора Камчатской области Н. В. Мономахова к населению Петропавловска, 1 августа 1914 г.

Мною, губернатором Камчатской области, коему высочайше вверено управление этой областью, получено известие, что германский крейсер «Гнейзенау» направляется к берегам Камчатки. Следует думать, что он придёт в Петропавловск, может быть, завтра или послезавтра.

Так как мы находимся в войне с Германией, то считаю необходимым предупредить население, что со стороны вражеского судна могут быть предприняты против Петропавловска и его населения те или иные насильственные действия: насилия против личности, расхищение имущества, убой скота и т.п.

Предупреждая население о вышеизложенном, рекомендую жителям Петропавловска теперь же озаботиться о вывозе из Петропавловска в селения Завойко, Паратунка и другие места женщин, детей, а также того имущества, которое они пожелают сохранить.

На случай, если для охраны порядка или для действия против неприятеля будет сформирован отряд добровольцев, предлагается лицам, желающим вступить в состав этого отряда, теперь же заявить о своём желании начальнику Камчатской жандармской команды ротмистру К. Н. Бологовскому.

Уверен, что население города Петропавловска сохранит полный порядок и будет в точности исполнять указания тех лиц, которым мною поручены будут все действия и распоряжения, связанные с приходом неприятельского корабля.

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 5. Д. 257. Л. 5.

Сообщение камчатского областного инженера председателю Центральной сейсмической комиссии при Императорской Академии наук от ноября 1914 г.

За окончанием и приёмом в казну здания сейсмической станции 2-го разряда в г. Петропавловске в районе радиотелеграфной станции, в долине реки Поганки, препровождая при сем: акт приёмки здания будущим наблюдателем, исполнительный чертёж постройки и фотографические снимки с натуры.

Губернатор (*подпись*),
камчатский областной инженер (*подпись*),
гражданский инженер (*подпись*)

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 111. Л. 81.

Протокол заседания членов комитета Петропавловского литературно-драматического общества от 18 декабря 1914 г.

Присутствовали: А. Г. Чаплинский, К. А. Ковальчук, К. И. Кодылев, И. С. Багинов, С. М. Лех.

Слушали: об устройстве ёлки и других увеселений на Святках.

Постановили: 27 декабря устроить ёлку для детей: с четырёх часов вечера и платой за вход с правом получения подарков по три рубля на ребёнка. Организацию этого дела просить принять на себя члена комитета Константина Ильича Кодылева.

28 декабря поставить пьесу Андреева, выбранную любителями, «Дни нашей жизни». После спектакля — танцевальный вечер, «летучая почта», конфетти, серпантин и проч.

31 декабря. Иллюзион до одиннадцати часов вечера. Встреча Нового года, уточнить по подписке, танцы.

Организацию ужина просить принять на себя Марию Александровну Сомову.

4 января. Иллюзион. Японская борьба.

6 января. Общедоступный маскарад с двумя ценными призами, дамским и мужским, за оригинальные костюмы. Призы выдать по присуждению публики.

РГИА ДВ. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 1. Л. 31—31об.

Сообщение начальника Приамурского почтово-телеграфного округа от 9 июня 1915 г.

В канцелярию приамурского генерал-губернатора

Имею честь уведомить канцелярию для доклада его высокопревосходительству господину главному начальнику края, что с 6 июня с. г. между г. Петропавловском-на-Камчатке и Очиши на острове Иезо (Япония) установлен непосредственный обмен телеграмм.

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 957. Л. 264.

Протокол заседания комиссии по надзору за ходом торговли в Петропавловске от 7 апреля 1916 г.

Утверждаю. 9 апреля 1916 г.
Губернатор *Н. Мономахов*

Присутствовали: председатель комиссии статский советник С. А. Грюнер, постоянные члены комиссии П. П. Рубецкий,

К. И. Кодылев, приглашённые: агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий, представители фирмы «Чурин и Ко» Г. П. Дьяконов и И. Д. Тимофеев.

1. Рассмотрено заявление торгового дома «Чурин и Ко» о временном утверждении цен на полученные с пароходом «Колыма» продукты, на которые значительный спрос в данное время.

Комиссия нашла приемлемыми предложенные торговым домом «Чурин и Ко» цены и постановила: просить губернатора утвердить временно следующую расценку:

мука 1-го сорта за пудовый кулек — 4 руб. 85 коп.;

мука ржаная за пуд — 3 руб. 20 коп.;

сахар пилёный за фунт — 27 коп.;

сало топлёное за фунт — 40 коп.

2. Ввиду незначительного количества привезённого сахара (100 пудов) комиссия постановила просить разрешения губернатора отпускать сахар только по запискам комиссии не более 10 фунтов для семьи на одну неделю.

Председатель комиссии *Грюнер*

РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 5. Д. 346. Л. 8.

Газетное сообщение о начале благоустройства города, октябрь 1916 г.

Администрация нашего города приступила к благоустройству города. Так, например, уже отдано распоряжение об установке в нашем городе на первое время 30 фонарей. Уже исправлены мосты, по которым за последнее время рискованно было ездить.

Заодно не мешало бы убрать опасные постройки с главной улицы: дом, находящийся против агентства Добровольного флота, и очень древний сарай ещё времен Камчатского торгово-промышленного общества, что против магазина Лазарева.

Камчатский листок, 5 октября 1916 г., № 668.

Приказ губернатора Камчатской области 11 октября 1916 г.

Признавая крайне важным и необходимым планомерную застройку гор. Петропавловска, а в связи с этим возможно скорое и рациональное удовлетворение ходатайства об отведении земельных участков, в отмену моего приказа от 19 августа 1914 г. за № 165 назна-

чаю для отвода земельных участков под постройки домов, пакгаузов, складов и проч. особую комиссию в следующем составе:

— председателем — исполняющего обязанности правителя моей канцелярии коллежского асессора Червлянского;

— членами комиссии — исполняющего обязанности камчатского областного агронома коллежского секретаря Добровольского, начальника Петропавловского уезда, делопроизводителя моей канцелярии коллежского регистратора Воротникова, как бывшего отводчика площадей, знакомого с порядком отвода городских земель, начальника Петропавловской почтово-телеграфной конторы коллежского советника Королевича, секретарём комиссии — секретаря Петропавловского уездного полицейского управления Пурия, на которого возлагается ведение и хранение всех дел и переписок, относящихся к отводу земель.

Протоколы заседаний означенной комиссии должны представляться на моё утверждение, без коего законной силы не имеют.

Областного инженера Багинова, обременённого исполнением своих прямых обязанностей, признаю необходимым для пользы службы от тех обязанностей члена вышеуказанной комиссии освободить.

Губернатор действительный статский
советник *Мономахов*,
исполняющий обязанности правителя
канцелярии *Червлянский*

Камчатский листок, 15 октября 1916 г., № 676.

Содержание

От редактора 3
Предисловие Б. П. Полевого 10

Петропавловск во времена Второй Камчатской экспедиции (1740—1742 гг.)

Возвращение пакетбота «Св. Павел» в Петропавловск из плавания к берегам Америки 10—12 октября 1741 г. (выписки из вахтенного журнала) 24
Из письма Д. Л. Овцина М. П. Шпанбергу о возвращении с острова Беринга в Санкт-Петропавловскую гавань от 25 ноября 1742 г. 25

Во второй половине XVIII в.

Указ Большерецкой канцелярии купцам Г. И. Шелихову и П. С. Лебедеву-Ласточкину о снаряжении экспедиции на Курильские острова от 3 марта 1775 г. 29
Рапорт штурманского ученика Г. Г. Измайлова о посещении острова Уналашка экспедицией Д. Кука от 20 апреля 1779 г. 31
Рапорт главного командира Камчатки премьер-майора М. Бема, приложенный к письму иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому от 16 сентября 1779 г. 33
Письмо генерал-прокурора А. А. Вяземского иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке от 10 декабря 1779 г. 34
Письмо Иркутского губернатора Ф. Н. Клички генерал-прокурору А. А. Вяземскому от 29 мая 1780 г. с изложением рапорта капитана В. И. Шмалёва о вторичном прибытии в Петропавловскую гавань английских кораблей 35
Из письма Ж. Ф. Г. Лаперуза посланнику Франции в России Луи-Филиппу Сегюру 36
Рапорт А. Гилёва И. И. Биллингсу об описании Курильских островов, 14 октября 1790 г. 37

Годы первых русских кругосветных плаваний (1804—1846 гг.)

Второе пребывание «Надежды» в Петропавловске (с 5 июня до 5 июля 1805 г.) 43
Третье пребывание «Надежды» в Петропавловске (29 августа — 6 ноября 1805 г.) 45
Заметки М. И. Ратманова о пребывании в Петропавловске в 1804 г. 56
Воспоминания Г. И. Лангсдорфа о Петропавловске, 1806—1807 гг. 61
Описание Петропавловска, сделанное А. Шамиссо в 1816 г. 68

В. М. Головнин. Фрагменты из «Путешествия вокруг света в 1817, 1818 и 1819 гг.» 73
Из письма В. М. Головнина, отправленного из Петропавловской гавани 5 июня 1818 г. «первенствующему директору» Российско-Американской компании 79
Из неопубликованных записок друга А. С. Пушкина — Ф. Ф. Матюшкина о его пребывании в Авачинской губе в 1817 г. 81
Сведения о строениях в Петропавловском порте, 1818 г. 83
Предположения начальника Камчатки о производстве строений в Петропавловском порте, сообщённые сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским. Иркутск, 30 июня 1820 г. 84
Из указа № 28747 от 4 сентября 1821 г. «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» 86
Из письма графа Я. О. Ламберга, директора департамента внешней торговли 87
Появление в Петропавловске 1821 г. «пешего» английского путешественника Джона Дондаса Кохрейна 88
Плавание шлюпа «Аполлон» в 1821—1824 гг. под командой С. П. Хрущёва от порта Джексон (Австралия) 92
Из записок О. Е. Коцебу о его плавании на судне «Предприятие». Посещение Петропавловска в 1824 г. (9 июня — 20 июля) 93
П. Низовцев. «Краткое описание плавания вокруг света на шлюпе “Кротком” в 1825, 1826 и 1827 г.» (пребывание на Камчатке) 95
Рассказ Ф. П. Литке о своём первом пребывании в Петропавловске (13 сентября — 19 октября 1827 г.) 98
Выписка из введения к книге Ф. П. Литке, связанная с его первым посещением Петропавловска 99
Второе пребывание Ф. П. Литке в Петропавловске (28 мая — 15 июня 1828 г.) 100
Третье пребывание Ф. П. Литке в Петропавловске (19 сентября — 19 октября 1828 г.) 100
Из рассказа доктора Китлица, участника плавания Фёдора Литке на шлюпе «Сенявин» в конце сентября 1827 г. 101
Рапорт директору строительного департамента по морской части от 5 марта 1828 г. 102
Выписка из журнала комитета образования флота, 4 мая 1828 г. 103
Копия с рапорта начальника Камчатки капитана 2-го ранга А. В. Голенищева министру внутренних дел А. А. Закревскому от 30 июня 1829 г. 113
О составлении в Камчатке земледельческой компании, 1831 г. 117

Рапорт начальнику Главного морского штаба о назначении учителей в Камчатскую ремесленную школу от 12 июня 1831 г. 118
Воспоминания В. С. Завойко о его первом пребывании в Петропавловске летом 1835 г. 119
Наличие инструментов в камчатской ремесленной школе на 1 января 1836 г. 125
Обращение к «его высокоблагородию господину начальнику Камчатки, флота капитану 1-го ранга и кавалеру Якову Ивановичу Шахову» от 8 июня 1838 г. 126
Рапорт начальника Камчатки Я. И. Шахова в Иркутскую казённую палату от 20 июня 1838 г. 126
Из «Записки о Камчатке» Н. В. Страннолюбского, составленной в 1840 г. 127
О пребывании в Петропавловске моряков транспорта «Або» (с 20 сентября до конца ноября 1841 г.) 129
Предписание начальника Камчатки Петропавловскому городовому старосте от 23 ноября 1842 г. 149
Предложения начальнику Главного морского штаба по снабжению Петропавловского порта от 22 сентября 1843 г. 150
Объявление начальника Камчатки «О неправильной торговой части» петропавловскому городовому старосте от 9 сентября 1843 г. 159
Писатель И. В. Фёдоров-Омулевский о Петропавловске 1840-х гг. 160
Впечатления инспектора Ивана Булычёва о Петропавловске и Камчатке 166

Время тревог и героизма (1847—1855 гг.)

Объявление командирам иностранных коммерческих судов, прибывающим в Петропавловск, 1847 г. (полный текст) 172
О пребывании в Петропавловске И. Г. Вознесенского в 1847 г. 174
Английский «турист» Самюель Хилл о своём пребывании в Петропавловске в 1848 г. 176
Из записок английского натуралиста Бецольда Симана о пребывании в Петропавловске в 1848 г. английского судна «Герольд», капитан Г. Келлет 180
Инструкция командиру транспорта «Байкал» капитан-лейтенанту Г. И. Невельскому, 1848 г. 183
Из книги Г. И. Невельского о событиях 1849 г. 185
Из письма генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому от 14 января 1850 г. 188
Из письма Н. Н. Муравьёва к министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому от 6 марта 1850 г. 189
Рапорт начальника Камчатки Р. Г. Машина о вводе в действие маяка в Авачинской губе, июль 1850 г. 190

Ведомость казённым зданиям морского ведомства в Петропавловске, 5 октября 1850 г. (через два месяца после вступления В. С. Завойко в должность) 192
Инструкция командиру корвета «Оливуца» капитан-лейтенанту Сущёву, отправляющемуся в крейсерство к камчатским берегам в 1851 г. 195
Из письма начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова военному министру от 23 января 1851 г. 198
Повеление императора Николая I начальнику Главного морского штаба от 14 марта 1851 г. 198
Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва начальнику Главного морского штаба А. С. Меншикову от 10 мая 1851 г. 199
Рассказ о вступлении В. С. Завойко в должность камчатского губернатора 200
Из камчатских дневников Михаила Корсакова (1851 г.) 203
Из воспоминаний геолога Карла Дитмара, 1851—1852 гг. 218
Распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва исправляющему должность военного губернатора Камчатки В. С. Завойко от 24 ноября 1851 г. № 1002 242
Сообщение В. С. Завойко штабс-капитану Лорчу от 19 марта 1852 г. 243
Выписка из журнала входящей корреспонденции на имя исправляющего должность военного губернатора Камчатской области, февраль 1852 г. 244
Рапорт В. С. Завойко начальнику Главного морского штаба о деятельности в 1850—1852 гг. от 5 декабря 1852 г. 245
Особое мнение полковника корпуса корабельных инженеров С. О. Бурачека, поданное им «в комитет при слушании журнала сего комитета», состоявшегося 26 июня 1853 г. 254
Отчёт о произведённых работах при Петропавловском порте с 18 мая по 9 декабря 1853 г. 258
Рапорт В. С. Завойко генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву о школе кантонистов в Петропавловске, до 1854 г. 259
Приказ В. С. Завойко от 17 августа 1854 г., ярко характеризующий отношения между ним и капитаном 1-го ранга А. П. Арбузовым 261
Официальное донесение британскому адмиралтейству о нападении на Петропавловский порт 262
Письмо капитана Р. Бурриджа к капитану Ф. Никольсону 266
Потери убитыми и ранеными на английских судах во время нападения на Петропавловский порт 267
Официальное французское известие о сражении под Петропавловском 268
Отчёт о произведённых работах при Петропавловском порте за 1854 г. 274

Некоторые выписки из годового отчёта В. С. Завойко за 1854 г., относящиеся к обороне Петропавловска 277
О выдаче денег, пожертвованных вдовам убитых во время обороны Петропавловска в 1854 г., 12 октября 1854 г. 278
Известия из Петропавловска, ноябрь 1854 г. 279
Распоряжение В. С. Завойко от 26 января 1855 г. 280
Предложения комиссии по подготовке волонтёров, декабрь 1854 г. 280
Господину медицинскому инспектору Камчатской области А. Ленчевскому, 26 апреля 1855 г., № 572 282
Господину камчатскому военному губернатору медицинского инспектора Камчатской области, 26 апреля 1855 г. 282
Свидетельство, выданное А. И. Яркову, октябрь 1857 г. 283
Полный послужной список адмирала Василия Завойко, составлен 14 июля 1897 г. 284
Справка № 1239/66 Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР от 14 декабря 1984 г. 291

Окружной городок и планы возрождения Камчатской области (1856—1909 гг.)

Представление настоятеля Петропавловского собора архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому Иннокентию от 12 августа 1858 г. 299
Воспоминания моряка А. К. Де-Ливрона (корвет «Калевала») о пребывании в Петропавловске в 1861 г. 300
Дж. Кеннан о Петропавловске в 1865 г. 304
Рапорт исправляющего должность чиновника особых поручений титулярного советника А. Ф. Филиппеуса военному губернатору Приморской области Восточной Сибири, до 1869 г. 313
Рассказ К. К. Неймана о посещении Петропавловска на клипере «Гайдамак» в 1875 г. 314
Докладная записка министру внутренних дел петропавловского купца первой гильдии, надворного советника А. Ф. Филиппеуса, 26 марта 1876 г. 319
Отрывок из официального отчёта о положении в Петропавловске аборигенов Курильских островов в 1878—1879 гг. 320
Рапорт охотского окружного исправника военному губернатору Приморской области от 17 июля 1879 г. из Петропавловского порта 321
Из «Ведомости о пришедших к городу Петропавловску и отходивших от него в навигацию 1879 г. судов, а также о привезённых и вывезенных на этих судах товарах» 325
Донесение Петропавловского городового старосты в Петропавловское окружное полицейское управление от 29 апреля 1880 г. 326
Сообщение Петропавловскому окружному исправнику от 1 января 1882 г. 327

Из записок В. Ф. Руднева о его посещении Петропавловска на крейсере «Африка» в 1881 и 1882 гг. 327
Выписка из книги записи прихода и расхода городских средств за июль и август 1882 г. 332
Посещение Петропавловска английской яхтой «Марчеза», 1882 г. Из книги Ф. Х. Х. Гюйллемарда (Ф. Гиллмарда) 334
Мнение контрагента казны надворного советника А. Ф. Филиппеуса о снабжении Камчатки, до 1884 г. 343
Посещение Петропавловска штабс-капитаном А. А. Ресиным, отправленным для обследования северных районов Дальнего Востока, 1885 г. 354
Из проекта преобразования управления Приамурским краем от 3 сентября 1886 г. 357
Решение департамента общих дел Министерства внутренних дел «Об изменении в устройстве управлении в Приморской, Амурской и Забайкальской областях» от 14 марта 1888 г. 370
О пребывании С. О. Макарова в Петропавловске летом 1888 г. 370
Извещение канцелярии приамурского генерал-губернатора исправляющему должность губернатора Приморской области, 3 сентября 1888 г. 372
Сообщение Петропавловского окружного начальника военному губернатору Приморской области от 7 июня 1891 г. 372
Постановление общего собрания Петропавловского городского общества, 8 ноября 1891 г. 372
Проект устава «Общества изучения полуострова Камчатки», 1892 г. 373
Отказ в учреждении «Общества изучения полуострова Камчатки» от 11 февраля 1893 г. 380
Отказ камчатского окружного начальника 382
Приказ об открытии в Петропавловске одноклассного училища от 19 апреля 1893 г. 383
Описание Петропавловска, данное кандидатом естественных наук В. П. Маргаритовым, 1899 г. 384
Характеристика Петропавловска, данная П. Ф. Унтербергером, 1900 г. 386
Судовая декларация от 11 мая 1901 г. 387
Представление военного губернатора Приморской области в канцелярию Приамурского генерал-губернатора от 28 июня 1902 г. 388
В. Г. Тан-Богораз в Петропавловске 389
Из книги А. А. Прозорова «Экономический обзор Охотско-Камчатского края», 1902 г. 391
Рапорт прапорщика флота В. Потапова начальнику Петропавловского уезда, 31 июля 1905 г. 403
Объявление Петропавловского городского управления, 18 апреля 1906 г. 404

Приглашение Петропавловского городского управления от 26 апреля 1906 г. 405
Объявление Петропавловского городского управления от 30 мая 1906 г. 405
Известия Г. А. Крамаренко о Петропавловске в 1907 г. 406
Секретное донесение начальника Петропавловского уезда военному губернатору Приморской области от 5 июня 1907 г. 407
Сообщение начальника Петропавловского уезда С. М. Леха о бедственном положении местной больницы от 31 октября 1907 г. 408
Из доклада П. Ф. Унтербергера «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края», 24 марта 1908 г. 412
Из речи министра внутренних дел П. А. Столыпина в Государственной Думе от 31 марта 1908 г. 415
В. Л. Комаров о пребывании в Петропавловске в 1908 г. 416
Представление военного губернатора Приморской области В. Е. Флуга приамурскому генерал-губернатору от 3 августа 1908 г. 427
Из доклада Министерства внутренних дел «Об административном переустройстве Приморской области» от 29 октября 1908 г. 428

Петропавловск — вновь областной центр (1909—1917 гг.)

Временное положение об управлении Камчатской областью (из указа от 17 июня 1909 г.) 436
Телеграмма приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел от 10 августа 1909 г. 438
Протокол с места происшествия от 22 сентября 1909 г., г. Петропавловск-на-Камчатке 439
Краткая история Петропавловской больницы из её отчёта за 1909 г. 440
Доклад канцелярии приамурского генерал-губернатора от 14 мая 1910 г. 441
Первый год деятельности губернатора Камчатской области В. В. Перфильева по отчёту председателю комитета по заселению Дальнего Востока Министерства внутренних дел от 14 ноября 1910 г. 443
Врач военного транспорта «Колыма» Л. Н. Тамм о Петропавловске в 1910 г. 451
Извлечение из статьи П. Мудролюбова «На Камчатке», 1911 г. 451
Из «Записки о современном экономическом положении Камчатки и роль Добровольного флота как посредника в сообщениях Камчатки с Россией» В. Ю. Медзыховского, 1911 г. 452
Устав общедоступной библиотеки-читальни, утверждённый исправляющим должность губернатора Камчатской области В. В. Перфильевым 7 апреля 1911 г. 468

Обращение академика князя Б. Б. Голицына к камчатскому губернатору о создании в Петропавловске первой сейсмической станции, 11 апреля 1911 г. 471
Протокол общего собрания Петропавловского литературно-музыкально-драматического общества от 4 декабря 1911 г. 472
Об отпуске 10 000 руб. на устройство колёсной дороги от Петропавловска до селения Большерецк, 2 апреля 1912 г. 474
Справочные цены на рабочую силу по г. Петропавловску за август и сентябрь 1912 г. (руб. в день) 478
Врач Л. М. Старокадомский о посещении Петропавловска ледокольным пароходом «Таймыр» в 1910—1914 гг. 478
Перемены в порту Петропавловска. Сообщение заведующего портовыми изысканиями в Тихом океане Г. Л. Фаермана, 21 августа 1913 г. 483
Обращение губернатора Камчатской к области Петропавловскому уездному начальнику, 24 января 1914 г. 485
Объяснительная записка вице-губернатору Камчатской области инспектора Петропавловского высшего начального училища Е. И. Севастьянова от 20 апреля 1914 г. 486
Журнал комитета Петропавловского драматического общества от 20 мая 1914 г. 496
Список первых короткометражных кинокартин, показывавшихся в Петропавловске в 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны 498
Обращение губернатора Камчатской области Н. В. Мономахова к населению Петропавловска, 1 августа 1914 г. 500
Сообщение камчатского областного инженера председателю Центральной сейсмической комиссии при Императорской Академии наук от ноября 1914 г. 500
Протокол заседания членов комитета Петропавловского литературно-драматического общества от 18 декабря 1914 г. 501
Сообщение начальника Приамурского почтово-телеграфного округа от 9 июня 1915 г. 501
Протокол заседания комиссии по надзору за ходом торговли в Петропавловске от 7 апреля 1916 г. 501
Газетное сообщение о начале благоустройства города, октябрь 1916 г. 502
Приказ губернатора Камчатской области 11 октября 1916 г. 502

Научно-популярное издание

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОПАВЛОВСК
(1740—1916)

Серия «Из фондов музея»

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Корректор Л. В. Орлова
Макет, вёрстка С. В. Гаврилова
Дизайн обложки О. И. Набутовской

Подписано в печать 13.09.2020.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 32,1.
Тираж 500. Заказ № 157.

ООО Холдинговая компания «Новая книга».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК "Дальпресс"».
690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10